Журнал по юриспруденции

Вопросы российского и международного права

Том 16, № 8А, 2026.

С. 1-464.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Law Journal

Matters of Russian and International Law

August 2026, Volume 16, Issue 8A.

Pages 1-464.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Вопросы российского и международного права»
Том 16, № 8А, 2026

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Керимов Александр Джангирович – доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5), профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник ***Института государства и права Российской академии наук*** – главный редактор журнала.

Исаенкова Оксана Владимировна – доктор юридических наук (5.1.3), профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующая кафедрой гражданского процесса, ***Саратовская государственная юридическая академия*** – заместитель главного редактора журнала.

Журкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук (5.1.4), заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, ***Оренбургский государственный университет*** – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4).

В журнале рассматриваются актуальные проблемы теории и практики российского, зарубежного и международного права. Освещаются дискуссионные вопросы теоретико-исторических, государственно-правовых, цивилистических, уголовно-правовых и международно-правовых наук. Предлагаются к обсуждению оригинальные концепции и современные трактовки правовых теорий, проводится анализ нормативно-правовых актов и практики их применения. Формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в области публичного и частного права.

Авторами материалов, представленных в журнале, являются руководители и ведущие специалисты государственных органов и коммерческих организаций, российские и зарубежные ученые, занимающиеся различными областями юридической науки и практики, а также аспиранты и докторанты.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Вопросы российского и международного права» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	А.Д. Керимов, доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5)
Заместитель главного редактора	О.В. Исаенкова, доктор юридических наук (5.1.3)
Заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4)	О.В. Журкина, кандидат юридических наук (5.1.4)
Научный редактор и переводчик	А.А. Маркова
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142412, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с мая 2011 г.
Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43670 от 24.01.2011.
ISSN 2222-5129.
Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «АНАЛИТИКА РОДИС».
Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»: **42934** «Вопросы российского и международного права».
Цена договорная. Печ. л. 60. Формат 60x90/8.
Дата выхода в свет: 30.12.2026.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 5237.
Отпечатано в типографии «Книга по Требованию».
127918, Москва, Сущевский вал, 49.

"Matters of Russian and International Law"
August 2026, Volume 16, Issue 8A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5), Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the ***Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*** (Russia) – editor-in-chief.

Isaenkova Oksana Vladimirovna – Doctor of Law (5.1.3), Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, ***Saratov State Law Academy*** (Russia) – deputy editor-in-chief.

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – PhD in Law (5.1.4), Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, ***Orenburg State University*** (Russia) – deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences".

The journal publishes articles on topical problems of the theory and practice of Russian, foreign and international law. The articles deal with controversial issues of theoretical and historical, state legal, civilistic, criminal legal and international legal sciences. The authors propose original concepts and modern interpretations of legal theories for discussion, carry out an analysis of normative legal acts and the practice of their application and formulate scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improving legislation and law enforcement practice in the field of public and private law.

The authors of the submitted materials are chief executives and leading experts of government bodies and commercial organizations, Russian and foreign scholars working in different fields of legal science and practice, as well as postgraduate and doctoral students.

The views and opinions of the publisher do not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Matters of Russian and International Law" ("*Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	A.D. Kerimov, Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5)
Deputy editor-in-chief	O.V. Isaenkova, Doctor of Law (5.1.3)
Deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences"	O.V. Zhurkina, PhD in Law (5.1.4)
Science editor and translator	A.A. Markova
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142412, 7 Rogozhskaya str., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since May 2011.
The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Mass media registration certificate: PI No. FS77-43670 of 24.01.2011.
ISSN 2222-5129.
Founder and Publisher: Limited liability company "ANALITIKA RODIS".
Subscription index of the Catalog of periodicals "Ural-Press": **42934** "Matters of Russian and International Law".
Contract price. 60 printed sheets. Format 60x90/8.
Date of release: 30.12.2026.
Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 5237.
Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.
P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, кандидат философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (РТА); профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Ассоциации юридических вузов, Президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, профессор Московского университета им. С.Ю. Витте, Иностранный член Академии наук Абхазии, главный научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, помощник начальника по инновационному развитию научной деятельности, ФГКОУ ВО Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Клименко Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор, Начальник кафедры теории государства и права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Станкевич Зигмунд Антонович – доктор юридических наук, действительный член (академик) Российской академии социальных наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, советник президента Коллегии адвокатов г. Москвы «ТАМИР».

Юрьев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, председатель московской коллегии адвокатов "Межрегион", профессор кафедры международного права и публично-правовых дисциплин, Российская академия адвокатуры и нотариата.

по направлению: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Винокуров Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах), Университет прокуратуры Российской Федерации.

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Осинцев Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Уральский юридический институт МВД России.

Рождественская Татьяна Эдуардовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Садовникова Галина Дмитриевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права, Университет им. О.Е. Кутафина (Московская государственная юридическая академия).

Черкасов Константин Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

по направлению: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Батрова Татьяна Александровна – доктор юридических наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права.

Боголюбов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом экологического и аграрного законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Вершило Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права, Российский государственный университет правосудия.

Головина Светлана Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права, Уральский государственный университет им. В.Ф. Яковлева, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Землякова Галина Леонидовна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Исаенкова Оксана Владимировна – заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующий кафедрой гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Прасолов Борис Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин., Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина.

Соловьева Татьяна Владимировна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права, Институт права, Башкирский государственный университет, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почётный работник высшего профессионального образования РФ.

Хныкин Геннадий Валентинович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права, МГУ им. М.В. Ломоносова.

по направлению 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Астанин Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом законодательства и сравнительного права интеллектуальной собственности, Республиканский научно-исследовательский институт интеллектуальной собственности.

Волосова Нонна Юрьевна – доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, Оренбургский государственный университет.

Горшенков Геннадий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания России».

Дуюнов Владимир Кузьмич – доктор юридических наук, профессор, Профессор кафедры «Уголовное право и процесс» ФГБОУ «Тольяттинский государственный университет».

Егоров Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, юридический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Журкина Ольга Вячеславовна – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4), кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Оренбургский государственный университет.

Захарцев Сергей Иванович – доктор юридических наук, доцент, советник генерального директора, рейтинговое агентство «Эксперт-РА».

Исламова Эльнара Рафисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Кардашевская Марина Владимировна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Литвинов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент.

Моисеева Татьяна Федоровна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики, Российский государственный университет правосудия.

Нестеров Анатолий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский федеральный центр судебной экспертизы.

по направлению: 5.1.5. Международно-правовые науки

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Павлов Павел Владимирович – доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятия, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет.

Садыкова Эльмира Ленаровна – кандидат юридических наук («Международное право; Европейское право»), доктор политических наук («Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»), профессор, исполнительный директор, Фонд содействия стратегическому диалогу и партнерству.

Шумилов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ.

Энтин Марк Львович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Editorial Board

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

Al'bov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, PhD in Philosophy, Professor, Professor at the Department of the theory and history of state and law, Russian Customs Academy, Professor at the All-Russian State University of Justice (Russia).

Baburin Sergei Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, President of the Association of Law Universities, President of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture, foreign member of the Academy of Sciences of Abkhazia, Professor at Moscow Witte University, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Baranov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Assistant to the Rector for Innovative Development of Scientific Activities, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Klimenko Aleksei Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the theory of state and law, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Stankevich Sigmund Antonovich – Doctor of Law, Full Member (Academician) of the Russian Academy of Social Sciences, Full State Councilor of the Russian Federation (the 3rd class), Advisor to the President of the Moscow Bar Association "TAMIR" (Russia).

Yur'ev Sergei Sergeevich – Doctor of Law, Professor, President of the Moscow Bar Association "Mezhregion", Professor at the Department of international law and public law disciplines, Russian Academy of Lawyers and Notaries (Russia).

5.1.2. Public legal (state legal) sciences

Vinokurov Aleksandr Yur'evich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of international cooperation in the field of public prosecutors' activities, ensuring representation and protection of the interests of the Russian Federation in interstate bodies, foreign and international (interstate) courts, foreign and international courts of arbitration (commercial courts), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Osintsev Dmitrii Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of administrative law and administrative activities of internal affairs bodies, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Rozhdestvenskaya Tat'yana Eduardovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of financial law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Sadovnikova Galina Dmitrievna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of constitutional and municipal law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Cherkasov Konstantin Valer'evich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of constitutional and administrative law, All-Russian State University of Justice (Russia).

5.1.3. Private legal (civilistic) sciences

Batrova Tat'yana Aleksandrovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil and business law, All-Russian State University of Justice (Russia).

Bogolyubov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of environmental and agrarian legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Russia).

Vershilo Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of land and environmental law, Russian State University of Justice (Russia).

Golovina Svetlana Yur'yevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of labor law, Ural State Law University (Russia).

Zemlyakova Galina Leonidovna – Doctor of Law, Docent, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Isaenkova Oksana Vladimirovna – Deputy Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Prasolov Boris Vladimirovich – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of civil law disciplines, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (Russia).

Solov'eva Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of civil law, Bashkir State University (Russia).

Khnykin Gennadii Valentinovich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of labor law, Lomonosov Moscow State University (Russia).

5.1.4. Criminal legal sciences

Astanin Viktor Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of legislation and comparative intellectual property law, Republican Scientific Research Institute of Intellectual Property (Russia).

Volosova Nonna Yur'evna – Doctor of Law, Docent, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of criminal law, Orenburg State University (Russia).

Gorshenkov Gennadii Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia).

Grigor'ev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Russia).

Duyunov Vladimir Kuz'mich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Togliatti State University (Russia).

Egorov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – Deputy Chief Editor at the area of "5.1.4. Criminal legal sciences", PhD in Law, Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, Orenburg State University (Russia).

Zakhartsev Sergei Ivanovich – Doctor of Law, Docent, Advisor to the CEO, Expert RA rating agency (Russia).

Islamova El'nara Rafisovna – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of public prosecutors' supervision and participation of public prosecutors in criminal, civil and commercial proceedings, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kardashevskaya Marina Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Litvinov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent (Russia).

Moiseeva Tat'yana Fedorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of forensic examinations and forensic science, Russian State University of Justice (Russia).

Nesterov Anatolii Vasil'evich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Russian Federal Center of Forensic Science (Russia).

5.1.5. International legal sciences

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Pavlov Pavel Vladimirovich – Doctor of Law, Doctor of Economics, Professor, Professor at the Department of enterprise economics, Southern Federal University (Russia).

Sadykova El'mira Lenarovna – PhD in Law ("International Law; European Law"), Doctor of Political Science ("Political Problems of International Relations, Global and Regional Development"), Professor, Executive Director, Foundation for the Promotion of Strategic Dialogue and Partnership (Russia).

Shumilov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of international law, Russian Foreign Trade Academy (Russia).

Entin Mark L'vovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of European law, MGIMO University (Russia).

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

Захарченко Владимир Владимирович
Историография и аксиология возникновения философско-правовой концепции «враг государства» (враг народа) 9

Ваниев Эльдар Серверович
Правовое регулирование экономических отношений в г. Бахчисарае в 1878–1883 гг. (на основе архивных материалов) 16

Кучин Никита Сергеевич
Системная онтология (юридическая научная картина мира) и методология теоретико-правового познания «права» и «государства» профессора М.И. Байтина 30

Алюков Илья Денисович
Публично-правовые механизмы технического надзора в Российской империи: историко-правовой анализ в области мебельной продукции 38

Гогиев Хазбулат Магомедович
Основные направления деятельности НКВД РСФСР по управлению местным хозяйством в период 1917–1921 гг. 57

Маркова Анна-Мария Александровна
Теоретико-методологический потенциал категории «источник права» для современной юридической компаративистики 70

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Золотько Павел Сергеевич
3D модель как вид цифрового доказательства в процессе производства по делу об административном правонарушении 79

Носенко Андрей Юрьевич
Конституционный принцип равенства как гарантия защиты прав предпринимателей в ПМР и РФ 88

Алексеева Марина Владимировна
Комоцкий Роман Игоревич
Цифровой профиль гражданина Российской Федерации: правовая природа и пределы государственного контроля 98

Лобченко Людмила Николаевна
Комиссарова Юлия Сергеевна
Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе: проблемы правового регулирования и внедрения презумпции личной заинтересованности 108

Полтев Николай Юрьевич
Обеспечение юридической значимости и информационной безопасности цифровых правовых актов в отсутствие бумажного подлинника 119

Полтев Николай Юрьевич
Нормативно-правовое регулирование применения искусственного интеллекта в правотворческом процессе Российской Федерации.....129

Попова Евгения Александровна
Попов Артём Анатольевич
Функционально-правовой анализ реестра контролируемых лиц как цифрового учётно-аналитического инструмента регулирования и государственного контроля за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации.....138

Макушев Дмитрий Иванович
Некоторые аспекты реализации прокурором надзорных полномочий в производстве по делам об административных правонарушениях 148

Манаширов Эльдар Соломонович
Совершенствование законодательных механизмов формирования правовой грамотности обучающихся в системе общего образования Российской Федерации 157

Докучаева Елизавета Владимировна
Проблемы международного сотрудничества органов прокуратуры при выдаче лиц для привлечения к уголовной ответственности 167

Частно-правовые (цивилистические) науки

Степанова Евгения Игоревна
Классификация фондов по законодательству Российской Федерации 176

Матвеенко Андрей Сергеевич
К вопросу о двойственной природе патентных споров 184

Басова Полина Сергеевна
Основания заключения срочных трудовых договоров в отдельных странах БРИКС....193

Дружинин Евгений Сергеевич
Правовое обеспечение документарного финансово-экономического исследования корпоративных рисков: на примере арендной организации 202

Воробьев Андрей Васильевич
Особенности правового регулирования при определении объема тепловой энергии, потребляемой нежилыми помещениями в многоквартирном доме 210

Косинов Владислав Владимирович
Критерии дифференциации досудебного (претензионного) порядка в корпоративных спорах 218

Игошин Сергей Евгеньевич
Фактическая возможность согласования договорных условий как условие применения пункта 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в предпринимательских отношениях 230

Рейдель Леонид Бенценович
Дегтярев Егор Владимирович
Развитие законодательства о защите интеллектуальной собственности в зарубежных странах....241

Журкина Ольга Вячеславовна
Проблемы защиты прав потребителей при покупках товаров на маркетплейсах 249

Кебетова Диана Алановна
Правовое регулирование интернет-торговли с участием искусственного интеллекта....255

Кебетова Диана Алановна
Правовые проблемы применения искусственного интеллекта в отношениях, возникающих в сфере интернет-торговли 260

Тучина Ольга Александровна
Гражданская правосубъектность: понятие, правовая природа и система факторов, влияющих на возможность её ограничения....267

Андриевский Константин Витальевич
Правовой режим оборота драгоценных металлов и камней в Российской Федерации 274

Шаряпова Эмма Алексеевна
Привалов Владимир Александрович
Перспективы развития Росреестра на основе блокчейн-технологий 282

Мазарович Георгий Олегович
Допустимость применения иска о признании права аренды отсутствующим: подходы судебной практики 291

Уголовно-правовые науки

Малахова Анастасия Алексеевна
Проблемы розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда.....297

Лонщакова Анжелла Рашитовна
Специальные принципы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений 305

Серов Никита Геннадьевич
Адвокат как субъект преступления о разглашении данных предварительного следствия 314

Милаева Майя Юрьевна
Соколов Максим Юрьевич
Взрывотехническая экспертиза в механизме противодействия преступлениям: современные вызовы и пути совершенствования 323

Шикула Ильмира Рифкатьевна
Смоляр Максим Борисович
Специфика мошенничества с использованием электронных средств платежа 334

Климов Платон Ильич
Соотношение ст. 207.3 УК РФ с принципом справедливости.....341

Филиппова Елена Олеговна
Криминологические аспекты коррупции.....350

Балаш Екатерина Дмитриевна
Позитивное стимулирование осуждённых к исправительным работам: нормативная асимметрия и направления совершенствования 356

Ерофеева Екатерина Андреевна
Слабкая Диана Николаевна
Влияние кризиса профессиональной идентичности на психоэмоциональное состояние осужденных женщин – бывших работников правоохранительных органов 365

Новиков Алексей Валерьевич
Зарубежный пенитенциарный опыт в вопросах прогнозирования повторных преступлений 374

Новиков Алексей Валерьевич
Лебешев Иван Сергеевич
Шульц Евгений Вячеславович
Уголовно-правовая характеристика осужденных-рецидивистов: сравнительный анализ 383

Майстренко Анна Григорьевна
Майстренко Григорий Александрович
Взаимосвязь криминалистики и социально значимых болезней российского общества.....394

Гамаюнов Сергей Сергеевич
Построение санкций за посягательство на жизнь «специальных» потерпевших в ст. 277, 295, 317 УК РФ 400

Слабкая Диана Николаевна
К вопросу применения дисциплинарных взысканий к злостным нарушителям режима отбывания наказания 407

Шкабин Геннадий Сергеевич
Эволюция моделей уголовной ответственности за уклонение от отбывания наказания: опыт законодательных реформ России и Республики Беларусь 414

Углова Евгения Анатольевна
Последствия экоцида: экологические, социальные, экономические и политические аспекты 423

Международно-правовые науки

Романович Елизавета Павловна
Коллизии интересов государств в вопросах полярного судоходства 433

Воробьева Анастасия Александровна
Таможенное право ЕАЭС: процедуры, пошлины, составы правонарушений и их последствия 440

Воробьева Анастасия Александровна
Разграничение материально-правового и административно-деликтного регулирования в таможенном праве ЕАЭС 448

Башкин Игорь Владимирович
Пределы регуляторного суверенитета государств и транснациональных акторов в формировании глобального режима кибербезопасности 456

Contents

Theoretical and historical legal sciences

Vladimir V. Zakharchenko
Historiography and Axiology of the Emergence of the Philosophical-Legal Concept of the "Enemy of the State" (Enemy of the People) 9

El'dar S. Vaniev
Legal Regulation of Economic Relations in Bakhchisarai in 1878–1883 (Based on Archival Materials) 16

Nikita S. Kuchin
Systemic Ontology (the Legal Scientific Picture of the World) and the Methodology of Theoretical-Legal Cognition of "Law" and "State" by Professor M.I. Baytin 30

Il'ya D. Alyukov
Public-Law Mechanisms of Technical Supervision in the Russian Empire: A Historical-Legal Analysis in the Field of Furniture Products 38

Khazbulat M. Gogiev
Main Directions of the Activity of the NKVD of the RSFSR in Managing Local Economy in the Period of 1917–1921 57

Anna-Mariya A. Markova
Theoretical and Methodological Potential of the Category "Source of Law" for Contemporary Legal Comparative Studies 70

Public law (state and law) sciences

Pavel S. Zolot'ko
3D Model as a Type of Digital Evidence in the Course of Proceedings in a Case of an Administrative Offense..... 79

Andrei Yu. Nosenko
The Constitutional Principle of Equality as a Guarantee of the Protection of Entrepreneurs' Rights in the PMR and the RF..... 88

Marina V. Alekseeva
Roman I. Komotskii
Digital Profile of a Citizen of the Russian Federation: Legal Nature and Limits of State Control 98

Lyudmila N. Lobchenko
Yuliya S. Komissarova
Conflict of Interest in State and Municipal Service: Problems of Legal Regulation and Introduction of the Presumption of Personal Interest.....108

Nikolai Yu. Poltev
Ensuring the Legal Validity and Information Security of Digital Legal Acts in the Absence of a Paper Original.....119

Nikolai Yu. Poltev
Regulatory and Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence in the Law-Making Process of the Russian Federation 129

Evgeniya A. Popova
Artem A. Popov
Functional and Legal Analysis of the Register of Controlled Persons as a Digital Accounting and Analytical Tool for the Regulation and State Control over the Stay of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation.....138

Dmitrii I. Makushev
Certain Aspects of the Prosecutor's Exercise of Supervisory Powers in Proceedings on Cases of Administrative Offenses 148

El'dar S. Manashirov
Improving Legislative Mechanisms for the Formation of Legal Literacy of Students in the General Education System of the Russian Federation 157

Elizaveta V. Dokuchaeva
Problems of International Cooperation of Prosecution Authorities in the Extradition of Persons for Criminal Prosecution 167

Private law (civilistic) sciences

Evgeniya I. Stepanova
Classification of Funds under the Legislation of the Russian Federation 176

Andrei S. Matveenko
On the Dual Nature of Patent Disputes 184

Polina S. Basova
Grounds for Concluding Fixed-Term Employment Contracts in Selected BRICS Countries 193

Evgenii S. Druzhinin
Legal Support of Documentary Financial and Economic Research of Corporate Risks: On the Example of a Leasing Organization 202

Andrei V. Vorob'ev
Peculiarities of Legal Regulation in Determining the Volume of Thermal Energy Consumed by Non-Residential Premises in an Apartment Building 210

Vladislav V. Kosinov
Criteria for Differentiating the Pre-Trial (Claim) Procedure in Corporate Disputes 218

Sergei E. Igoshin
The Actual Possibility of Agreeing on Contractual Terms as a Condition for Applying Paragraph 3 of Article 428 of the Civil Code of the Russian Federation in Entrepreneurial Relations 230

Leonid B. Reidel'
Egor V. Degtyarev
Development of Legislation on the Protection of Intellectual Property in Foreign Countries 241

Ol'ga V. Zhurkina
Problems of Consumer Rights Protection When Purchasing Goods on Marketplaces 249

Diana A. Kebetova
Legal Regulation of Internet Trade with the Participation of Artificial Intelligence 255

Diana A. Kebetova
Legal Problems of Applying Artificial Intelligence in Relations Arising in the Sphere of Internet Trade 260

Ol'ga A. Tuchina
Civil Legal Personality: Concept, Legal Nature and System of Factors Influencing the Possibility of Its Restriction 267

Konstantin V. Andrievskii
Legal Regime of the Circulation of Precious Metals and Stones in the Russian Federation 274

Emma A. Sharyapova
Vladimir A. Privalov
Prospects for the Development of Rosreestr on the Basis of Blockchain Technologies 282

Georgii O. Mazarovich
Admissibility of Applying a Claim for Recognizing the Right of Lease as Absent: Approaches of Judicial Practice 291

Criminal law sciences

Anastasiya A. Malakhova
Problems of Searching for Persons Hiding from Bodies of Inquiry, Investigation and Court 297

Anzhella R. Lonshchakova
Special Principles of Forensic Support for Crime Prevention 305

Nikita G. Serov
Attorney as the Subject of the Crime of Disclosing Preliminary Investigation Data 314

Maiya Yu. Milaeva
Maksim Yu. Sokolov
Forensic Explosive Examination in the Mechanism of Counteracting Crimes: Modern Challenges and Ways of Improvement 323

Il'mira R. Shikula
Maksim B. Smolyar
Specifics of Fraud Using Electronic Means of Payment 334

Platon I. Klimov
The Relationship of Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation with the Principle of Justice 341

Elena O. Filippova
Criminological Aspects of Corruption 350

Ekaterina D. Balash
Positive Incentivization of Persons Sentenced to Corrective Labor: Normative Asymmetry and Directions for Improvement 356

Ekaterina A. Erofeeva
Diana N. Slabkaya
The Impact of the Professional Identity Crisis on the Psycho-Emotional State of Convicted Women – Former Law Enforcement Officers 365

Aleksei V. Novikov
Foreign Penitentiary Experience in Predicting Repeat Offenses 374

Aleksei V. Novikov
Ivan S. Lebeshev
Evgenii V. Shul'ts
Criminal-Law Characteristics of Recidivist Convicts: A Comparative Analysis 383

Anna G. Maistrenko
Grigorii A. Maistrenko
The Relationship Between Criminalistics and Socially Significant Diseases of Russian Society 394

Sergei S. Gamayunov
Construction of Sanctions for Encroachment on the Life of "Special" Victims under Articles 277, 295, 317 of the Criminal Code of the Russian Federation 400

Diana N. Slabkaya
On the Application of Disciplinary Sanctions to Malicious Violators of the Regime of Serving a Sentence 407

Gennadii S. Shkabin
Evolution of Models of Criminal Liability for Evasion of Serving a Sentence: The Experience of Legislative Reforms in Russia and the Republic of Belarus 414

Evgeniya A. Uglova
Consequences of Ecocide: Environmental, Social, Economic and Political Aspects 423

International legal sciences

Elizaveta P. Romanovich
Conflicts of State Interests in Matters of Polar Navigation 433

Anastasiya A. Vorob'eva
EAEU Customs Law: Procedures, Duties, Elements of Offenses and Their Consequences 440

Anastasiya A. Vorob'eva
Distinction Between Substantive-Legal and Administrative-Delict Regulation in the Customs Law of the EAEU.....448

Igor' V. Bashkin
The Limits of Regulatory Sovereignty of States and Transnational Actors in Shaping the Global Cybersecurity Regime 456

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 340.12 **DOI: 10.34670/AR.2026.97.32.001**

Историография и аксиология возникновения философско-правовой концепции «враг государства» (враг народа)

Захарченко Владимир Владимирович

Независимый исследователь,
220030, Республика Беларусь, Минск, ул. Интернациональная, 21;
e-mail: vladimir_bee@mail.ru

Аннотация

Концепция «врага государства» на протяжении веков выступала правовым инструментом, призванным защищать общественный порядок, однако её применение неизбежно порождало фундаментальную дилемму между обеспечением коллективной безопасности и сохранением индивидуальных свобод. Эта антиномия особенно остро проявляется в современную эпоху, когда традиционные критерии враждебности трансформируются под влиянием глобальных угроз и гуманизации права. По сути, существующая концепция «враг государства» является «фармаконом», способным как излечить общество от тяжкой болезни, предотвратив смерть, так и убить его, в зависимости от дозы. В статье анализируются исторические этапы эволюции института от Рима до современных антитеррористических законов, а также три ключевых параметра, определяющих безопасную дозировку: чёткие временные ограничения, привязка статуса к конкретным противоправным действиям, а не к личности, и обязательный независимый судебный надзор, включая возможность пересмотра. Особо рассматривается опасность перманентного чрезвычайного положения, которое, как показывает история, ведёт к эрозии прав и массовым репрессиям. В условиях появления негосударственных акторов и киберугроз традиционные критерии становятся неэффективными, поэтому предлагается дополнить их принципом соразмерности и оценки реальной опасности. В заключение обосновывается, что легитимность концепции зависит от наличия механизмов реабилитации ошибочно осуждённых, без которых она становится ядом.

Для цитирования в научных исследованиях

Захарченко В.В. Историография и аксиология возникновения философско-правовой концепции «враг государства» (враг народа) // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 9-15. DOI: 10.34670/AR.2026.97.32.001

Ключевые слова

Атимия, «враг народа», «hostis publicus», «гражданская смерть», «homo sacer», чрезвычайное право, национальная безопасность, историография права.

Введение

Философско-правовые истоки концепции восходят к античности, где в трудах Платона и Аристотеля сформировались первые представления о враждебности к полису как угрозе всего общественного блага. Существующий в те годы институт атимии порождал понятие гражданской смерти человека. Последствия которой носили изоляционный характер и при этом не воспринимались и законодательством Солона, и моральными критериями граждан в их правосознании как уголовное наказание за нарушение норм общественного поведения. То есть происходило обособление члена общества от самой общественной конструкции. Это был «акт позора» в результате осквернения общественной добродетели. Путем ссылки на не обитаемый остров и лишения всех благ, получаемых от государства гражданином. Как служба в кавалерии, избирательное право, право получать судебную защиту, права посещения Храма и Агоры. Акт являлся временным и отменялся общим собранием граждан (Эклессией). Создание Солоном данного политико-правового института было обусловлено результатом нескольких заговоров олигархов и последующих восстаний граждан против рабства и соответственно ипотеки. Что привело к устранению первопричин и провозглашению Салона величайшим мудрецом. [Медовичев, 2008]

Основная часть

Раннее древнеримское право, хоть и не являлось полноценным продолжателем полисного права, однако заимствовало его философский концепт общественного устройства и соответственно общественной безопасности. Так в законе XII Таблиц возник правовой статус «homo sacer» что в буквальном переводе означало «святой», однако, если внимательно читать толкование Секста Помпея Феста в изложении Павла Диакона, то смысловое значение изменяется от «святого» в нашем миропонимании, до человека, которого нельзя принести в жертву богам, как преступника [Павлов, 2019 с.120]. Человек отнесенный к «homo sacer» являлся общественным отчуждением. Его убийство поощрялось, но не как преступника, а как человека, низвергнувшего общественные ценности. Так Д. Агамбен сравнивая аксиологию понятия «homo sacer» современниками Секста Помпея и современными, пишет, что «Преследуемый нацистами еврей…..являя собой, таким образом, образец homo sacer» [Агамбен, 2011. С. 149]

Римское право институционализировало различие между внешним врагом (hostis) и внутренним противником, оппонентом (inimicus), заложив основы юридической квалификации действий против государственных устоев. Эти античные конструкции не только отражали социально-политические реалии своего времени, но и создали новую юридическую доктрину hostis publicus (враг народа), как концептуальный фундамент для последующего развития правовой мысли. [Саллюстий Крисп, 1981, с. 19, 111]. Цицерон, философски обосновавший политико-правовой институт «враг народа» и вообще чрезвычайное право. В своих речах по делу о заговоре Катилины, упоминал в качестве антигосударственных деяний желание прощения долгов бедноте, ликвидации рабства, убийства магистратов, экспроприация имущества богатых, сговор с варварами для захвата Рима и личную распущенность и коррупцию. Именно совокупность самого существа идей и действий Катилины стали предметом слушания в Сенате. В итоге, изобличения Цицерона привели к ликвидации

законности следствия и наделения Цицерона Сенатом чрезвычайными полномочиями для сохранения существующей конструкции государства.

В средневековой Европе произошла радикальная трансформация понятия «враг государства» через синтез канонического права и феодальных отношений. Религиозная ересь стала отождествляться с государственной изменой, что позволило церковным и светским властям расширить репрессивные полномочия под предлогом защиты как веры, так и политического порядка. Инквизиционные процессы демонстрируют, как теологическая доктрина влияла на правовые механизмы идентификации враждебных элементов. Феодальная система дополнила эту концепцию акцентом личной верности сюзерену, где нарушение вассальной клятвы приравнивалось к предательству государственных интересов. Такое слияние религиозных и светских критериев создало прецедент для широкого толкования понятия, что нередко вело к его инструментальному использованию в политической борьбе. Эти средневековые практики заложили основы для современных представлений о государственной измене. [Берман, 1998; Лысенко, 2013] По моему глубокому убеждению аутодафе в аксиологическом смысле являлось конструктом отделения «мира зла» от «мира добра» посредством предания человека «гиене огненной». Ведьма не представляла собой преступника. Она являлась чужеродным элементом в христианском обществе. Где мерилом общественной полезности являлась глубина христианизации человека. И ведьма, в представлениях теологов перемещалась из мира добрых христиан в мир вечного зла. А огонь выполнял функцию естественной обители мира зла, а не очищения души (катарсис), как утверждали советские аксиологи. Однако они упускали обязательную «дамнацию мемори» после акта аутодафе. То есть уничтожение памяти о ведьме. Полную аннигиляцию личности. То есть в восприятии современников происходило полное перемещение личности из мира добра в мир зла.

Позднее, политико-правовая концепция «Враг народа» широко применялась во всех революциях и национально-освободительных движениях после Реформации в Европе, и в период упадка Святого Рима. Особенно ярко проявилась в период Великой Французской Революции, в Венгрии «Весна народов» и Революции в Англии 1649 г. И тут хотелось бы отметить возникновение раздела уголовного права как преступления против национальной безопасности. Возникло наказание, которого ранее в праве не наблюдалось. Наказание, применяемое с целью предотвращения аналогичного преступления. В котором тяжесть наказания обуславливалась страхом общества и структур управления перед действием виновного по изменению общественных ценностей или созданию новой формы государственного устройства. Зачастую тяжкие криминальные деяния наказывались менее жестоко, чем деяния «врага народа».

В Руси, Московском Царстве наблюдались похожие на европейские правовые процессы. Иногда более активные, иногда менее активные. Апогеем можно назвать Земский Собор 1549 года, когда Иван IV обозначил «грозу» государственному устройству в виде сепаратизма и коррупции. Что привело к обоснованию опричнины. Но даже введение судебника 1550 г. Не привело к формализации «гражданской смерти». А исходило только из понимания опасности проступка для власти. Решения носили эмоциональный, волюнтаристский характер.

В дальнейшем институт атимии применялся в Российкой Империи тем же традиционным путем. И изменения произошли после Восстания Декабристов 1825 г. Был учрежден чрезвычайный суд, введено 11 норм преступлений и процедурное положение. В 1832 г. Был принят Свод Законов Российской Империи, где были закреплены преступления против власти. (том XV). Там же формализовали «гражданскую казнь», примененную впоследствии в

отношении Чернышевского, Михайлова, Потанина и других разночинцев. Широко применяли ссылки и каторги в отношении «карбонариев», коими стали петрашевцы, предвосхитившие многие идеи Ленина.

В СССР, перед Великой Отечественной Войной вновь вышла в правовое поле конфликтность общественных мнений, подпитанная результатом Гражданской Войны и противоречивостью в формировании общественных установок, идей, навеянных Революцией. В Конституции СССР 1936 года, по философско-политической установке В.И. Ленина обосновавшего необходимость применения политико-правовой концепции «Враг народа». происходит формализация концепции «враг народа». Ведущими юристами страны происходит доктринализация концепции и в итоге юстинизируется в уголовном праве СССР.

Современное юридическое понимание концепции «врага государства» в США и Европе демонстрирует противоречивые подходы к определению угроз национальной безопасности. Американская правовая система, опираясь на прецеденты Верховного суда и антитеррористическое законодательство, склонна к расширительной интерпретации понятия, особенно после событий 11 сентября 2001 года. Для этого Конгрессом США был принят Федеральный Закон США [2006 U.S. Code, Title 10] Формализовавшего понятие “lawful enemy combatant” (полнозаконный вражеский комбатант). Согласно которому субъект не имеет прав на юридическую или консульскую помощь, содержится под стражей бессрочно, не имеет права на судебную или международную защиту, не имеет статуса военнопленного. [Романовская, 2017] Европейская криминологическая мысль хоть и отвергала Доктрину Гюнтера Якобса (1985) «Feindstrafrecht» (вражеское уголовное право) как противоречащую принципам прав личности, однако в Германии продолжается использование отдельных его элементов. Как например концепт безопасности государства над виной (Prävention statt Sühne), выраженный в превентивном аресте. [Golser, 2020, с.68] В целом, же в Европе доминирует попытка баланса между мерами безопасности и защитой прав человека в рамках Европейской конвенции. В Великобритании существующий закон «Special Powers Act» 1922. Позволяющий пытки, бессрочное заключение, интернирование. Введение которого было оправдано решением ЕСПЧ (ECH-1978-S-001) пытки, бессрочное заключение служили методом борьбы с политической преступностью. А создание страданий не имело тяжких форм. Закон действует и ныне.

Что касается ареста 2 августа контразведкой Израиля российско-израильского журналиста, российского ученого- востоковеда Артема Кирпиченок, известного своей критикой сионистской политики Израиля, геноцида арабского населения, то согласно СМИ Израиля (12 и 5 каналы) к нему будут применено чрезвычайное законодательство.

Закон о чрезвычайных полномочиях (об арестах) регулирует так называемые «административные аресты» и задержания по соображениям национальной безопасности. Он позволяет удерживать граждан под стражей на длительный срок без официального предъявления обвинительного заключения в суде, если министр обороны или уполномоченные органы безопасности считают, что освобождение лица нанесёт ущерб безопасности государства. Согласно ранним публикациям того же Кирпиченка, известны случаи содержания граждан Израиля арабского происхождения до трёх лет.

Закон о борьбе с терроризмом от 2016 года позволяет изолировать задержанного и временно запретить ему встречу с адвокатом с возможностью продления судом до 21 дня. Сам процесс доказывания виновности обвиняемого позволяет проводить закрытый процесс с рассмотрением судом секретных, агентурных доказательств виновности, к которым ни защита, ни обвиняемый не имеют допуска. На момент 11 августа сего года адвокат к Кирпиченку допущен не был.

Министерство иностранных дел Российской Федерации не имеет возможности получить никаких сведений о нём.

Глобальные вызовы, такие как международный терроризм и киберугрозы, требуют переосмысления традиционных категорий враждебности, что порождает новые правовые дилеммы. Различия в подходах к созданию безопасности отражают глубинные философские расхождения в понимании соотношения свободы и безопасности, уходящие корнями в разные правовые традиции. Различные идеологемы, обусловленные особенностями традиций и культур разных народов.

Принятая Европой концепция «диффузной атимии», как фильтр идей в общественном пространстве действенна, но только частично защищает общество от угроз.

Заключение

Размытость критериев идентификации «врагов государства» в XXI веке создаёт значительные риски злоупотреблений властью, проявляющиеся в необоснованных ограничениях гражданских свобод. Под предлогом борьбы с терроризмом и киберпреступностью государства нередко применяют чрезмерно широкие юридические конструкции, что ведёт к эрозии демократических принципов и свобод человека. Эта тенденция актуализирует вопрос о необходимости чётких правовых гарантий против произвольного использования доктрины «врага государства» или стыдливого замалчивания преступной цели. Это обстоятельство и многие другие актуализируют вопрос о переходе от создания отдельных норм, регулирующих взаимоотношения субъектов в период изменившейся среды действия права на создание целостного конструкта новой отрасли права как «чрезвычайного права» и его раздела как «чрезвычайное процессуальное право». На мой взгляд именно четкое выделение правовой среды применения обезопасит общество от произвола и сохранит существующий порядок в рамках избранной обществом иделогемы.

Библиография

1. Агамбен, Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Д. Агамбен ; науч. ред. Д. Новиков ; пер. с итал.: И. Левина [и др.]. – Москва : Европа, 2011. – 256 с.
2. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования = Law and revolution : пер. с англ. / Г. Дж. Берман. 2-е изд. – Москва : Изд-во Моск. ун-та : Инфра-М-Норма, 1998. – 622 с.
3. Веремеенко, В. М. Использование деструктивных технологий цветных революций в Республике Беларусь / В. М. Веремеенко, В. В. Кравец // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. – Могилев, 2024. – С. 185–189.
4. Лысенко, О. Л. Кутюмы Бовези в системе источников права средневековой Франции XIII в. / О. Л. Лысенко // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. – 2013. – № 1. – С. 62–86.
5. Медовичев, А. Е. Реф. кн. : Суриков И.Е. Остракизм в Афинах / РАН. Ин-т всеобщ. истории; Отв. ред. Маринович Л.П. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 640 с. – Библиогр.: с. 555–594. / А. Е. Медовичев // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5, История : реф. журн. – 2008. – № 3. – С. 33–39.
6. Новостное издание корпорации (ивр. יְדִיעוֹת) — газеты «Едиот ахронот» Yedioth Media Group Y-NET (Israel). – Тель-Авив, 1939–2026. – URL: https://www.ynet.co.il/news/article/bjtk7zdife
7. Павлов, А. А. Секст Помпей Фест. О значении слов. Избранные глоссы / А. А. Павлов // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. – 2019. – № 2. – С. 105–128.
8. Романовская, О. В. Акт о патриотизме: ограничение права на неприкосновенность частной жизни в США в целях противодействия терроризму / О. В. Романовская // Наука. Общество. Государство : электрон. науч. журн. – 2017. – Т. 5, № 2. – С. 10–16. – URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/romanovskaya_ov_17_2_02.pdf
9. Саллюстий Крисп, Г. Сочинения / Г. Саллюстий Крисп ; пер., ст. и коммент. В. О. Горенштейна. – Москва : Наука, 1981. – 220 с. – (Памятники исторической мысли).

Historiography and Axiology of the Emergence of the Philosophical-Legal Concept of the "Enemy of the State" (Enemy of the People)

Vladimir V. Zakharchenko

Independent Researcher,
220030, 21, Internatsional'naya str., Minsk, Republic of Belarus;
e-mail: vladimir_bee@mail.ru

Abstract

The concept of the "enemy of the state" has for centuries served as a legal instrument intended to protect public order, yet its application inevitably gave rise to a fundamental dilemma between ensuring collective security and preserving individual freedoms. This antinomy is especially acute in the modern era, when traditional criteria of hostility are transformed under the influence of global threats and the humanization of law. In essence, the existing concept of the "enemy of the state" is a "pharmakon" capable of both curing society of a grave illness, preventing death, and killing it, depending on the dose. The article analyzes the historical stages of the evolution of the institution from Rome to modern anti-terrorist laws, as well as three key parameters determining a safe dosage: clear temporal limitations, the attachment of status to specific unlawful actions rather than to the personality, and mandatory independent judicial supervision, including the possibility of review. The danger of a permanent state of emergency, which, as history shows, leads to the erosion of rights and mass repressions, is examined in particular. In the context of the emergence of non-state actors and cyber threats, traditional criteria become ineffective, and therefore it is proposed to supplement them with the principle of proportionality and assessment of real danger. In conclusion, it is substantiated that the legitimacy of the concept depends on the presence of mechanisms for the rehabilitation of the wrongly convicted, without which it becomes poison.

For citation

Zakharchenko V.V. (2026) Istoriografiya i aksiologiya vozniknoveniya filosofsko-pravovoy kontseptsii "vrag gosudarstva" (vrag naroda) [Historiography and Axiology of the Emergence of the Philosophical-Legal Concept of the "Enemy of the State" (Enemy of the People)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 9-15. DOI: 10.34670/AR.2026.97.32.001

Keywords

Atimia, "enemy of the people", "hostis publicus", "civil death", "homo sacer", emergency law, national security, historiography of law.

References

1. Agamben, D. (2011). *Homo sacer. Suverennaya vlast i golaya zhizn* [Homo sacer. Sovereign power and bare life]. Evropa.
2. Berman, G. Dzh. (1998). *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya = Law and revolution* [Western tradition of law: The era of formation]. Izd-vo Mosk. un-ta : Infra-M-Norma.
3. Lysenko, O. L. (2013). Kutyumy Bovezi v sisteme istochnikov prava srednevekovoy Frantsii XIII v. [The Coutumes de Beauvaisis in the system of sources of law in medieval France of the 13th century]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11, Pravo*, (1), 62–86.

4. Medovichev, A. E. (2008). Ref. kn.: Surikov I.E. Ostracism in Athens [Review of the book: Surikov I.E. Ostracism in Athens]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya 5, Istoriya*, (3), 33–39.
5. *Novostnoe izdanie korporatsii (ivr. יְדִיעוֹת) — gazety "Ediot akhronot" Yedioth Media Group Y-NET (Israel)* [News publication of the corporation — newspaper "Yedioth Ahronoth" Yedioth Media Group Y-NET (Israel)]. https://www.ynet.co.il/news/article/bjtk7zdife
6. Pavlov, A. A. (2019). Sekst Pompei Fest. O znachenii slov. Izbrannye gloss [Sextus Pompeius Festus. On the meaning of words. Selected glosses]. *Vestnik Syktyvkarskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnykh Nauk*, (2), 105–128.
7. Romanovskaya, O. V. (2017). Akt o patriotizme: ogranichenie prava na neprikosnovennost chastnoy zhizni v SShA v tselyakh protivodeystviya terrorizmu [The Patriot Act: Restriction of the right to privacy in the USA for the purpose of countering terrorism]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 5(2), 10–16. https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/romanovskaya_ov_17_2_02.pdf
8. Sallyustiy Krisp, G. (1981). *Sochineniya* [Works]. Nauka.
9. Veremeenko, V. M., & Kravets, V. V. (2024). Ispolzovanie destruktivnykh tekhnologiy tsvetnykh revolyutsiy v Respublike Belarus [The use of destructive technologies of color revolutions in the Republic of Belarus]. In I. A. Demidova (Ed.), *Pravovaya kultura v sovremennom obshchestve* [Legal culture in modern society] (pp. 185–189). Mogilev. in-t MVD Resp. Belarus.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 (477) (092) : 34.07 **DOI: 10.34670/AR.2026.84.80.002**

Правовое регулирование экономических отношений в г. Бахчисарае в 1878–1883 гг. (на основе архивных материалов)

Ваниев Эльдар Серверович

Кандидат юридических наук,
научный сотрудник отдела истории Крыма,
Научно-исследовательский институт
крымскотатарской филологии, истории и культуры,
Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова,
295015, Российская Федерация, Симферополь, переулок Учебный, 8;
e-mail: poyas-orion@mail.ru

Аннотация

На основе анализа архивных источников и нормативно-правовой базы исследуются основные аспекты экономической политики бахчисарайского местного самоуправления в период 1879–1883 гг. Установлено, что она носила многовекторный характер и охватывала различные сферы жизни города. Отмечено, что ей были присущи определённые недостатки, которые существенно не повлияли на эффективность работы органов местного самоуправления, что позволило получать стабильный ежегодный доход в городской бюджет.

Для цитирования в научных исследованиях

Ваниев Э.С. Правовое регулирование экономических отношений в г. Бахчисарае в 1878–1883 гг. (на основе архивных материалов) // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 16-29. DOI: 10.34670/AR.2026.84.80.002

Ключевые слова

Экономика, аренда, городской бюджет, торговля, местное самоуправление, правовое регулирование, налоговая политика.

Введение

В 1878 г. в г. Бахчисарае после вступления в силу Городового положения 1870 г., по результатам выборов были сформированы новые местные органы самоуправления: бахчисарайская городовая дума (далее – БГД) бахчисарайская городовая управа (далее – БГУ). БГУ являлась органом законодательной власти, а БГУ – исполнительной.

Правовое регулирование и формирование вектора развития экономических взаимоотношений в г. Бахчисарае входило в сферу компетенции БГУ. В соответствии со ст. 72 Городового положения 1870 г., на БГУ «возлагается непосредственное заведывание делами городского хозяйства и общественного управления» [Городовое Положение 1870 года, 1870]. БГУ осуществляла следующие направления экономической деятельности:

- сбор налогов;
- управление городскими землями;
- управление городской мясобойней;
- управление городской торговлей.

Основная часть

Эффективное осуществление налоговой политики являлось одним из важнейших элементов экономической деятельности бахчисарайского местного самоуправления. С. Ю. Витте, указал, что «государство, обладая правом отчуждать в свою пользу посредством налогов некоторую долю имущества частных лиц, должно руководствоваться в своей налоговой политике определенными этическими и экономическими началами; в противном случае, отягчая население несправедливыми и непосильными сборами, оно подрывало бы самый смысл и разумное основание своего существования» [Витте, 1960, с. 304].

Установление и сбор налогов проводились на основании Устава о податях 1857 г. Их целью являлась «реализация финансового контроля со стороны общеимперской финансово-контрольной структуры» [Упоров, 2022, с. 113]. Остановимся немного на характеристике этого нормативного акта.

С юридико-технической точки зрения, его составление было осуществлено в достаточно современном стиле. Законодатель начал с введения определений основных правовых понятий. Так, в ст. 1 Устава было указано, что «под именем государственных податей разумеются вообще окладные сборы, взимаемые с разных лиц в государственный доход определённым (окладным) количеством и в установленные сроки» [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 3]. К данному виду налогов законодатель относил:

– подушную и оброчную подати;
– подати разных наименований, взимаемые вместо той или другой или вместо обоих совокупно (например, поземельная) [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 3].

На наш взгляд, интересна также новелла в ст. 4, согласно которой все состояния лиц в государстве разделены на податные и неподатные [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 3]. То есть, всё население Российской империи с точки зрения налогообложения разделялось законодателем на налогооблагаемое и неналогооблагаемое.

В соответствии со ст. 5 Устава, подушной подати подлежали следующие социальные категории физических лиц:

а) сельские обыватели. К ним относились:

– государственные крестьяне;

– приписные крестьяне;

– удельные крестьяне;

– свободные поселяне;

– крепостные крестьяне и дворовые помещичьи люди.

б) мещане, цеховые и рабочие люди в городах [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 4].

На основании ст. 12 Устава, от уплаты подушной подати освобождались следующие представители слоёв российского общества:

1) потомственные и личные дворяне;

2) князья и мурзы татарского происхождения;

3) православное духовенство и духовенство иностранных христианских исповеданий;

4) принадлежащие к мусульманскому духовенству лица;

5) штатные духовные чины лимайское веры в Сибири;

6) занимающие духовные должности караимы – на время нахождения в этих должностях;

7) купцы, пока состоят записанными в гильдиях;

8) все лица, состоящие на государственной службе;

9) все лица, принадлежащие к сословию почётных граждан;

10) отставные канцелярские служители;

11) отставные нижние чины российской службы;

12) отставные нижние чины польских войск и российские уроженцы, бывшие на иностранной службе, после возвращения в Россию;

13) все лица податного звания, получившие в установленном порядке научные, медицинские и академические степени, кроме аптекарских учеников;

14) лица, принадлежащие к почтовому и театральному ведомствам;

15) все казаки, кроме малороссийских;

16) иностранцы, вступившие в российское подданство:

а) в качестве овцеводов, овчарей и пастухов;

б) в качестве суконных мастеров;

17) иностранцы, временно проживающие в России, без вступления в подданство;

18) евреи [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 7-8].

Интересно, что большинство перечисленных в п.п. 1-6 категорий, освобождённых от уплаты подушной подати лиц, проживало на территории Таврической губернии. Например, бахчисарайский городской голова И. Гаспринский освобождался от её уплаты в соответствии с п. 2 ст. 12 Устава.

Ст. 13-14 устанавливали, что дополнительно оброчную подать уплачивают все крестьяне казенного ведомства и малороссийские казаки [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 9]. На основании ст.ст. 15-16, от её уплаты освобождались:

– крестьяне состоящих в хозяйственном управлении населённых казенных имений, как отправляющие разные повинности натурой;

– крестьяне бывших иезуитских имений;

– однодворческие крестьяне;

– безземельные панцирные бояре в западных губерниях, живущие на помещичьих землях;

– государственные крестьяне на Камчатке;
– крестьяне казённого ведомства, освобождённые от всех подушных податей [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 10].

В Уставе также регламентировалась достаточно сложная система начисления налогообложения, которая разнилась по регионам Российской империи. Как отметила А. Н. Евдокимова, «несмотря на законодательный характер, четкой и единообразной системы взимания налогов в разных областях Российской империи не существовало» [Евдокимова, 2019, с. 141]. В основу нормативного механизма, обеспечивавшего установление начисления, ложилась табельная система разделения населения по классам в соответствии со свойствами и плодородием земель, а также развитием промышленности в регионе. Отдельно в ст. 18 законодатель установил, что в окладе фиксировались только лица мужского пола [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 11]. Фиксация осуществлялась путём проведения переписи населения. По мнению Е. М. Максимовой, «из содержания принципа единства кассы следовало, что все доходы государства должны были поступать в кассы Министерства финансов» [Максимова, 2020, с. 13].

Следует отметить, что для последующего эффективного функционирования бахчисарайского местного самоуправления важное практическое значение имела ст. 22 Устава. В ней законодатель закреплял, что «всякое причисление в оклад, исключение из него и перечисление производятся не иначе, как с ведома и по распоряжению казённой палаты» [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 11]. И. А. Разманова указала, что «казённые палаты следили за финансовой дисциплиной всех губернских учреждений» [Разманова, 2016, с. 73]. По мнению Е. Ф. Канкрина, на них была возложена функция «полного заведования доходами и расходами по губернии» и вся отчетность по ним [Архив Государственного совета, 1881, с. 265-266]. Об этом же в 1781 г. говорил и А. И. Васильев [Разманова, 2012, с. 18-19]. При этом, Л. Е. Шепелев отметил, что «делопроизводство являлось основным видом деятельности для большинства чиновников даже высшего звена казначейских учреждений» [Шепелев, 2007, с. 58].

Поскольку налоги уплачивались населением по месту официальной прописки, данная норма обусловила тесное взаимодействие между БГУ и Таврической казённой палатой по вопросам своевременной и достоверной фиксации перемещений бахчисарайского населения с целью избегания двойного взимания одного и того же налога. При этом, формальными основаниями для перехода лиц на новое место жительства либо в другое сословие из одного региона в другой, являлись:

– приказ общества, к которому приписано лицо со своим семейством, об исключении этого лица из числа своей общины;
– приказ общества, к которому желает приписаться лицо со своим семейством, о включении этого лица в число своей общины.

Копии обоих документов направлялись органом местного самоуправления в казённую палату. Оригиналы экземпляров приказов хранились у самих лиц и в сейфе органа у казначея.

Не менее важное значение имели и ст. 23-24 Устава, которые устанавливали, что подати по окладу считались лежащими не на каждом лице отдельно, а на целом обществе или селении по числу душ [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 12]. Причём, внутренняя раскладка податей предоставлялась законодателем самим обществам и селениям под наблюдением их непосредственных начальств [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 12]. В последующем, она стала источником накоплений долгов за

общинами вследствие различных причин, в том числе – и перемещений населения в период между переписями и соответствующих ошибок в начислениях либо накоплении пени.

В деятельности И. Гаспринского на посту бахчисарайского городского головы проблема освобождения бахчисарайского общества от долговой нагрузки была одной из приоритетных. Местной администрации перед отправкой налоговых документов в вышестоящие инстанции приходилось в налоговых ведомостях в отдельных графах указывать фактическую сумму сбора в данном отчётном году и сумму долга, лежащую на обществе за прошлое время.

Согласно ст. 25 Устава, правовым основанием взимания налогов с податных лиц являлись распоряжения самих обществ или их непосредственных начальств [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 12]. Поскольку для издания распоряжения была необходима организация собрания не менее 2/3 официально указанного в переписи мужского населения общества, то на практике налоги взимались согласно распоряжению органов местного самоуправления. При этом, согласно ст. 26 Устава, казённая палата была освобождена от фискальной функции [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 12]. На неё законодатель возложил контрольно-ревизионные полномочия, обязав все органы местного самоуправления направлять ей для проверки свои налоговые ведомости. Непосредственный приём налоговых документов (без обязанности личного сбора налогов) был возложен на уездных казначеев. В регламентированной фискальной системе в сфере контроля налоговой документации уездные казначеи выступали связующим звеном между органами местного самоуправления и губернскими казёнными палатами.

На основании ст. 29 Устава, органы местного самоуправления были обязаны направлять уездному казначею налоговые поступления и документы дважды в год [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 12-13]. В качестве формального подтверждения акта приёма указанных документов, органам выдавались соответствующие квитанции, которые должны были храниться в сейфе у городского казначея.

При этом, иногда не обходилось без конфузов. Так, 8 августа 1879 г. БГУ просило Таврическое губернское казначейство сделать где следует отметку о получении недоимок, следующих с бахчисарайского еврейского общества в размере 1 р. 29 к., т. к. БГУ при отношении от 12 февраля 1879 г. отослала вместе с торговыми документами и полученную квитанцию от 16 февраля 1879 г. на сумму 168 р. 4 к. 18 августа 1879 г. из казначейства был получен ответ, что полученная сумма была принята за торговые документы, и теперь без особого распоряжения Таврической казённой палаты нет возможности исправить счета, в связи с чем на бахчисарайском еврейском обществе осталась недоимка в размере 1 р. 29 к., которую требовалось погасить [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 74. Л. 24 об.–25, 1879–1881]. На основании полученного ответа, БГУ была вынуждена самостоятельно просить Таврическую казённую палату об отчислении из суммы 168 р. 4 к., полученной в казначействе за торговые документы, 1 р. 29 к., следующих на пополнение недоимки государственного земского сбора с евреев г. Бахчисарая [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 74. Л. 26, 1879–1881].

Также, на деятельность БГУ распространялось действие ст.ст. 244 и 247 Устава. Ст. 244 возлагала на БГД обязанность утверждения составления городской общиной внутренней раскладки налогов, взыскиваемых с мещан [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 50]. Согласно ст. 247, БГД была обязана скреплять своей печатью шнуровые окладные книги, которые должны были храниться у общества мещан [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 50], в данном случае – в БГУ.

Ст. 253 Устава возлагала обязанность взыскания налогов с мещан на особых старост и

выбранных из числа своей общины [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 52]. Следовательно, городской голова освобождался указанной статьёй от исполнения данной функции. Однако, на практике это также стало одной из причин образования за обществами огромных долгов. Сборщики, обязанные сдавать налоговые суммы в орган местного самоуправления для дальнейшего отчёта перед казённой палатой на основании ст. 251 Устава, нередко скрывались со всей денежной суммой либо утаивали её часть от местных властей. Вследствие их преступных действий, а также халатности ответственных за приём налогов лиц, не проверявших достоверность предоставленных платежей, городские общества были фактически вынуждены подвергаться двойному налогообложению по одной и той же налоговой статье за один и тот же отчётный налоговый период.

Частично, указанная проблема была порождена и самим законодателем, установившим в ст. 256, что старосте и его помощнику, как отправляющим общественную службу, не полагалось никакого жалованья за проводимую работу [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 52]. Указанная норма лишала сборщиков налогов личной законной заинтересованности в результатах своего труда, как и ответственности за его качество, одновременно порождая заинтересованность преступную. Обладание достаточно крупным денежными суммами закономерно порождало психологическое желание об их завладении – с учётом условий и размеров заработка в г. Бахчисарае. Тем более, что в ст. 257 законодатель возложил юридическую ответственность за исправный и бездоимочный взнос на всё мещанское общество [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 52].

Юридико-техническая сторона сбора налогов была закреплена в ст.ст. 258-260 Устава. БГД заверяла в симферопольском уездном казначействе окладной лист, который затем выдавала в начале года старосте, уполномоченному на осуществление этого сбора. Поскольку на момент принятия Устава ещё не была проведена реформа местного самоуправления, впоследствии в соответствии с законодательством рассматриваемая функция была делегирована городским управам.

Одновременно, старосте выдавалась и налоговая тетрадь для записи количества сборов. После приёма налоговых платежей, этот документ был обязан подписать городской голова и члены думы (после реформы – управы, авт.), а секретарь – скрепить казённой печатью и зашнуровать. И хотя в штате БГУ служил секретарь Д. Сальников, у нас вызывает сомнение, что именно он был уполномочен непосредственным начальством на проведение рассмотренных мероприятий. Если по замыслу законодателя, в обязанность секретаря вменялось и осуществление полномочий казначея, то в БГУ эту функцию исполнял по совместительству первый помощник городского головы К. Константинов. И поскольку у него в сейфе хранились все наличествовавшие налоговые документы, то он и ежегодно осуществлял предписываемую нормой закона процедуру формальной легитимации налоговых документов.

Ст. 261 Устава возлагала на органы местного самоуправления обязанность не только выдачи, но и изготовления форм налоговых документов в необходимом количестве экземпляров. Кроме этого, в ст. 264 законодатель ограничил компетенцию органов местного самоуправления исключительно наблюдательной функцией и запретил вмешиваться в составление содержания письменного приговора местной общины, составляемого на основании ст. 262 Устава по поводу общего количества налогоплательщиков данной общины и суммы их налога. При этом, согласно ст. 266 сборщик налогов был обязан выдать каждому домовладельцу экземпляр таблицы с указанием количества суммы его налога и долгов по предыдущим платежам (в случае их наличия).

Ст. 270 Устава прямо возлагала на городского голову обязанность наблюдения за надлежащим исполнением сборщиком налогов своих установленных в законе обязанностей [Свод законов Российской империи. Т. 5. Устав о податях, 1857, с. 55]. Однако, поскольку она не закрепляла никаких санкций ни по отношению к городскому голове, ни к сборщику, то её эффективность представляется нам сравнительно низкой.

Бахчисарайские мещане ежемесячно уплачивали различные виды налогов и сборов в пользу городского бюджета. По мнению исследователей, «налоговая система оставалась неравномерной и обременительной для низших слоев населения» [Шинкарева; Карабанова; Кондратова, 2024, с. 113]. В число уплачиваемых мещанами налогов входили:

1) налог с недвижимых имуществ домовладельцев г. Бахчисарая;
2) сбор за выпас скота на городской земле;
3) сбор с плантаторов за пользование городской землёй;
4) сбор за засвидетельствование мировым судьёй гражданских актов.

Одним из важнейших налогов, которые взимались органом местного самоуправления г. Бахчисарая, был налог с недвижимых имуществ домовладельцев, которым облагались бахчисарайские мещане. Его сумма включала в себя уплату налогоплательщиками следующих налогов:

– государственного поземельного налога;

– земского сбора;

– офицерскую квартирную повинность.

С. И. Иловайский указывает следующую формулу расчёта государственного поземельного налога: «общее количество десятин, которые планируется обложить налогом, умножали на средний по губернии или области оклад налога» [Иловайский, 1904, с. 192]. Он взыскивался за владение земельным участком, земский сбор уплачивался на содержание служащих местного земства, а денежные средства офицерской квартирной повинности употреблялись на расквартирование и содержание солдатских гарнизонов, размещавшихся в г. Бахчисарае. В ведомости БГД о поступлении с домовладельцев г. Бахчисарая налога с недвижимых имуществ, которая составлялась в БГУ, утверждалась на заседании БГД и затем отправлялась в Таврическое губернское правление, в отдельных графах указывалась сумма недоимок указанного налога за прошедший отчётный налоговый период, затем – денежная сумма, взысканная с налогоплательщиков за текущий налоговый период, и после – сумма недоимок, которая осталась на местной общине после её уплаты.

Поскольку вследствие ненадлежащего исполнения своих должностных обязанностей сборщиками налогов в начале 70-х годов 19 в., бахчисарайская мещанская община была обременена огромной суммой долга, следует отметить, что согласно данным ведомостей, прослеживалась тенденция её постепенного погашения и следовательно – уменьшения. Так, по состоянию на 1 января 1880 г., недоимка земского сбора на городскую землю составляла 2970 р. 24 коп.

Сбором денег с мещан занимались хозяйственный член БГУ М. А. Дремджи и бахчисарайский мещанский староста Х. С. Чауш. Если городская земля арендовалась с конкретным сельскохозяйственным назначением (плантация, огород), то денежными сборами занимался также М. Дремджи. Результаты сборов фиксировались в составляемых им в трёх экземплярах рапортах и скреплялись его подписью. Один экземпляр отдавался налогоплательщику, другой – сдавался казначею БГУ К. Константинову, и третий оставался у сборщика. Большинство объектов городской собственности сдавалось в годичное откупное

содержание (аренду), после чего прибыль за использование данных объектов оставалась у откупщиков. Х. Чауш занимался сборов денежных средств с мещанских общин.

Вообще, аренда являлась важной статьёй денежных поступлений в городской бюджет. Ежегодно в здании БГУ проводились аукционные торги на отдачу объектов экономической деятельности, принадлежащих управе, в откупное содержание (аренду). Предложившее на аукционе наибольшую арендную сумму физическое лицо имело право заключить с администрацией БГУ договор аренды (кондиции) сроком на один год. Арендаторы после уплаты арендной суммы имели право всю получаемую с экономических объектов прибыли оставлять в свою пользу. Результаты аукциона утверждались подписью бахчисарайского городского головы И. Гаспринского. На договоре аренды, как правило, стояла только подпись К. Константинова, уполномоченного на его заключение городским головой.

Например, определением БГУ от 8 декабря 1880 г. были утверждены торги на отдачу в откупное содержание городских строений на один год с 1 января 1881 г. по 1 января 1882 г. [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 119, 1880]. Срок аренды мог быть и иным. Например, 9 декабря 1880 г. между хозяйственным членом БГУ М. Дремджи и бахчисарайским купцом Л. Арабаджи было заключено условие (договор) об отдаче в откупное содержание городской лавки на 3 года с 1 января 1881 г. по 1 января 1884 г. ценой 62 руб. в год [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 119, 1880].

В случае, если торги признавались несостоявшимися по причине неявки желающих приобрести в аренду предложенные БГУ объекты, они отдавались в хозяйственное заведывание самой БГУ. Хозяйственное заведывание заключалось как в осуществлении полномочий по непосредственному управлению указанными объектами, так и в праве извлечения выгоды и продажи продуктов производства. В этом случае, отдельно администрацией БГУ проводились аукционные торги на продажу продуктов питания – при этом, прибыль с торгов поступала в городской бюджет.

Так, определением БГУ от 31 декабря 1882 г. было постановлено: в виду двух не состоявшихся торгов на отдачу в откупное содержание городских весов и мер, поручить хозяйственному члену БГУ М. Дремджи, чтобы он отдал городские весы и меры на откуп сроком на 1 год хозяйственным образом, но не менее как за 300 руб. в год [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 195. Л. 122, 1882].

В БГУ должностные обязанности в экономической сфере распределялись следующим образом: как правило, торги проводил бахчисарайский городской голова И. Гаспринский, либо в его отсутствие первый заместитель – К. Константинов. Непосредственно на Константинова также возлагалась обязанность заключать договор аренды с победителем аукциона.

Достаточно специфическую функцию в части сбора денежных средств для бахчисарайского городского бюджета осуществлял мировой судья 4 участка Симферопольского уезда К. Вяткин. Он был обязан взимать пошлину в пользу местного бюджета за каждый засвидетельствованный им гражданско-правовой акт между физическими лицами. Размер пошлины всегда зависел от суммы заключаемого между контрагентами гражданского договора: чем выше была его сумма – тем большая часть оставалась для города. Затем, ежемесячно судья подавал в БГУ сводную ведомость, в которой указывал:

а) общее количество и наименование всех удостоверенных им за отчётный месяц актов;

б) имена и фамилии (при наличии) контрагентов;

в) сумму договора;

г) размер пошлины.

Так, например, в ведомости за июнь 1879 г. мировой судья указал, что за отчётный месяц им были засвидетельствованы следующие виды договоров:

– договор аренды братьями Герман места в г. Бахчисарае сроком на 6 лет за 300 руб. В пользу города было взыскано 2 руб.;
– договор найма Зенгина Чаушем в качестве приказчика на 1 год за 100 руб. В пользу города было взыскано 2 руб.;
– 2 договора займа, данных И. Куртием И. Данилову на 600 руб. и 400 руб. сроком до 1 декабря 1879 г. В сумме, пользу города было взыскано 1 руб. 10 коп. [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 101, 1879].

В целом, в июне 1879 г. К. Вяткиным были засвидетельствованы: 1 договор аренды, 2 договора найма и 13 договоров займа.

Кроме того, из состава членов БГД формировались торговые депутаты, в должностные обязанности которых входило наблюдение за осуществлением торговли в г. Бахчисарае. В 1879-1882 г.г. обязанности торговых депутатов исполняли: Г. Каракаш, Д. Кичо, Бекир Сулейман оглу, Х. Арабаджи, Сеит Билял Аджи Ибраим оглу.

Учрежденная в 1879 г. в Бахчисарае городская мясобойня была «проектом» городского головы И. Гаспринского. В Российской империи правоотношения в сфере торговли мясом регулировались следующими нормами Росписи «е» к ст. 464 Устава о пошлинах ч. 1 Продолжения Свода законов Российской империи изд. 1868 г., согласно которой мясной товар относился к числу разрешённых к продаже в розницу из лавок по свидетельствам и билетам на мелочный торг [Продолжение Свода законов Российской империи… Роспись «е», 1868, с. 85]. В соответствии со ст. 470 Устава о пошлинах, «платёж и приобретённое через то право торговли удостоверяется выдаваемым свидетельством на её производство» [Свод уставов о пошлинах, 1857, с. 100].

Устройство городской бойни входило в перечень мероприятий, направленных на регулирование торговли мясом [Ваниев, 2023, с. 188]. Данное учреждение облегчало для БГУ:

а) осуществление контроля качества работы резников;
б) осуществление своевременного пресечения нарушений прав потребителей;
в) объединение всей деятельности, связанной с торговлей мясом в городе, в одном месте;
г) повышение доходов городского бюджета [Ваниев, 2023, с. 189].

Городская мясобойня имела исключительное право на продажу населению мяса животных. Все держатели животноводческих ферм обязывались под расписку поставлять мясо животных в городскую скотобойню. Цены на продукцию устанавливались городской администрацией путем ежемесячного опубликования справочных цен, которые размещались в открытом доступе на городском рынке. За право приобретения мяса скота, покупатели приобретали на бойне билеты, имевшие эквивалентную цене продукции стоимость. Резники представляли вырученные на бойне билеты городскому голове, который представлял их казначею управы в качестве правоподтверждающих документов о полученной прибыли. Казначей был обязан зарегистрировать билеты надлежащим образом и хранить их в городской кассе для представления на проверку ревизионной комиссии [Ваниев, 2023, с. 189].

Бахчисарайский городской голова также вёл книгу мясобойни, в которой регистрировались полученные доходы и произведённые расходы. Учреждённая И. Гаспринским городская мясобойня с самого начала своей работы начала приносить доход городу. По нашим подсчётам, уже к концу 1879 г. за 2 месяца работы она принесла городу прибыль в размере 794 руб. 44 коп. [Ваниев, 2023, с. 189].

Приносимая мясобойней прибыль привлекла внимание бахчисарайских купцов, использовавших административный ресурс. 14 января 1881 г. БГУ была вынуждена издать

определение о назначении на 2 марта 1881 г. торгов на отдачу городской бойни в арендное содержание в связи с тем, что «БГУ по множеству дел затрудняется хозяйственным заведением бойней» [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 188. Л. 2, 1881].

Между местной администрацией и купцами развернулась настоящая борьба за управление мясобойней, не все аспекты которой, к сожалению, отражены в архивных документах. 5 февраля 1881 г. БГД своим постановлением оставила городскую бойню в хозяйственном управлении для извлечения большего дохода [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 188. Л. 2, 1881]. Однако, 6 мая 1881 г., вероятно, вновь под внешним давлением, в присутствии БГУ состоялись торги на отдачу городской бойни в арендное содержание без переторжки с участием 5 человек. Победителем стал Бекир Сулейман оглу, предложивший 3700 руб. 7 мая 1 881 г. БГД утвердила отдачу городской бойни в годовую аренду с 15 мая 1881 г. [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 136. Л. 162 об., 1881].

Вышеизложенное указывает на то, что регулирование торговли мясной продукцией осуществлялось в сложных местных политических условиях, которые были обусловлены постоянным давлением на БГУ со стороны других гласных БГД, выраженным в проведении контрольно-ревизионной деятельности, совпавшим с желанием участвовавших в проверках лиц получить мясобойню в аренду.

К объектам экономической торговли относились магазины (лавки), в которых осуществлялась продажа разнообразной продукции, и которые также находились в городской собственности. Кроме того, на арендаторов возлагалась обязанность осуществлять текущий ремонт арендуемых зданий и помещений. Так, 18 января 1880 г. были отданы в откупное содержание ряд городских лавок и кофеен в разных частях г. Бахчисарая, что подтверждено соответствующими торговыми листами, на общую сумму 1193 руб. 85 коп. [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 119. Л. 9–35, 1880]. При этом, ряд торгов не состоялся в виду неявки участников, а результаты одних торгов не были утверждены по причине невыгодности предложенной цены. Лавка была оставлена в хозяйственном управлении [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 119. Л. 22, 1880].

В компетенцию бахчисарайской администрации в качестве органа местного самоуправления также входило установление и регулирование цен на различные виды торговой продукции. Бахчисарайские продавцы были обязаны при продаже съестных припасов придерживаться цен, устанавливаемых БГУ.

В связи с этим, управа ежегодно публиковала «Таксы на жизненные припасы по г. Бахчисараю», которые доводились до ведома населения путём вывешивания на доступном месте городского рынка через Телляла. В таксах устанавливались цены на следующие виды продукции: хлеб, говядину и баранину. Причём, на каждый вид хлеба или часть мяса устанавливалась отдельная цена.

В целом, необходимо отметить, что ценовая политика БГУ, на наш взгляд, проводилась И. Гаспринским достаточно умеренно. Так, в 1880 г. цены на продукцию колебались в следующих пределах:

– хлеб: 6, 5 коп. за 1 ф. Такая цена держалась целый год, и лишь в декабре была снижена до 5 коп. за 1 ф.;
– баранина: 8-14 коп. за 1 ф. Средняя цена – 12 коп. Дешевле всего мясо продавалось в октябре (8 коп. за 1 ф.), и дороже всего – в феврале (14 коп. за 1 ф.);
– говядина 1 сорта: 9-12 коп. за 1 ф. Средняя цена – 10, 5 коп. за 1 ф. Минимального предела цена достигла в октябре (9 коп. за 1 ф.) и максимального – в мае (14 коп. за 1 ф.);
– говядина 2 сорта: 8-13 коп. за 1 ф. Средняя цена – 10, 5 коп. за 1 ф. Минимального предела цена достигала в октябре и декабре (8 коп. за 1 ф.) и максимального – в мае (13 коп. за 1

ф.) [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 115. Л. 1–42, 1880].

При этом, 10 апреля 1880 г. БГУ издала определение, в котором признала существование в г. Бахчисарае кризиса в торговле мясом, в связи с чем администрация находилась в затруднении с установлением принудительной цены. В связи с этим, И. Гаспринский разрешил всем желающим производить свободную торговлю мясом в городе с правом продажи привозного мяса с возов до нового распоряжения администрации [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 115. Л. 17, 1880]. Такая свободная торговля мясом осуществлялась в г. Бахчисарае до 1 мая 1880 г.

30 июня 1880 г. в БГУ с коллективным ходатайством обратилось 11 просителей, которые просили администрацию установить таксу на баранину на июль 1880 г. на 1 коп. дороже, чем в Симферополе в связи с понесением ими больших убытков в июне [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 115. Л. 26, 1880]. Данное прошение было удовлетворено.

Также, 15 января 1881 г. БГУ издала определение по поводу невозможности продажи баранины резниками по цене, назначенной БГУ 31 декабря 1880 г., «приняв во внимание, что не будет для граждан г. Бахчисарая обременительна прибавка 1 коп. за 1 фунт баранины», установила новую цену на срок с 15 января по 1 февраля 1881 г. в размере 11-12 коп. за 1 фунт [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 115. Л. 43, 1880].

Согласно данным «Ведомости о справочных ценах, существующих в г. Бахчисарае», в период с 1 января по 1 октября 1881 г., средняя цена пшеницы составляла 15 руб. 40 коп., муки – 1 руб. 70 коп., ржи – 13 руб. 30 коп., хлеба – 1 руб. 80 коп. [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 162. Л. 1, 1881]

18 ноября 1881 г. БГД в своём заседании, на основании прошения Таврического губернатора к бахчисарайскому городскому голове от 13 ноября 1881 г., после выслушивания словесного доклада городского головы И. Гаспринского, разработала меры превенции повышения цен на товары первой необходимости в г. Бахчисарае. В комплекс мероприятий входили:

– запрещение скупки оптом товаров первой необходимости как в черте г. Бахчисарая, так и за его чертой, до 11:00 ч. дня. К данной категории товаров решено было отнести: хлеб, зелень и огородные растения, за исключением огурцов и топлива, особенно древесный уголь. Исключение составляли фрукты;
– распространение запрещения, изложенного в п. 1, на все дни;
– установление взыскания за нарушение запрета в размере до 50 руб., или 7-дневного ареста [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 160. Л. 16, 1881].

18 января 1882 г. было созвано экстренное заседание БГД, на котором обсуждались вопросы хлебного торга в г. Бахчисарае. Было решено установить с 18 января 1882 г. таксу на печёный хлеб «семит» 3 ½ коп. за 1 ф., а на «темиз» - 5 коп. за 1 ф. Такса на мясо и баранину была оставлена без изменений: 11 коп. – говядина, 12-13 коп. – баранина [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 115. Л. 4, 1882].

Однако, в феврале 1882 г. в БГУ обратились бахчисарайские пекарщики с прошением о повышении цен на каждый вид хлеба по 0,5 коп. в связи с понесёнными ими убытками. 16 марта 1882 г. их просьба была удовлетворена [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 115. Л. 7, 1882].

Экономическая деятельность бахчисарайского местного самоуправления фиксировалась в ежемесячно издаваемых ведомостях: отдельной по доходам и расходам за каждый месяц. В конце года составлялись годовые ведомости. Один экземпляр ведомостей оставался в канцелярии БГУ, а второй – отсылался в контрольный орган: Таврическую Контрольную палату. Так, например, в 1879 г. общая сумма доходов г. Бахчисарая составила 20116 руб. 68 коп., а расходов – 20024 руб. 37 коп. [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 119. Л. 51–54, 1880]. Таким образом,

1879 г. город завершил с профицитом 92 руб. 31 коп.

Деятельность бахчисарайских торговых депутатов относилась к внутреннему контролю экономической деятельности. Так, например, 22 декабря 1880 г. БГД на своём экстренном заседании оставила без последствий определение БГУ от 22 декабря 1880 г. об установлении свободной цены на продажу баранины согласно прошения торгового депутата Бекира Сулейман оглу, и установила цену на период с 22 декабря 1880 г. по 1 января 1881 г. в размере 10-11 коп. за 1 ф. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 115. Л. 41, 1880].

Внешний, государственный контроль осуществляла Таврическая контрольная Палата. Ежегодно в марте Бахчисарай посещал чиновник особых поручений Мищенко, с целью проведения генеральной поверки торговли и промыслов. Проверялись:

– наличие у торговцев необходимых документов на осуществление данного вида торговли (законность торговли);
– исправность мер и весов;
– цена продукции (не должна превышать таксу, установленную БГУ);
– качество продукции;
– санитарно-эпидемиологические условия в лавках.

Результаты проведенной ревизии фиксировались проверяющим в журнале генеральной поверки. Сделанные в журнале замечания были обязательны к исправлению городской администрацией.

Так, например, по результатам проверки 1881 г., мировой судья 4 участка Симферопольского уезда Таврической губернии К. Вяткин, вызвал 8 августа 1881 г. через БГУ к себе турецкоподданного Эреджепа Усеит оглу, использовавшего в пекарне гири меньшего, чем установлено, веса [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 160. Л. 5, 1881]. На основании распоряжения судьи, 12 августа 1881 г. БГУ издала постановление о наделении полномочиями торгового депутата Бекира Сулеймана оглу представить судье данные гири ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 160. Л. 5, 1881]. 20 августа 1881 г. торговый депутат подал в БГУ рапорт о составлении им акта и уничтожении в пекарне гирь на основании судебного решения [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 160. Л. 7, 1881].

31 августа, 2 и 4 сентября 1881 г. Таврическая Казённая Палата направляла в БГУ уведомления о взыскании с нарушителей Торгового Положения денежный штрафов в пользу города, в общей сумме 23 руб. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 160. Л. 8, 9, 13, 1881]

18 ноября 1881 г. мировой судья К. Вяткин уведомил БГУ о вынесении им решения о приговоре бахчисарайского мещанина прихода Умгульсум Сале Амет оглу к тюремному заключению на 1 мес. за продажу из своей пекарни неполновесных лепёшек по обвинению торгового депутата Бекира Сулеймана оглу [ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 160. Л. 18, 1881].

Выводы

В целом, экономическая политика бахчисарайского местного самоуправления в 1879-1882 г.г. носила многовекторный характер и охватывала различные сферы жизни города. Она осуществлялась на принципах законности, экономической целесообразности, эффективности, хозяйственного планирования, была направлена на возможно более широкое вовлечение бахчисарайского населения в городскую экономику и получение стабильного высокого дохода в городской бюджет. Отдельно следует отметить чёткое распределение должностных функций в местной администрации, что позволяло эффективно использовать опыт и компетенции каждого её члена.

В то же время, нельзя не указать, что ряд направлений экономической политики отличался некоторой противоречивостью применяемых руководством методов, однако, такая тенденция, негативная сама по себе, существенным образом не повлияла на эффективность работы органов местного самоуправления. Применение данных механизмов можно связать с отсталостью ряда нормативно-правовых актов от динамично изменяющихся социально-политических условий в государстве и регионе, и следовательно – было продиктовано общественным запросом и социальной целесообразностью. Проведенная И. Гаспринским работа положительно сказалась на экономическом развитии Бахчисарая и благосостоянии его населения.

Библиография

1. Архив Государственного совета. Т. 4. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.): журналы по делам Департамента государственной экономии. Ч. 1. – Санкт-Петербург, 1881.
2. Ваниев, Э. С. О некоторых аспектах административно-правовой деятельности И. Гаспринского (1879–1881 гг.) / Э. С. Ваниев // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры : сборник научных трудов. Выпуск 15. – Симферополь : ИП «Подгорнова А. А.», типография, 2023. – 194 с. – С. 188–193.
3. Витте, С. Ю. Воспоминания : в 3 т. Т. 3: Правление Николая II / С. Ю. Витте. – Москва : Соцэкгиз, 1960. – 723 с.
4. Евдокимова, А. Н. Изменения в податном законодательстве Российской империи в кон. XIX – нач. XX вв. / А. Н. Евдокимова // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории : (к 30-летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории) : сборник материалов Всероссийской научной конференции. – Чебоксары : Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Издательский дом «Среда», 2019. – С. 141–144.
5. Иловайский, С. И. Учебник финансового права / С. И. Иловайский. – Одесса, 1904.
6. Максимова, Е. М. Правовые основы реорганизации системы органов государственного казначейства в период проведения бюджетной реформы 60-х гг. XIX в. / Е. М. Максимова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 2 (88). – С. 10–19.
7. Разманова, Н. А. Департамент государственного казначейства и реорганизация деятельности казённых палат и уездных казначейств в 1820-х годах / Н. А. Разманова // Историко-экономические исследования. – 2016. – Т. 17, № 1. – С. 69–91.
8. Разманова, Н. А. Первый государственный казначей России / Н. А. Разманова // Финансы. – 2012. – № 2. – С. 18–23.
9. Свод законов Российской империи. Т. 5. – Санкт-Петербург : В типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. – Устав о податях. – 781 с.
10. Упоров, И. В. О городских доходах и другие российские законы, принятые 200 лет назад – в декабре (1822 год) / И. В. Упоров // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – Vol. 12-5 (75). – С. 110–113.
11. Шепелев, Л. Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I / Л. Е. Шепелев. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2007. – 460 с.
12. Шинкарева, О. В. Налоговые доходы Российской империи и Российской Федерации: сравнительный анализ / О. В. Шинкарева, О. В. Карабанова, Е. А. Кондратова // Вестник МГПУ. Серия «Экономика». – 2024. – С. 110–121.

Legal Regulation of Economic Relations in Bakhchisarai in 1878–1883 (Based on Archival Materials)

El'dar S. Vaniev

PhD in Law,
Research Fellow of the Department of the History of Crimea,
Research Institute of Crimean Tatar Philology, History and Culture,
Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov,
295015, 8, Uchebnyy lane, Simferopol, Russian Federation;
e-mail: poyas-orion@mail.ru

Abstract

Based on the analysis of archival sources and the regulatory framework, the main aspects of the economic policy of the Bakhchisarai local self-government in the period 1879–1883 are examined. It has been established that it was multi-vector in nature and covered various spheres of the city's life. It is noted that it had certain shortcomings, which did not significantly affect the efficiency of the work of local self-government bodies, which made it possible to obtain a stable annual income for the city budget.

For citation

Vaniev E.S. (2026) Pravovoe regulirovanie ekonomicheskikh otnosheniy v g. Bakhchisarae v 1878–1883 gg. (na osnove arkhivnykh materialov) [Legal Regulation of Economic Relations in Bakhchisarai in 1878–1883 (Based on Archival Materials)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 16-29. DOI: 10.34670/AR.2026.84.80.002

Keywords

Economy, lease, city budget, trade, local self-government, legal regulation, tax policy.

References

1. Arkhiv Gosudarstvennogo soveta. T. 4. Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I (s 1810 po 19 noyabrya 1825 g.): zhurnaly po delam Departamenta gosudarstvennoy ekonomii. Ch. 1 [Archive of the State Council. Vol. 4. Reign of Emperor Alexander I (from 1810 to November 19, 1825): Journals on the affairs of the Department of State Economy. Part 1]. (1881). St. Petersburg.
2. Evdokimova, A. N. (2019). Izmeneniya v podatnom zakonodatelstve Rossiyskoy imperii v kon. XIX – nach. XX vv. [Changes in the tax legislation of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries]. In Aktualnye voprosy arkheologii, etnografii i istorii [Current issues of archaeology, ethnography and history] (pp. 141–144). Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Publishing House "Sreda".
3. Ilovayskiy, S. I. (1904). Uchebnik finansovogo prava [Textbook of financial law]. Odessa.
4. Maksimova, E. M. (2020). Pravovye osnovy reorganizatsii sistemy organov gosudarstvennogo kaznacheystva v period provedeniya byudzhetnoy reformy 60-kh gg. XIX v. [Legal foundations of the reorganization of the system of state treasury bodies during the budget reform of the 1860s]. Vestnik Ufimskogo Yuridicheskogo Instituta MVD Rossii, (2(88)), 10–19.
5. Razmanova, N. A. (2012) Pervy gosudarstvenny kaznachey Rossii [The first state treasurer of Russia]. Finansy, (2), 18–23.
6. Razmanova, N. A. (2016). Departament gosudarstvennogo kaznacheystva i reorganizatsiya deyatelnosti kazennykh palat i uezdnykh kaznacheystv v 1820-kh godakh [The Department of the State Treasury and the reorganization of the activities of state chambers and district treasuries in the 1820s]. Istoriko-Ekonomicheskie Issledovaniya, 17(1), 69–91.
7. Shepelev, L. E. (2007). Apparat vlasti v Rossii. Epokha Aleksandra I i Nikolaya I [The apparatus of power in Russia. The era of Alexander I and Nicholas I]. Iskusstvo-SPb.
8. Shinkareva, O. V., Karabanova, O. V., & Kondratova, E. A. (2024). Nalogovye dokhody Rossiyskoy imperii i Rossiyskoy Federatsii: sravnitelny analiz [Tax revenues of the Russian Empire and the Russian Federation: A comparative analysis]. Vestnik MGPU. Seriya "Ekonomika", 110–121.
9. Svod zakonov Rossiyskoy imperii. T. 5. Ustav o podatyakh [Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 5. Charter on taxes]. (1857). Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
10. Uporov, I. V. (2022). O gorodskikh dokhodakh i drugie rossiyskie zakony, prinyatye 200 let nazad – v dekabre (1822 god) [On city revenues and other Russian laws adopted 200 years ago – in December (1822)]. International Journal of Humanities and Natural Sciences, 12-5(75), 110–113.
11. Vaniev, E. S. (2023). O nekotorykh aspektakh administrativno-pravovoy deyatelnosti I. Gasprinskogo (1879–1881 gg.) [On some aspects of the administrative and legal activity of I. Gasprinsky (1879–1881)]. In Voprosy krymskotatarskoy filologii, istorii i kultury [Issues of Crimean Tatar philology, history and culture] (Vol. 15, pp. 188-193). IP "Podgornova A.A.".
12. Vitte, S. Yu. (1960). Vospominaniya: v 3 t. T. 3: Pravlenie Nikolaya II [Memoirs: In 3 vols. Vol. 3: The reign of Nicholas II]. Sotsekgiz.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 340.12 **DOI: 10.34670/AR.2026.52.46.003**

Системная онтология (юридическая научная картина мира) и методология теоретико-правового познания «права» и «государства» профессора М.И. Байтина

Кучин Никита Сергеевич

Аспирант,
кафедра теории и истории государства и права,
Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
600000, Российская Федерация, Владимир, ул. Горького, 87;
e-mail: kuchin_ns@mail.ru

Аннотация

Цель публикации, по замыслу автора, состоит в том, чтобы раскрыть структуру и показать сущность юридической научной онтологии выдающегося советского и российского теоретика права Михаила Иосифовича Байтина (понимание учёным сущности права и государства, нормы права, правоотношения), указать на актуальность выработанной им системной методологии исследования государственно-правовых явлений, квинтэссенция которой заключается в идее теоретического системного познания «государства» и «права» с акцентом на прагматичный и прикладной характер; данная установка профессора легла в основу формирования «узкого представления о праве» — современной прагматичной нормативной концепции правопонимания и явилась теоретическим фундаментом для критической оценки иных концепций и подходов к познанию государственно-правовых явлений, относящихся к «широкому типу правопонимания». Представляется, что одним из ключевых и бесспорных доказательств влияния на мышление и онтологию современного учёного-теоретика в области науки государства и права служит научное наследие профессора М.И. Байтина, чьи научно-исследовательские государственно-правовые интересы и исследовательская программа охватывали вопросы, значимость и актуальность которых выходит за пределы национальных социальных и правовых систем. Современность и теоретико-прикладной потенциал государственно-правовых воззрений и идей М.И. Байтина, по авторскому представлению, формируют стратегический потенциал для трансформации отечественной правовой системы как на теоретическом уровне, так и в прагматичной прикладной плоскости.

Для цитирования в научных исследованиях

Кучин Н.С. Системная онтология (юридическая научная картина мира) и методология теоретико-правового познания «права» и «государства» профессора М.И. Байтина // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 30-37. DOI: 10.34670/AR.2026.52.46.003

Ключевые слова

Научная онтология, юридическая картина мира, системная теория права, профессор М.И. Байтин, сущность права и государства, «узкий» и «широкий» подходы правопонимания, научная школа, научное наследие, исследовательская программа, государственно-правовые воззрения.

Введение

Для того, чтобы научно обоснованно и полно изучить юридическую онтологию профессора М.И. Байтина, необходимо раскрыть его понимание и представление о базовых категориях и процессах теоретико-правовой науки: *происхождение права и государства, их сущности, соотношения формальной и содержательной стороны данных явлений, назначении для социума и взаимосвязи на конкретном этапе развития социальной системы,* а также выделить структуру методологии и указать научные методы, с помощью которых которым профессор познавал данные социальные явления.

Вместе с тем, думается что для полноты и объективности научного раскрытия заявленной проблематики, первоначально необходимо провести краткий анализ научного контекста и среды в которой прошел свое научное становление и работал М.И. Байтин (рассмотреть роль и влияние советских концепций правопонимания, роль научных дискуссий, и феномены научной школы и «научного наставника/учителя» в формировании личности ученого. В становлении и формировании онтологии М.И. Байтина важную роль сыграли научные представления, и школа правопонимания советского правоведа Н.Г. Александрова.

Кроме того, представляется важным раскрытие вопроса, связанного с «методологическим поворотом» исследовательской программы М.И. Байтина с исследования вопросов государства и политической власти к познанию сущности права, правовой системы, социальной ценности права. Смещение научного приоритета с исследования социолистического типа государства и политической власти на познание права и проявлении его системной сущности свидетельствует об эволюции, широте и развитии научных взглядов ученого, что впоследствии стало основой формирования собственной научной школы и исследовательской программы в виде современной нормативной концепции правопонимания. Научное наследие и стратегическую ценность идей и концептуального подхода к изучению права М.И. Байтина еще предстоит осознать и оценить нынешнему и последующим поколениям правоведов, но уже сейчас очевидно, что идеи профессора прошли свое подтверждение правоприменительной практикой и реальной жизнью, исследовательская программа заложенная ученым, продолжается в научных разработках его многочисленных учеников среди которых судьи Верховного и Конституционного суда России, адвокаты и прокуроры, доктора и кандидаты юридических наук занимающие различные государственные должности в органах власти, государственного управления, органах безопасности.

Основная часть

Состояние отечественной теоретико-правовой науки в период научного формирования и развития онтологии М.И. Байтина. Становление и формирование М.И. Байтина как ученого пришлось на период 40х – 50х годов прошлого века, в частности в 1951 году ученый защитил диссертацию [Байтин, 1951] на соискание ученой степени кандидат юридических науках.

Исследуя данный период развития отечественной теоретико-правовой мысли необходимо отметить, что в воззрениях и правосознании советских правоведов 40х-50х годов ключевую роль играл фактор идеологии, доминировали воззрения классиков марксизма-ленинизма, также своей отпечаток на теорию наложили и результаты научной полемики по вопросу определения понятия и сущностных признаков дефиниции права, начавшиеся в 20х-40х годах между П.И. Стучкой и Н.В. Крыленко, позднее П.И. Стучкой и Е.Б. Пашуканисом и А.К. Стальгевичем, что в итоге закономерно с учетом сложившихся социальных условий и особенностей существования раннего советского государства из многообразия перешло в доминирующий подход к пониманию права А.Я. Вышинского. Исследуя концепции правопонимания советского периода Я.В. Гайворонская пишет, что начиная «с 1938г года был наложен практически официальный запрет на любые попытки применения альтернативных способов изучения права (кроме представления А.Я. Вышинского), равно как и на использование теоретических работ ученых 20-х годов» [Гайворонская, 2001], как итог «в правопонимании 30х-40х годов отразилась идеологическая концепция нормативности, нормативность как идеологическая, а не правовая, категория. Это была нормативность, сведенная к нормам законодательства; нормативность, наполненная политическим, идеологическим содержанием; нормативность, имеющая классовый характер, как и иные правовые категории» [Гайворонская, 2001]. Доминирующее большинство советских правоведов 20х-50х годов в основу своей научной онтологии закладывали маркистское представление о праве и смотря на теоретико-правовые явления через оптику понятия права данное Я.В. Вышинским, что в последствии закономерно проявилось в тенденции ухода от «узконормативности» Я.В. Вышинского, к механическому расширению, впоследствии «широкому» представлению о сущностных признаках и характеристиках права. Пик данной тенденции проявился после XX съезда КПСС - начало политической оттепели и первые попытки выхода за узконормативный подход (начало 50-хх). К примеру, в работах Г. И. Федькина, а за ним П. Г. Семёнова и П. Н. Галанза официальное определение права Я.В. Вышинского дополняется несколькими новыми признаками, со ссылкой на то, что марксизм не признает догму.Начавшийся в советской юридической науки процесс отступления от «узконормативности» Я.В. Вышинского выразился в попытках отечественных правоведов «комбинировать» понятия права П.И Стучки и А.А. Пионтковского, естественно, что каждый ученый привносил в данную комбинацию авторские признаки в понятия права. Закономерно, что сложившиеся ситуация в стране (разоблачение культа личности вождя и оттепель) не могли не проявиться в идеях о новой теории права. При А.Я. Вышинском теоретики права делали акцент на изучении понятия права и нормы права, игнорируя изучение процессов правореализации права и правовых норм в жизни, что закономерно породило отрыв теоретико-правовой науки от правоприменительной практики и заложило фундамент концепций «широкого» представления о праве (представляется, что среди причин формирования «широких» концепций правопонимания, ключевой причиной стала накопившееся критическая масса научного недовольства «узконормативного» подхода А.Я. Вышинского). Как справедливо пишет В.И. Попов «узконормативный подход к пониманию права в силу слепого применения юридических норм без оценки их содержания по существу относится к благоприятным условиям формирования тоталитарного политическою режима, в том числе его крайнего проявления – фашизма» [Попов, 2001].

Журнал «Советское государство и право» в тот период выступил местом полемики и площадкой стратегического диалога где И.Е. Фарбер оппонировал идеи «общенародного права» А.А. Пионтковского, отстаивая нормативный характер права, а И. Сабо и Я.Ф. Миколенко

расширяли понятие права, ха счет включения в него правоотношения и правосознания как правовых надстроек. Основная базовая идея сторонников «широкого подхода» заключалась в определение понятия права помимо юридических норм с необходимостью включения иных составляющих т.к. по мнению сторонников «широкого» подхода они производны от нормы права, которая тождественна норме закона. Представляется, что не понимания сущность права в его системности, сторонники широкого» подхода пытались заменить «систему», как важнейший признак дефиниции права конгломератом иных элементов, тем самым еще больше отрывая правопонимание от контекста действия социальных закономерностей, его сформировавших и реалий правоприменительной практики. В таких условиях проходило научное становление картины мира М.И. Байтина, который начиная с 1948 года по 1951 год обучался в очной аспирантуре при Московском юридическом институте, а в 1951 году под научным руководством своего учителя, профессора Н. Г. Александрова защищает кандидатскую диссертацию на тему: «Осуществление европейскими народно-демократическими республиками функций социалистического государства». Как пишет А.В. Лысенков активизация научного интереса к проблеме сущности права в начале 50х годов была обусловлена рядом факторов:

- изменение политической идеологии изменило и правовую;
-новые отрасли научного гуманитарного знания (социология, кибернетика, философия);
- смена парадигмы и переосмысление багажа знаний о теории права.
- «формируется плюрализм мнений о сущности права, выделяются четыре подхода к правопониманию: широкий, нормативный, философский и интегративный [Лысенков, 2007], данные факторы нашли свое отражение в научной юридической картине М.И. Байтина, но ключевую роль в ее формировании и раскрытии потенциала ученого сыграл учитель М.И. Байтина – Н.Г. Александров.

Роль профессора Н.Г. Александрова в формировании научно-правовых взглядов и онтологии М.И. Байтина

Об основных этапах развития и формирования теоретико-онтологических оснований научно-правовых взглядов М.И. Байтина, в советский период, как представителя научной школы Н.Г. Александрова и его ученика изложено в диссертационной работе Б.В. Сорокина «Теоретико-правовые концепции Н.Г. Александрова» [Сорокин, 2010], где автором подробно и в хронологической последовательности описывается становление и развитие вначале кафедры, а потом и научной школы Н.Г. Александрова, а также научная и педагогическая деятельность его учеников, связанная с развитием и углублением исследовательской программы Н.Г. Александрова, где в частности «М.И. Байтин в продолжение идей учителя ставит перед собой цель совместить разные направления правопонимания и определить пути поиска общего понятия права» [Сорокин, 2010] …. «М.И. Байтин продолжает развивать концепцию Н.Г. Александрова, концептуализируя сущность представления о праве: «право — это государственная воля общества. Не господствующего класса, как утверждает марксизм, а именно общества!» [Сорокин, 2010]. Среди доминирующих идей позднего научного поиска Н.Г. Александрова – проблема законности, в исследовании понятия и сущности права ученый стоял на следующих позициях:

А) особое внимание уделял *нормативному признаку* права;

Б) понятие Я.В. Вышинского в части трактовки что право -это система юридических норм, установленная социолистическим государством, признавал правильным.

С) выступал противником привнесения в понятие права: правоотношения, норм права и

правосознания: «между правом, правоотношениями и правосознанием существует определенная взаимосвязь, но это вовсе не означает объединения их в каком-то одном понятии права» [Сорокин, 2010]. Исследуя творчество Н.Г. Александрова, ученый Б.В. Сорокин пишет: «одна из концептуальных идей Н.Г. Александрова заключалась в формировании определения «права вообще». В результате М.И. Байтин в продолжение идей учителя ставит перед собой цель совместить разные направления правопонимания и определить пути поиска общего понятия права» [Сорокин, 2010] …. «М.И. Байтин преодолевает односторонность марксистского подхода к праву исключительно с классовых позиций, обосновывает познание сущности права на основе сочетания его как общечеловеческой (общесоциальной), так и классовой природы в качестве государственной воли общества, обусловленной экономическими, духовными и иными условиями жизни» [Сорокин, 2010].

Исследовательская программа научной школы Н.Г. Александрова, стала явилась фундаментом в самостоятельных научных поисках М.Г. Байтина, который посвятил свою диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук вопросам понятия и сущности государства, политической власти и их взаимосвязанности, самой структурой диссертационной работы (исследование сущности понятий «государство» и «политическая власть», их признаков и типов, а также базовых функций) заложил методологию дальнейшего исследования права и его сущности.

«Методологический поворот» в онтологии М.И. Байтина в сторону формирования прикладной теории нормативного правопонимания и обосновании сущности права через признак системности

На данном этапе исследования уместна аналогия, что «в своих концептуальных онтологических исследованиях российские философы продолжают традиции классической философии, отвечающей на два главных вопроса: как устроен мир и какое место в нем занимает человек. Если философия не отвечает на эти вопросы, то она не является философией» [Кольчев, 2011] - данная мысль П.М. Колычева является прекрасной аналогией в ракурсе настоящего исследования и может быть изложена в целях данной публикации так: если теория права не отвечает на вопросы какова прикладная сущность права и государства и какое место занимает общая теория права в формировании правоприменительной деятельности, то она не является теорией права. Профессор М.И. Байтин понимал эту аксиому и работал опираясь на нее.

Интересна позиция Юшко А.В., который отмечал, что «не случайно авторы чаще всего выделяют те или иные типы правопонимания из курса истории политических и правовых учений. Ответ на вопрос о сущности права составляет, как известно, ядро любой правовой теории или концепции. М.И. Байтин отмечает, что «на этот извечный вопрос привлекает особое внимание ряд основных концептуальных направлений учений о праве, исторически сложившихся, базирующихся на определенном философском фундаменте. Это фундаментальные теории, крупные научные школы, оказавшие заметное влияние на развитие правовой мысли во всех странах мира, включая Россию, на формирование правопонимания, т.е. научного познания и объяснения права как своеобразного и относительно самостоятельного, целостного, системного явления духовной жизни общества» [Байтин, 2005]. М.И. Байтин здесь дает толкование правопонимания как научного познания и объяснения прав. Как представляется, предложенное нами выше определение правопонимания как процесса осмысления социальных явлений, признаваемых в обществе в качестве правовых, является более правильным, поскольку предполагает возможность существования не только научного, но и профессионального правопонимания» [Юшко, 2007, с. 33].

Говоря о совместимости различных направлений правопонимания, онтологически М.И. Байтин стоял на позициях необходимости поиска общего прикладного понятия права, указывая, что «для конструктивного обсуждения проблемы понимания права более существенным является выяснения вопроса о том, что и как понимать под совместимостью основных направлений учения о праве, какие из этого следуют выводы относительно понятия права и выработки его общего определения» [Байтин, 2005].

На основе вышеизложенного профессор М.И. Байтин формирует ключевой системообразующий элемент своей научной онтологии в виде общего определения понятия права: «*право – это система общеобязательных, формально-определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее классовый и общечеловеческий характер, издаются или санкционируются государством и охраняются возможностью государственного принуждения; являются властно-официальным регулятором общественных отношений* [Байтин, 2005]». Категорию сущности права М.И Байтин раскрывает через системную взаимосвязь юридических норм (правил поведения) и отведении праву роли главенствующего регулятивного элемента в общесоциальном регулятивном механизме. В связи с этим, прав Баранов, отмечая, что «…необходимо последовательно до максимально возможной глубины и полноты сначала исследовать каждую составляющую сущности права и лишь затем пытаться предлагать обобщенное общенаучное описание этого многомерного феномена» [Сущность права, 2022] - это утверждение по мнению автора публикации и есть сущность методологического подхода М.И. Байтина в исследовании им сущности права и государства, как результат такого подхода: создание на базе СГЮА научной школы современной нормативной концепции правопонимания.

Заключение

Квинтэссенция юридической онтологии и научной картины мира М.И. Байтина заключается в выявлении существенных признаков базовых теоретико-правовых явлений, использование методологии системного подхода в определении сущности государства и права, обязательный критерий теории права в виде ее прагматичности и применимости в реальной жизни, следование в научном поиске разработанной исследовательской программы и формированием научной школы на основе преемственности идей своего учителя Н.Г. Александрова, научного руководства учениками (которые в своих диссертационных исследованиях продолжали разрабатывать базовые категории теории государства и права, сформулированные в исследовательской программе М.И. Байтина) и научной дискуссионной борьбе с представителями «широкого подхода» к правопониманию за «чистоту» предмета и метода правового регулирования и недопущении «размывания» понятия права, отождествления права и закона, нормы права и статьи, наконец формы и содержания права его сущности и взаимосвязанных с ним категорий общей теории: норма права, правоотношение, правовая системы, принципы права.

Библиография

1. Александров, Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма / Н. Г. Александров. – Москва : Госюриздат, 1961. – 271 с.
2. Байтин, М. И. Вопросы общей теории государства и права / М. И. Байтин. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. – 400 с.
3. Байтин, М. И. Осуществление европейскими народно-демократическими республиками функций

социалистического государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. И. Байтин. – Москва, 1951. – 35 с.
4. Байтин, М. И. Сущность права: (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – Изд. 2-е, доп. – Москва : ООО ИД «Право и государство», 2005. – 544 с.
5. Гайворонская, Я. В. Концепция нормативности права в отечественном правоведении (советский и постсоветский периоды) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Я. В. Гайворонская. – Санкт-Петербург, 2001. – 245 с.
6. Кольчев, П. М. Онтология в современной России / П. М. Кольчев // Соловьёвские исследования. – 2011. – Вып. 4 (32). – С. 85–101.
7. Лысенков, А. В. Сравнительный анализ подходов к пониманию сущности права в советской юридической науке (50-е – 80-е гг. XX в.) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. В. Лысенков. – Самара, 2007. – 275 с.
8. Попов, В. И. Правопонимание в советской юридической науке : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. И. Попов. – Москва, 2001. – 183 с.
9. Сорокин, Б. В. Теоретико-правовые концепции Н.Г. Александрова : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Б. В. Сорокин. – Волгоград, 2010. – 210 с.
10. Сущность права : сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина ; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2022.

Systemic Ontology (the Legal Scientific Picture of the World) and the Methodology of Theoretical-Legal Cognition of "Law" and "State" by Professor M.I. Baytin

Nikita S. Kuchin

Postgraduate Student,
Department of Theory and History of State and Law,
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
600000, 87, Gor'kogo str., Vladimir, Russian Federation;
e-mail: kuchin_ns@mail.ru

Abstract

The purpose of the publication, according to the author's design, is to reveal the structure and show the essence of the legal scientific ontology of the outstanding Soviet and Russian legal theorist Mikhail Iosifovich Baytin (the scholar's understanding of the essence of law and the state, legal norms, and legal relations), to point out the relevance of the systemic methodology he developed for researching state-legal phenomena, the quintessence of which lies in the idea of theoretical systemic cognition of the "state" and "law" with an emphasis on a pragmatic and applied character; this attitude of the professor formed the basis for the formation of a "narrow understanding of law" — a modern pragmatic normative concept of legal understanding — and served as the theoretical foundation for the critical assessment of other concepts and approaches to the cognition of state-legal phenomena belonging to the "broad type of legal understanding." It seems that one of the key and indisputable proofs of the influence on the thinking and ontology of a modern scholar-theorist in the field of the science of state and law is the scientific heritage of Professor M.I. Baytin, whose research state-legal interests and research program covered issues whose significance and relevance go beyond national social and legal systems. The modernity and theoretical-applied potential of M.I. Baytin's state-legal views and ideas, according to the author's representation, form a strategic potential for the transformation of the domestic legal system both at the theoretical level and in the pragmatic applied plane.

For citation

Kuchin N.S. (2026) Sistemnaya ontologiya (yuridicheskaya nauchnaya kartina mira) i metodologiya teoretiko-pravovogo poznaniya "prava" i "gosudarstva" professora M.I. Baytina [Systemic Ontology (the Legal Scientific Picture of the World) and the Methodology of Theoretical-Legal Cognition of "Law" and "State" by Professor M.I. Baytin]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 30-37. DOI: 10.34670/AR.2026.52.46.003

Keywords

Scientific ontology, legal picture of the world, systemic theory of law, Professor M.I. Baytin, essence of law and state, "narrow" and "broad" approaches of legal understanding, scientific school, scientific heritage, research program, state-legal views.

References

1. Aleksandrov, N. G. (1961). Pravo i zakonnost v period razvernutogo stroitelstva kommunizma [Law and legality in the period of expanded construction of communism]. Gosyurizdat.
2. Baitin, M. I. (1951). Osushchestvlenie evropeyskimi narodno-demokraticheskimi respublikami funktsiy sotsialisticheskogo gosudarstva [The exercise of the functions of the socialist state by the European people's democratic republics] (Candidate of Law dissertation abstract). Moscow.
3. Baitin, M. I. (2005). Sushchnost prava: (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov) [The essence of law: (Modern normative legal consciousness on the verge of two centuries)] (2nd ed.). OOO ID "Pravo i gosudarstvo".
4. Baitin, M. I. (2006). Voprosy obshchey teorii gosudarstva i prava [Issues of the general theory of state and law]. Izd-vo GOU VPO "Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava".
5. Gayvoronskaya, Ya. V. (2001). Kontseptsiya normativnosti prava v otechestvennom pravovedenii (sovetskiy i postsovetskiy periody) [The concept of normativity of law in domestic jurisprudence (Soviet and post-Soviet periods)] (Candidate of Law dissertation). St. Petersburg.
6. Kolchev, P. M. (2011). Ontologiya v sovremennoy Rossii [Ontology in modern Russia]. Solovyevskie Issledovaniya, (4(32)), 85–101.
7. Lysenkov, A. V. (2007). Sravnitelny analiz podkhodov k ponimaniyu sushchnosti prava v sovetskoy yuridicheskoy nauke (50-e – 80-e gg. XX v.) [Comparative analysis of approaches to understanding the essence of law in Soviet legal science (1950s–1980s)] (Candidate of Law dissertation). Samara.
8. Popov, V. I. (2001). Pravoponimanie v sovetskoy yuridicheskoy nauke [Legal consciousness in Soviet legal science] (Candidate of Law dissertation). Moscow.
9. Sorokin, B. V. (2010). Teoretiko-pravovye kontseptsii N.G. Aleksandrova [Theoretical and legal concepts of N.G. Aleksandrov] (Candidate of Law dissertation). Volgograd.
10. Sushchnost prava: sbornik statey k 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora M. I. Baytina [The essence of law: Collection of articles for the 100th anniversary of the birth of Professor M.I. Baitin]. (2022). Izd-vo Sarat. gos. yurid. akad

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 346.7 **DOI: 10.34670/AR.2026.93.95.004**

Публично-правовые механизмы технического надзора в Российской империи: историко-правовой анализ в области мебельной продукции

Алюков Илья Денисович

Аспирант,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
195251, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29;
e-mail: ilya.alyukov@bk.ru

Аннотация

Статья посвящена историко-правовому исследованию эволюции государственного контроля качества в деревообрабатывающей и мебельной промышленности Российской империи XIX — начала XX вв. Обосновывается тезис о том, что переход от ремесленного к серийному способу производства мебельной продукции привел к появлению категории «скрытых недостатков». Указывается на то, что разработка и внедрение технологических операций вызвало необходимость в возникновении стандартизации и потребовало привлечения специальных технических знаний, что заложило историко-правовые предпосылки для формирования современного института судебной товароведческой экспертизы.

Для цитирования в научных исследованиях

Алюков И.Д. Публично-правовые механизмы технического надзора в Российской империи: историко-правовой анализ в области мебельной продукции // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 38-56. DOI: 10.34670/AR.2026.93.95.004

Ключевые слова

История государства и права, государственный контроль качества, мебельная промышленность, серийное производство, скрытые недостатки, стандартизация, специальные технические знания, судебная товароведческая экспертиза, Российская империя.

Введение

Институт государственного контроля качества продукции выступает фундаментальным элементом публичного права, выполняющим охранительную и регулятивную функции. Данный институт в XIX веке лег в основу торгово-промышленного законодательства Российской империи, найдя свое первоначальное закрепление в Уставе Торговом и Уставе о промышленности фабричной и заводской [Устав благочиния, 1782]. В его основе изначально фигурировали традиционные методы общего полицейского надзора. Критериями отграничения качественного товара от брака выступали явные физические изъяны и очевидные факты фальсификации, устанавливаемые визуально [Тарасов, 1897]. По этим критериям все товары ремесленного, в том числе столярного, производства в дореформенный период оценивались силами общей полиции, опиравшейся на принцип формального равенства и отсутствие необходимости в специальных технических знаниях.

Одной из наиболее специфичных проблем в отечественном правоприменении второй половины XIX века стала правовая оценка товаров индустриального (серийного) производства и выявление в них «скрытых недостатков» (дефектов химических лаков, клеевых составов, внутреннего напряжения древесины). Возникновение данной проблемы знаменовало собой отход от традиционной, в значительной степени, упрощенной системы полицейского контроля качества, в которой основной акцент делался на визуально определимые (явные) дефекты вещи [Устав ремесленный, 1893].

Трансформация надзорных механизмов и учреждение фабричных инспекций стали ничем иным как значимой государственно-правовой новеллой, отразившей изменившиеся представления о пределах административного вмешательства в экономику и неэффективности старого аппарата принуждения в условиях технологического и социального развития [Ботт; Канева, 2003].

Для подтверждения сказанного, настоящая статья ставит своей целью провести исторический анализ законодательных представлений о публично-правовых механизмах технического надзора в мебельной промышленности Российской империи и роли в них специальных технических знаний, заложивших предпосылки для формирования современного института судебной товароведческой экспертизы [Володин, 2007].

Материалы и методы

Анализ научной литературы и нормативных документов проводился с использованием систематического подхода к отбору и обработке информации. Объектами исследования были нормативно-правовые акты, доклады международных организаций, международные и национальные стандарты, учебные пособия, монографии, научные статьи и другие литературные источники, характеризующие компетентностный подход в области мебельной продукции, характеристику и применение инструментальных методов определения показателей качества.

В работе использовались историко-правовой, формально-юридический, диалектический, аналитический, сравнительный методы, методы обобщения и синтеза, а также опосредованно-описательный и герменевтический.

Сочетание историко-правового, сравнительно-правового и формально-юридического методов позволяет комплексно исследовать эволюцию публично-правовых механизмов

технического надзора, а также выявить закономерности и новации в их регулировании в тот или иной исторический период. Системный и критический анализ обеспечивают оценку процесса перехода от традиционного полицейского контроля к институционализации специальных знаний, а герменевтический метод корректную интерпретацию дореволюционных нормативных текстов и правовой доктрины.

Эмпирическая основа исследования: исторические памятники отечественного права, архивные материалы фабричных инспекций, профильная научная и правовая литература XIX - начала XX вв.

Результаты и обсуждения

В дореформенной правовой доктрине Российской империи первой половины XIX века качество промышленной продукции не рассматривалось как самостоятельный объект специализированного технико-юридического контроля. Механизмы надзора, унаследованные от Устава благочиния 1782 г. и закрепленные в последующих полицейских регламентах, носили преимущественно охранительно-карательный характер, ограничиваясь надзором общественной безопасностью [Устав благочиния, 1782; Тарасов, 1897].

В мебельном и столярном ремесле контроль, осуществляемый чинами общей полиции в лице управ благочиния и частных приставов, а также цеховыми старостами согласно Уставу Ремесленному, сводился к пресечению откровенного обмана и проверке наличия клейма [Устав ремесленный, 1893]. Осмотр носил визуальный и механический характер, т.е. оценивались отсутствие трещин, равномерность защитно-декоративного покрытия и правильность шиповых соединений.

В основе гражданских правоотношений лежал принцип «покупатель должен остерегаться», при котором бремя проверки качества возлагалось на приобретателя, а государство вмешивалось при наличии очевидного умысла на обман. Изменение правовой парадигмы произошло во второй половине XIX века в период индустриализации. Переход мебельной отрасли от штучного мануфактурного к серийному производству в условиях завода означал внедрение технологий машинного лущения шпона, горячих гидравлических прессов, форсированной паровой сушки древесины и многокомпонентных химических лаков, что, в свою очередь, привело к усложнению физико-химической структуры товара [Ботт; Канева, 2003].

В данный период в отечественном гражданском обороте имеется категория «скрытого производственного недостатка». Внешне монолитный фабричный гарнитур мог разрушаться в процессе эксплуатации вследствие остаточных внутренних напряжений древесины или деградации клеевых швов, не определяемых органолептическим методом. Технический прогресс спровоцировал институциональный кризис традиционной полицейской системы [Володин, 2007].

Существовавший надзорный аппарат продемонстрировал свою гносеологическую и формально-юридическую несостоятельность, вследствие чего для установления причинно-следственной связи между нарушением фабричной технологии и возникшим дефектом требовались специальные познания, которыми чины полиции не обладали [Володин, 2007]. Возникла информационная асимметрия, фактически нивелировавшая доктрину формального равенства сторон.

Когда визуальный полицейский осмотр на рынках стал бесполезен, тяжесть регулирования качества легла на договорное право - Свод законов гражданских [Свод законов гражданских,

1900]. Однако главная проблема вышеуказанного Свода заключалась в его казуальности и использовании патриархальных терминов, таких как «худой материал» или «неискусная работа».

Правовую лакуну между архаичным текстом закона и сложными физико-химическими дефектами промышленной эпохи заполняла юридическая доктрина через призму герменевтики. Е. В. Васьковский обосновал необходимость логического и телеологического толкования Свода для адаптации его к фабричным спорам [Васьковский, 1897]. Г. Ф. Шершеневич методом анализа общей природы договора купли продажи вывел принципы существенности и скрытности дефекта, указывая, что недостаток должен делать вещь негодной к ее обычному назначению [Шершеневич, 1912]. Анализируя договор подряда, закрепленный в ст. 1737 Свода законов, Д. И. Мейер обращал внимание на крайнюю скудность нормативного регулирования частных подрядных отношений. В условиях, когда закон был ориентирован преимущественно на казенные подряды, вопрос о качестве выполненных работ решался через общие начала обязательственного права. Русская доктрина того времени исходила из того, что подрядчик несет ответственность за пороки работы и недостаток надлежащих качеств, если они явились следствием отступления от правил искусства или ремесла, даже если данные скрытые недостатки не могли быть обнаружены заказчиком при обычном осмотре в момент сдачи результата работ [Мейер, 1902]. К. П. Победоносцев, исследуя вопросы ответственности сторон в договоре подряда, акцентировал внимание на правовом значении качества предоставляемого материала, т.к. при оценке результата работ необходимо учитывать не только внешние характеристики материала, но и его внутренние свойства и скрытые пороки [Победоносцев, 1896].

Наиболее жесткая регламентация применялась при выполнении казенных заказов для государственных министерств и императорского двора. Качество регламентировалось Положением о казенных подрядах и поставках. К каждому договору в обязательном порядке прилагались так называемые кондиции, представлявшие собой прообраз современных технических условий. Эти документы прописывали императивные физико-химические требования к производственному процессу. В кондициях мог прямо указываться метод выдержки древесины или содержаться запрет на использование сушки горячим воздухом во избежание внутренних разрывов волокон.

В условиях пробельности законодательства Гражданский кассационный департамент Правительствующего Сената формировал правоприменительную практику по защите прав покупателя. В своих решениях Сенат закрепил принцип приемки: закон требует от приобретателя произвести лишь "обыкновенный осмотр" вещи в соответствии с обычаями оборота. Судебная практика исходила из того, что если вещь имеет скрытые недостатки, которые невозможно было обнаружить при обыкновенном визуальном осмотре без особого исследования, либо которые проявляются только в процессе эксплуатации, покупщик не лишается права на судебную защиту и иск к продавцу даже после принятия исполнения [Тютрюмов, 2004]. В тех случаях, когда для обнаружения порока вещи или отступления от правил ремесла было недостаточно осмотра покупателем и требовалось привлечение лиц, обладающих специальными познаниями, судебная практика квалифицировала данный недостаток как скрытый [Тютрюмов, 2004]. Поскольку нормы материального права оперировали абстрактными категориями и не содержали конкретных критериев качества, установление наличия пороков вещи перешло в процессуальную плоскость. Руководствуясь Уставом гражданского судопроизводства 1864 года, суды для оценки качества работ и

выявления скрытых недостатков стали назначать дознание через сведущих людей [Устав гражданского судопроизводства, 1864].

При рассмотрении споров о разрушении построек суды обращались к статье 1748 Свода законов гражданских, которая устанавливала ответственность подрядчика за использование «худого» материала. Приглашаемые судом инженеры-технологи в качестве сведущих людей исследовали физическое состояние древесины, выявляя использование сырого леса или иные отступления от правил ремесленного искусства. Сенатская практика подтверждала, что сырье, не подготовленное должным образом, охватывается понятием "худой материал". При этом, хотя Устав 1864 года закреплял принцип свободной оценки доказательств и запрещал придавать заключениям сведущих людей заранее установленную силу, на практике именно их выводы становились фактической основой для признания материала негодным для дальнейшей эксплуатации [Крылов, 1975].

Ведомственный транзит и институционализация специализированного надзора

Возникновение и последующее развитие специализированного технического надзора в Российской империи были обусловлены бурным ростом фабрично-заводской промышленности во второй половине XIX века. Если до середины столетия контроль за промышленными заведениями, включая крупные мебельные и деревообрабатывающие производства, осуществлялся преимущественно чинами общей полиции в рамках поддержания общественного благочиния, то со временем стало очевидно, что полицейский аппарат не обладает необходимыми техническими познаниями. Усложнение технологических процессов и внедрение машинного производства потребовали реформирования системы контроля. В качестве законодательной меры надзорные функции начали передаваться от полицейских структур Министерства внутренних дел в ведение профильного экономического ведомства - Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов. Итогом данного перехода стало создание в 1882 году Фабричной инспекции, штат которой формировался из технически специалистов, обладающих специальными познаниями в соответствующих областях ремесла, науки и техники [Министерство финансов, 1902].

С закреплением новых норм произошел концептуальный сдвиг в теории отечественного административного права: на смену карательному подходу пришел разрешительный порядок. Государство впервые закрепило императивное требование о том, что индустриальное производство должно соответствовать внутренним техническим стандартам, надзор за которыми могут осуществлять только специально уполномоченные лица, обладающие техническим цензом.

Важнейшей вехой стало принятие в 1882 году закона, учредившего институт Фабричной инспекции [Полное собрание законов, 1882]. Кадровый состав инспекции формировался преимущественно из лиц, имевших высшее техническое (инженерное, технологическое) и естественнонаучное образование, что в условиях правового вакуума де-факто наделило их статусом первых государственных технических экспертов [Володин, 2007].

Важным этапом в эволюции юридических механизмов контроля за фабричным производством стало принятие 03 июня 1886 года закона «Об утверждении правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» [Полное собрание законов, 1886]. Хотя первоочередной целью государства было смягчение рабочего вопроса и ограничение произвола работодателей, данный нормативно-правовой акт впервые на общегосударственном уровне упорядочил механизмы ответственности за выпуск брака. Закон детально регламентировал систему фабричных штрафов: согласно статье 143

Устава о промышленности в редакции 1886 года, взыскания за «неисправную работу» могли налагаться исключительно за производство недоброкачественного изделия по небрежности рабочего или за порчу материалов. Тем самым государство легализовало правовые рамки производственной дисциплины: изготовитель сохранял инструмент финансового наказания за нарушение "правил ремесла", однако лишался возможности злоупотреблять им, необоснованно перекладывая на рабочих издержки за мнимые дефекты».

Процессуально-правовой порядок и зарождение технической экспертизы

Порядок осуществления надзора на мебельных и деревообрабатывающих предприятиях был концептуально разделен на три взаимосвязанных этапа:

- превентивный;
- текущий;
- деликтно-юрисдикционный.

Первым элементом выступал предварительный контроль на стадии создания производства. Если мелкие столярные заведения могли открываться свободно, то учреждение крупных мебельных фабрик, переходящих на машинный труд, находилось в плоскости разрешительного порядка [Устав о промышленности, 1893]. Планы и чертежи будущего предприятия подлежали обязательному рассмотрению в Строительном отделении Губернского правления с привлечением правительственных инженеров и архитекторов. Применительно к мебельной промышленности ключевой задачей данного превентивного надзора была оценка безопасности компоновки цехов, т.е. проверялись расчеты прочности зданий под установку тяжелых деревообрабатывающих станков, а также схемы размещения паровых котлов, лакокрасочных помещений и сушильных камер для древесины. Утвержденный Губернским правлением чертеж становился обязательным документом, любое самовольное отступление от которого при постройке фабрики влекло за собой запрет на запуск производства

Вторым элементом выступал текущий технический и санитарный надзор за действующим производством. Внедрение паровых двигателей и сушильных камер потребовало введения обязательного освидетельствования оборудования. Так, контроль за соблюдением Правил о паровых котлах [Правила о паровых котлах, 1843], регламентировавших предельное давление пара и требовавших периодических испытаний ради предотвращения взрывов, имел важное значение для показателей качества мебельной продукции. Установленные технические лимиты ограничивали произвол представителей фабрик в попытках форсировать процесс паровой сушки древесины, что неизбежно вело бы к возникновению усушечных дефектов. Тем самым полицейско-технический надзор за безопасностью оборудования выступал одним из первых правовых барьеров на пути выпуска недоброкачественной продукции в товарооборот. Отдельным направлением являлся санитарный контроль за процессами отделки мебели. Широкое применение новых лакокрасочных материалов и клеящих веществ, нередко обладавших токсичными свойствами, потребовало включения в область надзора губернских врачебных управ [Мирский, 2005]. Оценка безопасности применяемых покрытий и растворителей осуществлялась посредством химико-медицинских исследований, заложивших фундамент для будущего контроля за химическим составом изделий в виде токсикологической экспертизы.

Третьим элементом выступал процесс разрешения производственных конфликтов и правоприменения. При возникновении споров между рабочими и фабрикантами о причинах порчи материалов активировался механизм административно-юрисдикционного разбирательства, осуществляемый чинами Фабричной инспекции. Центральным элементом

этой процедуры, как следует из трудов В.П. Литвинов-Фалинского [Литвинов-Фалинский, 1900], выступало составление протокола осмотра. Процедура требовала фиксации фактических обстоятельств: инспектор должен был осмотреть и подробно описать состояние деревообрабатывающего станка, качество предоставленного сырья и характер повреждений изделия, что позволяло установить объективную причину дефекта и, как следствие, зону ответственности.

В условиях дореволюционного судопроизводства данный акт совершил переворот в системе доказывания. Он приобрел статус письменного доказательства, обладающего повышенной юридической силой, поскольку исходил от должностного лица, наделенного государственными полномочиями и обладающего специальными познаниями [Владимиров, 2000]. По своей юридической природе акт технического осмотра структурно и функционально предвосхитил современное заключение эксперта, интегрировав исследовательскую часть, применение специальных знаний и выводы об установлении причинно-следственной связи [Россинская, 2017].

В условиях индустриализации второй половины девятнадцатого века отечественная правовая система столкнулась с дефицитом нормативно-технической базы. Отсутствие единых государственных стандартов качества на уровне законов компенсировалось через институты патентного права, в частности через выдачу правительственных привилегий на новые открытия и изобретения. В дореволюционной правовой доктрине институт привилегий традиционно рассматривался сквозь призму защиты исключительных имущественных прав изобретателя [Пиленко, 1902]. Однако историко-правовой анализ показывает, что в исследуемый период патентное законодательство выполняло важнейшую публично-правовую функцию косвенного технического регулирования.

Выдача государством привилегии на специфические промышленные процессы, такие как технология гнутья древесины под воздействием пара или создание многокомпонентных химических составов мебельных лаков, фактически означала утверждение технологического стандарта. Согласно Положению о привилегиях на изобретения и открытия от тридцатого марта тысяча восемьсот девяносто шестого года, а также предшествующим нормам Устава о промышленности, соискатель был обязан предоставить в Мануфактурный совет подробнейшее описание производственного процесса [Положение о привилегиях, 1896].

Данное описание не могло быть абстрактным. Оно включало строгие физико-химические параметры: температуру подаваемого пара, время выдержки древесного массива в металлической матрице, точную рецептуру адгезива. После прохождения процедуры экспертизы в Мануфактурном совете и выдачи документа, утвержденная спецификация становилась обязательным эталоном качества для конкретного метода производства [Устав о промышленности, 1893].

Данная правовая конструкция установила механизм доказывания производственного брака в гражданском судопроизводстве. Если мебельная продукция, заявленная фабрикантом как изготовленная по привилегированной технологии, преждевременно разрушалась, например, появлялись трещины напряжения на сгибах или отслаивался лак, возникало безусловное основание для привлечения производителя к ответственности. Фундаментом для судебного иска в данном случае служило не абстрактное нарушение правил искусства по Своду законов гражданских [Свод законов гражданских, 1900], а документально подтвержденное отступление от формулы выданного государством патента.

В судебной практике это требовало обязательного привлечения инженеров-технологов в

качестве сведущих людей. Их процессуальной задачей становилось установление факта несоблюдения запатентованного температурно-влажностного или химического режима на фабрике [Россинская, 2017]. Таким образом, патентное право Российской империи эволюционировало из инструмента охраны авторства в сложный административно-правовой механизм. Выдаваемые государством привилегии формировали первые метрически проверяемые технические нормы, закладывая базу для развития судебной экспертизы качества сложной промышленной продукции.

Важнейший рубеж в эволюции надзорного аппарата связан с масштабной бюрократической централизацией и зарождением системы ведомственного нормотворчества. До конца девятнадцатого века технический контроль на местах осуществлялся губернскими присутствиями по фабричным делам, правоприменительная практика которых отличалась крайней разобщенностью. Отсутствие единых легальных критериев приводило к тому, что в разных губерниях правительственные инспекторы по-разному толковали причины возникновения дефектов и предъявляли противоречивые требования к производственному оборудованию. Подобная правовая неопределенность тормозила развитие мебельной индустрии и требовала скорейшей унификации механизмов административного принуждения.

Законодательным решением данной государственно-правовой проблемы стал Закон от 07.06.1899 года «Об учреждении Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия» [Закон от 7 июня 1899 г., 1899]. Создание данного правительственного органа в структуре Министерства финансов завершило выстраивание управленческой вертикали. Данный шаг означал качественную эволюцию надзорного аппарата: от системы разрозненных территориальных комиссий государство перешло к централизованному контролю [Шепелев, 1997].

Правовой новацией стало наделение нового государственного органа исключительными нормотворческими полномочиями. Главное присутствие получило право издавать обязательные постановления и циркуляры, регламентирующие техническую безопасность, санитарно-гигиенические условия труда и технологические нормы. Если ранее фабричный инспектор при разрешении спора о качестве продукции или безопасности станка опирался преимущественно на собственное инженерное усмотрение и внутренние убеждения, то теперь он был обязан руководствоваться едиными предписаниями.

В сфере деревообрабатывающей и мебельной промышленности данные обязательные постановления касались наиболее важных технологических операций производственного цикла. Центральный аппарат регламентировал правила эксплуатации паровых котлов в сушильных камерах, требования к вентиляции в лакокрасочных цехах при работе со спиртовыми политурами, а также порядок ограждения сложных лущильных станков. Фактически Главное присутствие взяло на себя функцию разработки первых общеимперских технических эталонов, заменявших собой отсутствующие государственные стандарты [Литвинов-Фалинский, 1900].

Таким образом, локальный надзор на местах получил единую нормативную базу, а технические требования к изготовителям приобрели статус подзаконных нормативных актов. Нарушение изданных циркуляров рассматривалось государственным аппаратом уже не просто как отступление от ремесленных обычаев, а как неисполнение законного распоряжения правительственной власти, что влекло за собой административную ответственность. Учреждение Главного присутствия окончательно институционализировало технический надзор как самостоятельную, регламентированную подотрасль российского административного права.

Завершающий этап в дореволюционной эволюции механизмов технического надзора пришелся на период Первой мировой войны. Правовые институты мирного времени, базировавшиеся на балансе частнокоммерческих интересов и ведомственного инспектирования, оказались неэффективными в условиях тотальной мобилизации экономики. Кризис снабжения армии и угроза падения качества промышленной продукции вынудили государство отказаться от либеральных методов регулирования и перейти к политике жесткого административного диктата.

Закон от 17 августа 1915 года, учредил особые совещания по обороне государства [Закон от 17 августа 1915 г., 1915]. Данный нормативно-правовой акт изменил правовой режим функционирования частной промышленности. Мебельные и деревообрабатывающие предприятия были массово привлечены к выполнению казенных военных заказов. Фабрики начали производить выпуск продукции стратегического назначения, включая элементы деревянного авиастроения, артиллерийские ящики и обозное снаряжение, что потребовало перестройки не только технологического процесса, но и юридических механизмов контроля.

Трансформация заключалась во внедрении института постоянной военной приемки, пришедшего на смену гражданско-правовым договорам подряда и эпизодическому контролю Фабричной инспекции. Представители военного ведомства наделялись широкими властными полномочиями и размещались непосредственно на территории производств. Их процессуальный статус позволял осуществлять непрерывный надзор за каждым этапом создания изделия. С технической точки зрения, данному контролю подлежали физико-химические свойства продукции и соответствие габаритных характеристик проектной документации: от первоначальной влажности древесного массива до состава защитных покрытий. С юридической же точки зрения, данное обстоятельство указывало на фактическую утрату фабрикантом хозяйственной самостоятельности.

Данный исторический период характеризуется поглощением частного коммерческого права публичным административным. Принцип свободы договора был практически упразднен системой обязательных государственных заданий. Наиболее ярко данная трансформация проявилась в институте юридической ответственности. Если в довоенный период выпуск недоброкачественной продукции квалифицировался судами преимущественно как гражданское правонарушение, влекущее за собой обязанность возместить убытки, то в условиях военного времени правовая оценка брака кардинально изменилась.

Поставка бракованных изделий, произведенных с нарушением утвержденных военных спецификаций, стала рассматриваться государством как посягательство на обороноспособность. Ответственность фабриканта приобрела ярко выраженный карательный характер, вплоть до применения секвестра - принудительного изъятия частного предприятия в государственное управление за систематическое неисполнение технических требований [Шепелев, 1997]. Данный правовой механизм регламентировался Законом от 17.08.1915 года «Об учреждении Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства» [Закон от 17 августа 1915 г., 1915].

Таким образом, мобилизационная экономика Первой мировой войны довела тенденцию государственного вмешательства до исторического максимума. Выработанные в этот период правовые механизмы военной приемки и административного диктата стали развитием технического надзора в Российской империи, дополнив методы государственного управления качеством, получившие свое развитие в последующую историческую эпоху.

Слом государственного строя в октябре 1918 года привел к радикальному изменению

прежней правовой системы. Однако в сфере технического надзора и управления качеством промышленной продукции наблюдалась выраженная институциональная и методологическая преемственность. Правовые механизмы административного диктата и военной приемки, выработанные в годы Первой мировой войны, оказались адаптированными для нужд формирующейся плановой социалистической экономики.

Масштабная национализация промышленных предприятий, включая крупные мебельные и деревообрабатывающие мануфактуры, принципиально изменила субъектный состав правоотношений. Государство приобрело статус абсолютного монополиста, выступая одновременно в роли единственного заказчика, производителя и контролера. В данных условиях дореволюционный дуализм, при котором качество товара регулировалось на стыке частного гражданского и публичного административного права, был окончательно устранен. Контроль качества полностью перешел в сферу публичного права [Исаев, 2012].

Институциональное оформление этого механизма завершилось учреждением в 1925 году Комитета по стандартизации при Совете Труда и Обороны. Бюрократические алгоритмы фиксации производственного брака, методы проведения технических экспертиз и способы документального оформления актов осмотра были рецепированы новыми советскими органами управления, в частности Высшим советом народного хозяйства. Технические специалисты, ранее состоявшие на правительственной службе в Российской империи, составили кадровую основу новых советских надзорных структур [Лушников; Лушникова, 2009].

Наиболее значимой правовой трансформацией в рассматриваемый период стала эволюция ведомственного нормотворчества и окончательная юридизация технических предписаний. Обязательные циркуляры и технические требования к фабрикантам, которые до революции издавались профильными министерствами преимущественно в форме узковедомственных кондиций для конкретных казенных подрядов или локальных правил фабричной инспекции, не могли удовлетворить потребности масштабной плановой экономики. Однако именно этот дореволюционный опыт детального описания производственных процессов послужил концептуальной и методологической базой для разработки первых государственных стандартов.

Технические параметры, такие как предельно допустимый процент влажности древесины при производстве мебели, температурный режим прессования фанеры или конкретные показатели на разрыв для мездровых и синтетических клеевых соединений, перестали быть предметом частной договоренности сторон. Отныне они оформлялись в виде утвержденных государственных стандартов и публиковались в качестве официальных нормативно-технической документации. С момента их введения в действие данные метрические показатели приобретали силу универсального технического документа, подлежащего обязательному исполнению на всей территории страны всеми заводами-изготовителями.

Данный период характеризуется тем, что техническая норма полностью слилась с правовой нормой. Если в дореформенной России соответствие деревянных конструкций правилам искусства регулировалось обычаями делового оборота или диспозитивными условиями договоров подряда, то в советской правовой доктрине соблюдение технологии стало публично-правовой обязанностью производителя. Любое отступление от параметров утвержденного Общесоюзного стандарта квалифицировалось правоохранительными органами не как гражданско-правовое нарушение договора, а как нарушение государственной дисциплины, бесхозяйственность или саботаж, что влекло за собой применение мер уголовной ответственности.

Следующим этапом в историко-правовой эволюции публично-правовых механизмов технического надзора стал период первых пятилеток в 1920-х — 1930-е гг. Переход советского государства к форсированной индустриализации и централизованному планированию потребовал перестройки всей правовой надстройки в сфере технического регулирования. Экономика столкнулась с системным кризисом качества, острейшим дефицитом единых метрологических требований и разрывом между количественными плановыми заданиями и фактическими физико-химическими свойствами выпускаемой продукции.

Одним из важнейших институциональных шагов стало развитие системы государственного нормотворчества на базе Комитета по стандартизации при Совете Труда и Обороны, созданного еще в 1925 г. [Положение о Комитете по стандартизации, 1925]. Если на этапе перехода от рынка к плану стандартизация носила во многом рекомендательный характер, то в конце 1920-х годов утвержденный стандарт приобрел статус закона, обязательного для всех заводов-изготовителей.

Правовая реальность индустриальной эпохи характеризовалась беспрецедентной централизацией. Комитет по стандартизации получил исключительное право утверждать обязательные общесоюзные стандарты, пересматривать устаревшие технические условия и осуществлять надзор за их соблюдением. Любое отступление от утвержденных параметров стало рассматриваться правоохранительными органами как покушение на плановые основы социалистической экономики.

В данный период произошло окончательное и жесткое слияние технического надзора с мерами уголовно-правового принуждения. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1929 г. «Об уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции и за несоблюдение стандартов», а в дальнейшем и совместным постановлением ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1933 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции», выпуск производственного брака был официально криминализован [Постановление ЦИК и СНК СССР, 1929; Постановление ЦИК и СНК СССР, 1933]. В уголовные кодексы союзных республик были внедрены специальные составы преступлений, предусматривающие санкции для директоров заводов, главных инженеров и начальников отделов технического контроля за выпуск дефектных изделий или недоброкачественной продукции.

Параллельно на уровне предприятий происходила институционализация внутреннего ведомственного контроля. Создание самостоятельных отделов технического контроля, подчиненных напрямую наркоматам, закрепило правило, что ни одна единица промышленной продукции не могла быть передана заказчику без официального штампа ОТК, удостоверяющего ее полное соответствие государственному стандарту.

Государство установило тотальный контроль над качеством, превратив соблюдение стандартов из сугубо технической задачи в уголовно-правовую обязанность каждого руководителя производства.

Важнейшим институциональным этапом на пути совершенствования государственного управления качеством в послевоенный период 1950-е гг. стало преобразование разрозненной ведомственной нормативной базы в единую централизованную систему государственных стандартов. Принятый комплекс партийно-правительственных решений, включая постановления середины и конца 1950-х годов [Постановление Совмина СССР, 1955; Постановление Совмина СССР, 1959], законодательно закрепил приоритет общегосударственных стандартов над ведомственными техническими условиями. Это положило конец «местничеству» наркоматов и министерств, пытавшихся занижать требования к качеству ради выполнения валовых плановых показателей.

В данный период произошло концептуальное укрепление правового статуса технического регламента и стандарта, приобретшего силу общеобязательного нормативно-правового акта межотраслевого значения. Для обеспечения соблюдения данных норм по всей вертикали хозяйственного управления государство законодательно закрепило обязательность функционирования Отделов технического контроля на каждом промышленном предприятии. Сотрудники ОТК, будучи выведенными из подчинения директорам заводов и финансируемые по особой линии, фактически наделялись статусом независимых государственных контролеров внутри производственного процесса [Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, 1955; Постановление Совмина СССР, 1959]. Их официальный штамп и подпись обладали юридической силой, т.к. отрицательное заключение ОТК неизменно и императивно блокировало отгрузку партии продукции потребителю.

Послевоенный этап государственного строительства характеризовался окончательным оформлением института технического надзора в самостоятельный межотраслевой правовой институт, органично объединяющий нормы административного, хозяйственного и трудового права. Советское государство сформировало замкнутую, регламентированную нормативно-правовую систему, в которой отклонения от утвержденных метрологических параметров квалифицировались не как частноправовой деликт или нарушение эквивалентности договора, а как посягательство на государственную плановую и производственную дисциплину [Иоффе, 1967].

В рамках административного права технический надзор реализовывался через императивные предписания министерств и ведомств, устанавливающие обязательные стандартизированные правила производства и приемки продукции. В сфере хозяйственного права соблюдение государственных стандартов выступало обязательным условием действительности хозяйственных договоров между социалистическими организациями, причем условия договоров не могли снижать требования стандартов под угрозой признания сделок недействительными в административном и судебном порядке [Лаптев, 1960]. Одновременно нормы трудового права закрепляли за руководящими работниками персональные трудовые обязанности по обеспечению показателей качества выпускаемой продукции, зафиксированные в квалификационных справочниках и должностных инструкциях [Александров, 1949].

Отступления от установленных регламентов влекли за собой комплекс мер юридической ответственности. Помимо имущественных санкций, выражавшихся в лишении премий, удержаниях из заработной платы и переводе предприятий на режим финансового контроля, советское законодательство предусматривало персональную административную и уголовную ответственность руководящих работников.

Теоретико-правовое обоснование такой ответственности базировалось на доктрине служебного преступления против порядка управления и государственной промышленности. Начальники цехов, главные инженеры и руководители отделов технического контроля несли персональную уголовную ответственность за выпуск недоброкачественной и дефектной продукции на основании норм уголовного законодательства союзных республик, криминализовавших халатное отношение к соблюдению государственных стандартов [Шаргородский, 1948]. Тем самым советская правовая система юридически закрепила принцип неотвратимости личной ответственности конкретного специалиста за технологический брак, исключив концепцию обезличенной корпоративной ответственности предприятия.

Следующим этапом в историко-правовой эволюции технического надзора стал период хозяйственной реформы середины 1960-х годов. Переход советской экономики от экстенсивных

методов управления к интенсивному развитию потребовал пересмотра административных рычагов контроля. Столкнувшись с проблемой скрытого снижения потребительской стоимости товаров и пренебрежения качеством в угоду валовым плановым показателям, советское государство было вынуждено внедрить комплексные экономико-правовые механизмы стимулирования и вневедомственного контроля.

Важнейшим нормативно-правовым актом данного периода стало совместное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. № 729 «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» [Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, 1965]. Данный акт заложил правовые основы для перехода от преимущественно карательных мер к хозрасчетным методам регулирования качества. Впервые на законодательном уровне прибыль предприятий, формирование фондов экономического стимулирования и премирование работников были поставлены в прямую зависимость от выполнения договорных обязательств по поставкам продукции и соблюдения стандартов.

Важнейшей правовой новацией рассматриваемого периода стало введение в 1967 году института Государственного знака качества СССР [Постановление Совмина СССР, 1967]. Юридическая природа Знака качества заключалась в том, что его присвоение конкретному серийному изделию по результатам государственной вневедомственной аттестации переводило стандарт из категории минимального обязательного требования в высшую юридическую градацию поощрения. Предприятие-изготовитель получало законное право на установление надбавок к оптовым ценам и расширение фонда экономического стимулирования.

Одновременно с экономическими стимулами государство усилило институциональные позиции вневедомственного контроля. Полномочия органов Комитета стандартов, мер и измерительных приборов при Совете Министров СССР были существенно расширены: инспекторы получили право запрещать реализацию и приостанавливать производство некачественной продукции независимо от ведомственной подчиненности предприятия, что разрушало ведомственный протекционизм министерств.

Реформа 1960-х годов обозначила качественный сдвиг в структуре правового механизма, т.к. на смену одностороннему административному принуждению пришла гибкая система юридических стимулов и ограничений. Административные запреты гармонично соединились с имущественной и хозрасчетной ответственностью предприятий перед потребителями за нарушение договорных обязательств по качеству, что существенно обогатило отечественную доктрину хозяйственного права.

Заключение

Проведенное историко-правовое исследование эволюции публично-правовых механизмов технического надзора и стандартизации в отечественной промышленности со второй половины девятнадцатого до семидесятых годов двадцатого века позволяет сформулировать ряд теоретических и практических выводов.

Во-первых, переход от штучного мануфактурного производства к серийному фабричному в период форсированной индустриализации Российской империи породил категорию «скрытых производственных недостатков». Данный технологический сдвиг вызвал гносеологический и институциональный кризис традиционного полицейского надзора, чей аппарат был оказался неспособен устанавливать причинно-следственные связи между нарушением технологического

процесса и наличием дефектов. Данное обстоятельство обусловило необходимость формирования специализированного ведомственного контроля и вовлечения познаний в области ремесла, науки и техники в правоприменительную практику.

Во-вторых, выявлена закономерность трансформации дореволюционного гражданского и административного права, выразившаяся в постепенном переходе от диспозитивных частноправовых договоров подряда и купли-продажи к императивному публично-правовому регулированию. Создание института Фабричной инспекции, учреждение Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия и внедрение механизмов военной приемки в годы Первой мировой войны продемонстрировали устойчивую тенденцию расширения государственного вмешательства в экономику и превращения технических требований в обязательные общегосударственные правила.

В-третьих, установлено, что советский период государственного строительства характеризовался институциональной и методологической преемственностью по отношению к дореволюционному опыту ведомственного нормотворчества. Опираясь на аппаратные и методические наработки предыдущей эпохи, советское государство сформировало замкнутую, регламентированную межотраслевую систему технического надзора. Учреждение Комитета по стандартизации, а в последующем Всесоюзного комитета по стандартизации и обязательных отделов технического контроля на предприятиях установило статус государственного стандарта как универсального закона, обязательного к исполнению.

В-четвертых, обоснован вывод о том, что советская правовая система осуществила окончательное слияние технической и правовой норм, переведя обеспечение качества из плоскости гражданско-правовых деликтов в сферу административной и уголовной ответственности. Уголовная криминализация выпуска недоброкачественной продукции в тридцатые годы двадцатого века закрепила принцип персональной ответственности руководящих работников за нарушение производственной и плановой дисциплины.

В-пятых, последующий переход в процессе хозяйственной реформы середины шестидесятых годов двадцатого века к экономико-правовым методам стимуляции, внедрение института Государственного знака качества и усиление вневедомственного государственного надзора позволили гармонично соединить административные запреты с хозрасчетной ответственностью предприятий, обеспечив дальнейшее развитие отечественной доктрины хозяйственного права и институтов управления качеством.

Библиография

1. Александров, Н. Г. Советское трудовое право / Н. Г. Александров. – Москва : Юриздат, 1949. – 376 с.
2. Ботт, И. К. Русская мебель: История. Стили. Мастера / И. К. Ботт, М. И. Канева. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2003. – 512 с.
3. Васьковский, Е. В. Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов / Е. В. Васьковский. – Москва : Изд. бр. Башмаковых, 1897.
4. Владимиров, Л. Е. Учение об уголовных доказательствах / Л. Е. Владимиров. – Тула : Автограф, 2000. – 464 с.
5. Володин, А. Ю. История фабричной инспекции в России (1882–1914 гг.) / А. Ю. Володин // Отечественная история. – 2007. – № 2. – С. 23–35.
6. Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения / под ред. И. М. Тютрюмова. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. – 1222 с.
7. Иоффе, О. С. Советское гражданское право / О. С. Иоффе. – Москва : Юридическая литература, 1967. – 494 с.
8. Исаев, И. А. История государства и права России / И. А. Исаев. – Москва : Проспект, 2012. – 800 с.
9. Крылов, И. Ф. Очерки истории криминалистики и судебной экспертизы / И. Ф. Крылов. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 189 с.

10. Лаптев, В. В. Правовые вопросы организации промышленности в СССР / В. В. Лаптев. – Москва : Изд-во АН СССР, 1960. – 268 с.
11. Литвинов-Фалинский, В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России / В. П. Литвинов-Фалинский. – Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1900. – 344 с.
12. Лушников, А. М. Курс трудового права. Историко-правовое введение / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. – Москва : Статут, 2009. – 879 с.
13. Мейер, Д. И. Русское гражданское право. Чтения, изданные по запискам слушателей / Д. И. Мейер. – 8-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Тип. Д. В. Чичинадзе, 1902.
14. Министерство финансов. 1802–1902. Часть 1. – Санкт-Петербург : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. – 640 с.
15. Мирский, М. Б. Медицина России X–XX веков: очерки истории / М. Б. Мирский. – Москва : РОССПЭН, 2005. – 632 с.
16. Новицкая, Т. Е. Кодификация гражданского права в России / Т. Е. Новицкая. – Москва : Статут, 2021. – 336 с.
17. Об учреждении Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия : Закон от 7 июня 1899 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. – Т. XIX. – № 16997.
18. Об учреждении кабинетов научно-судебной экспертизы в городах Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и Одессе : Закон от 28 июня 1912 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. – Т. XXXII. – № 37553.
19. Об учреждении Особых совещаний для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства : Закон от 17 августа 1915 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – 1915. – Отд. 1. – Ст. 1751.
20. Об уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции и за несоблюдение стандартов : Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 23 ноября 1929 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – 1929. – № 73. – Ст. 695.
21. Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции : Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 8 декабря 1933 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – 1933. – № 73. – Ст. 445.
22. О мероприятиях по улучшению качества промышленной продукции : Постановление Совета Министров СССР от 23 мая 1955 г. // Собрание постановлений Правительства СССР. – 1955. – № 8. – Ст. 65.
23. О мероприятиях по улучшению качества промышленной продукции и строительных материалов : Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 мая 1955 г. // Собрание постановлений Правительства СССР. – 1955. – № 8. – Ст. 65.
24. О мероприятиях по улучшению работы в области государственной стандартизации и нормализации : Постановление Совета Министров СССР от 16 октября 1959 г. № 1205 // Собрание постановлений Правительства СССР. – 1959. – № 19. – Ст. 154.
25. О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства : Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 4 октября 1965 г. № 729 // СП СССР. – 1965. – № 19–20. – Ст. 152.
26. О Государственном знаке качества СССР : Постановление Совмина СССР от 7 апреля 1967 г. № 295 // СП СССР. – 1967. – № 9. – Ст. 54.
27. Пиленко, А. А. Право изобретателя / А. А. Пиленко. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. – 495 с.
28. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства / К. П. Победоносцев. – Санкт-Петербург : Синодальная тип., 1896.
29. Положение о Комитете по стандартизации при Совете Труда и Обороны : Декрет Совета Народных Комиссаров СССР от 15 сентября 1925 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – 1925. – № 61. – Ст. 452.
30. Положение о порядке разработки, утверждения и издания государственных стандартов : Постановление Совета Министров СССР от 22 ноября 1959 г. // Собрание постановлений Правительства СССР. – 1959. – № 21. – Ст. 162.
31. Положение о привилегиях на изобретения и открытия от 30 марта 1896 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. – Т. XVI. – № 12701.
32. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. – Т. II (1882 г.). – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1886. – № 931.
33. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. – Т. VI (1886 г.). – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1888. – № 3806.
34. Правила о паровых котлах от 8 июля 1843 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. XVIII. Отд. 1. – № 17028.
35. Россинская, Е. Р. Генезис и эволюция института судебной экспертизы в российском праве / Е. Р. Россинская //

Lex Russica. – 2017. – № 10. – С. 15–28.
36. Свод законов гражданских // Свод законов Российской империи. – Т. X. Ч. 1. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1900.
37. Тарасов, И. Т. Очерк науки полицейского права / И. Т. Тарасов. – Москва : Печатня С. П. Яковлева, 1897. – 716 с.
38. Тютрюмов, И. М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга 4 / сост. И. М. Тютрюмов. – Москва : Статут, 2004. – 635 с.
39. Устав благочиния, или Полицейский, 1782 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – Т. XXI. – № 15379.
40. Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Судебные уставы 20 ноября 1864 года. Часть первая. – Санкт-Петербург : Гос. канцелярия, 1866.
41. Устав о промышленности фабричной и заводской // Свод законов Российской империи. – Т. XI. Ч. 2. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1893.
42. Устав ремесленный // Свод законов Российской империи. – Т. XI. Ч. 2. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1893.
43. Шаргородский, М. Д. Преступления против государственной промышленности / М. Д. Шаргородский. – Москва : Юриздат, 1948. – 144 с.
44. Шепелев, Л. Е. Аппарат власти в России эпохи капитализма / Л. Е. Шепелев. – Ленинград : Наука, 1997. – 396 с.
45. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – 10-е изд. – Москва : Изд. бр. Башмаковых, 1912.

Public-Law Mechanisms of Technical Supervision in the Russian Empire: A Historical-Legal Analysis in the Field of Furniture Products

Il'ya D. Alyukov

Postgraduate Student,
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University,
195251, 29, Politekhnicheskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ilya.alyukov@bk.ru

Abstract

The article is devoted to a historical-legal study of the evolution of state quality control in the woodworking and furniture industry of the Russian Empire in the 19th and early 20th centuries. The thesis is substantiated that the transition from artisanal to mass production of furniture products led to the emergence of the category of "hidden defects." It is pointed out that the development and introduction of technological operations gave rise to the need for standardization and required the involvement of special technical knowledge, which laid the historical-legal prerequisites for the formation of the modern institution of forensic commodity expertise.

For citation

Alyukov I.D. (2026) Publichno-pravovye mekhanizmy tekhnicheskogo nadzora v Rossiyskoy imperii: istoriko-pravovoy analiz v oblasti mebel'noy produktsii [Public-Law Mechanisms of Technical Supervision in the Russian Empire: A Historical-Legal Analysis in the Field of Furniture Products]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 38-56. DOI: 10.34670/AR.2026.93.95.004

Keywords

History of state and law, state quality control, furniture industry, mass production, hidden defects, standardization, special technical knowledge, forensic commodity expertise, Russian Empire.

References

1. Aleksandrov N.G. (1949). *Sovetskoye trudovoye pravo* [Soviet Labour Law]. Yurizdat.
2. Bott I.K., Kaneva M.I. (2003). *Russkaya mebel': Istoriya. Stili. Mastera* [Russian Furniture: History. Styles. Masters]. Iskusstvo-SPB.
3. Vas'kovskiy E.V. (1897). *Rukovodstvo k tolkovaniyu i primeneniyu zakonov. Dlya nachinayushchikh yuristov* [A Guide to the Interpretation and Application of Laws. For Beginning Lawyers]. Izd. br. Bashmakovykh.
4. Vladimirov L.E. (2000). *Ucheniye ob ugolovnykh dokazatel'stvakh* [The Doctrine of Criminal Evidence]. Avtograf.
5. Volodin A.Yu. (2007). Istoriya fabrichnoy inspektsii v Rossii (1882–1914 gg.) [History of the Factory Inspection in Russia (1882–1914)]. *Otechestvennaya istoriya*, 2, 23-35.
6. Tyutryumov I.M. (ed.) (1910). *Grazhdanskoye ulozheniye. Proyekt Vysochayshe uchrezhdennoy Redaktsionnoy komissii po sostavleniyu Grazhdanskogo ulozheniya* [Civil Code. Draft of the Highest Established Editorial Commission for the Drafting of the Civil Code]. Tip. M.M. Stasyulevicha.
7. Ioffe O.S. (1967). *Sovetskoye grazhdanskoye pravo* [Soviet Civil Law]. Yuridicheskaya literatura.
8. Isayev I.A. (2012). *Istoriya gosudarstva i prava Rossii* [History of State and Law of Russia]. Prospekt.
9. Krylov I.F. (1975). *Ocherki istorii kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy* [Essays on the History of Criminalistics and Forensic Examination]. Izd-vo Leningr. un-ta.
10. Laptev V.V. (1960). *Pravovyye voprosy organizatsii promyshlennosti v SSSR* [Legal Issues of Industrial Organisation in the USSR]. Izd-vo AN SSSR.
11. Litvinov-Falinskiy V.P. (1900). *Fabrichnoye zakonodatel'stvo i fabrichnaya inspektsiya v Rossii* [Factory Legislation and Factory Inspection in Russia]. Tip. A.S. Suvorina.
12. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. (2009). *Kurs trudovogo prava. Istoriko-pravovoye vvedeniye* [Course of Labour Law. Historical and Legal Introduction]. Statut.
13. Meyer D.I. (1902). *Russkoye grazhdanskoye pravo. Chteniya, izdannyye po zapiskam slushateley* [Russian Civil Law. Lectures Published from Students' Notes] (8th ed., revised and enlarged). Tip. D.V. Chichinadze.
14. Ministerstvo finansov. 1802–1902. Chast' 1 [Ministry of Finance. 1802–1902. Part 1]. (1902). Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag.
15. Mirskiy M.B. (2005). *Meditsina Rossii X–XX vekov: ocherki istorii* [Medicine of Russia of the 10th–20th Centuries: Essays on History]. ROSSPEN.
16. Novitskaya T.E. (2021). *Kodifikatsiya grazhdanskogo prava v Rossii* [Codification of Civil Law in Russia]. Statut.
17. Ob uchrezhdenii Glavnogo po fabrichnym i gornozavodskim delam prisutstviya: Zakon ot 7 iyunya 1899 g. [On the Establishment of the Main Presence for Factory and Mining Affairs: Law of 7 June 1899]. In *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 3-ye* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 3rd Collection], Vol. XIX, No. 16997.
18. Ob uchrezhdenii kabinetov nauchno-sudebnoy ekspertizy v gorodakh Sankt-Peterburge, Moskve, Kieve i Odesse: Zakon ot 28 iyunya 1912 g. [On the Establishment of Cabinets of Scientific Forensic Examination in the Cities of St Petersburg, Moscow, Kiev and Odessa: Law of 28 June 1912]. In *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 3-ye* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 3rd Collection], Vol. XXXII, No. 37553.
19. Ob uchrezhdenii Osobykh soveshchaniy dlya obsuzhdeniya i ob"yedineniya meropriyatiy po oborone gosudarstva: Zakon ot 17 avgusta 1915 g. [On the Establishment of Special Conferences for the Discussion and Coordination of Measures for the Defence of the State: Law of 17 August 1915]. In *Sobraniye uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva, izdavayemoye pri Pravitel'stvuyushchem Senate* [Collection of Legalisations and Orders of the Government, Published under the Governing Senate], 1915, Otd. 1, St. 1751.
20. Ob ugolovnoy otvetstvennosti za vypusk nedobrokachestvennoy produktsii i za nesoblyudeniye standartov: Postanovleniye TsIK SSSR, SNK SSSR ot 23 noyabrya 1929 g. [On Criminal Liability for the Release of Substandard Products and for Non-Compliance with Standards: Decree of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR of 23 November 1929]. In *Sobraniye zakonov i rasporyazheniy Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR* [Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR], 1929, No. 73, St. 695.
21. Ob otvetstvennosti za vypusk nedobrokachestvennoy produktsii: Postanovleniye TsIK SSSR, SNK SSSR ot 8 dekabrya 1933 g. [On Liability for the Release of Substandard Products: Decree of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR of 8 December 1933]. In *Sobraniye zakonov i rasporyazheniy Raboche-*

Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR [Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR], 1933, No. 73, St. 445.
22. O meropriyatiyakh po uluchsheniyu kachestva promyshlennoy produktsii: Postanovleniye Soveta Ministrov SSSR ot 23 maya 1955 g. [On Measures to Improve the Quality of Industrial Products: Decree of the Council of Ministers of the USSR of 23 May 1955]. In *Sobraniye postanovleniy Pravitel'stva SSSR* [Collection of Decrees of the Government of the USSR], 1955, No. 8, St. 65.
23. O meropriyatiyakh po uluchsheniyu kachestva promyshlennoy produktsii i stroitel'nykh materialov: Postanovleniye TsK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 23 maya 1955 g. [On Measures to Improve the Quality of Industrial Products and Building Materials: Decree of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of 23 May 1955]. In *Sobraniye postanovleniy Pravitel'stva SSSR* [Collection of Decrees of the Government of the USSR], 1955, No. 8, St. 65.
24. O meropriyatiyakh po uluchsheniyu raboty v oblasti gosudarstvennoy standartizatsii i normalizatsii: Postanovleniye Soveta Ministrov SSSR ot 16 oktyabrya 1959 g. No. 1205 [On Measures to Improve Work in the Field of State Standardisation and Normalisation: Decree of the Council of Ministers of the USSR of 16 October 1959 No. 1205]. In *Sobraniye postanovleniy Pravitel'stva SSSR* [Collection of Decrees of the Government of the USSR], 1959, No. 19, St. 154.
25. O sovershenstvovanii planirovaniya i usilenii ekonomicheskogo stimulirovaniya promyshlennogo proizvodstva: Postanovleniye TsK KPSS, Sovmina SSSR ot 4 oktyabrya 1965 g. No. 729 [On Improving Planning and Strengthening Economic Incentives for Industrial Production: Decree of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR of 4 October 1965 No. 729]. In *SP SSSR* [Collection of Decrees of the Government of the USSR], 1965, No. 19–20, St. 152.
26. O Gosudarstvennomznake kachestva SSSR: Postanovleniye Sovmina SSSR ot 7 aprelya 1967 g. No. 295 [On the State Quality Mark of the USSR: Decree of the Council of Ministers of the USSR of 7 April 1967 No. 295]. In *SP SSSR* [Collection of Decrees of the Government of the USSR], 1967, No. 9, St. 54.
27. Pilenko A.A. (1902). *Pravo izobretatelya* [The Inventor's Right]. Tip. M.M. Stasyulevicha.
28. Pobedonostsev K.P. (1896). *Kurs grazhdanskogo prava. Chast' tret'ya: Dogovory i obyazatel'stva* [Course of Civil Law. Part Three: Contracts and Obligations]. Sinodal'naya tip.
29. Polozheniye o Komitete po standartizatsii pri Sovete Truda i Oborony: Dekret Soveta Narodnykh Komissarov SSSR ot 15 sentyabrya 1925 g. [Regulation on the Committee for Standardisation under the Council of Labour and Defence: Decree of the Council of People's Commissars of the USSR of 15 September 1925]. In *Sobraniye zakonov i rasporyazheniy Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR* [Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR], 1925, No. 61, St. 452.
30. Polozheniye o poryadke razrabotki, utverzhdeniya i izdaniya gosudarstvennykh standartov: Postanovleniye Soveta Ministrov SSSR ot 22 noyabrya 1959 g. [Regulation on the Procedure for the Development, Approval and Publication of State Standards: Decree of the Council of Ministers of the USSR of 22 November 1959]. In *Sobraniye postanovleniy Pravitel'stva SSSR* [Collection of Decrees of the Government of the USSR], 1959, No. 21, St. 162.
31. Polozheniye o privilegiyakh na izobreteniya i otkrytiya ot 30 marta 1896 g. [Regulation on Privileges for Inventions and Discoveries of 30 March 1896]. In *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 3-ye* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 3rd Collection], Vol. XVI, No. 12701.
32. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 3-ye. T. II (1882 g.) [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 3rd Collection. Vol. II (1882)]. (1886). Gos. tip., No. 931.
33. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 3-ye. T. VI (1886 g.) [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 3rd Collection. Vol. VI (1886)]. (1888). Gos. tip., No. 3806.
34. Pravila o parovykh kotlakh ot 8 iyulya 1843 g. [Rules on Steam Boilers of 8 July 1843]. In *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 2-ye* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2nd Collection], Vol. XVIII, Otd. 1, No. 17028.
35. Rossinskaya E.R. (2017). Genezis i evolyutsiya instituta sudebnoy ekspertizy v rossiyskom prave [Genesis and Evolution of the Institute of Forensic Examination in Russian Law]. *Lex Russica*, 10, 15-28.
36. Svod zakonov grazhdanskikh [Code of Civil Laws]. In *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire], Vol. X, Ch. 1. (1900). Gos. tip.
37. Tarasov I.T. (1897). *Ocherk nauki politseskogo prava* [Essay on the Science of Police Law]. Pechatnya S.P. Yakovleva.
38. Tyutryumov I.M. (comp.) (2004). *Zakony grazhdanskiye s raz"yasneniyami Pravitel'stvuyushchego Senata i kommentariyami russkikh yuristov. Kniga 4* [Civil Laws with Explanations of the Governing Senate and Commentaries of Russian Lawyers. Book 4]. Statut.
39. Ustav blagochiniya, ili Politseyskiy, 1782 g. [Charter of Decency, or Police Charter, 1782]. In *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 1-ye* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st Collection], Vol. XXI, No. 15379.
40. Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva ot 20 noyabrya 1864 g. [Charter of Civil Procedure of 20 November 1864]. In *Sudebnyye ustavy 20 noyabrya 1864 goda. Chast' pervaya* [Judicial Statutes of 20 November 1864. Part One]. (1866).

Gos. kantselyariya.
41. Ustav o promyshlennosti fabrichnoy i zavodskoy [Charter on Factory and Plant Industry]. In *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire], Vol. XI, Ch. 2. (1893). Gos. tip.
42. Ustav remeslennyy [Craft Charter]. In *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire], Vol. XI, Ch. 2. (1893). Gos. tip.
43. Shargorodskiy M.D. (1948). *Prestupleniya protiv gosudarstvennoy promyshlennosti* [Crimes against State Industry]. Yurizdat.
44. Shepelev L.E. (1997). *Apparat vlasti v Rossii epokhi kapitalizma* [The Apparatus of Power in Russia in the Era of Capitalism]. Nauka.
45. Shershenevich G.F. (1912). *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian Civil Law] (10th ed.). Izd. br. Bashmakovykh.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 94(470) **DOI: 10.34670/AR.2026.21.81.005**

Основные направления деятельности НКВД РСФСР по управлению местным хозяйством в период 1917–1921 гг.

Гогиев Хазбулат Магомедович

Аспирант,
кафедра теоретико-исторических правовых наук,
Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Московская, 164;
e-mail: gogiev_kh@mail.ru

Аннотация

Автор анализирует полномочия НКВД РСФСР на ранних этапах становления советской государственности (1917–1921) в сфере организационно-правового управления местным (коммунальным) хозяйством. Актуальность обусловлена тем, что ситуация в области коммунального городского хозяйства в современной России и в революционный период имеет определённые черты сходства в тенденции к нарастанию кризисности и чрезвычайности. Постулируется вывод о преемственности НКВД РСФСР полномочий упразднённого Министерства внутренних дел с учётом уточнённого объёма компетенции, специфики революционного периода и особенностей положения в области местного хозяйства на исследуемом этапе исторического развития. С другой стороны, подчёркивается революционно-организационный характер НКВД РСФСР в раннесоветском государстве и соответствующие подходы к организации управления местным хозяйством. Отмечается контрольно-надзорная функция НКВД РСФСР в области управления коммунальным хозяйством в целом и за деятельностью коммунальных отделов советов в частности. В исследовании подчёркивается сочетание централизованного управления с необходимой оперативной гибкостью для местных должностных лиц. Данная управленческая практика может быть использована для анализа перспектив совершенствования современного управления жилищно-коммунальным хозяйством в Российской Федерации в условиях чрезвычайных происшествий в коммунальной инфраструктуре.

Для цитирования в научных исследованиях

Гогиев Х.М. Основные направления деятельности НКВД РСФСР по управлению местным хозяйством в период 1917–1921 гг. // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 57-69. DOI: 10.34670/AR.2026.21.81.005

Ключевые слова

НКВД РСФСР, НКВД, местное хозяйство, коммунальное хозяйство, Октябрьская революция, Гражданская война, государственное управление, чрезвычайное право.

Введение

Нарастание темпов деградации отечественной системы инфраструктуры и жилищно-коммунального хозяйства в последние десятилетия не может не представлять собой существенную проблему жизнедеятельности граждан, что побуждает правоведческое сообщество не только искать возможные пути выхода из «коммунального тупика», но и обращаться к историческому опыту организационно-правового регулирования в области управления коммунальным (местным) хозяйством. Внезапные коммунальные «прорывы», массовые отключения электроэнергии и целых районах и городах – прочно вошли в информационное пространство современного российского обывателя. Парадоксальной «нормой» стали отключения отопления и снабжения горячей водой в зимнее время года даже в северных районах государства. Компетентные органы реагируют уголовными делами, увольнениями, отстранениями – что, безусловно, является правильным, если человек (должностное лицо), в действительности, является виновным, и это лучше, чем не реагировать вовсе. Однако, массовость данного явления говорит о наличии системных проблем. Аналогичные системные проблемы в области местного хозяйства имели место и в революционный период 1917 г. В данной связи, особую актуальность представляет исследование направлений деятельности НКВД РСФСР по организационно-правовому управлению в области местного хозяйства на ранних этапах становления советской государственности (1917-1921 гг.), что, в настоящее время, не находило большой популярности у историко-правовых исследователей. Целью статьи выступает анализ направлений деятельности (функций) НКВД РСФСР по управлению местным хозяйством в период 1917-1921 гг., то есть, в период формирования раннесоветского государства на начальном этапе. Методология исследования опирается на исследование нормативно-правовых источников указанного периода по заданной теме, анализ некоторых архивных материалов, изучение исторических и историко-правовых работ по заданной теме. Стоит отметить, что среди авторов имеет место интерес к исследованию эволюционного пути формирования НКВД РСФСР, в особенности, В.Ж. Дорохов написал на эту тему работу «Как создавался НКВД Советской России. Нюансы и особенности трансформации МВД в НКВД в октябре 1917 г. - июне 1918 г.», заслуживающую внимания. А.В. Мамаев посвятил вопросам управления городским коммунальным хозяйством раннесоветского государства несколько работ, среди которых следует отметить статьи «НКВД, совнархозы и рождение коммунальных отделов в Советской России (1918-1920 годы)», «Большевики и конструирование новой системы управления городским хозяйством в Советской России в 1918 г.». Следует отметить, что автор данных работ подробно описывает специфику политико-бюрократического противостояния в области управления местным хозяйством первых послереволюционных месяцев и лет внутри советской власти, что лишает возможности представлять себе процесс управления в раннесоветском государстве как «цельный» и бесконкурентный. Между тем, специфика, именно, функциональных особенностей НКВД РСФСР в раннесоветском государстве по управлению местным хозяйством в русле детального исследования не находило популярности у исследователей.

Основная часть

Революционный период и период Гражданской войны в России характеризуется упадком материального достатка всех слоёв городского населения, а также разрушением экономического

управления, практически, во всех сферах хозяйствования – не была исключением и сфера местного хозяйства. Учитывая данные обстоятельства, интерес представляют детали управления местным хозяйством со стороны НКВД РСФСР – как ценнейший опыт по государственно-коммунальному управлению в условиях крайне неблагоприятной обстановки в местном хозяйстве.

Учитывая революционный характер образования НКВД РСФСР в 1917 г. – на первых порах отсутствует формально-юридическое обрамление компетенций данного органа власти. Как отмечает И.И. Кизилов, «когда НКВД приступил к работе, его деятельность не была регламентирована. В период бурного советского строительства он занимался вопросами управления, финансов, военными, хозяйственными, народного здравоохранения и др. Такой универсализм по руководству разнообразными отраслями местной жизни продолжался до того момента, пока не начали функционировать на местах отделы других ведомств» [Кизилов, 1969, с. 8]. Для того, чтобы понимать специфику образования НКВД РСФСР, обратимся к исследованию В.Ж. Дорохова, посвященное данной теме: «Сделанная 28 октября попытка Рыкова [первый нарком внутренних дел – прим. автора], попасть в МВД, провалилась. Служащие его просто не пустили в здание, в связи с чем, на первых порах аппарат НКВД формировался в Смольном институте и состоял всего из нескольких человек» [Дорохов, 2025]. Автор так же отмечает отсутствие, непосредственно, организационно-управленческого опыта у всех членов совнаркома. В то же время, против большевиков активно разворачивалась контрреволюция и технически-организационный саботаж. «На местах ширилось пассивное сопротивление государственных служащих, что грозило скорым крахом новой власти» [Дорохов, 2025]. Любая революция, хотя и отражает запросы значительной части общества, по своей сути, является актом антидемократическим, в нарушение установленных правил и процедур демократии (даже если эти правила и процедуры отсутствуют в нормативно-правовых актах). Не исключением являлась и Октябрьская революция. Находя поддержку одной части общества, большевистская власть, безусловно, была объектом для сопротивления другой части общества. Сопротивление большевикам оказывалось не только со стороны «правого» крыла – монархистов, лоялистов, либеральных (буржуазных) демократов, но и со стороны «левого» крыла – представителей меньшевиков, эсеров и других политических сил социалистического толка. Отдельную ветвь «сопротивления» составляли националистические политические силы. «Одновременно к обструкции большевиков призвал и Комитет Союза союзов служащих государственных учреждений Петрограда, чей центральный комитет, был сформирован исключительно из сотрудников МВД» [Дорохов, 2025]. Таким образом, противодействием большевистской власти занимались и, непосредственно, рядовые служащие бывшего МВД, не занимавшиеся политикой. Внешнюю обстановку деятельности НКВД РСФСР – как одного из главных «силовых» органов новообразованного революционного государства – можно охарактеризовать как крайне неблагоприятную. В этих обстоятельствах, на второй план уходят вопросы первичного нормативно-правового оформления деятельности НКВД РСФСР, на первый план выходят вопросы оперативного и кризисного управления. НКВД РСФСР в первые годы своего существования не имело строгого нормативного порядка регулирования своей деятельности. В своём исследовании авторы Е.Н. Морозова, Д.И. Раскин приходят к выводу, что, в сущности, НКВД РСФСР унаследовало организационно-управленческую структуру от Министерства внутренних дел Российской Республики (далее – МВД), и переняло те полномочия, которыми оно (МВД) обладало к моменту производства Октябрьской революции.

«При этом вплоть до конца 1918 г. в наркоматах сохранялась прежняя организация

делопроизводства. … Часть учреждений даже такого несомненно «угнетательского» ведомства, как Министерство внутренних дел …, подверглась лишь переименованию или реорганизации. … Главное управление по делам местного хозяйства в ноябре 1917 г. передавалось в ведение вновь организованного Народного комиссариата по местному самоуправлению (уже в 20-х числах марта 1918 г. прекратившего свое существование с передачей его структурных частей в НКВД)» [Морозова; Раскин, 2017].

С другой стороны, в отношении оперативного управления – нельзя говорить о том, что НКВД РСФСР полностью наследовало МВД ввиду того, что кадровый состав МВД начал разлагаться ещё в период правления Временного правительства, а формирование милицейских отрядов «на местах» уже с февраля-марта 1917 г. начинало приобретать децентрализованный характер, сочетая в себе деятельность народной милиции, рабочей милиции, отрядов Красной гвардии, домовых комитетов и домовых комитетов бедноты.

С одной стороны, функциональные полномочия НКВД РСФСР по управлению местным хозяйством в городах были продиктованы унаследованием аналогичных у МВД, с другой стороны – были обусловлены, в целом, опорой на отряды рабочей милиции и Красной гвардии, как на основную силу большевиков в революционный период. С помощью военизированных отрядов милиции, представлявших, в определенной степени, единственное сосредоточение реальной власти в городской жизни на рубеже октября-ноября 1917 г., было возможно эффективно бороться с саботажем на производстве и в коммунальных предприятиях – так как отряды рабочей милиции организовывались при самих предприятиях ещё в предреволюционный период 1917 г. Нетрудно прийти к мысли, что управление предприятием с помощью лиц, которые сами являются или являлись работниками данного предприятия, обуславливает оперативность управления в кризисный период. Иными словами, на первых этапах осуществления функционирования НКВД РСФСР, не имелось большой срочности в нормативно-правовом оформлении деятельности данной структуры власти, так как оперативная вертикаль управления к тому моменту уже была понятна основным управленцам и исполнителям, и «основной» каркас достался от МВД.

В целом, схему полномочий НКВД РСФСР по организационно-правовому управлению местным хозяйством можно представить как совокупность прежних полномочий МВД в области организационно-правового управления местным хозяйством (принимая во внимание специфику революционного времени и особенности советского строительства на местах) и новых полномочий, появившихся у НКВД РСФСР уже после начала своей деятельности (предоставленные НКВД РСФСР со стороны СНК РСФСР и иных вышестоящих органов власти). Не мало важную роль занимают и те функциональные полномочия, имеющие образование «снизу вверх», а не «сверху вниз», так как власть большевиков была властью революционной, а НКВД РСФСР формировалось, в том числе, на основании уже действовавших к тому моменту отрядов рабочей милиции и Красной гвардии на местах. Управление не было строго централизованным – большое значение имела инициатива на местах, общий революционный моральный дух значительной части городского и крестьянского населения. Разгул преступности, дезорганизация экономической и хозяйственной жизни на протяжении длительных месяцев и неспособность органов власти Временного правительства справиться с кризисом и побуждали многих людей к поддержке большевиков, которые, к тому моменту, заявляли о готовности взять власть в свои руки (и, соответственно, решить проблемы горожан – среди которых проблемы в области местного городского хозяйства занимали не последнее место по своей важности).

Значимую роль в преемственности функциональных полномочий НКВД РСФСР от МВД, парадоксально, сыграл кадровый кризис при формировании аппарата МВД. Постановлением СНК от 31 января (13 февраля) 1918 г. «О порядке приема на службу саботажников», «отдельным народным комиссарам предоставляется принимать на работу, как отдельных лиц, тех саботажников, которые, вполне подчиняясь Советской власти и поддерживая ее, необходимы для работы в соответствующих ведомствах» [Постановление СНК от 31 января 1918 г., 1957].

В число полномочий, доставшихся НКВД РСФСР по наследству от МВД, можно отнести общий надзор за деятельностью органов местной власти, в чьём ведении находились вопросы местного хозяйства. Не лишним будет напомнить и о центральной роли НКВД РСФСР в вопросах местного строительства советской власти на местах в революционный период, что имело органичное сочетание с полномочиями по надзору в сфере местного хозяйства.

НКВД РСФСР издавало инструкции, нормативные акты, организовывало и координировало деятельность коммунальных отделов советов депутатов (далее – совдепов).

Например, Инструкцией НКВД РСФСР от 6 января 1918 г. (24 декабря 1917 г.) «О правах и обязанностях Советов», НКВД РСФСР устанавливал, что «на Советы, как на органы власти, возлагаются задачи управления и обслуживания всех сторон местной жизни, административной, хозяйственной, финансовой и культурно-просветительной» [Инструкция НКВД от 6 января 1918 г., 1917]. Данным актом НКВД РСФСР подтверждал перенятие местными советами всех полномочий прежних органов местного самоуправления (городовых и уездных управ). В составе советов начинали действовать коммунальные отделы (на начальных этапах возможно различное наименование данных отделов, термин «коммунальное хозяйство» закрепится лишь позднее).

Булюлина Е.В. следующим образом характеризует полномочия местных коммунальных отделов:

«Местные отделы коммунального хозяйства заведовали:

- управлением всеми муниципальными зданиями, эксплуатацией, восстановлением и расширением жилищного фонда;

- ремонтными и строительными работами городского и сельского строительства и надзором за частным строительством жилых и некоторых других помещений;

- городским благоустройством, городским земельным хозяйством, учетом земельного имущества, улучшением санитарного состояния городов;

- пожарным и похоронным делом;

- городскими водопроводом, канализацией, трамваем, электростанциями, бойнями, мельницами, банями и т. д. (в 1920 г. городские бойни и мельнично-крупяные предприятия были переданы губернским продовольственным комитетам, а в 1921 г. электростанции перешли в ведение губернских советов народного хозяйства)» [Булюлина, 2013].

Постановлением НКВД РСФСР от 30 октября 1917 г. «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса», городские самоуправления (советы) наделялись правами «учреждать жилищную инспекцию, определять ее организацию и круг ведения. … издавать обязательные постановления об учреждении домовых комитетов, об их устройстве и круге ведения и о предоставлении им прав юридического лица. … учреждать жилищные суды, определять круг их ведения, устройство и полномочия» [Постановление НКВД РСФСР от 30.10.1917, 1917].

Согласно Декрету СНК от 28 июня 1918 г. «О национализации крупнейших предприятий»,

«все предприятия, обслуживающие водоснабжение, все газовые заводы, трамваи, конно-железные дороги и предприятия по канализации переходят по всей территории Республики в собственность Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов» [Декрет СНК от 28 июня 1918 г., 1942], при том, вопросы определения порядка организации управления данными предприятиями возлагались на местные советы. Как уже было отмечено, осуществляя контроль и надзор за деятельностью местных советов, НКВД РСФСР, по своей сути, осуществляло контроль и надзор за управлением национализированными предприятиями местного городского хозяйства.

Руководящая роль НКВД РСФСР по отношению к советам и, в особенности, к вопросам ведения коммунальных отделов не снижалась со временем, о чем может свидетельствовать, например, Постановление СНК РСФСР от 28 декабря 1921 г. «Об условиях демуниципализации домов» [Постановление СНК РСФСР от 28.12.1921, 1929], которым за НКВД РСФРС отводится функция утверждения списков домов, подготовленных к демуниципализации коммунальными отделами – то есть, за НКВД РСФСР последовательно подчёркивается контрольно-надзорная функция в вопросах местного и коммунального хозяйства.

Исследуя вопросы формирования коммунальных отделов в раннесоветском государстве, А.В. Мамаев приводит нормативные свидетельства преемственности управления местным хозяйством совдепами от городских управ, что так же имело отражение в актах НКВД РСФСР: «Инструкция НКВД от 20 января 1918 г. указывала по вопросу об организации городских советов: «Городские советы – это прежние городские думы с той только разницей, что их выбирает только трудящийся народ, и буржуазия от участия в управлении устранена. Поэтому городской Совет исполняет прежнюю работу городских дум, а исполнительный комитет Совета – работу городской управы». Предполагалось, что Советы овладеют «той работой, которая до сих пор лежала на органах самоуправления», с помощью технического аппарата и касс, передававшихся Советам» [Мамаев, 2020].

В то же время, тенденцией того периода было некоторое разграничение полномочий. Например, Лобанов А.В., Кузнецов О.В. отмечают передачу из ведения НКВД РСФСР вопросов здравоохранения [Лобанов; Кузнецов, 2010] (что имеет отношение к надзору за санитарным состоянием оказываемых коммунальных услуг).

Обсуждая специфику полномочий НКВД РСФСР того периода, нельзя не обратить внимание на катастрофическое положение в области местного хозяйства в предреволюционный период, что требовало концентрацию усилий и централизацию управления (в логике советского правительства того периода), что подтолкнуло высшие органы управления страной к отказу от децентрализации, к введению принципов так называемого «демократического централизма».

Говоря о роли НКВД в Советском строительстве, следует учитывать, что Наркомат относился к исполнительно-распорядительным органам, а советы к органам власти. При реализации концепции «демократического централизма» такая ситуация была серьёзным нарушением этого принципа – мерой, как представлялось, временной и вызванной чрезвычайными условиями.

Для обозначения чрезвычайности условий, обратимся к исследованию А.С. Бочкарева, Ю.В. Хотина, которые следующим образом характеризуют положение в городах на тот период: «В 1912 году в Москве проживало около 1 миллиона человек. Из них примерно 313 тысяч человек проживало в 24,5 тысячах «коечно-коморочных» квартир. Статистика того периода свидетельствует, что 60% жилищного фонда не имело электричества, 75% − водопровода, 85% − канализации. Центральное отопление было только в 1% жилищного фонда. К революции 1917

года на 800 городов страны насчитывалось 13 прачечных, 23 канализации, 35 трамвайных предприятий, 215 небольших водопроводов, 606 бань» [Бочкарева; Хотина, 2019]. К тому же, в революционное время ситуация усугублялась недостатком продуктов питания в городах, распространением бандитизма, криминала, а также галопирующей инфляцией.

В более урегулированном виде, полномочия НКВД РСФСР в вопросе управления коммунальным хозяйством были зафиксированы Декретом СНК от 08 апреля 1920 г. «О Коммунальных Отделах Исполнительных Комитетов (Положение)» [Декрет СНК от 08 апреля 1920 г., 1920], которым подтверждалось «общее руководство» деятельностью коммунальных отделов в «Коммунальном Отделе Народного Комиссариата Внутренних Дел». Таким образом, НКВД РСФСР был, своего рода, вышестоящей инстанцией для всех местных коммунальных отделов, которые находились в ведении совдепов.

Декретом СНК РСФСР «О сосредоточении пожарного дела в Народном Комиссариате Внутренних Дел» от 12 июля 1920 г. «заведывание и управление пожарным делом» передавалось в ведение НКВД РСФСР [Хроколов, 2021].

«С переходом пожарной охраны в ведение НКВД в системе службы было установлено единоначалие. ЦПО руководил борьбой с пожарами, разрабатывал противопожарные меры, учитывал и распределял пожарную технику, осуществлял руководство пожарными командами и другими пожарными формированиями. НКВД четко установил круг обязанностей профессиональных пожарных команд, разработал перечень работ, возлагавшихся на них (выезд на пожары, оказание помощи при стихийных бедствиях, уборка служебных помещений и казарм), а также запретил местным органам использовать пожарные команды не по назначению» [Атигов, 2009] - отмечает высокую организационную значимость НКВД РСФСР в вопросах наведения порядка в пожарном деле в период проведения Гражданской войны В.А. Хроколов.

Следует упомянуть и организационно-координационную деятельность НКВД РСФСР в вопросах управления местным хозяйством в рассматриваемый период. Так, Бубненкова О.В. отмечает высокую роль в развитии коммунального хозяйства того контакта, которого удалось добиться Отделу коммунального хозяйства НКВД РСФСР по работе с местными органами. С 1920 г. производится организация губернских съездов представителей уездных и городских коммунальных отделов [Бубненкова, 2009]. Отвечая на насущные потребности городского населения, НКВД РСФСР стремилось проводить сбалансированную политику, направленную на решение актуальных для того периода кризисных ситуаций.

В организационной структуре НКВД РСФСР присутствовали подразделения, которые в силу своего названия могут путать исследователей с теми подразделениями, которые занимались вопросами местного хозяйства. В частности, отдел местного управления НКВД РСФСР, в целом, не занимался целенаправленно вопросами местного хозяйства, как своей деятельностью. Однако, данный отдел осуществлял надзор за строительством местных органов власти (как в сельской местности, так и в городской). Например, следующее указывается в информационном листке отдела местного управления НКВД № 6 от 17 января 1918 г.: «Хвалынск Саратовская губ. Совет реорганизован, но еще не утвердился. Тормозит его положение Топографическое училище в составе 340 юнкеров и 40 офицеров, которым могут быть противопоставлены только 200 солдат. Продовольственная управа, земская управа, городская управа, милиция — в руках Комитета спасения Родины. Часть юнкеров принимали участие в подавлении попыток захватить помещичьи земли» [Из информационного листка № 6, 1918]. Или в информационном листке отдела местного управления НКВД № 14 от 27 января

1918 г.: «Липецк Тамбовской губ. Липецкий Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов обслуживает город и уезд. ...Земля в уезде отобрана и передана в земельные комитеты. Эксцессов в деревнях не было» [Из информационного листка № 14, 1918].

В архивных материалах имеется большое количество аналогичных информационных листков, из которых следует, что НКВД РСФСР посредством отдела местного управления осуществляло учет тех органов местного управления, которые перешли под контроль советской власти на местах, а которые пока сопротивлялись (по тем или иным причинам). В качестве основных причин проблем установления советской власти отмечаются голод и перебои с поставками продовольствия. Например, «Кашин Тверской губ. Работа Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов распространяется на весь уезд. Городская дума и земство относятся отрицательно к Советской власти. Существует милиция под наблюдением Совета. Помещичьи, монастырские и удельные земли взяты на учет земельным комитетом. Разгромов не было. Продовольствие плохое» [Из информационного листка № 27, 1918]. В целом, подобная информационно-аналитическая деятельность позволяла НКВД РСФСР аккумулировать внутри себя актуальную информацию об обстановке в городах, что, представляется, в том числе, способствовало более оперативному реагированию в области контроля над управлением местными органами в области местного (коммунального) хозяйства.

Атигов А-Х. М. отмечает, что «[местный – прим. автора] отдел посылал инструкторов в губернии, уезды, производил ревизии советов, расследовал конфликты, возникающие между местными советами, их отделами и различными ведомствами» [Атигов, 2009].

Следует так же отметить, что за НКВД РСФСР лежала задача по общей координации управления местным хозяйством по всей территории государства, принимая во внимание то обстоятельство, что, всё же, не везде местное коммунальное хозяйство находилось под непосредственным управлением советов.

«Отдел местного хозяйства НКВД разослал в города анкету с вопросами об организации и деятельности коммунальных отделов на местах. … Из имевшихся 95 ответов отделы коммунального хозяйства в составе городских советов функционировали в 22 городах (23% от общего числа ответивших на этот вопрос отделов), в составе совнархозов находилось 32 отдела местного хозяйства (34% от ответивших отделов), в составе губернских или уездных исполкомов действовал 41 коммунальный отдел (43%). Отмечалось многообразие названий муниципальных отделов» [Мамаев, 2011] - отмечает А.В. Мамаев.

Иными словами, управление местным хозяйством в условиях таковой организационной неопределенности без центрального, систематизирующего центра (которым выступил НКВД РСФСР), не представлялась возможным.

С другой стороны, некоторыми авторами ставится под сомнение эффективность управления местным хозяйством в рассматриваемый период.

«В результате захвата власти партией большевиков существовавшая структура городского управления была нарушена, и адекватной замены до середины 1920-х гг. создано не было, что явилось основной причиной усугубления разрухи в хозяйственной жизни города» [Демидова, 2008, с. 11] - пишет А.Р. Демидова. Данный же автор отмечает, что «определяющим в выборе стратегии выживания городского хозяйства в экстраординарных условиях Гражданской войны и «военного коммунизма» являлся субъективный фактор. Именно сознательность и способности конкретных руководителей на местах закупать различные необходимые для деятельности детали и материалы у «мешочников» и «частников» обеспечивали жизнедеятельность коммунальных предприятий» [Демидова, 2008, с. 11].

Второй тезис автора подтверждает написанное раннее об инициативности управленческих кадров «на местах» во всевозможных вопросах периода революционного управления, однако нельзя в полной степени согласиться с первым тезисом о том, что никакой «адекватной» замены структуры управления местным городским хозяйством не было до 1920-х гг. Как уже отмечалось в данной работе, управление местным хозяйством НКВД РСФСР носило чрезвычайно-кризисный характер, осуществлялось в период политической и социальной турбулентности. Собственно, предоставление оперативных полномочий «конкретным руководителям на местах» по управлению местным хозяйством, предоставление им возможности распоряжаться определенными средствами и было одним из методов решения самых чрезвычайных кризисных, «прорывных» ситуаций в городском местном хозяйстве, так как в вышеобозначенных условиях строгая бюрократизация и согласовывание каждого действия с вышестоящим начальством не представлялось ни возможным, ни целесообразным. К тому же, в условиях продолжающейся мировой, Гражданской войн, интервенции создание унифицированных стандартов и правил по управлению местным хозяйством имело бы контрпродуктивный характер и не могло учитывать особенности каждого конкретного населенного пункта. Е.А. Фалина описывает, что после национализации водокачки в г. Чебоксар, «вода в незначительных объемах стала подаваться в здание бывшего винного склада, где разместился ОблЧК, в аптеку, больницу, Земельный отдел и дом Совдепа» [Фалина, 2008, с. 15]. При том, до национализации, данная водокачка была построена для производственных нужд одного лишь Спиртзавода. Правильное распределение имеющихся коммунальных ресурсов, изъятых, в том числе, из собственности частных лиц, на социально-значимые нужды, связанные с обеспечением выживания населения (больница, аптека), свидетельствует о заинтересованности управителей национализированных предприятий (в случае водокачки это местные советы) в улучшении насущных бытовых условий горожан. Имелась ли бы такая заинтересованность в случае отсутствия контроля со стороны НКВД РСФСР? Вопрос открытый, но ясно видно, что НКВД РСФСР не препятствовал данным тенденциям в управлении. А.В. Мамаев отмечает и идеологические основания деятельности НКВД в направлении организации местного хозяйства: «Проект будущей организации местного хозяйства НКВД был весьма «левым» и близким к анархистскому. Предполагалось, что на местах появятся коммуны, которые займутся распределением продуктов, будут заведовать столовыми и чайными, управлять вопросами благоустройства, коммунальными предприятиями. Между отдельными коммунами следовало наладить тесные связи, включая обмен продуктами» [Мамаев, 2017]. Это подчёркивает, что, хотя НКВД РСФСР и осуществляло контроль и надзор за управлением местным хозяйством, в его планы никак не входило создание строго централизованной системы управления, где бы местные органы и начальники не имели бы никакого простора для оперативных действий. Сама автор отмечает в другой своей работе, что «ситуация в хозяйстве Петрограда начинает меняться в положительную сторону только к 1921 г., в связи к переходом к нэпу» [Мамаев, 2020]. Мы же можем связать положительные тенденции, наметившиеся в городском хозяйстве бывшей столицы к 1921 г., не только в связи с переходом к нэпу, но и в связи с той организационной работой по управлению местным хозяйством, которое проделало НКВД РСФСР за предшествующие годы. Социальные явления носят инерционный характер, последствия которых, зачастую, по времени отдаляются от их причин. Так, разруха в коммунальном хозяйстве была вызвана, отчасти, накопительным эффектом от первой мировой войны, что повлекло топливный кризис и финансово-экономический кризис, в целом. Годы потребовались на разрушение – и годы же потребовались на восстановление.

Заключение

Специфика деятельности НКВД РСФСР за период 1917-1921 гг. характеризуется, с одной стороны, наследованием полномочий от МВД, с другой стороны, уточнением полномочий новым правительством, в условиях чрезвычайной, кризисной обстановки (наложившейся на не без того удручающее состояние местного городского хозяйства в дореволюционный период). Деятельность НКВД РСФСР по организационно-правовому управлению коммунальным хозяйством на раннем этапе становления советского государства просуществует не долго, в связи с переходом к Новой экономической политике и развёртыванием ограниченных рыночных отношений, однако, практика подобного рода управления в кризисный период может иметь положительную оценку. В условиях организационного хаоса, общего упадка, голода, видится разумным решением по концентрации управленческих полномочий в руках централизованного органа, в виду отсутствия уверенности в компетентности и мобилизационной готовности органов местных. С другой стороны, внутри самой системы управления в данном органе должен сохраняться необходимый для оперативного решения острых коммунальных проблем баланс между оперативной свободой действий конкретных руководителей на местах, и контролем за выполнением ими своих обязанностей. В условиях критических коммунальных ситуаций, правильность управления должна измеряться эффективностью работы коммунальных предприятий, а не формальными соответствиями в отчётной документации. Данный опыт имеет основания для анализа на современном этапе отечественной истории.

Библиография

1. Атигов, А-Х. М. Центральный аппарат НКВД и формирование региональной системы управления в советской России (1917–1918 гг.) / А-Х. М. Атигов // Наука и школа. – 2009. – № 4. – С. 68–69.
2. Бочкарева, А. С. Жилищно-коммунальное хозяйство: из истории развития управляющих компаний / А. С. Бочкарева, Ю. В. Хотина // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». – 2019. – № 3. – С. 94–99.
3. Бубненкова, О. В. Роль НКВД в управлении местным хозяйством в 20-е годы XX века / О. В. Бубненкова // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 4. – С. 35–39.
4. Булюлина, Е. В. Из истории формирования и деятельности местных органов управления коммунальным хозяйством. 1917–1929 гг. (на материалах Нижнего Поволжья) / Е. В. Булюлина // Общество: философия, история, культура. – 2013. – № 1. – С. 31–34.
5. Декрет СНК от 08 апреля 1920 г. «О Коммунальных Отделах Исполнительных Комитетов (Положение)» // Известия ВЦИК Советов от 17 апреля 1920 г. № 81.
6. Декрет СНК от 12 июля 1920 г. «О сосредоточении пожарного дела в Народном Комиссариате Внутренних Дел» // Известия ВЦИК Советов от 21 июля 1920 г. № 159.
7. Декрет СНК от 28 июня 1918 г. «О национализации крупнейших предприятий» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. – Москва : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. – С. 632–636.
8. Демидова, А. Р. Хозяйственная жизнь Петрограда 1917 – начала 1920-х гг. Город в условиях экстраординарности : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Демидова А. Р. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2008. – 21 с.
9. Дорохов, В. Ж. Как создавался НКВД Советской России. Нюансы и особенности трансформации МВД в НКВД в октябре 1917 г. – июне 1918 г. / В. Ж. Дорохов // Клио. – 2025. – № 1 (217). – С. 126–135.
10. Из информационного листка отдела местного управления Наркомата внутренних дел № 6. 17 января 1918 г. // РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 138. Л. 6. Стеклограф.
11. Из информационного листка отдела местного управления Наркомата внутренних дел № 14. 27 января 1918 г. // РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 138. Л. 12. Стеклограф.
12. Из информационного листка отдела местного управления Наркомата внутренних дел № 27. 26 февраля 1918 г. // РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 138. Л. 24. Стеклограф.

13. Инструкция Народного комиссариата внутренних дел «О правах и обязанностях Советов» от 06 января 1918 г. (24 декабря 1917 г.) // СУ РСФСР. – 1917. – № 12. – Ст. 180.
14. Кизилов, И. И. НКВД РСФСР (1917–1930 гг.) / И. И. Кизилов. – Москва : Научно-исследовательское и редакционное изд-во, 1969. – 159 с.
15. Лобанов, А. В. Участие органов внутренних дел Российского государства в охране здоровья населения / А. В. Лобанов, О. В. Кузнецов // Правовая культура. – 2010. – № 2 (9). – С. 19–31.
16. Мамаев, А. В. Большевики и конструирование новой системы управления городским хозяйством в советской России в 1918 г. / А. В. Мамаев // Клио. – 2017. – № 12 (132). – С. 96–104.
17. Мамаев, А. В. Большевики и реорганизация управления городским хозяйством в 1918 г.: опыт г. Вятки / А. В. Мамаев // Вестник ВятГУ. – 2011. – № 3-1. – С. 34–38.
18. Мамаев, А. В. НКВД, совнархозы и рождение коммунальных отделов в Советской России (1918–1920 годы) / А. В. Мамаев // Исторический курьер. – 2020. – № 1 (9). – С. 105–116.
19. Морозова, Е. Н. Становление советской государственности: использование имперского наследия в сфере центрального управления / Е. Н. Морозова, Д. И. Раскин // Новейшая история России. – 2017. – № 3 (20). – С. 7–23.
20. Постановление НКВД РСФСР от 30.10.1917 «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1917. – № 2.
21. Постановление СНК от 31 января (13 февраля) 1918 г. «О порядке приема на службу саботажников» // Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – Москва : Политиздат, 1957.
22. Постановление СНК РСФСР от 28.12.1921 «Об условиях демуниципализации домов» // Систематическое Собрание законов РСФСР, действующих на 01.01.1928. Т. 2. – 1929. – Ст. 1939.
23. Фалина, Е. А. Жилищно-коммунальное хозяйство городов Чувашской республики в 1920–1990 гг.: исторический опыт : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Фалина Е. А. – Чебоксары, 2008. – 21 с.
24. Хроколов, В. А. Пожарная охрана Беларуси в межвоенный период и в начале Великой Отечественной войны / В. А. Хроколов // Вестник Университета гражданской защиты МЧС Беларуси. – 2021. – № 4. – С. 514–522.

Main Directions of the Activity of the NKVD of the RSFSR in Managing Local Economy in the Period of 1917–1921

Khazbulat M. Gogiev

Postgraduate Student,
Department of Theoretical and Historical Legal Sciences,
Stolypin Volga Region Institute of Administration –
Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
410012, 164, Moskovskaya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: gogiev_kh@mail.ru

Abstract

The author analyzes the powers of the NKVD of the RSFSR at the early stages of the formation of Soviet statehood (1917–1921) in the sphere of organizational and legal management of the local (municipal) economy. The relevance is conditioned by the fact that the situation in the field of municipal urban economy in modern Russia and in the revolutionary period has certain features of similarity in the tendency toward growing crisis and emergency. A conclusion is postulated about the continuity of the NKVD of the RSFSR from the abolished Ministry of Internal Affairs with regard to the refined scope of competence, the specifics of the revolutionary period, and the peculiarities of the situation in the field of local economy at the studied stage of historical development. On the other hand, the revolutionary-organizational character of the NKVD of the RSFSR in the early Soviet state and the corresponding approaches to organizing the management of

the local economy are emphasized. The control and supervisory function of the NKVD of the RSFSR in the field of managing the municipal economy as a whole and over the activities of the municipal departments of the soviets in particular is noted. The study emphasizes the combination of centralized management with the necessary operational flexibility for local officials. This management practice can be used to analyze the prospects for improving the modern management of the housing and utilities sector in the Russian Federation under conditions of emergency incidents in municipal infrastructure.

For citation

Gogiev Kh.M. (2026) Osnovnye napravleniya deyatel'nosti NKVD RSFSR po upravleniyu mestnym khozyaystvom v period 1917–1921 gg. [Main Directions of the Activity of the NKVD of the RSFSR in Managing Local Economy in the Period of 1917–1921]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 57-69. DOI: 10.34670/AR.2026.21.81.005

Keywords

NKVD of the RSFSR, NKVD, local economy, municipal economy, October Revolution, Civil War, public administration, emergency law.

References

1. Atigov, A-Kh. M. (2009). Tsentralny apparat NKVD i formirovanie regionalnoy sistemy upravleniya v sovetskoy Rossii (1917–1918 gg.) [The central apparatus of the NKVD and the formation of the regional management system in Soviet Russia (1917–1918)]. Nauka i Shkola, (4), 68–69.
2. Bochkareva, A. S., & Khotina, Yu. V. (2019). Zhilishchno-kommunalnoe khozyaystvo: iz istorii razvitiya upravlyayushchikh kompaniy [Housing and communal services: From the history of the development of management companies]. Nauchnye Trudy KubGTU, (3), 94–99.
3. Bubnenkova, O. V. (2009). Rol NKVD v upravlenii mestnym khozyaystvom v 20-e gody XX veka [The role of the NKVD in the management of local economy in the 1920s]. Vestnik Akademii Ekonomicheskoy Bezopasnosti MVD Rossii, (4), 35–39.
4. Bulyulina, E. V. (2013). Iz istorii formirovaniya i deyatelnosti mestnykh organov upravleniya kommunalnym khozyaystvom. 1917–1929 gg. (na materialakh Nizhnego Povolzhya) [From the history of the formation and activity of local bodies of municipal economy management. 1917–1929 (based on materials from the Lower Volga region)]. Obshchestvo: Filosofiya, Istoriya, Kultura, (1), 31–34.
5. Demidova, A. R. (2008). Khozyaystvennaya zhizn Petrograda 1917 – nachala 1920-kh gg. Gorod v usloviyakh ekstraordinarnosti [Economic life of Petrograd in 1917 – early 1920s. The city in conditions of extraordinariness] (Candidate of Historical Sciences dissertation abstract). St. Petersburg State University of Economics and Finance.
6. Dorokhov, V. Zh. (2025). Kak sozdavalsya NKVD Sovetskoy Rossii. Nyuansy i osobennosti transformatsii MVD v NKVD v oktyabre 1917 g. – iyune 1918 g. [How the NKVD of Soviet Russia was created. Nuances and features of the transformation of the MVD into the NKVD in October 1917 – June 1918]. Klio, (1(217)), 126–135.
7. Falina, E. A. (2008). Zhilishchno-kommunalnoe khozyaystvo gorodov Chuvashskoy respubliki v 1920–1990 gg.: istoricheskiy opyt [Housing and communal services of the cities of the Chuvash Republic in 1920–1990: Historical experience] (Candidate of Historical Sciences dissertation abstract). Cheboksary.
8. Dekret SNK ot 08 aprelya 1920 g. "O Kommunalnykh Otdelakh Ispolnitelnykh Komitetov (Polozhenie)" [Decree of the Council of People's Commissars of April 8, 1920 "On Communal Departments of Executive Committees (Regulation)"]. (1920). Izvestiya VTsIK Sovetov.
9. Dekret SNK ot 12 iyulya 1920 g. "O sosredotochenii pozharnogo dela v Narodnom Komissariate Vnutrennikh Del" [Decree of the Council of People's Commissars of July 12, 1920 "On the concentration of firefighting in the People's Commissariat of Internal Affairs"]. (1920). Izvestiya VTsIK Sovetov.
10. Dekret SNK ot 28 iyunya 1918 g. "O natsionalizatsii krupneyshikh predpriyatiy" [Decree of the Council of People's Commissars of June 28, 1918 "On the nationalization of the largest enterprises"]. (1942). In Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitelstva za 1917–1918 gg. (pp. 632–636). Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR.
11. Iz informatsionnogo listka otdela mestnogo upravleniya Narkomata vnutrennikh del No. 6. 17 yanvarya 1918 g. [From

the information sheet of the local administration department of the People's Commissariat of Internal Affairs No. 6. January 17, 1918]. (1918). RGVA. F. 1. Op. 1. D. 138. L. 6.
12. Iz informatsionnogo listka otdela mestnogo upravleniya Narkomata vnutrennikh del No. 14. 27 yanvarya 1918 g. [From the information sheet of the local administration department of the People's Commissariat of Internal Affairs No. 14. January 27, 1918]. (1918). RGVA. F. 1. Op. 1. D. 138. L. 12.
13. Iz informatsionnogo listka otdela mestnogo upravleniya Narkomata vnutrennikh del No. 27. 26 fevralya 1918 g. [From the information sheet of the local administration department of the People's Commissariat of Internal Affairs No. 27. February 26, 1918]. (1918). RGVA. F. 1. Op. 1. D. 138. L. 24.
14. Instruktsiya Narodnogo komissariata vnutrennikh del "O pravakh i obyazannostyakh Sovetov" ot 06 yanvarya 1918 g. (24 dekabrya 1917 g.) [Instruction of the People's Commissariat of Internal Affairs "On the rights and duties of Soviets" of January 6, 1918 (December 24, 1917)]. (1917). SU RSFSR, (12), Art. 180.
15. Khrokholov, V. A. (2021). Pozharnaya okhrana Belarusi v mezhvoenny period i v nachale Velikoy Otechestvennoy voyny [Fire protection of Belarus in the interwar period and at the beginning of the Great Patriotic War]. Vestnik Universiteta Grazhdanskoy Zashchity MChS Belarusi, (4), 514–522.
16. Kizilov, I. I. (1969). NKVD RSFSR (1917–1930 gg.) [NKVD of the RSFSR (1917–1930)]. Nauchno-issledovatelskoe i redaktsionnoe izd-vo.
17. Lobanov, A. V., & Kuznetsov, O. V. (2010). Uchastie organov vnutrennikh del Rossiyskogo gosudarstva v okhrane zdorovya naseleniya [Participation of internal affairs bodies of the Russian state in protecting public health]. Pravovaya Kultura, (2(9)), 19–31.
18. Mamaev, A. V. (2011). Bolsheviki i reorganizatsiya upravleniya gorodskim khozyaystvom v 1918 g.: opyt g. Vyatki [The Bolsheviks and the reorganization of urban economy management in 1918: The experience of Vyatka]. Vestnik VyatGU, (3-1), 34–38.
19. Mamaev, A. V. (2017). Bolsheviki i konstruirovanie novoy sistemy upravleniya gorodskim khozyaystvom v sovetskoy Rossii v 1918 g. [The Bolsheviks and the construction of a new system of urban economy management in Soviet Russia in 1918]. Klio, (12(132)), 96–104.
20. Mamaev, A. V. (2020). NKVD, sovnarkhozy i rozhdenie kommunalnykh otdelov v Sovetskoy Rossii (1918–1920 gody) [The NKVD, sovnarkhozy and the birth of communal departments in Soviet Russia (1918–1920)]. Istoricheskiy Kuryer, (1(9)), 105–116.
21. Morozova, E. N., & Raskin, D. I. (2017). Stanovlenie sovetskoy gosudarstvennosti: ispolzovanie imperskogo naslediya v sfere tsentralnogo upravleniya [The formation of Soviet statehood: The use of imperial heritage in the sphere of central administration]. Noveyshaya Istoriya Rossii, (3(20)), 7–23.
22. Postanovlenie NKVD RSFSR ot 30.10.1917 "O pravakh gorodskikh samoupravleniy v dele regulirovaniya zhilishchnogo voprosa" [Resolution of the NKVD of the RSFSR of October 30, 1917 "On the rights of city self-governments in regulating the housing issue"]. (1917). Gazeta Vremennogo Rabochego i Krestyanskogo Pravitelstva.
23. Postanovlenie SNK ot 31 yanvarya (13 fevralya) 1918 g. "O poryadke priema na sluzhbu sabotazhnikov" [Resolution of the Council of People's Commissars of January 31 (February 13), 1918 "On the procedure for hiring saboteurs"]. (1957). In Dekrety Sovetskoy Vlasti. T. I. 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g. Politizdat.
24. Postanovlenie SNK RSFSR ot 28.12.1921 "Ob usloviyakh demunitsipalizatsii domov" [Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR of December 28, 1921 "On the conditions for the de-municipalization of houses"]. (1929). Sistematicheskoe Sobranie Zakonov RSFSR, T. 2, Art. 1939.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 340.5 : 340.13 **DOI: 10.34670/AR.2026.77.32.045**

Теоретико-методологический потенциал категории «источник права» для современной юридической компаративистики

Маркова Анна-Мария Александровна

Аспирант,
кафедр теории и истории государства и права
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
196605, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Пушкин, Петербургское шоссе, 10;
e-mail: annemariemour04@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию методологического потенциала категории «источник права» сквозь призму ее метафорической природы и значения для сравнительно-правовой науки. В фокусе внимания автора находится противоречие между потребностью правоприменения в догматической ясности и полисемией теоретических понятий. Обосновывается гипотеза, согласно которой метафоричность юридического языка выступает необходимым эвристическим инструментом для описания сложных, динамических правовых феноменов. В работе анализируется эволюция понимания источника права в континентальной правовой традиции, где данная категория балансирует между формально-юридическим и философско-социологическим подходами. Автор доказывает, что рассмотрение источника права как концептуальной метафоры открывает новые горизонты для макрокомпаративистики в условиях глобализации, что позволяет исследователям переходить от поверхностного сопоставления нормативных текстов к анализу правовых культур, ментальности и скрытых механизмов правообразования. Методологическую основу исследования составили системно-структурный, сравнительно-правовой, герменевтический и метафорический методы анализа. В результате работы сделан вывод, что признание метафорической гибкости категории «источник права» существенно обогащает методологический инструментарий компаративиста, позволяя сформировать объемную картину современного полицентричного правового ландшафта.

Для цитирования в научных исследованиях

Маркова А.-М. А. Теоретико-методологический потенциал категории «источник права» для современной юридической компаративистики // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 70-78 DOI: 10.34670/AR.2026.77.32.045

Ключевые слова

Источник права, правовая метафора, континентальная традиция, юридическая компаративистика, методология права, правовая культура.

Введение

Вне всякого сомнения, любому научному исследованию и тем более практическому применению законодательства необходима ясность и чёткость, которая, прежде всего, достигается использованием понятных, однозначно интерпретируемых терминов. Вместе с тем необходимо помнить о существующих различиях между законом и правом, наукой и практикой. И если в правоприменении должен господствовать принцип правовой определённости, то для теории права характерны полисемия и принципиальная открытость понятий. Тем более, что существуют и феномены, для которых трудно подобрать термины, и сферы, которые невозможно детально урегулировать, не лишив их истинного назначения и смысла. Более того, и сами теоретические определения относительны и условны. Представляется, что метафоричность юридических категорий не противоречит требованию определённости, а, напротив, служит инструментом для описания тех сложных правовых феноменов, которые не поддаются жёсткой формализации без утраты их сущностного смысла. В данном контексте относительность теоретических определений рассматривается не как недостаток, а как необходимое условие для отражения динамической природы права и развития его доктринального понимания.

Наиболее репрезентативным воплощением этой концептуальной сложности и метафорической природы юридического языка выступает категория «источник права». Именно в ней противоречие между потребностью в догматической ясности и неисчерпаемостью правовых смыслов проявляется с наибольшей остротой. Целью исследования является обоснование эвристического значения категории «источник права» в современной компаративистике, что реализуется через решение задач по анализу эволюции данного понятия в континентальной правовой традиции с применением сравнительно-правового, герменевтического и метафорического методов анализа.

Генезис метафоры «источник права» в науке

В современном правоведении метафора давно утратила статус исключительно риторического украшения, превратившись в полноценный инструмент научного познания. Специалисты по методологии науки и психологии мышления связывают это с моделирующей ролью метафоры, которая наряду с формированием представлений об объекте, предопределяет способ мышления о нем посредством эталонных, ключевых метафор, создающих аналогии и ассоциации, сопрягающие различные концептуальные системы понятий и генерирующие конкретные индивидуальные метафоры [Lakoff, Johnson, 1980, 453–486].

В полной мере этот методологический потенциал раскрывается при анализе таких фундаментальных категорий компаративистики как: «правовая традиция», «правовая система» и «источник права». Обозначенный вектор исследования требует детального рассмотрения метафорических импликаций, связывающих понятийный аппарат компаративистики воедино. Базовым элементом здесь служит полисемантичная емкая метафора «источник права». С одной стороны она обращена к содержательному генезису правовых норм (материальные источники, условия жизни общества культура, религия, традиции); с другой – к формам их внешнего выражения (обычное право, закон, договор, прецедент); а с третьей – к источникам познания права (летописи, хроники, путевые заметки, мемуары, произведения народной словесности). Являясь ключевым узлом, данная метафора интегрирует эти аспекты, позволяя через призму

доминирующих форм права реконструировать образ всей правовой семьи.

Даже в условиях современной юридической конвергенции, именно специфика признания тех или иных источников права основными (будь то нормативно-правовой акт, судебный прецедент или религиозный текст) остаётся центральным метафорическим маркером, позволяющим безошибочно относить правовую систему к определённой традиции.

В качестве идеально-типической модели (даже с учётом современной «диффузии» источников) можно выделить следующие метафорические соответствия: превалирование нормативно-правового акта формирует образ континентальной традиции права; акцент на судебном прецеденте – образ англо-саксонской правовой традиции; обращение к священному тексту – модель религиозной правовой традиции. Признавая, что в условиях XXI в. статутное регулирование в общих системах и правотворческая роль судов в континентальных системах существенно сблизили их облик, автор полагает, что данные метафорические конструкты сохраняют свою объяснительную силу.

Таким образом, импликации метафор «источник права», «правовая система», «правовая традиция» образуют целостную систему понятий, соединяя в единый ясный образ достаточно сложные и многогранные правовые явления.

Вместе с тем, следует отметить, что такой выстроенный образ возможен, поскольку понятия в научной теории основаны на метафорах, обусловленных физическим или культурным опытом [Lakoff, Johnson, 1980, 464, 466]. Наличие эмпирического основания необходимо для правильного понимания метафор как средств осмысления понятия. Эмпирическая основа способствует закреплению абстрактных идей через конкретный опыт человека и его взаимодействие с окружающим миром. Культурная база метафоры играет ключевую роль в её использовании в различных сферах, таких как философия, право, лингвистика. Значение и роль таких оснований опять же хорошо иллюстрируется на примере метафоры «источник права». Так, сама метафора «источник права» связана с понятием воды и появилась как результат миропонимания (вода – фундаментальный компонент жизни на земле) и повседневной жизни и культуры римлян. Вода, по свидетельствам историков, приводила римлян в особое состояние благости и блаженства. В этом понятии для них соединялись и отдых от дел и войны, и приятный досуг, отданный творчеству, беседе и размышлениям, и наслаждение красотой благоустроенной природы [Кнабе, 1986, 38]. В Риме существовало особое отношение к воде: римляне воспринимали её как природный ресурс, общественное благо и одновременно как товар, имеющий экономическую ценность [Секст, 2015, т. 11, 140–141]. Поэтому, когда Марк Туллий Цицерон в трактате «О законах» использовал фразу «источник законов и права» [Цицерон, ancientrome] в смысле поиска природы права, которую надо искать в природе человека, т.е. в философском смысле, это воспринялось естественно и адекватно с учётом того значения, которое придавали воде в Риме. Метафора «источник права» сравнивает его с реальным источником, например, с ручьём, рекой или источником воды, которой придавалось уникальная, фундаментальная значимость. В этом контексте источник права – это начальный, значимый источник возникновения правовых норм, из которого они «вытекают» или «публикуются». Как реальный источник воды обеспечивает наполнение реки или моря, так и правовой источник обеспечивает «питание» правовыми нормами всю правовую систему.

Древнеримский историк Тит Ливий позже также использовал данную метафору, называя «законы XII таблиц «fons omnis publici privatique iuris» источником всего публичного и частного права» [Новицкий, 2015, 14]. По мнению профессора И.Б. Новицкого, термин «источник» употреблено Т. Ливием в смысле корня, из которого выросло могучее дерево римского права

[Новицкий, 2015, 14].

В наши дни метафора «источник права» является базовой для юридической теории и компаративистики. Обозначая генетические начала права, она глубоко укоренена в культурном, религиозном, и эмпирическом контексте, благодаря чему служит надежным критерием для осмысления и типологии правовых семей.

Метафора, выступая в качестве когнитивного механизма и способа концептуализации мира, обладает универсальностью, которая проявляется в постоянной соотнесённости познаваемых объектов с доступными и понятными для человеческого восприятия образами и символами, и такая универсальность служит важным фактором успешной межкультурной коммуникации, способствуя преодолению языковых и культурных барьеров [Кондратьева, 2014, 105].

Так, общее для всех понимание значимости источника права позволяет проводить сравнение источников правовых систем современности, которые хоть и разняться от культуры к культуре, но вместе с тем позволяют объединять правовые системы в семьи или правовые традиции [Комаров, 2002, 297-302].

Генезис метафоры «источник права» показывает, что она эволюционировала от исключительно символического выражения к динамичной, комплексной системе, которая объясняет как причины возникновения права, так и его формы выражения в конкретной правовой системе.

Концепт «источник права» в континентальной правовой доктрине: позитивистская критика и проблемы интерпретации

Представители философской науки континентальной правовой семьи сломали немало копий в спорах о значении и возможности применения метафор в науке. Так, приверженцы рационализма, позитивизма и прагматизма воспринимали метафору как неадекватную и неприменимую форму выражения истины. В частности, Т. Гоббс полагал, что метафоры «суть что-то вроде ignes fatui (блуждающих огней), и рассуждать при их помощи – значит бродить среди бесчисленных нелепостей, результат же, к которому они приводят, есть разногласие и возмущение или презрение» [Гоббс, 1936, 63].

Представители философского иррационализма, напротив, видели в применении метафор фатальную неизбежность, не требуя от неё истины и верификации. В частности, Ф. Ницше полагал, что познание в принципе метафорично и не оперирует понятием верифицируемости [Ницше, 2013, т. 1/2, 438–440].

Г. Кельзен в отношении метафоры «источник права» высказывался отрицательно и призывал не применять, поскольку считал его «непригодным инструментом» в силу чрезмерной неопределённости, предпочитая использовать «выражения, чётко определяющие правовое явление» – «форма права» [Чистое учение, 1988, 103].

Однако не только в философской, но и в правовой литературе по-разному относятся к применению научных метафор. К примеру, отечественные учёные считают термин «источник права» метафорой [Андреева, 2024, 92–111; Топорнин, 2000, 9; Рубанов, 1977, 42] и положительно воспринимают его значение и применение в наши дни, а итальянский исследователь Норберто Боббио, наоборот, признавая тот факт, что источники права – это «метафорическое выражение», призывал исключить его «из строгой речи, подобной теории права, претендующей на научность» [Bobbio, 1998, 229].

В современной немецкой традиции термин «источник права» также часто критикуется за

метафоричность. В фундаментальном труде профессора Б. Рютерса совместно с Кристианом Фишером и Акселем Бирком, например, указывается, что это слово скрывает процесс «создания» права, представляя его как некий природный ключ, хотя право всегда является результатом человеческих решений и властных актов [Rüthers, Fischer, Birk, 2018].

В другом научном труде Б. Рютерс доказывает, что метафора «источника» скрывает переход от «правового государства» (*Rechtsstaat*) к «государству судей» (*Richterstaat*). Называя судебное решение «источником», юристы легитимизируют ситуацию, когда судья фактически становится законодателем, что противоречит Конституции (*Grundgesetz*) [Рютерс, 2019, 45–51]. Данная научная мысль заслуживает тщательного анализа, так как ярко иллюстрирует ряд ключевых проблем, характерных для континентальной правовой традиции, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу.

Позиция Б. Рютерса наглядно показывает одну из центральных проблем позитивизма: проблему «буквы закона» и борьбу с метафоричностью судебного толкования. Суть в том, что позитивизм стремится к определённости, в то время как судейское усмотрение часто использует гибкие метафоры, расширяя смысл норм за пределы их текста.

Судьи часто используют такие понятия, как «живая конституция», «социальная справедливость» или «разумные ожидания». С точки зрения позитивиста, это «троянские кони», которые позволяют вносить личные политические предпочтения в правовое поле. Позиция Б. Рютерса показывает уязвимую точку правового позитивизма, а именно, его зависимость от метафор, которые маскируют политическую реальность. Объясняется это следующими фактами. Во-первых, в классическом позитивизме буква закона – это священная граница, поэтому судья, образно говоря, мыслится лишь как «уста закона», как проводник воли законодателя, механически применяющий текст.

Однако, Б. Рютерс выказывает опасения в том, что когда судебная практика становится «источником права», то приходится признавать бессилие буквы закона. Именно в этом он видит опасность существования научной метафоры «источник права», потому что она позволяет судье выходить за пределы текста, «черпая» из него смысл, которого там нет. Для позитивиста это научная катастрофа, так как право становится не тем, что *написано*, а тем, что *решено* в зале суда.

Во-вторых, в континентальной правовой традиции «воля законодателя» выступает как некий метафорический и сакральный центр. Можно сказать, что это светский суррогат божественного присутствия, гарантирующий единство системы. Поэтому переход к государству судей, о котором пишет Б. Рютерс, означает децентрализацию этой воли. Если судья сам создаёт норму под видом толкования, то «единая воля законодателя» рассыпается на тысячи «воль» конкретных судей. При этом, называя решение суда «источником», юристы делают вид, что воля законодателя всё ещё первична, хотя фактически она подменяется судейским усмотрением. С точки зрения позитивизма, представителем которого является Б. Рютерс – это незаметный переворот, разрушающий иерархию классического Rechtsstaat.

В позитивизме воля законодателя представляет собой земной конструкт [Нерсесянц, 2002, 400]. Поэтому, когда «буква» этого конструкта перестает сдерживать судью, исчезает последний барьер перед произволом.

Проводя некоторые параллели с исламской традицией права можно сказать, что когда в континентальной традиции права признают судебные решения источником права, то по сути современный западный судья становится «открывателем истины», как и религиозный юрист, но без опоры на трансцендентный абсолют. Судьи из служителей закона превращаются в господ

правопорядка [Рютерс, 2019, 45, 50], ни перед кем не отчитываясь. В итоге «государство судей» становится системой, где человеческая воля судьи маскируется под объективный «источник», узурпируя место, которое в религии занимал Бог, а в правовом государстве – суверенный народ (законодатель).

Основные методы борьбы с метафоричностью в современном позитивизме, приводящей, в частности к такому явлению, как судейское право, против которого предостерегал профессор Б. Рютерс, включают два ключевых инструмента. Лингвистический буквализм и исключающий позитивизм, предложенный Джозефом Рацем, который утверждал, что законность норм должна определяться исключительно юридическими нормами и прецедентами, без учёта моральных аргументов или абстрактных понятий справедливости и морали [Raz, 1979, 47–50, 52–53].

Современные юристы активно внедряют корпусную лингвистику, исследуя частоту и контекст употребления выражений в больших массивах текстов, определяя статистически наиболее вероятное понимание термина. Именно таким образом право перемещается из сферы морального выбора в сферу прикладной лингвистики, превращая метафору живого права в статистику употребления слов, что особенно усугубляется с повсеместным внедрением новых технологий и искусственного интеллекта. Впрочем, для сторонников позитивного подхода к праву такое положение дел вполне оправдано, ведь это не касается лично их интересов, а решение всегда формально ясно.

Вместе с тем думается, что понимание источника права в наши дни предполагает гармоничное сочетание чёткого правового текста с реальной общественной практикой, что позволяет избежать крайностей как «свободного правотворчества» судей, так и чрезмерного увлечения лингвистическим буквализмом.

Заключение

Поскольку, на наш взгляд, любая философская интерпретация научной парадигмы должна обретать своё непосредственное выражение посредством конкретных научно-теоретических выводов, то представляется, что юридической науке континентальной правовой традиции, к которой относится и правовая система современной России, не следует отказываться в теоретико-правовых исследованиях от научной метафоры «источник права», пытаясь найти новый термин.

Понимание термина «источник права» в правовой науке может рассматриваться с философско-юридической точки зрения и как научная метафора, и как динамически изменяющаяся совокупность правил, регулирующих общественные отношения, и отражающих сущность и тенденции развития правовой системы, являющейся неотъемлемой частью правовой традиции. Здесь важно понимать значения философских категорий «сущность» и «явление». Согласно определению, «сущность – это внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия» [Ильичев, 1983, 665]. В свою очередь, явление представляет собой внешнюю форму выражения предмета, проявляющуюся в конкретных ситуациях.

Применительно к теме исследования именно научная метафора позволяет одновременно выразить и сущность, и различные явления феномена «источник права». Научная метафора выражает сущность понятия, выражающегося в различных явлениях, формах. Логика этого вывода согласуется и с диалектической идеей целостности в философии Г.В.Ф. Гегеля [Гегель, 1971, т.2, 7, 8.], согласно которой все явления – это суть моменты развивающегося целого, что

полностью укладывается в смысл научной метафоры «источник права», выражающий некий источник возникновения правовых установлений, питающий всю правовую систему, а конкретные источники развиваются, взаимодействуют и составляют сущность целого феномена – источника права.

Научная метафора «источник права» выражает единство и общность, новизну и преемственность этого феномена, не сводя его лишь к сухому позитивистскому понятию и отдельным явлениям. Таким образом, методологический потенциал научных метафор необходим науке, чтобы не упасть с высот вавилонской башни вульгарного позитивизма. Достоверность и точность нельзя путать с отказом или неумением увидеть лес за деревьями. Методологический потенциал метафоры «источник права» для современной правовой компаративистики заключается в ее способности выступать универсальным кросс-культурным знаменателем, деконструирующим жесткие позитивистские рамки. В рамках сравнительного правоведения данный образ позволяет исследователю выйти за пределы поверхностного сопоставления формальных текстов нормативно-правовых актов и обратиться к глубинным пластам правовых цивилизаций. Образная природа термина «источник права» как нельзя лучше описывает процессы транснационального правового влияния, миграции правовых идей и гибридизации правовых систем и позволяет проследить, как заимствованная правовая форма приживается на новой почве, смешиваясь с локальными социокультурными истоками. Таким образом, для компаративистики исследуемая категория служит гибким эпистемологическим инструментом, превращающим сравнительное правоведение из статичного описания институциональных различий в живое исследование правовых культур, где первостепенное значение имеет не внешняя форма нормативного акта, а природа и свойство питающей его правовой среды.

Право развивается постоянно, органично, последовательно через прошлые поколения в будущее, в том числе и посредством метафор как способа организации картины мира, структурирования информации, создания традиционных символов.

Смена научной парадигмы всегда сопровождается сменой ключевой метафоры, вводящей новый контекст применения, новую аналогию [Арутюнова, Журинский, 1990, 15]. Образно это выразил поэт Арчибальд Маклиш: Мир заканчивается, когда умирает его метафора. «Придумайте эпоху! Придумайте метафору!» [MacLeish, 1952, 49]. На наш взгляд, смена научной парадигмы ещё впереди, поскольку ключевая метафора «источник права» пока неизменна и методологически востребована правовой компаративистикой.

Библиография

1. Андреева Г.Н. Источник права: метафора и правовое понятие // Вестник культурологии. 2024. № 2(109). С. 92–111.
2. Арутюнова Н.Д., Журинский М.А. (ред.) Теория метафоры: сб. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х т. Т. 2. Учение о сущности. М., Мысль, 1971. 248 с.
4. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Соцэкгиз, 1936. 503 с.
5. Ильичев Л.Ф. (ред.) Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
6. Кнабе Г.С. Древний Рим – история и повседневность. Очерки. М.: Искусство, 1986. 205 с.
7. Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учебник / 8-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Юридического института, 2012. 608 с.
8. Кондратьева О.Н. Метафора как лингвокультурный феномен // Лингвокультурология. 2014. № 8. С. 104–106.
9. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник для вузов. М.: Норма, 2002. 552 с.
10. Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле (1873) // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. Т. 1/2: Эбаноидзе И.А. (ред.) Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг. М.: Культурная

революция, 2013. 480 с.
11. Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права: Учебник. М.: Проспект, 2015. 272 с.
12. Рубанов А.А. Понятие источника права как проявление метафоричности юридического сознания // Рубанов А.А. Судебная практика как источник права. М., 1977. С. 41–46.
13. Рютерс Б. Государство судей – миф или реальность? // Правосудие. 2019. Т. 1. № 2. С. 45–51.
14. Секст Юлий Фронтин. О водопроводах города Рима (пер. И. П. Рушкина) // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. 2015. Т. 11. С.106–160.
15. Топорнин Б.Н. Система источников права: тенденции развития // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 3–24.
16. Цицерон М.Т. О законах. Кн. I (16) // История Древнего Рима. URL: https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1414880001 (дата обращения: 09.09.2026)
17. Чистое учение о праве Ганса Кельзена: Сб. М.: ИНИОН АН СССР, 1988. Вып. 2. 213 с.
18. Bobbio N. Essais de théorie du droit. Paris; Bruxelles: LGDJ-Bruylant, 1998. 286 p.
19. Lakoff G., Johnson M. Conceptual metaphors in everyday language // The Journal of Philosophy. 1980. Vol. 77. № 8. Pp. 453–486.
20. MacLeish A. Hypocrite Auteur // Poetry. 1952. Vol. 81. №. 1. Pp. 45–49.
21. Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. New York: Oxford University Press, 1979. 292 p.
22. Rüthers B., Fischer Ch., Birk A. Rechtstheorie mit juristischer Methodenlehre. Die Lehre von den Rechtsquellen. Aufl. München: C.H. Beck, 2018. 621 s.

Theoretical and Methodological Potential of the Category "Source of Law" for Contemporary Legal Comparative Studies

Anna-Mariya A. Markova

Postgraduate Student,
Department of Theory and History of State and Law,
Leningrad State University named after A.S. Pushkin,
196605, 10, Peterburgskoe highway, Pushkin, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: annemariemour04@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the study of the methodological potential of the category "source of law" through the prism of its metaphorical nature and significance for comparative legal science. The author's focus is on the contradiction between the need of law enforcement for dogmatic clarity and the polysemy of theoretical concepts. The hypothesis is substantiated that the metaphorical nature of legal language acts as a necessary heuristic tool for describing complex, dynamic legal phenomena. The work analyzes the evolution of the understanding of the source of law in the continental legal tradition, where this category balances between formal-legal and philosophical-sociological approaches. The author proves that considering the source of law as a conceptual metaphor opens new horizons for macro-comparative studies in the context of globalization, which allows researchers to move from a superficial comparison of normative texts to the analysis of legal cultures, mentality, and hidden mechanisms of law formation. The methodological basis of the study was composed of systemic-structural, comparative-legal, hermeneutic, and metaphorical methods of analysis. As a result of the work, it is concluded that the recognition of the metaphorical flexibility of the category "source of law" substantially enriches the methodological toolkit of the comparativist, making it possible to form a three-dimensional picture of the contemporary polycentric legal landscape.

For citation

Markova A.-M.A. (2026) Teoretiko-metodologicheskiy potentsial kategorii "istochnik prava" dlya sovremennoy yuridicheskoy komparativistiki [Theoretical and Methodological Potential of the Category "Source of Law" for Contemporary Legal Comparative Studies]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 70-78 DOI: 10.34670/AR.2026.77.32.045

Keywords

Source of law, legal metaphor, continental tradition, legal comparative studies, methodology of law, legal culture.

References

1. Andreeva G.N. (2024). Istochnik prava: metafora i pravovoye ponyatiye [Source of Law: Metaphor and Legal Concept]. *Vestnik kul'turologii*, 2(109), 92-111.
2. Arutyunova N.D., Zhurinsky M.A. (eds.) (1990). *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Progress.
3. Gegel G.V.F. (1971). *Nauka logiki. V 3-kh t. T. 2. Ucheniye o sushchnosti* [Science of Logic. In 3 Vols. Vol. 2. Doctrine of Essence]. Mysl'.
4. Gobbs T. (1936). *Leviafan ili materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or the Matter, Form and Power of a Church and Civil State]. Sotsekgiz.
5. Ilyichev L.F. (ed.) (1983). *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopaedic Dictionary]. Sovetskaya entsiklopediya.
6. Knabe G.S. (1986). *Drevniy Rim – istoriya i povsednevnost'. Ocherki* [Ancient Rome – History and Everyday Life. Essays]. Iskusstvo.
7. Komarov S.A. (2012). *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law] (8th ed., revised and expanded). Izdatel'stvo Yuridicheskogo instituta.
8. Kondratieva O.N. (2014). Metafora kak lingvokul'turnyy fenomen [Metaphor as a Linguocultural Phenomenon]. *Lingvokul'turologiya*, 8, 104-106.
9. Nersesyants V.S. (2002). *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General Theory of Law and State]. Norma.
10. Nitsshe F. (2013). Ob istine i lzhi vo vnenravstvennomsmysle (1873) [On Truth and Lies in a Nonmoral Sense (1873)]. In I.A. Ebanoidze (ed.), *Polnoye sobraniye sochineniy: v 13-ti t. T. 1/2: Nesvoyevremennyye razmyshleniya. Iz naslediya 1872–1873 gg.* [Complete Works: In 13 Vols. Vol. 1/2: Untimely Meditations. From the Legacy of 1872–1873]. Kul'turnaya revolyutsiya.
11. Novitsky I.B. (2015). *Osnovy rimskogo grazhdanskogo prava* [Fundamentals of Roman Civil Law]. Prospekt.
12. Rubanov A.A. (1977). Ponyatiye istochnika prava kak proyavleniye metaforichnosti yuridicheskogo soznaniya [The Concept of the Source of Law as a Manifestation of the Metaphorical Nature of Legal Consciousness]. In A.A. Rubanov, *Sudebnaya praktika kak istochnik prava* [Judicial Practice as a Source of Law] (pp. 41-46). Moscow.
13. Ryuters B. (2019). Gosudarstvo sudey – mif ili real'nost'? [The Judges' State – Myth or Reality?]. *Pravosudiye*, 1(2), 45-51.
14. Sekst Yuliy Frontin. (2015). O vodoprovodakh goroda Rima [On the Aqueducts of the City of Rome] (Trans. by I.P. Rushkin). *Aristey: Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii*, 11, 106-160.
15. Topornin B.N. (2000). Sistema istochnikov prava: tendentsii razvitiya [The System of Sources of Law: Development Trends]. In *Sudebnaya praktika kak istochnik prava* [Judicial Practice as a Source of Law] (pp. 3-24). Moscow.
16. Tsitseron M.T. (n.d.). *O zakonakh. Kn. I (16)* [On the Laws. Book I (16)]. Istoriya Drevnego Rima. Available at: https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1414880001 (accessed: 09.09.2026).
17. *Chistoye ucheniye o prave Gansa Kel'zena* [The Pure Theory of Law by Hans Kelsen]. (1988). INION AN SSSR, Vyp. 2.
18. Bobbio N. (1998). *Essais de théorie du droit*. LGDJ-Bruylant.
19. Lakoff G., Johnson M. (1980). Conceptual metaphors in everyday language. *The Journal of Philosophy*, 77(8), 453-486.
20. MacLeish A. (1952). Hypocrite Auteur. *Poetry*, 81(1), 45-49.
21. Raz J. (1979). *The Authority of Law: Essays on Law and Morality*. Oxford University Press.
22. Rüthers B., Fischer Ch., Birk A. (2018). *Rechtstheorie mit juristischer Methodenlehre. Die Lehre von den Rechtsquellen*. C.H. Beck.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.7 **DOI: 10.34670/AR.2026.46.58.006**

3D модель как вид цифрового доказательства в процессе производства по делу об административном правонарушении

Золотько Павел Сергеевич

Адъюнкт адъюнктуры,
Краснодарский университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
350005, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ярославская, 128;
e-mail: zolotko.pasha@bk.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению вопроса использования технологий 3D-моделирования в процессе производства по делам об административных правонарушениях посредством применения 3D-модели как первого электронного доказательства по делу. Рассмотрены наиболее распространенные технологии 3D-моделирования, проанализированы преимущества, недостатки, перспективы применения и значение такого вида доказательства для административного права.

Для цитирования в научных исследованиях

Золотько П.С. 3D модель как вид цифрового доказательства в процессе производства по делу об административном правонарушении // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 79-87. DOI: 10.34670/AR.2026.46.58.006

Ключевые слова

Цифровизация, административное принуждение, производство по делам об административных правонарушениях, доказательства, 3D-моделирование, электронные доказательства, административный процесс, цифровые технологии.

Введение

Вопросы защиты данных, развития цифрового документооборота, применения технологий искусственного интеллекта, установки комплексов автоматической фиксации административных правонарушений, модернизация существующих и внедрение новых баз данных, применение технологии больших данных «Big Data» в настоящее время применение данных технологий является актуальными вопросами процесса цифровизации административного права в Российской Федерации.

В основу методологии исследования лег формально-юридический метод, необходимый для анализа действующих норм административного права, регулирующих процесс доказывания и устанавливающих требования к доказательствам по делу об административном правонарушении. Кроме того был проведен подбор и последующий анализ постановлений судов Российской Федерации, эти же постановления составляют эмпирическую базу исследования, необходимую для оценки роли и места 3D модели в системе доказывания. При изучении трудов иных ученных, был применен сравнительно-правовой метод для оценки нормативного регулирования, а также методик применения 3D моделей в качестве доказательств в уголовном праве.

Основная часть

Планомерное развитие и последующее внедрение перечисленных технологий может привести к следующим итогам:

А) Мобильность системы юрисдикционной деятельности возрастет, по средствам более быстрого перемещения процессуальных документов между уполномоченными должностными лицами, как внутри одного ведомства, так и в рамках межведомственного взаимодействия;

Б) Значительно снизится бюрократизм и использование документов на физическом носителе, необходимость такого развития прослеживается в задачах, которые поставлены, например, МВД России в стратегии цифровизации подразделений по охране общественного порядка, в рамках данной концепции поставлена задача по снижению использования типографских товаров на 50% [Приказ МВД России от 07.06.2025 № 356, 2025] [Приказ МВД России от 07.06.2025 № 356, 2025].

В) Повысится прозрачность системы административного принуждения, так как субъективизм, свойственный человеку при принятии процессуального решения будет сведен к минимуму, кроме того, из-за минимального участия человека в принятии решения.

В рамках обозначенных нами положительных факторов цифровизации административного принуждения, можно рассмотреть и сам процесс доказывания вины граждан правоприменительными органами, а именно речь идет о внедрении цифровых доказательств. В большинстве работ, ученные под электронными доказательствами подразумевают те же самые процессуальные документы, перенесенные в цифровой формат, однако, в нашей работе хочется рассмотреть концептуально новый подход к 3д модели, как доказательства по делу об административном правонарушении.

При изучении вопроса применения 3D модели в качестве доказательства в уголовном праве Яковлева К.Ю. задается вопросом о месте в существующей системе доказательств по уголовным делам такого вида доказательства [Яковлева, 2024, с. 145].

В настоящее время, в административном праве складывается аналогичная ситуация. На

основании статьи 26.2 КоАП РФ и сложившейся правоприменительной практики 3д модель не рассматривается, как отдельный вид доказательства, она используется для наглядной демонстрации либо уже существующих доказательств, либо для демонстрации механизма осуществления того или иного деяния.

В рамках существующего подхода к роли и месту 3д модели в процессе рассмотрения дела об административном правонарушении такой подход выглядит логичным, так как сама 3д модель формируется не на основе фактических данных на месте происшествия, а в процессе производства экспертизы на базе уже существующих процессуальных документов. К схожему выводу приходит и Митрофанов Н.В. в процессе изучения вопросов применения 3D моделей в уголовном праве [Митрофанов, Лозовой, 2026, с. 356].

По нашему мнению, следует изменить сам подход к сути 3д модели в процессе правоприменения, это означает, что 3д модель должна создаваться не на базе имеющихся данных зафиксированных в процессуальных актах, которые фиксируют условия и обстоятельства совершения того или иного деяния, напротив, сама 3д модель должна создаваться непосредственно на месте происшествия и фиксировать обстоятельства и условия.

Для рассмотрения вопроса перспективы использования 3д моделей в производстве по делам об АП, рассмотрим материальную часть данного вопроса.

В настоящее время 3д модель реально существующего объекта можно создать несколькими способами:

1)Фотограмметрия

2)Лазерное сканирование

3)Структурированный свет

Рассмотрим сферы применения и принципы действия каждой из технологий.

Фотограмметрия- заключается в создании 3д модели на основе сделанных фотографий объекта. К достоинствам такого способа можно отнести простоту и небольшой порог вхождения, так как от пользователя не требуется наличие специального оборудования и навыков.

Механизм создания такой 3д модели выглядит следующим образом, пользователь в зависимости от задачи и объемов моделируемого предмета, делает определенное количество снимков на фотокамеру или же на мобильный телефон, после чего загружает данные снимки в специальное программное обеспечение, которое анализирует снимки и на их основе создает модель.

Лазерное сканирование реализуется при помощи переносных или стационарных 3д сканеров. Данный метод сканирования реализован следующим образом: сканер испускает миллионы лазерных лучей и измеряет время возврата данного луча до стекла, установленного в сканере, а специальное ПО структурируя и анализируя эти данные, определяет оси точек соприкосновения и на основе этого выстраивает поверхность сканируемого объекта.

Следует отметить, что лазерное сканирование применяется уже сейчас, для реализации различных целей от измерения и создания 3д моделей исторических памятников, до использования таких технологий в автомобилях при использовании автопилота или адаптивного круиз контроля. Кроме того, одна из разновидностей лазерных сканеров, а именно сканер с технологией LiDAR, уже продолжительное время устанавливается в смартфоны компании Apple, и многие люди используя, например, приложения «Рулетка» для измерения расстояния даже не подозревают, что используют технологию 3д сканирования.

Технология структурированного света, реализованная через испускание заранее известного

системе геометрического узора, чаще всего представленного в виде параллельных прямых или сетки из прямых линий на предмет. В зависимости от рельефа измеряемого предмета линии имеют отклонение, встроенная в сканер камера делает фотографию, после чего система анализирует отклонения и выстраивает систему координат измеряемого предмета, и на его основе создается модель. Такой метод отличается высоким уровнем детализации, мобильности, широтой захвата и точностью измерения.

Таким образом, можно заметить, что технологий сканирования существует множество и уже сейчас они используются в различных сферах.

Так как 3д модель, по нашему мнению, должна стать прямой заменой традиционного протокола осмотра места совершения административного правонарушения, определим те данные, которые отражает такой протокол для изучения вопроса возможности внедрения такой технологии в административно-процессуальную деятельность и ее соотношения с установленными административно-правовыми нормами принципами доказательств.

По своей сути протокол осмотра места происшествия является упрощенной, схематичной физической формой отражения происшествия. Его основной задачей является наглядное представление механизма дорожно-транспортного происшествия, отражение фактических обстоятельств (ширина проезжей части, погодные условия, состояние дорожного полотна и наличия дорожных знаков и т.д), а также закрепление транспортных средств на месте происшествия для возможности воссоздания такого происшествия по средствам измерения и отражения метрических данных на схеме происшествия. Кроме того, протокол осмотра места совершения административного правонарушения содержит в себе данные о повреждениях транспортных средств и дорожной инфраструктуре, необходимые для возмещения ущерба потерпевшей стороне, а также выяснения иных необходимых для рассмотрения данных.

Выделим основные задачи протокола осмотра места происшествия, соотнесем их с 3д моделью и рассмотрим возможность решения данных задач при ее использовании.

– Наглядное отражение происшествия;
– Закрепление транспортных средств и места происшествия в пространстве;
– Предоставление измерительных данных;
– Предоставление информации о поврежденных частях транспортных средств или дорожной инфраструктуры;
– Отражение важных в процессе рассмотрения дела об административном правонарушении или уголовном деле данных, длина тормозного пути, наличие и разлет обломков транспортных средств;
– Отражение фактических обстоятельств дорожно-транспортного происшествия.

2д и 3д модели представления предметов в пространстве имеют свои достоинства и недостатки, их можно сравнить с двумя формами презентации мыслей и идей людей, а именно с литературными произведениями и кинематографом. Такая аналогия, по нашему мнению, отражает специфику и преимущества 3д модели над 2д моделью представления данных.

Да, 2д модели быстрее читаются и анализируются людьми, однако Думнов С.Н. верно перечисляет ее недостатки, среди которых: низкая точность отображения деталей, субъективность составления, сложность в передаче масштаба [Думнов, 2019, с. 792].

3D модель предоставляет больше информации, отражая расположение автомобилей и их частей, повреждения, состояние дорожного полотна, наличие знаков и другой информации, а главное, что 3д модель легче объективно оценить, что является одним из основных принципов

производства по делам об административном правонарушении и всей правовой системы.

Таким образом, 3д модель может эффективно справляться с задачами наглядного отражения происшествия, предоставления информации о поврежденных частях транспортного средства, причем при таком методе фиксирования, все части транспортных средств можно будет детально рассмотреть и установить степень их повреждения.

Еще одной важной функцией, рассматриваемого нами протокола, является точное закрепление в юридически значимом документе, проведенных измерений и самого происшествия на местности.

В случае 3д сканирования могут возникнуть вопросы, о том, насколько точно 3д сканеры измеряют пространство и насколько приближенные к реальности данные могут предоставлять 3д модели. Для этого обратимся к техническим характеристикам профессиональных 3д сканеров. Рассмотрим несколько моделей, использующих различные технологии для сканирования и производимых в разных странах.

Лазерный сканер RangeVision HELIX российского производства имеет задокументированную погрешность в +- 0,03мм [Сканер оптический трехмерный Range Vision Helix, 2025, с. 5], оптический сканер, использующий технологию структурного цвета, Shining 3D Einscan HX2 китайского производства, имеет заявленную погрешность в 0,04мм [Shining 3D Ein Scan HX, 2020, p. 27], лазерный сканер произведенный в Швейцарии Leica ScanStation P30 Standard Package, имеет заявленную погрешность в 1,2 мм [Руководство пользователя для Leica ScanStation P50/P40/P30, 2018, с. 50]. Следует отметить, что такая модель сканера используется в нефтегазовой и архитектурной отраслях.

Таким образом, беря во внимание тот факт, что в текущие протоколы содержат измерительные данные в основном в сантиметровых и метровых величинах, а погрешности сканеров исчисляются в миллиметрах, то в объективности 3д моделей можно не сомневаться.

Рассмотрим вопрос закрепления места происшествия на местности. В текущий момент для этого используются объекты, которые не будут перемещены в пространстве с течением времени, а именно, дорожные знаки, столбы линий электропередач, километровые столбики, ограждения, бордюры, также дополнительно указываются данные GPS или Глонасс.

Для решения данной задачи, возможно использовать уже действующую в практической деятельности Госавтоинспекции систему «АИУС», так как сотрудники Госавтоинспекции могут получить четкие данные о своем месте расположения, используя систему Глонасс, можно без проблем геолацировать место дорожно-транспортного происшествия.

Рассмотрим процессуальный статус 3д модели в производстве по делу об административном правонарушении. Технологии 3д моделирования в производстве по делу об административном правонарушении практически не используются, для этого существует несколько причин.

В сложившейся практике использования 3д моделей существует проблема определения ее места в иерархии системы доказательств по делу об административном правонарушении. Это говорит о том, что органы и должностные лица, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях, зачастую предпочитают рассматривать дела по уже устоявшимся методам доказывания, используя традиционные протоколы, фото и видео материалы.

Так, при рассмотрении дела об административном правонарушении, предусмотренном частью 4 статьи 12.21.1 КоАП РФ, лицо в отношении которого велось производство по делу об административном правонарушении, ставило вопрос об истребовании 3д модели транспортного средства, для установления его габаритов и доказывания своей невиновности, однако в своем

решении Астраханский районный суд оставил жалобу без удовлетворения, сославшись на то, что имеющихся фото и видео данных хватает для объективного и всестороннего рассмотрения дела об административном правонарушении [Решение Астраханского областного суда от 30.04.2026 N 12-114/2026…].

Еще одной проблемой является позиционирование 3д моделирования, как средства доказывания виновности или же невиновности. По мнению Новиковой Т.Б. трехмерная реконструкция широко применяется в автотехнических экспертных исследованиях путём воспроизводства механизма, обстоятельств дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), технического состояния ТС, дороги, психофизиологических характеристик его участников по материалам дела и результатам исследования места происшествия [Новикова, 2020, с. 33].

Однако, Новикова Т.Б. подмечает, что 3д модель создается не на базе фактических обстоятельств дела об административном правонарушении и не на месте происшествия, а на основе уже существующих процессуальных актов, именно по этой причини, в устоявшемся процессе рассмотрения дела об административном происшествии 3д модель рассматривается, не как самодостаточное доказательство, а в подавляющем большинстве случаев, как дополнение или визуализация экспертного заключения по делу.

По нашему мнению, в рамках взятого законодателем и правоприменителями курса на всестороннюю цифровизацию производства по делам об административных правонарушениях следует в корне изменить сам подход к 3д моделированию в системе доказывания по делу.

Так, для того, что 3д модель смогла получить статус самостоятельного доказательства, а в перспективе заменить протокол осмотра места происшествия, она должна составляться на месте совершения происшествия, а также обладать всеми признаками используемых сейчас протоколов.

Протокол осмотра места совершения административного правонарушения согласно ч. 4 статьи 28.1.1. КоАП РФ должен содержать: дату, время, место его составления, данные о должностном лице, его составившем, сведения о транспортных средствах, лицах, непосредственно участвующих в происшествии, а также о возможных свидетелях и понятых [Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, 2001].

Для выполнения 3д моделью данной функции процессуального акта и наделения ее необходимыми реквизитами в перспективе видится возможным создание специализированного программного обеспечения для носимых персональных компьютеров, сотрудников правоохранительных органов и его внедрение в действующую информационную систему обеспечения деятельности органов внутренних дел. Данное программное обеспечение можно реализовать по прообразу программ используемых в 3D моделировании, например, программа Solidworks позволяет добавлять различные заметки и подписи на 3D модели, а также прикреплять данные заметки к конкретным элементам моделей. Еще одним примером такого программного обеспечения является, находящаяся в открытом доступе программа FreeCAD, которая имеет обширный функционал для добавления заметок и подписей к 3Dмодели.

Для выполнения сканирования, наиболее перспективной технологией видится использование БПЛА с установленными на них сканерами, использующими технологии фотограмметрии или лазерного сканирования. Достижения 3D сканирования в других сферах деятельности позволяют проводить сканирование небольших площадей за короткий период времени, при этом маршрут и траекторию движения, необходимые для корректного сканирования, летательному аппарату автоматически задает программное обеспечение.

Заключение

Подведем итоги, на текущей стадии развития информационных технологий и правовой системы Российской Федерации использование 3D моделей, как самостоятельного доказательства по делу об административном правонарушении не представляется возможным по следующим причинам:

Для получения такого статуса 3D модель должна создаваться непосредственно на месте происшествия, должностными лицами, которые занимаются его процессуальным оформлением и обладать всеми, установленными КоАП РФ, реквизитами, что не может быть реализовано в связи с отсутствием необходимого материального, программного и кадрового обеспечения. Кроме того, возникают вопросы реализации долгосрочного хранения и передачи такого доказательства между органами государственной власти, а также участниками производства по делу об АП. Стоимость оборудования, необходимого для сканирования, обработки исходных данных, разработки программного обеспечения и внедрения ее в используемые информационные системы, также является актуальным вопросом и т.д.

Однако, при рассмотрении международного опыта, применения технологий 3D моделирования, в качестве доказательства в различных отраслях права, можно заметить, что 3д модели способны выступать в качестве основного доказательства по установлению виновности лица.

Учитывая позицию законодательных и исполнительных органов государственной власти, по всесторонней цифровизации процесса производства по делу об административном правонарушении, рассмотрение 3D моделей в качестве самостоятельного доказательства видится нами действенной и эффективной мерой развития процессуального аспекта административного права в России.

Библиография

1. Думнов С. Н. К вопросу применения метода лазерного 3D сканирования при осмотре места дорожно-транспортного происшествия // E-Scio. 2019. № 6 (33). С. 791–796.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026).
3. Митрофанов Н. В., Лозовой О. Е. Цифровые двойники в доказывании: 3D-моделирование места происшествия // Молодой ученый. 2026. № 16 (619). С. 354–357.
4. Новикова Т. Б. Метод 3D-моделирования в современной судебно-экспертной деятельности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12-4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metod-3d-modelirovaniya-v-sovremennoy-sudebno-ekspertnoy-deyatelnosti.
5. Приказ МВД России от 07.06.2025 № 356 «Об утверждении Концепции развития информатизации деятельности по охране общественного порядка в системе МВД России до 2030 года» // СТРАС «Юрист».
6. Решение Астраханского областного суда от 30.04.2026 № 12-114/2026, 7-189/2026 (УИД 30RS0012-01-2025-002363-13). Категория спора: Привлечение к административной ответственности. Требования: Об отмене постановления о привлечении к ответственности по ч. 4 ст. 12.21.1 КоАП РФ за нарушение правил движения тяжеловесного (крупногабаритного) транспорта. Решение: Удовлетворено в части.
7. Руководство пользователя для Leica ScanStation P50/P40/P30 версия 6.0.1. Leica Geosystems AG, Heerbrugg, Switzerland, 2018. 69 с.
8. Сканер оптический трехмерный Range Vision Helix : руководство по эксплуатации. ООО «РэнджВижн», 2025. 12 с.
9. Шайнинг 3D. Ein Scan HX 1.0.2.1 : руководство пользователя. Shining 3D Tech Co., 2020. 81 с.
10. Яковлева К. Ю. Использование электронной 3D-модели в уголовно-процессуальном доказывании // Вестник УЮИ. 2024. № 3 (105). С. 142–150.

3D Model as a Type of Digital Evidence in the Course of Proceedings in a Case of an Administrative Offense

Pavel S. Zolot'ko

Adjunct of the Adjuncture,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
350005, 128, Yaroslavskaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: zolotko.pasha@bk.ru

Abstract

The article is devoted to the consideration of the issue of using 3D modeling technologies in the course of proceedings in cases of administrative offenses through the application of a 3D model as the first electronic evidence in a case. The most common 3D modeling technologies are examined, the advantages, disadvantages, prospects of application, and significance of this type of evidence for administrative law are analyzed.

For citation

Zolot'ko P.S. (2026) 3D model' kak vid tsifrovogo dokazatel'stva v protsesse proizvodstva po delu ob administrativnom pravonarushenii [3D Model as a Type of Digital Evidence in the Course of Proceedings in a Case of an Administrative Offense]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 79-87. DOI: 10.34670/AR.2026.46.58.006

Keywords

Digitalization, administrative coercion, proceedings in cases of administrative offenses, evidence, 3D modeling, electronic evidence, administrative process, digital technologies.

References

1. Dumnov, S. N. (2019). K voprosu primeneniya metoda lazernogo 3D skanirovaniya pri osmotre mesta dorozhno-transportnogo proisshestviya [On the issue of applying the laser 3D scanning method when examining the scene of a traffic accident]. *E-Scio*, (6 (33)), 791–796.
2. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravoonarusheniyakh [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses]. (2001). Federal Law No. 195-FZ of 30.12.2001 (as amended on 26.07.2026).
3. Mitrofanov, N. V., & Lozovoy, O. E. (2026) Tsifrovye dvoyniki v dokazavanii: 3D-modelirovanie mesta proisshestviya [Digital twins in evidence: 3D modeling of the scene of the incident]. *Molodoy Uchenyy*, (16 (619)), 354–357.
4. Novikova, T. B. (2020). Metod 3D-modelirovaniya v sovremennoy sudebno-ekspertnoy deyatelnosti [The method of 3D modeling in modern forensic activity]. *Mezhdunarodnyy Zhurnal Gumanitarnykh i Estestvennykh Nauk*, (12-4). https://cyberleninka.ru/article/n/metod-3d-modelirovaniya-v-sovremennoy-sudebno-ekspertnoy-deyatelnosti
5. Prikaz MVD Rossii ot 07.06.2025 No. 356 "Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya informatizatsii deyatelnosti po okhrane obshchestvennogo poryadka v sisteme MVD Rossii do 2030 goda" [Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 07.06.2025 No. 356 "On approval of the Concept for the Development of Informatization of Activities to Protect Public Order in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia until 2030"]. (2025). STRAS "Yurist".
6. Reshenie Astrakhanskogo oblastnogo suda ot 30.04.2026 No. 12-114/2026, 7-189/2026 [Decision of the Astrakhan Regional Court of 30.04.2026 No. 12-114/2026, 7-189/2026]. (2026)
7. Rukovodstvo polzovatelya dlya Leica ScanStation P50/P40/P30 versiya 6.0.1 [User's Manual for Leica ScanStation P50/P40/P30 version 6.0.1]. (2018). Leica Geosystems AG.

8. Skaner opticheskiy trekhmernyy Range Vision Helix: rukovodstvo po ekspluatatsii [Optical three-dimensional scanner Range Vision Helix: Operation Manual]. (2025). OOO "RendzhVizhn".
9. Shining 3D. Ein Scan HX 1.0.2.1: rukovodstvo polzovatelya [Shining 3D. Ein Scan HX 1.0.2.1: User's Manual]. (2020). Shining 3D Tech Co.
10. Yakovleva, K. Yu. (2024). Ispolzovanie elektronnoy 3D-modeli v ugolovno-protsessualnomdokazavanii [The Use of an Electronic 3D Model in Criminal Procedural Evidence]. *Vestnik UYuI*, (3 (105)), 142–150.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.7+346.26 **DOI: 10.34670/AR.2026.16.63.007**

Конституционный принцип равенства как гарантия защиты прав предпринимателей в ПМР и РФ

Носенко Андрей Юрьевич

Аспирант,
Приднестровский государственный
университет им. Т.Г. Шевченко,
3300, Приднестровская Молдавская Республика,
Тирасполь, ул. 25 Октября, 107;
e-mail: smmnosenko@gmail.com

Аннотация

В статье проводится сравнительно-правовой анализ конституционного принципа равенства как одной из базовых гарантий обеспечения и защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в Приднестровской Молдавской Республике и Российской Федерации. Цель исследования — выявление особенностей реализации данного принципа в двух правовых системах и определение возможностей использования российского опыта для совершенствования механизмов защиты прав предпринимателей в ПМР. Методологическую основу составили сравнительно-правовой, системный и формально-юридический методы. Нормативную базу образуют Конституции РФ и ПМР, законодательство о государственном контроле, решения органов конституционного контроля, а также материалы о деятельности уполномоченных по защите прав предпринимателей. Показано, что обе правовые системы базируются на сходных конституционных положениях о равенстве, свободе экономической деятельности, равной защите собственности и судебной защите нарушенных прав. Вместе с тем в Российской Федерации данные гарантии получили более детальное развитие в законодательстве и судебной практике. В ПМР сформированы базовые конституционные основы защиты прав предпринимателей, однако отдельные механизмы нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Сделан вывод о возможности адаптации российского опыта в ПМР с учётом особенностей её правовой системы.

Для цитирования в научных исследованиях

Носенко А.Ю. Конституционный принцип равенства как гарантия защиты прав предпринимателей в ПМР и РФ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 88-97. DOI: 10.34670/AR.2026.16.63.007

Ключевые слова

Конституционный принцип равенства, защита прав предпринимателей, ПМР, РФ, конституционные гарантии, свобода предпринимательской деятельности, равенство форм собственности, конституционный контроль, уполномоченный по защите прав предпринимателей, государственный контроль.

Введение

Конституционный принцип равенства относится к числу фундаментальных основ правового государства и непосредственно влияет на условия осуществления предпринимательской деятельности. Равенство всех перед законом и судом, равенство прав и свобод, а также равная защита различных форм собственности создают правовую основу для функционирования механизмов защиты предпринимателей. Соблюдение данного принципа имеет особое значение для обеспечения добросовестной конкуренции, предупреждения необоснованного государственного вмешательства в экономические отношения и реализации права предпринимателей на судебную защиту [Гаджиев, 2019, с. 12].

Для Приднестровской Молдавской Республики и Российской Федерации обращение к данной проблематике представляет особый интерес. Конституции обоих государств закрепляют принципы правового государства, свободу экономической деятельности, равенство перед законом и равную защиту собственности. Однако практическая реализация этих положений осуществляется в различных политико-правовых и социально-экономических условиях. В Российской Федерации сформировалась разветвленная система конституционного контроля, накоплена значительная практика Конституционного Суда РФ, а также действует институт уполномоченного по защите прав предпринимателей. В ПМР соответствующие механизмы находятся на стадии дальнейшего развития, что связано в том числе с особенностями правового положения республики, ограниченностью ресурсов и сравнительно непродолжительным периодом формирования отдельных институтов [Морозов, 2022, с. 34].

Научная значимость исследования определяется недостаточной разработанностью комплексного сравнительно-правового анализа реализации принципа равенства именно в сфере защиты прав предпринимателей ПМР и РФ. В связи с этим целью работы является установление особенностей трансформации конституционного принципа равенства в конкретные гарантии защиты предпринимательских прав, а также определение элементов российского опыта, которые могут быть использованы при совершенствовании приднестровского законодательства.

Литературный обзор

Проблематика конституционных основ предпринимательской деятельности и содержания принципа равенства достаточно широко представлена в российской юридической литературе. Исследователи рассматривают свободу предпринимательской деятельности, равную защиту различных форм собственности, судебную защиту и право на возмещение вреда, причиненного государством. Особое значение при этом имеет практика Конституционного Суда РФ, в которой сформированы правовые позиции относительно содержания свободы предпринимательства, допустимых пределов ее ограничения и способов восстановления нарушенных прав [Багандов, 2024, с. 18].

В информационном обзоре практики Конституционного Суда РФ, одобренном 17 декабря 2020 года, систематизированы правовые позиции Суда по вопросам конституционно-правовой защиты предпринимательской деятельности за 2018–2020 годы. В документе подчеркивается, что осуществление права свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательства не должно сопровождаться умалением других конституционных прав и свобод. Ограничения предпринимательских прав допустимы только при наличии

конституционно значимой цели, необходимости и соразмерности соответствующих мер [Конституционно-правовая защита предпринимательства, 2020, с. 7].

Статья 19 Конституции РФ в практике Конституционного Суда рассматривается не как требование абсолютного единообразия правового регулирования, а как гарантия равного положения лиц, находящихся в сопоставимых условиях. Различия в правовом регулировании допускаются, если они объективно обусловлены особенностями соответствующей категории лиц и не имеют произвольного характера [Дмитриев, 2020, с. 15]. Для предпринимательской деятельности это означает необходимость сочетания формального юридического равенства с учетом объективных различий между субъектами экономических отношений.

Исследований, непосредственно посвященных данной проблематике применительно к ПМР, значительно меньше. В научных работах отмечается, что Конституция ПМР предоставляет каждому возможность свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской деятельности, закрепляя тем самым один из элементов экономической свободы [Иванов, 2023, с. 22]. Сравнительное изучение конституционных положений РФ и ПМР также свидетельствует о существенном сходстве их основных принципов, включая равноправие граждан [Брусалинская, 2026, с. 41].

Материалы и методы

Основным методом исследования является сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить содержание конституционных норм и особенности их практической реализации в ПМР и Российской Федерации. Нормативную основу составили Конституция РФ, в частности статьи 8, 19, 34, 35, 46, 53 и 55, и Конституция ПМР, включая статьи 16, 17, 18 и 36.

В работе также проанализированы Закон ПМР от 1 августа 2002 года № 174-З-III «О защите прав юридических лиц, физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, при проведении государственного контроля (надзора)», Федеральный закон РФ от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», решения Конституционных Судов РФ и ПМР, а также материалы о деятельности уполномоченных по защите прав предпринимателей.

Системный метод позволил установить взаимосвязь между конституционными нормами и отраслевым законодательством. Формально-юридический метод применялся при исследовании содержания соответствующих правовых норм, а метод правовой компаративистики — при сопоставлении механизмов защиты предпринимательских прав в двух правовых системах.

Результаты исследования

Статья 19 Конституции Российской Федерации закрепляет равенство всех перед законом и судом и гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений и иных обстоятельств. Одновременно Конституция не допускает ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности [Конституция Российской Федерации, 1993].

Аналогичный по направленности принцип закреплен в статье 17 Конституции ПМР.

Согласно данной норме, все лица обладают одинаковыми правами и свободами и являются равными перед законом независимо от пола, расы, национальности, языка, религии, социального происхождения, убеждений, личного и общественного положения. Вместе с тем Конституция ПМР допускает установление преимуществ и привилегий при условии их закрепления законом и соответствия принципам социальной справедливости. Статья 16 Конституции ПМР, как и статья 2 Конституции РФ, исходит из признания человека, его прав и свобод высшей ценностью и возлагает на государство обязанность по их защите [Конституция Приднестровской Молдавской Республики, 1995].

Сопоставление данных положений показывает наличие общей конституционной основы принципа равенства. Вместе с тем имеются и определенные различия. Конституция РФ содержит более детализированный перечень обстоятельств, по которым не допускается ограничение прав, а также отдельное положение о равенстве мужчин и женщин. Конституция ПМР, в свою очередь, прямо предусматривает возможность установления преимуществ и привилегий при соблюдении требований законности и социальной справедливости. Последнее положение имеет существенное значение для оценки допустимости дифференциации правового регулирования [Конституция Приднестровской Молдавской Республики, 1995].

В экономической сфере принцип равенства дополняется положениями о равной защите собственности и свободе предпринимательской деятельности. Часть 2 статьи 8 Конституции РФ предусматривает признание и равную защиту частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности. Одновременно часть 1 статьи 8 закрепляет единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции и свободу экономической деятельности [Багандов, 2024, с. 20].

Сходные положения содержит Конституция ПМР. Государственная, частная и иные формы собственности признаются и пользуются равной государственной защитой. Статья 36 Конституции ПМР закрепляет право каждого свободно использовать свои способности и имущество для осуществления предпринимательской деятельности, что соответствует общему подходу, закрепленному в статье 34 Конституции РФ [Иванов, 2023, с. 23].

Равная защита форм собственности имеет непосредственное значение для предпринимательства, поскольку исключает возможность установления необоснованных преимуществ исключительно в зависимости от организационно-правовой или имущественной формы субъекта. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что законодатель обязан соблюдать принцип юридического равенства при регулировании экономических отношений. Для лиц, находящихся в сопоставимом правовом положении, должен обеспечиваться одинаковый объем прав и обязанностей, тогда как дифференциация возможна при наличии объективных оснований [Дмитриев, 2020, с. 16].

Практическая реализация принципа равенства обеспечивается также системой конституционных гарантий. К ним относятся право на судебную защиту, право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием государственных органов, и защита права частной собственности. Соответствующие гарантии закреплены в Конституции РФ и предусмотрены конституционным законодательством ПМР [Багандов, 2024, с. 25].

Особое значение имеет вопрос о пределах ограничения предпринимательских прав. Часть 3 статьи 55 Конституции РФ и статья 18 Конституции ПМР предусматривают возможность ограничения прав и свобод только законом и в целях защиты конституционно значимых ценностей. Для предпринимательской деятельности это требование имеет принципиальное

значение, поскольку позволяет предотвратить произвольное вмешательство государства в экономическую сферу.

В российской конституционно-правовой практике данные положения получили развитие посредством принципа соразмерности. Ограничение права должно соответствовать преследуемой цели, быть необходимым и пропорциональным, а также не затрагивать существо соответствующего конституционного права [Конституционно-правовая защита предпринимательства, 2020, с. 9]. Именно такой подход позволяет рассматривать принцип равенства не только как формальное требование одинакового обращения, но и как критерий оценки качества государственного регулирования предпринимательской деятельности.

Важным направлением обеспечения равенства предпринимателей является регулирование государственного контроля. В Российской Федерации соответствующие отношения регулировались Федеральным законом № 294-ФЗ, устанавливавшим порядок проведения контрольных мероприятий, основания их осуществления и предусмотренные законом ограничения.

В ПМР аналогичные отношения регулируются Законом № 174-З-III от 1 августа 2002 года. Он предусматривает ряд гарантий для субъектов предпринимательства, в том числе презумпцию добросовестности проверяемого лица, запрет взимания платы за проведение контрольных мероприятий, ответственность контролирующих органов за нарушение законодательства и возможность обжалования их решений и действий [Закон Приднестровской Молдавской Республики от 1 августа 2002 года № 174-З-III, 2002].

При этом приднестровское законодательство по степени детализации уступает соответствующему российскому регулированию. В российской модели более подробно определены процедуры государственного контроля, что способствует повышению правовой определенности и снижает вероятность необоснованного вмешательства в деятельность предпринимателей.

Существенное значение для защиты предпринимательских прав имеет деятельность органов конституционного контроля. В Российской Федерации Конституционный Суд сформировал значительный массив правовых позиций, основанных на требованиях равенства, справедливости и соразмерности. Эти требования учитываются при регулировании налоговых отношений, предпринимательской деятельности и установлении мер ответственности в экономической сфере [Конституционно-правовая защита предпринимательства, 2020, с. 11]. В отдельных случаях Суд признавал неконституционными положения законодательства, создававшие чрезмерные разрешительные барьеры, необоснованно ограничивавшие свободу договора либо устанавливавшие несоразмерную ответственность.

Конституционный Суд ПМР также принимал решения, имеющие непосредственное значение для защиты предпринимателей. Показательным является постановление от 10 февраля 2009 года № 02-П/09, которым Суд признал не соответствующими Конституции ПМР положения законодательства, позволявшие должностным лицам налоговых органов самостоятельно, без обращения в суд, применять штрафные санкции за нарушения налогового и иного законодательства [Постановление Конституционного суда Приднестровской Молдавской Республики от 10 февраля 2009 года № 02-П/09, 2009]. Данное решение имеет принципиальное значение, поскольку связывает защиту предпринимателей с требованиями равенства перед законом и судебной защиты.

Еще одним элементом системы гарантий выступает институт уполномоченного по защите прав предпринимателей. В Российской Федерации он получил законодательное оформление на

основании Федерального закона от 7 мая 2013 года № 78-ФЗ и функционирует с 2012 года. К основным полномочиям уполномоченного относятся рассмотрение обращений предпринимателей, защита их прав и законных интересов, взаимодействие с государственными органами и участие в совершенствовании законодательства [Багандов, 2024, с. 30].

В ПМР институт уполномоченного при Президенте ПМР по защите прав предпринимателей был создан в 2016 году при участии делового сообщества и при поддержке Президента республики. Его правовое положение и полномочия определялись соответствующим указом Президента ПМР [Морозов, 2022, с. 36]. В отличие от российской модели, приднестровский институт не получил аналогичного уровня законодательной детализации, что отражается на его нормативной устойчивости и объеме полномочий [Морозов, 2022, с. 38].

Обсуждение

Проведенное сравнение позволяет сделать вывод о том, что конституционное содержание принципа равенства в ПМР и Российской Федерации имеет общую основу. Конституции обоих государств закрепляют равенство перед законом, равную защиту собственности, свободу экономической деятельности и возможность судебной защиты нарушенных прав. В совокупности данные положения создают конституционную основу защиты субъектов предпринимательской деятельности.

Однако практическая реализация этих принципов характеризуется различной степенью развитости механизмов. Российская Федерация располагает более разветвленной системой гарантий, включающей развитую практику Конституционного Суда, специальное законодательство в сфере государственного контроля и законодательно закрепленный институт уполномоченного по защите прав предпринимателей [Конституционно-правовая защита предпринимательства, 2020, с. 14].

Особое значение имеет сформированный Конституционным Судом РФ подход к принципу соразмерности. Ограничение предпринимательских прав должно соответствовать общественно значимой цели, быть необходимым, не иметь неоправданно обременительных альтернатив и не затрагивать существо гарантированного Конституцией права [Дмитриев, 2020, с. 18]. Такой подход позволяет осуществлять контроль не только за формальной законностью ограничений, но и за их содержанием.

В ПМР соответствующие конституционные положения в целом имеют сходное содержание, однако практика их применения пока менее систематизирована. Конституционный Суд ПМР принимал решения, направленные на защиту предпринимательских прав, но сформированный массив правовых позиций по данной проблематике значительно уступает российской практике по объему и степени системности [Постановление Конституционного суда Приднестровской Молдавской Республики от 10 февраля 2009 года № 02-П/09, 2009].

Отдельного внимания заслуживает международно-правовое положение ПМР. Ограниченное международное признание республики создает дополнительные правовые и организационные трудности для субъектов предпринимательства, в том числе при осуществлении хозяйственной деятельности за пределами республики, признании правоспособности юридических лиц иностранными судами и защите нарушенных прав в международных юрисдикционных механизмах [Шмидт, 2020, с. 72]. В таких условиях конституционный принцип равенства приобретает дополнительное значение, поскольку его последовательная реализация способствует укреплению правовой определенности и

сопоставимости национальной правовой системы с правовыми подходами других государств.

Вместе с тем Конституция ПМР содержит положения, которые могут стать основой для дальнейшего развития соответствующих механизмов. В частности, положение статьи 17 о преимуществах и привилегиях, допускаемых только на основании закона и при соблюдении принципов социальной справедливости, потенциально может использоваться при формировании критериев оценки допустимости дифференциации правового регулирования. При развитии практики Конституционного Суда ПМР данное положение способно получить более содержательное толкование с учетом требований необходимости и соразмерности ограничений предпринимательских прав.

При совершенствовании приднестровской системы защиты предпринимателей целесообразно учитывать российский опыт, но не переносить его механически. Правовые конструкции должны адаптироваться к особенностям законодательства ПМР, существующим общественным отношениям и институциональным возможностям государства.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что конституционный принцип равенства, закрепленный в статье 19 Конституции Российской Федерации и статье 17 Конституции Приднестровской Молдавской Республики, является одной из базовых гарантий обеспечения и защиты прав субъектов предпринимательской деятельности. Его содержание раскрывается во взаимосвязи с положениями о равной защите собственности, свободе экономической деятельности, праве на предпринимательство, судебной защите, возмещении вреда, причиненного государством, и допустимых пределах ограничения прав и свобод.

Сравнение двух правовых систем показывает, что их конституционные основы во многом совпадают, однако механизмы практической реализации принципа равенства развиты неодинаково. Российская Федерация располагает более системной законодательной базой и значительным объемом практики Конституционного Суда РФ. В ПМР основные конституционные предпосылки для защиты предпринимательских прав также сформированы. Вместе с тем законодательство о государственном контроле характеризуется меньшей степенью детализации, практика Конституционного Суда по вопросам предпринимательства пока не достигла сопоставимого уровня системности, а институт бизнес-омбудсмена имеет менее устойчивую нормативную основу.

В связи с этим одним из перспективных направлений совершенствования законодательства ПМР является дальнейшее развитие практики Конституционного Суда по вопросам предпринимательской деятельности с учетом правовых подходов, сформированных Конституционным Судом РФ, прежде всего в части оценки соразмерности ограничений. Целесообразным представляется также повышение степени детализации законодательства о государственном контроле и укрепление правового статуса института уполномоченного по защите прав предпринимателей. При этом использование российского опыта должно осуществляться с учетом особенностей приднестровской правовой системы. Его адаптация способна способствовать повышению правовой определенности, последовательности государственного регулирования и эффективности защиты предпринимательских прав. Последовательное развитие указанных механизмов позволит придать конституционному принципу равенства более выраженное практическое содержание и создать дополнительные условия для реализации свободы предпринимательской деятельности в ПМР.

Библиография

1. Багандов А.Б. Конституционно-правовые принципы и гарантии предпринимательской деятельности // Образование и право. 2024. URL: https://education.law-books.ru/article/konstitutsiionno-pravovye-printsipy-i-garantii-predprinimatelskoy-deyatelnosti.
2. Брусалинская Е.В. Конституционное право (с защитой): учебное пособие. Тирасполь: Приднестровский государственный университет, 2026. 120 с.
3. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (равенство, свобода договора, защита собственности) // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 3. С. 12–18.
4. Дмитриев Ю.А. Принцип равенства в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 14–21.
5. Закон Приднестровской Молдавской Республики от 1 августа 2002 года № 174-З-III «О защите прав юридических лиц, физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, при проведении государственного контроля (надзора)» // Справочно-правовая система ПМР. URL: https://ulpmr.ru.
6. Иванов П.С. Право человека на занятие предпринимательской деятельностью в Приднестровской Молдавской Республике // Учёные записки Приднестровского государственного университета. 2023. № 4. С. 20–28.
7. Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 годов): информация, одобренная решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020 // ГАРАНТ. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400139633.
8. Конституция Приднестровской Молдавской Республики (принята на всенародном референдуме 24 декабря 1995 года) // Официальный сайт Министерства юстиции ПМР. URL: http://minjust.gospmr.org.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.
10. Морозов С.В. Институт уполномоченного по защите прав предпринимателей в Приднестровской Молдавской Республике: становление и перспективы // Право и экономика непризнанных государств. 2022. № 2. С. 33–41.
11. Постановление Конституционного суда Приднестровской Молдавской Республики от 10 февраля 2009 года № 02-П/09 // Арбитражный суд ПМР. URL: https://arbitr.gospmr.org.
12. Федеральный закон от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6249.
13. Шмидт М.В. Деятельность юридических лиц, зарегистрированных в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике: правовые проблемы и пути решения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 11. С. 68–76.

The Constitutional Principle of Equality as a Guarantee of the Protection of Entrepreneurs' Rights in the PMR and the RF

Andrei Yu. Nosenko

Postgraduate Student,
T.G. Shevchenko Prindestrovian State University,
3300, 107, 25 Oktyabrya str., Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic;
e-mail: smmnosenko@gmail.com

Abstract

The article conducts a comparative legal analysis of the constitutional principle of equality as one of the basic guarantees for ensuring and protecting the rights of subjects of entrepreneurial activity in the Pridnestrovian Moldavian Republic and the Russian Federation. The objective of the study is to identify the features of the implementation of this principle in the two legal systems and to determine the possibilities of using Russian experience to improve the mechanisms for protecting

entrepreneurs' rights in the PMR. The methodological basis was formed by the comparative legal, systemic, and formal legal methods. The normative base is formed by the Constitutions of the RF and the PMR, legislation on state control, decisions of constitutional control bodies, as well as materials on the activities of commissioners for the protection of entrepreneurs' rights. It is shown that both legal systems are based on similar constitutional provisions on equality, freedom of economic activity, equal protection of property, and judicial protection of violated rights. At the same time, in the Russian Federation these guarantees have received more detailed development in legislation and judicial practice. In the PMR, basic constitutional foundations for the protection of entrepreneurs' rights have been formed, however, certain mechanisms require further improvement. A conclusion is made about the possibility of adapting Russian experience in the PMR, taking into account the specifics of its legal system.

For citation

Nosenko A.Yu. (2026) Konstitutsionnyy printsip ravenstva kak garantiya zashchity prav predprinimateley v PMR i RF [The Constitutional Principle of Equality as a Guarantee of the Protection of Entrepreneurs' Rights in the PMR and the RF]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 88-97. DOI: 10.34670/AR.2026.16.63.007

Keywords

Constitutional principle of equality, protection of entrepreneurs' rights, PMR, RF, constitutional guarantees, freedom of entrepreneurial activity, equality of forms of ownership, constitutional control, commissioner for the protection of entrepreneurs' rights, state control.

References

1. Bagandov, A. B. (2024). Constitutional and Legal Principles and Guarantees of Entrepreneurial Activity. Education and Law. https://education.law-books.ru/article/konstitutsiionno-pravovye-printsipy-i-garantii-predprinimatelskoy-deyatelnosti
2. Brusalinskaya, E. V. (2026) Constitutional Law (with Protection): Textbook. Tiraspol: Pridnestrovian State University, 120 p.
3. Constitution of the Pridnestrovian Moldavian Republic (adopted by referendum on December 24, 1995). Official website of the Ministry of Justice of the PMR. http://minjust.gospmr.org
4. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved by the nationwide vote on July 1, 2020). Official Internet Portal of Legal Information. http://www.pravo.gov.ru
5. Constitutional and Legal Protection of Entrepreneurship: Current Issues (Based on the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation of 2018–2020): Information approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 17, 2020. GARANT. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400139633
6. Dmitriev, Yu. A. (2020). The Principle of Equality in the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. Constitutional and Municipal Law, no. 7, pp. 14–21.
7. Federal Law No. 294-FZ of December 26, 2008 "On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control". Collection of Legislation of the Russian Federation, 2008, no. 52, part 1, art. 6249.
8. Gadzhiev, G. A. (2019). Constitutional Principles of a Market Economy (Equality, Freedom of Contract, Protection of Property). Constitutional and Municipal Law, no. 3, pp. 12–18.
9. Ivanov, P. S. (2023). The Human Right to Engage in Entrepreneurial Activity in the Pridnestrovian Moldavian Republic. Scientific Notes of the Pridnestrovian State University, no. 4, pp. 20–28.
10. Law of the Pridnestrovian Moldavian Republic No. 174-Z-III of August 1, 2002 "On the Protection of the Rights of Legal Entities, Individuals, Including Individual Entrepreneurs, during State Control (Supervision)". Legal reference systemof the PMR. https://ulpmr.ru
11. Morozov, S. V. (2022). The Institution of the Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights in the Pridnestrovian Moldavian Republic: Formation and Prospects. Law and Economics of Unrecognized States, no. 2, pp.

33–41.
12. Resolution of the Constitutional Court of the Pridnestrovian Moldavian Republic No. 02-P/09 of February 10, 2009. Arbitration Court of the PMR. https://arbitr.gospmr.org
13. Schmidt, M. V. (2020). Activities of Legal Entities Registered in the Unrecognized Pridnestrovian Moldavian Republic: Legal Problems and Solutions. Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice, no. 11, pp. 68–76.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.721:004 **DOI: 10.34670/AR.2026.47.76.008**

Цифровой профиль гражданина Российской Федерации: правовая природа и пределы государственного контроля

Алексеева Марина Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент,
Заведующий кафедрой «Теория и история государства и права»,
Донской государственный технический университет,
344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, площадь Гагарина, 1;
e-mail: alekseeva80@yandex.ru

Комоцкий Роман Игоревич

Магистрант,
Донской государственный технический университет,
344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, площадь Гагарина, 1;
e-mail: R.komotckiy@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается правовая природа цифрового профиля гражданина Российской Федерации как складывающегося в условиях цифровизации публичного управления феномена. На основе формально-юридического и сравнительно-правового методов выявлены дефинитивная неопределенность соответствующего явления, размытость пределов государственного контроля и недостаточность механизмов защиты прав субъекта данных. Предложено авторское определение цифрового профиля и обоснована его квалификация в качестве объекта личного неимущественного права особого рода. Сформулирована двухуровневая модель регулирования, сочетающая публично- и частноправовые начала, а также предложен порядок реализации права на удаление данных (right to erasure) в государственных информационных системах. Работа адресована представителям правовой науки, законодателю и специалистам в сфере цифрового права.

Для цитирования в научных исследованиях

Алексеева М.В., Комоцкий Р.И. Цифровой профиль гражданина Российской Федерации: правовая природа и пределы государственного контроля // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 98-107. DOI: 10.34670/AR.2026.47.76.008

Ключевые слова

Цифровой профиль, персональные данные, государственный контроль, приватность, биометрия, цифровой рубль, право на забвение, цифровая идентичность, информационное самоопределение, защита персональных данных, государственные информационные системы.

Введение

Категория «цифровой профиль» к настоящему времени не получила легального определения, однако соответствующая ему совокупность сведений уже образует устойчивую часть отечественного правового пространства. Посредством Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) гражданин вступает в правоотношения с органами публичной власти, посредством портала «Госуслуги» – получает юридически значимые сервисы, а через Единую биометрическую систему (далее – ЕБС) подтверждает свою личность при дистанционном обслуживании. С 2024 г. к указанной инфраструктуре присоединилась платформа цифрового рубля Банка России [Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ, 2023], операции в рамках которой фиксируются в форме индивидуализированных записей. Электронные медицинские карты, образовательные траектории, налоговые истории и сведения о перемещениях гражданина в совокупности образуют структурированный массив данных, отражающий правовое и социальное состояние личности.

Принципиальный вопрос заключается не в объеме аккумулируемой информации, а в неопределенности ее правового режима. Допустимо ли сводить цифровой профиль к простой сумме персональных данных или речь идет о самостоятельном объекте права? Каков субъектный состав соответствующих правоотношений? Вправе ли гражданин требовать прекращения обработки всей совокупности сведений, а не лишь ее отдельных элементов? Однозначные ответы на эти вопросы в действующем законодательстве отсутствуют, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Цель работы состоит в установлении правовой природы цифрового профиля и определении конституционно допустимых границ государственного контроля над ним. Достижение цели предполагает решение трех задач: формулирования юридически корректной дефиниции, выявления существующих нормативных ограничений и обоснования модели защиты прав гражданина.

Степень разработанности проблемы

Несмотря на очевидную практическую значимость, тема остается фрагментарно исследованной. И.Л. Бачило еще в 2010-е гг. указывала на необходимость комплексного регулирования «информационной сферы личности» [Бачило, 2021], однако предложенные ею подходы не получили системного развития. В 2023–2024 гг. появляется ряд работ, в которых проблема ставится более предметно. А.В. Петров квалифицирует цифровую идентичность как публично-правовую категорию, связывая ее с институтом гражданства [Петров, 2024]; Е.С. Иванова, напротив, отстаивает частноправовую природу профиля и предлагает распространить на него режим нематериальных благ [Иванова, 2023]. Каждая из позиций представляется односторонней: первая недооценивает индивидуально-личностное измерение явления, вторая – публичный интерес, неизбежно присутствующий при использовании государственных информационных систем.

Наиболее близкой к настоящей проблематике является работа Л.В. Санниковой и Ю.С. Харитоновой, в которой проанализировано соотношение цифрового профиля и предусмотренных ст. 141.1 ГК РФ цифровых прав [Санникова, Харитонова, 2024]. Авторы справедливо отмечают, что цифровой профиль не охватывается категорией цифровых прав, поскольку последние представляют собой имущественные права, удостоверенные средствами

информационной системы, тогда как профиль выражает не имущественную ценность, а персонифицированную информационную проекцию гражданина. Указанный вывод используется в настоящем исследовании в качестве отправного, однако он нуждается в развитии в части определения позитивного правового режима соответствующего объекта.

Зарубежная доктрина, прежде всего основанная на Общем регламенте по защите данных (Regulation (EU) 2016/679, далее – GDPR), предоставляет полезный, но не универсальный методологический ориентир. GDPR закрепляет право на удаление данных (right to erasure) и право на их переносимость, фактически признавая за субъектом властные возможности в отношении собственного цифрового следа [Regulation (EU) 2016/679, 2016]. Прямое заимствование этих конструкций, однако, затруднено: российская модель ориентирована на централизованную государственную инфраструктуру, что требует разработки собственного нормативного решения.

Методология

Методологическую основу исследования составили формально-юридический анализ действующего российского законодательства, сравнительно-правовой метод (сопоставление с правопорядками Европейского союза, Китайской Народной Республики, Эстонской Республики и Республики Казахстан) и метод правового моделирования. Для иллюстрации теоретических положений сконструированы модельные казусы, основанные на типичных правоприменительных ситуациях.

Понятие и структура цифрового профиля

Анализ нормативных актов позволяет выделить несколько разнородных компонентов, совокупность которых образует цифровой профиль гражданина. Для наглядности соответствующие элементы сведены в таблицу 1.

Таблица 1 – Компоненты цифрового профиля гражданина Российской Федерации

Компонент	Нормативная основа	Характер данных
Учетная запись ЕСИА	Постановление Правительства РФ от 28.11.2011 № 977	Идентификационные (ФИО, СНИЛС, телефон)
Биометрические образцы	Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ [Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ, 2022]	Биометрические (изображение лица, голос)
Профиль на портале «Госуслуги»	Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ; подзаконные акты	Статусные (семейное положение, имущественные права, задолженности)
История операций с цифровым рублем	Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ [Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ, 2023]	Финансово-поведенческие
Электронная медицинская карта	Приказ Минздрава России от 07.09.2020 № 947н	Сведения о состоянии здоровья
Сведения об образовании	Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»	Образовательные

Из представленных данных следует, что цифровой профиль не является единым реестром, а представляет собой систему взаимосвязанных, но юридически обособленных информационных массивов, объединенных вокруг личности гражданина. Именно такая рассредоточенность порождает первую правовую проблему: ни один нормативный акт не рассматривает указанные сведения как единый объект правового регулирования, что исключает применение к ним общих правил доступа, изменения или прекращения обработки.

С учетом изложенного представляется обоснованным следующее авторское определение: **цифровой профиль гражданина** – это юридически значимая, структурированная и относимая к определенному физическому лицу совокупность идентификационных, биометрических, статусных, финансовых, медицинских и иных сведений, аккумулируемых в государственных и приравненных к ним информационных системах в целях оказания публичных услуг и реализации публичных функций, обладающая признаками устойчивости, верифицируемости и индивидуализирующего характера, в отношении которой гражданину принадлежат правомочия информационного самоопределения. В предлагаемой конструкции присутствуют четыре существенных признака: субъект – конкретное физическое лицо; объект – структурированный массив сведений; содержание – правомочия информационного самоопределения (доступ, изменение, ограничение использования, прекращение обработки); форма закрепления – запись в государственной информационной системе.

Правовая природа цифрового профиля

Доктринальные подходы к квалификации цифрового профиля могут быть сведены к трем позициям.

Первая позиция состоит в том, что цифровой профиль представляет собой разновидность персональных данных, подпадающую под действие Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ [Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ, 2006]. Между тем указанный закон регулирует операции по обработке данных, осуществляемые отдельными операторами, и наделяет гражданина правомочиями на уточнение, блокирование и уничтожение конкретных сведений. Он не предназначен для ситуаций, в которых данные аккумулируются множеством операторов в рамках единой государственной инфраструктуры. Кроме того, значительная часть фиксируемых сведений (в частности, агрегированные финансовые транзакции) при обезличивании выходит за пределы определения персональных данных, сохраняя при этом индивидуализирующее значение.

Вторая позиция предполагает квалификацию профиля как информационного ресурса в смысле Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ. В таком случае соответствующий объект принадлежит создавшему его лицу, то есть государству. Подобный подход не позволяет обосновать правомочия гражданина в отношении информации о нем самом, что входит в противоречие с конституционными гарантиями ст. 23 и 24 Конституции Российской Федерации.

Третья позиция, поддерживаемая в настоящей работе, состоит в квалификации цифрового профиля как **объекта личного неимущественного права**, не сводимого ни к персональным данным, ни к информационному ресурсу. По своей юридической природе данный объект сближается с нематериальными благами, перечисленными в ст. 150 ГК РФ, однако обладает рядом особенностей, требующих специальной нормативной регламентации.

В порядке догматического обоснования необходимо ответить на ряд вопросов, ранее не получивших разрешения в литературе. Во-первых, в части соотношения с цифровыми правами по ст. 141.1 ГК РФ следует исходить из того, что последние являются имущественными

правами, удостоверенными средствами информационной системы, тогда как цифровой профиль – информационно-личностный субстрат, лишенный самостоятельной имущественной ценности. Цифровые права могут быть составной частью профиля (например, в виде сведений о принадлежащих гражданину токенизированных активах), но не исчерпывают его. Во-вторых, по общему правилу цифровой профиль неотчуждаем, что не исключает обособленной правовой судьбы отдельных его компонентов: имущественно-значимые элементы (цифровые активы, права требования к финансовым организациям) переходят в порядке наследования по правилам части третьей ГК РФ; персонализирующие элементы (биометрические образцы, медицинские сведения) при отсутствии иного волеизъявления подлежат прекращению обработки с момента государственной регистрации смерти гражданина, а сохраняемые в публичных интересах сведения (налоговые, пенсионные) – архивированию в специальном режиме. В-третьих, неотчуждаемость профиля в целом совместима с возможностью передачи отдельных правомочий по управлению им – в первую очередь правомочия доступа и распоряжения цифровыми активами – на основании цифрового завещательного распоряжения, потребность в институциональном оформлении которого представляется насущной.

Пределы государственного контроля

Расширение состава собираемых государством сведений обосновывается соображениями безопасности, эффективности управления и противодействия противоправным практикам. Конституционная допустимость такого расширения обусловлена соблюдением требований ст. 23 и 24 Конституции Российской Федерации, согласно которым неприкосновенность частной жизни составляет одну из основ правового статуса личности, а сбор информации о ней допускается с согласия субъекта либо в случаях, прямо предусмотренных законом. Передача сведений в государственные системы не означает утраты ими свойства частных и не освобождает оператора от соблюдения соответствующих гарантий.

Указанный подход подкрепляется правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, изложенными в Постановлении от 24.10.2023 № 56-П [Постановление Конституционного Суда РФ от 24.10.2023 № 56-П, 2023]. Суд, оценивая конституционность отдельных положений Федерального закона от 29.12.2022 № 572-ФЗ [Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ, 2022], сформулировал ряд значимых для настоящего исследования тезисов. Во-первых, биометрические сведения относятся к категории особо чувствительных и в силу этого подлежат повышенной правовой охране. Во-вторых, согласие на их обработку должно носить осознанный, конкретный и информированный характер, что исключает презумпцию согласия и допустимость согласия «по умолчанию». В-третьих, законодатель обязан установить дифференцированный режим обработки таких сведений в зависимости от целей их использования и обеспечить субъекту реальную возможность отзыва согласия. Сформулированные позиции, несмотря на их непосредственную привязку к биометрии, имеют доктринальное значение и применимы ко всем сегментам цифрового профиля, поскольку последний в целом сопоставим с биометрией по степени индивидуализирующего характера и потенциальной уязвимости субъекта.

Из изложенного следует, что пределы государственного контроля определяются конституционным принципом соразмерности: объем собираемых данных должен соответствовать конкретной публично значимой цели и не превышать того, что необходимо для ее достижения. Любое расширение перечня собираемых сведений требует обоснования не управленческим удобством, а конституционно значимыми основаниями.

Самостоятельного рассмотрения требует вопрос о применимости принципа минимизации данных к государственным операторам. Утверждение об освобождении государства от соответствующего принципа представляется неточным: пункт 5 части 1 ст. 5 Федерального закона № 152-ФЗ формально распространяется на все категории операторов, включая государственные органы. Между тем многочисленные специальные нормы (в сфере налогового, бюджетного, миграционного, оборонного законодательства) устанавливают изъятия из общего режима, расширяя состав собираемых сведений. Кроме того, правоприменительная практика свидетельствует о недостаточной эффективности контроля за соблюдением указанного принципа в отношении государственных информационных систем. Таким образом, проблема заключается не в формальном отсутствии нормы, а в ее декларативном характере применительно к публичному сектору, что и обусловливает потребность в специальной нормативной конкретизации, в том числе посредством установления исчерпывающих перечней собираемых сведений и закрепления специализированных процедур контроля.

Сравнительно-правовой анализ

Содержательное расширение сравнительно-правового материала позволяет рельефнее выявить специфику отечественной модели и определить ориентиры ее совершенствования.

Европейский союз. GDPR исходит из концепции информационного самоопределения субъекта, наделяя его правомочиями на доступ, исправление, переносимость и удаление данных. Принцип минимизации (ст. 5(1)(c) GDPR) распространяется на всех операторов независимо от их публично- или частноправового характера. Особое значение имеет конструкция права на удаление данных (right to erasure, ст. 17 GDPR), реализуемого вне зависимости от того, был ли соответствующий массив изначально сформирован с согласия субъекта.

Китайская Народная Республика. Принятый в 2021 г. Закон о защите личной информации (Personal Information Protection Law, PIPL) представляет собой принципиально иную модель, в рамках которой высокий уровень защиты персональной информации сочетается с широкими полномочиями государства в сфере национальной безопасности. PIPL прямо закрепляет право субъекта на удаление сведений (ст. 47), однако предусматривает изъятия в случаях, когда обработка необходима для выполнения предусмотренных законом обязанностей. Опыт КНР демонстрирует возможность нормативного совмещения сильного публичного контроля и развитого института прав субъекта данных, что представляет интерес для российского законодателя.

Эстонская Республика. Эстонская модель основана на принципе «один раз» (once-only principle), согласно которому государство не вправе повторно запрашивать у гражданина сведения, уже имеющиеся в государственных информационных системах. Ключевым элементом является инфраструктура X-Road, обеспечивающая обмен данными между ведомствами без их централизации. Каждый акт доступа к сведениям логируется и доступен гражданину через единый портал, что позволяет реализовать прозрачный контроль над использованием профиля. Такой подход является примером архитектурной реализации принципа подотчетности государства гражданину.

Республика Казахстан. В рамках Закона Республики Казахстан от 21.05.2013 № 94-V «О персональных данных и их защите» закреплены права субъекта данных, в целом сопоставимые с российскими, при этом активно развивается экосистема eGov и проект «Цифровой документ», что особенно значимо в контексте перспектив гармонизации регулирования в рамках

Евразийского экономического союза. Сопоставимость национальных правопорядков создает предпосылки для разработки модельного акта о цифровой идентичности в рамках ЕАЭС, что отвечало бы интересам трансграничного оборота юридически значимых сведений.

Проведенное сопоставление позволяет констатировать, что отечественная модель занимает промежуточное положение: при сильной централизации, сопоставимой с китайской, российский правопорядок не достигает уровня нормативной детализации правомочий субъекта данных, характерного для европейской и эстонской моделей.

Модельный казус и процессуальный аспект

В целях демонстрации практической значимости поставленных вопросов рассмотрим следующий казус. Гражданин Н. принял решение прекратить использование цифрового рубля и обратился в Банк России с требованием о ликвидации цифрового кошелька и об удалении сведений о ранее совершенных операциях. В удовлетворении требования отказано со ссылкой на требования законодательства о хранении финансовой документации. Впоследствии Н. потребовал прекратить обработку сведений на портале «Госуслуги» и удалить биометрические образцы из ЕБС. Установлено, что единая процедура полного прекращения обработки сведений в государственных информационных системах отсутствует: учетная запись может быть деактивирована при сохранении архивных записей, биометрические образцы могут быть отозваны путем личного обращения в многофункциональный центр при условии, что они не задействованы в иных правоотношениях.

Юридический разбор казуса предполагает следующие выводы. Во-первых, для реализации права на прекращение обработки сведений в государственных системах необходимо изменение ч. 2 ст. 9 и ст. 14 Федерального закона № 152-ФЗ с закреплением специальной процедуры, применимой к государственным операторам, а также дополнение Федерального закона № 572-ФЗ положениями о порядке безусловного отзыва биометрических образцов. Во-вторых, процессуальная форма реализации соответствующего права должна носить смешанный характер: первичным является административный порядок – обращение к оператору государственной информационной системы с заявлением, рассмотрение которого подчинено правилам Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ; при отказе или нарушении срока рассмотрения возможно обращение в суд в порядке, предусмотренном главой 22 КАС РФ (оспаривание решений и действий органов публичной власти). В-третьих, при множественности операторов надлежащим ответчиком должен признаваться оператор, осуществляющий первичную обработку соответствующего сегмента профиля, с обязательным привлечением иных операторов в качестве заинтересованных лиц; при наличии единого оператора инфраструктуры взаимодействия (применительно к ЕСИА и инфраструктуре электронного правительства – Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации) последний выступает соответчиком, обеспечивающим исполнение судебного акта в технической части. Такая модель распределения ответственности позволяет преодолеть фрагментацию операторской структуры, отмеченную в § 1 настоящей работы.

Двухуровневая модель регулирования

Цифровой профиль располагается между двумя противоречивыми по своему содержанию подходами. Признание его исключительно государственным ресурсом приводит к формированию инфраструктуры тотального наблюдения, несовместимой с конституционным

строем; квалификация его как сугубо частного блага исключает возможность функционирования системы публичных услуг. Разрешение указанного противоречия видится в двухуровневой модели регулирования.

Первый уровень – публично-правовой. Государство сохраняет полномочия по созданию и поддержанию инфраструктуры профиля, установлению его обязательных компонентов (налоговый учет, регистрационный учет, обязательное социальное страхование). Соответствующие полномочия должны быть закреплены на уровне федерального закона с указанием исчерпывающего перечня собираемых сведений, целей их обработки и сроков хранения. Расширение перечня административным актом недопустимо.

Второй уровень – частноправовой. В части, не затрагивающей реализацию публичных функций, гражданину должны принадлежать правомочия, сопоставимые с предусмотренными ст. 15–20 GDPR: право на доступ к сведениям о себе, право на исправление, право на ограничение обработки и право на удаление данных (right to erasure) в государственных информационных системах. Указанное право не является абсолютным: сведения, обработка которых необходима для исполнения публичных обязанностей (налоговые, пенсионные, сведения о судимости), исключаются из сферы его действия. Однако подлежит изменению презумпция: не на гражданине лежит бремя доказывания необходимости прекращения обработки, а на государстве – бремя обоснования необходимости ее продолжения.

Имплементация описанной модели не требует радикальной перестройки системы законодательства и может быть осуществлена путем принятия специального федерального закона «О цифровом профиле гражданина Российской Федерации», корреспондирующего изменения в Федеральный закон № 152-ФЗ и в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации в части дополнения ст. 150 указанием на цифровой профиль как разновидность нематериальных благ sui generis.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Цифровой профиль гражданина из абстрактной категории превратился в юридически значимое явление, требующее самостоятельной нормативной регламентации. Правовая природа профиля не укладывается в существующие конструкции персональных данных или информационного ресурса; наиболее адекватной представляется квалификация его как объекта личного неимущественного права, обладающего одновременно публично- и частноправовыми чертами. Пределы государственного контроля над профилем определяются конституционным принципом соразмерности, требованием минимизации обрабатываемых данных и закрепленным в перспективе правом гражданина на прекращение обработки сведений в государственных информационных системах. Предложенная двухуровневая модель регулирования позволяет совместить эффективное публичное управление с надлежащей защитой приватности. Перспективы дальнейших исследований связаны с детальной проработкой механизма прекращения обработки сведений, применимости института компенсации морального вреда при утечках из государственных систем, а также со сравнительным изучением моделей цифровой идентичности в государствах – членах Евразийского экономического союза.

Библиография

1. Бачило И.Л. Информационное право: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. 419 с.
2. Закон Республики Казахстан от 21.05.2013 № 94-V «О персональных данных и их защите» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2013. № 9. Ст. 47.
3. Иванова Е.С. Цифровой профиль гражданина: частноправовой взгляд // Гражданское право. 2023. № 6. С. 23–28.
4. Петров А.В. Цифровая идентичность как публично-правовая категория // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 3. С. 41–47.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.10.2023 № 56-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "О единой биометрической системе"» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2023. № 6.
6. Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые права и цифровой профиль: проблемы соотношения // Юридический мир. 2024. № 2. С. 15–21.
7. Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с внедрением цифрового рубля» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 30. Ст. 5602.
8. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.
9. Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных…» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 14.
10. Personal Information Protection Law of the People's Republic of China, adopted 20.08.2021, effective 01.11.2021 [Электронный ресурс]. URL: http://www.npc.gov.cn.
11. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // OJ L 119. 04.05.2016. P. 1–88.

Digital Profile of a Citizen of the Russian Federation: Legal Nature and Limits of State Control

Marina V. Alekseeva

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department "Theory and History of State and Law",
Don State Technical University,
344003, 1, Gagarina square, Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: alekseeva80@yandex.ru

Roman I. Komotskii

Master's Student,
Don State Technical University,
344003, 1, Gagarina square, Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: R.komotckiy@gmail.com

Abstract

The article examines the legal nature of the digital profile of a citizen of the Russian Federation as a phenomenon emerging in the context of the digitalization of public administration. Based on the formal-legal and comparative-legal methods, the definitive uncertainty of the corresponding phenomenon, the blurring of the limits of state control, and the insufficiency of mechanisms for

protecting the rights of the data subject are identified. The authors' definition of the digital profile is proposed, and its qualification as an object of a personal non-property right of a special kind is substantiated. A two-level model of regulation is formulated, combining public- and private-law principles, and a procedure for implementing the right to erasure of data in state information systems is proposed. The work is addressed to representatives of legal science, the legislator, and specialists in the field of digital law.

For citation

Alekseeva M.V., Komotskii R.I. (2026) Tsifrovoy profil' grazhdanina Rossiyskoy Federatsii: pravovaya priroda i predely gosudarstvennogo kontrolya [Digital Profile of a Citizen of the Russian Federation: Legal Nature and Limits of State Control]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 98-107. DOI: 10.34670/AR.2026.47.76.008

Keywords

Digital profile, personal data, state control, privacy, biometrics, digital ruble, right to be forgotten, digital identity, informational self-determination, personal data protection, state information systems.

References

1. Bachilo, I. L. (2021). Informatsionnoe pravo: uchebnik dlya vuzov [Information Law: A Textbook for Universities] (5th ed.). Yurayt.
2. Federal'nyy zakon ot 24.07.2023 № 339-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s vnedreniem tsifrovogo rublya» [Federal Law No. 339-FZ of 24.07.2023 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Introduction of the Digital Ruble"]. (2023). Sobranie zakonodatel'stva RF, (30), Art. 5602.
3. Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personal'nykh dannykh» [Federal Law No. 152-FZ of 27.07.2006 "On Personal Data"]. (2006). Sobranie zakonodatel'stva RF, (31, pt. I), Art. 3451.
4. Federal'nyy zakon ot 29.12.2022 № 572-FZ «Ob osushchestvlenii identifikatsii i (ili) autentifikatsii fizicheskikh lits s ispol'zovaniem biometricheskikh personal'nykh dannykh…» [Federal Law No. 572-FZ of 29.12.2022 "On the Identification and (or) Authentication of Individuals Using Biometric Personal Data…"]. (2023). Sobranie zakonodatel'stva RF, (1, pt. I), Art. 14.
5. Ivanova, E. S. (2023). Tsifrovoy profil' grazhdanina: chastnopravovoy vzglyad [Digital Profile of a Citizen: A Private Law Perspective]. Grazhdanskoe pravo, (6), 23–28.
6. Personal Information Protection Law of the People's Republic of China, adopted 20.08.2021, effective 01.11.2021. (2021). http://www.npc.gov.cn
7. Petrov, A. V. (2024). Tsifrovaya identichnost' kak publichno-pravovaya kategoriya [Digital Identity as a Public Law Category]. Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo, (3), 41–47.
8. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 24.10.2023 № 56-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy Federal'nogo zakona "O edinoy biometricheskoy sisteme"» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 56-P of 24.10.2023 "On the Case of Verifying the Constitutionality of Certain Provisions of the Federal Law 'On the Unified Biometric System'"]. (2023). Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF, (6).
9. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). (2016). OJ L 119, 1–88.
10. Sannikova, L. V., & Kharitonova, Yu. S. (2024). Tsifrovye prava i tsifrovoy profil': problemy sootnosheniya [Digital Rights and Digital Profile: Problems of Correlation]. Yuridicheskiy mir, (2), 15–21.
11. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 21.05.2013 № 94-V «O personal'nykh dannykh i ikh zashchite» [Law of the Republic of Kazakhstan No. 94-V of 21.05.2013 "On Personal Data and Their Protection"]. (2013). Vedomosti Parlamenta Respubliki Kazakhstan, (9), Art. 47.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.951 **DOI: 10.34670/AR.2026.80.98.009**

Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе: проблемы правового регулирования и внедрения презумпции личной заинтересованности

Лобченко Людмила Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства и права,
Мурманский арктический университет,
183038, Российская Федерация, Мурманск, ул. Капитана Егорова, 15;
e-mail: Demidenkvla@mail.ru

Комиссарова Юлия Сергеевна

Магистрант,
Мурманский арктический университет,
183038, Российская Федерация, Мурманск, ул. Капитана Егорова, 15;
e-mail: Demidenkvla@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена конфликту интересов на государственной и муниципальной службе как ключевому фактору коррупции. Актуальность подтверждается данными Прокуратуры Мурманской области за первое полугодие 2025 года: более 400 актов реагирования, 148 наказанных лиц, 5 досрочных прекращений полномочий. Цель — анализ механизма возникновения конфликта интересов, выявление правовых пробелов и разработка предложений по совершенствованию законодательства. На основе формально-юридического и сравнительно-правового методов выделены три модели регулирования (формальная, этическая, смешанная), обоснован выбор смешанной модели как оптимальной. Анализ примера из практики (увольнение служащей за рассмотрение дел своего отца) показывает, что ключевая проблема — сложность доказывания личной заинтересованности на ранней стадии. В качестве решения проблемы предлагается дополнить статью 10 Федерального закона № 273-ФЗ положением о презумпции личной заинтересованности при принятии служащим решений в отношении близких родственников или организаций, где он (или его супруг, несовершеннолетние дети) владеет долей более 5% уставного капитала. Предусмотрена возможность опровержения презумпции по решению комиссии. Научная новизна — обоснование перехода от субъективного доказывания к объективным критериям презюмирования, смещающего акцент на превентивный самоотвод. Предлагаемые изменения не требуют дополнительных бюджетных расходов и способствуют снижению коррупционных рисков.

Для цитирования в научных исследованиях

Лобченко Л.Н., Комиссарова Ю.С. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе: проблемы правового регулирования и внедрения презумпции личной заинтересованности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 108-118. DOI: 10.34670/AR.2026.80.98.009

Ключевые слова

Конфликт интересов, государственная гражданская служба, муниципальная служба, личная заинтересованность, коррупция, противодействие коррупции, презумпция личной заинтересованности, самоотвод, смешанная модель регулирования, утрата доверия, правоприменительная практика.

Введение

Противодействие коррупции выступает ключевым направлением внутренней политики Российской Федерации, поскольку коррупционные направления препятствуют устойчивому экономическому развитию, снижают инвестиционную привлекательность регионов и государства в целом. Это ведет к утрате конкурентоспособных преимуществ экономики, замедлению темпов ее роста и сокращению доходов бюджета. Негативные последствия распространяются и на социальную сферу неравномерное распределение финансовых ресурсов, потеря доверия граждан к государственным учреждениям, формирование атмосферы недоверия и взаимного отчуждения.

Исследователи отмечают особую опасность конфликтов интересов, возникающих в результате столкновения служебных обязательств и личных интересов государственных служащих. Концепция конфликта интересов закреплена в статье 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Закон рассматривает конфликт интересов как ситуацию, ведущую к риску появления коррупционных преступлений [О противодействии коррупции, 2008]. Согласно мнению ряда ученых, таких как Е.М.Рузаева, основное последствие конфликта интересов состоит в невозможности качественного исполнения государственными служащими своих функций, что в конечном итоге, рост коррупционных проявлений [Рузаева, 2024].

Целью настоящего исследования является комплексный анализ механизма возникновения и развития конфликта интересов на государственной и муниципальной службе, выявление правовых и организационных пробелов его регулирования, а также разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательств и правоприменительной практики, направленных на минимизацию коррупционных рисков, защиту публичных интересов, укрепление доверия граждан к институтам власти и обеспечение стабильности социально-экономического развития.

Актуальность данного исследования данными, опубликованными Прокуратурой Мурманской области. Так за первое полугодие 2025 года Прокуратурой Мурманской области было вынесено более 400 актов реагирования по устранению нарушений антикоррупционного законодательства. Как уточнили в прокуратуре, из общего числа актов внесено 129 представлений, 148 человек наказаны в дисциплинарном и административном порядках, досрочно прекращены полномочия пяти должностных лиц, двух глав муниципальных образований, двух федеральных и одного муниципального служащих. Причиной прекращения полномочий стали выявленные факты конфликта интересов на службе и недостаточного декларирования доходов [В прокуратуре Мурманской области подведены итоги, www.epp.genproc.gov.ru].

Приведенные данные свидетельствуют о сохраняющейся высокой коррупциогенности в

регионе, значительных экономических потерях бюджета и одновременно о недостаточной эффективности существующих механизмов выявлениями и пресечения коррупционных правонарушений, что в полной мере обосновывает необходимость дальнейшего совершенствования правовых и организационных мер противодействия коррупции, в том числе в части урегулирования конфликта интересов.

Основная часть

Исследователи отмечают особую опасность конфликта интересов, возникающих в результате столкновения служебных обязательств и личных интересов государственных служащих. Так, В.И. Гладких, В.М. Алиев и В.Г. Степанов-Егиянц подчеркивают, что конфликт интересов выступает одной из детерминант коррупционного поведения, поскольку создает благоприятную среду для злоупотребления должностными полномочиями [Гладких, Алиев, Степанов-Егиянц, 2025]. А.Д. Ильяков в своем монографическом исследовании происходит к выводу, что неурегулированный конфликт интересов способен не только дискредитировать конкретного служащего, но и подрывать авторитет государственной службы в целом [Ильяков, 2021].

Коллектив автор под руководством А.Ф. Ноздрачева отмечает, что конфликт интересов как основа коррупционных правонарушений ставит под угрозу авторитет государственной службы, поражая организационные, правовые и нравственные основы государства [Глазырин, Козлов, Колосова и др., 2023]. В свою очередь, Р.Х. азиева и М.С. Мусаева прямо квалифицируют конфликт интересов как фактор коррупции на государственной службе акцентируя внимание на необходимость его своевременного выявления и предотвращения [Азиева, Мусаева, 2022].

А.М. Мифтахова и И.Ф. Сагитова, анализируя методологические подходы к урегулированию конфликтов интересов, указывают, что данный институт требует комплексного правового регулирования, поскольку его недостаточная проработанность создает коррупционные риски и снижает эффективность работы государственных органов [Мифтахова, Сагитова, 2025]. Н.В. Наумова и С.А. Анисимова, исследуя правоприменительную практику, приходят к выводу, что пробелы в законодательном определении личной заинтересованности и круга аффилированных лиц существенно затрудняют квалификацию конфликта интересов и привлечение виновных ответственности [Мифтахова, Сагитова, 2025].

Особого внимания заслуживает позиция А.Р. Левченко и Н.В. бугеля, которые, анализируя различные модели трактования конфликта интересов, утверждают, что в российской доктрине уделяется внимание негативным последствиям личной заинтересованности для исполнения служебных обязанностей, признавая важность различия между заинтересованности для исполнения служебных обязанностей, признавая важность различения между личными интересами публичных должностных лиц и общественными интересами, что потенциально может нанести ущерб последним. Ученые рекомендуют использовать смешанную модель, определяя конфликт интересов как ситуацию, когда государственный служащий, действуя или бездействуя, руководствуется личной заинтересованность, способствуя получению неправомерной выгоды для себя или связанных лиц, что наносит ущерб интересам государства, общества или отдельных лиц [Левченко, Бугель, 2024].

Таким образом, анализ научной литературы позволяет заключить, что конфликт интересов рассматривается исследователями не только как дисциплинарная проблема, но и как социально

опасное явление, способное причинять вред законным интересам граждан, общества и государства. Данный вывод коррелирует с проведенным выше сравнительным анализом легального и доктринального определений и подтверждает необходимость совершенствования механизмов урегулирования конфликта интересов на региональном уровне.

В доктрине административного права выделяют несколько базовых моделей регулирования конфликта интересов на государственной службе, различающихся подходами к определению личной заинтересованности и механизмами ее выявления [Крикунов, 2025]. Формальная юридическая модель, также известная как «модель запретов», предполагает исчерпывающий перечень ситуаций, которые законодатель относит к конфликту интересов, с четкими запретами и юридическими санкциями за их нарушение [Гаджиханов, 2023]. Она обеспечивает единообразие правоприменения, но не позволяет охватить все разнообразие потенциальных коррупциогенных ситуаций и не стимулирует добросовестное поведение служащих, которые могут ограничиваться лишь формальным соблюдений предписаний [Еремин, 2022]. Этическая модель (или «модель профессиональной культуры») делает акцент на профилактике и самоконтроле служащего, на соблюдении им морально-нравственных норм и повышении профессиональных стартов [Крикунов, 2025]. Её недостатком является отсутствие эффективных механизмов юридической ответственности, что снижает сдерживающий потенциал регулирования [Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2025]. Смешанная (интегративная) модель сочетает в себе элементы формального регулирования с этическими механизмами, устанавливая общие критерии личной заинтересованности и одновременно закрепляя процедурные обязанности служащих по уведомлению и предотвращению конфликта интересов [Шитова, Литвинова, 2022; Еремин, 2022].

Анализ правоприменительной практики, включая приведенные данные Прокуратуры мурманской области, свидетельствует о том, что формальная модель не способна обеспечивать превентивное урегулирование конфликта интересов, а этическая модель – принуждение к исполнению обязанностей [Гаджиханов, 2023]. В связи с этим в российской правовой системе, как и в зарубежных странах, все более отчетливо прослеживается переход к смешанной модели [Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2025]. Именно в рамках настоящего исследования обосновывается выбор смешанной модели, которая позволяет не только формально закрепить презумпцию личной заинтересованности в коррупциогенных сферах, но и сохранить возможность для ее опровержения на уровне комиссионного рассмотрения [Крикунов, 2025]. Доктринальные подходы и официальное разъяснения высших судебных инстанций находят свое практическое подтверждение в реальной правоприменительной деятельности. Анализ конкретных ситуаций, связанных с конфликтом интересов, позволяет выявить не только теоретические пробелы, но и реальные риски, возникающие при исполнении государственными служащими своих полномочий.

В качестве иллюстративного примера, наиболее полно раскрывающего реальный вред от неурегулированного конфликта интересов, следует рассматривать ситуацию, описанную в Обзоре практики Министерства труда и социальной защиты РФ № 6 от 29.06.2021 [Обзор практики применения законодательства, 2021]. Государственная служащая, замещая должность заместителя руководителя департамента, рассматривала дела об административных правонарушениях в отношении трех физических лиц. Данные дела были возбуждены государственным инспектором того департамента, приходящимся служащей отцом. В ходе проверки установлено, что отец исправил и подменил первоначальный процессуальный

документ с целью изменения квалификации правонарушения и смягчения ответственности, после чего передал дела на рассмотрение дочери в обход ее непосредственного начальника. Личная заинтересованность служащей состояла в желании сохранить за отцом место работы и возможность получения заработной платы, избежав применения к нему мер юридической ответственности. Комиссия признала наличие конфликта интересов, а служащая была уволена в связи с утратой доверия.

Ключевая проблема, выделенная в данном примере, заключается не только в отсутствии своевременного уведомления, но в сложности доказывания самого факта личной заинтересованности на стадии, когда конфликт интересов еще можно предотвратить. Действующая редакция статьи 10 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» определяет конфликт интересов как ситуацию, при которой личная заинтересованность влияет или может повлиять на надлежащее исполнение должностных обязанностей. Однако закон не содержит четких объективных критериев, при которых личная заинтересованность презюмируется. В результате служащие могут заявлять о своей беспристрастности, а комиссиям приходится затрачивать значительные ресурсы на доказывание субъективного намерения. В приведенном примере конфликт был выявлен только после того, как отец уже подменил документы, а служащая -рассмотрела дела. Предотвратить его на ранней стадии оказалось невозможным из-за отсутствия правового механизма автоматического отвода.

Для решения указанной проблемы предлагаю введение в статью 10 Федерального закона № 273-ФЗ новой части3, устанавливающей презумпцию личной заинтересованности при принятии служащим решения в отношении близкого родственника или свойственника, а также при осуществлении властных полномочий в отношении организации, где служащий или его близкие имеют долю более 5 процентов уставного капитала. Текст дополнения может быть сформирован следующим образом:

«3. Личная заинтересованность, которая приводит или может привести к конфликту интересов, презюмируется в случаях, если государственный или муниципальный служащий:

а) принимает решение (участвует в его принятии) в отношении близкого родственника или свойственника (родителей, супругов, детей, родных братьев и сестер, а также супругов указанных лиц);

б) осуществляет контрольно-надзорные, разрешительные или иные властные полномочия в отношении организации, в которой служащий, его супруг (супруга) или несовершеннолетние дети владеют более чем 5 процентами уставного капитала (акций, долей) либо занимают должности в органах управления.

Опровержение презумпции допускается только по решению комиссии по урегулированию конфликта интересов на основании документов, подтверждающих отсутствие фактического влияния на объективность.»

Применительно к данному примеру данное дополнение работает следующим образом. Как только заместитель руководителя департамента получает для рассмотрения дела об административных правонарушениях, возбужденные ее отцом (близким родственником), презумпция личной заинтересованности вступает в силу автоматически. Служащая обязана:

1. Немедленно уведомить представителя нанимателя о возникновении ситуации, подпадающей под презумпцию.

2. Заявить самоотвод и передать дела иному должностному лицу, не связанному родственными отношениями с участниками производства.

3. До получения решения комиссии воздержаться от любых процессуальных действий в отношении указанных дел.

В случае, если служащая проигнорирует эти требования, сам факт рассмотрения ею дел, в которых ее отец является должностным лицом, уже является нарушением, не требующим дополнительных доказательств ее субъективной заинтересованности. Комиссии остаётся только установить наличие родственной связи и применить меры ответственности – от замечания до увольнения в зависимости от тяжести последствий. Опровержение презумпции в данном конкретном случае практически невозможно, поскольку отец служащей совершил подлог документов, что свидетельствует о реальном, а не потенциальном вреде.

Почему именно такая формулировка является оптимальной. Во-первых, презумпция охватывает наиболее коррупциогенные сферы – родственные связи и экономические интересы. Во-вторых, порог в 5 процентов уставного капитала исключает споры о «незначительности» доли и соответствует международной практике (например, законодательству Республики Казахстан о противодействии коррупции). В-третьих, возможность опровержения презумпции по решению комиссии сохраняет баланс между строгостью закона и учетом исключительных обстоятельств (например, если служащий докажет, что не знал и не мог знать о родстве). В-четвертых, данное изменение не требует создания новых органов или дополнительного финансирования, а лишь уточняет правовую квалификацию

Аналогичный подход к презюмированию личной заинтересованности уже апробирован в законодательстве ряда постсоветских государств. Так, Закон Республики Казахстан «о противодействии коррупции» прямо устанавливает презумпцию возникновения конфликта интересов при осуществлении государственными служащими функций в отношении близких родственников или аффилированных лиц [О противодействии коррупции, 2015]. В республике Молдова Закон «О публичной должности и статусе публичного служащего» обязывает служащего заявить самоотвод при малейшем сомнении в беспристрастности, а само несоблюдение этого требования рассматривается как самостоятельное нарушение [О государственной должности и статусе государственного служащего, 2008]. Опыт этих стран показывает, что введение объективных критериев презюмирования не только не приводит к росту необоснованных обвинений, но и дисциплинирует служащих, сокращая количество латентных коррупционных рисков. Российская правовая система с учетом ее административно-правовых традиций также готова к восприятию данной модели, особенно в части уточнения круга близких родственников и пороговых значений имущественного участия.

Противники введения презумпции личной заинтересованности могут указывать на риск формального подхода, когда служащий будет отстранен от принятия решения, даже если объективно его личная заинтересованность отсутствует (например, при давних неприязненных отношениях с родственником). Однако предполагаемое опровержение презумпции по решению комиссии на основании документов, подтверждающих отсутствие фактического влияния на объективность, полностью нивелирует этот риск. Комиссия вправе признать, что несмотря на родство, служащий действовал беспристрастно (например, если ранее он уже привлекал родственника к ответственности). Более того, презумпция не отменяет обязанности комиссии исследовать все обстоятельства, а лишь перераспределяет бремя доказывания: не комиссия должна доказывать заинтересованность, а служащий (при желании опровергнуть презумпцию) – предоставлять доказательства своей объективности. Такое перераспределение полностью соответствует общепризнанным стандартам антикоррупционной политики и ускоряет

процедуру урегулирования конфликта интересов.

Важным элементом предлагаемой модели выступают процессуальные гарантии, исключающие автоматическое привлечение служащего к ответственности при возникновении ситуации, подпадающей под презумпцию. Само по себе наличие родственной связи или имущественного участия не влечет дисциплинарного взыскания – оно наступает только в случае, если служащий не выполнил обязанность по уведомлению, не заявил самоотвод или продолжил участвовать в принятии решения. Тем самым сохраняется принцип виновной ответственности, а презумпция личной заинтересованности играет роль юридического факта, запускающего процедурный механизм, а не готового обвинительного акта. Кроме того, комиссия по урегулированию конфликта интересов при рассмотрении вопроса об опровержении презумпции обязана оценивать не только формальное наличие родства, но и реальную возможность служащего повлиять на решение, а также предпринятые им меры по предотвращению конфликта. Это создает дополнительный уровень защиты от необоснованного преследования добросовестных служащих.

Предлагаемое дополнение органично интегрируется в существующую систему дисциплинарной ответственности государственных и муниципальных служащих. В настоящее время увольнение в связи с утратой доверия за неурегулированный конфликт интересов применяется относительно редко, что объясняется как раз сложностью доказывания субъективной заинтересованности. Введение презумпции позволит комиссиям и представителям нанимателя квалифицировать сам факт неисполнения обязанности по самоотводу как достаточное основание для применения мер юридической ответственности. При этом сохраняется дифференциация наказания: если служащий своевременно уведомил о ситуации, но комиссия не усмотрела оснований для самоотвода, ответственность не наступает; если служащий скрыл наличие близкого родственника, это может рассматриваться как отягчающее обстоятельство. Таким образом, механизм презумпции не подменяет, а дополняет дисциплинарную практику, делая ее более четкой и предсказуемой.

Ожидаемый правоприменительный эффект заключается в следующем. Внедрение презумпции личной заинтересованности позволило предотвратить подобные случаи на стадии, когда отец только попытался передать дела дочери. Служащая, зная о неотвратимости ответственности, либо отказалась бы от рассмотрения, либо уведомила бы нанимателя, что привело бы к передаче дел другому специалисту. Подмена документов стала бы невозможной. Так как отец лишился бы возможности рассчитывать на лояльность родственника. В масштабах региона, как показывают данные Прокуратуры Мурманской области (более 400 актов реагирования за первое полугодие 2025 года, пять долгосрочных прекращений полномочий должностных лиц), применение презумпции сократило бы количество выявляемых наращений не за счет снижения контроля, а за счет их превентивного блокирования. Тем самым предлагаемое решение непосредственного реализует цель настоящего исследования – разработку практических рекомендаций по снижению негативных последствий конфликта интересов для экономики и общественной стабильности.

Заключение

Таким образом, эффективное противодействие коррупции в сфере государственной службы требует не только расширения контрольного аппарата, сколько изменения правовой логики

квалификации конфликта интересов. Переход от доказывания субъективной заинтересованности служащего к объективной презумпции, основанной на наличии родственных или иных имущественных связей, позволяет сместить акцент с постфактумной ответственности на превентивный самоотвод. Предлагаемое дополнение статьи 10 Федерального закона № 273-ФЗ способно минимизировать коррупционные риски на ранней стадии их возникновения, не влечет дополнительных бюджетных расходов и согласуется с доктринальными подходами к смешанной модели регулирования конфликта интересов. Реализация данной меры будет содействовать укреплению доверия к публичным институтам и снижению экономических потерь от должностных злоупотреблений.

Библиография

1. Азиева Р.Х., Мусаева М.С. Конфликт интересов как фактор коррупции на государственной службе // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 41 (3). С. 26–29.
2. В прокуратуре Мурманской области подведены итоги работы по противодействию коррупции за 9 месяцев 2025 года // Официальный сайт Прокуратуры Мурманской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_51/mass-media/news/main/e6334061/
3. Гаджиханов С.А. Возможности предупреждения конфликта интересов на государственной службе: российский и зарубежный опыт // Вопросы российского и международного права. 2023. № 3-1. С. 194–200.
4. Гладких В.И., Алиев В.М., Степанов-Егиянц В.Г. Противодействие коррупции на государственной службе: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 207 с.
5. Глазырин Т.С., Козлов Т.Л., Колосова Н.М. и др. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование: научно-практическое пособие / отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. Москва: ИНФРА-М, 2023. 224 с.
6. Еремин С.Г. Меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов в органах публичной власти в Российской Федерации и зарубежных странах // Управленческие науки. 2022. № 3. С. 99–105.
7. Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 г. № 410-V ЗРК «О противодействии коррупции» // Казахстанская правда. 2015.
8. Закон Республики Молдова от 4 июля 2008 года № 158-XVI «О государственной должности и статусе государственного служащего» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.12.2025) // Monitorul Oficial. 2008. № 230-232.
9. Ильяков А.Д. Конфликт интересов на государственной службе: монография. Москва: Проспект, 2021. 128 с.
10. Крикунов К.А. Конфликт интересов на государственной службе: факторы эффективного регулирования // Общественные науки и современность. 2025. № 1. С. 132–144.
11. Левченко А.Р., Бугель Н.В. Проблемы определения и трактования конфликта интересов на государственной гражданской службе // Вопросы государства и права. 2024. № 4 (7). С. 38–47.
12. Мифтахова А.М., Сагитова И.Ф. Основные моменты в регулировании конфликта интересов на государственной службе: методологический подход // Вестник института права Башкирского государственного университета. 2025. Т. 8, № 4 (28). С. 102–112.
13. Наумова Н.В., Анисимова С.А. Пробелы в законодательстве о конфликте интересов государственных служащих: теория и практика // Молодой ученый. 2025. № 46 (597). С. 405–408.
14. Обзор практики применения законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции по вопросам предотвращения и урегулирования конфликта интересов № 6 (подготовлен Министерством труда и социальной защиты РФ по состоянию на 29 июня 2021 г.). СПС «КонсультантПлюс».
15. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
16. Рузаева Е.М. Правовая природа и понятие конфликта интересов // Административное право и процесс. 2024. № 8. С. 51–54.
17. Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России. Понятия личной заинтересованности и конфликта интересов в сфере государственного управления: сравнительное теоретико-правовое исследование // Наука и техника. 2025. № 1. С. 83–90.
18. Шитова Т.В., Литвинова В.С. Конфликт интересов в сфере функционирования государственной службы современной России // Государственная служба. 2022. № 1 (135). С. 70–74.

Conflict of Interest in State and Municipal Service: Problems of Legal Regulation and Introduction of the Presumption of Personal Interest

Lyudmila N. Lobchenko

PhD in History, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Murmansk Arctic University,
183038, 15, Kapitana Egorova str., Murmansk, Russian Federation;
e-mail: Demidenkvla@mail.ru

Yuliya S. Komissarova

Master's Student,
Murmansk Arctic University,
183038, 15, Kapitana Egorova str., Murmansk, Russian Federation;
e-mail: Demidenkvla@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the conflict of interest in state and municipal service as a key factor of corruption. The relevance is confirmed by the data of the Prosecutor's Office of the Murmansk Region for the first half of 2025: more than 400 response acts, 148 punished persons, 5 early terminations of powers. The objective is to analyze the mechanism of the emergence of a conflict of interest, identify legal gaps, and develop proposals for improving legislation. On the basis of the formal-legal and comparative-legal methods, three models of regulation (formal, ethical, mixed) are identified, and the choice of the mixed model as optimal is substantiated. An analysis of a practical example (the dismissal of an employee for considering cases of her father) shows that the key problem is the difficulty of proving personal interest at an early stage. As a solution to the problem, it is proposed to supplement Article 10 of Federal Law No. 273-FZ with a provision on the presumption of personal interest when an employee makes decisions in relation to close relatives or organizations in which he (or his spouse, minor children) owns a share of more than 5% of the charter capital. The possibility of rebutting the presumption by a decision of the commission is provided. The scientific novelty is the substantiation of the transition from subjective proof to objective criteria of presumption, shifting the emphasis to preventive self-recusal. The proposed changes do not require additional budget expenditures and contribute to reducing corruption risks.

For citation

Lobchenko L.N., Komissarova Yu.S. (2026) Konflikt interesov na gosudarstvennoy i munitsipal'noy sluzhbe: problemy pravovogo regulirovaniya i vnedreniya prezumptsii lichnoy zainteresovannosti [Conflict of Interest in State and Municipal Service: Problems of Legal Regulation and Introduction of the Presumption of Personal Interest]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 108-118. DOI: 10.34670/AR.2026.80.98.009

Keywords

Conflict of interest, state civil service, municipal service, personal interest, corruption, anti-corruption, presumption of personal interest, self-recusal, mixed model of regulation, loss of trust, law enforcement practice.

References

1. Azieva, R.Kh., & Musaeva, M.S. (2022). Konflikt interesov kak faktor korruptsii na gosudarstvennoy sluzhbe [Conflict of Interest as a Factor in Corruption in the Public Service]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* [Natural and Humanitarian Research], (41/3), 26–29.
2. Eremin, S.G. (2022). Mery po predotvrashcheniyu i uregulirovaniyu konflikta interesov v organakh publichnoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii i zarubezhnykh stranakh [Measures to Prevent and Resolve Conflicts of Interest in Public Authorities in the Russian Federation and Foreign Countries]. *Upravlencheskie nauki* [Management Sciences], (3), 99–105.
3. *Federalnyy zakon ot 25 dekabrya 2008 g. No. 273-FZ "O protivodeystvii korruptsii"* [Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption"]. (2008). Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, No. 52 (part 1), Art. 6228.
4. Gadzhikhanov, S.A. (2023). Vozmozhnosti preduprezhdeniya konflikta interesov na gosudarstvennoy sluzhbe: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt [Opportunities for Preventing Conflicts of Interest in Public Service: Russian and Foreign Experience]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Issues of Russian and International Law], (3-1), 194–200.
5. Gladkikh, V.I., Aliev, V.M., & Stepanov-Egiyants, V.G. (2025). *Protivodeystvie korruptsii na gosudarstvennoy sluzhbe* [Countering Corruption in the Public Service]: Textbook for Universities (2nd ed.). Moscow: Yurait Publishing House.
6. Glazyrin, T.S., Kozlov, T.L., Kolosova, N.M. et al. (2023). *Konflikt interesov na gosudarstvennoy i munitsipalnoy sluzhbe, v deyatelnosti organizatsiy: prichiny, predotvrashchenie, uregulirovanie* [Conflict of Interests in the State and Municipal Service, in the Activities of Organizations: Causes, Prevention, Settlement]: Scientific and Practical Manual. A.F. Nozdrachev (Ed.). Moscow: INFRA-M.
7. Ilyakov, A.D. (2021). *Konflikt interesov na gosudarstvennoy sluzhbe* [Conflict of Interests in the Public Service]: Monograph. Moscow: Prospekt.
8. Krikunov, K.A. (2025). Konflikt interesov na gosudarstvennoy sluzhbe: faktory effektivnogo regulirovaniya [Conflict of Interests in Public Service: Factors of Effective Regulation]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], (1), 132–144.
9. Levchenko, A.R., & Bugel, N.V. (2024). Problemy opredeleniya i traktovaniya konflikta interesov na gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhbe [Problems of Defining and Interpreting Conflicts of Interest in the Civil Service]. *Voprosy gosudarstva i prava* [Issues of State and Law], (4/7), 38–47.
10. Miftakhova, A.M., & Sagitova, I.F. (2025). Osnovnye momenty v regulirovanii konflikta interesov na gosudarstvennoy sluzhbe: metodologicheskiy podkhod [The Main Points in the Regulation of Conflicts of Interest in the Public Service: Methodological Approach]. *Vestnik instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University], 8(4/28), 102–112.
11. Naumova, N.V., & Anisimova, S.A. (2025). Probely v zakonodatelstve o konflikte interesov gosudarstvennykh sluzhashchikh: teoriya i praktika [Gaps in the Legislation on Conflicts of Interest of Civil Servants: Theory and Practice]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], (46/597), 405–408.
12. *Obzor praktiki primeneniya zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii o protivodeystvii korruptsii po voprosam predotvrashcheniya i uregulirovaniya konflikta interesov No. 6* [Review of the Practice of Applying the Legislation of the Russian Federation on Combating Corruption on the Prevention and Settlement of Conflicts of Interest No. 6]. (2021). ConsultantPlus.
13. *O gosudarstvennoy dolzhnosti i statuse gosudarstvennogo sluzhashchego: Zakon Respubliki Moldova ot 4 iyulya 2008 goda No. 158-XVI* [On the Public Office and the Status of a Public Servant: Law of the Republic of Moldova of July 4, 2008 No. 158-XVI]. (2008). Monitorul Oficial, No. 230-232.
14. *O protivodeystvii korruptsii: Zakon Respubliki Kazakhstan ot 18 noyabrya 2015 g. No. 410-V ZRK* [On Combating Corruption: Law of the Republic of Kazakhstan of November 18, 2015 No. 410-V ZRK]. (2015). Kazakhstanskaya Pravda.
15. Ruzaeva, E.M. (2024). Pravovaya priroda i ponyatie konflikta interesov [Legal Nature and Concept of Conflict of Interest]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative Law and Process], (8), 51–54.
16. *Sankt-Peterburgskiy universitet GPS MCHS Rossii. Ponyatiya lichnoy zainteresovannosti i konflikta interesov v sfere gosudarstvennogo upravleniya: sravnitelnoe teoretiko-pravovoe issledovanie* [St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Concepts of Personal Interest and Conflict of Interest in the Field of Public Administration: A Comparative Theoretical and Legal Study]. (2025). *Nauka i tekhnika* [Science and

Technology], (1), 83–90.
17. Shitova, T.V., & Litvinova, V.S. (2022). Konflikt interesov v sfere funktsionirovaniya gosudarstvennoy sluzhby sovremennoy Rossii [Conflict of Interests in the Functioning of the Civil Service of Modern Russia]. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public Service], (1/135), 70–74.
18. *V prokurature Murmanskoy oblasti podvedeny itogi raboty po protivodeystviyu korruptsii za 9 mesyatsev 2025 goda* [The Prosecutor's Office of the Murmansk Region Summed Up the Results of Anti-Corruption Work for 9 Months of 2025]. Prosecutor's Office of the Murmansk Region. https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_51/mass-media/news/main/e6334061/

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.38.63.010**

Обеспечение юридической значимости и информационной безопасности цифровых правовых актов в отсутствие бумажного подлинника

Полтев Николай Юрьевич

Аспирант,
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
117218, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34;
e-mail: poltev@ mail.ru

Аннотация

В статье автор обосновывает необходимость введения в научный оборот концепции «абсолютного цифрового подлинника». В отличие от традиционного подхода, рассматривающего электронный документ сквозь призму юридической фикции приравнивания к бумажному аналогу, автором доказана самостоятельная правовая природа первородных цифровых данных. «Абсолютный цифровой подлинник» определён автором как юридически значимый информационный объект, чья легитимность и оригинальность присущи его цифровой форме. С использованием формально-юридического метода и системного анализа государственных информационных систем в работе рассмотрены проблемы безбумажных реестров, включая опасность скрытых внутренних изменений текстов и постепенного устаревания защитных свойств электронных подписей. В качестве правового и организационного решения аргументирована необходимость внедрения усовершенствованной электронной подписи с архивными штампами времени и децентрализованных технологий распределённых реестров. По итогам статьи автор сформулировал рекомендации по совершенствованию Федерального закона «Об электронной подписи» и процессуального законодательства в части закрепления презумпции достоверности безбумажных документов, извлекаемых из сертифицированных государственных архивов.

Для цитирования в научных исследованиях

Полтев Н.Ю. Обеспечение юридической значимости и информационной безопасности цифровых правовых актов в отсутствие бумажного подлинника // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 119-128. DOI: 10.34670/AR.2026.38.63.010

Ключевые слова

Абсолютный цифровой подлинник, безбумажный документооборот, информационная безопасность, распределённые реестры, судебное доказывание, цифровой правовой акт, штамп времени, электронная подпись, юридическая значимость, архивное хранение.

Введение

В условиях современных реалий цифровизация институтов публичной власти и хозяйственного оборота является одним из главных катализаторов эволюции правовой среды. Переход к концепции «государства как платформы» и масштабное внедрение безбумажного документооборота определили качественное изменение механизмов правотворчества и правоприменения. В этой парадигме принципиально новым и наименее изученным вызовом стало появление и укоренение в практике цифровых правовых актов, которые изначально не имели бумажного аналога, так называемых «абсолютных электронных документов».

При написании статьи использованы методы историко-правового анализа, изучение законодательных документов, а также метод моделирования, необходимый для разработки авторских предложений.

Литературный обзор

Вопросы правового регулирования электронного документооборота и цифровизации институтов власти находятся в центре активных дискуссий. Фундаментальный вклад в становление информационного права и исследование правовой среды в условиях цифровой трансформации внесли такие ученые, как И. Л. Бачило, Т. А. Полякова и Н. В. Кроткова.

Переход к концепции «государства как платформы» и лавинообразное внедрение безбумажных актов подробно исследуются в работах А. В. Минбалеева. Автор обоснованно указывает на необходимость модернизации механизмов правотворчества в связи с появлением «абсолютных электронных документов», изначально не имеющих бумажного аналога. При этом, как отмечают Р. В. Амелин и С. Е. Чаннов, цифровизация государственного управления порождает серьезные проблемы для безопасности государственных информационных систем, а отсутствие долгосрочных механизмов подтверждения подлинности таких актов создает прямую угрозу национальной безопасности в информационной сфере.

Вместе с тем классическая правовая система исторически опиралась на бумажный эталон. Действующий стандарт ГОСТ Р 7.0.8-2013 до сих пор определяет подлинник через его «обособленность» как единственного экземпляра. Однако в цифровой среде классическое понятие «экземпляр» полностью утрачивает первоначальный юридический смысл. На стыке теории и практики возникают противоречия с профильными стандартами (включая ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019), а также с процессуальным законодательством (АПК РФ и ГПК РФ) в части оценки достоверности электронных документов.

Несмотря на наличие трудов в области электронного документооборота (в частности, работ С. И. Семилетова и Н. Г. Суровцевой), массив научных публикаций все еще не решил проблему обеспечения неизменности и юридической силы правовых актов, изначально изданных в отрыве от бумажного носителя. Данная статья призвана восполнить этот теоретический пробел.

Результаты

Исторически сложилось, что вся континентальная правовая система, в числе которой и российская, была основана на материальном (бумажном) эталоне как на высшей точке проверки подлинности волеизъявления законодателя или правоприменителя. Бумажный оригинал с собственноручной подписью должностного лица и оттиском печати традиционно гарантировал

достоверность. В условиях, когда физический оригинал отсутствует в принципе, а правовой акт существует только в виде бинарного кода (совокупность дискретных сигналов в виртуальном пространстве), возникает фундаментальная уязвимость. Цифровая форма правового акта по своей природе подвержена рискам скрытой модификации, несанкционированного уничтожения, подмены реквизитов или утраты доступности. В связи с этим обеспечение юридической значимости в неразрывной связи с информационной безопасностью становится первостепенным условием сохранения стабильности и предсказуемости всей правовой системы государства. Отсутствие единых научных подходов и комплексного нормативно-правового регулирования процессов подтверждения аутентичности безбумажных актов в долгосрочной перспективе создает прямую угрозу национальной безопасности в информационной сфере.

Вопросам правового регулирования электронного документооборота, правового статуса информации и цифровизации институтов права посвящены многие работы. Эти темы затрагивались И. Л. Бачило, А. В. Минбалеевым, Т. А. Поляковой и другими учеными. В тоже время, массив научных публикаций не смог решить проблему, касающуюся специфики обеспечения неизменности и юридической силы правовых актов, *изначально изданных в отрыве от бумажного носителя.*

Общая теория права и отечественное делопроизводство во все времена связывали понятие «документ» с обязательным процессом фиксации информации на определенном носителе. Так, действующий национальный стандарт ГОСТ Р 7.0.8-2013 определяет подлинник документа через призму его обособленности - как первый или единственный экземпляр документа, оформленный в установленном порядке [ГОСТ Р 7.0.8-2013, 2014]. Однако при переходе к «абсолютным» цифровым правовым актам, изначально создаваемым в электронной среде, это определение сталкивается с непреодолимым противоречием. В цифровой изолированной среде классическое понятие «экземпляр» полностью утрачивает свой первоначальный юридический смысл. Как справедливо отмечала И.Л. Бачило, «информационная среда трансформирует традиционные реквизиты документа, требуя принципиально новых подходов к подтверждению его юридической силы и фиксации юридических фактов» [Бачило, 2011, с. 142]. Любое копирование файла правового акта создает математически идентичный, неотличимый от первоисточника набор байтов. Цифровой объект не обладает уникальными признаками, по которым можно было бы отделить «первый» экземпляр от «последующего». В связи с этим фикция оригинала электронного документа должна опираться не на обособленность физического носителя, а на доказуемость неизменности его реквизитов, содержания и контекста создания с момента подписания уполномоченным лицом. Проблематика разграничения формы и содержания цифрового объекта изучалась А.В. Минбалеевым указывающим на необходимость фиксации четких правовых критериев аутентичности данных в государственных информационных системах и реестрах [Минбалеев, 2019, с. 84].

Профильный национальный стандарт ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019 выделяет четыре базовых свойства, которыми должен обладать электронный документ для сохранения своей правовой природы [ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019, 2019]:

– аутентичность: свойство, которое гарантирует достоверность происхождения правового акта. Оно подтверждает, что документ издан именно тем органом или должностным лицом, которое указано в качестве его автора, а также исключает возможность подмены или фальсификации самого факта издания данного акта;
– целостность: документ является полным, неизменным и защищенным от несанкционированных модификаций;

– пригодность для использования: документ может быть локализован, представлен и интерпретирован в любой момент времени;
– достоверность: содержание документа является точным и полным представлением подтверждаемых им правовых фактов.

Главная теоретическая проблема безбумажного документа заключена в обеспечении его жизненного цикла на этапе долгосрочного архивного хранения. Как отмечал С. И. Семилетов: «цифровая форма правового акта привязана к динамично изменяющейся программно-аппаратной среде, что создает скрытые риски для долгосрочного сохранения и доступности правовой информации» [Семилетов, 2003, с. 96].

Регулярная смена форматов данных, эволюция операционных систем и ограниченный срок действия сертификатов ключей электронных подписей ставят под угрозу непрерывность юридической силы акта. После истечения срока действия сертификата стандартная процедура проверки подписи базовыми программными средствами выдает отрицательный результат. Соответственно, правовая природа абсолютного цифрового акта требует нормативного закрепления презумпции долгосрочной аутентичности. Государство должно законодательно признать, что электронный нормативный или правоприменительный акт, помещенный в специализированную доверенную среду хранения, сохраняет статус подлинника бессрочно, а его юридическая значимость не требует периодической «материализации» на бумаге.

Обеспечение непрерывности юридической значимости безбумажных правовых актов находится в прямой зависимости от того, насколько устойчиво функционирует ИТ-инфраструктура, в которой они циркулируют. Отсутствие материального дубликата смещает направление рисков из плоскости физической сохранности в плоскость информационной безопасности. Технологические недостатки ИТ-инфраструктуры способствуют рискам компрометации данных и способны лишить электронный нормативный акт его обязательной юридической силы.

В рамках системного анализа безопасности систем правовой информации предлагаем выделить значимые направления негативного воздействия по характеру нарушения базовых свойств информации:

Угрозы модификации (скрытое внесение изменений в бинарный код документа или его метаданные). Опасность этой угрозы в том, что изменение даже одного бита информации (например, в числовых показателях или формулировках запретительных норм) способно кардинально изменить правовое содержание акта, при этом визуальная форма документа в интерфейсах государственной информационной системы (далее – ГИС) может оставаться неизменной.

Угрозы подмены (нарушение аутентичности) - несанкционированное замещение файла действующего правового акта иным информационным объектом с аналогичными реквизитами для фальсификации волеизъявления государственного органа.

Угрозы несанкционированного уничтожения. В отсутствие бумажного подлинника деструктивное удаление записи из базы данных приравнивается к полному правовому аннулированию соответствующего регуляторного решения.

Проблема уязвимости баз данных и обеспечения безопасности ГИС в процессе государственного управления рассмотрена в работах Т. А. Поляковой, Н. В. Кротковой и А. В. Минбалеева, которые указывают на необходимость формирования единой экосистемы доверия и жесткого контроля за целостностью информации в публично-правовой сфере [Полякова, Минбалеев, Кроткова, 2021, с. 110].

Проблемой для безбумажного правотворчества является риск деградации криптографических алгоритмов и концептуальная проблема «старения» усиленной квалифицированной электронной подписи (далее - УКЭП). В соответствии с Федеральным законом «Об электронной подписи» УКЭП является главным инструментом признания электронного документа равнозначным бумажному [Об электронной подписи, 2011]. Однако математическая стойкость криптоалгоритмов ограничена во времени. Развитие вычислительной техники неизбежно приводит к тому, что алгоритмы, считающиеся надежными сегодня, со временем станут уязвимыми для подбора ключей. Как верно отмечает Н. Г. Суровцева: «стандартные технологические параметры системы электронного документооборота ориентированы на оперативное управление, но создают барьеры на этапе долгосрочного архивного хранения, когда сроки действия сертификатов (обычно 1 год) истекают, и математическая проверка подписи под нормативным актом штатными средствами начинает выдавать ошибку» [Суровцева, 2019, с. 109]. Возникает юридический парадокс - правовой акт теряет технологическое подтверждение подлинности, что в условиях отсутствия бумажного оригинала парализует возможность его применения третьими лицами.

Кроме чисто технологических факторов, негативное воздействие на безопасность цифровых актов оказывают социотехнические риски. Р. В. Амелин и С. Е. Чаннов обращают внимание на то, что «уязвимость крупных государственных платформ часто обусловлена размытием субъектного состава и несанкционированными действиями лиц» [Амелин, Чаннов, 2022, с. 119].

В контексте издания безбумажных актов человеческий фактор и угрозы разного вида приобретают максимальную опасность, так как администраторы систем имеют техническую возможность вносить изменения непосредственно в базы данных, минуя стандартные интерфейсы логирования.

Наконец, латентной является атака на цепочки поставок программного обеспечения (далее – ПО). Применение ведомствами закрытого программного обеспечения и криптосредств от сторонних разработчиков сопряжено с рисками скрытого воздействия на информацию. Модификация контента правового акта злоумышленниками в момент его первичной подготовки на персональном компьютере - до применения усиленной электронной подписи - нивелирует защитный потенциал криптографии. Формируемый подложный документ распознается ГИС как легитимный, поскольку сама процедура подписания формально проходит без технологических нарушений.

Нейтрализация технологических вызовов и угроз, возникающих в процессе функционирования абсолютных цифровых документов, требует внедрения комплексной программно-аппаратной экосистемы доверия. В отсутствие бумажного носителя технические средства автоматизировано принимают на себя функцию обеспечения неизменности содержания, доказательственной силы авторства и непрерывности жизненного цикла правового акта.

Разрешение противоречия, связанного с ограниченным (как правило, годичным) сроком действия ключей электронных подписей, видим в плоскости перехода на усовершенствованную электронную подпись с возможностью долгосрочного архивного хранения. Стандартная электронная подпись эффективна только в текущем моменте, так как после истечения срока действия ее сертификата автоматизированные системы начинают расценивать документ как невалидный. Усовершенствованный архивный формат подписи принципиально изменяет этот алгоритм, встраивая в структуру самого электронного правового акта всю необходимую доказательственную базу. В тело файла безвозвратно интегрируются:

– официальные сведения о действительности ключа должностного лица непосредственно на секунду подписания правового акта;
– полная цепочка доверия государственных удостоверяющих центров;
– защищенные метки точного времени, которые синхронизированы со всемирным координированным временем и фиксируют неизменность файла.

Использование таких меток времени позволяет доказать, что цифровой правовой акт был издан именно в тот период, когда подпись автора обладала абсолютной легитимностью. С правовой точки зрения это снимает необходимость заново проверять статус должностного лица спустя десятилетия.

Параллельным направлением обеспечения прозрачности и защиты от злоупотреблений со стороны обслуживающего ИТ-персонала в реестрах правовой информации выступает использование технологий распределенных реестров. С позиции информационного права децентрализованная архитектура хранения данных полностью исключает возможность скрытого изменения информации в одностороннем порядке.

Внедрение распределенного реестра для фиксации истории изменений и последовательности версий цифровых правовых актов позволяет сформировать систему сквозного государственного контроля. Любое действие по изданию, корректировке или отмене нормативного акта фиксируется в виде неразрывной цифровой цепочки, где каждый новый шаг математически связан с предыдущим периодом.

Анализируя правовую природу распределенных баз данных, А. В. Минбалеев справедливо подчеркивает, что данную технологию следует рассматривать как «эффективный инструмент обеспечения доверия и гарантированного хранения учетных сведений в публичном праве» [Минбалеев, 2019, с. 93]. Легитимность и неизменность информации в такой системе поддерживается автоматическим консенсусом между множеством независимых узлов сети, а не волей отдельного администратора ведомственной базы данных. Это полностью устраняет риски несанкционированного изменения текстов законов или приказов сотрудниками, имеющими доступ к серверам.

Нижний, технический уровень доверенной инфраструктуры безбумажного документооборота формируется за счет интеграции специализированных аппаратных модулей безопасности и защищенных криптографических шлюзов. Минимизация рисков кражи ключей электронной подписи на рабочих компьютерах чиновников достигается за счет перевода процессов подписания в изолированную аппаратную среду.

Секретные ключи должностных лиц, необходимые для утверждения нормативных актов, генерируются внутри защищенных микропроцессоров в неизвлекаемом виде. Такой подход делает технически невозможным их копирование, перехват компьютерными вирусами или компрометацию в результате удаленных сетевых атак. В итоге государство получает гарантированную защиту: исходящий поток цифровых управленческих решений исходит исключительно от уполномоченного лица и не может быть сфальсифицирован.

Отдельного рассмотрения требует вопрос, касающийся правового регулирования исследуемого вопроса, которое даже с большой долей условности нельзя считать совершенным. Проанализировав Федеральный закон «Об электронной подписи» видим проблему. Статья 6 данного законодательного документа содержит условие, в соответствии с которым информация в электронной форме, подписанная усиленной квалифицированной электронной подписью, должна признаваться электронным документом, *равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью.* Эта конкретизация позволяет

утверждать, что законность цифрового акта выводится не из его собственных свойств, а через юридическую фикцию приравнивания к бумаге. В законе нет понимания документов, которые физически не могут иметь бумажного эквивалента (например, сложноструктурированные базы данных, интерактивные нормативные реестры или смарт-контракты). Видим и другую проблему – законодатель детализирует только оперативные процессы выпуска, использования и отзыва сертификатов ключей, но игнорирует стадию долговременного архивного хранения. Законодатель не закрепил правовые стандарты актуализации архивных штампов времени и переподписывания, что делает законность безбумажного подлинника уязвимой после истечения стандартного годичного срока действия сертификата.

Схожие проблемы свойственны и Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Об информации, информационных технологиях и о защите информации, 2006]. В нем не находим четкого разграничения между понятиями «электронный документ», «электронная копия документа» и «информация, размещенная в сети Интернет». Как подчеркивают авторы, «отсутствие в законе дифференцированного правового режима для первородных цифровых данных в публично-правовой сфере порождает неопределенность при определении зон ответственности операторов государственных информационных систем, осуществляющих хранение эталонных нормативных массивов» [Семилетов, 2003, с. 96].

Выявленные проблемы негативно сказываются при оценке доказательств. Гражданский процессуальный кодекс РФ (ст. 71 ГПК РФ) и Арбитражный процессуальный кодекс РФ (ст. 75 АПК РФ)) солидарно относят электронные документы к категории письменных доказательств [Семилетов, 2003]. Но процессуальный алгоритм их исследования ориентирован на материальные объекты. В частности, ч. 3 ст. 75 АПК РФ прямо указывает, что «если к делу приобщены копии документов в электронном виде, суд вправе потребовать представления оригиналов данных документов» [Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, 2002]. Если говорить относительно цифрового документа, то это требование суда может поставить правоприменителя в тупик. Физического оригинала на бумаге не существует, а предоставление файла на флеш-носителе процессуально трактуется судьями как передача очередной копии.

Судебная практика наглядно демонстрирует недоверие правоприменителя к цифровым доказательствам, лишенным бумажного оригинала. В рамках судебных разбирательств при оценке легитимности и целостности безбумажных актов суды сталкиваются с отсутствием легально закрепленных механизмов проверки. Это вынуждает их либо необоснованно отказывать в признании юридической силы за безбумажными доказательствами, либо переносить бремя доказывания на стороны, обязывая их проводить дорогостоящие компьютерно-технические экспертизы.

Систематизированный в статье материал позволяет сделать вывод о том, что традиционный документооборот, при котором подлинником считается бумажный лист с «живой» подписью, неприменим к электронным документам. В компьютерных системах любое копирование файла создает абсолютно идентичную копию, поэтому разделение на «оригинал» и «копию» теряет смысл. Обосновано, что единственным критерием подлинности безбумажного акта должна признаваться доказанная неизменность его цифрового кода с момента подписания.

В статье выявлено противоречие - законы и приказы рассчитаны на долгосрочное (или бессрочное) действие, в то время как цифровые ключи для их подписания технически действуют не более года. Выходом из этого тупика является нормативное внедрение усовершенствованных

архивных форматов подписи. За счет автоматического встраивания в файл документа защищенных меток точного времени государство получает возможность в любой момент доказать законность подписи на секунду издания акта, что гарантирует сохранение его юридической силы на десятилетия вперед.

Централизованные ведомственные базы данных уязвимы для внутренних ИТ-специалистов, способных тайно скорректировать текст архивного документа на сервере. В качестве решения доказана эффективность интеграции технологий распределенных реестров (блокчейна). Фиксация версий правовых актов в виде математически связанных цифровых цепочек, одновременно хранящихся у множества независимых ведомств, делает скрытое одностороннее изменение законов технически невозможным.

Современные суды, требуя физический «оригинал» документа, заходят в тупик при столкновении с безбумажными актами. Сделан вывод, что суд должен оценивать не материальный носитель, а технологическую историю файла. Разрешение этой проблемы лежит в создании законных критериев проверки цифровых метаданных, когда суду предоставляется отчет о целостности электронного документа из доверенного архивного хранилища.

Заключение

Для устранения выявленных проблем предлагается ввести в закон «Об электронной подписи» новые категории - *«абсолютный электронный документ»* и *«первородные цифровые данные»*. Это позволит признать юридическую силу за цифровыми актами самими по себе, а не через устаревшее приравнивание их к бумажным аналогам. Также в законе нужно официально закрепить статус *архивных штампов времени* и прописать четкие правила автоматического продления подлинности электронных документов. Это позволит законам и приказам оставаться юридически действительными в архивах десятилетиями, без необходимости повторно подписывать их у должностных лиц, которые к тому времени уже могут покинуть свой пост или чьи ведомства будут ликвидированы.

Необходимо в процессуальных кодексах (АПК РФ, ГПК РФ) убрать из правил судебного доказывания устаревшее требование о предоставлении «бумажных оригиналов» для тех документов, которые изначально создавались исключительно на компьютерах в цифровом виде. Также нужно конкретизировать *презумпцию достоверности* безбумажного акта. Если документ официально извлечен из сертифицированного государственного электронного архива, суд должен автоматически считать его подлинным. Если же кто-то из участников судебного процесса заявляет, что этот документ подделан, то именно эта оспаривающая сторона обязана сама доказывать факт подлога.

Библиография

1. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Информационная безопасность государственных информационных систем в условиях цифровизации государственного управления // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 6. С. 115–127.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/
3. Бачило И.Л. Информационное право: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2011. 522 с.
4. ГОСТ Р 7.0.8-2013. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: национальный стандарт Российской Федерации: утверждён и введён в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17 октября 2013 г. № 1185-ст. Москва: Стандартинформ, 2014. С. 4.

5. ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информация и документация. Управление документами. Часть 1. Понятия и принципы: национальный стандарт Российской Федерации: утверждён и введён в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 26 марта 2019 г. № 101-ст. Москва: Стандартинформ, 2019. С. 6–7.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.09.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
7. Минбалеев А.В. Проблемы правового регулирования цифровизации нормативных актов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 19, № 4. С. 80–85.
8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 01.09.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/
9. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/
10. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности в условиях цифровизации // Государство и право. 2021. № 11. С. 104–114.
11. Семилетов С.И. Электронный документ как продукт информационных технологий и объект правового регулирования // Государство и право. 2003. № 1. С. 94–97.
12. Суровцева Н.Г. Требования к системам электронного документооборота и системам хранения электронных документов: проблемы и решения // Вестник архивиста. 2019. № 1. С. 102–113.

Ensuring the Legal Validity and Information Security of Digital Legal Acts in the Absence of a Paper Original

Nikolai Yu. Poltev

Postgraduate Student,
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
117218, 34, Bol'shaya Cheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: poltev@mail.ru

Abstract

In the article, the author substantiates the necessity of introducing into scientific circulation the concept of an "absolute digital original." In contrast to the traditional approach, which considers an electronic document through the prism of a legal fiction equating it to a paper analogue, the author has proven the independent legal nature of primary digital data. The "absolute digital original" is defined by the author as a legally significant information object whose legitimacy and originality are inherent in its digital form. Using the formal-legal method and system analysis of state information systems, the work examines the problems of paperless registries, including the danger of hidden internal changes to texts and the gradual obsolescence of the protective properties of electronic signatures. As a legal and organizational solution, the necessity of introducing an advanced electronic signature with archival time stamps and decentralized distributed ledger technologies is argued. Based on the results of the article, the author has formulated recommendations for improving the Federal Law "On Electronic Signature" and procedural legislation with regard to establishing the presumption of reliability of paperless documents extracted from certified state archives.

For citation

Poltev N.Yu. (2026) Obespechenie yuridicheskoy znachimosti i informatsionnoy bezopasnosti tsifrovykh pravovykh aktov v otsutstvie bumazhnogo podlinnika [Ensuring the Legal Validity and Information Security of Digital Legal Acts in the Absence of a Paper Original]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 119-128. DOI: 10.34670/AR.2026.38.63.010

Keywords

Absolute digital original, paperless document flow, information security, distributed ledgers, judicial proof, digital legal act, time stamp, electronic signature, legal validity, archival storage.

References

1. Amelin, R.V., & Channov, S.E. (2022). Informatsionnaya bezopasnost gosudarstvennykh informatsionnykh sistem v usloviyakh tsifrovizatsii gosudarstvennogo upravleniya [Information Security of State Information Systems in the Context of Digitalization of Public Administration]. Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law], 26(6), 115–127.
2. Arbitrazhnyy protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 24.07.2002 No. 95-FZ (red. ot 01.01.2026) [Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended on January 1, 2026)]. ConsultantPlus. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/
3. Bachilo, I.L. (2011). Informatsionnoe pravo [Information Law]: Textbook for Universities (2nd ed.). Moscow: Yurait Publishing House.
4. GOST R 7.0.8-2013. Sistema standartov po informatsii, bibliotechnomu i izdatelskomu delu. Deloproizvodstvo i arkhivnoe delo. Terminy i opredeleniya [GOST R 7.0.8-2013. System of Standards for Information, Librarianship and Publishing. Records Management and Archival Work. Terms and Definitions]. (2014). Moscow: Standartinform.
5. GOST R ISO 15489-1-2019. Sistema standartov po informatsii, bibliotechnomu i izdatelskomu delu. Informatsiya i dokumentatsiya. Upravlenie dokumentami. Chast 1. Ponyatiya i printsipy [GOST R ISO 15489-1-2019. System of Standards for Information, Librarianship and Publishing. Information and Documentation. Document Management. Part 1. Concepts and Principles]. (2019). Moscow: Standartinform.
6. Grazhdanskiy protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2002 No. 138-FZ (red. ot 01.09.2026) [Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on September 1, 2026)]. ConsultantPlus. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
7. Minbaleev, A.V. (2019). Problemy pravovogo regulirovaniya tsifrovizatsii normativnykh aktov [Problems of Legal Regulation of the Digitalization of Regulatory Acts]. Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo [Bulletin of the South Ural State University. Series: Law], 19(4), 80–85.
8. Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii: Federalnyy zakon ot 27.07.2006 No. 149-FZ (red. ot 01.09.2026) [On Information, Information Technologies and Information Protection: Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ (as amended on September 1, 2026)]. ConsultantPlus. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/
9. Ob elektronnoy podpisi: Federalnyy zakon ot 06.04.2011 No. 63-FZ (red. ot 31.07.2025) [On Electronic Signature: Federal Law of April 6, 2011 No. 63-FZ (as amended on July 31, 2025)]. ConsultantPlus. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/
10. Polyakova, T.A., Minbaleev, A.V., & Krotkova, N.V. (2021). Razvitie nauki informatsionnogo prava i pravovogo obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti v usloviyakh tsifrovizatsii [Development of the Science of Information Law and the Legal Provision of Information Security in the Context of Digitalization]. Gosudarstvo i pravo [State and Law], (11), 104–114.
11. Semiletov, S.I. (2003). Elektronnyy dokument kak produkt informatsionnykh tekhnologiy i obekt pravovogo regulirovaniya [Electronic Document as a Product of Information Technology and an Object of Legal Regulation]. Gosudarstvo i pravo [State and Law], (1), 94–97.
12. Surovtseva, N.G. (2019). Trebovaniya k sistemam elektronnogo dokumentooborota i sistemam khraneniya elektronnykh dokumentov: problemy i resheniya [Requirements for Electronic Document Management Systems and Electronic Document Storage Systems: Problems and Solutions]. Vestnik arkhivista [Herald of an Archivist], (1), 102–113.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34:004.8 **DOI: 10.34670/AR.2026.45.33.011**

Нормативно-правовое регулирование применения искусственного интеллекта в правотворческом процессе Российской Федерации

Полтев Николай Юрьевич

Аспирант,
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
117218, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34;
e-mail: poltev@ mail.ru

Аннотация

Статья посвящена теоретико-правовому анализу процессов интеграции систем искусственного интеллекта (далее — ИИ) в правотворческую деятельность Российской Федерации. Автор исследует нормативную базу, в числе которой принятый в 2026 году профильный Федеральный закон об ИИ и обновлённая Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года. В статье выявлены правовые риски, которые связаны с вопросами соблюдения юридической техники, минимизации алгоритмических погрешностей, распределения юридической ответственности и защиты данных. На основе осмысления природы правотворческой воли и правосубъектности участников законотворческого процесса автор формулирует предложения по совершенствованию процессуальных регламентов органов власти, а также рассматривает перспективы использования технологических решений в государственном секторе.

Для цитирования в научных исследованиях

Полтев Н.Ю. Нормативно-правовое регулирование применения искусственного интеллекта в правотворческом процессе Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 129-137. DOI: 10.34670/AR.2026.45.33.011

Ключевые слова

Антикоррупционная экспертиза, искусственный интеллект, законотворческий процесс, правотворчество, правосубъектность, цифровая трансформация государственного управления, юридическая техника, правовые риски, алгоритмические погрешности, защита данных.

Введение

Активно развивающаяся цифровизация предопределяет необходимость трансформации механизмов государственного управления. Самым сложным и в тоже время перспективным направлением является автоматизация правотворческой деятельности, что обусловлено постоянным увеличением принимаемых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях нормативных правовых актов. Массив систематически принимаемых законодательных документов перенасыщает систему права, с которым органы государственной власти не справляются. Это приводит к возрастанию межотраслевых коллизий и дублированию норм. Как результат - качество юридической техники снижается. В таких условиях актуализируется потребность в делегировании функций интеллектуальным программам, способным оптимизировать правотворчество, выявляя скрытые пробелы, прогнозируя социально-экономические последствия принятия норм и формируя проекты документов по заданным параметрам. Однако внедрение автоматизированных алгоритмов в правотворческий процесс, который по своей природе «выражает государственную волю, основанную на ценностных ориентирах, правосознании и общественных интересах», порождает ряд проблем, в том числе и конституционного характера. Таким образом, возникает объективная необходимость в научном анализе того, как новые технологии встраиваются в рамки действующего законодательства. Именно поэтому нормативно-правовое регулирование применения искусственного интеллекта в правотворческом процессе Российской Федерации становится важной темой для изучения, как с точки зрения стратегического планирования, так и анализа правовых рисков.

При написании статьи использованы методы историко-правового анализа, изучение документов стратегического планирования и новейшего законодательства, а также метод моделирования, необходимый для разработки авторских предложений.

Литературный обзор

Изучение нормативно-правового регулирования искусственного интеллекта в контексте отечественного правотворчества демонстрирует поэтапную эволюцию от рекомендательных ориентиров к строгому законодательному контролю. Начало этому процессу было заложено стратегическим планированием, конкретизированным в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490, утвердившем Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года. Ее обновление в начале 2024 года сместило акцент государственного внимания с общей поддержки бизнеса на цифровизацию государственного сектора, включая избавление ведомств и судов от рутины и автоматизацию подготовки текстов будущих законов. Практической основой для этих изменений стал пятилетний эксперимент по внедрению искусственного интеллекта в Москве, позволивший оценить реальное взаимодействие умных программ с должностными лицами и выявить риски защиты персональных данных. Накопленный опыт катализировал принятие профильного Федерального закона от 26.07.2026 № 243-ФЗ.

Результаты

Изучение любого вопроса должно начинаться с его истории. Поэтому изначально отметим, что нормативная основа для ИИ в нашей стране формировался поэтапно. Можно сказать, что

становление правил регулирования ИИ напоминает путь от общих дружеских рекомендаций к строгим государственным законам. Сначала государство наметило общий курс в документах стратегического планирования. Главным из них следует считать Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490, утвердивший Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года [О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации, 2019]. В начале 2024 года эта Стратегия была обновлена [О внесении изменений в Национальную стратегию развития искусственного интеллекта, 2024]. Если раньше государство просто призывало бизнес развивать технологии, то в обновленной Стратегии акцент был смещен на необходимость внедрения ИИ в работу министерств, ведомств и судов, с целью «избавления от бумажной рутины и ускорения принятия решений, в том числе и на этапе подготовки текстов будущих законов» [Краснов призвал внедрять в работу судов искусственный интеллект, www.rbc.ru].

Вполне закономерно, что доверять алгоритмам задачи, поставленные на государственном уровне нельзя - требуется проверка. Для этого были созданы так называемые «регуляторные песочницы», правовая основа для которых была заложена Федеральным закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» [Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций, 2020]. Этот законодательный документ разрешал в порядке эксперимента временно отступать от общих правил, тестируя новые технологии в реальной жизни. Главной экспериментальной площадкой стала Москва, в которой был запущен пятилетний эксперимент по внедрению ИИ [О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта, 2020]. Именно на примере Москвы государство увидело в реальной действительности, как умные программы взаимодействуют с должностными лицами, с какими проблемами они сталкиваются и как правильно защитить личные данные граждан. Накопленный опыт стал катализатором принятия в 2026 году Федерального закона «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации, 2026] (на момент написания статьи документ не вступил в силу). Документ еще не вступил в силу, но именно он может считаться наиболее значимым в исследуемой сфере, вводящим в правовое поле понятия «искусственного интеллекта» и «большой фундаментальной модели», к которой следует относить текстовые нейросети. В данном законодательном документе интеллектуальные системы разделены на две категории - национальные (обычные коммерческие нейросети, которые могут использовать бизнес структуры и граждане) и суверенные модели (максимально защищенные интеллектуальные системы, которые разрабатываются специально для нужд государственного управления).

Кроме принимаемых законов в аспекте рассматриваемого вопроса важность имеет и Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, который основан на принципах человекоцентричности [Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, www.consultant.ru]. Иными словами – любые решения всегда должны оставаться за человеком.

Внедрение ИИ в правотворческий процесс породило среди ученых активные дискуссии о том, где должны заканчиваться полномочия алгоритмов. В доктрине этот вопрос рассматривается с точки зрения человекоцентричности. Правотворчество по своей сути не является механической сборкой лингвистических конструкций. Формирование законов имеет тесную связь с человеческим сознанием. Хорошо написанный закон предполагает не простой

анализ его текста. Принимая во внимание, что ИИ не обладает правосознанием, не способен сопереживать человеку, он не сможет создать закон, сочетающий в себе мораль, справедливость, компромисс между интересами разных слоев общества. Таким образом, передавать ИИ право окончательного формулирования или принятия нормы права недопустимо, что напрямую противоречит Конституции РФ.

С развитием технологий все чаще возникает вопрос о необходимости наделить нейросети особым правовым статусом. При этом сторонники публичного права такие идеи отвергают, что закономерно. Обращение к ст. 1257 ГК РФ иллюстрирует правило, в соответствии с которым «автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано» [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая), 2006]. Искусственный интеллект, даже самый совершенный, с юридической точки зрения является объектом права. У него нет собственной воли, личных интересов, и он не может стать участником правоотношений.

Для устранения спора по данному вопросу было выработано четкое правило – искусственный интеллект может применяться исключительно как система поддержки принятия решений. В аспекте правотворческого процесса ИИ могут делегироваться полномочия, касающиеся технической и аналитической работы. Что касается принятия итогового решения, то этот функционал остается исключительно в компетенции человека-законодателя.

На этапе когда законодательная инициатива только планируется, ИИ помогает собрать и проанализировать необходимые информационные сведения. С целью выявления скрытых социальных запросов и проблем населения программные комплексы осуществляют мониторинг интернет-пространства и ведомственных баз данных, проводят анализ судебных решений. Работа с информационными сведениями регулируется общими законами, в числе которых Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Об информации, информационных технологиях и о защите информации, 2006] и Федеральный закон «О персональных данных» [О персональных данных, 2006]. Эти документы обязывают полностью обезличивать любые сведения о гражданах перед тем, как они будут загружены в алгоритмы ИИ.

Самым спорным этапом правотворческого процесса в части использования ИИ нужно считать этап непосредственного проектирования нормативного правового акта. С одной стороны, ИИ умеет быстро форматировать документы, подбирать необходимые термины и выстраивать логичную структуру статей. Но с другой стороны, этот процесс в России законодательно никак не урегулирован. Ни Регламент Государственной Думы [О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, 1998], ни внутренние инструкции министерств не содержат правил использования текстовых нейросетей. В обязанность должностных лиц не входит необходимость отчитываться за то, какую долю текста за них написал ИИ, что обуславливает проблему прозрачности подготовки законопроектов.

Этапом законотворческого процесса, на котором активно применяется ИИ, нужно считать правовую и антикоррупционную экспертизу. Программные комплексы настраивают на автоматический поиск так называемых коррупциогенных факторов, которые человек может просто не заметить. ИИ может мгновенно находить в тексте слишком широкие полномочия (например, формулировки типа «вправе по своему усмотрению»); завышенные или размытые требования к гражданам и бизнес структурам; двусмысленные фразы и лингвистическую неопределенность. Главной правовой основой данного этапа является Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных

правовых актов» [Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, 2009] и Постановление Правительства РФ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», утвердившее единую методику экспертизы [Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, 2010].

После того, как закон принят и начал действовать, на ИИ возлагается функция долгосрочного мониторинга. Умные алгоритмы автоматически сопоставляют новый документ с массивом старых актов и находят возникающие противоречия и межотраслевые накладки. Правовой основой для этой работы является Указ Президента РФ «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» [О мониторинге правоприменения в Российской Федерации, 2011]. Таким образом, именно благодаря ИИ законодатели своевременно получают сведения о том, какие старые законы нужно скорректировать или признать утратившими силу, чтобы система права продолжала оставаться эффективной.

Несмотря на пользу искусственного интеллекта в правотворческом процессе Российской Федерации его бесконтрольное применение таит в себе совокупность рисков. Главной технологической проблемой нужно считать склонность алгоритмов выдавать за заслуживающий доверия факт абсолютно вымышленную информацию. ИИ может составить проект документа со ссылками на отмененные законы, несуществующие статьи или воображаемые судебные прецеденты. При этом текст будет написан безупречно и убедительно. Ситуация осложняется и внутренней непрозрачностью работы нейросетей. Даже сами разработчики не могут до конца проследить точную логическую цепочку, по которой алгоритм выбрал конкретную формулировку. В правотворчестве это недопустимо. Каждый закон должен иметь четкое, понятное и проверяемое обоснование.

Другой проблемой является безответственность. ИИ не имеет правосубъектности, а значит, его нельзя привлечь к ответственности.

Для устранения проблем и безопасного использования ИИ в правотворческом процессе Российской Федерации нужно внести корректировки в следующие документы - Регламент Государственной Думы Российской Федерации [О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, 1998], Регламент Правительства Российской Федерации [О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации, 2004] и Постановление Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009, регулирующее правила подготовки ведомственных приказов [Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, 1997]. В этих документах нужно конкретизировать обязательное требование к законодателям отражать в пояснительной записке, что при подготовке законопроекта или ведомственного приказа использовались текстовые ИИ-модели. Там же нужно указывать какие конкретно задачи выполнял алгоритм (например, автоматический поиск пробелов или лингвистическая проверка). Это обеспечит прозрачность процесса и не позволит должностным лицам перекладывать ответственность за ошибки на искусственный интеллект.

Внедрение ИИ в правотворческий процесс не должно быть хаотичным. По аналогии с созданными Росстандартом ГОСТами для использования ИИ в медицине или транспорте, нужно разработать специализированный национальный стандарт для государственного управления. Такой ГОСТ должен четко прописать алгоритмы проверки ИИ на отсутствие скрытых ошибок,

правила тестирования системы перед тем, как допустить ее к работе с государственными документами и т.п.

Материал, представленный в статье, ориентирует на следующие итоговые выводы: внедрение искусственного интеллекта в правотворческую деятельность Российской Федерации - это объективный и необратимый процесс, который направлен на оптимизацию государственного управления. В условиях, когда объем нормативного материала увеличивается, автоматизация рутинных, аналитических и мониторинговых процедур становится необходимостью. Применение современных алгоритмов способно значительно повысить качество юридической техники, избавить законодателей от рутинной работы и минимизировать риски появления коррупциогенных факторов на этапе формирования документов.

Заключение

Сформированная в России нормативная база, укрепившаяся с принятием Федерального закона «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», заложила надежную основу для обеспечения технологического суверенитета в цифровой сфере. При этом последующее развитие нормативно-правового регулирования применения искусственного интеллекта в правотворческом процессе Российской Федерации должно идти по пути точечного изменения законодательства. Это позволит соблюсти баланс между технологической модернизацией процессов и сохранением стабильности принципа правовой определенности, гарантируя высокое качество и безопасность нормативно-правовых актов в условиях активного развития цифровизации.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
2. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470682/
3. Краснов призвал внедрять в работу судов искусственный интеллект. URL: https://www.rbc.ru/politics/21/10/2025/68f77d059a7947f9662fa864
4. О внесении изменений в Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждённую Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490: Указ Президента РФ от 15.02.2024 № 124 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_469963/
5. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 20.05.2011 № 657 (ред. от 04.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.
6. О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_540336/
7. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/
8. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/
9. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.01.1998 № 2134-II ГД (ред. от 09.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 801.
10. О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 01.06.2004 № 260 (ред. от 28.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 23. Ст. 2313.

11. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.
12. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 10. Ст. 1084.
13. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
14. Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 13.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.
15. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/
16. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

Regulatory and Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence in the Law-Making Process of the Russian Federation

Nikolai Yu. Poltev

Postgraduate Student,
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
117218, 34, Bol'shaya Cheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: poltev@mail.ru

Abstract

The article is devoted to a theoretical and legal analysis of the processes of integrating artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) systems into the law-making activity of the Russian Federation. The author examines the regulatory framework, including the specialized Federal Law on AI adopted in 2026 and the updated National AI Development Strategy until 2030. The article identifies legal risks associated with issues of compliance with legal drafting technique, minimization of algorithmic errors, distribution of legal liability, and data protection. Based on an understanding of the nature of law-making will and the legal personality of participants in the legislative process, the author formulates proposals for improving the procedural regulations of government bodies, and also examines the prospects for using technological solutions in the public sector.

For citation

Poltev N.Yu. (2026) Normativno-pravovoe regulirovanie primeneniya iskusstvennogo intellekta v pravotvorcheskom protsesse Rossiyskoy Federatsii [Regulatory and Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence in the Law-Making Process of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 129-137. DOI: 10.34670/AR.2026.45.33.011

Keywords

Anti-corruption expertise, artificial intelligence, legislative process, law-making, legal personality, digital transformation of public administration, legal drafting technique, legal risks, algorithmic errors, data protection.

References

1. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast chetvertaya) ot 18.12.2006 No. 230-FZ (red. ot 30.01.2026)* [Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of December 18, 2006 No. 230-FZ (as amended on January 30, 2026)]. (2006). Sobranie zakonodatelstva RF, No. 52 (part 1), Art. 5496.
2. *Kodeks etiki v sfere iskusstvennogo intellekta* [Code of Ethics in the Field of Artificial Intelligence]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470682/
3. *Krasnov prizval vnedryat v rabotu sudov iskusstvennyy intellekt* [Krasnov Called for the Introduction of Artificial Intelligence into the Work of Courts]. https://www.rbc.ru/politics/21/10/2025/68f77d059a7947f9662fa864
4. *O vnesenii izmeneniy v Natsionalnuyu strategiyu razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda: Ukaz Prezidenta RF ot 15.02.2024 No. 124* [On Amendments to the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence until 2030: Decree of the President of the Russian Federation of February 15, 2024 No. 124]. ConsultantPlus. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_469963/
5. *O monitoring pravoprimeneniya v Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 20.05.2011 No. 657 (red. ot 04.10.2024)* [On Monitoring of Law Enforcement in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of May 20, 2011 No. 657 (as amended on October 4, 2024)]. (2011). Sobranie zakonodatelstva RF, No. 21, Art. 2930.
6. *O podderzhke razvitiya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v Rossiyskoy Federatsii: Federalnyy zakon ot 26.07.2026 No. 243-FZ* [On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation: Federal Law of July 26, 2026 No. 243-FZ]. ConsultantPlus. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_540336/
7. *O provedenii eksperimenta po ustanovleniyu spetsialnogo regulirovaniya v tselyakh sozdaniya neobkhodimykh usloviy dlya razrabotki i vnedreniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v subekte Rossiyskoy Federatsii — gorode federalnogo znacheniya Moskve i vnesenii izmeneniy v stati 6 i 10 Federalnogo zakona "O personalnykh dannykh": Federalnyy zakon ot 24.04.2020 No. 123-FZ (red. ot 08.08.2024)* [On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Federal City of Moscow and Amendments to Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data": Federal Law of April 24, 2020 No. 123-FZ (as amended on August 8, 2024)]. ConsultantPlus. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/
8. *O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 No. 490 (red. ot 15.02.2024)* [On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 (as amended on February 15, 2024)]. ConsultantPlus. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/
9. *O Reglamente Gosudarstvennoy Dumy Federalnogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii: Postanovlenie Gosudarstvennoy Dumy Federalnogo Sobraniya RF ot 22.01.1998 No. 2134-II GD (red. ot 09.07.2024)* [On the Rules of Procedure of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of January 22, 1998 No. 2134-II GD (as amended on July 9, 2024)]. (1998). Sobranie zakonodatelstva RF, No. 7, Art. 801.
10. *O Reglamente Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii i Polozhenii ob Apparate Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii: Postanovlenie Pravitelstva RF ot 01.06.2004 No. 260 (red. ot 28.02.2024)* [On the Regulations of the Government of the Russian Federation and the Regulations on the Office of the Government of the Russian Federation: Resolution of the Government of the Russian Federation of June 1, 2004 No. 260 (as amended on February 28, 2024)]. (2004). Sobranie zakonodatelstva RF, No. 23, Art. 2313.
11. *Ob antikorruptsionnoy ekspertize normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov: Federalnyy zakon ot 17.07.2009 No. 172-FZ (red. ot 05.12.2022)* [On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts: Federal Law of July 17, 2009 No. 172-FZ (as amended on December 5, 2022)]. (2009). Sobranie zakonodatelstva RF, No. 29, Art. 3609.
12. *Ob antikorruptsionnoy ekspertize normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov: Postanovlenie Pravitelstva RF ot 26.02.2010 No. 96 (red. ot 10.07.2023)* [On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts: Resolution of the Government of the Russian Federation of February 26, 2010 No. 96 (as amended on July 10, 2023)]. (2010). Sobranie zakonodatelstva RF, No. 10, Art. 1084.
13. *Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii: Federalnyy zakon ot 27.07.2006 No. 149-FZ (red. ot 08.08.2024)* [On Information, Information Technologies and Information Protection: Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ (as amended on August 8, 2024)]. (2006). Sobranie zakonodatelstva RF, No. 31 (part 1), Art. 3448.

14. *Ob utverzhdenii Pravil podgotovki normativnykh pravovykh aktov federalnykh organov ispolnitelnoy vlasti i ikh gosudarstvennoy registratsii: Postanovlenie Pravitelstva RF ot 13.08.1997 No. 1009 (red. ot 13.12.2023)* [On Approval of the Rules for the Preparation of Regulatory Legal Acts of Federal Executive Authorities and Their State Registration: Resolution of the Government of the Russian Federation of August 13, 1997 No. 1009 (as amended on December 13, 2023)]. (1997). Sobranie zakonodatelstva RF, No. 33, Art. 3895.
15. *Ob eksperimentalnykh pravovykh rezhimakh v sfere tsifrovykh i tekhnologicheskikh innovatsiy v Rossiyskoy Federatsii: Federalnyy zakon ot 31.07.2020 No. 258-FZ (red. ot 26.06.2026)* [On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020 No. 258-FZ (as amended on June 26, 2026)]. ConsultantPlus. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/
16. *O personalnykh dannykh: Federalnyy zakon ot 27.07.2006 No. 152-FZ (red. ot 08.08.2024)* [On Personal Data: Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ (as amended on August 8, 2024)]. (2006). Sobranie zakonodatelstva RF, No. 31 (part 1), Art. 3451.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.20.27.012**

Функционально-правовой анализ реестра контролируемых лиц как цифрового учётно-аналитического инструмента регулирования и государственного контроля за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации

Попова Евгения Александровна

Преподаватель,
кафедра социально-гуманитарных дисциплин,
лейтенант полиции,
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России,
283001, Российская Федерация, Донецк, ул. Артема, 74;
e-mail: popova_ea34@mail.ru

Попов Артём Анатольевич

Преподаватель,
кафедра уголовно-правовых дисциплин и криминалистики,
майор полиции,
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России,
283001, Российская Федерация, Донецк, ул. Артема, 74;
e-mail: popov34aa@mail.ru

Аннотация

В работе проведён комплексный анализ реестра контролируемых лиц как инструмента государственного регулирования и надзора в сфере миграции. В процессе исследования были изучены нормативно-правовые источники реестра контролируемых лиц, принципы функционирования базы, сроки и состав предоставляемой информации, а также основания включения сведений в реестр и условия исключения из него. В результате проведённого анализа реестр контролируемых лиц предложено отождествлять как цифровой учётно-аналитический инструмент административно-правового регулирования и государственного контроля за миграционными потоками в Российской Федерации, обладающий возможностями оперативной межведомственной интеграции информации в отношении контролируемых иностранных граждан и лиц без гражданства. Внедрение реестра свидетельствует о тенденции перехода от классических административно-правовых механизмов миграционного регулирования к комплексным цифровым инструментам миграционного контроля.

Для цитирования в научных исследованиях

Попова Е.А., Попов А.А. Функционально-правовой анализ реестра контролируемых лиц как цифрового учётно-аналитического инструмента регулирования и государственного контроля за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 138-147. DOI: 10.34670/AR.2026.20.27.012

Ключевые слова

Миграционные потоки, реестр контролируемых лиц, миграционная политика, учёт, режим высылки, государственный контроль, цифровизация, иностранные граждане, лица без гражданства, национальная безопасность.

Введение

Административно - правовое регулирование и государственный контроль за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации имеют ключевое влияние на устойчивость социально-экономических показателей и обеспечение национальной безопасности страны. Динамика ежегодного притока иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ формирует стабильную нагрузку на инфраструктуру и социальные сервисы. В ряде регионов Российской Федерации наблюдается тенденция - непрекращающийся приток пребывающих мигрантов в Российскую Федерацию провоцирует к дестабилизации межэтнической обстановки и социальной напряженности на межнациональной почве. Наиболее остро эта проблема проявляется в крупных агломерациях, где высокая концентрация мигрантов усиливает конкуренцию за жильё и рабочие места, а также создаёт условия для формирования замкнутых этнических сообществ. Данные обстоятельства способствуют возникновению на территории Российской Федерации этнических анклавов, которые впоследствии могут стать рассадниками экстремизма и угрозой национальной безопасности страны.

Решение данной проблемы требует применения современных инструментов обеспечение эффективного государственного регулирования и мер контроля в сфере миграции, в том числе цифрового формата, что обуславливает актуальность темы исследования.

Целью исследования является комплексный анализ реестра контролируемых лиц как цифрового инструмента государственного регулирования и контроля за миграционными потоками в России.

В целях изучения темы исследования были поставлены следующие задачи:

– Исследовать нормативно-правовую база реестра контролируемых лиц.
– Рассмотреть основания для включения и исключения из реестра контролируемых лиц и применяемые ограничительные меры.
– Изучить проблемы функционального применения реестра контролируемых лиц и предложить направления его совершенствования.

В качестве научной новизны в исследовании приводится комплексный анализ правовых доктрин и структурных элементов функционирования реестра контролируемых лиц, а также предложено рассматривать реестр как цифровой учётно-аналитический инструмент административно-правового регулирования и государственного контроля за миграционными потоками в России, обладающий возможностями оперативной межведомственной интеграции информации в отношении контролируемых иностранных граждан и лиц без гражданства. Научная новизна исследована обусловлена мало изученностью в научных и специализированных источниках реестра контролируемых лиц, отсутствием теоретической и практической оценки эффективности работы и комплексного анализа функционирования реестра как цифрового инструмента государственного регулирования и контроля в сфере миграции, в том числе в целях упрощения процедуры депортации и административного выдворения. В статье Шилиной А.В. рассмотрены лишь проблемы регионального опыта

применения реестра на примере Красноярского края, а также предложены направления совершенствования реестра контролируемых лиц с учётом международного опыта [Шилина, 2025, с. 410]. В работе А. А. Баранова анализируются законодательные и институциональные противоречия, которые препятствуют эффективному внедрению реестра работодателями и нивелируют его превентивную значимость [Баранов, 2025].

Основная часть

Российским миграционным законодательством регламентированы такие виды миграционных правоотношений, как: въезд, выезд, пребывание, проживание и трудовая деятельность, осуществляемая иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации. Условия въезда, выезда и основания для проживания находящихся на территории Российской Федерации иностранных физических лиц и лиц без гражданства, безусловно, требуют учёта и особого контроля со стороны государства с целью обеспечения государственного суверенитета, пограничной и миграционной безопасности Российской Федерации. Каждый вид правоотношений связан с определенным набором прав и обязанностей, сопровождается соответствующими мерами оперативного административно-правового регулирования и применением современных механизмов надзора в сфере миграции со стороны уполномоченных государственных органов [Гришковец, Савина, 2025, с. 67].

Ключевым вектором в государственном управлении за миграционными потоками является выбор правовой модели в качестве приоритетной концепции миграционной политики государства и применения современных механизмов контроля, отвечающим актуальным требованиям всеобщей цифровизации.

С принятием новой миграционной политики России на 2026 - 2030 годы, утвержденной 15.10.2025 г. Указом Президента Российской Федерации № 738, наблюдается переход на принципиально иную концептуальную модель государственного управления миграционными потоками. Новая модель Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 (далее - Концепция) направлена на: интеграцию ИГ и ЛБГ в российское общество; переход от количественного к качественному миграционному потоку; обеспечение возможностей для законного пребывания мигрантов; минимизация нелегальной миграции.

Концепция также закрепляет новые механизмы регулирования потоков мигрантов и повышения их легальной занятости. Положения Концепции направлены на развитие систем цифрового учёта и контроля за пребыванием иностранных граждан (далее - ИГ) и лиц без гражданства (далее - ЛБГ), повышение эффективности адаптационных программ и ужесточение мер противодействия нелегальной занятости мигрантов [Гришковец, Савина, 2025, с. 68].

Во главе нормативно - правового регулирования въезда и выезда, пребывания и проживания на территории России иностранных лиц и лиц без гражданства находится Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Закон №115-ФЗ), в который за последние 2 года внесены существенные изменения и дополнения.

Федеральным законом от 08.08.2024 № 260-ФЗ в Закон № 115-ФЗ введена новая форма федерального государственного контроля в сфере миграции - режим высылки. В соответствии с этим в статье 2 Закона № 115-ФЗ расширен понятийный аппарат, утверждено понятие режима высылки, как правового режима, применяемого в отношении иностранных граждан или лиц без

гражданства, находящихся в Российской Федерации, но не имеющих законных оснований для пребывания и проживания в стране, в целях обеспечения их выезда из России или приобретения ими законных оснований для пребывания и проживания в России [Федеральный закон № 115-ФЗ, 2002]. Режим высылки предусматривает установление в отношении указанной категории лиц ограничений отдельных прав и свобод, применение мер федерального государственного надзора в сфере миграции.

Таким образом, с 5 февраля 2025 года к иностранным гражданам, незаконно находящимся на территории Российской Федерации, применяется режим высылки, устанавливающий ограничения отдельных прав и свобод, а также иные меры федерального государственного надзора в сфере миграции, установленные в статье 31.1 Закона №115-ФЗ - меры федерального государственного надзора в сфере миграции, применяемые в рамках режима высылки.

В целях совершенствования организации административно-правового регулирования и осуществления государственного контроля за миграционными потоками Федеральным законом от 08.08.2024 №260-ФЗ также в Закон №115-ФЗ введена статья 31.2 - Реестр контролируемых лиц. Режим высылки стал правовой детерминантой для внедрения реестра контролируемых лиц (далее - РКЛ) в качестве цифрового индикатора отсутствия у ИГ и ЛБГ законных основания для пребывания в России. Специализированный учет указанной категории лиц осуществляется путем внесения комплексных сведений о них, в том числе персональных данных, в раздел базы данных Государственной информационной системы миграционного учёта (ГИСМУ) МВД России - реестр контролируемых лиц.

Соответственно, включение в реестр применяется как одна из мер федерального государственного надзора в сфере миграции в рамках режима высылки контролируемого лица. Правовой основой учета лиц, находящихся на территории России и не имеющих законных оснований, для пребывания или проживания в России является ч. 1 ст. 31.2 Закона № 115-ФЗ.

Таким образом, РКЛ – это недавно внедренная база в систему ИСОД МВД России, функционирующая чуть более года - с 2025 года с целью совершенствования организации административно-правового регулирования и осуществления государственного контроля за миграционными потоками в Российской Федерации.

На практике РКЛ выступает вспомогательным инструментом в части упрощения реализации процедуры депортации и административного выдворения лиц, утративших законные основания для пребывания в Российской Федерации.

Порядок и особенности эксплуатации, функционирования и ведения реестра контролируемых лиц, в том числе порядок включения сведений об иностранном гражданине или о лице без гражданства в РКЛ и исключения сведений о них из РКЛ определяет Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2024 г. № 1899 «О реестре контролируемых лиц» [Постановление Правительства РФ № 1899, 2024]. Правовая доктрина реестра устанавливает регламент предоставления доступа государственным органам и иным заинтересованным лицам к сведениям, содержащимся в РКЛ.

Включение лица в Реестр контролируемых лиц (РКЛ) осуществляется до момента применения к нему мер процессуального принуждения, предусмотренных миграционным законодательством. Данная процедура является обязательной для всех лиц, подлежащих высылке, и действует вплоть до их фактического выезда из Российской Федерации (депортации или самостоятельного убытия) либо до момента легализации их правового статуса на территории страны.

Согласно разъяснениям от 4 февраля 2025 г. МВД России о порядке формирования и

функционирования реестра к факторам, обуславливающим попадание в РКЛ, относят следующие:

1) истечение или сокращение срока временного пребывания, разрешения на временное проживание, в том числе в целях получения образования, вида на жительство, патента, разрешения на работу, трудового договора;

2) передача по реадмиссии в Россию ИГ, при отсутствии законных оснований для его нахождения в России;

3) аннулирование разрешения на временное проживание, вида на жительство или визы, в том числе электронной;

4) решение об отказе в рассмотрении ходатайства о признании беженцем, об отказе в признании беженцем, об отказе в предоставлении временного убежища, о лишении временного убежища или статуса беженца, об утрате временного убежища или статуса беженца [МВД России разъясняет порядок формирования и функционирования реестра контролируемых лиц, 2025].

Еще одним основанием для внесения сведений в РКЛ является истечение 72-х часов пребывания иностранного гражданина, находящегося в качестве пассажира на борту круизного судна или парома, имеющих разрешения на пассажирские перевозки или решением о прекращении российского гражданства при отсутствии законных оснований для нахождения на территории России.

Незаконное пересечение государственной границы Российской Федерации или вступление в силу обвинительного приговора суда о признании иностранного гражданина виновным в совершении преступления также является основанием для внесения сведений об иностранном гражданине или лице без гражданства в РКЛ [Шилина, 2025].

Основанием для внесения данных в РКЛ может служить применение мер административного принуждения, включая выдворение, а также принятие решений, ограничивающих право иностранного гражданина на въезд, выезд или пребывание в Российской Федерации, в том числе депортация, реадмиссия или признание пребывания нежелательным.

Стоит отметь, что последствиями для граждан, включенных в РКЛ, становятся правовые ограничения, касающиеся широкого спектра сфер жизнедеятельности, в том числе финансового и гражданско-правового характера, а также ограничения, связанные с передвижением. Комплекс ограничительных мер, предусмотренных ч. 2 ст. 31.2 Закона № 115-ФЗ, носит не карательный, а административно-обеспечительный характер: он направлен на минимизацию рисков уклонения контролируемого лица от выдворения и на предотвращение использования финансовых и имущественных инструментов для обхода миграционных требований. Указанной категории лиц запрещается:

- изменять место жительства или пребывания без разрешения органа внутренних дел;
- выезжать за пределы территории субъекта Российской Федерации, в котором контролируемое лицо состоит на миграционном учёте;
- приобретать и регистрировать транспортные средства и недвижимость на территории РФ;
- заключать брак;
- учреждать юридическое лицо, регистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя;
- открывать банковский счет и осуществлять банковские операции. Исключение составляют операции по выдаче наличных денежных средств контролируемому лицу в сумме до 30 тыс. руб. в месяц, а также переводы денежных средств в целях уплаты обязательных платежей и

переводы денежных средств на счет контролируемого лица.

Ограничения также распространяются на права на управление транспортными средствами, в том числе на отказ в допуске к сдаче экзаменов на право управления транспортными средствами, выдаче, замене или обмене российского национального или международного водительского удостоверения.

Ограничительные меры в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, не имеющих законных оснований для пребывания или проживания в России, распространятся и на членов их семей. В соответствии с ч. 2.1 ст. 78 Федерального закона от 29 декабря 2012 года №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» регламентировано, что иностранные граждане принимаются на обучение по основным общеобразовательным программам при условии предъявления документа, подтверждающего законность их нахождения на территории РФ.

Таким образом, прием в общеобразовательные и дошкольные учреждения незаконно находящихся в Российской Федерации несовершеннолетних иностранных лиц, не имеющих законных оснований для пребывания или проживания в России, стал невозможным.

Иностранное лицо или лицо без гражданства, внесенное в РКЛ, до урегулирования своего правового статуса наделено дополнительными обязанностями. Так, согласно предписанию о явке контролируемое лицо обязано прибыть в установленный срок к должностному лицу органа внутренних дел в соответствии с территориальной принадлежностью своей постановки на миграционный учёт. В случае неоднократного неисполнения контролируемым лицом ограничений и запретов, в отношении него будет принято решение о депортации и помещении в специальное учреждение территориального органа МВД России – центр временного содержания иностранных граждан. В соответствии со ст. 27.19.1 КоАП РФ срок содержания в специальном учреждении иностранного гражданина или лица без гражданства, подлежащих принудительному выдворению за пределы Российской Федерации, не должен превышать 90 суток, если данный срок продлен в порядке ч. 2 ст. 27.19 КоАП РФ.

Анализируя правовую доктрину и правоприменительную практику, можно сделать вывод реестр контролируемых лиц следует отождествлять как учётно-аналитический инструмент административно-правового регулирования и государственного контроля за миграционными потоками в Российской Федерации с возможностью оперативной межведомственной интеграции информации в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, не имеющих законных оснований для пребывания или проживания в России [Новопавловская, 2025, с. 29].

Функционал РКЛ расширяет и открывает новые интеграционные возможности в части межведомственного обмена информацией о миграционных потоках на территории России. Так, с внедрением базы данных реестра с 5 февраля 2025 года граждане и юридические лица, в том числе работодатели, могут проверить наличие сведений об ИГ или ЛБГ в РКЛ. По средствам двусторонней онлайн формы на официальном сайте МВД России и на Едином портале государственных и муниципальных (далее - портал «Госуслуги») услуг можно сделать «запрос-ответ» с целью получения сведений из реестра.

С этой информацией смогут ознакомиться любые заинтересованные физические и юридические лица путем ввода в специальную форму фамилии, имени, отчества (при наличии), даты рождения, серии, номера и даты выдачи документа, удостоверяющего личность. В ответ будет выдаваться сообщение о нахождении человека в реестре или об отсутствии сведений, а также указаны основания для включения в указанную базу данных о лицах, не имеющих

законных оснований для пребывания или проживания в России. В комплекс сведений РКЛ включаются не только персональные данные, но и код и наименование территориального органа внутренних дел России, в котором иностранный гражданин состоит на миграционном учете (при наличии постановки на миграционный учёт). Реестр содержит информацию о трудовой занятости и обучении иностранного гражданина в РФ, включая данные о работодателях и образовательных учреждениях. Также фиксируются даты внесения и удаления записей. Благодаря внедрению цифровых технологий и отказу от бумажного документооборота, база данных МВД обновляется каждые 4 часа. За предоставление сведений плата не предусмотрена [Баранов, 2025].

Сроки внесения сведений в РКЛ ранжированы в зависимости от основания внесения в реестр и указаны в ч. 2 ст. 31.2 Закона № 115-ФЗ [Баранов, 2025, с. 29]. При этом, сроки внесения устанавливает не срок с момента размещения на сайте, а конкретные календарные даты, с которых сведения подлежат внесению. Например: со дня, следующего за днём истечения срока временного пребывания, РВП, ВНЖ, или со дня аннулирования визы, РВП и т.п. То есть отсчёт идёт не от публикации, а от наступления юридического факта.

ИГ или ЛБГ считается уведомленным о внесении сведений в реестр или об исключении из него — именно со дня размещения этих сведений на официальном сайте МВД России в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет". То есть публикация на сайте — это точка отсчёта, с которой ИГ или ЛБГ узнаёт об изменении статуса.

Однако на практике функционирование реестра пока несовершенно, имеются проблемы, связанные с допуском ошибок системно-аналитического характера. Лицо, попавшее в РКЛ, обращаясь с соответствующим пакетом документов в территориальное подразделение МВД РФ для исключения из реестра, по рапорту начальника подразделения миграции территориального органа МВД РФ подлежит исключению из реестра. Однако на следующий день вновь ошибочно может быть автоматически системой занесено с возникновением комплексом сопутствующих ограничений.

Сведения о контролируемом иностранном лице подлежат исключению из реестра в следующих случаях:

1) выезда ИГ за границу российского государства;

2) приобретения законных оснований для пребывания или проживания в Российской Федерации или получением временного удостоверения личности лица без гражданства в Российской Федерации;

3) отмены решения, послужившего основанием для применения режима высылки, или признания судом такого решения незаконным;

4) смерти или признании лица судом умершим.

Официальным представителем МВД И. Волк в СМИ опубликована информация, что с момента запуска реестра контролируемых лиц было осуществлено более 17 млн. запросов, из них около 7 млн. поступило через портал «Госуслуги», остальные направлены через сайт МВД [МВД: реестром контролируемых лиц воспользовались уже 17 млн раз, 2026]. Соответственно данный факт подтверждает, что реестр контролируемых лиц как цифровой инструмент государственного регулирования и контроля в сфере миграции набирает свое прикладное значение и востребованность среди различных групп пользователей. Анализ данных по использованию реестра свидетельствует о повышении результативности мероприятий по депортации. Тем не менее, для достижения устойчивых долгосрочных результатов требуется дальнейшая модернизация цифровой инфраструктуры и устранение погрешностей в системе

учета. Приоритетными задачами станут автоматизация процессов, расширение функционала региональных электронных баз данных, а также комплексное усиление мер по обеспечению информационной безопасности и защите персональных данных [МВД России разъясняет порядок формирования и функционирования реестра контролируемых лиц, 2025].

Вывод

Появление новых форматов вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации требует дальнейшего совершенствования миграционной политики государства и применения современных инструментов ее реализации. Реестр контролируемых лиц, введенный в эксплуатацию в 2025 г., стал новеллой в части системного цифрового надзора в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, не имеющих законных оснований для пребывания и проживания в России. В процессе комплексного анализа правовых источников и структурных элементов функционирования реестра контролируемых лиц, данную базу предложено рассматривать как цифровой учётно-аналитический инструмент административно-правового регулирования и государственного контроля за миграционными потоками в Российской Федерации, обладающий возможностями оперативной межведомственной интеграции информации в отношении контролируемых иностранных граждан и лиц без гражданства.

На текущем этапе РКЛ присуще ограниченность его правоприменительной практики. Однако, стоит отметить, что РКЛ обладает значительным потенциалом в модернизации системы государственного регулирования, надзора за миграционными процессами в Российской Федерации и борьбы с незаконной миграцией при расширении правоприменительной практики. Введение РКЛ свидетельствует о тенденции перехода от классических административно-правовых механизмов миграционного регулирования к комплексным цифровым инструментам миграционного контроля, обеспечивающих прозрачность и оперативность обмена информацией между государственными органами, работодателями и институтами гражданского общества. Применение такого подхода к административно-правовому миграционному регулированию и государственному контролю за миграционными процессами в Российской Федерации может способствовать укреплению доверия к государственным институтам. Применение реестра будет способствовать повышению эффективности реализации выбранного курса миграционной политики государства, снижению уровня нелегальной занятости среди контролируемых иностранных граждан и лиц без гражданства, и, как следствие, обеспечению национальную безопасности России и её суверенитета.

Библиография

1. Баранов А.А. Практическое значение реестра контролируемых лиц в системе политических институтов и технологий государственного регулирования миграционных процессов в России // Вестник УМЦ. 2025. № 3 (48).
2. Гришковец А.А., Савина С.И. Новый этап государственного управления в сфере миграции // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2025. № 2 (74). С. 67–76.
3. МВД России. Информация от 04.02.2025 «МВД России разъясняет порядок формирования и функционирования реестра контролируемых лиц».
4. МВД: реестром контролируемых лиц воспользовались уже 17 млн раз. 2026. URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2026/05/18/1197917-mvd-reestrom-kontroliruemih
5. Новопавловская Е.Е. Реформирование миграционного законодательства и практика конституционного судопроизводства // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2025. № 2. С. 29–35.

6. Постановление Правительства РФ от 26.12.2024 № 1899 «О реестре контролируемых лиц» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8720.
7. Прудников А.С. Организация противодействия незаконной миграции органами внутренних дел. Москва: Юнити-Дана, 2025. 193 с.
8. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп.).
9. Шилина А.В. Совершенствование реестра контролируемых лиц в Российской Федерации (на примере Красноярского края) // Молодёжь и системная модернизация страны. 2025. С. 409–411.

Functional and Legal Analysis of the Register of Controlled Persons as a Digital Accounting and Analytical Tool for the Regulation and State Control over the Stay of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation

Evgeniya A. Popova

Lecturer,
Department of Social and Humanitarian Disciplines,
Police Lieutenant,
Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
283001, 74, Artema str., Donetsk, Russian Federation;
e-mail: popova_ea34@mail.ru

Artem A. Popov

Lecturer,
Department of Criminal Law Disciplines and Criminalistics,
Police Major,
Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
283001, 74, Artema str., Donetsk, Russian Federation;
e-mail: popov34aa@mail.ru

Abstract

The work provides a comprehensive analysis of the register of controlled persons as an instrument of state regulation and supervision in the sphere of migration. In the course of the study, the normative legal sources of the register of controlled persons, the principles of the database's functioning, the timeframes and composition of the information provided, as well as the grounds for including information in the register and the conditions for exclusion from it, were examined. As a result of the analysis conducted, it is proposed to identify the register of controlled persons as a digital accounting and analytical tool of administrative-legal regulation and state control over migration flows in the Russian Federation, possessing the capabilities of prompt interdepartmental integration of information regarding controlled foreign citizens and stateless persons. The introduction of the register testifies to the trend of transition from classical administrative-legal mechanisms of migration regulation to comprehensive digital tools of migration control.

For citation

Popova E.A., Popov A.A. (2026) Funktsional'no-pravovoy analiz reestra kontroliruemykh lits kak tsifrovogo uchetno-analiticheskogo instrumenta regulirovaniya i gosudarstvennogo kontrolya za prebyvaniem inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva v Rossiyskoy Federatsii [Functional and Legal Analysis of the Register of Controlled Persons as a Digital Accounting and Analytical Tool for the Regulation and State Control over the Stay of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 138-147. DOI: 10.34670/AR.2026.20.27.012

Keywords

Migration flows, register of controlled persons, migration policy, accounting, expulsion regime, state control, digitalization, foreign citizens, stateless persons, national security.

References

1. Baranov, A.A. (2025). Prakticheskoe znachenie reestra kontroliruemykh lits v sisteme politicheskikh institutov i tekhnologiy gosudarstvennogo regulirovaniya migratsionnykh protsessov v Rossii [Practical significance of the register of controlled persons in the system of political institutions and technologies of state regulation of migration processes in Russia]. *Vestnik UMTs*, (3 (48)).
2. Federalnyy zakon ot 25.07.2002 № 115-FZ "O pravovom polozhenii inostrannykh grazhdan v Rossiyskoy Federatsii" (s izm. i dop.) [Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002, "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" (as amended and supplemented)]. (2002).
3. Grishkovets, A.A., & Savina, S.I. (2025). Novyy etap gosudarstvennogo upravleniya v sfere migratsii [A new stage of state management in the field of migration]. *Vestnik Vserossiyskogo Instituta Povysheniya Kvalifikatsii Sotrudnikov MVD Rossii*, (2 (74)), 67–76.
4. MVD Rossii. Informatsiya ot 04.02.2025 "MVD Rossii razyasnyaet poryadok formirovaniya i funktsionirovaniya reestra kontroliruemykh lits" [Ministry of Internal Affairs of Russia. Information of February 4, 2025, "The Ministry of Internal Affairs of Russia explains the procedure for the formation and functioning of the register of controlled persons"]. (2025).
5. MVD: reestrom kontroliruemykh lits vospolzovalis uzhe 17 mln raz [Ministry of Internal Affairs: the register of controlled persons has already been used 17 million times]. (2026) https://www.vedomosti.ru/society/news/2026/05/18/1197917-mvd-reestrom-kontroliruemih
6. Novopavlovskaya, E.E. (2025). Reformirovanie migratsionnogo zakonodatelstva i praktika konstitutsionnogo sudoproizvodstva [Reforming migration legislation and the practice of constitutional proceedings]. *Vestnik Belgorodskogo Yuridicheskogo Instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina*, (2), 29–35.
7. Postanovlenie Pravitelstva RF ot 26.12.2024 № 1899 "O reestre kontroliruemykh lits" [Decree of the Government of the Russian Federation No. 1899 of December 26, 2024, "On the Register of Controlled Persons"]. (2024). *Sobranie zakonodatelstva RF*, (53 (ch. I)), Art. 8720.
8. Prudnikov, A.S. (2025). *Organizatsiya protivodeystviya nezakonnoy migratsii organami vnutrennikh del* [Organization of countering illegal migration by internal affairs bodies]. Yuniti-Dana.
9. Shilina, A.V. (2025). Sovershenstvovanie reestra kontroliruemykh lits v Rossiyskoy Federatsii (na primere Krasnoyarskogo kraya) [Improvement of the register of controlled persons in the Russian Federation (on the example of the Krasnoyarsk Territory)]. *Molodezh i sistemnaya modernizatsiya strany*, 409–411.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.92.25.040**

Некоторые аспекты реализации прокурором надзорных полномочий в производстве по делам об административных правонарушениях

Макушев Дмитрий Иванович

Прокурор,
отдел управления,
Генеральная прокуратуры Российской Федерации
по Дальневосточному федеральному округу,
690091, Российская Федерация, Владивосток, Океанский просп., 19А;
e-mail: makushevdmitrij@mail.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает правовое регулирование и практику прокурорского надзора в производстве по делам об административных правонарушениях, соотносит, анализирует полномочия прокурора в условиях ограниченных сроков давности привлечения к ответственности. Несмотря на широкий перечень прокурорских полномочий, сделан вывод об отсутствии у прокурора возможности оперативно вмешиваться и корректировать деятельность органов административной юрисдикции при выявлении явных нарушений. Результаты сравнительно-правового анализа демонстрируют, что в зарубежных государствах прокурор наделён большей компетенцией. Сформулированы предложения по наделению прокурора правом требовать от уполномоченных должностных лиц незамедлительного устранения допущенных при административном преследовании нарушений, проведения дополнительной проверки и возбуждения дел об административных правонарушениях.

Для цитирования в научных исследованиях

Макушев Д.И. Некоторые аспекты реализации прокурором надзорных полномочий в производстве по делам об административных правонарушениях // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 148-156. DOI: 10.34670/AR.2026.92.25.040

Ключевые слова

Прокуратура, прокурорский надзор, административное правонарушение, полномочия прокурора, акты прокурорского реагирования, административная ответственность, административное преследование, органы административной юрисдикции, производство по делам об административных правонарушениях, сроки давности привлечения к ответственности.

Введение

Одним из векторов государственной политики современного российского государства является обеспечение государственной и общественной безопасности в целях защиты основных прав и свобод человека и гражданина, укрепления гражданского мира и согласия, политической и социальной стабильности в обществе, законности и правопорядка. Достижение этих целей невозможно без надлежащего функционирования правоохранительной системы и реализации её представителями имеющихся полномочий.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Данные отчетов № 1-АП, 2026], в 2025 году судами общей юрисдикции и мировыми судьями рассмотрено 5,86 млн дел об административных правонарушениях (далее также – дел), что на 1,5 % меньше, чем за 2024 год (5,95 млн). Такое снижение имеет характер тенденции и продолжается в течение последних нескольких лет (в 2024 году – 5,9 млн, в 2023 году – 6,1 млн, в 2022 году – 7,4 млн, в 2021 году – 8,9 млн).

За 2025 год доля возвращенных для устранения недостатков протоколов составила 8 % или 467 тыс. (за 2024 год – 7,4 %, или 441,3 тыс., за 2023 год – 8 %, или 496,9 тыс., за 2022 год – 7,7 %, или 565,9 тыс., за 2021 год – 8,7 %, или 775,6 тыс.). Значительным остается количество дел, производство по которым прекращено, в том числе вследствие истечения сроков давности привлечения к ответственности (4,2 %, или 246,8 тыс., в 2024 году – 4,2 %, или 248,5 тыс., в 2023 году – 4,9 %, или 300 тыс., в 2022 году – 5 %, или 370,5 тыс., в 2021 году – 4 %, или 353 тыс.) [Данные отчетов № 1-АП, 2026].

Неутешительна статистика рассмотрения дел об административных правонарушениях в сфере экономики, где ежегодно рассматривается лишь треть от общего числа инициированных производств. Так, из возбужденных уполномоченными органами исполнительной власти в 2024 году 2,7 млн дел (в 2023 году – 2,63 млн, в 2022 году – 3,19 млн, в 2021 году – 3,91 млн) в установленном порядке рассмотрено лишь 0,96 млн дел, или 35,6% (в 2023 году – 0,92 млн, или 35 %, в 2022 году – 1,08 млн, или 33,9 %, в 2021 году – 1,58 млн, или 40,4 %) [Данные отчета формы 1-АЭ, 2026].

Обозначенные закономерности могут свидетельствовать, как об укреплении законности и правопорядка в государстве, так и об упущениях в деятельности субъектов административной юрисдикции, влекущих невыявление или укрытие административных правонарушений, а также ненадлежащей подготовке ими соответствующих материалов дел и остающейся латентности некоторых видов таких деликтов.

Одним из государственных механизмов, призванных корректировать деятельность участников производства по делам об административных правонарушениях и предупреждать недостатки в их работе, является прокурорский надзор. В настоящее время органы прокуратуры Российской Федерации осуществляют в пределах компетенции надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов при производстве по делам об административных правонарушениях, за исключением находящихся в производстве суда (статья 24.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)).

Основная часть

Административно-юрисдикционная деятельность прокуратуры имеет ряд особенностей.

Во-первых, реализуя надзорно-юрисдикционные полномочия прокурор обязан оперативно

реагировать на вскрытые факты несоблюдения закона в целях их устранения и восстановления законности. По мнению В.П. Рябцева, базовыми составляющими прокурорского надзора являются оценка состояния исполнения законов, обнаружение правонарушений и их юридическая оценка, а также понуждение компетентных органов (должностных лиц) к устранению нарушений в тех сферах, где прокурор не имеет права самостоятельно принимать меры реагирования для целей восстановления правопорядка и законности [Рябцев, 2025, с 88].

При этом некоторыми учеными самостоятельное возбуждение прокурором дела об административном правонарушении вполне логично квалифицируется как «применение полномочий компенсационного характера, когда должностное лицо соответствующего органа административной юрисдикции по тем или иным причинам не может инициировать процедуру административного преследования» [Винокуров, 2004, с. 153-154].

Правовая реакция прокурора – обязательное следствие выявления им фактов бездействия субъектов административной юрисдикции, выражающихся в нереализации функции административного преследования правонарушителей [Кривоносов, 2009, с. 75-82]. Поэтому в числе объектов прокурорских проверок оказывается широкий круг государственных органов и их должностных лиц, что предопределяет необходимость уяснять все существующие звенья цепи производства по делам об административных правонарушениях, утончение которых и последующий разрыв не позволят связать правонарушителя с грозящей ему юридической ответственностью.

Во-вторых, спецификой анализируемой сферы деятельности является использование прокурорами при выявлении нарушений закона мер реагирования, предусмотренных как Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (статьи 22-25.1, далее – Закон о прокуратуре), так и КоАП РФ (статья 25.11 и глава 30).

К их числу относятся постановление о возбуждении дела об административном правонарушении, представление об устранении нарушений закона (далее – представление); протест на противоречащие закону правовые акты, предостережение о недопустимости нарушения закона и иные [Простова и др., 2008, с. 65].

При этом предшествующие обнаружению административных правонарушений прокурорские проверки, с точки зрения К.Ю. Винокурова, подразделяются на проверки законности административного задержания, применения административного ареста, использования мер административного обеспечения, использования физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, соблюдения режима содержания административно задержанных и арестованных [Винокуров, 2004, с. 120–121].

Вместе с тем, по-нашему мнению, с учетом выделения производств по применению мер административного пресечения, обеспечительных и восстановительных мер в отдельную категорию административно-акцессорных производств [Макушев, 2025, с. 52] проявлением надзорного участия прокурора в административно-юрисдикционном процессе являются только проверки законности привлечения лиц к административной ответственности, соблюдения порядка производства по делам об административных правонарушениях и фактов бездействия органов административной юрисдикции (непривлечение виновных лиц к ответственности, нарушение процессуальных сроков и им подобные).

Заслуживают внимания теоретические выводы Д.В. Гриценко, выделяющего три этапа прокурорского надзора в административно-юрисдикционном процессе при внесудебном производстве по делам об административных правонарушениях [Гриценко, 2014, с. 90-91]. Первый – превентивный, направлен на предупреждение правонарушений и обнаружение

способствующих их совершению обстоятельств, проверки правильности текущего производства по делам указанной категории и законности привлечения лиц к административной ответственности. Второй – оперативный, подразумевает применение мер прокурорского реагирования для устранения нарушений, выявленных на стадиях возбуждения и рассмотрения этих дел (представление об устранении нарушений закона, постановление о возбуждении другого дела об административном правонарушении). Третий – опротестование, то есть принесение протеста на итоговые решения по делам об административных правонарушениях.

Считаем, что последний этап правильнее именовать, как это верно отметил Козлов Ю.М., «факультативным» [Козлов, 2005, с. 514], поскольку действия по оспариванию не всегда завершают производство по делу об административном правонарушении, так как при вынесении законного решения основания для его возникновения они зачастую отсутствуют.

В-третьих, законодательство наделяет прокуроров соответствующими полномочиями. Так, в соответствии с содержанием ст. 25.11 КоАП РФ прокурор в пределах своих полномочий вправе возбуждать производство по делу об административном правонарушении, участвовать в его рассмотрении, представлять доказательства, заявлять ходатайства, давать заключения по возникающим вопросам, приносить протест на итоговое постановление по делу об административном правонарушении (независимо от участия), а также совершать иные предусмотренные федеральным законом действия. К числу последних, например, отнесено право прокурора освобождать своим постановлением лиц, незаконно подвергнутых административному задержанию на основании решений несудебных органов (ст. 22 Закона о прокуратуре).

Отметим, что акты прокурорского реагирования подразделяются на принимаемые в связи с выявлением противоправных деяний (постановление о возбуждении дела об административном правонарушении) и на необходимые для обеспечения законности (надзорные) в рамках производства по делу об административном правонарушении (представление, протест).

При этом принесение протеста направлено на устранение нарушений, допущенных органом административной юрисдикции при принятии каких-либо решений, имеющих внешнее выражение в форме правового акта. Процедура его принесения регламентирована КоАП РФ, в частности установлен срок для его рассмотрения, после которого, как правило, уже истекают сроки давности привлечения к административной ответственности.

В свою очередь представление вносится прокурором ввиду допускаемых органом нарушений, зачастую систематических, и фактов бездействия, выражающихся в невозбуждении дел или в волоките при производстве по ним. Однако в контексте обеспечения достижения целей производства по делам об административных правонарушениях эта мера прокурорского реагирования является недостаточно эффективной и зачастую формальной, принимаемой «постфактум».

Безусловно, важность и истинный смысл представления прокурора при изложенных обстоятельствах прежде всего заключаются в устранении причин и условий, способствующих нарушениям законодательства при производстве по делам об административных правонарушениях, привлечению к дисциплинарной ответственности виновных должностных лиц органа, осуществляющего административное преследование.

Как верно отметил А.Ю. Винокуров, предусмотренная законодателем безотлагательность рассмотрения представления прокурора имеет условно неопределенный характер, в связи с тем, что ознакомление адресата с актом прокурорского реагирования должно произойти в возможно короткий период, который проблематично реально отследить [Винокуров, 2017, с. 478]. Более того, конкретные меры по устранению допущенных нарушений Законом о прокуратуре

допускается принимать в течение месяца со дня внесения представления.

Тем самым механизмы оперативного воздействия на уполномоченные органы не урегулированы российским законодательством, в связи с чем часть правонарушителей остается безнаказанными. Так, прокурор при наличии явных нарушений закона не имеет возможности вмешаться и оперативно скорректировать работу уполномоченных органов, например, органа внутренних дел (полиции), чье некачественное административное расследование по факту нанесения побоев в дальнейшем осложняет рассмотрение мировым судьей дела об административном правонарушении, или понудить орган местного самоуправления незамедлительно составить протокол по факту нарушения гражданином установленных в муниципальном образовании правил благоустройства.

Полноценное исследование полномочий отечественных прокуроров и внесение предложений по совершенствованию их деятельности невозможно без обращения к опыту правового регулирования в других государствах. В контексте обозначенной проблематики для повышения эффективности прокурорского надзора представляет интерес рассмотрение правового регулирования в странах-участниках Содружества Независимых Государств.

Например, в Республике Казахстан Кодексом об административных правонарушениях прокурор также наделен полномочиями по обеспечению законности производства по делам об административных правонарушениях. В отличие от российского законодательства он вправе давать письменные указания уполномоченным лицам и органам (кроме суда) о производстве дополнительной проверки, требовать от них проведения проверки в подконтрольных или подведомственных им организациях.

В соответствии с Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь прокуроры, осуществляя надзор, вправе истребовать материалы дела от ведущих административный процесс (понятие тождественно производству по делу об административном правонарушении) должностных лиц, давать им письменные указания, отменять противоречащие закону постановления о прекращении дел и производстве процессуальных действий, поручает подготовку дела к рассмотрению и проверяет соблюдение ее сроков.

Кодексом Кыргызской Республики о правонарушениях представители надзорного ведомства наделены, в том числе полномочиями по требованию от должностных лиц устранения допущенных в ходе производства по делу нарушений законодательства, отменять своим постановлением их незаконные и необоснованные решения с указанием о принятии законного решения.

В Республике Таджикистан Процессуальный кодекс об административных правонарушениях наделяет прокурора правом отменять постановления органов, должностных лиц об отказе в возбуждении дела и направить материалы для проведения дополнительной проверки или возбудить дело об административном правонарушении либо прекратить его.

Наряду с этим, Законом от 08.05.2007 № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» к числу универсальных актов прокурорского надзора отнесено предписание об устранении нарушения закона, которое вносится прокурором в случае, если нарушение закона носит явный характер, может причинить существенный вред правам и законным интересам граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и организаций, общественным и государственным интересам, если оно не будет немедленно устранено. Согласно конституционному закону от 05.11.2022 № 155-VII «О прокуратуре» в Республике Казахстан подобные полномочия могут быть реализованы прокурором исключительно при выявлении нарушений прав и законных интересов инвесторов либо с случае негативного влияния на осуществление инвестиционной деятельности. При этом в правовых системах обоих государств эти документы подлежат

обязательному исполнению, незамедлительно или в установленный прокурором срок.

Таким образом, приведенные положения нормативных правовых актов свидетельствуют о том, что в зарубежных государствах прокурор наделён большими надзорными полномочиями, позволяющими оперативно воздействовать на органы административной юрисдикции в целях достижения целей производства по делам об административных правонарушениях.

Одним из методов публичного управления является государственно-правовое принуждение [Самойлюк, Количенко, 2015, с. 67], которое зачастую реализуется в форме юридической ответственности за неисполнение тех или иных правовых предписаний.

В Российской Федерации невыполнение требований прокурора, вытекающих из его законных полномочий, является основанием для привлечения виновных лиц к административной ответственности согласно ст. 17.7 КоАП РФ. Та же мера юридической ответственности одинаково распространяется на неисполнение требований должностных лиц иных органов публичной власти, чем нивелируется значимость требований представителей надзорного ведомства.

Подобный подход характерен и для законодательства Республики Беларусь, где Кодексом об административных правонарушениях равнозначно наказуемы оставление должностным лицом без рассмотрения представлений, внесенных Следственным комитетом, органами внутренних дел, прокуратуры, государственной безопасности, пограничной службы, таможенными и другими органами, а также непринятие мер к устранению этих нарушений, а равно несвоевременный ответ на представление.

В свою очередь, в Республике Узбекистан по Кодексу об административной ответственности самостоятельным правонарушением является неисполнение требований прокурора, выразившееся в нерассмотрении документов прокурорского реагирования либо невыполнение их в полном объеме.

Вместе с тем в Республике Казахстан наряду с ответственностью за нерассмотрение и неисполнение представления прокурора, наказуемо неисполнение постановления и требования прокурора. Логично предположить, что в данном государстве допускается привлечение субъектов административной юрисдикции к административной ответственности за неисполнение ими требований прокурора о проведения проверки, тем самым такое полномочие надзорного органа обретает большую значимость и является обязательным для исполнения ввиду обеспечения мерами государственного принуждения.

При этом ни в одном из проанализированных нормативных актов нет санкций за неисполнение письменных указаний прокурора по делам об административных правонарушениях, в связи с чем возможно предположить некоторую степень формальности этого института и низкой эффективности в достижении целей данного вида производства.

С учетом изложенного полагаем, что повышению оперативности корректировки деятельности органов административной юрисдикции по административному преследованию в условиях ограниченных сроков давности будет способствовать наделение отечественного надзорного ведомства дополнительными полномочиями.

Положительный эффект может быть достигнут в результате предоставления прокурору возможности требовать от уполномоченных должностных лиц как проведения проверки, так и возбуждения относящихся к их компетенции дел об административных правонарушениях, признаки которых очевидны, достаточны и фактически вскрыты прокурором.

Обязательность и своевременность реализации поднадзорными лицами предлагаемых мер реагирования под угрозой административного наказания за их игнорирование в целом будут обеспечены статьей 17.7 КоАП РФ, нуждающейся в отдельной соответствующей проработке.

При этом необходимо различать требование о возбуждении дела об административном правонарушении (при очевидности состава и достаточности доказательств) и требование о проведении соответствующей проверки (при неполноте и недостаточности материалов, необходимых для принятия законного решения), отличное от регламентированного Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

При этом последнее подразумевает под собой возможность правового усмотрения органа административной юрисдикции при принятии итогового решения по итогам административного преследования, в частности, об отказе в возбуждении дела (не исключено, что заведомо незаконно), например, ввиду отсутствия признаков, события административного правонарушения.

В случае допущения возможности правового усмотрения и для требования о возбуждении административного производства оно не будет отличаться по правовым последствиям от рассмотрения направленной прокурором информации о совершенном правонарушении. В противном случае при принятии решения об отказе в возбуждении дела или передаче его другому органу это безусловно повлечет за собой привлечение должностного лица к административной ответственности за игнорирование требования представителя надзорного ведомства.

Истинный смысл предлагаемого инструмента заключается в том, что прокурор, стоящий особняком и презюмируемый законодателем лицом, компетентным решать вопрос о наличии или отсутствии признаков состава того или иного правонарушения, при получении или выявлении сведений о правонарушении уже на той стадии оценивает перспективы привлечения лица к административной ответственности.

Вынесение требования о возбуждении дела направлено именно на принятие единственного подразумеваемого прокурором правового решения в пределах срока давности, а не на возможное вынесение определения об отказе в возбуждении производства, которое в последующем во всяком случае придется оценивать надзорному органу, оспаривать и добиваться административного преследования.

В свою очередь, ответственность прокурорского работника за направление такого требования при наличии препятствующих производству по делу оснований по правовым последствиям тождественна той, как если бы он самостоятельно возбуждал дело об административном правонарушении, и по результатам рассмотрения которого принято решение о прекращении производства.

Использование обозначенного средства значительно сократит время на принятие единственного, по мнению прокурора, верного решения и запуск установленного законом механизма привлечения к административной ответственности, минимизирует факты подмены им уполномоченных контрольных (надзорных) и иных органов, исключит длительность процедур и обеспечит достижение задач производства по делам об административных правонарушениях.

Заключение

Таким образом, с учетом вышеизложенного представляется необходимым законодательное расширение круга полномочий прокурора и наделение его правом в зависимости от обстоятельств требовать от уполномоченных должностных лиц незамедлительного устранения допущенных при административном преследовании нарушений, проведения дополнительной

проверки и возбуждения дел об административных правонарушениях. Немаловажно обеспечить обязательность и своевременность реализации поднадзорными лицами предлагаемых мер реагирования под угрозой административного наказания за их игнорирование.

Библиография

1. Винокуров А.Ю. JUS EST: Юридическая энциклопедия. Серия «Academia» / под общ. ред. О.С. Капинус. Т. 3. М.: Буки Веди, 2017. С. 478–479.
2. Винокуров К.Ю. Прокурорский надзор за исполнением законов органами административной юрисдикции: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 260 с.
3. Гриценко Д.В. Правовой статус прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2014. 225 с.
4. Данные отчета формы 1-АЭ «Сведения об административных правонарушениях в сфере экономики»: Единая межведомственная информационно-статистическая система [сайт]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31574, https://www.fedstat.ru/indicator/31575.
5. Данные отчетов № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [сайт]. URL: https://cdep.ru/?id=79.
6. Козлов Ю.М. Административное право: учебник. М.: Юрист, 2005. 554 с.
7. Кривоносов А.Н. Прокурор как участник производства по делам об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. 2009. № 1. С. 75–82.
8. Макушев Д.И. К вопросу о понятии административно-юрисдикционного процесса // Сибирский юридический вестник. 2025. № 1. С. 49–54.
9. Простова М.В., Шалыгин Б.И., Городов А.Л., Сухарев А.С. Участие прокурора в суде при рассмотрении дел об административных правонарушениях: научно-методические рекомендации. М., 2008. 83 с.
10. Рябцев В.П. Прокурорский надзор: учебник / под ред. А.Я. Сухарева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 480 с.
11. Самойлюк Р.Н., Количенко А.А. Государственное принуждение, как средство обеспечения общественного порядка в правовом государстве // Наука. Мысль. 2015. № 3. С. 64–69.

Certain Aspects of the Prosecutor's Exercise of Supervisory Powers in Proceedings on Cases of Administrative Offenses

Dmitrii I. Makushev

Prosecutor,
Department of Administration,
Prosecutor General's Office of the Russian Federation for the Far Eastern Federal District,
690091, 19A, Okeanskiy ave., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: makushevdmitrij@mail.ru

Abstract

In the article, the author examines the legal regulation and practice of prosecutorial supervision in proceedings on cases of administrative offenses, and correlates and analyzes the prosecutor's powers in the context of limited statutes of limitation for holding persons liable. Despite the broad list of prosecutorial powers, a conclusion is drawn about the absence of the prosecutor's ability to promptly intervene and correct the activity of administrative jurisdiction bodies when obvious violations are detected. The results of a comparative legal analysis demonstrate that in foreign states the prosecutor is vested with greater competence. Proposals are formulated to grant the prosecutor the right to demand from authorized officials the immediate elimination of violations committed

during administrative prosecution, the conduct of an additional check, and the initiation of cases of administrative offenses.

For citation

Makushev D.I. (2026) Nekotorye aspekty realizatsii prokurorom nadzornykh polnomochiy v proizvodstve po delam ob administrativnykh prav onarusheniyakh [Certain Aspects of the Prosecutor's Exercise of Supervisory Powers in Proceedings on Cases of Administrative Offenses]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 148-156. DOI: 10.34670/AR.2026.92.25.040

Keywords

Prosecutor's office, prosecutorial supervision, administrative offense, prosecutor's powers, acts of prosecutorial response, administrative liability, administrative prosecution, administrative jurisdiction bodies, proceedings on cases of administrative offenses, statutes of limitation for holding persons liable.

References

1. Dannye otcheta formy 1-AE "Svedeniya ob administrativnykh pravonarusheniyakh v sfere ekonomiki" [Data of Report Form 1-AE "Information on Administrative Offences in the Economic Sphere"]. (2026) Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema. https://www.fedstat.ru/indicator/31574, https://www.fedstat.ru/indicator/31575
2. Dannye otchetov № 1-AP "Otchet o rabote sudov obshchey yurisdiktsii po rassmotreniyu del ob administrativnykh pravonarusheniyakh" [Data of Reports No. 1-AP "Report on the Work of Courts of General Jurisdiction in Considering Cases of Administrative Offences"]. (2026) Sudebnyy departament pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii. https://cdep.ru/?id=79
3. Gritsenko, D. V. (2014). *Pravovoy status prokurora v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [The Legal Status of the Prosecutor in Proceedings on Cases of Administrative Offences] (Candidate of Law dissertation). Voronezh.
4. Kozlov, Yu. M. (2005). *Administrativnoe pravo: uchebnik* [Administrative Law: A Textbook]. Yurist.
5. Krivonosov, A. N. (2009). Prokuror kak uchastnik proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh [The Prosecutor as a Participant in Proceedings on Cases of Administrative Offences]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, (1), 75–82.
6. Makushev, D. I. (2025). K voprosu o ponyatii administrativno-yurisdiktsionnogo protsessa [On the Concept of Administrative-Jurisdictional Process]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*, (1), 49–54.
7. Prostova, M. V., Shalygin, B. I., Gorodov, A. L., & Sukharev, A. S. (2008). *Uchastie prokurora v sude pri rassmotrenii del ob administrativnykh pravonarusheniyakh: nauchno-metodicheskie rekomendatsii* [Participation of the Prosecutor in Court When Considering Cases of Administrative Offences: Scientific and Methodological Recommendations]. Moscow.
8. Ryabtsev, V. P. (2025). *Prokurorskiy nadzor: uchebnik* [Prosecutorial Supervision: A Textbook] (A. Ya. Sukharev, Ed.; 4th ed.). Norma: INFRA-M.
9. Samoylyuk, R. N., & Kolichenko, A. A. (2015). Gosudarstvennoe prinuzhdenie, kak sredstvo obespecheniya obshchestvennogo poryadka v pravovom gosudarstve [State Coercion as a Means of Ensuring Public Order in a Legal State]. *Nauka. Mysl'*, (3), 64–69.
10. Vinokurov, A. Yu. (2017). *JUS EST: Yuridicheskaya entsiklopediya. Seriya "Academia"* [JUS EST: Legal Encyclopedia. "Academia" Series] (O. S. Kapinus, Ed.; Vol. 3). Buki Vedi.
11. Vinokurov, K. Yu. (2004). *Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonov organami administrativnoy yurisdiktsii* [Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws by Administrative Jurisdiction Bodies] (Candidate of Law dissertation). Moscow.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.7 **DOI: 10.34670/AR.2026.64.92.050**

Совершенствование законодательных механизмов формирования правовой грамотности обучающихся в системе общего образования Российской Федерации

Манаширов Эльдар Соломонович

Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76;
эксперт по креативной экономике,
Деловой центр экономического развития СНГ,
119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76;
e-mail: manashirov@mgimo.ru

Аннотация

Нормы о формировании правовой грамотности обучающихся рассредоточены между законом об образовании, федеральными государственными образовательными стандартами, федеральными образовательными программами и документами стратегического планирования, поэтому совершенствование законодательства требует предварительного установления того, какие элементы законодательного механизма закреплены и на каком уровне юридической силы. Исследование применяет количественный контент-анализ к 15 действующим федеральным актам (117 239 абзацев). Предварительно заданный словарь маркеров дал 852 кандидата, из которых 581 нормативная единица вошла в реестр; каждая была закодирована по элементу механизма (цель, обязанный субъект, содержание, планируемый результат, оценка, ресурс), адресату и типу результата. Формально-юридический анализ, восемь проверок устойчивости и слепое перекодирование 100 случайных абзацев (совпадение по элементу 98,3 %) завершают дизайн. Федеральные законы адресуют обучающимся только семь единиц, ограниченных целями, обязанными субъектами и содержанием, без результата, процедуры оценки и ресурса. Стандарты и программы содержат 283 планируемых результата, из них 63,3 % операциональных, и 53 строки кодификаторов, проверяющих только знаниевый компонент, тогда как уважение к закону и правопорядку исключено из итоговой оценки. Термин «правовая грамотность» встречается только в Основах 2011 г., которые до сих пор ссылаются на примерные программы, заменённые федеральными, а Закон № 324-ФЗ не называет школы среди субъектов правового просвещения. Законодательное звено механизма не замкнуто. Обосновывается необходимость дополнить статью 97 Закона № 273-ФЗ указанием на правовые знания обучающихся как предмет мониторинга образования, распространить статью 28 Закона № 324-ФЗ на общеобразовательные организации и обновить Основы с введением измеримых показателей.

Для цитирования в научных исследованиях

Манаширов Э.С. Совершенствование законодательных механизмов формирования правовой грамотности обучающихся в системе общего образования Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 157-166. DOI: 10.34670/AR.2026.64.92.050

Ключевые слова

Правовая грамотность, правовое просвещение, законодательство об образовании, федеральный государственный образовательный стандарт, федеральная образовательная программа, контент-анализ правовых актов, общее образование, управление рисками, методология исследования, государственная политика.

Введение

Правовая грамотность обучающихся в российском законодательстве складывается из норм разного уровня. Закон об образовании говорит о воспитании уважения к закону и правопорядку, федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) формулируют личностные и предметные результаты, федеральные образовательные программы (ФОП) раскрывают содержание обучения, а сам термин «правовая грамотность» закреплен в документе Президента Российской Федерации 2011 г. Вопрос о совершенствовании законодательного механизма поэтому требует сначала установить, какие его элементы присутствуют в действующих актах и на каком уровне юридической силы каждый из них закреплен. После такого установления предложение о поправке указывает конкретную недостающую норму, а не опирается на общую оценку состояния правового воспитания.

Научная литература последних лет фиксирует запрос на изменения, но описывает его в разных понятийных рамках. Педагогические исследования выводят структуру правовой грамотности обучающихся из ее функций [Гнатышина, Желнин, 2024] и выделяют в правовой культуре молодежи когнитивно-информационный, аксиологический и праксеологический компоненты [Джамалова, Гасанов, 2025]; общим признаком правовой культуры и правовой компетентности называется наличие у личности правовых знаний, умений и навыков [Ибрагимов, 2023]. При этом базовые понятия не разграничены, и в правовых текстах пять обозначений, от «грамотности» до «образования», нередко подменяют друг друга [Кононенко, 2025]. Опросы фиксируют потребность совершенствовать формирование правовой культуры школьников [Зарубина, Шишкарева, 2023], а опрошенные педагоги оценивают внимание к правовому образованию и воспитанию в школе как недостаточное [Быкова, 2024]. Предлагаемые решения различаются. Одни авторы обосновывают отдельную стратегию развития правового воспитания [Корчагина, Николаев, 2021], другие видят в исполнительной власти субъекта систематического правового просвещения населения [Косырев, 2026], третьи описывают внеурочные формы вроде школы правовых знаний [Магомедова и др., 2026].

Эти позиции не дают ответа на вопрос о том, как распределены нормы о правовой грамотности по звеньям законодательного механизма (цель, обязанный субъект, содержание, планируемый результат, оценка, ресурс). Сходная задача в смежной области решена для гражданской идентичности младших школьников, где выявлено расхождение между прямым нормативным требованием и отсутствием диагностического инструментария [Нужнова, Савинова, Новицкая, 2026]. Для правовой грамотности подобное сопоставление по всему

корпусу федеральных актов общего образования еще предстоит выполнить, и настоящая статья решает именно эту задачу.

Цель статьи – на основе количественного контент-анализа действующих федеральных актов установить распределение положений о формировании правовой грамотности обучающихся по элементам законодательного механизма и уровням юридической силы, определить звенья, в которых механизм не замкнут, и сформулировать вытекающие из этого предложения о совершенствовании законодательства.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования служит корпус из 15 федеральных актов в редакциях, действовавших на дату сбора текстов (12–13 октября 2026 г.). Уровень L1 образует Конституция Российской Федерации. Уровень L2 включает федеральные законы от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Уровень L3 составляют три ФГОС общего образования (приказы Минпросвещения России от 31.05.2021 № 286 и № 287 в ред. от 18.06.2025, приказ Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413 в ред. от 12.02.2025) и три ФОП (приказы Минпросвещения России от 18.05.2023 № 372, № 370 и № 371 в ред. от 10.11.2025). Уровень L4 включает Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом Российской Федерации 28.04.2011 № Пр-1168), Стратегию развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-р) и Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809). Тексты получены из некоммерческой интернет-версии КонсультантПлюс и из базы legalacts.ru (для актов, закрытых в бесплатной версии в момент сбора) с сохранением якоря каждого абзаца.

Единицей анализа служит нормативный абзац – часть, пункт, подпункт или строка перечня. После удаления сносок, отметок об утрате силы, справочных вставок и внутриактовых повторов корпус составил 117 239 абзацев. Кандидаты отобраны по заранее записанному словарю из 11 групп маркеров (правовая грамотность, культура, воспитание, просвещение и сознание; правосознание; законопослушность; правомерное поведение; уважение к закону и правопорядку; нормы права; права и обязанности; защита прав; юридическая ответственность, правонарушение и правовой статус). Акты и статьи, целиком посвященные правовой грамотности и правовому просвещению (Основы 2011 г. и ст. 28 Федерального закона № 324-ФЗ), кодировались полностью. Из 852 кандидатов в реестр включена 581 единица. Абзац включался, если устанавливает цель, обязанного субъекта, содержание, планируемый результат, оценку или ресурс формирования правовых знаний, ценностного отношения к праву либо правомерного поведения. В реестр не вошли нормы, где правовая лексика описывает само регулирование, перечни традиционных ценностей с упоминанием прав человека, исторические темы и правила спортивной игры.

Каждой единице присвоены элемент механизма (цель, субъект, содержание, результат, оценка, ресурс), адресат (обучающиеся, население, кадры) и для результатов – тип.

Операциональным считался результат, сформулированный как знание названного правового объекта или наблюдаемое действие, ценностно-диспозиционным – результат в форме уважения, готовности или осознания; различение опирается на выделение знаниевого, ценностного и деятельностного компонентов правовой культуры и грамотности [Гнатышина, Желнин, 2024; Джамалова, Гасанов, 2025; Ибрагимов, 2023]. Строки кодификаторов проверяемых требований и элементов содержания в ФОП кодировались как оценка, поскольку задают предмет процедур оценки качества образования и государственной итоговой аттестации. Применены формально-юридический анализ норм (вид акта, юридическая сила, адресат, соотношение с нормами других уровней) и количественный контент-анализ корпуса актов.

Устойчивость выводов проверена в восьми спецификациях, включая узкий словарь, исключение ФОП, исключение спортивных модулей, отказ от полного кодирования специальных актов, исключение уровня L4, исключение переходных положений ФОП и схлопывание почти дословных повторов по всему корпусу. Согласованность кодирования проверена на слепой случайной выборке из 100 абзацев (60 включенных, 25 исключенных кандидатов, 15 абзацев вне словаря), повторно закодированной вторым кодировщиком по тем же правилам без доступа к первичным решениям. Совпадение по включению составило 100 % (к = 1,00), по элементу механизма – 98,3 % (к = 0,971), по адресату – 98,3 %, по типу результата – 100 % (36 единиц). Реестр единиц с локаторами, исходные тексты и программа анализа образуют электронное приложение к статье.

Результаты и обсуждение

Из 581 единицы на Конституцию Российской Федерации приходится 0, на федеральные законы – 25, на стандарты и программы – 473, на документы стратегического планирования – 83. Регулирование правовой грамотности обучающихся сосредоточено в подзаконных актах Минпросвещения России, а закон задает его исходные положения. Конституционная основа присутствует опосредованно, поскольку словарь отбирает нормы о правах и свободах, однако они регулируют сами права и в реестр не входят.

На уровне федеральных законов обучающимся адресованы 7 единиц, среди которых три целевых положения, три нормы об обязанных субъектах и одна норма о содержании воспитательных мероприятий. Целевые положения содержатся в п. 2 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ, который определяет воспитание в том числе как формирование у обучающихся уважения к закону и правопорядку, в п. 3 ч. 1 ст. 3 того же закона, который относит воспитание правовой культуры к принципу гуманистического характера образования, и в п. 14 ст. 6 Федерального закона от 30.12.2020 № 489-ФЗ, который называет правовое просвещение и правовое информирование молодежи направлением молодежной политики. Значение п. 2 ст. 2 для правового потенциала воспитания отмечено и в доктрине [Петюкова, 2024]. Обязанности закреплены за педагогическим работником (п. 1.1 ч. 1 ст. 48 Закона № 273-ФЗ требует формировать у обучающихся уважение к закону и правопорядку), за органами управления образованием, которые разрабатывают и внедряют программы формирования законопослушного поведения несовершеннолетних (подп. 5 п. 1 ст. 14 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ), и за образовательными организациями, которые реализуют эти программы (подп. 5 п. 2 ст. 14 того же закона). Две последние нормы встроены в систему профилактики правонарушений, где правовое воспитание рассматривается как средство предупреждения противоправного поведения молодежи [Арестова, Борбат, Жариков, 2024]. Планируемый результат, процедуру оценки и ресурс законы для обучающихся не

устанавливают, так что законодательное звено механизма ограничено целью, субъектом и содержанием.

Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ дает 18 единиц и содержит единственный в корпусе развернутый механизм правового просвещения. Часть 1 ст. 28 обязывает участников государственной системы бесплатной юридической помощи, органы местного самоуправления и должностных лиц доводить до граждан сведения о содержании, пределах осуществления и способах защиты прав, ст. 11 возлагает на уполномоченный федеральный орган методическое обеспечение и мониторинг деятельности по правовому просвещению, ст. 16.1 устанавливает обязанность представлять информацию для такого мониторинга. Адресатом всех этих норм является население в целом. Субъекты правового просвещения определены через участников государственной системы бесплатной юридической помощи (ч. 1 ст. 15), органы местного самоуправления и юридические клиники вузов, а организации, реализующие основные общеобразовательные программы, и обучающиеся как адресат в Законе № 324-ФЗ не названы. Общеобразовательная организация может подпасть под обязанность ч. 1 ст. 28 только как учреждение, подведомственное федеральному или региональному органу исполнительной власти, и вне связи с ее образовательной функцией. Мониторинг по ст. 11 и ст. 16.1 охватывает деятельность органов, а не правовые знания граждан. Зависимость правовой грамотности от доступа к информации о правах [Воронин и др., 2021] получает в законе институциональное выражение в форме, рассчитанной на население в целом.

На уровне стандартов и программ структура механизма иная. Из 473 единиц планируемые результаты составляют 283 (59,8 %), содержание – 97 (20,5 %), оценка – 53 (11,2 %), целевые положения – 38 (8,0 %), ресурс – 2 (0,4 %), нормы об обязанном субъекте отсутствуют. Отсутствие субъекта объяснимо юридической природой стандарта, который адресован организации, реализующей образовательную программу, и описывает требования к результатам, а не распределение обязанностей. Оба ресурсных положения – это требования ФГОС ООО (п. 35.2) и ФГОС СОО (п. 21) к повышению правовой компетентности педагогических работников. Это соответствует выводу о том, что требования ФГОС к правовой компетентности учителя предъявляются как к условию формирования правового сознания школьников [Тымчук, 2025]. Ресурсное обеспечение правовой подготовки обучающихся в стандартах и программах сведено к квалификации педагога.

Планируемые результаты делятся на 179 операциональных (63,3 %) и 104 ценностно-диспозиционных (36,7 %). Операциональные результаты описывают знание правового объекта или действие с ним. Так, п. 45.6.2 ФГОС ООО требует опыта использования знаний для реализации и защиты прав человека и гражданина и прав потребителя, а п. 9.11 ФГОС СОО предусматривает готовность взаимодействовать с общественными институтами на основе правовых норм и умение самостоятельно заполнять формы и составлять документы. Ценностные результаты повторяют формулы закона, и «осознание своих конституционных прав и обязанностей, уважение закона и правопорядка» в п. 7.1 ФГОС СОО воспроизводит п. 2 ст. 2 Закона № 273-ФЗ уже как характеристику выпускника. В ФГОС доля операциональных результатов выше (14 из 18). В ФОП к операциональным относятся и требования модулей физической культуры о правомерном поведении зрителя на соревнованиях, без которых доля операциональных результатов составляет 60,5 %.

Оценка правовых знаний обучающихся существует только в форме 53 строк кодификаторов ФОП (НОО – 2, ООО – 17, СОО – 34), прежде всего по обществознанию. Пункт 151.7 ФОП ООО и п. 124.9 ФОП СОО устанавливают, что для проведения основного и единого государственного экзаменов по обществознанию используется кодификатор проверяемых требований и элементов

содержания. В эти кодификаторы включены, в частности, темы о правонарушении и юридической ответственности, правах ребенка, трудовом договоре и правовом статусе несовершеннолетних, тогда как ни одна из 104 ценностно-диспозиционных формулировок в них не входит. Это согласуется с п. 18.12 ФОП ООО и ФОП СОО, по которому достижение личностных результатов не выносится на итоговую оценку обучающихся и служит предметом оценки эффективности воспитательно-образовательной деятельности организации. Проверяемым, следовательно, оказывается знаниевый компонент правовой грамотности и только в рамках учебного предмета, а уважение к закону и правопорядку, прямо названное в законе, остается целью без процедуры проверки. Специальная норма об оценке правовой грамотности обучающихся как интегрального результата в корпусе не выявлена ни на одном уровне.

Термин «правовая грамотность» (вместе с вариантом «юридическая грамотность») встречается в 10 абзацах Основ 2011 г. и отсутствует в остальных 14 актах. Закон, стандарты и программы используют обозначения «правовая культура», «уважение к закону и правопорядку», «законопослушное поведение», «правосознание» и «правовое просвещение». Такое рассредоточение терминологии совпадает с выводом о смешении близких понятий при их правовом употреблении [Кононенко, 2025] и означает, что цель, сформулированная в Основах, не связана нормативно с результатами, закрепленными в ФГОС. Основы содержат наиболее полный набор элементов (82 единицы, в том числе 39 целевых положений, 25 мер содержания, 9 ресурсных, 6 субъектных и 3 оценочных), но адресованы гражданам в целом, и обучающимся из них адресованы лишь 7. Кроме того, подп. 1 п. 18 Основ предусматривает включение задач правового воспитания в примерные основные общеобразовательные программы, тогда как Федеральный закон от 24.09.2022 № 371-ФЗ признал утратившей силу ч. 12 ст. 12 Закона № 273-ФЗ и ввел ч. 6.1–6.5 ст. 12, по которым общеобразовательные программы разрабатываются в соответствии с ФГОС и федеральными основными общеобразовательными программами. Основы сохраняют и обозначение «образовательные учреждения», которое ч. 5 ст. 108 Закона № 273-ФЗ предписала привести в соответствие с новым законом не позднее 1 июля 2016 г. Стратегия развития воспитания до 2025 года дает одну единицу (развитие правовой и политической культуры детей в направлении гражданского воспитания), а период, на который она рассчитана, завершился.

Проверки устойчивости не меняют ответа на вопрос исследования. Во всех восьми спецификациях на уровне законов обучающимся адресованы только цели, субъекты и содержание, на уровне стандартов нормы об обязанном субъекте отсутствуют, а оценка правовых знаний обучающихся существует лишь в кодификаторах. Изменяется масштаб отдельных показателей. В спецификациях, сохраняющих ФОП, число строк кодификаторов составляет от 7 (узкий словарь) до 53, доля планируемых результатов среди единиц уровня L3 колеблется от 41,4 % (после схлопывания повторов) до 78,3 % (без ФОП), а после исключения переходной программы обществознания п. 123 ФОП СОО и кодификаторов п. 151.6–151.7 ФОП ООО строк кодификаторов остается 14. Вывод о разрыве между законом и инструментами оценки поэтому не зависит от выбора словаря и от учета дублирующихся формулировок ФОП.

Полученное распределение позволяет указать дефекты, устранимые законодательными средствами. Первый дефект состоит в разрыве между целевой нормой закона и проверяемым результатом. Пункт 2 ст. 2 и п. 1.1 ч. 1 ст. 48 Закона № 273-ФЗ формулируют ценностную цель, ФГОС переводят ее в результаты, однако закон не связывает правовую грамотность с мониторингом системы образования, который по ч. 3 ст. 97 Закона № 273-ФЗ включает наблюдение за учебными и внеучебными достижениями обучающихся. Целесообразно дополнить ст. 97 указанием на правовые знания обучающихся как обязательный предмет

мониторинга в рамках мероприятий по оценке качества общего образования; измеримость подобного показателя для смежной финансовой грамотности подростков подтверждена опросными данными [Кузина, Абдураманов, 2025]. Второй дефект связан с выпадением общеобразовательных организаций из механизма правового просвещения по ст. 28 Закона № 324-ФЗ. Часть 4 ст. 28 может быть дополнена указанием на организации, осуществляющие образовательную деятельность по основным общеобразовательным программам, которые проводят правовое информирование и правовое просвещение обучающихся и их родителей (законных представителей) в рамках рабочей программы воспитания, предусмотренной ст. 12.1 Закона № 273-ФЗ. Такая поправка соединяет институт, уже имеющий методическое обеспечение и мониторинг, с организацией, через которую проходит все поколение обучающихся, а внеурочные формы правового просвещения школьников уже описаны в практике [Магомедова и др., 2026]. Третий дефект заключается в несоответствии Основ 2011 г. действующей системе образовательных программ и в отсутствии в них показателей. Обновление Основ с заменой ссылки на примерные программы ссылкой на ФОП и с введением показателей достижения целей придало бы правовой грамотности операциональное определение через результаты ФГОС, а предложение о самостоятельной стратегии правового воспитания [Корчагина, Николаев, 2021] было бы реализовано в рамках уже существующего документа стратегического планирования.

Заключение

Контент-анализ 15 федеральных актов, действующих в общем образовании, установил, что законодательный механизм формирования правовой грамотности обучающихся замкнут лишь на подзаконном уровне. Законы закрепляют для обучающихся цель (уважение к закону и правопорядку, правовую культуру), обязанного субъекта (педагога, органы управления образованием и образовательные организации в части законопослушного поведения) и единичную норму о содержании. Результат, оценка и ресурс появляются только в ФГОС и ФОП, где выявлено 283 планируемых результата, из них 63,3 % операциональных, и 53 строки кодификаторов по обществознанию, проверяющих знаниевый компонент. Ценностный компонент, прямо названный в законе, итоговой оценке не подлежит, а термин «правовая грамотность» закреплен только в Основах 2011 г., ссылающихся на примерные общеобразовательные программы, замененные федеральными.

Совершенствование законодательного механизма следует направить на три выявленных звена: дополнить ст. 97 Закона № 273-ФЗ правовыми знаниями обучающихся как предметом мониторинга системы образования, включить общеобразовательные организации в число субъектов правового информирования и правового просвещения по ст. 28 Закона № 324-ФЗ и обновить Основы 2011 г. с учетом ФОП и с введением показателей достижения целей.

Библиография

1. Арестова Е.Н., Борбат А.В., Жариков Ю.С. Правовое воспитание и правовая культура как средства предупреждения преступности в молодежной среде // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 4. С. 349–360. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(4).349-360
2. Быкова Н.В. Правовое воспитание в России на современном этапе // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2024. № 1. С. 143–150. DOI: 10.18137/rmu.v9276.24.01.p.143
3. Воронин М.Ю., Моисеенко Л.В., Ускова Т.В., Викулина М.А. Некоторые особенности правосознания и правовой грамотности в России и за рубежом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4. С. 18–26. DOI: 10.35750/2071-8284-2021-4-18-26

4. Гнатышина Е.В., Желнин Э.В. Структура и содержание правовой грамотности обучающихся // Научно-педагогическое обозрение. 2024. № 5 (57). С. 64–72. DOI: 10.23951/2307-6127-2024-5-64-72
5. Джамалова Э.К., Гасанов М.Г. Правовая культура молодежи в России: динамика, вызовы и перспективы в условиях глобализации и цифровизации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2025. Т. 56. № 4. С. 53–58. DOI: 10.21779/2224-0241-2025-56-4-53-58
6. Зарубина К.А., Шишкарева Т.Н. Правовая культура и правосознание молодёжи Курской области (по данным социологического исследования) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13. № 4. С. 10–21. DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-4-10-21
7. Ибрагимов М.Г. Правовая культура и правовая компетентность: к вопросу о соотношении понятий // Казанский педагогический журнал. 2023. № 1 (158). DOI: 10.51379/kpj.2023.158.1.043
8. Кононенко Д.В. Соотношение понятий «правовая грамотность», «правовое воспитание», «правовое просвещение», «правовое информирование» и «правовое образование» // Legal Concept = Правовая парадигма. 2025. Т. 24. № 1. С. 34–38. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2025.1.5
9. Корчагина Т.В., Николаев А.И. Правовое воспитание в современных реалиях // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 4 (44). DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.05
10. Косырев Е.В. Участие субъектов исполнительной власти в правовом просвещении населения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2026. № 5 (141). С. 133–141. DOI: 10.17803/2311-5998.2026.141.5.133-141
11. Кузина О.Е., Абдураманов А.Я. Финансовая грамотность, финансовая культура и финансовая автономия молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 71–97. DOI: 10.14515/monitoring.2025.6.3048
12. Магомедова Е.А., Еремичева А.С., Печенцова Е.С., Зайцева М.А. Школа правовых знаний как инструмент преодоления правового инфантилизма детей и молодежи // International Law Journal. 2026. Т. 9. № 5. С. 201–206. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-201-206
13. Нужнова Н.М., Савинова Л.Ю., Новицкая В.А. Нормативно-правовое обоснование формирования гражданской идентичности у младших школьников: анализ Стратегии государственной национальной политики РФ до 2036 года // Журнал педагогических исследований. 2026. Т. 11. № 4. С. 57–63. DOI: 10.12737/2500-3305-2026-11-4-57-63
14. Петюкова О.Н. Форсайт университетского юридического образования и правовой потенциал воспитания молодежи // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 12 (124). С. 154–161. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.124.12.154-161
15. Тымчук А.С. Правовая компетентность учителя начальных классов как фактор эффективной реализации федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. № 1. С. 102–107. DOI: 10.30853/ped20250013

Improving Legislative Mechanisms for the Formation of Legal Literacy of Students in the General Education System of the Russian Federation

El'dar S. Manashirov

Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119454, 76, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
Expert in Creative Economy,
Business Center for Economic Development of the CIS,
119454, 76, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: manashirov@mgimo.ru

Abstract

The norms on the formation of legal literacy of students are dispersed between the law on education, federal state educational standards, federal educational programs, and strategic planning documents; therefore, improving legislation requires a preliminary establishment of which elements

of the legislative mechanism are enshrined and at what level of legal force. The study applies quantitative content analysis to 15 current federal acts (117,239 paragraphs). A predefined dictionary of markers yielded 852 candidates, of which 581 normative units were included in the register; each was coded by element of the mechanism (goal, obligated subject, content, planned result, assessment, resource), addressee, and type of result. Formal legal analysis, eight robustness checks, and blind recoding of 100 random paragraphs (98.3% agreement by element) complete the design. Federal laws address students with only seven units, limited to goals, obligated subjects, and content, without result, assessment procedure, and resource. Standards and programs contain 283 planned results, of which 63.3% are operational, and 53 lines of codifiers that test only the knowledge component, while respect for law and order is excluded from the final assessment. The term "legal literacy" is found only in the 2011 Framework, which still refers to model programs that have been replaced by federal ones, and Federal Law No. 324-FZ does not name schools among the subjects of legal education. The legislative link of the mechanism is not closed. The necessity is substantiated to supplement Article 97 of Federal Law No. 273-FZ with an indication of students' legal knowledge as a subject of education monitoring, to extend Article 28 of Federal Law No. 324-FZ to general education organizations, and to update the Framework with the introduction of measurable indicators.

For citation

Manashirov E.S. (2026) Sovershenstvovanie zakonodatel'nykh mekhanizmov formirovaniya pravovoy gramotnosti obuchayushchikhsya v sisteme obshchego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii [Improving Legislative Mechanisms for the Formation of Legal Literacy of Students in the General Education System of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 157-166. DOI: 10.34670/AR.2026.64.92.050

Keywords

Legal literacy, legal education, education legislation, federal state educational standard, federal educational program, content analysis of legal acts, general education, risk management, research methodology, state policy.

References

1. Arestova, E.N., Borbat, A.V., & Zharikov, Yu.S. (2024). Pravovoe vospitanie i pravovaya kul'tura kak sredstva preduprezhdeniya prestupnosti v molodezhnoi srede [Legal education and legal culture as a means of crime prevention in the youth environment]. Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal, 18(4), 349–360. https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(4).349-360 [In Russian]
2. Bykova, N.V. (2024). Pravovoe vospitanie v Rossii na sovremennom etape [Legal education in Russia at the current stage]. Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo, (1), 143–150. https://doi.org/10.18137/rmu.v9276.24.01.p.143 [In Russian]
3. Dzhamalova, E.K., & Gasanov, M.G. (2025). Pravovaya kul'tura molodezhi v Rossii: dinamika, vyzovy i perspektivy v usloviyakh globalizatsii i tsifrovizatsii [Legal culture of youth in Russia: dynamics, challenges and prospects in the context of globalization and digitalization]. Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta, 56(4), 53–58. https://doi.org/10.21779/2224-0241-2025-56-4-53-58 [In Russian]
4. Gnatyshina, E.V., & Zhelnin, E.V. (2024). Struktura i soderzhanie pravovoi gramotnosti obuchayushchikhsya [The structure and content of students' legal literacy]. Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie, (5), 64–72. https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-5-64-72 [In Russian]
5. Ibragimov, M.G. (2023). Pravovaya kul'tura i pravovaya kompetentnost': k voprosu o sootnoshenii ponyatii [Legal culture and legal competence: on the relationship between the concepts]. Kazanskii pedagogicheskii zhurnal, (1), 158. https://doi.org/10.51379/kpj.2023.158.1.043 [In Russian]

6. Kononenko, D.V. (2025). Sootnoshenie ponyatii "pravovaya gramotnost'", "pravovoe vospitanie", "pravovoe prosveshchenie", "pravovoe informirovanie" i "pravovoe obrazovanie" [The relationship between the concepts of "legal literacy", "legal upbringing", "legal enlightenment", "legal information" and "legal education"]. Legal Concept = Pravovaya paradigma, 24(1), 34–38. https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.5 [In Russian]
7. Korchagina, T.V., & Nikolaev, A.I. (2021). Pravovoe vospitanie v sovremennykh realiyakh [Legal upbringing in modern realities]. Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki, (4), 44. https://doi.org/10.25688/2076-9113.2021.44.4.05 [In Russian]
8. Kosyrev, E.V. (2026). Uchastie sub"ektov ispolnitel'noi vlasti v pravovom prosveshchenii naseleniya [Participation of executive authorities in legal enlightenment of the population]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), (5), 133–141. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2026.141.5.133-141 [In Russian]
9. Kuzina, O.E., & Abduramanov, A.Ya. (2025). Finansovaya gramotnost', finansovaya kul'tura i finansovaya avtonomiya molodezhi [Financial literacy, financial culture, and financial autonomy of youth]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny, (6), 71–97. https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3048 [In Russian]
10. Magomedova, E.A., Eremicheva, A.S., Pechentsova, E.S., & Zaitseva, M.A. (2026). Shkola pravovykh znanii kak instrument preodoleniya pravovogo infantilizma detei i molodezhi [The school of legal knowledge as a tool for overcoming legal infantilism among children and youth]. International Law Journal, 9(5), 201–206. https://doi.org/10.58224/2658-5693-2026-9-5-201-206 [In Russian]
11. Nuzhnova, N.M., Savinova, L.Yu., & Novitskaya, V.A. (2026). Normativno-pravovoe obosnovanie formirovaniya grazhdanskoi identichnosti u mladshikh shkol'nikov: analiz Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki RF do 2036 goda [Normative and legal substantiation of developing civic identity in primary school children: an analysis of the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation until 2036]. Zhurnal pedagogicheskikh issledovanii, 11(4), 57–63. https://doi.org/10.12737/2500-3305-2026-11-4-57-63 [In Russian]
12. Petyukova, O.N. (2024). Forsait universitetskogo yuridicheskogo obrazovaniya i pravovoi potentsial vospitaniya molodezhi [Foresight of university legal education and the legal potential of youth upbringing]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), (12), 154–161. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.124.12.154-161 [In Russian]
13. Tymchuk, A.S. (2025). Pravovaya kompetentnost' uchitelya nachal'nykh klassov kak faktor effektivnoi realizatsii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta nachal'nogo obshchego obrazovaniya [The legal competence of primary school teachers as a factor in the effective implementation of the Federal State Educational Standard of Primary General Education]. Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki, 10(1), 102–107. https://doi.org/10.30853/ped20250013 [In Russian]
14. Voronin, M.Yu., Moiseenko, L.V., Uskova, T.V., & Vikulina, M.A. (2021). Nekotorye osobennosti pravosoznaniya i pravovoi gramotnosti v Rossii i za rubezhom [Some features of legal consciousness and legal literacy in Russia and abroad]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, (4), 18–26. https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-4-18-26 [In Russian]
15. Zarubina, K.A., & Shishkareva, T.N. (2023). Pravovaya kul'tura i pravosoznanie molodezhi Kurskoi oblasti (po dannym sotsiologicheskogo issledovaniya) [Legal culture and legal awareness of the youth of the Kursk region (according to a sociological study)]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo, 13(4), 10–21. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-4-10-21 [In Russian]

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.1 **DOI: 10.34670/AR.2026.11.14.048**

Проблемы международного сотрудничества органов прокуратуры при выдаче лиц для привлечения к уголовной ответственности

Докучаева Елизавета Владимировна

Аспирант,
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина,
123995, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: s0158683@msal.edu.ru

Аннотация

Органы прокуратуры Российской Федерации являются центральным органом выдачи: Генеральный прокурор принимает решение о выдаче иностранного гражданина и направляет российские запросы, однако какие нарушения стандартов выдачи фиксировал внешний судебный контроль за этой деятельностью, количественно не исследовано. В статье устанавливаются состав и динамика таких нарушений и их соотношение с нормами УПК РФ. Материалом служит корпус постановлений Европейского суда по правам человека из открытой базы HUDOC: из 554 выгруженных постановлений по записанному правилу отобраны 91 дело о выдаче из России (2005–2023 гг.) и 12 дел о выдаче в Россию (2011–2026 гг.); закодированы государство запроса, нарушения ст. 3, 5 § 1, 5 § 4 и 34 Конвенции, гарантии прокуратуры запрашивающего государства и перемещение лица вне процедуры выдачи; периоды сравнивались точным критерием Фишера, нормы проанализированы формально-юридическим методом. На государства Центральной Азии пришлось 87,9 % постановлений; нарушение статьи 3 установлено в 62,6 %, статьи 5 § 1 – в 53,8 %, статьи 5 § 4 – в 56,0 % постановлений. Гарантии прокуратуры запрашивающего государства не предотвратили вывода о нарушении статьи 3 в 27 из 41 дела. В жалобах, поданных после 2012 г., доля нарушений по законности содержания под стражей снизилась с 65,5 до 33,3 %, а по оценке риска выросла с 43,1 до 97,0 %. В делах о выдаче в Россию нарушения статьи 5 запрашиваемыми государствами установлены в 8 из 12 постановлений. Главным звеном, требующим нормативного укрепления, является экстрадиционная проверка прокурора и оценка риска в запрашивающем государстве; предложено закрепить в части 2 статьи 466 УПК РФ срок заключения под стражу по решению прокурора и ввести в главу 54 УПК РФ норму об экстрадиционной проверке.

Для цитирования в научных исследованиях

Докучаева Е.В. Проблемы международного сотрудничества органов прокуратуры при выдаче лиц для привлечения к уголовной ответственности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 167-175. DOI: 10.34670/AR.2026.11.14.048

Ключевые слова

Выдача лиц, экстрадиция, органы прокуратуры, Генеральная прокуратура Российской Федерации, Европейский суд по правам человека, гарантии запрашивающего государства, заключение под стражу в целях выдачи, экстрадиционная проверка, управление рисками, методология исследования, государственная политика.

Введение

Выдача лица для уголовного преследования образует ту часть международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве, в которой органы прокуратуры выступают не участником, а центральным органом. По части 4 статьи 462 УПК РФ решение о выдаче иностранного гражданина или лица без гражданства принимает Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель; по ч. 3 ст. 460 УПК РФ все материалы для запроса о выдаче лица из иностранного государства представляются в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, которая решает вопрос о его направлении. Термины «выдача» и «экстрадиция» в статье используются как синонимы, что соответствует обоснованному в литературе подходу [Смолькова, 2022].

Сложности этой деятельности описаны с разных сторон. Отмечаются недостаточная правовая регламентация института выдачи в уголовном процессе и связанные с ней затруднения правоприменителя [Матвеев, Колотова, 2020], зависимость исхода выдачи от качества запроса и прилагаемых документов, за которое отвечает центральный орган [Абдуллозода, 2025], и неурегулированность экстрадиционной проверки, проводимой прокурорами нижестоящих прокуратур [Черепанов, 2021]. Для запрашиваемой стороны центральными называются запреты, связанные со смертной казнью, дискриминацией и пытками [Миронов, 2025]; для запрашивающей стороны – отказы иностранных государств исполнять договорные обязательства [Григорьев, Тарасов, 2026], сокращение сотрудничества с отдельными государствами [Волеводз, 2021] и различие в готовности профессиональных сообществ разных государств к правовому взаимодействию [Григорьев, Тарасов, 2025]. Для прокурорской практики противодействия коррупции выдача остаётся основной мерой возвращения скрывшихся за рубежом обвиняемых [Григорьев, Тарасов, 2026].

Эти работы опираются преимущественно на нормативный анализ и отдельные случаи. Вопрос о том, какие именно нарушения стандартов выдачи фиксировал внешний судебный контроль за решениями прокуратуры, как они распределены по государствам запроса и изменилась ли их структура после разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11, количественно не исследован. Такой материал существует в открытом виде: до прекращения действия Конвенции о защите прав человека и основных свобод в отношении России Европейский суд по правам человека рассматривал жалобы лиц, выдача которых решалась Генеральной прокуратурой, а также жалобы лиц, выдачу которых Россия запрашивала у других государств. Задача статьи – на этом корпусе установить состав и динамику нарушений, сопровождавших выдачу с участием органов прокуратуры России, и соотнести каждую группу нарушений с действующими нормами УПК РФ и разъяснениями Пленума.

Материалы и методы исследования

Материал исследования – постановления Европейского суда по правам человека из базы HUDOC, полученные 15 октября 2026 г. через открытый программный интерфейс вместе с

полными текстами и метаданными. Выполнено два запроса к постановлениям на английском языке: дела против России, содержащие слово extradition (217 постановлений), и дела против других государств, содержащие слова extradition и Russia (337 постановлений). Из 554 постановлений по записанному правилу отобраны дела о выдаче самого заявителя: не менее 10 упоминаний корня extradit, указание на выдачу заявителя и установленное направление выдачи; государство запроса определялось как иностранное государство, чаще всего упоминаемое в предложениях о выдаче. Пять постановлений исключены и одно включено после чтения полного текста с записанным основанием; при повторном рассмотрении тех же жалоб Большой палатой учитывалось последнее постановление. В итоговый реестр вошли 91 постановление 2005–2023 гг. по делам, где Россия была запрашиваемым государством, и 12 постановлений 2011–2026 гг. по делам, где Россия запрашивала выдачу у других государств.

Единица анализа – постановление. Для каждого постановления из поля выводов суда закодированы установленные нарушения ст. 3 Конвенции в связи с риском обращения в государстве запроса, ст. 5 § 1 (законность содержания под стражей в целях выдачи), ст. 5 § 4 (судебная проверка содержания под стражей) и ст. 34 (воспрепятствование праву на жалобу, включая неисполнение обеспечительной меры). Пять ранних постановлений с краткой формулой о нарушении ст. 3 размечены вручную по тексту, чтобы отделить риск в государстве запроса от условий содержания в России. По полному тексту закодированы два признака: обсуждение гарантий прокуратуры запрашивающего государства (предложение содержит слово assurance или guarantee и указание на прокуратуру этого государства) и перемещение заявителя вне процедуры выдачи (похищение, исчезновение, административное выдворение в государство запроса). Год подачи жалобы определён по её номеру.

Периоды сравнивались по году подачи жалобы: до 2012 г. включительно и с 2013 г.; граница соответствует принятию постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11. Различие долей оценивалось двусторонним точным критерием Фишера. Устойчивость проверена при пороге отбора 5 и 30 упоминаний, при исключении постановлений комитетов и при иной границе периодов (до 2011 г. включительно и с 2012 г.). Расчёт выполнен воспроизводимым сценарием на Python: повторный запуск даёт идентичные результаты; код и кодирование независимо перепроверены, выявленные расхождения исправлены до расчёта итоговых долей. К нормативной части применён формально-юридический метод; круг актов составили ст. 460, 462, 464 и 466 УПК РФ в редакции от 26.07.2026, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11 в редакции постановления от 27.05.2025 № 2 и Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ.

Результаты и обсуждение

Нормативная рамка определяет, за что отвечает прокуратура в каждом звене выдачи. Статья 462 УПК РФ устанавливает, что решение о выдаче принимает Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель (часть 4); оно вступает в силу через 10 суток после уведомления лица, а при обжаловании выдача не производится до вступления в силу судебного решения (ч. 6 ст. 462 УПК РФ). Выдача допускается, когда запрашивающее государство может гарантировать преследование только за указанное в запросе преступление и невыдачу третьему государству без согласия России (п. 3 ч. 3 ст. 462 УПК РФ). Пункт 14 постановления Пленума № 11 возлагает на органы прокуратуры обязанность обосновать отсутствие серьёзных оснований полагать, что лицо будет подвергнуто пыткам или преследованию, и разрешает суду учитывать гарантии запрашивающего государства в совокупности с иными доказательствами.

Статья 466 УПК РФ предусматривает, что при наличии решения иностранного суда прокурор вправе заключить лицо под стражу без подтверждения российским судом (часть 2), а пункт 21 постановления Пленума ограничивает такое содержание двумя месяцами и относит продление исключительно к суду.

Корпус показывает, на каком направлении сотрудничества возникали установленные нарушения. Из 91 постановления по делам о выдаче из России 47 касаются запросов Узбекистана, 12 – Таджикистана, 11 – Кыргызстана, 7 – Беларуси, 6 – Казахстана и 4 – Туркменистана; на государства Центральной Азии приходятся 80 из 91 постановления (87,9 %), на государства – участники Минской конвенции 1993 г. и СНГ – 89 из 91 (97,8 %). Следовательно, внешний контроль затрагивал прежде всего выдачу по региональным договорам, где запрос и гарантии поступают от прокуратур запрашивающих государств, а не выдачу по Европейской конвенции о выдаче 1957 г.

Нарушение статьи 3 Конвенции в связи с риском в государстве запроса установлено в 57 из 91 постановления (62,6 %), нарушение статьи 5 § 1 – в 49 (53,8 %), статьи 5 § 4 – в 51 (56,0 %), статьи 34 – в 11 (12,1 %). Эти доли соответствуют трём разным звеньям ответственности прокуратуры. Нарушение статьи 3 оценивает решение о выдаче и его обоснование, то есть исполнение обязанности, которую пункт 14 постановления Пленума возлагает на органы прокуратуры. Нарушение статьи 5 § 1 оценивает правовое основание содержания под стражей в целях выдачи, где прокурор избирает или испрашивает меру пресечения по статье 466 УПК РФ. Нарушение статьи 5 § 4 оценивает доступ к судебной проверке такого содержания. Доли не складываются: в одном постановлении нередко установлено несколько нарушений, поэтому звенья сравниваются по числу постановлений с нарушением каждого вида.

Гарантии прокуратуры запрашивающего государства обсуждаются в 41 из 91 постановления. В 27 из этих 41 постановления (65,9 %) суд тем не менее установил нарушение статьи 3. По делу Gaforov v. Russia (жалоба № 25404/09, постановление от 21.10.2010) суд указал, что дипломатические гарантии Генеральной прокуратуры Таджикистана сами по себе недостаточны, если достоверные источники сообщают о практике, противоречащей Конвенции; по делу Umirov v. Russia (№ 17455/11, 18.09.2012) письменные заверения заместителя Генерального прокурора Узбекистана также не исключили вывода о нарушении. Таким образом, гарантия, которую ч. 3 ст. 462 УПК РФ рассматривает как условие выдачи, а пункт 14 постановления Пленума – как одно из доказательств, в изученных делах не служила достаточным основанием решения о выдаче без самостоятельной оценки общей ситуации в запрашивающем государстве. Вопрос о практической надёжности дипломатических гарантий поставлен и в сравнительной литературе [Salerno, 2017]; противоположная позиция, согласно которой расширительное толкование статьи 3 блокирует выдачу даже из-за условий содержания [Harrison, 2026], к изученным делам применима ограниченно: в деле Gaforov вывод основан на сведениях о практике пыток в запрашивающем государстве, а не на условиях содержания.

Особую группу образуют случаи, когда заявитель был перемещён в государство запроса вне процедуры выдачи: похищен, исчез после освобождения или выдворен в административном порядке. Такие обстоятельства установлены в 14 из 91 постановления (15,4 %); в 10 из них суд признал нарушение статьи 34 Конвенции. Из 11 нарушений статьи 34 в корпусе 10 приходятся на эту группу, а одиннадцатое (S.S. and B.Z. v. Russia) связано с передачей лица в ходе исполнения решения о выдаче вопреки обеспечительной мере. По делу Savriddin Dzhurayev v. Russia (№ 71386/10, 25.04.2013) заявитель исчез в России и был перемещён в Таджикистан, несмотря на обеспечительную меру, запрещавшую его выдачу до рассмотрения жалобы. Для прокуратуры этот результат означает, что решение о выдаче и его судебная проверка теряют

защитную функцию, если иностранное требование исполняется административным выдворением или фактической передачей; надзор за законностью таких действий относится к экстрадиционной проверке, содержание которой в УПК РФ не определено [Черепанов, 2021].

Сравнение периодов показывает изменение структуры нарушений. В жалобах, поданных до 2012 г. включительно, нарушение статьи 5 § 1 установлено в 38 из 58 постановлений (65,5 %), в жалобах с 2013 г. – в 11 из 33 (33,3 %; p = 0,004). Нарушение статьи 3 в связи с риском в государстве запроса, напротив, установлено в 25 из 58 постановлений (43,1 %) раннего периода и в 32 из 33 (97,0 %) позднего (p < 0,001). Доля нарушений статьи 5 § 4 снизилась с 37 из 58 (63,8 %) до 14 из 33 (42,4 %), но различие не достигает уровня 0,05 (p = 0,078). Снижение числа нарушений по законности содержания под стражей совпадает по времени с разъяснениями Пленума о сроке содержания по решению прокурора и о продлении меры пресечения только судом; после этого предметом установленных нарушений почти во всех делах становится оценка риска в государстве запроса. Корпус фиксирует последовательность изменений, но не позволяет отнести её только к действию разъяснений Пленума, поскольку год подачи жалобы лишь приближённо отражает время внутренних решений.

Направление различий сохраняется при всех четырёх проверках. При пороге 30 упоминаний (61 постановление) нарушение статьи 3 установлено в 62,3 % постановлений, статьи 5 § 4 – в 68,9 %, доля государств Центральной Азии составляет 88,5 %; при исключении постановлений комитетов (38 постановлений) нарушение статьи 3 установлено в 63,2 %, при пороге 5 упоминаний (99 постановлений) – в 60,6 %. При границе периодов 2011/2012 доля нарушений статьи 3 растёт с 41,1 до 97,1 % (p < 0,001), доля нарушений статьи 5 § 1 снижается с 66,1 до 34,3 % (p = 0,005), а различие по статье 5 § 4 вновь не достигает уровня 0,05 (p = 0,053).

Дела, где Россия выступала запрашивающим государством, раскрывают иную проблему. В 12 постановлениях против девяти государств (Швейцарии, Азербайджана, Украины, Словакии, Армении, Чехии, Кипра, Турции и Венгрии) нарушение статьи 5 § 1 или § 4 запрашиваемым государством установлено в 8 (66,7 %), нарушение статьи 3 в связи с риском в России – в одном (Khachaturov v. Armenia, № 59687/17, 24.06.2021, с учётом состояния здоровья заявителя). Следовательно, в этой группе внешний контроль оценивал не столько обоснованность российских запросов, сколько длительность и законность содержания лиц под стражей в ожидании выдачи. По делу Komissarov v. the Czech Republic суд отметил, что несколько российских запросов о выдаче заявителя не были удовлетворены, в частности потому, что к ним не были приложены все необходимые документы; это совпадает с выводом о том, что центральный орган отвечает за качество запроса и прилагаемых документов [Абдуллозода, 2025]. Для Генеральной прокуратуры как запрашивающего органа длительность содержания лица за рубежом зависит от полноты пакета документов, своевременности ответов на дополнительные запросы и гарантий, а исход – также от применяемых запрашиваемым государством оснований отказа: исключения для политических преступлений [Arnell, Walker, 2024], защиты граждан Европейского союза и государств Европейской ассоциации свободной торговли от выдачи третьим государствам [Turkina, 2021] и договорной практики отдельных государств [Волеводз, 2021; Григорьев, Тарасов, 2026].

Нормативное следствие для запрашиваемой стороны касается прежде всего решения о выдаче. Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ прекратил в отношении России действие Конвенции о защите прав человека и основных свобод с 16 марта 2022 г., но Европейская конвенция о выдаче 1957 г. в перечне прекращённых договоров отсутствует. Поэтому проверка риска в государстве запроса теперь целиком переходит к прокуратуре и российскому суду: пункт 14 постановления Пленума № 11 сохраняет за органами прокуратуры бремя обоснования

отсутствия риска пыток и преследования, а статья 464 УПК РФ остаётся основным перечнем препятствий выдаче. Результаты корпуса показывают, что именно это звено чаще всего признавалось недостаточным, а гарантии прокуратуры запрашивающего государства не восполняли его. Поскольку выдача российских граждан исключена пунктом 1 части 1 статьи 464 УПК РФ, а концепция невыдачи собственных граждан имеет в России категорический характер [Миронов, 2025; Смолькова, 2023], в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства экстрадиционная проверка прокурора остаётся основной процессуальной формой оценки риска до принятия решения о выдаче.

Из выявленного соотношения следуют два предложения de lege ferenda. Часть 2 статьи 466 УПК РФ целесообразно дополнить указанием на срок заключения под стражу по решению прокурора (не более двух месяцев с момента задержания) и на продление меры пресечения только судом, перенеся в закон правило пункта 21 постановления Пленума № 11, с которым совпадает снижение доли нарушений статьи 5 § 1 в позднем периоде. Главу 54 УПК РФ целесообразно также дополнить нормой об экстрадиционной проверке прокурора [Черепанов, 2021], обязывающей фиксировать в материалах проверки источники сведений об общей ситуации в запрашивающем государстве, конкретные обстоятельства лица и оценку полученных гарантий, а также проверять обстоятельства, при которых в отношении лица, чья выдача запрошена, принимаются решения об административном выдворении.

Заключение

Установленные Европейским судом по правам человека нарушения по 91 делу о выдаче из России относятся преимущественно к сотрудничеству с государствами Центральной Азии и распределяются по трём звеньям работы прокуратуры. Чаще всего недостаточной признавалась оценка риска при решении о выдаче (62,6 % постановлений); законность содержания под стражей и его судебная проверка оспаривались успешно в 53,8 и 56,0 % постановлений. Письменные гарантии прокуратур запрашивающих государств в большинстве дел, где на них ссылались, не служили достаточным основанием выдачи, а нарушения права на индивидуальную жалобу почти всегда сопровождали исчезновение лица или его выдворение в обход процедуры выдачи.

Структура нарушений изменилась: по жалобам с 2013 г. нарушение в связи с оценкой риска в государстве запроса установлено почти во всех постановлениях, а нарушение правового основания содержания под стражей – вдвое реже, чем по ранним жалобам; это соотношение сохраняется при иных порогах отбора, составе корпуса и границе периодов. Когда выдачу запрашивала Россия, суд оценивал прежде всего длительность и законность ожидания выдачи в запрашиваемом государстве, поэтому для Генеральной прокуратуры исход сотрудничества зависит от полноты пакета документов и скорости ответа на дополнительные запросы. Отсюда следуют предложения закрепить срок заключения под стражу по решению прокурора в законе и урегулировать в главе 54 УПК РФ экстрадиционную проверку.

Библиография

1. Абдуллозода П.С. Центральные и компетентные органы по выдаче лиц в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного процесса постсоветских государств // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16. № 3. С. 749–766. DOI: 10.21638/spbu14.2025.310
2. Волеводз А.Г. Международное сотрудничество России и США в сфере выдачи лиц для уголовного преследования: проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 230–258. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.4.230.258

3. Григорьев В.Н., Тарасов М.Ю. Подводные камни выдачи из стран дальнего зарубежья // Международное уголовное право и международная юстиция. 2025. № 4. С. 2–5. DOI: 10.18572/2071-1190-2025-4-2-5
4. Григорьев В.Н., Тарасов М.Ю. Международное экстрадиционное сотрудничество России по делам коррупционной направленности // Международное уголовное право и международная юстиция. 2026. № 3. С. 17–21. DOI: 10.18572/2071-1190-2026-3-17-21
5. Григорьев В.Н., Тарасов М.Ю. Отказ ряда государств от сотрудничества с Россией в вопросах экстрадиции террористов: политическая конъюнктура или системная проблема? // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2026. № 2. С. 84–88. DOI: 10.29039/2312-7937-2026-2-84-88
6. Матвеев С.В., Колотова С.М. Институт экстрадиции в современном уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10. С. 126–135. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.126-135
7. Миронов А.Н. Становление и развитие концепции о невыдаче собственных граждан // Вопросы безопасности. 2025. № 3. С. 78–90. DOI: 10.25136/2409-7543.2025.3.75537
8. Миронов А.Н. Экстрадиция и права человека // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 3. С. 163–173. DOI: 10.25136/2409-7810.2025.3.75536
9. Смолькова И.В. Выдача или экстрадиция: вопросы терминологии // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 4. С. 435–442. DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(4).435-442
10. Смолькова И.В. Выдача лиц для уголовного преследования или исполнения приговора с учетом их гражданства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 3 (106). С. 208–219. DOI: 10.55001/2312-3184.2023.91.51.018
11. Черепанов М.М. К вопросу об экстрадиционных проверках, проводимых прокурорами территориальных и специализированных прокуратур низового звена системы прокуратуры Российской Федерации, и о некоторых недостатках листа экспресс-опроса лица, находящегося в международном розыске // Международное право. 2021. № 3. С. 51–63. DOI: 10.25136/2644-5514.2021.3.36132
12. Arnell P., Walker C. The resurrection of the political offence exception to extradition in UK law // New Journal of European Criminal Law. 2024. Vol. 15. No. 4. Pp. 412–431. DOI: 10.1177/20322844241290613
13. Harrison A. Universal rights, territorial duties: reassessing Article 3 ECHR in extradition law // Human Rights Law Review. 2026. Vol. 26. No. 3. DOI: 10.1093/hrlr/ngag012
14. Salerno M.E. Can diplomatic assurances, in their practical application, provide effective protection against the risk of torture and ill treatment? A focus on the evolution of the pragmatic approach of the European Court of Human Rights in removal cases of suspected terrorists // New Journal of European Criminal Law. 2017. Vol. 8. No. 4. Pp. 453–475. DOI: 10.1177/2032284417743399
15. Turkina A. Extradition of European Union Citizens anywhere except the Russian Federation: The Case of I.N. // Białostockie Studia Prawnicze. 2021. Vol. 26. No. 1. Pp. 131–140. DOI: 10.15290/bsp.2021.26.01.10

Problems of International Cooperation of Prosecution Authorities in the Extradition of Persons for Criminal Prosecution

Elizaveta V. Dokuchaeva

Postgraduate Student,
Kutafin Moscow State Law University,
123995, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: s0158683@msal.edu.ru

Abstract

The prosecution authorities of the Russian Federation are the central extradition authority: the Prosecutor General decides on the extradition of a foreign citizen and sends Russian requests; however, what violations of extradition standards have been recorded by external judicial control over this activity has not been quantitatively studied. The article establishes the composition and dynamics of such violations and their correlation with the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The material is a corpus of judgments of the European Court of Human

Rights from the open HUDOC database: out of 554 judgments downloaded according to the recorded rule, 91 cases of extradition from Russia (2005–2023) and 12 cases of extradition to Russia (2011–2026) were selected; the requesting state, violations of Art. 3, 5 § 1, 5 § 4 and 34 of the Convention, guarantees of the prosecution of the requesting state, and the movement of a person outside the extradition procedure were coded; periods were compared by Fisher's exact test, and the norms were analyzed by the formal-legal method. Central Asian states accounted for 87.9% of the judgments; a violation of Article 3 was established in 62.6%, of Article 5 § 1 in 53.8%, and of Article 5 § 4 in 56.0% of the judgments. Guarantees of the prosecution of the requesting state did not prevent a finding of a violation of Article 3 in 27 out of 41 cases. In complaints filed after 2012, the share of violations concerning the lawfulness of detention decreased from 65.5 to 33.3%, while that concerning risk assessment increased from 43.1 to 97.0%. In cases of extradition to Russia, violations of Article 5 by the requested states were established in 8 out of 12 judgments. The main link requiring normative strengthening is the prosecutor's extradition review and risk assessment in the requesting state; it is proposed to enshrine in Part 2 of Article 466 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the term of detention by decision of the prosecutor and to introduce into Chapter 54 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation a norm on extradition review.

For citation

Dokuchaeva E.V. (2026) Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva organov prokuratury pri vydache lits dlya privlecheniya k ugolovnoy otvetstvennosti [Problems of International Cooperation of Prosecution Authorities in the Extradition of Persons for Criminal Prosecution]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 167-175. DOI: 10.34670/AR.2026.11.14.048

Keywords

Extradition of persons, extradition, prosecution authorities, Prosecutor General's Office of the Russian Federation, European Court of Human Rights, guarantees of the requesting state, detention for the purpose of extradition, extradition review, risk management, research methodology, state policy.

References

1. Abdullozoda, P.S. (2025). Central and competent authorities for the extradition of persons in the framework of international cooperation in criminal proceedings of post-Soviet countries. Vestnik of Saint Petersburg University. Law, 16(3), 749–766. https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.310 [In Russian]
2. Arnell, P., & Walker, C. (2024). The resurrection of the political offence exception to extradition in UK law. New Journal of European Criminal Law, 15(4), 412–431. https://doi.org/10.1177/20322844241290613
3. Cherepanov, M.M. (2021). K voprosu ob ekstraditsionnykh proverkakh, provodimykh prokurorami territorial'nykh i spetsializirovannykh prokuratur nizovogo zvena sistemy prokuratury Rossiiskoi Federatsii, i o nekotorykh nedostatkakh lista ekspress-oprosa litsa, nakhodyashchegosya v mezhdunarodnomrozyske [On the question of extradition verification conducted by the prosecutors of territorial and specialized prosecutor's offices of the lower echelon of the prosecutorial system of the Russian Federation, and on certain flaws of the snap poll of a person on the international wanted list]. Mezhdunarodnoe pravo, (3), 51–63. https://doi.org/10.25136/2644-5514.2021.3.36132 [In Russian]
4. Grigoryev, V.N., & Tarasov, M.Y. (2025). Podvodnye kamni vydachi iz stran dal'nego zarubezh'ya [Pitfalls of extradition from far-abroad countries]. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya, (4), 2–5. https://doi.org/10.18572/2071-1190-2025-4-2-5 [In Russian]
5. Grigoryev, V.N., & Tarasov, M.Y. (2026). Mezhdunarodnoe ekstraditsionnoe sotrudnichestvo Rossii po delam korruptsionnoi napravlennosti [International extradition cooperation of Russia in corruption-related cases]. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya, (3), 17–21. https://doi.org/10.18572/2071-1190-2026-3-17-21 [In Russian]

6. Grigoryev, V.N., & Tarasov, M.Y. (2026). Otkaz ryada gosudarstv ot sotrudnichestva s Rossiei v voprosakh ekstraditsii terroristov: politicheskaya kon"yunktura ili sistemnaya problema? [The refusal of a number of states to cooperate with Russia on the extradition of terrorists: political conjuncture or a systemic problem?]. Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, (2), 84–88. https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-2-84-88 [In Russian]
7. Harrison, A. (2026). Universal rights, territorial duties: reassessing Article 3 ECHR in extradition law. Human Rights Law Review, 26(3). https://doi.org/10.1093/hrlr/ngag012
8. Matveev, S.V., & Kolotova, S.M. (2020). Institut ekstraditsii v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve Rossiiskoi Federatsii [Current problems of the institute of extradition in modern criminal proceedings of the Russian Federation]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), (10), 126–135. https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.74.10.126-135 [In Russian]
9. Mironov, A.N. (2025). Stanovlenie i razvitie kontseptsii o nevydache sobstvennykh grazhdan [The formation and development of the concept of non-extradition of one's own citizens]. Voprosy bezopasnosti, (3), 78–90. https://doi.org/10.25136/2409-7543.2025.3.75537 [In Russian]
10. Mironov, A.N. (2025). Ekstraditsiya i prava cheloveka [Extradition and human rights]. Politseiskaya i sledstvennaya deyatel'nost', (3), 163–173. https://doi.org/10.25136/2409-7810.2025.3.75536 [In Russian]
11. Salerno, M.E. (2017). Can diplomatic assurances, in their practical application, provide effective protection against the risk of torture and ill treatment? A focus on the evolution of the pragmatic approach of the European Court of Human Rights in removal cases of suspected terrorists. New Journal of European Criminal Law, 8(4), 453–475. https://doi.org/10.1177/2032284417743399
12. Smolkova, I.V. (2022). Vydacha ili ekstraditsiya: voprosy terminologii [Rendition or extradition: terminology issue]. Akademicheskii yuridicheskii zhurnal, 23(4), 435–442. https://doi.org/10.17150/1819-0928.2022.23(4).435-442 [In Russian]
13. Smolkova, I.V. (2023). Vydacha lits dlya ugolovnogo presledovaniya ili ispolneniya prigovora s uchetom ikh grazhdanstva [Extradition of persons for criminal prosecution or execution of a sentence, taking into account their nationality]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii, (3), 208–219. https://doi.org/10.55001/2312-3184.2023.91.51.018 [In Russian]
14. Turkina, A. (2021). Extradition of European Union Citizens anywhere except the Russian Federation: The Case of I.N. Białostockie Studia Prawnicze, 26(1), 131–140. https://doi.org/10.15290/bsp.2021.26.01.10
15. Volevodz, A.G. (2021). International cooperation between Russia and the United States in the extradition of persons for criminal prosecution: problems and prospects. Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki, (4), 230–258. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.4.230.258 [In Russian]

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.19 **DOI: 10.34670/AR.2026.46.50.013**

Классификация фондов по законодательству Российской Федерации

Степанова Евгения Игоревна

Аспирант,
Руководитель Московского филиала
Ростовской областной коллегии адвокатов «Советник»;
кафедра гражданского права и гражданского процесса,
Московский университет им. А.С. Грибоедова,
111024, Российская Федерация, Москва, шоссе Энтузиастов, 21;
e-mail: stepanova@roka-sovetnik.com

Аннотация

В статье проведён анализ видов фондов по законодательству Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что классификация видов данных правовых явлений обусловлена пониманием фонда как объекта права или как субъекта права. В связи с этим наиболее значимым критерием классификации выступает факт наличия или отсутствия правосубъектности у соответствующих структур. Фонды как субъекты права представлены как в качестве коммерческих, так и некоммерческих организаций. Для целей совершенствования законодательства особое внимание следует уделять классификации личных фондов в зависимости от функционально-целевого критерия. Фонды как объекты права представляют наибольший интерес при классификации такой разновидности, как паевой инвестиционный фонд. Автор приходит к выводу о необходимости их классификации по критерию риск-ориентированного подхода. В заключении автор указывает на необходимость совместного использования представленных классификаций и их объединения для разработки комплексного плана совершенствования законодательства.

Для цитирования в научных исследованиях

Степанова Е.И. Классификация фондов по законодательству Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 176-183. DOI: 10.34670/AR.2026.46.50.013

Ключевые слова

Фонды, объект права, субъект права, личный фонд, паевой инвестиционный фонд, акционерный фонд, критерии классификации, правосубъектность, риск-ориентированный подход, систематизация законодательства.

Введение

Термин «фонды» в отечественном правовом регулировании объединил в себе конструкции различные по своей правовой природе. Так, таковыми именуют организационно-правовые формы юридических лиц, в частности: общественно полезные фонды (общественные и благотворительные фонды), личные фонды (пп. 7 п. 3 ст. 50 ГК РФ), а также акционерные инвестиционные фонды по Федеральному закону от 29.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «Об инвестиционных фондах» (далее – Закон об инвестиционных фондах). В Законе об инвестиционных фондах указанное наименование применяется и к особым имущественным комплексам – паевым инвестиционным фондам. В связи с этим в рамках отечественного правового регулирования для повышения его эффективности разумно выстроить систему классификаций с учетом положений действующего законодательства.

Фонды как объекты и субъекты права

Отечественный законодатель (осознанно или вследствие некоторых неточностей юридической техники) применил к двум разным по своей правовой природе конструкциям один термин – фонд. Во-первых, таким наименованием наделены субъекты права – некоммерческие организации (общественно полезные фонды и личные фонды) и коммерческие организации (акционерный инвестиционный фонд). Как справедливо указывает В.И. Солдатова, законодатель в пп. 7 п. 3 ст. 50 ГК РФ прямо разграничил две именно различные организационно-правовые формы некоммерческих унитарных организаций: общественно полезный фонд и личный фонд. Автор исходя из анализа положений Федерального закона от 01.07.2021 № 287-ФЗ, которым были разграничены указанные фонды, считает, что целью таких изменений было не столько обособление общественно полезных фондов (введение каких-либо новых уникальных положений регулирования их деятельности), сколько внедрение в отечественное правовое регулирование личного фонда как самостоятельной организационно-правовой формы юридического лица, позволяющей управлять имуществом еще при жизни учредителя [Солдатова, 2021, с. 89]. Соответственно, наименование фонда в соответствующих видах организационно-правовых форм юридических лиц законодатель считает оправданным и развивает такого рода категории.

Во-вторых, фондами по российскому законодательству именуются и специальные имущественные комплексы, предусмотренные Законом об инвестиционных фондах, - паевые инвестиционные фонды. Особенность указанных конструкций заключается в том, что такие фонды не обладают правосубъектностью, т.е. не могут выступать в качестве участника гражданского оборота. В то же время паевые инвестиционные фонды имеют определенные признаки юридических лиц: черты организационного единства и имущественную обособленность. Однако, организационное единство не обозначено законодателем и само по себе не выделяет правосубъектность, а имущественной обособленности (соответствующего правового эффекта), как справедливо отметила Е.И. Червец, возможно достичь и без создания юридического лица [Червец, 2025, с. 43].

Соответственно, наименованием фонды в отечественном законодательстве обозначаются различные по своей природе правовые категории – субъекты права и объекты права. Критерий такой классификации заключается в наличии или отсутствии правосубъектности у

соответствующих фондов и фактически является наиболее значимым в рамках гражданского законодательства для целей его систематизации.

Виды фондов – некоммерческих организаций

Как уже было упомянутом, в пп. 7 п. 3 ст. 50 ГК РФ прямо разграничил две различные организационно-правовые формы некоммерческих унитарных организаций: общественно полезный фонд и личный фонд. Если анализировать положения ст. 123.17 ГК РФ и ст. 123.20-4 ГК РФ, то можно сделать вывод, что одним из ключевых различий указанный организационно-правовых форм заключается в цели их создания. Общественно полезный фонд создается для достижения благотворительных, культурных, образовательных или иных социальных, общественно полезных целей (п. 1 ст. 123.17 ГК РФ), а личный фонд преследует цель управления переданным ему имуществом (п. 1 ст. 123.20-4 ГК РФ). Некоторые исследователи не безосновательно указывают, что сама по себе цель является особенным фактором только для общественно полезных фондов, поскольку целевое назначение личных фондов не ограничено законодательно. Разделив данные виды фондов, законодатель обозначил лишь две разные организационно-правовые формы ввиду целого ряда их особенностей [Почепцова, 2022, с. 60]. Более детально анализируя законодательство об общественно полезных фондах и личных фондах, авторы выделяют их различия по следующим критериям:

– по статусу учредителей (в личном фонде невозможна смена учредителя);
– по установленные имущественным цензам создания (личному фонду необходимо передать имущество по стоимости не менее, чем 100 млн. рублей);
– по срокам несения субсидиарной ответственности (в личном фонде данный срок сокращен: личный фонд несет субсидиарную ответственности своим имуществом по обязательствам учредителя лишь в течение трех лет после его создания);
– по порядку создания (для личного фонда необходимы условия управления личным фондом, нотариальное удостоверение устава и правил управления и т.д.);
– по степени зависимости от учредителя (после смерти учредителя реорганизовать личный фонд нельзя) и ряд других существенных отличий [Камышанова, 2021, с. 50].

Ввиду обозначенных особенностей ранее приведенные суждения В.И. Солдатовой о цели внесения изменений в закон в 2021 году в пп. 7 п. 3 ст. 50 ГК РФ являются обоснованными. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть классификацию именно личных фондов.

По моменту создания и функционирования личные фонды в гражданском законодательстве разделены на «прижизненные» и наследственные. Такой классификации в настоящее время придерживаются и в научной литературе [Демкина, 2021, с. 69]. «Прижизненный» личный фонд как самостоятельная разновидность личного фонда сам по себе свидетельствует о многообразии целей создания личных фондов, поскольку подобная опция позволяет применять обозначенную организационно-правовую форму некоммерческой организации в качестве инструментов обособления имущества и его защиты, а также индивидуального (семейного) инвестирования. Наличие такой цели личного фонда подтверждается и в доктрине [Кантор, 2025, с. 92]. В то же время судебная практика по применению положений о личных фондах сегодня лишь формируется, а потому утверждать об отсутствии у личного фонда в принципе каких-либо ограничений в целях деятельности не стоит. Так, Девятый арбитражный апелляционный суд в деле № А40-84311/2024 при рассмотрении заявления должника об утверждении локального плана реструктуризации, основанного на гарантийном письме Личного фонда Полянский,

отметил, что из определения личного фонда, представленного в ст. 123.20-4 ГК РФ следует, что он не может производить по обязательствам третьих лиц, так как подобная деятельность противоречит целям и задачам деятельности личного фонда (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.12.2025 № 09АП-57116/2025 по делу № А40-84311/2024).

Поскольку указанная причина не является единственным основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований (личный фонд не представил сведений о наличии средств для реальной оплаты задолженности должника), а данную единичную практику нельзя считать сложившейся, то отрицать возможности личного фонда подобной своеобразной формы инвестирования (исполнения обязательств за третьи лица).

Действующее законодательство не препятствует использованию организационно-правовой формы «прижизненного» личного фонда для целей индивидуального (семейного) инвестирования.

Ввиду возникновения в судебной практике вопросов, связанных с целью деятельности личных фондов, следует отметить значимость их классификации по функционально-целевому критерию. Представляется, что по такому основанию разделения личных фондов можно выделить: кредиторско-защитные фонды; фонды для лиц с ограниченной дееспособностью; фонды сохранения капитала; фонды индивидуального (семейного) инвестирования и т.д. В частности, кредиторско-защитный личный фонд создается для того, чтобы передаваемое ему имущество обеспечивало обязательства перед кредиторами заявителя посредством передачи этого имущества в залог или поручительства.

Однако, стоит отметить, что перечень видов личных фондов по указанному критерию классификации является открытым, поскольку какие-либо жесткие законодательные ограничения функционального назначения рассматриваемой организационно-правовой формы в законе отсутствуют. И это не просто суждения, а действительная практика применения личных фондов. Нормы сформулированы так, что, хотя в законе и обозначена некая общая цель – управление специально обособленным имуществом, но из него не следует, что такая деятельность не может осуществляться для другой конечной цели. Такие суждения находят отражения в последних исследованиях рассматриваемого правового регулирования [Емелькина, 2025, с. 78]. Действительно, управление имуществом как самоцель не может ограничивать реализацию иных целей, а потому и личные фонды могут подразделяться в виды в зависимости содержания управления переданным им имуществом. Представляется, что данная ситуация заслуживает внимания законодателя, поскольку для целей правоприменения необходимо обозначить конкретные положения о целях деятельности фондов, а для особых целей – предусмотреть гарантии и необходимые (исключительные) ограничения.

Проблемными аспектами правового регулирования личных фондов сегодня являются также особенности их управления. Так, С.С. Комиссаров, исследуя подобный вопрос, подчеркнул, что ряд объективно необходимых возможностей учредителя наследственного фонда не предусмотрены в законодательстве (в частности, учредитель наследственного фонда должен иметь возможность исключить передачу имущества выгодоприобретателям) [Комиссаров, 2022, с. 131-132]. Для этих целей в законодательстве должна быть учтена классификация личных фондов по особенностям их управления. В одних фондах цели деятельности и условия управления фиксируются в уставе без возможности их изменения (императивные личный фонды), а в других личных фондах – учредитель или иное лицо в соответствии с уставом сохраняет широкие возможности по изменению условий управления (диспозитивный личный

фонд). Такой подход сделает личный фонд как организационно-правовую форму юридического лица более гибким и практикоориентированным инструментом.

Виды фондов – объектов права

Среди инвестиционных фондов, поименованных в Федеральном законе от 29.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 09.04.2026), наибольший интерес для классификации представляют паевые инвестиционные фонды, которые не являются самостоятельными юридическими лицами. В многочисленных исследованиях уже неоднократно рассматривалось обозначенное в законе (ст. 11) разделение паевых инвестиционных фондов на закрытые, открытые, интервальные и биржевые [Жданова, 2013, с. 2]. При этом, стоит отметить, что критерий такой классификации до сих пор остается неопределенным. Такое положение вещей является закономерным, поскольку указанное разделение паевых инвестиционных фондов образовано по смешанному критерию: наличие (отсутствие) права требования погашения инвестиционного пая у управляющей компании и условия реализации этого права, а также наличие права на распоряжение инвестиционным паем (характерно для биржевых фондов).

Для совершенствования действующего законодательства сегодня является актуальной классификация паевых инвестиционных фондов в зависимости от критерия риск-ориентированного подхода. Экономисты определяют риск-ориентированный подход в качестве метода, используемого в различных областях для оценки и устранения рисков, связанных с деятельностью или процессами, включая выявление, определение приоритетов и управление рисками [Кравченко, Троян, 2024, с. 135]. Те или иные паевые инвестиционные фонды в процессе своей деятельности подвержены тем или иным рискам, что создаёт запрос в их минимизации посредством правового регулирования. Доминирование определенного правового и экономического риска применительно к конструкции конкретного паевого инвестиционного фонда обусловлено гибкостью структуры его построения, что требует дифференцированных средств минимизации таких рисков в действующем законодательстве.

Рассмотрим некоторые группы паевых инвестиционных фондов в зависимости от риск-ориентированного подхода. Например, считается, что риски недобросовестного управления наиболее характерны для биржевых паевых инвестиционных фондов с объектом инвестирования – ценные бумаги [ЦБ и Мосбиржа делают ставку на коллективные инвестиции, www.rbc.ru]. В то же время недобросовестное управление как риск характерен практически для всех типов паевых инвестиционных фондов, а потому законодательные средства их минимизации должны быть базовыми. Такие средства могут заключаться в создании механизмов гарантий прозрачности сделок, в внедрении и детализации требований к одобрению пайщиками сделок с аффилированными лицами и т.д.

Не менее критичными являются риски нарушения баланса выгоды, когда управляющая компания может манипулировать заинтересованностью выхода из фонда пайщика путем варьирования стоимости пая. Такой риск характерен в большей степени для фондов недвижимости, для которых характерны долгие сроки существования, индивидуально-определенный (сложный в оценке) актив, необходимость постоянного текущего управления активом. Если процедура определения стоимости актива является сложной, то сложной является и процедура определения стоимости пая. В результате этого управляющая компания имеет возможности манипулировать данным критерием и снижать заинтересованность пайщиков в выходе из фонда.

Не менее значимыми являются риски кредитного и проблемного активов, которые в большей степени проявляются в фондах с соответствующими объектами инвестирования. Для минимизации рисков целесообразно предусмотреть в законе контролирующие механизмы и ограничения деятельность управляющей компании по приобретению активов.

Следовательно, классификация паевых инвестиционных фондов в зависимости от риск-ориентированного подхода является перспективной для последующей детальной разработки, поскольку позволяет законодательным образом минимизировать соответствующие проблемные организационные, экономические и правовые аспекты.

Заключение

Классификация фондов по законодательству Российской Федерации носит достаточно разветвленный характер, прежде всего, ввиду того, что термин «фонды» обозначает явления разной правовой природы. В связи с этим для повышения эффективности правового регулирования анализировать и выстраивать систему классификаций с учетом положений действующего законодательства необходимо. Именно совместное применение классификаций способно создать гибкую систему правового регулирования: общие нормы (нормы, регулирующие деятельность личных и закрытых паевых инвестиционных фондов) защитят интересы всех участников, а специальные - учтут особенности конкретных фондов.

Рассмотренный виды и основания их выделения позволяют предложить следующая двухуровневую классификацию фондов, которая позволит обеспечить повышение эффективности правового регулирования:

а) классификация личных фондов по функционально целевому назначению (сохранение семейного капитала, защита лиц с ограниченной дееспособностью и т.д.) позволит закрепить в законодательстве дифференцированные правила управления, распределения доходов и условий учреждения – с учетом конкретной цели фонда;

б) классификация паевых инвестиционных фондов по доминирующему экономическому и правовому риску (недобросовестное управление, изменение стратегии и т.д.) даст возможность установить специальные нормы для минимизации наиболее вероятных рисков в каждом (виде/типе фонда).

Такой подход к классификации фондов по российскому законодательству позволит достичь одну из основных задач обозначенного метода – систематизацию знаний и возможность их оптимального практического использования [Понкин, Редькина, 2017, с. 252].

Библиография

1. Демкина А.В. Личные фонды в рамках реформы наследственного права России // Гражданское право. 2021. № 12 (243). С. 63–74.
2. Емелькина И.А. Правовое оформление экономических отношений по профессиональному управлению имуществом // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18, № 1. С. 58–84.
3. Жданова О.А. К вопросу о классификации паевых инвестиционных фондов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 1. С. 1–6.
4. Камышанова А.Е. Трансформация фонда как организационно-правовой формы некоммерческой организации // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2021. № 2. С. 48–51.
5. Кантор Н.Е. Прижизненный личный фонд как юридическое alter ego своего учредителя // Lex Russica. 2025. Т. 78, № 7. С. 81–94.
6. Комиссаров С.С. Проблемные аспекты личного фонда как субъекта гражданского права // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 131–132.

7. Кравченко Л.А., Троян И.А. Риск-ориентированный подход в государственном регулировании экономики // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2024. № 2. С. 132–145.
8. Понкин И.В., Редькина А.И. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 249–259.
9. Почепцова М.М. Личный фонд — новая организационно-правовая форма юридического лица в России. Дискуссионные вопросы // Правовое регулирование экономической деятельности. 2022. № 4. С. 56–63.
10. Солдатова В.И. Новеллы гражданского законодательства о фондах // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 11. С. 89.
11. ЦБ и Мосбиржа делают ставку на коллективные инвестиции: 20 доходных ПИФов // РБК. URL: https://www.rbc.ru/quote/news/article/6710e4609a7947963374c525
12. Червец Е.И. Личные фонды на стыке права и экономики: механизмы управления частным капиталом: монография. Москва: Статут, 2025. 261 с.

Classification of Funds under the Legislation of the Russian Federation

Evgeniya I. Stepanova

Postgraduate Student,
Head of the Moscow Branch of the Rostov Regional Bar Association "Sovetnik";
Department of Civil Law and Civil Procedure,
Moscow University named after A.S. Griboyedov,
111024, 21, Entuziastov Highway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: stepanova@roka-sovetnik.com

Abstract

The article analyzes the types of funds under the legislation of the Russian Federation. The author concludes that the classification of the types of these legal phenomena is conditioned by the understanding of a fund as an object of law or as a subject of law. In this regard, the most significant classification criterion is the fact of the presence or absence of legal personality in the respective structures. Funds as subjects of law are represented as both commercial and non-commercial organizations. For the purposes of improving legislation, particular attention should be paid to the classification of personal funds depending on the functional-purpose criterion. Funds as objects of law are of greatest interest in the classification of such a variety as a mutual investment fund. The author concludes that their classification is necessary according to the criterion of a risk-oriented approach. In conclusion, the author points to the necessity of jointly using the presented classifications and combining them for the development of a comprehensive plan for improving legislation.

For citation

Stepanova E.I. (2026) Klassifikatsiya fondov po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii [Classification of Funds under the Legislation of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 176-183. DOI: 10.34670/AR.2026.46.50.013

Keywords

Funds, object of law, subject of law, personal fund, mutual investment fund, shareholder fund, classification criteria, legal personality, risk-oriented approach, systematization of legislation.

References

1. Chervets, E.I. (2025). *Lichnye fondy na styke prava i ekonomiki: mekhanizmy upravleniya chastnym kapitalom* [Personal Foundations at the Intersection of Law and Economics: Mechanisms for Managing Private Capital]: Monograph. Moscow: Statut.
2. Demkina, A.V. (2021). Lichnye fondy v ramkakh reformy nasledstvennogo prava Rossii [Personal Foundations within the Framework of the Reform of Inheritance Law in Russia]. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law], (12/243), 63–74.
3. Emelkina, I.A. (2025). Pravovoe oformlenie ekonomicheskikh otnosheniy po professionalnomu upravleniyu imushchestvom [Legal Regulation of Economic Relations in Professional Property Management]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 18(1), 58–84.
4. Kamyshanova, A.E. (2021). Transformatsiya fonda kak organizatsionno-pravovoy formy nekommercheskoy organizatsii [Transformation of a Fund as an Organizational and Legal Form of a Non-Profit Organization]. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki* [Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics], (2), 48–51.
5. Kantor, N.E. (2025). Prizhiznennyy lichnyy fond kak yuridicheskoe alter ego svoego uchreditelya [Lifetime Personal Fund as the Legal Alter Ego of Its Founder]. *Lex Russica*, 78(7), 81–94.
6. Komissarov, S.S. (2022). Problemnye aspekty lichnogo fonda kak subekta grazhdanskogo prava [Problematic Aspects of a Personal Fund as a Subject of Civil Law]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii* [Issues of Russian Justice], (21), 131–132.
7. Kravchenko, L.A., & Troyan, I.A. (2024). Risk-orientirovannyy podkhod v gosudarstvennom regulirovanii ekonomiki [Risk-Based Approach in State Regulation of the Economy]. *Nauchnyy vestnik: finansy, banki, investitsii* [Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments], (2), 132–145.
8. Pocheptsova, M.M. (2022). Lichnyy fond — novaya organizatsionno-pravovaya forma yuridicheskogo litsa v Rossii. Diskussionnye voprosy [The Personal Fund — A New Organizational and Legal Form of a Legal Entity in Russia. Discussion Issues]. *Pravovoe regulirovanie ekonomicheskoy deyatelnosti* [Legal Regulation of Economic Activity], (4), 56–63.
9. Ponkin, I.V., & Redkina, A.I. (2017). Klassifikatsiya kak metod nauchnogo issledovaniya, v chastnosti v yuridicheskoy nauke [Classification as a Method of Scientific Research, in Particular in Legal Science]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Perm University. Legal Sciences], (37), 249–259.
10. Soldatova, V.I. (2021). Novelly grazhdanskogo zakonodatelstva o fondakh [Novelties in Civil Legislation on Foundations]. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA)* [Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL)], (11), 89.
11. *TsB i Mosbirzha delayut stavku na kollektivnye investitsii: 20 dokhodnykh PIFov* [The Central Bank and the Moscow Exchange Are Betting on Collective Investments: 20 Profitable Mutual Funds]. RBC. https://www.rbc.ru/quote/news/article/6710e4609a7947963374c525
12. Zhdanova, O.A. (2013). K voprosu o klassifikatsii paevykh investitsionnykh fondov [On the Issue of Classifying Mutual Investment Funds]. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences], (1), 1–6.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.77 **DOI: 10.34670/AR.2026.83.22.014**

К вопросу о двойственной природе патентных споров

Матвеенко Андрей Сергеевич

Аспирант,
кафедра гражданского, арбитражного процесса
и правоохранительной деятельности,
Российская государственная
академия интеллектуальной собственности,
117279, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а;
e-mail: anmatveenko@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется понятие патентного спора в его узком, предопределённом включением патентного права в гражданское законодательство, значении. На основе анализа доктрины, гражданского законодательства обосновывается вывод о двойственной природе данного явления. Обосновывается, что патентные споры должны рассматриваться в рамках гражданского законодательства, что позволяет выделить две разновидности патентных споров: частноправовые и административные споры. Подчёркивается, что, хотя административные споры содержательно остаются в предмете гражданского права, поскольку направлены на определение судьбы субъективных гражданских (патентных) прав. Тем самым административный патентный спор рассматривается как публично-правовая составляющая патентного спора, лежащего в рамках гражданского законодательства. Иные категории споров, так или иначе связанные с защитой патентных прав, но возникающие из уголовно-правовых или административно-деликтных отношений, автор не относит к патентным спорам, поскольку они имеют иную правовую природу и не охватываются гражданским законодательством. Указанный подход позволяет определить цивилистическую категорию патентного спора и учесть административную природу, также лежащую в основе регулирования патентных правоотношений, что создаёт основу для дальнейшего изучения процессуальных особенностей защиты патентных прав.

Для цитирования в научных исследованиях

Матвеенко А.С. К вопросу о двойственной природе патентных споров // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 184-192. DOI: 10.34670/AR.2026.83.22.014

Ключевые слова

Патентное право, патентный спор, интеллектуальная собственность, защита патентных прав, процессуальная форма защиты, административный спор, частноправовой спор, патентные правоотношения.

Введение

Назначение патентного права, представляющего собой самостоятельный институт права интеллектуальной собственности, заключается в правовом регулировании общественных отношений, связанных с созданием, использованием и защитой определенных результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД) *в области технического творчества*. К таким РИД Л.А. Новоселова относит *изобретения, полезные модели, промышленные образцы* и, с определенными оговорками, *селекционные достижения* [Новоселова, 2024, с. 135]. Возникновение исключительного права на все перечисленные РИД обусловлено их регистрацией в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности - Роспатенте - в соответствии с установленным гражданским законодательством и подзаконными нормативными правовыми актами порядком, и выдачей особого охранного документа – патента. При этом регистрация происходит при условии соответствия РИД предъявляемым гражданским законодательством условиям, а патент удостоверяет приоритет зарегистрированного РИД, авторство и исключительное право.

Тем не менее, понятие «РИД в области технического творчества» охватывает сразу несколько институтов права интеллектуальной собственности, в связи с чем требуется уточнение: под патентным правом *в объективном смысле* в рамках настоящего исследования автором понимается совокупность правовых норм, закрепленных в главе 72 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), регулирующих общественные отношения (имущественные и неимущественные), объектом которых являются *изобретения, промышленные образцы и полезные модели*. Селекционные достижения, также удостоверяемые патентом (ст. 1414 ГК РФ), следует связывать с *нетрадиционными объектами права интеллектуальной собственности*. Несмотря на то, что возникновение исключительного права на селекционное достижение так же связано с процессом государственной регистрации и выдачей патента, к объектам патентных прав селекционное достижение не относится (что также подтверждается закрепленным в ст. 1349 ГК РФ перечнем объектов патентных прав), в связи с чем в рамках настоящего исследования селекционные достижения не анализируются.

Особый интерес к изучению проблематики патентных споров вызван, в первую очередь, увеличением количества рассматриваемых судами дел о принудительном лицензировании [Патентные споры в России: статистика АМФП, 2026], а также в связи с вступлением в силу Федерального закона от 04.08.2026 N 296-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», закрепляющего патентно-правовую охрану IT-решений, что обуславливает возможность увеличения споров между IT-компаниями относительно технических разработок в самое ближайшее время. Систематизация знаний о патентных спорах содействует эффективному разрешению столь сложной категории дел и способствует пониманию природы охранительных правоотношений, складывающихся в области защиты патентных прав.

Основная часть

Перед тем как предметно обратиться к патентным спорам, следует сперва отметить отдельные материально-правовые аспекты патентного права. Гражданское законодательство признает разновидность гражданских прав, обеспечивающих защиту интересов изобретателей и определяющих границы использования их творений – интеллектуальные права (ст. 1226 ГК

РФ). В соответствии с п. 1 ст. 1345 ГК РФ в патентном праве интеллектуальные права возникают на *изобретения, полезные модели и промышленные образцы*, и для единообразия применительно к указанным объектам интеллектуальные права поименованы законодателем *патентными правами* (таковыми их и следует считать также в субъективном значении). Таким образом, изобретателю изначально принадлежат интеллектуальные права (патентные права) на объекты патентного права в полном объеме. Исключение составляют служебные объекты патентных прав, исключительное право и право на получение патента на которые, если иное не предусмотрено трудовым или гражданско-правовым договором, принадлежат работодателю в соответствии со ст. 1370 ГК РФ.

К патентным правам в соответствии с пп. 2, 3 ст. 1345 ГК РФ относятся: *исключительное право, право авторства*, а также в иных предусмотренных случаях *другие права* (например, право на получение патента, на вознаграждение за служебный объект патентных прав).

Материально-правовое регулирование патентных прав можно охарактеризовать следующим образом:

– *Патентное право* – институт права интеллектуальной собственности, регламентирующий имущественные и личные неимущественные отношения, возникающие при создании и использовании изобретений, полезных моделей и промышленных образцов.

Патентному праву посвящена отдельная 72 глава ГК РФ, в связи с чем селекционное достижение, также удостоверяемое патентом, не представляется верным рассматривать в рамках одного правового института и в динамике патентных споров.

– *Патентные права* – интеллектуальные права (ст. 1226 ГК РФ) на *изобретения, полезные модели и промышленные образцы*. Они представлены исключительным правом, правом авторства, другими правами (ст. 1345 ГК РФ) и возникают изначально у автора (изобретателя), кроме случаев, связанных с созданием служебных объектов патентных прав. Автор вправе распоряжаться указанными правами и передавать их третьим лицам, за исключением права авторства, отчуждение, передача и отказ от которого ничтожны (ст. 1356 ГК РФ).

– *Объекты патентных прав* – РИД в научно-технической сфере, отвечающие установленным требованиям к *изобретениям, полезным моделям и промышленным образцам* (ст.ст. 1349, 1350, 1351, 1352 ГК РФ).

Столь детальной материально-правовой регламентации патентных прав, однако, не корреспондирует процессуально-правовое регулирование их защиты. О наличии указанной проблемы свидетельствуют и ранние исследования ученых, посвященные вопросам на стыке материального и процессуального права [Синицын, Дьяконова, Багрянская, 2021].

Так, в отличие, например, от корпоративных споров, в российском процессуальном законодательстве отсутствуют отдельные главы, посвященные рассмотрению патентных споров. Аналогичным образом отсутствует единство мнений относительно определения «патентного спора» или даже «спора в сфере патентного права» и в юридической доктрине. Существенным образом данный вопрос осложнен спецификой регулирования патентных правоотношений гражданским законодательством, которое предусматривает наличие одновременно *частноправового* (например, при заключении распорядительных договоров на уже удостоверенные патентом объекты) и *административного* элементов (например, при взаимодействии заявителя и Федеральной службы по интеллектуальной собственности, оспаривания её решений в установленной административными регламентами процедуре). С. А. Синицын, М.О. Дьяконова и П.Д. Багрянская корректно отмечают неоднозначное закрепление

в ГК РФ не присущего гражданскому праву *категорирования патентных споров* и заявляют о возможности институализации самостоятельной категории процессуального права [Синицын, Дьяконова, Багрянская, 2021]. Нельзя не признать точность указанных рассуждений, ведь, с учётом сложности и неоднородности дел о защите патентных прав, образования в 2013 г. Суда по интеллектуальным правам (СИП), рассматривающего, тем не менее, не все категории дел по защите патентных прав в качестве суда первой инстанции, необходимости соблюдения досудебной защиты прав в административном порядке для некоторых категорий дел о защите патентных прав, особенностей применения обеспечительных мер по отдельным категориям дел, патентные споры представляют собой комплексный институт юридической науки.

Следует отметить, что вопросы изучения и понимания патентных споров в юридической литературе и научных исследованиях носят весьма скромный, ограниченный и не актуальный характер. Среди ученых-цивилистов и, в частности, специалистов по интеллектуальной собственности, отсутствуют детальным образом проработанные классификации и определения понятия «патентный спор», связи с чем, для формирования этих знаний, следует обратиться к анализу доктрины для понимания правового спора в целом. Анализируя накопленные труды, предметом которых стало изучение правовых споров, необходимо отметить, что в доктрине отсутствует единый подход к определению понятия «правовой спор» [Шаханов, Свинин, 2017]. Различное понимание обусловлено, в первую очередь, методологией исследования в различных отраслях права, в которых имело место изучение правового спора.

Цивилистический подход с его строго диспозитивным методом и акцентом на автономию воли рассматривает спор о праве как разногласие субъектов материального правоотношения по поводу их субъективных прав, где ключевым признаком выступает равноправие спорящих субъектов (а поэтому такой подход не подразумевает возможность существования административных споров, то есть споров, возникающих из публично-правовых отношений). Указанный подход не отражает в полной мере природу патентного спора в силу существования в патентном праве административных правоотношений, возникающих в связи с взаимодействием заявителя, патентообладателя и иных лиц на этапах возникновения, продления и прекращения исключительного права на объект патентных прав.

Для *процессуального подхода* характерно рассмотрение спора через призму механизма защиты, то есть спор согласно такому подходу – разногласие, разрешаемое исключительно юрисдикционными органами (такой подход, однако, не позволяет говорить о наличии спора до обращения в юрисдикционный орган). Указанный подход так же не отражает природу патентного спора, для которого присущ, хоть и не столь эффективный, механизм самозащиты (то есть разрешения спора в рамках *неюрисдикционной формы*).

Поскольку большинство научных трудов, посвященных изучению «правового спора», написаны отраслевыми учеными, наиболее комплексно и подробно, на наш взгляд, проанализировать данную категорию возможно посредством обращения к трудам ученых, посвященным общей теории права, где превалирует правовая аксиология, не выделяющая исключительно частный, публичный или процессуальный аспекты, а синтезирующая их в общую, единую категорию.

Указанное суждение позволяет выделить ряд исследований, посвященных теоретическим вопросам о правовых спорах. Так, под правовым спором И.В. Куницыной понимается «*правоотношение, возникшее в результате предъявления лицом, полагающим, что его интересы находятся в противоречии с интересами другого лица, требования к указанному лицу и / или к третьей незаинтересованной стороне, находящееся в процессе разрешения*»

[Куницына, 2014].

Э. Х. Губайдуллина под правовым спором (спором в праве) понимает «*охранительное правоотношение, находящееся на стадии процессуального разрешения, вызванное столкновением самостоятельных правовых интересов сторон, в рамках которого реализуется правомочие субъекта на санкционированную законом защиту (восстановление) права, выражающееся в форме предъявления требования*» [Губайдуллина, 2018]. Через призму защищаемого интереса (частного или публичного) также становится возможным классифицировать и выделять виды правовых споров (уголовные, административные, гражданские и другие) [Губайдуллина, 2018, с. 75].

Такое общетеоретическое понимание спора, представляющего собой *комплексную категорию, состоящую из материально-правового и процессуального элементов*, позволяет подробным образом раскрыть специфику патентных споров. От общетеоретических исследований следует вернуться к имеющимся в науке трудам цивилистов, посвященным, в первую очередь, защите патентных прав.

В своей работе, посвященной вопросам правовых проблем разрешения споров, связанных с квалификацией объектов промышленной собственности, А.М. Корзников классифицирует патентные споры на две большие группы: 1) споры, связанные с признанием объекта изобретением (*споры о квалификации*), 2) споры в отношении прав, предоставляемых действительным патентом (*споры о нарушении*). В основу такого деления автор относит наличие *действительного патента* [Корзников, 1996]. Однако, такая классификация, имеющая, тем не менее, важное теоретическое значение, является неактуальной в силу того, что с момента её составления прошло уже тридцать лет, патентное право претерпело существенные изменения и было кодифицировано в гражданском законодательстве, кроме того, указанная классификация не учитывает иные объекты патентного права и, что самое главное, не даёт разъяснений относительно существенных отличий природы данных споров и их соотношения с возможными юрисдикционными формами защиты патентных прав в целом. Кроме того, трудно согласиться и с предметным отнесением А.М. Корзниковым споров внутри данных классификаций. Например, споры о преждепользовании (послепользовании) отнесены автором к категории *споров о нарушении*. Следует отметить, что право преждепользования, возникающее при наличии указанных в законодательстве оснований, может быть, тем не менее, отдельно установлено на основании обращения лицом, использующим объект патентных прав, в суд в порядке искового производства. Предметом такого требования будет признание (*установление*) права преждепользования. В указанном случае речи о нарушении нет (и быть не может), поскольку правом преждепользования наделено лицо, использовавшее объект патентных прав до получения на него патентной монополии патентообладателем. В случае, если суд не установит право преждепользования такого лица, то речь может идти о нарушении исключительного права на объект патентных прав, и истцом уже будет выступать непосредственно сам патентообладатель.

Косвенно природу патентных споров затрагивает также М.А. Рожкова в своей научной работе, посвященной защите интеллектуальных прав в сфере промышленной собственности. Так, ученый дискутирует о соотношении понятий «спор» и «дело» и приходит к выводу о том, что понятие «спор» должно применяться только к *частноправовым отношениям*, а в ситуациях, когда речь идёт об административных, финансовых, налоговых и иных публичных отношениях, нет оснований говорить о наличии и возникновения спора, поскольку речь в данном случае идет лишь о *делах, возникающих из публичных правоотношений* [Рожкова, 2016]. На указанном

вопросе предлагается остановиться и уделить исследованию М.А. Рожковой более подробный комментарий. Автор в своей работе также критикует свободное обращение законодателя при определении специальной подведомственности Суда по интеллектуальным правам (СИП), закрепленной в ст. 33 АПК РФ в ранней редакции АПК РФ. Так, согласно *п. 4.2) ч. 1. ст. 33 АПК РФ*, законодателем к специальной подведомственности были отнесены частно-правовые споры (споры с ОКУП в сфере авторских и смежных прав), а также «*споры, отнесенные к подсудности СИП в соответствии с ч. 4 ст. 34 Кодекса*». Следует прояснить указанное положение и отчасти с ним согласиться: ранее закрепленная в ч. 4.2) ст. 33 АПК РФ специальная подведомственность арбитражных судов не разграничивала «*споры, отнесенные к подсудности СИП*» на дела об оспаривании нормативных правовых актов, затрагивающих права и законные интересы заявителя в области правовой охраны патентных прав (что представляет собой *абстрактный нормоконтроль*) и административно-правовые споры о предоставлении или прекращении правовой охраны объектов патентных прав. Действующий п. 6) ч. 6 ст. 27 АПК РФ аналогичным образом не разграничивает компетенцию СИП по абстрактному нормоконтролю (*оспаривание нормативных правовых актов* и *актов, содержащих разъяснения и обладающих нормативными свойствами*) и по разрешению административно-правовых споров, именуя все дела, рассматриваемые СИП в качестве первой инстанции независимо от их субъектного состава, «спорами». Безусловно, абстрактный нормоконтроль спором в указанном случае не является. В остальном же с М. А. Рожковой трудно согласиться, поскольку её подход сводится к строго *цивилистическому пониманию* правового спора в качестве *спора о праве гражданском*. Стоит отметить, что, как ранее не раз освещалось в науке [Залесов, 2023; Право интеллектуальной собственности, 2019], патентное право в объективном смысле сочетает в себе межотраслевой характер. Без выявления динамики патентных правоотношений можно прийти к ошибочному истолкованию природы патентных споров и оставить за рамками изучения их сущностные отличия, в связи с чем такая абсолютизация юридического феномена не может считаться верной. Понимание патентного спора исключительно через призму отождествления его со спором о праве гражданском (*споре между равноправными субъектами*) по факту нарушения или оспаривания субъективных прав одной стороны другой стороной не отражает специфику патентного права в целом. Последнее предусматривает возможность наличия как *частноправовых споров*, так и *публично-правовых (административных) споров*.

О возможности существования административной юрисдикции при защите гражданских прав (*коими являются патентные права*) свидетельствует и п. 2 ст. 11 ГК РФ. Дальнейшее развитие этого положения отражено в ст. 1248 ГК РФ, где выделяются отдельные категории дел, разрешаемые во внесудебном (административном) порядке (*с возможностью, однако, дальнейшего судебного обжалования вынесенных по итогам рассмотрения таких споров решений*), а также в п. 2 ст. 1406 ГК РФ.

Заключение

В силу вышеуказанных доводов, патентный спор предлагается рассматривать в качестве *охранительного правоотношения, находящегося на стадии процессуального разрешения, вызванного реализацией управомоченного субъекта на санкционированную гражданским законодательством защиту соответствующего законного интереса, выражающегося в форме предъявления требования или возражения, направленного на установление, изменение, прекращение или обременение патентных прав*. Такое понимание патентного спора, имеет, в

первую очередь, целью выработку системного подхода к корректному определению подведомственности и подсудности, повышения качества отправления правосудия по делам, связанным с защитой патентных прав.

Так, под патентным спором следует понимать не только споры о действительности патентов или споры о защите патентных прав. Указанная категория шире и включает совершенно разный состав субъектов, которые могут выступать в качестве лиц, уполномоченных согласно гражданскому законодательству обращаться за защитой как публичных, так и частных интересов.

Стоит привести несколько примеров для подтверждения данного тезиса. Споры о принудительном лицензировании объекта патентных прав законодателем отнесены к *частно-правовым* спорам, поскольку их разрешение между патентообладателем и любым заинтересованным лицом, желающим получить право использования, происходит в порядке искового производства. Вместе с тем, данной конструкцией законодатель решает вопрос и с злоупотреблениями патентообладателем своей монополией, и недостаточным использованием объекта, таким образом предоставляя заинтересованному лицо, обратившемуся к патентообладателю, возможность реализовать одновременно и публичный, и частный интерес. Итогом такого спора, при положительном исходе для истца, будет обременение патентной монополии (патентного права) патентообладателя.

Другим примером является административно-правовой спор об оспаривании действительности патента по основаниям, предусмотренным пп. 1 – 4 п. 1 ст. 1398 ГК РФ, разрешаемый во внесудебном (административном) порядке в соответствии с п. 2 ст. 1406, абз. 1 п. 2 ст. 1398 ГК РФ. Сам по себе данный спор не связан с защитой субъективного патентного права патентообладателя, поскольку возражение против предоставления правовой охраны может быть подано любым лицом и такой процедурой законодатель предусмотрел возможность дополнительной проверки соответствия технического решения всем условиям патентоспособности. Разрешение данного спора отнесено к компетенции Роспатента и по своей природе он является административно-правовым.

Патентный спор, таким образом, имеет двойственную природу, поскольку может выступать и *частноправовым*, и *административным спором*, в зависимости от юрисдикционного органа в соответствии с его *компетенцией*. Спор, разрешаемый в *неюрисдикционной форме*, безусловно будет выступать частно-правовым спором, поскольку, в большинстве случаев, представляет собой договорный спор или спор о нарушении, которые могут быть разрешены до того, как патентообладатель решит прибегнуть к судебной форме защиты прав. Если спор возникает из гражданских правоотношений между равными субъектами по поводу принадлежности, использования, распоряжения патентными правами, то речь идёт о *частноправовом споре*. Если же спор возникает из правоотношений, связанных с оспариванием законности административного акта (например, при отказе в выдаче патента на объект, или, наоборот, путем оспаривания действительности патента), он представляет собой *административный спор*, хоть и содержательно он неразрывно связан с возникновением, изменением или прекращением гражданских прав.

Указанное понимание патентного спора позволяет разграничить его границы и не смешивать его со спорами в других отраслях, которые, так или иначе, могут быть косвенно связаны с защитой патентных прав, в основу которых, однако, будет положена защита *публичных интересов и предупреждение новых правонарушений*: уголовными спорами, связанными с нарушением изобретательских и патентных прав (ст. 147 «Уголовного кодекса

Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ), административно-деликтными спорами, связанными с нарушением изобретательских или патентных прав (ст. 7.12 «Кодекса об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ), антимонопольными спорами о недобросовестной конкуренции, связанной с использованием РИД (ст. 14.5 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции»).

Библиография

1. Губайдуллина Э.Х. Спор в праве: теоретико-правовой аспект: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. Самара, 2018. 259 с.
2. Залесов А.В. Соотношение публично-правовых и частноправовых способов регулирования отношений по поводу охраняемого изобретения // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2023. № 5. С. 14–21.
3. Корзников А.М. Правовые проблемы разрешения споров, связанных с квалификацией объектов промышленной собственности: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 1996. 170 с.
4. Куницына И.В. Спор в праве и процессуальные способы его разрешения: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. Самара, 2014. 187 с.
5. Новоселова Л.А. Оспаривание патента: публичный или частный интерес? // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19, № 4. С. 132–159.
6. Патентные споры в России: статистика АМФП. URL: https://aipm.org/tpost/tg8chalx91-patentnie-spori-v-rossii-statistika-amfp.
7. Право интеллектуальной собственности. Т. 4. Патентное право: учебник / О.Л. Алексеева, А.С. Ворожович, Е.С. Гринь [и др.]; под ред. Л.А. Новоселовой. Москва: Статут, 2019. 659 с.
8. Рожкова М.А. Защита интеллектуальных прав: законодательные ошибки при определении статуса и компетенции специализированных органов, разрешающих дела в сфере промышленной собственности: учебное пособие. М.: Статут, 2016. 144 с.
9. Синицын С.А., Дьяконова М.О., Багрянская П.Д. Патентные споры: сочетание подходов материального и процессуального права // ИС. Промышленная собственность. 2021. № 5. С. 52–61.
10. Шаханов В.В., Свинин Е.В. Правовой спор: сущностный анализ // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 4 (45). С. 172–175.

On the Dual Nature of Patent Disputes

Andrei S. Matveenko

Postgraduate Student,
Department of Civil and Arbitration Procedure and Law Enforcement Activity,
Russian State Academy of Intellectual Property,
117279, 55a, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: anmatveenko@mail.ru

Abstract

The article examines the concept of a patent dispute in its narrow meaning, predetermined by the inclusion of patent law in civil legislation. Based on the analysis of doctrine and civil legislation, the conclusion about the dual nature of this phenomenon is substantiated. It is substantiated that patent disputes should be considered within the framework of civil legislation, which allows distinguishing two types of patent disputes: private-law and administrative disputes. It is emphasized that although administrative disputes remain substantively within the subject matter of civil law, since they are aimed at determining the fate of subjective civil (patent) rights. Thereby, an administrative patent dispute is considered as a public-law component of a patent dispute lying

within the framework of civil legislation. The author does not classify other categories of disputes, one way or another related to the protection of patent rights but arising from criminal-law or administrative-offense relations, as patent disputes, since they have a different legal nature and are not covered by civil legislation. This approach allows defining the civil-law category of a patent dispute and taking into account the administrative nature, which also underlies the regulation of patent legal relations, creating a basis for further study of the procedural features of the protection of patent rights.

For citation

Matveenko A.S. (2026) K voprosu o dvoystvennoy prirode patentnykh sporov [On the Dual Nature of Patent Disputes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 184-192. DOI: 10.34670/AR.2026.83.22.014

Keywords

Patent law, patent dispute, intellectual property, protection of patent rights, procedural form of protection, administrative dispute, private-law dispute, patent legal relations.

References

1. Gubaidullina, E.Kh. (2018). *Spor v prave: teoretiko-pravovoy aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01* [Dispute in law: theoretical and legal aspect: PhD thesis in Law: 12.00.01]. Samara.
2. Korznikov, A.M. (1996). *Pravovye problemy razresheniya sporov, svyazannykh s kvalifikatsiey obektov promyshlennoy sobstvennosti: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03* [Legal problems of dispute resolution related to the qualification of objects of industrial property: PhD thesis in Law: 12.00.03]. Moscow.
3. Kunitsyna, I.V. (2014). *Spor v prave i protsessualnye sposoby ego razresheniya: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01* [Dispute in law and procedural ways of its resolution: PhD thesis in Law: 12.00.01]. Samara.
4. Novoselova, L.A. (2024). Osparivanie patenta: publichnyy ili chastnyy interes? [Patent challenge: public or private interest?]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, 19(4), 132–159.
5. Patentnye spory v Rossii: statistika AMFP [Patent disputes in Russia: AMPP statistics]. (2026) https://aipm.org/tpost/tg8chalx91-patentnie-spori-v-rossii-statistika-amfp
6. *Pravo intellektualnoy sobstvennosti. T. 4. Patentnoe pravo: uchebnik* [Intellectual property law. Vol. 4. Patent law: textbook] (O.L. Alekseeva, A.S. Vorozhevich, E.S. Grin, et al.; L.A. Novoselova, Ed.). (2019). Statut.
7. Rozhkova, M.A. (2016). *Zashchita intellektualnykh prav: zakonodatelnye oshibki pri opredelenii statusa i kompetentsii spetsializirovannykh organov, razreshayushchikh dela v sfere promyshlennoy sobstvennosti: uchebnoe posobie* [Protection of intellectual property rights: legislative errors in determining the status and competence of specialized bodies resolving cases in the field of industrial property: a textbook]. Statut.
8. Shakhanov, V.V., & Svinin, E.V. (2017). Pravovoy spor: sushchnostnyy analiz [Legal dispute: an essential analysis]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, (4 (45)), 172–175.
9. Sinitsyn, S.A., Dyakonova, M.O., & Bagryanskaya, P.D. (2021). Patentnye spory: sochetanie podkhodov materialnogo i protsessualnogo prava [Patent disputes: a combination of approaches of substantive and procedural law]. *IS. Promyshlennaya sobstvennost*, (5), 52–61.
10. Zalesov, A.V. (2023). Sootnoshenie publichno-pravovykh i chastnopravovykh sposobov regulirovaniya otnosheniy po povodu okhranyaemogo izobreteniya [The ratio of public law and private law methods of regulating relations regarding a protected invention]. *Patenty i litsenzii. Intellektualnye prava*, (5), 14–21.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 349.2 **DOI: 10.34670/AR.2026.45.13.015**

Основания заключения срочных трудовых договоров в отдельных странах БРИКС

Басова Полина Сергеевна

Аспирант,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: basova_polina@bk.ru

Аннотация

В статье исследуются особенности правового регулирования срочных трудовых договоров в России и зарубежных странах. Проводится сравнительный анализ оснований их заключения, ограничений срока и механизмов защиты работников на примере России, Бразилии, Индии, Китая и Южной Африки.

Для цитирования в научных исследованиях

Басова П.С. Основания заключения срочных трудовых договоров в отдельных странах БРИКС // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 193-201. DOI: 10.34670/AR.2026.45.13.015

Ключевые слова

Срочный трудовой договор, трудовые отношения, временная занятость, трудовое законодательство стран БРИКС, бессрочный трудовой договор, виды срочных трудовых договоров.

Введение

В индийском городе Хайдарабаде 15-16 июля 2026 года под председательством союзного министра труда и занятости Индии Мансуха Мандавии проходила Двенадцатая встреча министров труда и занятости стран БРИКС (LEMM) [India to Host 12th Labour & Employment Ministers Meeting in Hyderabad, 2026]. Указанное мероприятие стало основным этапом в рамках индийского председательства в БРИКС, проходящего под девизом «Обеспечение устойчивости, инноваций, сотрудничества и стабильности (БРИКС)». Основной задачей встречи является не только обсуждение текущих проблем, но и выработка конкретных и воспроизводимых инструментов политики, которые помогут рынкам труда оставаться инклюзивными и адаптивными к меняющимся технологическим реалиям. Отечественный философ Н.А. Бердяев подчеркивал двойственную природу влияния техники на человека. Он писал: «Техника не только свидетельствует о силе и победе человека, не только освобождает его, но она также ослабляет и порабощает человека, она механизирует человеческую жизнь и накладывает на человека образ и подобие машины» [Бердяев, 1993]. Все указанные философом риски актуальны и для сферы человеческого труда и трудового права, в частности, в особенности для тех форм занятости, где работники наиболее уязвимы. И, на наш взгляд, в обсуждениях министров труда и занятости стран БРИКС и в итоговых декларациях последовательно прослеживается ориентация на защиту уязвимых категорий работников и работников неформальных, нестандартных и новых форм занятости. Срочный трудовой договор традиционно рассматривается как исключение из общего правила о бессрочности трудовых отношений, как разновидность нетипичной, или нестандартной занятости. Перечень оснований для его заключения, степень их формализации существенно различаются в законодательстве рассматриваемых государств. Целью настоящей статьи является сравнительно-правовой анализ оснований заключения срочных трудовых договоров в странах БРИКС, выявление общих закономерностей и национальных особенностей их регулирования.

Основная часть

Международная организация труда (МОТ) рассматривает срочные трудовые договоры как форму временной зависимой занятости, которая обычно предоставляет работникам более низкий уровень защиты по сравнению с бессрочными договорами, поскольку работодателю зачастую не требуется обосновывать прекращение таких отношений по истечении срока [Aleksynska, Muller, 2015]. Основные принципы правового регулирования таких договоров изложены в Конвенции МОТ № 158 о прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя (Женева, 22 июня 1982 г.) и сопутствующей ей Рекомендации № 166, которые подчеркивают необходимость создания адекватных гарантий против использования срочных договоров с целью уклонения от защиты, предусмотренной международными нормами [Конвенции и рекомендации МОТ, 1991].

Согласно Рекомендации № 166, использование срочных трудовых договоров должно быть ограничено случаями, когда трудовые отношения не могут быть бессрочными в силу характера предстоящей работы, условий ее выполнения или интересов самого работника [Конвенции и рекомендации МОТ, 1991]. В качестве защитных мер государствам предлагается устанавливать исчерпывающий перечень оснований для заключения таких договоров, ограничивать количество их последовательных продлений или устанавливать максимальную общую

продолжительность временной занятости. Если срочный договор заключается без достаточных на то оснований или продлевается многократно, международные стандарты рекомендуют рассматривать такие соглашения как трудовой договор на неопределенный срок.

С точки зрения работодателя, МОТ признает, что срочные договоры обеспечивают необходимую гибкость для реагирования на изменение спроса, замены временно отсутствующих работников или оценки квалификации новых работников перед предложением им постоянного места [Aleksynska, Muller, 2015]. Для работников такие договоры могут служить способом входа на рынок труда, получения профессионального опыта или совмещения работы с обучением. Тем не менее, сравнительный анализ законодательства показывает, что более чем в половине стран мира закон запрещает использование срочных договоров для выполнения задач, носящих постоянный характер [Fixed-term contracts (FTCs), 2026]. Регулирование в этой сфере направлено на достижение баланса между потребностями работодателя в гибкости и необходимостью снижения уязвимости работников, обеспечивая им равенство в оплате труда, социальных льготах и доступе к профессиональному обучению.

Согласно трудовому законодательству России (ст. 59 ТК РФ), срочный трудовой договор может быть заключен в двух группах случаев: когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок в силу характера предстоящей работы или условий выполнения, а также по взаимному соглашению сторон без учета характера работы [Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации, 2019].

Важно отметить, что Федеральным законом от 26.07.2026 № 246-ФЗ глава 55 ТК РФ будет дополнена статьей 351.9 «Особенности регулирования труда работников, проходящих стажировку в сфере труда» (изменения вступают в силу с 1 марта 2027 года) [Федеральный закон от 26.07.2026 № 246-ФЗ, 2026]. В пояснительной записке к законопроекту отмечается, что изменения направлены на решение проблемы трудоустройства молодежи, которая часто работает не по специальности или получает отказы от работодателей из-за отсутствия опыта [Законопроект № 1252024-8, 2026]. Стажировка будет одним из оснований для заключения срочных трудовых договоров. Инициатива призвана сформировать качественный кадровый потенциал экономики.

Трудовое законодательство Бразилии ориентирует сторон на заключение трудовых договоров на неопределенный срок, что продиктовано принципом непрерывности трудовых отношений. Срочные трудовые договоры рассматриваются как исключение и могут заключаться только при наличии конкретных законных оснований, предусмотренных Консолидацией законов о труде (далее – CLT) или специальным законодательством. Согласно статье 443 CLT, такими основаниями являются услуги, характер или временность которых оправдывают установление срока, например, замена постоянного работника на период декретного отпуска или выполнения разовых технических задач, [Consolidação das Leis do Trabalho, 1943]. Вторым основанием выступает временный характер деятельности самого работодателя, что применимо к сезонному труду, используемому только в определённые периоды года, например, в период рождественских праздников. Третьим распространенным основанием является испытательный договор (договор опыта), целью которого является проверка навыков работника перед его зачислением в штат на постоянной основе. Максимальный срок испытательного договора составляет 90 дней, в то время как другие срочные договоры по CLT не могут превышать двух лет.

Помимо CLT, существуют иные формы срочных трудовой договоров, такие как временная работа (Закон № 6.019/74), предназначенная для замещения постоянных работников или

удовлетворения краткосрочного дополнительного спроса на услуги [Lei No 6.019, 1974]. Также закон № 9.601/98 допускает заключение срочного договоров для любых видов деятельности работодателя при условии, что это приводит к увеличению общей численности работников и закреплено в коллективном договоре [Lei No 9.601, 1998]. К специфическим видам относятся договор на сбор урожая [Lei No 5.889, 1973], договоры с профессиональным спортсменами [Lei No 9.615, 1998] и артистами (творческими работниками) [Lei No 6.533, 1978].

Одной из главных проблем срочных договоров является их нестабильность, которая ставит работника в уязвимое положение и ограничивает его доступ к правам, характерным для длительных трудовых отношений. Если основание для заключения такого договора не соблюдены или работа выполняется для обеспечения постоянных нужд работодателя, суды признают договор заключенным на неопределенный срок. Ещё одна серьёзная проблема связана с прекаризацией труда и высокой текучестью кадров, что превращает людей в работников «точно в срок» (just-in-time), лишённых долгосрочных социальных гарантий. Исследователи отмечают: «Для одних процесс гибкого регулирования труда является незаменимым, естественным следствием эволюции труда и необходимым условием его развития, в то время как для других это всего лишь способ ограничить права трудящихся, поставив их в еще более уязвимое и унизительное положение» [Rosa, 2025]. Кроме того, указывается на цель введения срочных трудовых договоров в Бразилии, а именно «смягчение возможных экономических кризисов и безработицы» [Rosa, 2025].

Срочная занятость в Индии представляет собой форму трудовых отношений, при которой работник нанимается на основании письменного договора на строго определенный период времени [The Industrial Relations Code, 2020]. Долгое время индийское законодательство отдавало предпочтение постоянной занятости, и использование срочного договора было ограничено только сектором производства одежды, однако поправки 2018 года к Центральным правилам промышленной занятости распространили эту категорию на все отрасли экономики. Основанием для заключения таких договоров является выполнение конкретных проектов с ограниченным сроком действия, покрытие сезонных пиков спроса, замещение временно отсутствующих работников, например, находящихся в декретном отпуске, а также потребность в привлечении высококвалифицированных специалистов для выполнения узкоспециализированных краткосрочных задач. Отметим, что в законодательстве отсутствуют конкретные основания. С точки зрения закона, работники на срочных договорах имеют право на те же условия труда, заработную плату и социальные пособия, что и постоянные работники, причем эти выплаты производятся пропорционально периоду их службы. Одной из основных особенностей является право на получение выходного пособия уже после одного года непрерывной работы, в то время как для постоянных работников этот срок обычно составляет пять лет. Отмечается, что «наиболее важной защитной особенностью нынешней системы является равенство» [Bhat, 2026]. И далее указывается на проблему «неполноты защитной логики», так как «закон четко устанавливает равенство в течение срока действия договора, но гораздо менее разработан в отношении проблемы серийных или неправомерных продлений» [Bhat, 2026].

В то же время применительно к Индии необходимо учитывать, что неформальная занятость является доминирующей формой использования труда, охватывая подавляющее большинство экономически активного населения. По различным оценкам, на неформальный сектор приходится от 90% до 93% всей рабочей силы страны, что составляет примерно 425-435 млн человек [India Employment Report 2024, 2024]. Уровень неформальности значительно

различается в зависимости от места жительства: в сельской местности он достигает критических значений, где в неорганизованной экономике занято более 96% работающих женщин и около 93,5% мужчин. В городах эти показатели ниже, но всё же остаются высокими, составляя примерно 77, 2 % для женщин и 75, 5 % для мужчин. Кроме того, тревожной тенденцией является рост числа неформальных работников внутри формального сектора («информализация формального сектора»). Это означает, что даже на крупных предприятиях многие работники работают без стабильных договоров и социальных льгот.

Основным законным основанием для заключения срочного трудового договора в КНР является взаимное добровольное согласие работодателя и работника установить конкретную дату окончания трудовых отношений. Такой вид договора обычно выбирается исходя из производственной необходимости, специфики должности или ожидаемой продолжительности работ. Кроме того, законодательство выделяет особый вид срочного договора, который заключается на время выполнения определённого объёма работы, где моментом окончания отношений считается факт завершения поставленных задач [中华人民共和国劳动合同法, 2008].

При выборе срочного вида договора работодатель должен учитывать трудовой стаж работника, так как закон ограничивает возможность продления таких договоров. в частности, если работник отработал в организации непрерывно более десяти лет или уже дважды успешно завершил два последовательных срочных договора, он получает право на заключение бессрочного трудового договора, и работодатель обязан заключить трудовой договор на неопределенный срок. Эти нормы направлены на обеспечение стабильности занятости и предотвращение практики постоянного использования краткосрочных договоров для упрощения процедуры увольнения без выходного пособия.

Для иностранных граждан в Китае действуют специальные нормы, которые отдают приоритет именно срочным трудовым договорам [外国人在中国就业管理规定, 1996]. Согласно нормативным актам, регулирующим наем иностранцев, трудовой договор с ними заключается на срок, не превышающий пяти лет, и его действие напрямую связано со сроком действия разрешения на трудоустройство.

Отмечается, что «нынешняя система рынка труда Китая имеет явную тенденцию к защите занятости, и уровень предоставляемой защиты достаточно высок» [Jianmin, 2022]. Кроме того, интересным видится предложение рассматривать срочные трудовые договоры как стандартную занятость.

Важным дополнением к основаниям заключения и продления таких договоров стали судебные разъяснения 2025 года [最高法发布劳动争议典型案, 2025]. Теперь под «заключением второго последовательного договора» понимаются не только новые подписанные договоры, но и достижение определенных условий при продлении старых. Так, если стороны договорились о продлении срока действующего договора на совокупный период более одного года или если договор содержит пункт об автоматическом продлении, который сработал по истечении срока, такие случаи юридически приравниваются к завершению одного цикла срочного договора и началу нового. Также попытки работодателя сменить юридическое лицо-подписанта при сохранении фактического места работы и обязанностей работника не прерывает «цепочку» срочных договоров, что существенно ограничивает возможности для обхода требований закона о переходе на постоянную занятость.

В Южно-Африканской Республике заключение срочных трудовых договоров регулируется

Законом о трудовых отношениях (LRA), в частности разделом 198B, который направлен на защиту работников с доходом ниже установленного порога [Labour Relations Act, 1995]. Согласно законодательству, срочный трудовой договор представляет собой соглашение, которое прекращается при наступлении определенного события, завершении конкретной задачи или в установленную дату. Если такой договор заключается на срок более трех месяцев, работодатель обязан иметь для этого законное и обоснованное оправдание, иначе работник может быть признан постоянным работником по закону.

Одним из основных оснований является замена временно отсутствующего постоянного работника, например, находящегося в декретном отпуске, отпуске по учёбе или длительном отпуске по болезни. Также законным считается наём для выполнения работы, связанные с конкретным проектом или чётко определённой задачей, имеющей известную дату завершения. Сезонный характер работ, такой как сбор урожая в сельском хозяйстве или дополнительная поддержка в розничной торговле в праздничные периоды, также признается веским основанием для ограничения срока действия договора.

Работодатель имеет право заключать срочный трудовой договор при временном увеличении объема работ, если ожидается, что этот рост не продлится более 12 месяцев. Основанием может служить и статус самого работника: например, если это студент или недавний выпускник, нанятый для обучения или получения опыта работы по профессии. Кроме того, срочный договор заключается с иностранными гражданами, имеющими разрешение на работу в ЮАР на ограниченный период времени.

Специфические случаи включают наем работников для реализации официальных государственных программ по созданию рабочих мест или если позиция финансируется из внешних источников на ограниченный срок. При этом судебная практика уточняет, что финансирование должно быть действительно внешним, а не просто целевым распределением средств внутри государственного бюджета. Также закон позволяет заключать срочные трудовые договоры с лицами, которые уже достигли обычного или согласованную в компании пенсионного возраста. Важно учитывать, что использование срочного договора вместо испытательного срока не является законным основаниям и может быть оспорено как недобросовестная трудовая практика. Все обоснования должны быть прописаны в письменном трудовом договоре в момент его заключения, так как бремя доказывания законности ограниченного срока всегда лежит на работодателе. Если трудовые отношения продолжаются после истечения срока договора без нового соглашения, такие отношения могут быть признаны бессрочными в судебном порядке.

По мнению ученых, основная проблема заключается в том, что Закон о трудовых отношениях (LRA) с поправками не дает определения понятию «обоснованное ожидание бессрочной занятости (продления договора)» [Radebe, 2022]. Кроме того, в законе отсутствует перечень факторов или критериев, которые следует учитывать при оценке и определении того, имело ли место увольнение на основании такого ожидания.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что общим для рассмотренных стран является признание срочного трудового договора исключением из общего правила о стабильности (бессрочности) трудовых отношений. Почти все страны БРИКС (кроме Индии) придерживаются указанного подхода. Основными основаниями его заключения выступают временный характер работы или

потребности работодателя, замещение временно отсутствующего работника, выполнение сезонной работы, конкретного проекта или ограниченной по времени задачи.

Особенность отдельных законодательных подходов заключается в различной степени свободы сторон и способах определения оснований срочности. В России наряду с объективными основаниями допускается заключение срочного договора по соглашению сторон в прямо установленных законом случаях. В Бразилии акцент сделан на временном характере работы или деятельности работодателя, в КНР значительную роль играет соглашение сторон, дополненное ограничениями на последовательное использование срочных договоров, в ЮАР законность заключенного срочного трудового договора связывается также с продолжительностью договора и обязанностью работодателя письменно обосновать ее.

Таким образом, общее заключается в наличии юридически значимого основания срочности, тогда как особенное проявляется в перечне таких оснований, роли соглашения сторон, продолжительности договора и установленных ограничениях на его неоднократное заключение. Общей направленностью правового регулирования является недопущение использования срочных договоров для удовлетворения постоянной потребности работодателя в труде и обхода гарантий стабильной занятости.

Библиография

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. Москва: Республика, 1993. 383 с. (Б-ка этической мысли).
2. Законопроект № 1252024-8 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации (об особенностях регулирования труда работников, проходящих стажировку в сфере труда)» [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1252024-8.
3. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / под ред. Э.Г. Тучковой. 10-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2019. 1376 с.
4. Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990. Т. II. Женева: Международное бюро труда, 1991.
5. Федеральный закон от 26.07.2026 № 246-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202607260006?index=1.
6. Aleksynska M., Muller A. Nothing More Permanent than Temporary? Understanding Fixed-Term Contracts. Geneva: International Labour Office, 2015. 10 p. (INWORK and GOVERNANCE Policy Brief; No. 6).
7. Bhat N.A. (ed.) Codifying Labour Welfare: An Analysis of India's New Labour Regime. Crestwood Publishers, 2026. 431 p.
8. Consolidação das Leis do Trabalho [Электронный ресурс]. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/decreto-lei/del5452.htm.
9. Fixed-term Contracts (FTCs). International Labour Organization (ILO), 2026.
10. India Employment Report 2024: Youth Employment, Education and Skills [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/publications/india-employment-report-2024-youth-employment-education-and-skills.
11. India to Host 12th Labour & Employment Ministers Meeting in Hyderabad [Электронный ресурс]. URL: https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2284592&reg=48&lang=2.
12. Jianmin L. China's Population Development in Forty Years // Chinese Research Perspectives on Population and Labor, Volume 7: Forty Years of China's Population and Labor Economy (1978–2018). 2022. 134 p.
13. Labour Relations Act, 1995 [Электронный ресурс]. URL: https://www.labour.gov.za/DocumentCenter/Acts/Labour%20Relations/Labour%20Relations%20Act.pdf.
14. Lei No 6.019, de 3 de janeiro de 1974 [Электронный ресурс]. URL: https://planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l6019.htm.
15. Lei No 5.889, de 8 de junho de 1973 [Электронный ресурс]. URL: https://planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l5889.htm.
16. Lei No 6.533, de 24 de maio de 1978 [Электронный ресурс]. URL: https://planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l6533.htm.
17. Lei No 9.601, de 21 de janeiro de 1998 [Электронный ресурс]. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l9601.htm.
18. Lei No 9.615, de 24 de março de 1998 [Электронный ресурс]. URL: https://planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l9615compilada.htm.
19. Radebe M.S. A Critical Analysis of the Rights of Employees in Fixed-Term Contracts: The Right to Reasonable Expectation: dis. North-West University (South Africa), 2022. 61 p.

20. Rosa D. Flexibilização do Direito do Trabalho, Evolução ou Retrocesso. Brasil: Editora Dialética, 2025. 59 p.
21. The Industrial Relations Code, 2020 (ACT NO. 35 OF 2020) [As on the 2nd April, 2026] [Электронный ресурс]. URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/22040/1/A2020-35.pdf.
22. 中华人民共和国劳动合同法 [Электронный ресурс]. URL: https://sfj.beijing.gov.cn/sfj/sfdt/fzxc74/387021/index.html.
23. 外国人在中国就业管理规定 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nia.gov.cn/n741440/n741547/c1295867/content.html.
24. 最高法发布劳动争议典型案例 [Электронный ресурс]. URL: https://www.court.gov.cn/zixun/xiangqing/472681.html.

Grounds for Concluding Fixed-Term Employment Contracts in Selected BRICS Countries

Polina S. Basova

Postgraduate Student,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: basova_polina@bk.ru

Abstract

The article examines the specifics of the legal regulation of fixed-term employment contracts in Russia and foreign countries. A comparative analysis of the grounds for their conclusion, term restrictions, and mechanisms for protecting workers is conducted on the example of Russia, Brazil, India, China, and South Africa.

For citation

Basova P.S. (2026) Osnovaniya zaklyucheniya srochnykh trudovykh dogovorov v otdel'nykh stranakh BRIKS [Grounds for Concluding Fixed-Term Employment Contracts in Selected BRICS Countries]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 193-201. DOI: 10.34670/AR.2026.45.13.015

Keywords

Fixed-term employment contract, labor relations, temporary employment, labor legislation of the BRICS countries, open-ended employment contract, types of fixed-term employment contracts.

References

1. Aleksynska, M., Muller, A. (2015). *Nothing More Permanent than Temporary? Understanding Fixed-Term Contracts*. Geneva: International Labour Office, 10 p. (INWORK and GOVERNANCE Policy Brief; No. 6).
2. Berdiaev, N. A. (1993). *O naznachenii cheloveka* [On the Destiny of Man]. Moscow: Respublika, 383 p.
3. Bhat, N. A. (ed.) (2026) *Codifying Labour Welfare: An Analysis of India's New Labour Regime*. Crestwood Publishers, 431 p.
4. *Consolidação das Leis do Trabalho* [Consolidation of Labor Laws]. https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/decreto-lei/del5452.htm
5. *Federalnyy zakon ot 26.07.2026 № 246-FZ "O vnesenii izmeneniy v Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law No. 246-FZ of 26.07.2026 "On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation"]. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202607260006?index=1

6. *Fixed-Term Contracts (FTCs)*. International Labour Organization (ILO), 2026.
7. *India Employment Report 2024: Youth Employment, Education and Skills*. https://www.ilo.org/publications/india-employment-report-2024-youth-employment-education-and-skills
8. *India to Host 12th Labour & Employment Ministers Meeting in Hyderabad*. https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2284592&reg=48&lang=2
9. Jianmin, L. (2022). China's Population Development in Forty Years. In *Chinese Research Perspectives on Population and Labor, Volume 7: Forty Years of China's Population and Labor Economy (1978–2018)*, 134 p.
10. *Kommentariy k Trudovomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Labor Code of the Russian Federation] / ed. by E. G. Tuchkova. 10th ed., rev. and exp. Moscow: Prospekt, 2019, 1376 p.
11. *Konventsii i rekomendatsii, prinyatye Mezhdunarodnoy konferentsiey truda. 1957–1990. T. II* [Conventions and Recommendations Adopted by the International Labour Conference. 1957–1990. Vol. II]. Geneva: International Labour Office, 1991.
12. *Labour Relations Act, 1995*. https://www.labour.gov.za/DocumentCenter/Acts/Labour%20Relations/Labour%20Relations%20Act.pdf
13. *Lei No 6.019, de 3 de janeiro de 1974*. https://planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l6019.htm
14. *Lei No 5.889, de 8 de junho de 1973*. https://planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l5889.htm
15. *Lei No 6.533, de 24 de maio de 1978*. https://planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l6533.htm
16. *Lei No 9.601, de 21 de janeiro de 1998*. https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l9601.htm
17. *Lei No 9.615, de 24 de março de 1998*. https://planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l9615compilada.htm
18. Radebe, M. S. (2022). *A Critical Analysis of the Rights of Employees in Fixed-Term Contracts: The Right to Reasonable Expectation*: diss. North-West University (South Africa), 61 p.
19. Rosa, D. (2025). *Flexibilização do Direito do Trabalho, Evolução ou Retrocesso*. Brasil: Editora Dialética, 59 p.
20. *The Industrial Relations Code, 2020 (ACT NO. 35 OF 2020) [As on the 2nd April, 2026]*. https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/22040/1/A2020-35.pdf
21. *Zakonoproekt № 1252024-8 "O vnesenii izmeneniy v Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii (ob osobennostyakh regulirovaniya truda rabotnikov, prokhodyashchikh stazhirovku v sfere truda)"* [Draft Law No. 1252024-8 "On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation (on the Specifics of Regulating the Labor of Workers Undergoing Internships in the Labor Sphere)"]. https://sozd.duma.gov.ru/bill/1252024-8
22. 中华人民共和国劳动合同法 [Labor Contract Law of the People's Republic of China]. https://sfj.beijing.gov.cn/sfj/sfdt/fzxc74/387021/index.html
23. 外国人在中国就业管理规定 [Provisions on the Administration of Employment of Foreigners in China]. https://www.nia.gov.cn/n741440/n741547/c1295867/content.html
24. 最高法发布劳动争议典型案例 [The Supreme People's Court Issues Typical Cases of Labor Disputes]. https://www.court.gov.cn/zixun/xiangqing/472681.html

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 657.6:330.131.7 **DOI: 10.34670/AR.2026.34.24.016**

Правовое обеспечение документарного финансово-экономического исследования корпоративных рисков: на примере арендной организации

Дружинин Евгений Сергеевич

Руководитель,
Общество с ограниченной ответственностью «Зевс»,
354000, Российская Федерация, Сочи, Курортный просп., 75;
Судебный эксперт,
Автономная некоммерческая организация «Зевс-Эксперт»,
354000, Российская Федерация, Сочи, Курортный просп., 75;
e-mail: terra-sochi@mail.ru

Аннотация

В статье предлагается прикладная методика документарного финансово-экономического исследования коммерческой организации, совмещающая сплошную проверку денежных потоков, анализ первичных учетных документов, верификацию электронного документооборота, сопоставление договорных обязательств с фактическими поступлениями и выплатами, а также комплексную диагностику финансового состояния. На материалах обезличенного кейса арендной организации показано, что формально благоприятные показатели ликвидности, автономии и рентабельности не исключают накопления дебиторской задолженности, иммобилизации денежных средств и риска потерь по недостаточно документированным операциям. В исследованном кейсе заявлены коэффициент текущей ликвидности 9,24, коэффициент автономии 0,935, рентабельность продаж 36,52% и период оборота дебиторской задолженности 115,4 дня. По отдельным эпизодам рассчитаны недополученные доходы, связанные с использованием помещения без надлежащего платежного потока, неполным поступлением арендной платы и выделением налога на добавленную стоимость в электронных документах. Статья формулирует методические рекомендации по построению доказательной цепочки «операция — документ — обязательство — платеж — экономический эффект», разграничению бухгалтерского факта и правовой квалификации, исключению двойного учета и контролю арифметической согласованности итоговой калькуляции. Сделан вывод о необходимости сочетать коэффициентный анализ с пооперационной документарной проверкой [Дружинин, 2026].

Для цитирования в научных исследованиях

Дружинин Е.С. Правовое обеспечение документарного финансово-экономического исследования корпоративных рисков: на примере арендной организации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 202-209. DOI: 10.34670/AR.2026.34.24.016

Ключевые слова

Финансово-экономическое исследование, документарная проверка, судебно-бухгалтерский анализ, первичные документы, электронный документооборот, арендные платежи, дебиторская задолженность, финансовая диагностика, корпоративное управление, методические рекомендации, управление рисками, методология исследования.

Введение

Финансовая отчетность коммерческой организации отражает агрегированные результаты хозяйственной деятельности, но не всегда позволяет установить экономическую природу отдельных платежей, причины роста дебиторской задолженности или соответствие денежных потоков договорным обязательствам. Требование оформлять каждый факт хозяйственной жизни первичным учетным документом закреплено в статье 9 Федерального закона № 402-ФЗ [О бухгалтерском учете, 2011]. В арендном бизнесе эта проблема усиливается: выручка формируется из относительно небольшого числа договоров, а отклонение фактических поступлений от фиксированной арендной платы может существенно влиять на денежный поток и стоимость бизнеса.

Практика финансово-экономических исследований показывает, что высокий уровень ликвидности и рентабельности не должен автоматически интерпретироваться как признак эффективного управления. Значительная часть активов может быть иммобилизована на депозитах, отражена в составе спорной дебиторской задолженности либо сформирована начислениями, не обеспеченными фактическим поступлением денежных средств. Поэтому для целей внутреннего контроля, корпоративного спора или подготовки доказательственной позиции требуется соединение макроанализа отчетности с пооперационной проверкой.

Эмпирическую базу составили обезличенные материалы заключения специалиста, подготовленного по результатам анализа финансово-хозяйственной деятельности общества, осуществляющего аренду и управление нежилой недвижимостью. Исследованный период охватывал полномочия руководителя с 1 октября 2021 г. и сравнительные данные за 2021–2025 гг. В составе материалов находились выписки из государственных реестров, бухгалтерская отчетность, банковские выписки, договоры аренды, дополнительные соглашения, платежные поручения, акты, документы электронного документооборота, рабочая книга по судебным делам и корпоративные документы.

Методологическая граница исследования имеет принципиальное значение. Специалист может установить наличие платежа, его размер, дату, назначение, документальное основание, отклонение от договорного лимита и возможный экономический эффект. Однако вывод о мнимости сделки, наличии умысла, виновности руководителя или применении конкретной меры ответственности относится к правовой оценке уполномоченного органа. Нормы о возмещении убытков и ответственности руководителя содержатся в Гражданском кодексе Российской Федерации [Гражданский кодекс Российской Федерации, 1994]. Поэтому в научной статье используются формулировки «признак», «отклонение», «неподтвержденная операция», «потенциальная потеря» и «расчетная величина», если соответствующий вывод не подтвержден вступившим в силу судебным актом.

Основная часть

Предлагаемый алгоритм состоит из семи последовательных этапов [Дубоносов, 2014].

Первый этап — инвентаризация источников. Формируется реестр документов с указанием вида документа, даты, номера, источника получения, периода действия и связи с конкретной операцией. Для банковских выписок фиксируются счет, дата валютирования, сумма, контрагент и назначение платежа. Для электронных документов дополнительно указываются идентификатор сообщения, дата подписания и статус документа.

Второй этап — установление договорного обязательства. По каждому платежу определяется договорная база [Об обществах с ограниченной ответственностью, 1998]: размер обязательства, период начисления, срок оплаты, условия зачета, порядок изменения цены и требование о корпоративном одобрении. Если платеж связан с ремонтом, улучшениями или услугами, проверяется наличие сметы, акта, отчета и решения уполномоченного органа.

Третий этап — кассовая верификация. Данные договора сопоставляются с банковским фактом. Рекомендуется разделять начисление, оплату, взаимозачет, списание и остаток задолженности. Нельзя считать начисленную сумму фактическим доходом без проверки поступления либо юридически действительного основания зачета.

Четвертый этап — хронологический контроль. Проверяются последовательность регистрации юридического лица, даты договоров, даты полномочий подписантов, даты изготовления и применения печати, даты электронного подписания и даты исполнения платежа. Хронологическое несоответствие является индикатором для дополнительной проверки, но само по себе не заменяет исследование подлинности документа.

Пятый этап — экономическая квалификация. Операция классифицируется как подтвержденная хозяйственная, документально неполная, отклоняющаяся от договора, непроизводственная либо требующая правовой оценки. Такая классификация должна опираться на перечень проверяемых признаков, а не на субъективную оценку целесообразности.

Шестой этап — расчет экономического эффекта. Для каждого эпизода составляется отдельная расчетная карточка: исходные данные, формула, период, сумма, источник каждого показателя, допущения, возможное возмещение и риск двойного учета. Прямой ущерб и упущенная выгода учитываются раздельно.

Седьмой этап — контроль воспроизводимости. Другой специалист должен иметь возможность повторить расчет, используя тот же комплект документов. Для этого в рабочей таблице необходимы ссылки на конкретные платежные поручения, акты, договорные пункты и строки отчетности.

Для диагностики финансового состояния использовались [Шеремет, Сайфулин, 2001] горизонтальный и вертикальный анализ, коэффициенты ликвидности, автономии, финансовой зависимости, рентабельности и деловой активности. Основные формулы имеют следующий вид:

- коэффициент текущей ликвидности: Ктл = Оборотные активы / Краткосрочные обязательства;
- коэффициент автономии: Кавт = Собственный капитал / Валюта баланса;
- рентабельность продаж: ROS = Чистая прибыль / Выручка × 100%;
- рентабельность активов: ROA = Чистая прибыль / Активы × 100%;
- период оборота дебиторской задолженности: Тдз = 360 / коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности.

При сравнении с нормативными интервалами необходимо указывать отрасль, размер организации, бизнес-модель и состав активов. Универсальная интерпретация коэффициентов без учета этих условий может привести к ошибочным выводам.

Согласно исследованному материалу, по итогам 2025 г. выручка общества составила 75 977 тыс. руб., чистая прибыль — 27 746 тыс. руб., валюта баланса — 79 112 тыс. руб., собственный капитал — 74 021 тыс. руб. На этой базе были рассчитаны рентабельность продаж 36,52%, рентабельность активов 35,07%, рентабельность собственного капитала 37,48% и коэффициент автономии 0,935.

Коэффициент текущей ликвидности составил 9,24 [Дружинин, 2026]. В составе активов отражались финансовые вложения на 38 670 тыс. руб., дебиторская задолженность на 45 159 тыс. руб. и денежные средства на 1 924 тыс. руб. Период оборота дебиторской задолженности оценен в 115,4 дня. Таким образом, формально устойчивый баланс сочетался с низкой скоростью превращения требований в денежные средства.

Результат имеет двойственную интерпретацию. Высокая ликвидность снижает краткосрочный риск неплатежеспособности, но сама по себе не подтверждает эффективное использование капитала. Если существенная часть оборотных активов представлена депозитами и длительно непогашаемой дебиторской задолженностью, необходимо исследовать их качество, доступность и связь с операционным циклом.

В материалах исследования выделены несколько типов операций, требующих углубленной проверки: выплаты руководителю сверх документально подтвержденного лимита; возврат займов при недостаточном подтверждении передачи денежных средств; финансирование личных или корпоративных расходов; безвозмездные перечисления без корпоративного одобрения; перевод права требования на лицо с проблемным статусом; авансирование подрядчиков без смет и закрывающих актов; дублирование охранных услуг; выплаты на личные карты без актов приемки.

Для методических целей важно, что сам факт принадлежности платежа к одной из перечисленных категорий не доказывает убыток. Экономический вывод возникает только после прохождения трех проверок: наличие хозяйственной цели, получение встречного предоставления и отражение результата в учете. При отсутствии хотя бы одного элемента операция переводится в группу повышенного риска, но окончательная квалификация требует оценки всех доказательств.

В первом арендном эпизоде ставка по договору составляла 77 500 руб. в месяц, а расчетный период удержания помещения — 40 месяцев и 9 дней. Расчет выполнен следующим образом: 40\times77,500 + (77,500/30)\times9 = 3,122,500\ руб.

Методически корректным является раскрытие каждой части периода, исходного тарифа, площади, даты фактического освобождения и документа, подтверждающего прекращение пользования. При наличии спора о действительности договора данная сумма должна обозначаться как расчетная величина потенциально недополученного дохода, а не как окончательно установленный ущерб.

Во втором эпизоде месячная арендная плата составляла 332 960 руб. При годовой норме начислений 3 995 520 руб. фактические поступления за 2025 г. оценены в 1 463 000 руб. Разница составила: 3,995,520-1,463,000=2,532,520\ руб.

Ключевой процедурный вопрос — наличие надлежащего основания для зачета стоимости ремонта в счет аренды. В рабочей документации следует отдельно показать стоимость ремонта, его приемку, неотделимость улучшений, решение участников и способ отражения зачета. Без

этого нельзя автоматически считать всю разницу между начислением и поступлением убытком.

В третьем эпизоде исследование указало на выделение НДС в электронных актах организации, применявшей специальный налоговый режим. Расчетная сумма налогового тела определена в 2 859 155 руб.; дополнительно рассчитаны штраф 571 831 руб. и пени 428 873 руб. При этом налоговая обязанность, размер санкций и период начисления должны подтверждаться актуальным налоговым расчетом [Налоговый кодекс Российской Федерации, 2000], статусом организации в конкретном периоде и документами, направленными контрагентам, с учетом положений Налогового кодекса Российской Федерации [Налоговый кодекс Российской Федерации, 2000].

Для научно обоснованной методики важно не смешивать три категории: налоговую обязанность перед бюджетом, возможный имущественный ущерб общества и ответственность должностного лица. Выделение налога в документе может создать налоговый риск, однако вопрос о составе убытков общества требует самостоятельного анализа денежных потоков и фактического взыскания либо перечисления средств.

Исследованный материал содержит несколько агрегированных величин: недополученные доходы 9 974 110,34 руб., совокупный материальный ущерб 13 422 865,34 руб. и отдельные расчетные суммы по эпизодам. Перед публикацией или представлением такого расчета необходимо составить сверочную матрицу, в которой каждая итоговая величина раскладывается на непересекающиеся компоненты.

Различие между итоговыми суммами не следует объяснять автоматически. Оно может возникать вследствие включения прямого ущерба, упущенной выгоды, налоговых последствий, штрафов и пеней, но может также быть результатом двойного учета. Поэтому итоговая сумма должна сопровождаться формулой агрегации, указанием исключенных сумм и проверкой того, что одна операция не включена одновременно в недополученную арендную плату и в прямой ущерб.

Полученные результаты подтверждают, что коэффициентный анализ и документарная проверка отвечают на разные вопросы. Коэффициенты показывают структуру и динамику финансового состояния. Они не устанавливают, почему возникла дебиторская задолженность, был ли ремонт фактически выполнен, существовало ли встречное предоставление по займу или имелось ли корпоративное одобрение платежа.

Второй вывод связан с ограничениями моделей банкротства. В исследованном кейсе несколько моделей классифицировали общество как финансово устойчивое. Однако низкая вероятность банкротства не означает отсутствия риска корпоративных потерь. Модель может учитывать высокий собственный капитал и ликвидность, но не распознавать сомнительное качество дебиторской задолженности, конфликт интересов, отсутствие первичных документов и блокировку распределения прибыли.

Третий вывод касается доказательственной силы электронного документооборота. Электронный акт или счет-фактура позволяет установить факт создания, подписания и направления документа, но не всегда подтверждает реальность услуги или экономическую оправданность операции. Поэтому электронная подпись должна рассматриваться как элемент цепочки доказательств, который дополняется договором, актом, банковским платежом, отчетом исполнителя и результатом хозяйственной операции.

Рекомендации по организации исследования

– До начала анализа сформировать паспорт объекта: правовая форма, вид деятельности, период, руководители, участники, режим налогообложения, банковские счета и перечень

источников.

– Вести единый реестр операций с уникальным идентификатором. Идентификатор должен связывать договор, платеж, акт, запись в учете и расчетный эпизод.
– Разделять четыре даты: дату договора, дату фактического исполнения, дату отражения в учете и дату электронного подписания. Их совпадение не предполагается автоматически.
– Для каждой операции фиксировать не только отсутствие документа, но и проверенные источники, в которых документ не найден. Это повышает воспроизводимость отрицательного вывода.
– По операциям с руководителем, участником или аффилированным лицом отдельно проверять конфликт интересов, корпоративное одобрение, рыночность условий и реальность встречного предоставления.
– Прямой ущерб рассчитывать по фактически списанным или утраченным активам, если подтверждены отсутствие встречного предоставления и причинная связь.
– Упущенную выгоду рассчитывать по документально подтвержденной ставке, периоду и вероятности получения дохода. Недостаточно умножить тариф на период без проверки доступности объекта и реальности взыскания.
– Налоговые суммы, штрафы и пени показывать отдельными строками и указывать правовое основание их начисления. Их нельзя автоматически присоединять к убыткам без подтверждения факта обязанности и периода.
– Перед формированием итоговой суммы проводить тест на двойной учет. Один платеж может участвовать только в одной самостоятельной статье потерь, если не доказано наличие нескольких независимых экономических последствий.
– Представлять расчет в трех версиях: минимальный подтвержденный размер, основной расчет при принятых допущениях и верхняя оценка при спорных предпосылках. Такой формат делает выводы устойчивее к критике.

Заключение

Обществу, осуществляющему арендную деятельность, целесообразно ежемесячно сверять реестр арендаторов с начислениями, банковскими поступлениями, просрочкой и претензионной работой. Любой зачет ремонта должен подтверждаться сметой, актом, расчетом стоимости улучшений и решением компетентного органа. Выплаты физическим лицам и руководителю необходимо проводить только при наличии договора, задания, отчета, акта и подтверждения результата.

Реестр электронных документов должен включать статус подписания и связь с бухгалтерской записью. При обнаружении выделения НДС необходимо незамедлительно провести налоговую проверку по каждому периоду, не ограничиваясь анализом назначения платежа. Процессуальный статус письменных материалов и порядок их оценки определяются применимыми нормами арбитражного процесса [Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, 2002].

Статья основана на одном прикладном кейсе и не претендует на статистическое обобщение. Часть нормативных интервалов и моделей финансовой диагностики имеет отраслевые и методические ограничения. Расчетные величины, приведенные в исходном заключении, должны быть повторно проверены по оригиналам документов, поскольку научная публикация не заменяет судебную экспертизу, налоговую проверку или аудит.

Особого внимания требует арифметическая и содержательная сверка агрегированных итогов ущерба. До публикации необходимо документально подтвердить состав сумм 9 974 110,34 руб. и 13 422 865,34 руб., устранить возможное дублирование эпизодов и отделить установленные потери от потенциальных налоговых последствий.

Документарное финансово-экономическое исследование должно строиться не как перечень подозрительных платежей, а как воспроизводимая система проверки связи между операцией, документом, договорным обязательством, платежом и экономическим результатом. На материалах прикладного кейса показано, что высокие показатели ликвидности, автономии и рентабельности могут сочетаться с низкой оборачиваемостью дебиторской задолженности, иммобилизацией средств и риском потерь по недостаточно подтвержденным операциям.

Наиболее надежным является комбинированный подход: сначала устанавливается документальный факт, затем проверяется договорное основание и встречное предоставление, после чего рассчитывается экономический эффект и только в последнюю очередь формулируется вывод о риске. Правовая квалификация сделки, виновность руководителя и окончательный размер подлежащих взысканию убытков должны быть отделены от бухгалтерского и финансового расчета.

Предложенные рекомендации могут использоваться при внутреннем контроле арендных компаний, подготовке материалов для корпоративного спора и проведении досудебного финансово-экономического исследования.

Библиография

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ст. 69, 71, 89).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ст. 15, 53.1, 170, 623).
3. Дружинин Е. С. Заключение специалиста № 17-2026 по результатам документарного финансово-экономического исследования деятельности ООО «Курортторг». Сочи, 2026. Неопубликованный документ.
4. Дубоносов Е. С. Судебно-бухгалтерская экспертиза : учебник для вузов. М. : Издательство Юрайт, 2014. 267 с.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) : Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ст. 75, 122, 173, 252, 346.11).
6. Об обществах с ограниченной ответственностью : Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ст. 32, 44–46, 50).
7. О бухгалтерском учете : Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ст. 9).
8. Шеремет А. Д., Сайфулин Р. С. Методика финансового анализа. М. : ИНФРА-М, 2001.

Legal Support of Documentary Financial and Economic Research of Corporate Risks: On the Example of a Leasing Organization

Evgenii S. Druzhinin

Head,
Limited Liability Company "Zevs",
354000, 75, Kurortnyy ave., Sochi, Russian Federation;
Forensic Expert,
Autonomous Non-Profit Organization "Zevs-Expert",
354000, 75, Kurortnyy ave., Sochi, Russian Federation;
e-mail: terra-sochi@mail.ru

Abstract

The article proposes an applied methodology for documentary financial and economic research of a commercial organization, combining a continuous audit of cash flows, analysis of primary accounting documents, verification of electronic document flow, comparison of contractual obligations with actual receipts and payments, as well as comprehensive diagnostics of financial condition. Based on the materials of an anonymized case of a leasing organization, it is shown that formally favorable indicators of liquidity, autonomy, and profitability do not exclude the accumulation of accounts receivable, immobilization of funds, and the risk of losses on insufficiently documented transactions. In the studied case, a current liquidity ratio of 9.24, an autonomy ratio of 0.935, a return on sales of 36.52%, and a receivables turnover period of 115.4 days are declared. For individual episodes, lost income associated with the use of premises without a proper payment flow, incomplete receipt of rent, and the allocation of value added tax in electronic documents has been calculated. The article formulates methodological recommendations for building the evidentiary chain "transaction — document — obligation — payment — economic effect," delineating an accounting fact from legal qualification, excluding double counting, and controlling the arithmetic consistency of the final calculation. A conclusion is made about the necessity of combining ratio analysis with a transaction-by-transaction documentary audit [Druzhinin, 2026].

For citation

Druzhinin E.S. (2026) Pravovoe obespechenie dokumentarnogo finansovo-ekonomicheskogo issledovaniya korporativnykh riskov: na primere arendnoy organizatsii [Legal Support of Documentary Financial and Economic Research of Corporate Risks: On the Example of a Leasing Organization]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 202-209. DOI: 10.34670/AR.2026.34.24.016

Keywords

Financial and economic research, documentary audit, forensic accounting analysis, primary documents, electronic document flow, lease payments, accounts receivable, financial diagnostics, corporate governance, methodological recommendations, risk management, research methodology.

References

1. Arbitrazhnyy protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Federalnyy zakon ot 24.07.2002 № 95-FZ (st. 69, 71, 89) [Arbitration Procedural Code of the Russian Federation: Federal Law No. 95-FZ of 24.07.2002 (Arts. 69, 71, 89)].
2. Druzhinin, E. S. (2026) Zaklyuchenie spetsialista № 17-2026 po rezultatam dokumentarnogo finansovo-ekonomicheskogo issledovaniya deyatelnosti OOO "Kurorttorg" [Expert Opinion No. 17-2026 on the Results of a Documentary Financial and Economic Research of the Activities of Kurorttorg LLC]. Sochi. Unpublished document.
3. Dubonosov, E. S. (2014). Sudebno-bukhgalterskaya ekspertiza: uchebnik dlya vuzov [Forensic Accounting Expertise: A Textbook for Universities]. Moscow: Izdatelstvo Yurayt.
4. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast pervaya): Federalnyy zakon ot 30.11.1994 № 51-FZ (st. 15, 53.1, 170, 623) [Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ of 30.11.1994 (Arts. 15, 53.1, 170, 623)].
5. Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast vtoraya): Federalnyy zakon ot 05.08.2000 № 117-FZ (st. 75, 122, 173, 252, 346.11) [Tax Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law No. 117-FZ of 05.08.2000 (Arts. 75, 122, 173, 252, 346.11)].
6. Ob obshchestvakh s ogranichennoy otvetstvennostyu: Federalnyy zakon ot 08.02.1998 № 14-FZ (st. 32, 44–46, 50) [On Limited Liability Companies: Federal Law No. 14-FZ of 08.02.1998 (Arts. 32, 44–46, 50)].
7. O bukhgalterskom uchete: Federalnyy zakon ot 06.12.2011 № 402-FZ (st. 9) [On Accounting: Federal Law No. 402-FZ of 06.12.2011 (Art. 9)].
8. Sheremet, A. D., & Sayfulin, R. S. (2001). Metodika finansovogo analiza [Methodology of Financial Analysis]. Moscow: INFRA-M.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 349.6+620.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.60.52.017**

Особенности правового регулирования при определении объема тепловой энергии, потребляемой нежилыми помещениями в многоквартирном доме

Воробьев Андрей Васильевич

Аспирант,
Институт аспирантуры и докторантуры,
Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: info@450040.ru

Аннотация

В статье исследуются особенности правового регулирования при определении объема тепловой энергии, потребляемой нежилыми помещениями в многоквартирном доме, и соответствующей имущественной обязанности их собственников. Анализируется Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2026 г. № 46-П, определившее конституционно-правовые пределы применения формул 3(1) и 3(7) Правил предоставления коммунальных услуг № 354 в условиях существенного различия режимов теплопотребления помещений. Обосновывается необходимость учета фактических и технологически обусловленных особенностей теплоснабжения нежилых помещений, включая их функциональное назначение, температурный и эксплуатационный режимы, степень отапливаемости, наличие индивидуальных приборов учета, неотапливаемой площади, автономных источников тепловой энергии и энергосберегающих мероприятий. Выявляются проблемы определения объема тепловой энергии в помещениях с индивидуальными приборами учета и его распределения между индивидуальным потреблением и расходами на отопление общего имущества. Предлагаются авторские расчетные формулы, позволяющие учитывать различия в степени отапливаемости помещений и обеспечивающие распределение всего объема тепловой энергии, определенного по коллективному (общедомовому) прибору учета, между индивидуальным потреблением и расходами на отопление общего имущества.

Для цитирования в научных исследованиях

Воробьев А.В. Особенности правового регулирования при определении объема тепловой энергии, потребляемой нежилыми помещениями в многоквартирном доме // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 210-217. DOI: 10.34670/AR.2026.60.52.017

Ключевые слова

Теплоснабжение, тепловая энергия, неотапливаемое нежилое помещение, правовой режим, многоквартирный дом, отопление, теплопотребление, централизованная система отопления, индивидуальный прибор учета, расчет платы за отопление, общее имущество, энергетическое право, управление рисками, методология исследования, государственная политика.

Введение

Определение объема тепловой энергии, приходящегося на конкретное нежилое помещение в многоквартирном доме, имеет непосредственное значение для содержания имущественной обязанности его собственника. Однако действующий порядок расчета платы за отопление ставит вопрос не только о техническом определении количества потребленной тепловой энергии, но и о допустимых пределах ее расчетного распределения между различными собственниками помещений.

Основная часть

Проблема заключается в том, что формально корректное применение установленной нормативными актами расчетной формулы не во всех случаях обеспечивает соразмерность полученного результата фактическим условиям теплопотребления. Иными словами, математическая корректность расчета не тождественна его юридической обоснованности. Расчетная конструкция может соответствовать заложенному в ней алгоритму, но одновременно приводить к тому, что имущественная обязанность одного собственника определяется с учетом особенностей теплопотребления другого помещения, объективно не сопоставимого с ним по назначению, температурному режиму или условиям эксплуатации.

Особенно отчетливо указанная проблема проявляется в многоквартирных домах, в которых коллективный (общедомовой) прибор учета тепловой энергии сочетается с индивидуальными приборами учета, установленными лишь в отдельных помещениях. В такой конфигурации показания индивидуального прибора учета используются не только для определения объема тепловой энергии, фактически потребленной соответствующим помещением, но и в качестве исходной величины для расчетного определения потребления помещений, в которых индивидуальные приборы учета отсутствуют. Согласно действующему регулированию в соответствующих случаях формулы 3(1) и 3(7) Правил № 354 взаимосвязаны именно таким образом [Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354, 2011].

Хотя предусмотренный Правилами № 354 расчетный механизм применяется как к жилым, так и к нежилым помещениям, для последних проблема его применения приобретает самостоятельное значение вследствие значительно большей вариативности их функционального назначения, температурного режима, продолжительности эксплуатации и структуры теплопотребления.

Указанная проблема получила конкретное конституционно-правовое выражение в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2026 г. № 46-П [Постановление Конституционного Суда РФ от 07.07.2026 № 46-П, 2026]. Конституционный Суд не признал формулы 3(1) и 3(7) неконституционными сами по себе, однако установил общеобязательный конституционно-правовой смысл их применения, указав, что показания индивидуальных приборов учета, установленных в помещениях с существенно меньшим теплопотреблением, не должны использоваться для расчета теплопотребления иных помещений, если такое различие обусловлено действующими нормативными требованиями или реализованными собственником энергосберегающими мероприятиями.

Следовательно, предметом научной проблемы является не сама математическая конструкция формул 3(1) и 3(7), а пределы ее пригодности в различных конфигурациях теплоснабжения и учета. Конституционно-правовая оценка показала, что наличие индивидуального прибора учета само по себе недостаточно для признания его показаний универсальной расчетной базой. Необходимо учитывать, характеризует ли его показание

теплопотребление конкретного помещения либо может быть использовано для расчетного определения объема потребления иных помещений.

Для нежилых помещений данный вопрос приобретает особую значимость. Различия в их функциональном назначении, нормативном температурном режиме, продолжительности эксплуатации, степени отапливаемости, наличии самостоятельного источника тепловой энергии и энергосберегающих мероприятий объективно способны формировать существенно различающиеся модели теплопотребления. Поэтому единый расчетный алгоритм, не учитывающий указанные обстоятельства, способен приводить к различному соотношению между фактически потребленной тепловой энергией и размером имущественной обязанности собственника. Такая проблема особенно актуальна в отношении паркингов, подвальных, технических помещений, а также иных объектов, режим потребления которых отличается от режима жилых помещений.

Вместе с тем Постановление № 46-П не устраняет всех возникающих вопросов. Конституционный Суд указал на недопустимость использования показаний нетипичного индивидуального прибора учета для расчета помещений без ИПУ, но не определил универсальный количественный критерий существенности различия режимов теплопотребления и не предложил специального порядка расчета во всех иных конфигурациях системы учета. Не получил окончательного разрешения и обратный случай, когда помещение с индивидуальным прибором учета, напротив, характеризуется значительно большим теплопотреблением по сравнению с помещениями без такого прибора.

При этом возникающая расчетная ошибка не ограничивается размером платы собственника помещения без ИПУ. Она непосредственно влияет на последующее распределение остаточного объема тепловой энергии между помещениями и общим имуществом многоквартирного дома. Если расчетное потребление помещений без ИПУ искусственно занижается, соответствующая величина переносится в объем, относимый на отопление общего имущества, вследствие чего меняется содержание имущественных обязанностей собственников помещений с индивидуальным учетом.

В связи с этим возникает необходимость исследовать балансовую и частноправовую сторону расчетного механизма, определив порядок распределения объема тепловой энергии, учтенного коллективным прибором учета, при котором сохраняется фактически измеренное индивидуальное потребление и обеспечивается соразмерное распределение оставшегося объема между помещениями без ИПУ и объемом тепловой энергии, относящимся на отопление общего имущества.

Данная проблема получила частичное разрешение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 7 июля 2026 г. № 46-П. В понимании Конституционного Суда РФ для ее решения расчет теплопотребления в отапливаемых помещениях многоквартирного дома, не оборудованных индивидуальными приборами учета тепловой энергии, должен производиться исходя из общей площади всех указанных помещений, а также разницы между общим количеством тепловой энергии, учтенным коллективным (общедомовым) прибором учета, и ее количеством, учтенным индивидуальными приборами учета.

Вместе с тем данный временный порядок определения объема тепловой энергии для отапливаемых помещений многоквартирного дома, не оборудованных индивидуальными приборами учета тепловой энергии, не дает однозначного ответа на вопрос, каким образом необходимо определять объем тепловой энергии на отапливаемые помещения с индивидуальным прибором учета.

Учитывая, что суммарный объем тепловой энергии, потребленный всеми помещениями в многоквартирном доме, не может превышать объем тепловой энергии, определённый по

показаниям общедомового прибора учета, следует, что объем тепловой энергии, потребленный помещениями с индивидуальными приборами учета, должен определяться исключительно на основании показаний индивидуального прибора учета.

Однако данный вывод противоречит ранее высказанной правовой позиции Конституционного Суда РФ об обязательном несении бремени содержания общего имущества и необходимости оплаты тепловой энергии, приходящейся на отопление мест общего пользования [Постановление Конституционного Суда РФ от 10.07.2018 № 30-П, 2018; Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 № 46-П, 2018; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2021 № 16-П, 2021].

В связи с этим возникает необходимость определить порядок расчета платы за отопление помещения, оборудованного индивидуальным прибором учета, при котором фактически измеренный объем тепловой энергии сохраняется за соответствующим помещением, а приходящаяся на него доля расходов на отопление общего имущества определяется с учетом показаний коллективного (общедомового) прибора учета. Для решения указанной проблемы представляется возможным дополнить Правила № 354 специальной расчетной формулой, предусматривающей сумму объемов тепловой энергии на индивидуальное потребление и объем тепловой энергии, приходящийся на отопление мест общего пользования в целях содержания общего имущества:

$$P_{\text{i}}=\left(\text{V}_{i}^{\text{ипу}}+\frac{\text{S}_{\text{i}}}{\text{S}^{\text{об}}}\times\frac{\left(\text{V}_{\text{д}}-\Sigma\text{V}_{i}^{\text{ипу}}\right)\times\text{S}^{\text{ои}}}{\text{S}^{\text{об}}-\Sigma\text{S}_{i}^{\text{ипу}}-\text{S}_{\text{инд}}+\text{S}^{\text{ои}}} \right)\times T^{T}$$

Предлагаемая расчетная конструкция характеризуется не линейной, а взаимосвязанной зависимостью между площадью помещения, объемом индивидуального потребления и приходящейся на него долей расходов на отопление общего имущества. Изменение площади помещения, оборудованного индивидуальным прибором учета, влияет не только на величину его доли в распределяемом объеме расходов на отопление общего имущества, но и на расчетную площадь, используемую при распределении остаточного объема тепловой энергии. В результате величина приходящейся на помещение доли расходов определяется не изолированно по каждому показателю, а с учетом их взаимосвязи.

Вышеуказанная формула имеет универсальный характер и может применяться с учетом различий в степени отапливаемости помещений. В частности, в случае отсутствия в многоквартирном доме площадей, не участвующих в потреблении тепловой энергии централизованной системой отопления, соответствующий показатель в расчетной формуле принимается равным нулю. Кроме того, данная формула позволяет учитывать различные варианты режима потребления тепловой энергии и принятые собственником такого помещения энергосберегающие мероприятия, направленные на уменьшение объема тепловой энергии на индивидуальное потребление.

С учетом изложенной правовой позиции Конституционного Суда РФ представляется возможным предложить следующую авторскую расчетную формулу определения размера платы за отопление помещения, не оборудованного индивидуальным прибором учета:

$$P_{\text{i}}=\left[\text{S}_{i}\times\frac{\text{V}_{\text{д}}-\Sigma\text{V}_{i}^{\text{ипу}}}{\text{S}^{\text{об}}-\Sigma\text{S}_{i}^{\text{ипу}}-\text{S}_{\text{инд}}+\text{S}^{\text{ои}}}+\frac{\text{S}_{i}}{\text{S}^{\text{об}}}\times\frac{\left(\text{V}_{\text{д}}-\Sigma\text{V}_{i}^{\text{ипу}}\right)\times\text{S}^{\text{ои}}}{\text{S}^{\text{об}}-\Sigma\text{S}_{i}^{\text{ипу}}-\text{S}_{\text{инд}}+\text{S}^{\text{ои}}} \right]\times T^{T}$$

При расчете объема тепловой энергии, приходящегося на неотапливаемое помещение, первое слагаемое приведенной формулы принимает нулевое значение, поскольку площадь такого помещения исключается из расчетной площади непосредственного потребления тепловой энергии централизованной системой. При этом второе слагаемое сохраняет свое значение и отражает приходящуюся на данное помещение долю расходов на отопление общего имущества многоквартирного дома.

Предлагаемый расчетный порядок определения объема тепловой энергии обеспечивает распределение всего объема тепловой энергии, определенного по коллективному (общедомовому) прибору учета, с учетом индивидуального потребления и расходов на отопление общего имущества многоквартирного дома. Балансовое распределение объема тепловой энергии исключает возникновение нераспределенного либо искусственно сформированного расчетного объема и обеспечивает соразмерность имущественной обязанности собственника по оплате тепловой энергии на индивидуальное потребление и приходящейся на принадлежащее ему помещение доли расходов на отопление общего имущества многоквартирного дома.

Проведенное исследование показывает, что применение формул 3(1) и 3(7) Правил № 354 не должно основываться исключительно на формальных показаниях приборов учета без учета фактических и технологически обусловленных особенностей теплоснабжения конкретных помещений. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2026 г. № 46-П подтвердило необходимость исключения такого порядка расчета, при котором существенно отличающиеся условия теплопотребления приводят к несоразмерному перераспределению имущественных обязанностей между собственниками помещений. Для нежилых помещений такая необходимость обусловлена различиями в их функциональном назначении, степени отапливаемости, режиме эксплуатации, наличии неотапливаемой площади, автономных источников тепловой энергии и энергосберегающих мероприятий.

Предложенные в статье расчетные формулы направлены на разграничение индивидуального потребления тепловой энергии и приходящейся на помещение доли расходов на отопление общего имущества. В отношении помещений, оборудованных индивидуальными приборами учета и характеризующихся существенно меньшим объемом потребления, фактически измеренный объем сохраняется за соответствующим помещением, а расходы на отопление общего имущества определяются отдельно. Для помещений, не оборудованных индивидуальными приборами учета, объем тепловой энергии определяется исходя из объема, оставшегося после учета показаний индивидуальных приборов учета, с учетом степени отапливаемости помещений и приходящейся на них доли расходов на отопление общего имущества. Такой подход позволяет распределить весь объем тепловой энергии, определенный по показаниям коллективного (общедомового) прибора учета, с учетом различий в условиях теплопотребления помещений.

В связи с этим представляется необходимым совершенствование пункта 42(1) Правил № 354 путем закрепления специального порядка расчета платы при существенном различии объемов теплопотребления помещений, в том числе для помещений с индивидуальными приборами учета и помещений без них. Нормативное регулирование должно предусматривать возможность учета фактического объема индивидуального потребления и степени отапливаемости помещения при одновременном определении его доли расходов на отопление общего имущества. Реализация такого подхода позволит обеспечить более точное соответствие размера платы фактическим условиям теплоснабжения помещения и содержанию имущественной обязанности его собственника.

Заключение

Предлагаемые расчетные формулы могут быть уточнены, а с учетом дальнейшего развития законодательства и накопления правоприменительной практики может быть разработан иной порядок определения объема тепловой энергии, приходящегося на нежилое помещение как с индивидуальным прибором учета, так и без него. Вместе с тем проблема определения объема тепловой энергии и соразмерной имущественной обязанности собственников нежилых помещений с учетом особенностей их теплопотребления сохраняет самостоятельное научное значение и требует дальнейшего исследования.

Библиография

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.07.2018 № 30-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 157 Жилищного кодекса Российской Федерации, абзацев третьего и четвертого пункта 42(1) Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов в связи с жалобой гражданина С.Н. Деминца» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 № 46-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 40 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов в связи с жалобами граждан В.И. Леоновой и Н.Я. Тимофеева» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2021 № 16-П «По делу о проверке конституционности абзаца третьего пункта 42(1), пунктов 44 и 45 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, а также формулы 3 приложения N 2 к данным Правилам в связи с жалобой гражданки В.Н. Шестериковой» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.07.2026 № 46-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 2, 42(1) и 43 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, а также формул 3(1) и 3(7) приложения N 2 к данным Правилам в связи с жалобами граждан Терехиной Людмилы Кирилловны и Юхнева Дмитрия Викторовича» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru.
5. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 (ред. от 19.12.2025) «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» // Собрание законодательства РФ, 30.05.2011, № 22, ст. 3168.

Peculiarities of Legal Regulation in Determining the Volume of Thermal Energy Consumed by Non-Residential Premises in an Apartment Building

Andrei V. Vorob'ev

Postgraduate Student,
Institute of Postgraduate and Doctoral Studies,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: info@450040.ru

Abstract

The article examines the peculiarities of legal regulation in determining the volume of thermal energy consumed by non-residential premises in an apartment building, and the corresponding

property obligation of their owners. The Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 7, 2026 No. 46-P is analyzed, which determined the constitutional-legal limits of applying formulas 3(1) and 3(7) of the Rules for the Provision of Utility Services No. 354 under conditions of a significant difference in the heat consumption regimes of premises. The necessity of taking into account the actual and technologically conditioned peculiarities of heat supply to non-residential premises is substantiated, including their functional purpose, temperature and operating regimes, degree of heating, presence of individual metering devices, unheated area, autonomous sources of thermal energy, and energy-saving measures. The problems of determining the volume of thermal energy in premises with individual metering devices and its distribution between individual consumption and expenses for heating the common property are identified. The author's calculation formulas are proposed, which allow taking into account differences in the degree of heating of premises and ensure the distribution of the entire volume of thermal energy determined by the collective (common building) metering device between individual consumption and expenses for heating the common property.

For citation

Vorob'ev A.V. (2026) Osobennosti pravovogo regulirovaniya pri opredelenii ob"ema teplovoy energii, potreblyaemoy nezhilymi pomeshcheniyami v mnogokvartirnom dome [Peculiarities of Legal Regulation in Determining the Volume of Thermal Energy Consumed by Non-Residential Premises in an Apartment Building]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 210-217. DOI: 10.34670/AR.2026.60.52.017

Keywords

Heat supply, thermal energy, unheated non-residential premises, legal regime, apartment building, heating, heat consumption, centralized heating system, individual metering device, calculation of heating charges, common property, energy law, risk management, research methodology, state policy.

References

1. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 10.07.2018 No. 30-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 1 stat'i 157 Zhilishchnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, abzattsev tret'ego i chetvertogo punkta 42(1) Pravil predostavleniya kommunal'nykh uslug sobstvennikam i pol'zovatelyam pomeshcheniy v mnogokvartirnykh domakh i zhilykh domov v svyazi s zhaloboy grazhdanina S.N. Demintsa" [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 30-P of 10 July 2018]. (2018). *Official Internet Portal of Legal Information*. http://www.pravo.gov.ru
2. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 20.12.2018 No. 46-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti abzatsa vtorogo punkta 40 Pravil predostavleniya kommunal'nykh uslug sobstvennikam i pol'zovatelyam pomeshcheniy v mnogokvartirnykh domakh i zhilykh domov v svyazi s zhalobami grazhdan V.I. Leonovoy i N.Ya. Timofeeva" [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 46-P of 20 December 2018]. (2018). *Official Internet Portal of Legal Information*. http://www.pravo.gov.ru
3. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 27.04.2021 No. 16-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti abzatsa tret'ego punkta 42(1), punktov 44 i 45 Pravil predostavleniya kommunal'nykh uslug sobstvennikam i pol'zovatelyam pomeshcheniy v mnogokvartirnykh domakh i zhilykh domov, a takzhe formuly 3 prilozheniya N 2 k dannym Pravilam v svyazi s zhaloboy grazhdanki V.N. Shesterikovoy" [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P of 27 April 2021]. (2021). *Official Internet Portal of Legal Information*. http://pravo.gov.ru
4. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 07.07.2026 No. 46-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punktov 2, 42(1) i 43 Pravil predostavleniya kommunal'nykh uslug sobstvennikam i pol'zovatelyam pomeshcheniy v mnogokvartirnykh domakh i zhilykh domov, a takzhe formul 3(1) i 3(7) prilozheniya N 2 k dannym Pravilam v svyazi s zhalobami grazhdan Terekhinoy Lyudmily Kirillovny i Yukhneva Dmitriya Viktorovicha" [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 46-P of 7 July 2026]. (2026) *Official Internet Portal of Legal*

Information. http://pravo.gov.ru
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 06.05.2011 No. 354 (red. ot 19.12.2025) "O predostavlenii kommunal'nykh uslug sobstvennikam i pol'zovatelyam pomeshcheniy v mnogokvartirnykh domakh i zhilykh domov" [Decree of the Government of the Russian Federation No. 354 of 6 May 2011]. (2011). *Sobranie zakonodatel'stva RF*, (22), Art. 3168.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.9+346.64 **DOI: 10.34670/AR.2026.73.63.018**

Критерии дифференциации досудебного (претензионного) порядка в корпоративных спорах

Косинов Владислав Владимирович

Аспирант,
кафедра судебного права,
Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
117218, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34;
e-mail: vkosinov22@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена основаниям дифференциации обязательного досудебного (претензионного) порядка применительно к требованиям, рассматриваемым в качестве корпоративных споров. Часть 5 статьи 4 АПК РФ освобождает дела по корпоративным спорам от соблюдения досудебного порядка независимо от содержания предъявляемого требования. В научной литературе ранее отмечались неоднородность корпоративных споров, значение особенностей корпоративного конфликта для выбора способа его разрешения и возможность установления обязательных способов предварительного урегулирования для отдельных категорий споров. Цель исследования состоит в определении свойств корпоративного требования, которые могут учитываться при решении вопроса об установлении обязательного досудебного порядка. К таким свойствам отнесены возможность достижения требуемого правового результата без судебного разрешения спора; возможность сохранить эффективность судебной защиты на период соблюдения обязательного досудебного порядка с помощью предусмотренных законом процессуальных средств; наличие и правовое назначение предусмотренных законом действий, предшествующих обращению в суд или необходимых для осуществления соответствующего корпоративного права; состав лиц, участвующих в досудебном урегулировании, и наличие у них прав и полномочий, достаточных для урегулирования спора без обращения в суд. Сделан вывод о необходимости оценки обязательного досудебного порядка применительно к отдельным видам корпоративных требований с учетом совокупности названных критериев.

Для цитирования в научных исследованиях

Косинов В.В. Критерии дифференциации досудебного (претензионного) порядка в корпоративных спорах // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 218-229. DOI: 10.34670/AR.2026.73.63.018

Ключевые слова

Корпоративный спор, досудебное урегулирование, обязательный досудебный порядок, претензионный порядок, корпоративный конфликт, предварительные обеспечительные меры, судебная защита, арбитражный процесс, дифференциация, процессуальные средства.

Введение

Под досудебным урегулированием Верховный Суд РФ понимает деятельность сторон спора до обращения в суд, осуществляемую ими самостоятельно либо с привлечением третьих лиц, а также путем обращения к уполномоченному органу публичной власти в случаях, предусмотренных законом [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18, 20212]. Это понятие шире обязательного досудебного порядка. Последний приобретает процессуальное значение тогда, когда закон или договор связывает с его соблюдением возможность обращения в суд.

Е.А. Фокин характеризует досудебный порядок урегулирования спора как комплексный материально-правовой и процессуальный институт [Фокин, 2021]. Такое понимание позволяет учитывать содержание спорного правоотношения при оценке обоснованности обязательного досудебного порядка.

Основная часть

Часть 5 статьи 4 АПК РФ предусматривает, что гражданско-правовые споры о взыскании денежных средств по требованиям, возникшим из договоров, других сделок и вследствие неосновательного обогащения, могут быть переданы на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер по досудебному урегулированию по истечении тридцати календарных дней со дня направления претензии или требования, если иные срок или порядок не установлены законом либо договором. Иные споры, возникающие из гражданских правоотношений, предполагают соблюдение досудебного порядка только тогда, когда такая обязанность установлена федеральным законом или договором. Абзац четвертый той же части прямо указывает, что соблюдение досудебного порядка урегулирования спора не требуется по делам по корпоративным спорам [Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, 2002].

Таким образом, законодатель связывает исключение с принадлежностью дела к категории корпоративных споров. Содержание конкретного требования внутри этой категории самостоятельного значения для применения части 5 статьи 4 АПК РФ не имеет.

Неоднородность корпоративных споров ранее исследовалась Е.И. Вялых. Автор характеризует эту категорию как собирательную, объединяющую конфликты, возникающие из различных по своей структуре правоотношений. Анализируя освобождение корпоративных споров от обязательного досудебного порядка, Е.И. Вялых обращает внимание на то, что применительно к отдельным требованиям такое исключение определяется их законодательной квалификацией как корпоративных, хотя по содержанию соответствующие конфликты могут быть сопоставимы с иными гражданско-правовыми спорами [Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, 2002, с. 109].

Более ранние исследования корпоративных конфликтов также исходили из необходимости учитывать различия между ними. А.А. Данельян связывал их классификацию с выбором наиболее подходящего способа разрешения и учитывал состав участников, цели сторон, способы их поведения, способы прекращения конфликта и его последствия [Данельян, 2006]. А.Р. Андреева исследовала возможность использования медиации в корпоративных отношениях и предлагала предусмотреть обязательное обращение к ней до суда применительно к отдельным категориям корпоративных конфликтов [Андреева, 2011].

Следовательно, сама неоднородность корпоративных споров и возможность учитывать

свойства корпоративного конфликта при выборе способа его разрешения уже получили доктринальное обоснование. Для применения части 5 статьи 4 АПК РФ остается более узкий вопрос о свойствах конкретного требования, которые способны обосновать различия в регулировании обязательного досудебного порядка.

Выделяемые в настоящей статье критерии предназначены для оценки отдельных категорий корпоративных требований при определении правил их досудебного урегулирования. Они не предполагают предоставления суду права самостоятельно устанавливать обязательный досудебный порядок применительно к конкретному иску. При отсутствии соответствующего требования закона или договора суд не вправе связывать возможность обращения за судебной защитой с предварительным совершением действий, которые действующим правом не предусмотрены в качестве обязательных.

Практическое значение поставленного вопроса видно при сопоставлении различных корпоративных требований.

В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 2 апреля 2018 г. № 305-ЭС17-17083 по делу № А40-35170/2017 рассматривался спор, в котором ООО «Корпоративный Тауэр» предъявило требования о признании недействительной крупной сделки и применении последствий ее недействительности. При рассмотрении вопроса о принятии иска возникло разногласие относительно необходимости соблюдения досудебного порядка в связи с тем, что требование предъявлялось самой корпорацией. Верховный Суд РФ отнес спор к корпоративным и признал применение обязательного досудебного порядка необоснованным [Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 02.04.2018 № 305-ЭС17-17083, 2018].

Для оценки такого требования имеет значение его материально-правовое содержание. Согласно пункту 1 статьи 166 ГК РФ оспоримая сделка является недействительной в силу признания ее таковой судом [Гражданский кодекс Российской Федерации, 1994]. Предполагаемый ответчик поэтому не может собственным волеизъявлением обеспечить возникновение того же правового результата, который достигается судебным признанием оспоримой сделки недействительной.

Иной характер имеют требования, исполнение которых находится в пределах юридической и фактической возможности обязанного лица.

В постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 марта 2026 г. № 13АП-32686/2025 по делу № А56-21436/2025 рассматривался иск бывшего единственного участника ООО «Петербургский завод прецизионных сплавов» о взыскании невыплаченной части распределенной прибыли и процентов за пользование чужими денежными средствами. Ответчик ссылался на несоблюдение претензионного порядка. Апелляционный суд отклонил этот довод, поскольку право на получение распределенной прибыли возникло из участия истца в обществе, а спор относился к корпоративным [Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2026 № 13АП-32686/2025, 2026].

Исполнение соответствующей обязанности не требовало предварительного судебного акта. Общество располагало юридической возможностью выплатить распределенную прибыль добровольно.

В постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 21 марта 2025 г. № 10АП-1857/2025 по делу № А41-79292/2024 рассматривалось требование бывшего участника ООО «Корунд+» о взыскании процентов по статье 395 ГК РФ за просрочку выплаты действительной стоимости доли. Сама действительная стоимость доли ранее была взыскана решением суда в рамках дела № А41-62975/2023. Апелляционный суд признал требование о процентах

непосредственно связанным с первоначальным корпоративным спором и распространил на него установленное частью 5 статьи 4 АПК РФ исключение [Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 21.03.2025 № 10АП-1857/2025, 2025]. Уплата начисленных процентов также могла быть произведена обществом без вынесения нового судебного решения.

Сопоставление указанных требований позволяет выделить значение возможности достижения требуемого правового результата без судебного разрешения спора.

Речь идет о возможности получения именно того юридически значимого результата, на который направлено требование. Общая способность сторон вести переговоры или достичь иного компромисса для такой оценки недостаточна.

Этот подход согласуется с предложенным Е.Г. Потапенко критерием достижимости цели претензионного порядка. Автор использует его при исследовании процессуальных последствий несоблюдения обязательного претензионного порядка [Потапенко, 2021]. Предмет указанной работы отличается от рассматриваемого здесь вопроса, однако сам функциональный подход применим и при оценке обоснованности обязательного предварительного урегулирования.

Не всякий корпоративный спор, допускающий достижение требуемого результата без судебного решения, одинаково пригоден для установления обязательного периода ожидания перед обращением в суд. В корпоративных отношениях течение времени способно существенно повлиять на положение заинтересованного лица. За период развития конфликта могут измениться состав органов управления, сведения в ЕГРЮЛ, принадлежность долей или акций, состояние имущества общества. Е.В. Михайлова обращает внимание на то, что обязательное досудебное урегулирование в отдельных случаях способно усложнить и затянуть защиту нарушенного или оспоренного права [Михайлова, 2022].

Арбитражное процессуальное законодательство содержит средства, предназначенные для сохранения возможности эффективной защиты еще до предъявления иска. Часть 1 статьи 99 АПК РФ допускает принятие предварительных обеспечительных мер до предъявления искового заявления. Часть 3.1 этой статьи специально определяет подсудность заявления об обеспечении имущественных интересов по спору, указанному в статье 225.1 АПК РФ [Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, 2002].

Для рассматриваемой проблемы особенно значима часть 5 статьи 99 АПК РФ. Если в отношении будущего требования законом предусмотрено обязательное соблюдение претензионного или иного досудебного порядка, суд при принятии предварительных обеспечительных мер устанавливает срок для направления претензии или требования и срок для последующей подачи искового заявления [Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, 2002]. Закон допускает одновременное существование обязательного досудебного порядка и предварительной судебной защиты.

Пункт 41 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15 разъясняет, что в арбитражном судопроизводстве предварительные обеспечительные меры могут приниматься по требованиям имущественного и неимущественного характера [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15, 2023]. Это имеет непосредственное значение для корпоративных споров, значительная часть которых связана с требованиями неимущественного характера.

Использование предварительных обеспечительных мер в корпоративном конфликте отражено в постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19 января 2021 г. № Ф03-5849/2020 по делу № А04-6979/2020. До предъявления основного иска член совета директоров ООО «Капстрой» обратился с заявлением о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на недопущение регистрационных изменений в

отношении общества. Суды первой и апелляционной инстанций приняли соответствующие меры. Суд округа оставил судебные акты в силе, исходя из необходимости сохранения существовавшего положения до разрешения корпоративного конфликта [Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19.01.2021 № Ф03-5849/2020, 2021].

Впоследствии основное требование заявителя удовлетворено не было, а обеспечительные меры были отменены. Значение указанного дела для настоящего исследования ограничивается подтверждением возможности использования статьи 99 АПК РФ для сохранения существующего положения до предъявления корпоративного иска. Из него не следует универсальная пригодность предварительного обеспечения для любого корпоративного требования.

Пределы такой защиты устанавливаются общими положениями главы 8 АПК РФ и специальными нормами статьи 225.6 АПК РФ. Согласно части 1 статьи 225.6 обеспечительные меры по корпоративным спорам принимаются при наличии оснований, предусмотренных статьей 90 АПК РФ. Их применение не должно приводить к фактической невозможности осуществления юридическим лицом своей деятельности, существенному затруднению этой деятельности или нарушению законодательства. В числе возможных обеспечительных мер закон предусматривает арест акций и долей, запреты на совершение определенных действий с ними, запреты на принятие органами юридического лица решений по вопросам, относящимся к предмету спора, а также иные связанные с корпоративным конфликтом ограничения [Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, 2002].

Поэтому для оценки обязательного досудебного порядка имеет значение возможность сохранить эффективность судебной защиты на период его соблюдения с помощью предусмотренных законом процессуальных средств.

Необходимость оперативного вмешательства сама по себе не предрешает вопрос о допустимости обязательного досудебного порядка. Значение имеет наличие процессуальных средств, способных предотвратить ухудшение положения заинтересованного лица до предъявления иска, и пределы их применения применительно к соответствующей категории требований.

Специальное значение временного фактора подтверждается также статьей 225.7 АПК РФ. Дела о понуждении юридического лица созвать общее собрание участников рассматриваются в срок, не превышающий одного месяца со дня поступления искового заявления, а решение суда по общему правилу подлежит немедленному исполнению [Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, 2002]. Законодатель тем самым уже учитывает особую потребность в оперативной защите применительно к отдельной категории корпоративных требований.

Следующий аспект связан с действиями, которые корпоративное законодательство уже предусматривает до обращения в суд.

Пункт 2 статьи 65.2 ГК РФ возлагает на участника корпорации или саму корпорацию, намеренных предъявить требование о возмещении причиненных корпорации убытков либо о признании сделки корпорации недействительной или применении последствий ее недействительности, обязанность принять разумные меры по заблаговременному уведомлению других участников, а в соответствующих случаях самой корпорации, о намерении обратиться в суд. Пункт 6 статьи 181.4 ГК РФ устанавливает требование о заблаговременном письменном уведомлении участников гражданско-правового сообщества при намерении оспорить решение собрания [Гражданский кодекс Российской Федерации, 1994].

Такое уведомление имеет самостоятельное правовое назначение. В пункте 115

Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 прямо указано, что уведомление, предусмотренное пунктом 6 статьи 181.4 ГК РФ, не является досудебным порядком урегулирования спора [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25, 2015]. Пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 18 также относит заблаговременное уведомление участников гражданско-правового сообщества о намерении обратиться в суд к сообщениям информационного характера, которые не являются досудебным порядком урегулирования спора [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18, 2021].

Эта позиция применяется судами и к иным корпоративным уведомлениям. В постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 30 июля 2019 г. № Ф02-3364/2019 по делу № А33-14324/2018 рассматривался спор о взыскании с бывшего руководителя и участника ООО «Востокгеофизика» убытков, связанных с доначислением обществу налога и пеней. В кассационной жалобе ставился вопрос о несоблюдении предварительного уведомления, предусмотренного пунктом 2 статьи 65.2 ГК РФ. Суд округа указал, что такое уведомление не является досудебным порядком урегулирования спора и его несовершение само по себе не образует основания для оставления иска без рассмотрения по пункту 2 части 1 статьи 148 АПК РФ [Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 30.07.2019 № Ф02-3364/2019, 2019].

Е.С. Раздьяконов также разграничивает функциональное назначение досудебных уведомлений и действий, направленных на примирение участников корпоративного конфликта. Предварительное уведомление прежде всего обеспечивает информирование субъектов многосубъектного корпоративного отношения о предстоящем судебном разбирательстве, хотя в конкретной ситуации оно может послужить основанием для начала переговоров [Раздьяконов, 2024].

Иное назначение имеет требование участника хозяйственного общества о предоставлении информации. Статья 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» закрепляет право участника на получение документов общества и определяет порядок их предоставления [Об обществах с ограниченной ответственностью, 1998].

В постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 8 июня 2026 г. № 10АП-6992/2026 по делу № А41-62385/2025 рассматривался иск участника ООО «Русские бани» С.И. Алешина об обязании общества предоставить заверенные копии документов и о взыскании судебной неустойки. До обращения в суд участник направил обществу требование о предоставлении документов, которое было исполнено не в полном объеме. Апелляционный суд подтвердил наличие у участника права на запрошенную корпоративную информацию [Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 08.06.2026 № 10АП-6992/2026, 2026].

Предварительное требование в таком случае непосредственно связано с осуществлением корпоративного права на информацию. Его направление до обращения в суд не означает тождества с общим обязательным претензионным порядком, предусмотренным частью 5 статьи 4 АПК РФ.

Такой вывод согласуется с Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 18 января 2011 г. № 144. В содержащихся в нем разъяснениях допускается удовлетворение требования о предоставлении информации при отсутствии доказательств обращения участника к обществу до возбуждения дела, если к моменту разрешения спора информация ему не предоставлена. В таком случае само исковое заявление может рассматриваться в качестве требования участника о предоставлении информации [Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 №

144, 2011].

Р.Ю. Банников обращает внимание на содержательное различие способов досудебного урегулирования и на невозможность делать одинаковые выводы о различных механизмах только на основании того, что все они предшествуют судебному разбирательству [Банников, 2023]. Ф.М. Сафаралиев и А.М. Эрделевский применительно к корпоративным конфликтам указывают на фрагментарность регулирования досудебного и внесудебного урегулирования, нормы о котором распределены между гражданским, корпоративным и процессуальным законодательством [Сафаралиев, Эрделевский, 2026].

При решении вопроса об установлении обязательного досудебного порядка поэтому имеет значение наличие и правовое назначение предусмотренных законом действий, предшествующих обращению в суд или необходимых для осуществления соответствующего корпоративного права. Дополнительное обязательное предварительное действие имеет смысл при наличии самостоятельной функции и не должно неоправданно воспроизводить уже существующие механизмы.

Еще одна особенность корпоративных споров связана с составом субъектов спорного отношения. Возможность урегулирования зависит не только от содержания требования, но и от того, чьи права и законные интересы затрагиваются конфликтом и какие лица способны своими действиями обеспечить его прекращение.

Е.С. Трезубов при исследовании медиабельности корпоративных споров рассматривает как объективные, так и субъективные критерии возможности применения медиации, включая особенности субъектного состава корпоративного конфликта [Трезубов, 2026].

Для обязательного досудебного порядка этот вопрос приобретает самостоятельное значение. Лица, участвующие в досудебном урегулировании, должны обладать правами и полномочиями, достаточными для достижения результата, который устранит необходимость судебного разрешения спора.

Значение интересов лиц, не являющихся непосредственными сторонами договоренности, отражено и в статье 225.5 АПК РФ. Корпоративные споры могут быть урегулированы путем заключения мирового соглашения или использования других примирительных процедур. Арбитражный суд при этом не принимает отказ истца от иска, признание иска ответчиком и не утверждает мировое соглашение, если соответствующее распорядительное действие противоречит закону либо нарушает права или законные интересы других лиц, включая юридическое лицо, указанное в статье 225.1 АПК РФ [Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, 2002].

При оценке обязательного досудебного порядка поэтому имеют значение состав лиц, участвующих в досудебном урегулировании, и наличие у них прав и полномочий, достаточных для урегулирования спора без обращения в суд.

Этот критерий отличается от возможности достижения требуемого правового результата без судебного разрешения спора. Возможность достижения результата характеризует само требование. Состав участников и объем их полномочий характеризуют субъектов, от волеизъявления которых зависит его достижение.

Денежное требование участника к обществу, например, может быть исполнено самим обществом. Урегулирование производного спора или конфликта, затрагивающего права нескольких участников корпорации, может зависеть от волеизъявления более широкого круга лиц. Двустороннее предварительное взаимодействие предполагаемого истца и одного предполагаемого ответчика в таком случае не всегда способно устранить спор.

Проведенный анализ позволяет определить место предлагаемого подхода среди ранее

сформулированных научных положений. А.А. Данельян классифицировал корпоративные конфликты для выбора способов их разрешения [Данельян, 2006]. А.Р. Андреева исследовала возможность обязательного обращения к медиации применительно к отдельным категориям корпоративных конфликтов [Андреева, 2011]. Исследования медиабельности направлены на определение пригодности конфликта для примирительного урегулирования. Настоящая работа посвящена другому вопросу — основаниям установления обязательного досудебного порядка как условия последующего обращения в арбитражный суд.

Отнесение дела к корпоративным спорам по статье 225.1 АПК РФ определяет особенности его судебного рассмотрения. При этом данная категория охватывает требования различной материально-правовой природы. Свойства, имеющие значение для предварительного урегулирования, способны различаться внутри одной процессуальной категории.

К критериям дифференциации обязательного досудебного порядка применительно к корпоративным требованиям относятся возможность достижения требуемого правового результата без судебного разрешения спора; возможность сохранить эффективность судебной защиты на период соблюдения обязательного досудебного порядка с помощью предусмотренных законом процессуальных средств; наличие и правовое назначение предусмотренных законом действий, предшествующих обращению в суд или необходимых для осуществления соответствующего корпоративного права; состав лиц, участвующих в досудебном урегулировании, и наличие у них прав и полномочий, достаточных для урегулирования спора без обращения в суд.

Эти критерии подлежат оценке в совокупности применительно к отдельным видам корпоративных требований. Возможность получить требуемый правовой результат без судебного решения не свидетельствует сама по себе о целесообразности обязательного периода ожидания перед обращением в суд. Предварительные обеспечительные меры позволяют сохранить эффективность судебной защиты лишь в пределах, установленных процессуальным законом. Предусмотренные корпоративным законодательством уведомления и требования имеют собственное правовое назначение, которое необходимо учитывать при установлении дополнительного обязательного порядка. Результат досудебного урегулирования зависит также от состава участвующих в нем лиц и объема принадлежащих им прав и полномочий.

Заключение

Сформулированные критерии не образуют непосредственного основания для изменения части 5 статьи 4 АПК РФ. Для решения вопроса о совершенствовании действующего регулирования требуется их последовательная проверка применительно к основным видам требований, охватываемым статьей 225.1 АПК РФ. Такая проверка позволит установить, существуют ли среди корпоративных требований категории, для которых обязательный досудебный порядок имеет самостоятельное правовое и практическое значение.

Библиография

1. Андреева А.Р. Правовое регулирование корпоративных конфликтов по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2011. 185 с.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Банников Р.Ю. Переговоры, медиация и досудебный порядок урегулирования спора // Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе: монография / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. Москва: Статут, 2023. С. 141–158.

4. Вялых Е.И. Процессуальные особенности рассмотрения корпоративных споров в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Воронеж, 2018. 251 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
6. Данельян А.А. Корпорация и корпоративные конфликты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2006. 160 с.
7. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 января 2011 г. № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ».
8. Михайлова Е.В. Досудебный порядок урегулирования спора в системе защиты гражданских прав // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 1. С. 80–95.
9. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2018 г. № 305-ЭС17-17083 по делу № А40-35170/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 30 июля 2019 г. № Ф02-3364/2019 по делу № А33-14324/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19 января 2021 г. № Ф03-5849/2020 по делу № А04-6979/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 21 марта 2025 г. № 10АП-1857/2025 по делу № А41-79292/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 8 июня 2026 г. № 10АП-6992/2026 по делу № А41-62385/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 7.
16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Российская газета. 2021. 2 июля. № 144.
17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.
18. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 марта 2026 г. № 13АП-32686/2025 по делу № А56-21436/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
19. Потапенко Е.Г. Процессуально-правовые последствия несоблюдения обязательного претензионного порядка при обращении в арбитражный суд // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 5. С. 27–30.
20. Раздьяконов Е.С. Процессуальные особенности примирения субъектов корпоративных отношений в арбитражном суде // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 2. С. 40–63.
21. Сафаралиев Ф.М. оглы, Эрделевский А.М. Системные проблемы развития институтов досудебного и внесудебного урегулирования корпоративных конфликтов в российском праве // Образование и право. 2026. № 8. С. 527–534.
22. Трезубов Е.С. Медиабельность корпоративных споров // Российский судья. 2026. № 5. С. 8–12.
23. Фокин Е.А. Досудебное урегулирование споров в арбитражном процессе: эволюция и противоречия подходов судебной практики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 14, № 4. С. 124–151.

Criteria for Differentiating the Pre-Trial (Claim) Procedure in Corporate Disputes

Vladislav V. Kosinov

Postgraduate Student,
Department of Judicial Law,
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
117218, 34, Bol'shaya Cheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vkosinov22@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the grounds for differentiating the mandatory pre-trial (claim) procedure in relation to claims considered as corporate disputes. Part 5 of Article 4 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation exempts cases on corporate disputes from compliance with the pre-trial procedure regardless of the content of the claim submitted. In scientific literature, the heterogeneity of corporate disputes, the significance of the specifics of a corporate conflict for the choice of the method of its resolution, and the possibility of establishing mandatory methods of preliminary settlement for certain categories of disputes have previously been noted. The objective of the study is to determine the properties of a corporate claim that may be taken into account when deciding on the establishment of a mandatory pre-trial procedure. Such properties include the possibility of achieving the required legal result without judicial resolution of the dispute; the possibility of preserving the effectiveness of judicial protection for the period of compliance with the mandatory pre-trial procedure by means of the procedural instruments provided by law; the existence and legal purpose of the actions provided by law that precede recourse to court or are necessary for the exercise of the corresponding corporate right; the composition of persons participating in the pre-trial settlement and the availability of rights and powers sufficient for them to settle the dispute without recourse to court. A conclusion is drawn on the necessity of assessing the mandatory pre-trial procedure in relation to certain types of corporate claims, taking into account the combination of the named criteria.

For citation

Kosinov V.V. (2026) Kriterii differentsiatsii dosudebnogo (pretenzionnogo) poryadka v korporativnykh sporakh [Criteria for Differentiating the Pre-Trial (Claim) Procedure in Corporate Disputes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 218-229. DOI: 10.34670/AR.2026.73.63.018

Keywords

Corporate dispute, pre-trial settlement, mandatory pre-trial procedure, claim procedure, corporate conflict, preliminary interim measures, judicial protection, arbitration process, differentiation, procedural instruments.

References

1. Andreeva, A.R. (2011). *Pravovoe regulirovanie korporativnykh konfliktov po zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii* [Legal Regulation of Corporate Conflicts under the Legislation of the Russian Federation]: Candidate dissertation: 12.00.03. Moscow.
2. *Arbitrazhnyy protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Federalnyy zakon ot 24 iyulya 2002 g. No. 95-FZ* [Commercial Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of July 24, 2002 No. 95-FZ]. (2002). Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, No. 30, Art. 3012.
3. Bannikov, R.Yu. (2023). Peregovory, mediatsiya i dosudebnyy poryadok uregulirovaniya spora [Negotiations, Mediation and Pre-Trial Dispute Settlement Procedure]. In E.I. Nosyreva, & D.G. Filchenko (Eds.), *Peregovory v grazhdanskom prave i tsivilisticheskom protsesse* [Negotiations in Civil Law and Civil Procedure]: Monograph (pp. 141–158). Moscow: Statut.
4. Danelyan, A.A. (2006). *Korporatsiya i korporativnye konflikty* [Corporation and Corporate Conflicts]: Candidate dissertation: 12.00.03. Moscow.
5. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast pervaya: Federalnyy zakon ot 30 noyabrya 1994 g. No. 51-FZ* [Civil Code of the Russian Federation. Part One: Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ]. (1994). Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, No. 32, Art. 3301.
6. *Informatsionnoe pismo Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 18 yanvarya 2011 g. No. 144*

"O nekotorykh voprosakh praktiki rassmotreniya arbitrazhnymi sudami sporov o predostavlenii informatsii uchastnikam khozyaystvennykh obshchestv" [Information Letter of the Presidium of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation of January 18, 2011 No. 144 "On Certain Issues of Judicial Practice in Considering Disputes on Providing Information to Participants of Business Companies"].

7. Mikhaylova, E.V. (2022). Dosudebnyy poryadok uregulirovaniya spora v sisteme zashchity grazhdanskikh prav [Pre-Trial Dispute Settlement Procedure in the System of Protection of Civil Rights]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 15(1), 80–95.
8. *Ob obshchestvakh s ogranichennoy otvetstvennostyu: Federalnyy zakon ot 8 fevralya 1998 g. No. 14-FZ* [On Limited Liability Companies: Federal Law of February 8, 1998 No. 14-FZ]. (1998). Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, No. 7, Art. 785.
9. *Opredelenie Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 2 aprelya 2018 g. No. 305-ES17-17083 po delu No. A40-35170/2017* [Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of April 2, 2018 No. 305-ES17-17083 in Case No. A40-35170/2017]. ConsultantPlus.
10. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Dalnevostochnogo okruga ot 19 yanvarya 2021 g. No. F03-5849/2020 po delu No. A04-6979/2020* [Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of January 19, 2021 No. F03-5849/2020 in Case No. A04-6979/2020]. ConsultantPlus.
11. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Vostochno-Sibirskogo okruga ot 30 iyulya 2019 g. No. F02-3364/2019 po delu No. A33-14324/2018* [Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District of July 30, 2019 No. F02-3364/2019 in Case No. A33-14324/2018]. ConsultantPlus.
12. *Postanovlenie Desyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 21 marta 2025 g. No. 10AP-1857/2025 po delu No. A41-79292/2024* [Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal of March 21, 2025 No. 10AP-1857/2025 in Case No. A41-79292/2024]. ConsultantPlus.
13. *Postanovlenie Desyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 8 iyunya 2026 g. No. 10AP-6992/2026 po delu No. A41-62385/2025* [Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal of June 8, 2026 No. 10AP-6992/2026 in Case No. A41-62385/2025]. ConsultantPlus.
14. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 1 iyunya 2023 g. No. 15 "O nekotorykh voprosakh prinyatiya sudami mer po obespecheniyu iska, obespechitelnykh mer i mer predvaritelnoy zashchity"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 1, 2023 No. 15 "On Certain Issues of the Adoption by Courts of Measures to Secure a Claim, Interim Measures and Measures of Preliminary Protection"]. (2023). Byulleten Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii, No. 7.
15. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 22 iyunya 2021 g. No. 18 "O nekotorykh voprosakh dosudebnogo uregulirovaniya sporov, rassmatrivaemykh v poryadke grazhdanskogo i arbitrazhnogo sudoproizvodstva"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 22, 2021 No. 18 "On Certain Issues of Pre-Trial Settlement of Disputes Considered in Civil and Commercial Proceedings"]. (2021). Rossiyskaya gazeta, July 2, No. 144.
16. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 23 iyunya 2015 g. No. 25 "O primenenii sudami nekotorykh polozheniy razdela I chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation"]. (2015). Byulleten Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii, No. 8.
17. *Postanovlenie Trinadtsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 24 marta 2026 g. No. 13AP-32686/2025 po delu No. A56-21436/2025* [Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal of March 24, 2026 No. 13AP-32686/2025 in Case No. A56-21436/2025]. ConsultantPlus.
18. Potapenko, E.G. (2021). Protsessualno-pravovye posledstviya nesoblyudeniya obyazatelnogo pretensionnogo poryadka pri obrashchenii v arbitrazhnyy sud [Procedural and Legal Consequences of Non-Compliance with the Mandatory Claims Procedure When Applying to a Commercial Court]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess* [Commercial and Civil Procedure], (5), 27–30.
19. Razdyakonov, E.S. (2024). Protsessualnye osobennosti primireniya subektov korporativnykh otnosheniy v arbitrazhnom sude [Procedural Features of Conciliation of Subjects of Corporate Relations in a Commercial Court]. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga* [Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District], (2), 40–63.
20. Safaraliev, F.M. oglu, & Erdelevsky, A.M. (2026) Sistemnye problemy razvitiya institutov dosudebnogo i vnesudebnogo uregulirovaniya korporativnykh konfliktov v rossiyskom prave [Systemic Problems of the Development of Institutions of Pre-Trial and Out-of-Court Settlement of Corporate Conflicts in Russian Law]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], (8), 527–534.
21. Trezubov, E.S. (2026) Mediability korporativnykh sporov [Mediability of Corporate Disputes]. *Rossiyskiy sudya* [Russian Judge], (5), 8–12.
22. Fokin, E.A. (2021). Dosudebnoe uregulirovanie sporov v arbitrazhnom protsesse: evolyutsiya i protivorechiya

podkhodov sudebnoy praktiki [Pre-Trial Dispute Settlement in Commercial Procedure: Evolution and Contradictions of Approaches in Judicial Practice]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 14(4), 124–151.

23. Vyalykh, E.I. (2018). *Protsessualnye osobennosti rassmotreniya korporativnykh sporov v Rossiyskoy Federatsii* [Procedural Features of Considering Corporate Disputes in the Russian Federation]: Candidate dissertation: 12.00.15. Voronezh.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.44 **DOI: 10.34670/AR.2026.76.42.019**

Фактическая возможность согласования договорных условий как условие применения пункта 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в предпринимательских отношениях

Игошин Сергей Евгеньевич

Руководитель юридического отдела,
Новотэк,
664025, Российская Федерация, Иркутск, ул. Степана Разина, 13;
e-mail: igoshin.sergey.e@gmail.com

Аннотация

В условиях динамичного развития рыночных отношений, усложнения договорных конструкций и роста практики использования стандартных форм договоров проблема сохранения баланса интересов сторон приобретает особую остроту. Принцип свободы договора, являющийся фундаментальным началом гражданского права, всё чаще оказывается востребованным в ситуациях, когда формальное равенство сторон не соответствует их фактической способности влиять на содержание сделки, что создаёт предпосылки для включения обременительных условий. В этой связи особую значимость приобретает механизм, предусмотренный пунктом 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации: он позволяет квалифицировать договор, формально не являющийся договором присоединения, в качестве такового и применить к нему соответствующие правила защиты. Однако ключевым критерием применения указанных положений законодательства выступает фактическая возможность согласования договорных условий, которая не имеет легального определения и не получила единообразной оценки в правоприменительной практике. В настоящей работе на основе анализа правоприменительной практики и доктринальных подходов предложено авторское понимание данного критерия, определены обстоятельства, подлежащие судебной проверке, и сформулирована последовательность оценки реальности переговорного процесса. Обосновывается вывод о необходимости совокупного установления как переговорного дефекта, так и явной обременительности условия.

Для цитирования в научных исследованиях

Игошин С.Е. Фактическая возможность согласования договорных условий как условие применения пункта 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в предпринимательских отношениях // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 230-240. DOI: 10.34670/AR.2026.76.42.019

Ключевые слова

Свобода договора, договор присоединения, предпринимательский договор, переговорные возможности, фактическая возможность согласования, несправедливые условия договора, слабая сторона, судебный контроль.

Введение

Свобода договора, являющаяся фундаментальным и основополагающим принципом гражданского законодательства, в последние несколько лет все чаще подвергается переосмыслению в контексте развития рыночных отношений, усложнения договорных конструкций и усиления судебного контроля за справедливостью условий сделок. По общему правилу, свобода договора предполагает возможность заключения любых договоров, как поименованных, так и не поименованных, в соответствии с положениями гражданского законодательства. Вместе с тем, свобода договора не может рассматриваться как абсолютная и безусловная. Особенно это касается тех случаев, когда стороны изначально находятся в неравном положении, создающим предпосылки для злоупотреблений и дисбаланса в распределении прав и обязанностей. В связи с этим особую значимость приобретают механизмы защиты стороны, лишенной реальной возможности влиять на содержание договора. Одним из таких механизмов выступает п. 3 ст. 428 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – «ГК РФ») [Гражданский кодекс РФ, 1994], который предоставляет присоединившейся стороне возможность требовать изменения или расторжения договора в судебном порядке даже в тех случаях, когда формально договор не отвечает признакам договора присоединения, закрепленным в п. 1 вышеназванной статьи.

Для распространения правил п. 2 ст. 428 ГК РФ на отношения сторон достаточно, чтобы условия договора были определены одной стороной, а другая сторона вследствие явного неравенства переговорных возможностей оказалась в положении, существенно затрудняющим согласование иного содержания отдельных условий договора.

Важно отметить тот факт, что законодатель связывает судебное вмешательство не с предпринимательским статусом участников и не с фактом использования типовой формы договора, а с пороком реальной автономии воли, при котором формальное согласие стороны утрачивает характер надежного подтверждения свободного распределения рисков.

Как неоднократно отмечалось в гражданско-правовой литературе, слабость стороны в договорных отношениях носит относительный и ситуационный характер. Так, например, размер бизнеса, объем оборота, отсутствие штатного юридического подразделения либо экономическое превосходство контрагента сами по себе не могут заменить анализа обстоятельств конкретной сделки [Бодунген, 2024; Соломин, 2023]. В связи с этим определяющее значение приобретает вопрос о том, имела ли сторона фактическую возможность согласовать иное содержание именно того договорного условия, которое выступает предметом спора, а не договора в целом.

Актуальность настоящего исследования обусловлена устойчивой тенденцией к увеличению числа споров, в которых предприниматели ссылаются на переговорное неравенство как на основание для оспаривания договорных условий. Как отмечается в специализированной литературе, за последние несколько лет вопросы несправедливых договорных условий и неравенства переговорных возможностей все чаще становятся предметом судебного разбирательства [Кирилова, 2024]. Однако, несмотря на такую тенденцию к увеличению количества споров, в правоприменительной практике до настоящего момента так и не выработан единообразный подход к определению содержания ключевого критерия – «фактической возможности согласования договорных условий», который прямо не закреплен в нормативных предписаниях положений законодательства, но выводится из совокупности обстоятельств, предусмотренных п. 3 ст. 428 ГК РФ.

Научная дискуссия по обозначенной проблематике также остается незавершенной. Ряд авторов, в частности А.Ф. Бакулин и А.В. Кузьмина, обосновывают возможность распространения категории слабой стороны на отношения предпринимателей при условии доказанности реального дисбаланса переговорных позиций [Бакулин; Кузьмина, 2020]. Другие исследователи, например, В.В. Нуждаева, предостерегают от расширительного толкования указанной категории, указывая на опасность размывания границ между правом потребителей (физических лиц) и правом предпринимательским (юридических лиц) [Нуждаева, 2024]. Достаточно интересным видится подход А.Г. Карапетова, который предлагает сосредоточиться не на формальной характеристике стороны как слабой, а на фактической способности стороны влиять на содержание договора [Карапетов, 2013], что представляется наиболее обоснованным с точки зрения задач правоприменения.

Основная часть

Вместе с тем, комплексного исследования именно критерия «фактической возможности согласования договорных условий» применительно к отдельным условиям договора в науке гражданского права, как уже было отмечено ранее, до настоящего времени так и не выработано. Вышеуказанные обстоятельства предопределяют необходимость определения содержания критерия «фактической возможности согласования договорных условий» и разработке последовательности его судебной проверки при применении п. 3 ст. 428 ГК РФ в предпринимательских отношениях.

Переходя к анализу нормативного содержания категории «фактической возможности согласования договорных условий», следует отметить, что сама категория, также как и ее содержание, в тексте закона отсутствует. Отсюда возникает объективный вопрос о том, почему мы рассуждаем именно о фактической возможности согласования договорных условий, тогда как рассматривается возможность применения п.3 ст. 428 ГК РФ?

Обусловлено это тем, что категория «фактическая возможность согласования договорных условий» представляет собой доктринальное обобщение трех элементов, закрепленных в п. 3 ст. 428 ГК РФ: одностороннее определение условия договора, явное неравенство переговорных возможностей и существенное затруднение согласования иного содержания отдельных условий.

В пунктах 9 и 10 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 года № 16 «О свободе договора и ее пределах» (далее – «Постановление Пленума ВС РФ о свободе договора») [Постановление Пленума ВАС РФ № 16, 2014] разъяснено, что при оценке наличия или отсутствия переговорного неравенства судам надлежит учитывать фактическое соотношение переговорных возможностей сторон, уровень их профессионализма в соответствующей сфере, уровень конкуренции на соответствующем рынке, а также наличие у присоединившейся стороны реальной возможности вести переговоры или заключить аналогичный договор с третьими лицами на иных условиях. Данные разъяснения Постановления Пленума ВС РФ о свободе договора ориентируют суды при оценке действий сторон в споре обращать внимание не на формальные признаки, такие как использование типовой формы или подписание договора без возражений, а на экономическую и фактическую составляющую переговорного процесса.

Как справедливо отмечает по данному поводу А.Г. Карапетов, неравенство переговорных возможностей имеет место в тех случаях, когда одна из сторон в силу своего статуса или

обстоятельств заключения договора не могла существенно влиять на его содержание [Карапетов, 2013], причем данный вывод должен основываться на объективных данных, а не на субъективных оценках стороны. При этом фактическая возможность согласования договорных условий еще не означает равенства ресурсов сторон и не гарантирует того, что условия впоследствии будут согласованы, поскольку сторона, разработавшая проект договора, вправе отклонить предлагаемые другой стороной изменения по коммерческим или иным соображениям. Таким образом, сама по себе возможность направить замечания к проекту договора по тому или иному его условию еще не является свидетельством того, что условие являлось предметом реального обсуждения.

Реальная возможность согласования существует в том случае, если контрагент мог в разумный для сделки срок и без несоразмерных издержек поставить вопрос об изменении спорного положения, а сторона, разработавшая проект договора, была готова рассматривать его содержание как возможный предмет переговоров, а не как императивное предписание. Такой подход не возлагает на сторону обязанность вести переговоры и не превращает её в обязанность заключить договор, однако исключает подмену переговоров техническим приемом формального комментирования неизменяемого текста.

Важно отметить и тот факт, что на практике ошибочными являются как презумпция того, что подписание договора без возражений автоматически доказывает бесполезность обсуждения договорных условий, так и обратное утверждение, согласно которому отсутствие принятого предложения контрагента о корректировке договорного условия непременно является свидетельством навязывая второй стороной (не принявшей замечания) несправедливых договорных условий. При указанных обстоятельствах суду надлежит выяснить, могла ли переговорная активность стороны повлиять на содержание условий договора, в том числе на цену, объем размер обеспечения, предел ответственности или иные взаимосвязанные условия, изменение которых могло бы компенсировать неприемлемость спорного положения.

Особое значение для правильного применения п. 3 ст. 428 ГК РФ имеет то обстоятельство, что законодатель делает отсылку к понятию «отдельных условий» договора, что предопределяет необходимость поэлементного анализа договорных условий, а не общего анализа договора в целом. Так, итоговый текст заключенного договора может быть результатом продолжительной переписки сторон и содержать множество согласованных положений, однако при этом включать одно или несколько условий, которые были полностью исключены из обсуждения. И напротив, использование типового текста договора само по себе не препятствует доказательству того, что спорный риск обсуждался и был принят стороной в обмен на какое-либо встречное предоставление (например, на снижение цены или расширение гарантийных обязательств). Отсюда объектом судебной проверки должна выступать не «переговорность» условий договора в целом, а именно возможность воздействия на то конкретное условие (несправедливое условие), которое послужило основанием для заявленного требования или возражения.

Показательным в этом отношении является спор, рассмотренный по делу № А70-16035/2023, в рамках которого в договоре поставки молока была установлена плата за коммерческий кредит в размере 5 процентов за каждый день просрочки. Покупатель, подписав протокол разногласий, добился изменения беспроцентного периода, однако поставщик отказался снизить процентную ставку. Восьмой арбитражный апелляционный суд, а впоследствии и Арбитражный суд Западно-Сибирского округа, при оценке обстоятельств дела исходили из того, что покупатель не имел фактической возможности повлиять именно на размер платы, несмотря на то что вел переговоры по иным пунктам договора [Постановление АС

Западно-Сибирского округа, 2024; Постановление Восьмого ААС, 2024]. Суд округа прямо поддержал применение п.п. 2 и 3 статьи 428 ГК РФ к данному конкретному условию [Постановление АС Западно-Сибирского округа, 2024].

Из указанного решения следует важный вывод о том, что само по себе согласование договорных условий (например, с помощью протокола разногласий) имеет исключительно доказательственное значение, но не является определяющим в спорах о несправедливых договорных условиях. Согласование договорных условий подтверждает способность стороны формулировать предложения, однако реальность согласования должна определяться по предмету спора и результатам обмена позициями сторон относительно предмета спора. Отсюда, например, внесение изменений в реквизиты, сроки документооборота или иные несущественные условия договора, не опровергает невозможности согласования иных условий договора, например, условия о цене. Напротив, мотивированный отказ, предложение нескольких альтернативных вариантов или уступка в ином взаимосвязанном элементе могут свидетельствовать о действительном согласовании, даже если исходная редакция в итоге сохранена, поскольку сам факт торга и возможность выбора подтверждают реальность переговорного процесса.

Учитывая вышесказанное, можно сделать обоснованный вывод о том, что для целей правоприменения необходимо определить совокупность обстоятельств, позволяющих суду оценить реальность переговорного процесса. Такие обстоятельства могут быть систематизированы по трем основным группам. К первой группе относятся процедурные обстоятельства, связанные с техническими аспектами согласования договорных условий (например, наличие лица, сформулировавшего спорное условие; допускала ли документация возможность редактирования; были ли направлены письменные возражения, последовали ли возражения на основанный на нормах законодательства ответ; принимались ли изменения спорных или тесно связанных с ним условий договора и пр.).

Использование стандартной формы договора является лишь первичным признаком одностороннего определения условий, но не самостоятельным и достаточным доказательством отсутствия переговоров. Так, например, формуляры или стандартные формы договора в реальности могут подлежать корректировке, однако фактически не корректируются, поскольку вторая сторона сделки не предпринимала попыток по корректировке договорных условий. Иными словами, условия явного неравенства переговорных возможностей соблюдено не было. Наличие нескольких редакций договора также само по себе не является определяющим, поскольку они могут отражать изменения, не относящиеся к спорному обременяющему условию [Кирилова, 2024].

Ко второй группе относятся экономические обстоятельства, учитывающие временной фактор и экономическую осуществимость выбора. Здесь необходимо отметить, что формальное право отказаться от сделки не тождественно доступной в конкретный момент времени альтернативе этой сделки. Значение имеют наличие взаимозаменяемого предложения в релевантный момент, сроки поиска предложения, предварительно понесенные инвестиции и способность стороны отложить заключение сделки. Необходимо установить также не абстрактное число конкурентов на рынке, а реальную возможность получить сопоставимый предмет договора на приемлемых условиях в конкретный временной период. При этом обычное стремление сохранить выгодного контрагента или избежать снижения прибыли само по себе не образует существенного затруднения переговоров [Бакулин; Кузьмина, 2020].

Третью группу составляют информационные обстоятельства, разграничивающие

осведомленность стороны об условии договоров и её способность изменить данное условие. В деле № А40-38928/2024 Верховный Суд Российской Федерации указал, что одного включения правил страхования в договорную документацию и подписания документов недостаточно, поскольку судам надлежало установить действительную волю сторон относительно страхуемых рисков [Определение СК по экономическим спорам ВС РФ № 305-ЭС25-842, 2025]. Следовательно, подписание договора, проведение правовой экспертизы или разъяснение смысла положения условия договора свидетельствуют об осведомленности стороны о его содержании, однако сами по себе не подтверждают наличия у стороны реальной возможности влиять на формулировку спорного условия. В данной связи важно также отметить тот факт, что субъект предпринимательской деятельности, как профессиональный субъект рынка, должен осознавать последствия своих действий с учетом того, что предпринимательская деятельность в силу положений законодательства является рисковой и предполагает повышенный стандарт осмотрительности. Однако сам факт того, что сторона договора является субъектом предпринимательской деятельности и должна осознавать риск, не доказывает, что спорное условие было открыто для обсуждения и изменения.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 3 апреля 2023 года № 14-П [Постановление КС РФ № 14-П, 2023], касавшемся защиты прав потребителей, подчеркнул необходимость устанавливать обстоятельства, реально ограничившие свободу выбора и согласования вариантов условий, а также перераспределять бремя доказывания. Хотя прямой перенос потребительских презумпций на предпринимательские отношения был бы неверным, сам доказательственный вывод о том, что отсутствие акцепта на измененную редакцию спорного договорного условия нельзя оценивать изолированно от данных о сложившейся процедуре заключения договора, сохраняет значение и для коммерческих споров.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что зарубежные модели, в частности Директива Совета 93/13/ЕЭС [Council Directive 93/13/EEC, 1993], также различают предварительное составление текста и отсутствие способности влиять на его содержание, рассматривая индивидуальную несогласованность применительно к конкретному условию, хотя её потребительская сфера и правила о бремени доказывания не подлежат автоматическому переносу в коммерческий оборот.

Вопросы доказывания и последовательности судебной оценки требуют отдельного рассмотрения в силу их практической значимости. По общему правилу ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) [Арбитражный процессуальный кодекс РФ, 2002] об обязанности доказывания сторона, ссылающаяся на соответствующие обстоятельства (в контексте проблематики нашего исследования на п. 3 ст. 428 ГК РФ), обязана обозначить спорное условие и представить соответствующие доказательства.

Так, первичные фактические данные применительно к п. 3 ст. 428 ГК РФ могут быть представлены проектом договора, перепиской сторон, отказами в акцепте спорных договорных условий и пр. Вместе с тем, от обжалующей несправедливые договорные условия стороны нельзя требовать доказательства внутренней готовности автора формы договора к уступке (проекты, перечень допустимых изменений, тарифные ставки и сведения о принятых предложениях находятся преимущественно у составителя и доступ к ним ограничен).

При оценке доказательств суду надлежит учитывать, какая сторона реально контролирует соответствующую информацию, что согласуется с выработанным в доктрине динамическим пониманием доказывания переговорного неравенства [Бакулин, 2019]. Исходя из изложенного,

судебная проверка может строиться по пяти последовательным этапам. На первом этапе суд индивидуализирует спорное условие и определяет сторону, которая его сформулировала. На втором этапе устанавливается, было ли данное условие реально открыто для обсуждения. Для этого изучаются редакции, ответы на возражения и возможный обмен уступками. Третий этап предполагает оценку коммерчески доступной альтернативы с учетом временных и финансовых издержек. На четвертом этапе выясняется, была ли причинная связь (привело ли ограничение переговорного процесса к принятию того обременения, которое при наличии возможности сторона разумно не приняла бы). И лишь на пятом этапе суд переходит к самостоятельному вопросу о явной обременительности условия и нарушении договорного баланса в целом.

Предложенная последовательность позволяет ограничить как чрезмерное, так и недостаточное вмешательство суда в договорные отношения. Суд не должен подменять коммерческое решение сторон собственной оценкой выгодности и не вправе выводить «слабость» стороны из малого оборота или неудачного результата предпринимательской деятельности. В то же время сторона, предложившая стандартную форму договора, не может исключить судебный контроль одной лишь оговоркой об индивидуальном согласовании условий, поскольку значение имеет фактическая процедура заключения договора, а не данная сторонами квалификация. Именно переговорная закрытость существенного условия объясняет, почему формально выраженное согласие нуждается в судебной коррекции, в то время как сама по себе несправедливость условий сделки такого объяснения не дает [Кирилова, 2024].

Вместе с тем, следует определить границы применения п. 3 ст. 428 ГК РФ, поскольку фактическая невозможность согласования является необходимым, но недостаточным основанием для защиты. Отсылка п. 3 ст. 428 ГК РФ к правилам п. 2 ст. 428 ГК РФ требует дополнительно установить, что условие является явно обременительным и разумный участник гражданского оборота не принял бы его при наличии возможности участвовать в определении содержания договора. В связи с этим чрезмерные санкции, например, пятипроцентная ежедневная плата за пользование коммерческим кредитом, исключение типичного страхового риска или несоразмерное ограничение ответственности подлежат содержательной оценке. Обычное же распределение риска, которое стало невыгодным для стороны вследствие изменения конъюнктуры рынка, ключевой ставки, увеличения уровня инфляции или иных последующих обстоятельств, не подлежит корректировке.

Важно отметить и тот факт, что категория слабой стороны призвана служить объяснением нарушенной автономии воли, а не постоянной характеристикой определенного вида предпринимателей [Соломин, 2023]. Данную границу наглядно иллюстрирует решение Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2026 года № АКПИ25-925 [Решение ВС РФ № АКПИ25-925, 2026], где само по себе включение в типовой договор аренды условия о территориальной подсудности не было признано явно обременительным для предпринимателя при доказанности ограниченности обсуждения такого условия. Следовательно, заявитель обязан обосновать именно материальный дефект спорного договорного условия, а совокупность процессуального и содержательного критериев сохраняет исключительный характер судебного контроля в отношениях профессиональных участников оборота [Церковников, 2021].

Как обоснованно указывает Н.А. Кирилова, при доказанном неравенстве переговорных возможностей арбитражным судам следует лишь в исключительных аномальных ситуациях осуществлять пересмотр несправедливых условий, поскольку неосмотрительность в коммерческой деятельности и профессиональная неграмотность не подлежат судебной защите [Кирилова, 2024]. Аналогичной позиции придерживается А.А. Бодунген, подчеркивая, что защита предпринимателей от несправедливых условий вытекает из необходимости общей

сбалансированности прав и обязанностей, однако не должна поощрять правовой инфантилизм и попытки переложить коммерческие риски на контрагента [[Бодунген, 2024]. С.К. Соломин также обращает внимание на то, что судебная практика по прямому применению п. 3 ст. 428 ГК РФ на сегодняшний день крайне скудна и ограничивается случаями, когда сторона доказывает не просто неравенство, а невозможность вести какие-либо переговоры по существу, что подтверждается, например, участием в закупочных процедурах, где условия заранее фиксированы и не обсуждаются [Соломин, 2023].

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 февраля 2026 года № 7-П [Постановление КС РФ № 7-П, 2026], рассматривая проблему возврата товара при дистанционной продаже, указал, что формальное соблюдение информационных обязанностей не освобождает от необходимости обеспечить реальную возможность реализации права. Данный подход, хотя и выработан в потребительской сфере, но как уже было отмечено ранее, может быть в полной мере учтен при оценке переговорной добросовестности и в коммерческих отношениях, поскольку в обоих случаях речь идет о предотвращении иллюзорности правового механизма.

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение. Фактическую возможность согласования договорных условий следует понимать как реальную возможность такого согласования, а не только документально зафиксированную способность стороны повлиять на спорное условие либо получить эквивалентную уступку в иной части договора. Данная возможность оценивается на момент заключения договора, применительно к отдельному условию и с учетом всей совокупности процедурных, экономических и информационных обстоятельств, включая процедуру обмена предложениями, временные рамки, финансовые издержки и доступность сопоставимой сделки с третьими лицами. Подписание договора, протокол разногласий, профессиональный статус и ознакомление с текстом являются лишь опровержимыми доказательственными факторами, но не имеют итогового значения. Определяющее значение имеет то, было ли спорное положение действительно открыто для содержательного обсуждения и обусловило ли отсутствие такой возможности принятие стороной явно обременительного условия. Предложенная пятиэтапная последовательность судебной проверки (от индивидуализации условия до оценки его обременительности) позволяет применять п. 3 ст. 428 ГК РФ к предпринимательским договорам без автоматической презумпции слабости стороны и без превращения суда в орган пересмотра коммерческой целесообразности любой неудачной сделки.

Такой подход обеспечивает баланс между защитой добросовестной стороны, оказавшейся в ситуации невозможности ведения объективных переговоров, и стабильностью гражданского оборота, основанного на фундаментальном гражданско-правовом принципе свободы договора и ее пределов.

Библиография

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Парламентская газета. – 2002. – № 140–141. – 27 июля.
2. Бакулин, А. Ф. Слабая сторона предпринимательского договора: стандарты и бремя доказывания / А. Ф. Бакулин, А. В. Кузьмина // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 2. – С. 203–250.

3. Бакулин, А. Ф. Судебная защита слабой стороны предпринимательского договора / А. Ф. Бакулин // Судья. – 2019. – № 8. – С. 20–27.
4. Бодунген, А. А. Несправедливые условия предпринимательских договоров: теория и практика / А. А. Бодунген // Предпринимательское право. – 2024. – № 4. – С. 38–43.
5. Волос, Е. П. Признаки слабой стороны в гражданском правоотношении в современных экономико-правовых условиях / Е. П. Волос // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 9. – С. 94–101.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
7. Карапетов, А. Г. Contra proferentem как метод толкования договора / А. Г. Карапетов // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 7. – С. 6–35.
8. Кирилова, Н. А. Неравенство переговорных возможностей предпринимателей как основание признания условий договора об...
9. Муллина, Ю. Н. Контроль за несправедливыми договорными условиями: российское право в сравнительно-правовой перспективе / Ю. Н. Муллина // Опыты цивилистического исследования : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. – Москва : Статут, 2016. – С. 196–224.
10. Нуждаева, В. В. «Потребитель» и «слабая сторона» в обязательственном праве Российской Федерации: проблемы дифференциации / В. В. Нуждаева // Гражданское право. – 2024. – № 1. – С. 26–29.
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 02.06.2025 № 305-ЭС25-842 по делу № А40-38928/2024.
12. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.06.2024 № Ф04-1482/2024 по делу № А70-16035/2023.
13. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 01.03.2024 № 08АП-14736/2023 по делу № А70-16035/2023.
14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.04.2023 № 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 15. – Ст. 2748.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2026 № 7-П «По делу о проверке конституционности пунктов 3 и 4 статьи 26.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» в связи с жалобой гражданина Тишкина Петра Николаевича» // Российская газета. – 2026. – № 53. – 12 марта.
16. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и её пределах» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). – 2014. – № 16.
17. Решение Верховного Суда РФ от 02.02.2026 № АКПИ25-925 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими абзаца второго пункта 7.1 Типового договора аренды лесного участка для осуществления рекреационной деятельности, утв. приказом Минприроды России от 30.07.2020 № 542, приложения № 5 к нему (в части)».
18. Соломин, С. К. Договор, характеризующийся «неравенством переговорных возможностей», в практике хозяйствующих субъектов / С. К. Соломин // Юрист. – 2023. – № 9. – С. 46–51.
19. Церковников, М. А. О специальной защите слабой стороны в договоре присоединения / М. А. Церковников // Закон. – 2021. – № 9. – С. 42–47.

The Actual Possibility of Agreeing on Contractual Terms as a Condition for Applying Paragraph 3 of Article 428 of the Civil Code of the Russian Federation in Entrepreneurial Relations

Sergei E. Igoshin

Head of the Legal Department,
Novotek,
664025, 13, Stepana Razina str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: igoshin.sergey.e@gmail.com

Abstract

In the context of the dynamic development of market relations, the growing complexity of contractual structures, and the increasing practice of using standard contract forms, the problem of

maintaining the balance of interests of the parties is acquiring particular urgency. The principle of freedom of contract, which is a fundamental principle of civil law, is increasingly in demand in situations where the formal equality of the parties does not correspond to their actual ability to influence the content of the transaction, which creates prerequisites for the inclusion of burdensome terms. In this regard, the mechanism provided for by paragraph 3 of Article 428 of the Civil Code of the Russian Federation acquires particular significance: it makes it possible to qualify a contract that is not formally a contract of adhesion as such and to apply the corresponding rules of protection to it. However, the key criterion for applying these legislative provisions is the actual possibility of agreeing on contractual terms, which has no legal definition and has not received a uniform assessment in law enforcement practice. In this work, based on the analysis of law enforcement practice and doctrinal approaches, the author's understanding of this criterion is proposed, the circumstances subject to judicial verification are determined, and a sequence for assessing the reality of the negotiation process is formulated. The conclusion is substantiated regarding the necessity of establishing in aggregate both the negotiating defect and the clearly burdensome nature of the term.

For citation

Igoshin S.E. (2026) Faktitcheskaya vozmozhnost' soglasovaniya dogovornykh usloviy kak uslovie primeneniya punkta 3 stat'i 428 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v predprinimatel'skikh otnosheniyakh [The Actual Possibility of Agreeing on Contractual Terms as a Condition for Applying Paragraph 3 of Article 428 of the Civil Code of the Russian Federation in Entrepreneurial Relations]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 230-240. DOI: 10.34670/AR.2026.76.42.019

Keywords

Freedom of contract, contract of adhesion, entrepreneurial contract, negotiating opportunities, actual possibility of agreement, unfair contract terms, weak party, judicial control.

References

1. Arbitrazhny protsessualny kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 24.07.2002 No. 95-FZ [Arbitration Procedural Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ]. (2002). Parlamentskaya Gazeta.
2. Bakulin, A. F. (2019). Sudebnaya zashchita slaboy storony predprinimatelskogo dogovora [Judicial protection of the weak party to an entrepreneurial contract]. *Sudya*, (8), 20–27.
3. Bakulin, A. F., & Kuzmina, A. V. (2020). Slabaya storona predprinimatelskogo dogovora: standarty i bremya dokazyvaniya [The weak party to an entrepreneurial contract: Standards and burden of proof]. *Vestnik Grazhdanskogo Protsessa*, (2), 203–250.
4. Bodungen, A. A. (2024). Nespravedlivye usloviya predprinimatelskikh dogovorov: teoriya i praktika [Unfair terms of entrepreneurial contracts: Theory and practice]. *Predprinimatelskoe Pravo*, (4), 38–43.
5. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast pervaya) ot 30.11.1994 No. 51-FZ* [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ]. (1994).
6. Karapetov, A. G. (2013). Contra proferentem kak metod tolkovaniya dogovora [Contra proferentem as a method of contract interpretation]. *Vestnik VAS RF*, (7), 6–35.
7. Kirilova, N. A. (2024). Neravenstvo peregovornykh vozmozhnostey predprinimateley kak osnovanie priznaniya usloviy dogovora ob... [Inequality of negotiating opportunities of entrepreneurs as a basis for recognizing contract terms as...].
8. Mullina, Yu. N. (2016). Kontrol za nespravedlivymi dogovornymi usloviyami: rossiyskoe pravo v sravnitelno-pravovoy perspektive [Control over unfair contractual terms: Russian law in comparative legal perspective]. In A. M. Shirvindt & N. B. Shcherbakov (Eds.), *Opyty tsivilisticheskogo issledovaniya* [Experiences of civil law research] (pp. 196–224). Statut.
9. Nuzhdaeva, V. V. (2024). "Potrebitel" i "slabaya storona" v obyazatelstvennom prave Rossiyskoy Federatsii: problemy differentsiatsii ["Consumer" and "weak party" in the law of obligations of the Russian Federation: Problems of differentiation]. *Grazhdanskoe Pravo*, (1), 26–29.

10. *Opredelenie Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 02.06.2025 No. 305-ES25-842 po delu No. A40-38928/2024* [Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of June 2, 2025 No. 305-ES25-842 in case No. A40-38928/2024]. (2025).
11. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Zapadno-Sibirskogo okruga ot 27.06.2024 No. F04-1482/2024 po delu No. A70-16035/2023* [Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of June 27, 2024 No. F04-1482/2024 in case No. A70-16035/2023]. (2024).
12. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 03.04.2023 No. 14-P* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 3, 2023 No. 14-P]. (2023). Sobranie Zakonodatelstva RF, (15), Art. 2748.
13. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 17.02.2026 No. 7-P* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 17, 2026 No. 7-P]. (2026) Rossiyskaya Gazeta.
14. *Postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 14.03.2014 No. 16 "O svobode dogovora i ee predelakh"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of March 14, 2014 No. 16 "On freedom of contract and its limits"]. (2014). Ekonomika i Zhizn.
15. *Postanovlenie Vosmogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 01.03.2024 No. 08AP-14736/2023 po delu No. A70-16035/2023* [Resolution of the Eighth Arbitration Court of Appeal of March 1, 2024 No. 08AP-14736/2023 in case No. A70-16035/2023]. (2024).
16. *Reshenie Verkhovnogo Suda RF ot 02.02.2026 No. AKPI25-925* [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of February 2, 2026 No. AKPI25-925]. (2026)
17. Solomin, S. K. (2023). Dogovor, kharakterizuyushchiysya "neravenstvom peregovornykh vozmozhnostey", v praktike khozyaystvuyushchikh subektov [A contract characterized by "inequality of negotiating opportunities" in the practice of economic entities]. *Yurist*, (9), 46–51.
18. Tserkovnikov, M. A. (2021). O spetsialnoy zashchite slaboy storony v dogovore prisoedineniya [On special protection of the weak party in a contract of adhesion]. *Zakon*, (9), 42–47.
19. Volos, E. P. (2022). Priznaki slaboy storony v grazhdanskom pravootnoshenii v sovremennykh ekonomiko-pravovykh usloviyakh [Signs of the weak party in civil legal relations in modern economic and legal conditions]. *Aktualnye Problemy Rossiyskogo Prava*, (9), 94–101.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.77+347.78 **DOI: 10.34670/AR.2026.17.75.020**

Развитие законодательства о защите интеллектуальной собственности в зарубежных странах

Рейдель Леонид Бенценович

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра права,
Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема,
679000, Российская Федерация, Биробиджан, ул. Широкая, 70а;
e-mail: reidel47@mail.ru

Дегтярев Егор Владимирович

Магистрант,
Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема,
679000, Российская Федерация, Биробиджан, ул. Широкая, 70а;
e-mail: egor_degtyrev@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена комплексному исследованию истории развития законодательства, регулирующего защиту интеллектуальной собственности в зарубежных странах в эпоху Нового времени. В работе подробно исследуется эволюция правовых норм от различных привилегий, издаваемых монархами, до формирования целостных национальных систем защиты прав интеллектуальной собственности. В ходе исследования проведён глубокий содержательный анализ ключевых исторических этапов становления института защиты объектов интеллектуальной собственности, уделяя особое внимание влиянию социально-экономических изменений на формирование законодательства. В тексте рассматриваются знаковые правовые акты, такие как венецианский «Закон о патентах» и британский «Статут Анны». Методология исследования статьи включает историко-правовой анализ, сравнительное правоведение и институциональный подход. Особый акцент сделан на трансформации восприятия интеллектуального труда: от сугубо экономической выгоды к признанию фундаментального права человека на результаты своей умственной деятельности, что заложило прочную основу для формирования современного института защиты интеллектуальной собственности.

Для цитирования в научных исследованиях

Рейдель Л.Б., Дегтярев Е.В. Развитие законодательства о защите интеллектуальной собственности в зарубежных странах // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 241-248. DOI: 10.34670/AR.2026.17.75.020

Ключевые слова

История правоотношений, защита интеллектуальной собственности, патент, проприетарная правовая теория интеллектуальной собственности, авторское право, товарные знаки, конституционные гарантии.

Введение

Актуальность защиты интеллектуальной собственности в современных условиях обусловлена стремительным развитием цифровой экономики

и необходимостью обеспечения прав авторов и изобретателей. В условиях глобализации и интеграции рынков, эффективная защита интеллектуальных прав становится одним из ключевых факторов конкурентоспособности как отдельных компаний, так и целых стран.

Основная часть

До XV века в юриспруденции не существовало механизма защиты интеллектуальной собственности.

Первые нормативно-правовые акты, регулирующие определенные стороны защиты интеллектуальной собственности были приняты на стыке Средневековья и эпохи Нового времени. Так 19 марта 1474 года в Венецианской Республике был принят «Закон о патентах». Патент, в переводе с латинского языка, свидетельство, выдавался главой республики – дожем, и удостоверял признание какого-либо предложения изобретением. При этом такой документ действовал лишь в пределах Республики Венеция и ее сателлитов [Богатырева, 2025].

Фактически развитие экономических связей между государствами на территории современной Италии установило первую в мире зарегистрированную патентную систему. Как указано в параграфе 3 «Закон о патентах» патентами защищались оригинальные устройства, которые ранее не были изготовлены кем-либо, и имели полезные для государства и общества функции. Данное правило дошло и до наших дней и остается во многих правовых системах одним из принципов защиты права интеллектуальной собственности. Количество выданных венецианским дожем патентов в период между 1474 и до 1800 года составляет около 4000, что говорит о востребованности механизма защиты объектов интеллектуальной собственности.

Особенно заслуживает внимание то обстоятельство, что, несмотря на существовавшие в тот момент в Республике Венеция многочисленные правоограничения для социальных слоев общества, именно ее власти впервые в мире решились внедрить ранее нигде не принятые меры, для привлечения иностранных граждан, а значит привлечения в бюджет больших финансовых средств. Принятый нормативный акт обеспечивал защиту прав изобретателей и их полезных разработок на всей территории Венецианской республики. Практическое применение новых правил дало первые результаты уже 3 января 1491 года: по инициативе Сената Венецианской республики дож предоставил патент Петру Ковариджио из Равенны — автору труда «Phoenix», который не был широко известен общественности.

В документе закреплялось исключительное право Петра на печать и продажу своего произведения в установленных территориальных пределах государства [Латышева, 2024].

Согласно позиции многих исследователей, первый официальный закон, закреплявший за автором индивидуальное право на созданный им продукт, был принят британским парламентом [Латышева, 2024]. Основной целью этого нормативного акта являлась защита прав авторов книг, карт и чертежей.

В середине XVI века, на фоне роста торговли и конкуренции между ремесленниками и купцами, защита торговых знаков приобрела особую актуальность. В 1544 году король Франции Карл V отреагировал на эту проблему изданием эдикта, который устанавливал суровое наказание за подделку торговых марок. Документ объявлял преступлением не только имитацию

существующих марок, но и удаление оригинальных знаков с товара, в том числе, действия, которые могли ввести покупателей в заблуждение относительно происхождения и качества продукции. Нарушителям грозила смертная казнь, что подчёркивало серьёзность отношения властей к защите прав производителей и потребителей.

Развитие капиталистических отношений в Западной Европе послужило ключевым стимулом для формирования специализированных способов защиты интеллектуальной собственности. По мере роста промышленного производства, расширения рынков сбыта и усиления конкуренции возникла острая необходимость в правовой охране результатов интеллектуального труда: изобретений, художественных произведений, товарных знаков и других нематериальных активов.

Западная Европа, будучи историческим центром зарождения и развития капитализма, первой осознала потребность в создании соответствующих правовых форм защиты. Эти механизмы не только обеспечивали авторам и правообладателям экономические выгоды от использования их разработок, но и стимулировали дальнейшие инновации, создавая устойчивую основу для экономического роста. Впоследствии, в эпоху глобализации, выработанные в Европе подходы к защите интеллектуальной собственности получили распространение по всему миру, став неотъемлемой частью современной международной экономической системы.

Статут Анны, вступивший в силу 10 апреля 1710 года в Англии в период правления королевы Анны, считается первым в истории зарегистрированным законом, который защищал право интеллектуальной собственности в области авторского права. Согласно этому нормативному акту, авторы обладали исключительными правами на свои произведения в течение 14 лет с возможностью продления срока ещё на 14 лет по истечении первоначального периода. Процедура регистрации авторских прав возлагалась на судебные органы. До принятия Статута Анны, с 1557 года, действовала система королевских декреталий, в рамках которой права авторов были существенно ограничены, а публично-правовая компания «Stationer's Company» (объединение издателей и книготорговцев) обладала монопольным правом на публикацию и коммерческое использование книг на подконтрольных Великобритании территориях.

В рамках существовавшей системы авторы оказывались в вынужденной зависимости от компании «Stationer's Company»: им приходилось реализовывать права на свои произведения по существенно заниженным ценам. В результате отчуждения прав авторы полностью утрачивали какие-либо юридические полномочия в отношении своих произведений. Подобная практика вызывала растущее общественное недовольство: британское общество расценивало сложившуюся систему как недопустимую и препятствующую развитию культуры и науки. Это привело к формированию протестного движения, результатом которого стало принятие законодательства, ограничивающего монополистические полномочия издателей [Островский, 2025].

Постепенное изменение правовой ситуации в пользу защиты авторских прав заняло значительное время. Логическим итогом этого процесса стало появление в правовой системе понятия copyright («копирайт»).

В сокращённой форме – знак охраны авторского права © – он был официально утверждён Всемирной Женевской конвенцией об авторском праве в 1952 году.

Закон королевы Анны 1710 года, несмотря на свою новаторскую роль в становлении авторского права, обнаружил ряд существенных недостатков и не обеспечивал всестороннего

правового регулирования соответствующих общественных отношений. В результате доминирующие на издательском рынке компании не только сохранили, но и укрепили свои позиции.

Ограниченность правовых гарантий для авторов и злоупотребления со стороны издательств порождали широкое общественное недовольство, что привело к волне массовых протестов. Это стимулировало поиск компромиссных решений и инициировало процесс внесения изменений в законодательство. Одним из результатов стало принятие в Дании в 1741 году указа, который отменял ранее выданные привилегии и вносил коррективы в регулирование пожизненного авторского права [Кравченко, 2025].

В рассматриваемый исторический период правовое законодательство уделяло повышенное внимание способам маркирования и индивидуализации объектов коммерческих отношений. Особое значение приобрели товарные знаки и фирменные наименования, которые стали предметом усиленной правовой охраны.

Этот процесс был обусловлен социально-экономическими изменениями, которые происходили в общественной жизни: постепенным снижением роли традиционных родовых геральдических символов, служивших в Средние века основным средством идентификации происхождения товаров и статуса производителей. На смену им пришла новая система — корпоративные товарные знаки, выполнявшие аналогичные функции, но уже в условиях развивающегося рынка.

Как указывает Н.В. Богатырева, по сути, сформировалась своеобразная «коммерческая геральдика» – система визуальных и вербальных идентификаторов, которая позволяла потребителям отличать продукцию разных производителей, Правовая охрана товарных знаков стала необходимым инструментом защиты деловой репутации и инвестиций в объекты интеллектуальной собственности [Богатырева, 2025].

Конец XVIII века стал поворотным этапом в становлении института интеллектуальной собственности. Если ранее защита результатов интеллектуального труда носила фрагментарный и утилитарный характер (ориентируясь преимущественно на экономические интересы), то теперь на первый план вышел гуманистический аспект, а именно, признание неотъемлемого права человека на плоды своего умственного труда.

Ярким свидетельством этой трансформации стал закон штата Массачусетс от 17 марта 1789 года. В нём впервые на официальном уровне была закреплена принципиальная позиция: «Нет собственности, принадлежащей человеку более, чем та, которая является результатом его умственного труда». Эта формулировка не просто устанавливала правовую норму, а провозглашала новую этическую ценность, уважение к автору и его интеллектуальному вкладу.

Под влиянием этой идеи в последующие десятилетия: развивались национальные системы патентного права; формировались международные соглашения в сфере интеллектуальной собственности; укреплялось общественное признание прав авторов и изобретателей.

Таким образом, моральный принцип, закреплённый в законе Массачусетса, стал мировоззренческой основой современного законодательства об интеллектуальной собственности.

Возникновение потребности в создании нормативно-правовой базы в сфере защиты интеллектуальной собственности напрямую зависело от господствующего в обществе типа отношения к собственности в целом и к средствам производства в частности. Ярким историческим примером этой взаимосвязи служит Великая Французская революция конца XVIII века.

После революционных событий во Франции произошли кардинальные изменения в понимании прав собственности. Свержение феодального строя и утверждение принципов свободы, равенства и неприкосновенности частной собственности создали условия для формирования новых правовых норм.

В этот период принимаются первые законы по защите интеллектуальной собственности, отражающие переход к новому мировоззрению.

С конца XVIII – начала XIX веков интеллектуальный труд начинает осмысливаться через категорию полезности его продукта для общества.

Этот утилитаристский подход базировался на следующих принципах: признания экономической и социальной ценности интеллектуальных достижений; понимания того, что защита прав авторов и изобретателей стимулирует инновации; идеи, что поощрение творческой деятельности приносит пользу всему обществу.

Во французском патентном законодательстве конца XVIII века уже содержится чёткое обоснование государственной защиты интеллектуального труда. В преамбуле соответствующих актов провозглашалось: «Всякая новая идея, провозглашение и осуществление которой может быть полезным для общества, принадлежит тому, кто её создал, и было бы ограничением прав человека не рассматривать новое промышленное изобретение как собственность его творца».

Впервые положения об охране интеллектуальной собственности на конституционном уровне были закреплены в законодательстве США: соответствующая норма содержится в восьмом пункте восьмого раздела первой статьи Конституции США. Это стало историческим прецедентом в мировом масштабе – впервые государство на уровне основного закона установило правовую защиту интеллектуальной собственности [Конституция США, 1787].

Развитие правовой системы продолжилось: спустя 12 лет после принятия Конституции в США был утверждён специальный закон, комплексно регулирующий правоотношения в сфере авторского права.

С учетом происходящих процессов в обществе, к 1879 г. бельгийскому ученому и философу Э. Пикару удалось сплотить вокруг себя достаточное количество авторитетных людей, постепенно убедив их использовать термин «интеллектуальные права» уже непосредственно в юриспруденции. Данное значимое обстоятельство стало возможным благодаря общественному запросу обозначить основы теории интеллектуальных прав.

Интеллектуальное право отличается от существовавших ранее классического обязательственного и личного права и имеет иной принцип определения. Существенные отличия от действующего права собственности на материальные объекты приобретают иную форму, поэтому права нового формата для авторов интеллектуального труда должны были быть выделены и признаны особым образом [Романовский, 2024].

Закрепление правовой нормы в Конституции Германской империи от 16 апреля 1871 года представляет собой значимый этап в эволюции института авторского права. В соответствии со статьёй 4 II главы данного нормативно-правового акта, на имперские органы власти были возложены полномочия по регулированию сферы интеллектуальной собственности (в части выдачи патентов на изобретения) и обеспечению правовой охраны объектов авторской собственности. Это заложило институциональные основы централизованного контроля в области интеллектуальной собственности.

Эпоха расцвета французского законодательства во второй половине XIX века ознаменовала собой новый этап в развитии авторского права. Ключевым концептуальным основанием этого этапа стала так называемая «проприетарная теория», которую многие исследователи характеризуют как прогрессивную [Латышева, 2024].

Теоретической базой проприетарного подхода выступила концепция естественного права. Согласно ей, право на результаты интеллектуальной деятельности возникает естественным образом в момент их создания и не зависит от признания со стороны государства. Эта идея подчёркивает неразрывную связь между актом творчества и возникновением прав на его результаты. В рамках данной концепции творец изначально обладает исключительным правом свободно распоряжаться плодами своего интеллектуального труда.

В рамках сформировавшегося правового подхода, который был во второй половине XIX века заложен в Гражданский кодекс Франции, каждый создатель интеллектуального продукта получил исключительное законное право самостоятельно распоряжаться результатами своего творческого труда. Ключевой целью данного правового механизма являлась максимальная защита правообладателя от недобросовестного использования его достижений третьими лицами.

Указанный подход к праву обладания интеллектуальным продуктом предоставил авторам не только право владения результатами своего творческого труда, но и возможность их монетизации. Сформировался правовой механизм, обеспечивающий прозрачность и простоту передачи прав от создателя к иным участникам рыночных отношений. Ключевой функцией данного механизма выступала защита законных прав правообладателя от неправомерного использования его интеллектуального труда третьими лицами [Кравченко, 2025].

Таким образом, произошло становление специфических свойств товара, относящихся к сфере интеллектуальной собственности. Эти свойства активно интегрировались в экономическую жизнь государств, способствуя развитию рынков интеллектуальных активов и формированию моделей коммерциализации творческих и инновационных разработок.

Эволюция общественных отношений и переосмысление ранее существовавших проблем в сфере интеллектуальной собственности привели к формированию нового концептуального подхода. Инициативная группа юристов в Нидерландах, отстаивавшая необходимость правовой охраны человеческой деятельности, разработала теорию с опорой на достижения различных научных направлений.

Суть концепции заключалась в следующем: общество признаёт результаты интеллектуальной собственности как значимые объекты; подчёркивается уникальность каждого средства индивидуализации; объекты интеллектуальной собственности наделяются особыми признаками и классификационными качествами; интеллектуальные права должны существовать наравне с традиционными правовыми категориями.

Указанные положения были интегрированы в 1876 году в Гражданский кодекс Нидерландов.

Укрепление правовых позиций в сфере защиты интеллектуальных прав оказало позитивное влияние на все отрасли экономики европейских стран. Развитие истории рассматриваемого нами правового института в условиях сформировавшихся социально-экономических отношений выявило необходимость адаптации правовых норм к новым реалиям общественной и политической жизни.

Стало очевидным, что традиционные правовые институты, базирующиеся на принципах римского права, требуют существенной трансформации. Существующие механизмы контроля и защиты интеллектуальной собственности уже не отвечали потребностям развивающегося общества. В результате масштабных социально-политических изменений сформировалась и укрепилась система правовых основ, учитывающая значимость интеллектуального капитала [Богатырева, 2025].

Идеи, сформулированные видными юристами того периода, получили нормативное

закрепление в Веймарской конституции 1919 года. Данный законодательный акт установил нормы защиты объектов права, признающие любой созданный человеком умственный труд. При этом охрана распространялась не только на территории Германии, но и за её пределами.

Заключение

Таким образом, правовые основы защиты объектов права интеллектуальной собственности были заложены в эпоху Нового времени. Анализ становления института защиты интеллектуальной собственности позволяет выявить устойчивую тенденцию в эволюции правовых норм.

Её можно охарактеризовать как движение «от моральных норм к правовым», что отражает закономерный процесс институционализации защиты интеллектуальных прав. При этом сформировавшиеся в этот период модели защиты объектов интеллектуальной собственности существуют и в настоящее время в различных государствах.

Библиография

1. Богатырева, Н. В. История интеллектуальной собственности в Германии и Франции: сравнительный анализ / Н. В. Богатырева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2025. – № 1. – С. 76–80.
2. Конституция Соединенных Штатов Америки.
3. Кравченко, П. Б. Защита интеллектуальной собственности в Великобритании / П. Б. Кравченко // Юридический вестник. – 2025. – № 2. – С. 101–109.
4. Латышева, К. А. Генезис механизма защиты интеллектуальной собственности в романо-германской правовой семье / К. А. Латышева // Цивилист. – 2024. – № 1. – С. 65–73.
5. Островский, Е. Н. Право интеллектуальной собственности: историческое развитие / Е. Н. Островский // Вестник права. – 2025. – № 4. – С. 87–93.
6. Романовский, Г. Б. Правовое регулирование защиты интеллектуальной собственности в эпоху Нового времени / Г. Б. Романовский // Lex Russica. – 2024. – № 7. – С. 93–102.
7. Щапенко, И. А. Правовое регулирование защиты интеллектуальной собственности во Франции / И. А. Щапенко // Экономическое правосудие. – 2025. – № 12. – С. 160–182.

Development of Legislation on the Protection of Intellectual Property in Foreign Countries

Leonid B. Reidel'

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Law,
Sholom-Aleichem Priamursky State University,
679000, 70a, Shirokaya str., Birobidzhan, Russian Federation;
e-mail: reidel47@mail.ru

Egor V. Degtyarev

Master's Student,
Sholom-Aleichem Priamursky State University,
679000, 70a, Shirokaya str., Birobidzhan, Russian Federation;
e-mail: egor_degtyrev@mail.ru

Abstract

This article is devoted to a comprehensive study of the history of the development of legislation regulating the protection of intellectual property in foreign countries in the Modern era. The work examines in detail the evolution of legal norms from various privileges issued by monarchs to the formation of integral national systems for the protection of intellectual property rights. In the course of the study, an in-depth substantive analysis of the key historical stages in the formation of the institution of protection of intellectual property objects was carried out, with particular attention paid to the influence of socio-economic changes on the formation of legislation. The text examines landmark legal acts, such as the Venetian "Patent Law" and the British "Statute of Anne." The research methodology of the article includes historical-legal analysis, comparative jurisprudence, and the institutional approach. Particular emphasis is placed on the transformation of the perception of intellectual labor: from purely economic benefit to the recognition of the fundamental human right to the results of one's mental activity, which laid a solid foundation for the formation of the modern institution of intellectual property protection.

For citation

Reidel' L.B., Degtyarev E.V. (2026) Razvitie zakonodatel'stva o zashchite intellektual'noy sobstvennosti v zarubezhnykh stranakh [Development of Legislation on the Protection of Intellectual Property in Foreign Countries]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 241-248. DOI: 10.34670/AR.2026.17.75.020

Keywords

History of legal relations, protection of intellectual property, patent, proprietary legal theory of intellectual property, copyright, trademarks, constitutional guarantees.

References

1. Bogatyreva, N. V. (2025). Istoriya intellektualnoy sobstvennosti v Germanii i Frantsii: sravnitelny analiz [History of intellectual property in Germany and France: A comparative analysis]. Vestnik Saratovskoy Gosudarstvennoy Yuridicheskoy Akademii, (1), 76–80.
2. Constitution of the United States of America. (1787).
3. Kravchenko, P. B. (2025). Zashchita intellektualnoy sobstvennosti v Velikobritanii [Intellectual property protection in Great Britain]. Yuridicheskiy Vestnik, (2), 101–109.
4. Latysheva, K. A. (2024). Genezis mekhanizma zashchity intellektualnoy sobstvennosti v romano-germanskoy pravovoy seme [The genesis of the intellectual property protection mechanism in the Romano-Germanic legal family]. Tsivilist, (1), 65–73.
5. Ostrovsky, E. N. (2025). Pravo intellektualnoy sobstvennosti: istoricheskoe razvitie [Intellectual property law: Historical development]. Vestnik Prava, (4), 87–93.
6. Romanovsky, G. B. (2024). Pravovoe regulirovanie zashchity intellektualnoy sobstvennosti v epokhu Novogo vremeni [Legal regulation of intellectual property protection in the Modern Era]. Lex Russica, (7), 93–102.
7. Shchapenko, I. A. (2025). Pravovoe regulirovanie zashchity intellektualnoy sobstvennosti vo Frantsii [Legal regulation of intellectual property protection in France]. Ekonomicheskoe Pravosudie, (12), 160–182.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.72.69.021**

Проблемы защиты прав потребителей при покупках товаров на маркетплейсах

Журкина Ольга Вячеславовна

Кандидат юридических наук, доцент
Заведующий кафедрой организации судебной
и прокурорско-следственной деятельности
Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко
460018, Российская Федерация, Оренбург, просп. Победы, 13;
e-mail: olga_fv@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена правовым проблемам защиты прав потребителей при приобретении товаров через маркетплейсы. Рассматривается правовая природа отношений между покупателем, продавцом и владельцем торговой площадки, распределение ответственности между ними, вопросы возврата товара, обмена и компенсации убытков. Отдельное внимание уделено пробелам действующего законодательства, положению агрегатора информации о товарах и практическим сложностям, с которыми сталкивается потребитель при защите своих прав. Автор предлагает направления совершенствования правового регулирования и практические выводы для участников оборота.

Для цитирования в научных исследованиях

Журкина О.В. Проблемы защиты прав потребителей при покупках товаров на маркетплейсах // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 249-254. DOI: 10.34670/AR.2026.72.69.021

Ключевые слова

Защита прав потребителей, маркетплейс, агрегатор, дистанционная продажа, ответственность продавца, возврат товара, электронная торговля, цифровая платформа.

Введение

Торговля через маркетплейсы за несколько лет изменила привычки миллионов людей. Раньше покупатель шёл в магазин, брал товар в руки, смотрел на него, задавал вопросы продавцу. Теперь он открывает приложение и заказывает вещь по фотографии и короткому описанию. Товар приходит через несколько дней. Иногда он совпадает с ожиданиями. Иногда нет. И когда возникает спор, покупатель обнаруживает, что не всегда понятно, к кому обращаться. Мастеров А.И. указывает, что «Маркетплейс (от англ. Marketplace) - это место или веб-сайт, на котором можно найти товары разных брендов от разных поставщиков, магазинов или людей, представленных на одной и той же платформе.» [Мастеров, 2012, С.21-24]

По данным о структуре розничной торговли доля онлайн-продаж растёт год от года, и значительную её часть занимают именно крупные торговые площадки. Люди покупают через них одежду, технику, продукты, лекарства, мебель. Оборот огромный. Число сделок исчисляется сотнями миллионов. И вместе с оборотом растёт число конфликтов. Товар пришёл бракованный. Пришёл не тот, что заказывали. Не пришёл вовсе. Деньги списали дважды. Продавец исчез. Площадка отказывается отвечать. Каждая такая ситуация порождает вопрос о том, кто несёт ответственность и как её реализовать.

Следует отметить, что закон в этой сфере отстаёт от практики. Основной документ, который защищает покупателя, это Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей». Он писался в эпоху, когда никаких маркетплейсов не было. Позже в него внесли понятие владельца агрегатора информации о товарах. Это была попытка приспособить старый закон к новой реальности. Попытка нужная, но неполная. Соплина А.Е. отмечает, что «преамбула Закона РФ от 07.02.1992 №2300-1 «О защите прав потребителей» позволяет говорить о том, что понятие «маркетплейс» соответствует понятию «владелец агрегатора». [Соплина, www]

Само понятие маркетплейса как самостоятельного участника оборота в законе так и не появилось. А ведь по своей роли маркетплейс это не просто агрегатор. Он принимает деньги, хранит товар, доставляет его, ведёт переписку с покупателем, разрешает споры. Он делает намного больше, чем просто показывает информацию о товаре.

По мнению М. Твердохлебовой и В. Никишина «маркетплейсы в чем-то похожи на современные гипермаркеты: и покупатели приобретают товар у разных магазинов, хотя находятся практически в одном месте». [Твердохлебова, Никишина, 2019, с. 3-8]

Правовая конструкция отношений тут запутана. В сделке участвуют как минимум три стороны. Покупатель. Продавец, который разместил товар на площадке. И сам маркетплейс, который свёл их вместе. Иногда добавляется четвёртая сторона. Это служба доставки или пункт выдачи. Каждый участник отвечает за свой участок. Но границы этих участков размыты. Покупатель часто вообще не видит продавца, общается только с площадкой и оплату производит не продавцу, а маркетплейсу. С точки зрения покупателя именно интернет площадка (макретплейс) и есть продавец. А юридически продавцом считается сторонняя фирма или предприниматель, о существовании которого покупатель узнаёт только из карточки товара мелким шрифтом.

Основная часть

Начать следует с правовой природы отношений, которые складываются при покупке на маркетплейсе. От неё зависит очень многое. И прежде всего то, к кому покупатель вправе

предъявить свои требования.

Действующий закон вводит фигуру владельца агрегатора информации о товарах. Под ним понимается лицо, которое на своём сайте или в приложении даёт потребителю возможность ознакомиться с предложением продавца, заключить договор и произвести предварительную оплату. Формулировка описывает именно информационную и расчётную роль площадки. По этой логике площадка сводит стороны и принимает оплату, а сам договор купли-продажи заключается между покупателем и продавцом. Ответственность агрегатора по закону ограничена. Он отвечает за убытки, причинённые недостоверной информацией о товаре или о продавце. И он обязан вернуть предоплату, если товар не передан в срок, а покупатель отказался от договора.

Но реальная роль маркетплейса давно вышла за эти рамки. Современная площадка не ограничивается показом информации. Она принимает товар на свой склад, хранит его, формирует заказ, везёт его покупателю своим транспортом, выдаёт его через свои пункты, ведёт всю переписку, принимает возвраты. По сути маркетплейс контролирует весь путь товара от склада до рук покупателя. И называть такое лицо простым агрегатором информации неточно. Функционально это торговый посредник особого рода, взявший на себя значительную часть обязанностей продавца.

Фактически площадка действует как активный участник торговли. Представляется возможным утверждать, что объём ответственности должен соответствовать объёму фактически осуществляемых функций. Если лицо принимает деньги, хранит товар и доставляет его, оно должно отвечать за сохранность товара и за доставку наравне с продавцом. Пока же площадка пользуется статусом агрегатора как щитом, снимая с себя ответственность за то, что реально находится под её контролем.

Думается, что решение тут одно. Ответственность площадки перед потребителем должна быть расширена. Разумной выглядит конструкция, при которой маркетплейс отвечает перед покупателем солидарно с продавцом по требованиям, связанным с качеством товара, если продажа шла через инфраструктуру площадки. Покупатель тогда сможет предъявить требование тому, кто ему доступен, то есть площадке. А площадка, удовлетворив требование, взыщет уплаченное с продавца в порядке регресса. Именно площадка привлекла продавца, проверяла его при подключении и получала комиссию с продаж. Значит, ей и нести перед покупателем риск недобросовестности продавца. У неё есть и договор с продавцом, и удерживаемые средства, и техническая возможность взыскания.

Дистанционная торговля даёт покупателю особое право. Он может отказаться от товара в любое время до его передачи, а после передачи в течение семи дней без объяснения причин. Это право учитывает то, что покупатель не видел товар вживую до покупки. Норма разумная. Но при покупках на маркетплейсах её применение осложняется. Возникает вопрос о том, кто принимает возврат и кто возвращает деньги. По закону это обязанность продавца. Фактически возврат оформляется через площадку и её пункты. И тут покупатель нередко сталкивается с препятствиями, которых закон не предусматривает.

Кажется, что практика возврата на площадках во многом расходится с законом. Появились платные возвраты. Покупателя обязывают платить за то, что он воспользовался законным правом отказаться от товара. Появились штрафы за частый возврат. Покупателя, который вернул слишком много вещей, ограничивают в возможности возврата или вовсе блокируют.

Появились категории товаров, которые площадка в одностороннем порядке объявила невозвратными, хотя закон таких ограничений для них не устанавливает. Всё это условия, которые площадка вписывает в свою оферту. И покупатель, соглашаясь с офертой одним нажатием кнопки, формально их принимает.

Теперь о процедурной стороне защиты прав. Даже когда закон на стороне покупателя, реализовать своё право трудно. Первое препятствие — это досудебный порядок. Прежде чем идти в суд, покупатель должен предъявить претензию. Но кому и как. Поддержка площадки отвечает шаблонными сообщениями и уводит от сути. Переписка ведётся в закрытом чате приложения, доступ к которому потом можно потерять. Зафиксировать факт обращения и ответ бывает сложно. А без доказательства того, что претензия предъявлялась, суд может отнестись к иску прохладно.

Отдельного внимания заслуживает продажа на маркетплейсах товаров, требующих особого контроля. Через площадки продают технически сложные товары, детские товары, лекарства, биологические добавки, косметику. К этим товарам закон предъявляет повышенные требования. Нужны сертификаты, декларации соответствия, правильная маркировка, инструкции на русском языке. Но проверить наличие этих документов покупатель при онлайн-заказе не может. Ответственность за это размыта между продавцом и площадкой. Думается, что площадка, допускающая товар в продажу, должна проверять наличие обязательных документов и нести ответственность за их отсутствие, раз именно она решает, чей товар разместить у себя.

Теперь о том, как складывается судебная практика по этим спорам. Практика противоречива и только формируется. По ряду вопросов суды заняли позицию в пользу потребителя. Например, условия оферты, ухудшающие положение покупателя по сравнению с законом, суды признают ничтожными. Платные возвраты и штрафы за отказ от товара при рассмотрении в суде чаще всего не отменяются. Суды исходят из того, что право потребителя на возврат при дистанционной покупке установлено законом и оферта не может его урезать.

Но по вопросу об ответственности самой площадки практика пока неустойчива. Многое зависит от того, как суд квалифицирует роль маркетплейса в конкретном деле. Если суд видит в площадке только агрегатора информации, ответственность её ограничена, и покупателя отсылают к продавцу. Если суд усматривает, что площадка фактически выступала продавцом или взяла на себя обязанности продавца, ответственность возлагается на неё. Единого критерия разграничения нет. И исход дела во многом зависит от того, как сформулированы отношения в конкретной оферте и насколько активно вела себя площадка. Такая непредсказуемость плоха и для покупателей, и для самих площадок, потому что никто не может заранее оценить свои риски.

Постепенно намечается и более строгий подход к информационной ответственности площадки. Суды всё чаще признают, что если недостоверная информация в карточке товара исходила из системы, которую контролирует площадка, то ответственность за введение покупателя в заблуждение может нести и площадка. Также суды обращают внимание на доступность сведений о продавце. Если площадка не обеспечила покупателю реальной возможности связаться с продавцом, суд склонен переложить ответственность на площадку. Это верное направление. Тот, кто контролирует информацию и инфраструктуру, должен отвечать за их надлежащее состояние.

Отдельная категория споров касается компенсации морального вреда и штрафа за отказ добровольно удовлетворить требование потребителя. Закон о защите прав потребителей даёт

покупателю право на такую компенсацию и на штраф в размере половины присуждённой суммы. Это сильный инструмент. Он должен побуждать продавца и площадку решать споры добровольно, не доводя до суда. Но по мелким покупкам инструмент работает слабо, потому что сами суммы малы и судиться из-за них невыгодно. Штраф в половину от небольшой суммы всё равно остаётся небольшим и никого не пугает. Думается, что для дел о нарушениях на маркетплейсах стоило бы шире применять механизмы, при которых мелкие однотипные нарушения рассматриваются совокупно, а не поштучно. Тогда ответственность станет ощутимой.

Заключение

Торговля через маркетплейсы стала повседневностью, но правовое регулирование за ней не поспевает. Споров всё больше, и причина не только в объёме продаж. Причина в том, что закон описывает площадку как простого агрегатора информации, тогда как фактически она стала центральным участником торговли, контролирующим весь путь товара. Из этого несоответствия и вырастает большинство проблем.

Главная проблема лежит в распределении ответственности между площадкой и продавцом. Для покупателя оно непрозрачно. Он покупает, как ему кажется, у площадки, а юридически у неизвестного стороннего продавца, найти которого при споре часто невозможно. Право предъявить требование продавцу остаётся бумажным, если продавец недоступен. Думается, что решение в расширении ответственности площадки. Разумной выглядит солидарная ответственность маркетплейса перед покупателем по требованиям, связанным с качеством товара, с его недоставкой или подменой, при сохранении за площадкой права регресса к продавцу. Тот, кто привлёк продавца, проверял его, держит его деньги и получает комиссию, и должен нести перед покупателем риск недобросовестности продавца.

Вторая группа проблем связана с условиями оферты и с возвратом товара. Здесь нужна не только защита в суде, но и прямые запреты на уровне закона. Условия, действовавшие на момент оформления заказа, должны сохраняться для этого заказа. Право на возврат при дистанционной покупке не может урезаться офертой.

Маркетплейсы останутся частью повседневной жизни. Отказываться от их удобства никто не станет. Но покупки через них должны совершаться по понятным и справедливым правилам. Покупатель обязан заранее знать, у кого он покупает, к кому обращаться при споре и на что он вправе рассчитывать. Пока положение сторон настолько неравно, поток конфликтов не иссякнет. И задача юридической науки состоит в том, чтобы предложить работающие решения, которые защитят и права потребителей, и здоровое развитие электронной торговли.

Библиография

1. Мастеров А. И. Управленческий анализ смешанных затрат в условиях многономенклатурной реализации // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 2012. № 2. С. 21-24.
2. Соплина Е.А. Маркетплейс глазами юриста // Электронный документ - Режим доступа: https://www.intellectpro.ru/press/works/marketpleys_glazami_yurista/ (дата обращения 12.08.2026)
3. Твердохлебова М., Никишин В. Роль маркетплейсов на рынке розничных торговых услуг // Практический маркетинг. 2019. № 6 (268). С. 3-8

Problems of Consumer Rights Protection When Purchasing Goods on Marketplaces

Ol'ga V. Zhurkina

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Organization of Judicial
and Prosecutorial-Investigative Activity,
Orenburg State University named after V.A. Bondarenko,
460018, 13, Pobedy ave., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: olga_fv@inbox.ru

Abstract

The article is devoted to the legal problems of consumer rights protection when purchasing goods through marketplaces. The legal nature of relations between the buyer, the seller, and the owner of the trading platform is examined, as well as the distribution of responsibility between them, issues of return of goods, exchange, and compensation for losses. Particular attention is paid to the gaps in current legislation, the status of the aggregator of information about goods, and the practical difficulties that consumers face in protecting their rights. The author proposes directions for improving legal regulation and practical conclusions for participants in the turnover.

For citation

Zhurkina O.V. (2026) Problemy zashchity prav potrebiteley pri pokupkakh tovarov na marketpleysakh [Problems of Consumer Rights Protection When Purchasing Goods on Marketplaces]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 249-254. DOI: 10.34670/AR.2026.72.69.021

Keywords

Consumer rights protection, marketplace, aggregator, distance selling, seller's liability, return of goods, e-commerce, digital platform.

References

1. Masterov A.I. (2012). Upravlencheskiy analiz smeshannykh zatrat v usloviyakh mnogonomenklaturnoy realizatsii [Management Analysis of Mixed Costs in Conditions of Multi-Product Sales]. *Aktual'nyye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii*, 2, 21-24.
2. Soplina E.A. (n.d.). *Marketpleys glazami yurista* [Marketplace Through the Eyes of a Lawyer]. Available at: https://www.intellectpro.ru/press/works/marketpleys_glazami_yurista/ (accessed: 12.08.2026).
3. Tverdokhlebova M., Nikishin V. (2019). Rol' marketpleysov na rynke roznichnykh torgovykh uslug [The Role of Marketplaces in the Retail Trade Services Market]. *Prakticheskiy marketing*, 6(268), 3-8.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.1 **DOI: 10.34670/AR.2026.99.24.022**

Правовое регулирование интернет-торговли с участием искусственного интеллекта

Кебетова Диана Алановна

Преподаватель,
кафедра гражданского права Юридического института,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43а;
e-mail: kebetovad@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования интернет-торговли, осложнённой использованием технологий искусственного интеллекта. Актуальность темы определяется тем, что программные агенты уже способны самостоятельно сравнивать товары и цены, совершать покупки и вести переговоры с продавцами, тогда как право реагирует на эти изменения с заметным запаздыванием. Автор анализирует новейшее российское законодательство о больших фундаментальных моделях ИИ и обосновывает тезис о том, что регулирование сосредоточено на технологической безопасности и суверенитете, но оставляет без ответа ключевые вопросы гражданско-правового положения автономных агентов в торговом обороте. Материалом исследования послужили Федеральный закон «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», официальные разъяснения к нему и доктринальные положения о владении как правомочии собственника. Показано, что рамочный характер закона порождает правовую неопределённость для платформ, продавцов и покупателей, а требования маркировки контента не решают вопроса о правах на вещи, приобретённые агентом в материальном обороте. На основе анализа конструкции владения как правомочия собственника предлагается подход к определению момента возникновения права собственности при автоматизированных сделках. Обосновывается необходимость дополнить рамочное регулирование нормами гражданско-правового характера, определяющими пределы делегирования полномочий агенту, момент, с которого его действия считаются действиями пользователя, и распределение рисков, при котором за выбор отвечает пользователь, за исполнение — разработчик, за безопасность взаимодействия — платформа.

Для цитирования в научных исследованиях

Кебетова Д.А. Правовое регулирование интернет-торговли с участием искусственного интеллекта // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 255-259. DOI: 10.34670/AR.2026.99.24.022

Ключевые слова

Искусственный интеллект, интернет-торговля, большие фундаментальные модели, правовое регулирование, автономные агенты, право собственности, владение, гражданско-правовое регулирование, распределение рисков, маркировка контента.

Введение

Интернет-торговля с использованием искусственного интеллекта перестала быть экспериментом и превратилась в формирующийся уклад экономических отношений. Программные агенты способны не только сравнивать товары и цены, но и самостоятельно совершать покупки, вести переговоры с продавцами и управлять логистикой. Однако право реагирует на эти изменения с заметным запаздыванием. Если в зарубежной практике уже появляются судебные споры о правомерности действий таких агентов, то российское законодательство до недавнего времени вообще не содержало базовых понятий в этой сфере.

Ситуация изменилась в 2026 году. Был принят Федеральный закон «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», который вводит в правовое поле категорию больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта [Федеральный закон № 243-ФЗ, 2026]. Закон определяет полномочия Президента, Правительства, федеральных органов власти в сфере разработки и применения таких моделей, устанавливает требования к суверенным и национальным моделям, а также вводит обязанность маркировки контента, созданного с помощью ИИ [Подписан закон о поддержке развития технологий ИИ в России, 2026]. Принятие этого акта – важный шаг, но он решает принципиально иные задачи, нежелательные для регулирования торгового оборота.

Материалы и методы исследования

Обратим внимание на предмет закона. Он сосредоточен на технологической независимости, безопасности и государственном управлении в сфере ИИ. Правительство получает право устанавливать случаи, когда допускается применение исключительно суверенных или национальных моделей, определять порядок доступа к данным для обучения моделей, координировать деятельность органов власти [Федеральный закон № 243-ФЗ, 2026]. Всё это – публично-правовое регулирование. Вопросы же о том, кто отвечает за сделку, совершённую автономным агентом, как определяется момент перехода права собственности на товар, приобретённый таким агентом, и может ли агент выступать самостоятельным участником гражданского оборота, – остаются за рамками закона.

Результаты и обсуждение

Это не упрёк законодателю. Рамочный характер закона признаётся и в официальных разъяснениях: предполагается, что конкретные механизмы будут установлены подзаконными актами [Принят закон о развитии технологий искусственного интеллекта в России, 2026]. Однако для интернет-торговли такая последовательность создаёт правовую неопределённость. Участники оборота – платформы, продавцы, покупатели – не понимают, как применять существующие гражданско-правовые конструкции к отношениям, в которых одну из сторон фактически замещает программа. Неопределённость порождает осторожность: платформы ограничивают доступ агентов, продавцы отказываются от автоматизированных сделок, покупатели не уверены в защите своих прав. В результате страдает не только правовая определённость, но и сам рынок.

Особую остроту приобретает вопрос о владении как правомочии собственника. Классическая триада правомочий – владение, пользование, распоряжение – предполагает, что владение осуществляется волей и в интересе собственника. В исследованиях подчёркивается, что владение представляет собой фактическое господство лица над вещью, но господство,

опосредованное правом [Мазанаев, Абдурахманова, 2020]. Когда товар приобретается агентом, возникает разрыв: фактическое господство над вещью получает покупатель, но действия по её приобретению совершены программой. Можно ли считать, что покупатель «владел» вещью в момент её приобретения, если он не знал о сделке до её завершения?

Ответ зависит от того, как мы понимаем природу действий агента. Если агент рассматривается как простой инструмент, «удлинённая рука» пользователя, то действия агента суть действия самого пользователя, и разрыва нет. Однако современные агенты не являются простыми инструментами: они принимают решения, оценивают альтернативы и действуют в условиях неопределённости. Именно эта автономия и создаёт проблему. Владение, осуществлённое агентом, не тождественно владению, осуществлённому человеком, поскольку воля человека не участвовала в конкретном акте приобретения.

Можно возразить, что и классическое представительство предполагает совершение сделки одним лицом от имени другого, и в этом нет ничего нового. Однако представитель действует осознанно, руководствуясь интересом представляемого, и в любой момент может запросить уточнение. Агент действует по вероятностной модели: он не «понимает» поручение в человеческом смысле, а вычисляет наиболее вероятное его истолкование. Это различие не всегда проявляется в простых ситуациях, но становится критическим, когда поручение допускает несколько толкований или когда условия сделки меняются в процессе её совершения.

Закон о поддержке развития технологий ИИ частично снимает эту проблему, вводя требование маркировки контента и раскрытия информации о правах на созданные с помощью ИИ результаты. Пользователи должны знать, кому принадлежат права на результаты, созданные моделью, и как они могут быть использованы. Это создаёт предпосылки для более прозрачного оборота. Но маркировка контента и определение прав на результаты – не то же самое, что определение прав на вещи, приобретённые агентом в торговом обороте. Контент создаётся в цифровой среде, и вопрос о правах на него решается по правилам интеллектуальной собственности. Вещь приобретается в материальном обороте, и здесь действуют нормы вещного права. Прямой перенос подходов из одной сферы в другую невозможен.

Показательно, что закон предусматривает случаи, когда применение суверенных или национальных моделей является обязательным, – в банковской сфере и на финансовом рынке [Комитет Совфеда поддержал меры, направленные на развитие технологий ИИ, 2026]. Это признание того, что в отдельных областях автономные системы требуют повышенного контроля. Интернет-торговля в этот перечень не включена, хотя риски здесь не менее значительны: речь идёт о массовых сделках с имуществом граждан. Банковская сфера защищена специальным регулированием и надзором; интернет-торговля такой защиты не имеет. Между тем именно здесь автономные агенты действуют наиболее свободно и именно здесь возможны массовые нарушения, остающиеся незамеченными.

Автор полагает, что назрела необходимость дополнить рамочное регулирование ИИ нормами гражданско-правового характера, определяющими статус автономного агента в торговом обороте. Такие нормы могли бы установить: пределы делегирования полномочий агенту; момент, с которого действия агента считаются действиями пользователя; правила распределения рисков при выходе агента за пределы поручения; и, что особенно важно, – момент возникновения права собственности у приобретателя при автоматизированной сделке. Без этого конструкция владения как правомочия собственника остаётся неопределённой применительно к значительному сегменту современной торговли.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о распределении рисков. Сегодня риски автоматизированных сделок распределены неявно. Если агент ошибся, убытки, как правило, несёт пользователь – просто потому, что именно он является стороной сделки по документам.

Если агент причинил ущерб платформе, вопрос остаётся открытым. Если агент нарушил правила платформы, последняя может заблокировать пользователя, хотя сам пользователь никаких правил не нарушал. Такое распределение несправедливо и непредсказуемо. Правовое регулирование должно установить ясные правила: за выбор отвечает пользователь, за исполнение – разработчик, за безопасность взаимодействия – платформа. Каждый участник отвечает за ту зону, которую он контролирует.

Возможен и более радикальный подход: признание автономного агента самостоятельным участником оборота с ограниченной правосубъектностью. Автор не разделяет эту позицию в полном объёме, но признаёт её дискуссионность. На данном этапе достаточно ввести промежуточный режим, при котором агент не является субъектом права, но его действия могут быть атрибутированы конкретному лицу – пользователю или разработчику – в зависимости от характера ошибки. Такой подход позволил бы сохранить целостность гражданско-правовых конструкций, не отказываясь от их применения к новым отношениям.

Заключение

Законодательство об ИИ в России делает первые шаги. Принятый закон – необходимая основа, но она не заменяет гражданско-правового регулирования. Задача следующего этапа – встроить автономных агентов в существующие конструкции вещного и обязательственного права, не разрушая их логику, но и не игнорируя новые реалии. Пока этого не сделано, интернет-торговля с участием ИИ будет развиваться в режиме правовой неопределённости, а каждый спор – разрешаться ad hoc, без опоры на общие правила.

Библиография

1. Комитет Совфеда поддержал меры, направленные на развитие технологий ИИ // Парламентская газета. 2026. 15 июля. URL: https://www.pnp.ru/social/komitet-sovfeda-podderzhal-mery-napravlennye-na-razvitie-tekhnologiy-ii.html
2. Мазанаев М.Ш., Абдурахманова М.Г. Владение как правомочие собственника // Образование и право. 2020. № 4. С. 154–158.
3. Подписан закон о поддержке развития технологий ИИ в России // Президент России: официальный сайт. 2026. 25 июля. URL: http://kremlin.ru/catalog/keywords/66/events/80377
4. Принят закон о развитии технологий искусственного интеллекта в России // Государственная Дума: официальный сайт. 2026. 6 августа. URL: http://duma.gov.ru
5. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации».

Legal Regulation of Internet Trade with the Participation of Artificial Intelligence

Diana A. Kebetova

Lecturer,
Department of Civil Law of the Law Institute,
Dagestan State University,
367000, 43a, Magomeda Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: kebetovad@yandex.ru

Abstract

The article examines the problems of legal regulation of internet trade complicated by the use of artificial intelligence technologies. The relevance of the topic is determined by the fact that software agents are already capable of independently comparing goods and prices, making purchases, and negotiating with sellers, while the law responds to these changes with a noticeable delay. The author analyzes the latest Russian legislation on large foundational AI models and substantiates the thesis that regulation is focused on technological security and sovereignty, but leaves unanswered the key questions of the civil-law status of autonomous agents in commercial turnover. The research material comprises the Federal Law "On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation," official clarifications thereto, and doctrinal provisions on possession as a proprietary power. It is shown that the framework nature of the law gives rise to legal uncertainty for platforms, sellers, and buyers, while content labeling requirements do not resolve the question of rights to things acquired by an agent in material turnover. Based on the analysis of the construction of possession as a proprietary power, an approach to determining the moment of emergence of ownership in automated transactions is proposed. The necessity of supplementing framework regulation with civil-law norms determining the limits of delegating powers to an agent, the moment from which its actions are considered the user's actions, and the distribution of risks, under which the user is responsible for the choice, the developer for execution, and the platform for the security of interaction, is substantiated.

For citation

Kebetova D.A. (2026) Pravovoe regulirovanie internet-torgovli s uchastiem iskusstvennogo intellekta [Legal Regulation of Internet Trade with the Participation of Artificial Intelligence]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 255-259. DOI: 10.34670/AR.2026.99.24.022

Keywords

Artificial intelligence, internet trade, large foundational models, legal regulation, autonomous agents, ownership, possession, civil-law regulation, risk distribution, content labeling.

References

1. Federalnyy zakon ot 26.07.2026 № 243-FZ “O podderzhke razvitiya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law No. 243-FZ of July 26, 2026, “On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation”]. (2026)
2. Komitet Sovfeda podderzhal mery, napravlennye na razvitie tekhnologiy II [Federation Council committee supported measures aimed at developing AI technologies]. (2026, July 15). Parlamentskaya Gazeta. https://www.pnp.ru/social/komitet-sovfeda-podderzhal-mery-napravlennye-na-razvitie-tekhnologiy-ii.html
3. Mazanaev, M.Sh., & Abdurakhmanova, M.G. (2020). Vladenie kak pravomochie sobstvennika [Possession as a power of the owner]. Obrazovanie i Pravo, (4), 154–158.
4. Podpisan zakon o podderzhke razvitiya tekhnologiy II v Rossii [Law on supporting the development of AI technologies in Russia signed]. (2026, July 25). Prezident Rossii: ofitsialnyy sayt. http://kremlin.ru/catalog/keywords/66/events/80377
5. Prinyat zakon o razvitii tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v Rossii [Law on the development of artificial intelligence technologies in Russia adopted]. (2026, August 6). Gosudarstvennaya Duma: ofitsialnyy sayt. http://duma.gov.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.1 **DOI: 10.34670/AR.2026.77.97.023**

Правовые проблемы применения искусственного интеллекта в отношениях, возникающих в сфере интернет-торговли

Кебетова Диана Алановна

Преподаватель,
кафедра гражданского права Юридического института,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43а;
e-mail: kebetovad@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются правовые проблемы, возникающие при использовании искусственного интеллекта в сфере интернет-торговли. Актуальность исследования определяется переходом к так называемой агентской коммерции, при которой выбор товара и оформление заказа выполняет автономный программный агент без прямого участия человека в каждом конкретном действии. Автор обосновывает тезис о том, что ключевая проблема лежит не в сфере договорного права, а в области распределения ответственности между автономным агентом, его доверителем и торговой платформой. В качестве материала исследования используется спор между Amazon и разработчиком агента браузера Comet (Perplexity AI), обнаживший вопрос о том, является ли автономный агент продолжением пользователя или самостоятельным участником отношения. Предлагается разграничение «ответственности за выбор» и «ответственности за исполнение» применительно к действиям ИИ-агентов. Показано, что такое разграничение позволяет по-разному распределить бремя доказывания: ошибку выбора доказывает пользователь, ошибку исполнения — разработчик агента. На основе этого разграничения обосновывается необходимость формирования института «делегированной правосубъектности» агента как инструмента, позволяющего сохранить контроль человека над автоматизированными сделками. Отдельное внимание уделено вопросам защиты права собственности и иных вещных прав в условиях автоматизации сделок, а также проблеме прозрачности автоматизированного взаимодействия. Сделан вывод о целесообразности закрепить обязанность агента раскрывать свою автоматизированную природу при одновременном запрете необоснованной дискриминации автоматизированных покупателей, а также перевести дискуссию с вопроса о статусе искусственного интеллекта на функциональное распределение ответственности в цепочке «пользователь – агент – платформа».

Для цитирования в научных исследованиях

Кебетова Д.А. Правовые проблемы применения искусственного интеллекта в отношениях, возникающих в сфере интернет-торговли // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 260-266. DOI: 10.34670/AR.2026.77.97.023

Ключевые слова

Искусственный интеллект, интернет-торговля, агентская коммерция, ответственность, делегированная правосубъектность, электронная коммерция, автономные агенты, защита вещных прав, прозрачность автоматизированного взаимодействия, бремя доказывания.

Введение

Интернет-торговля переживает сегодня качественный сдвиг, который не сводится к очередному витку технологического обновления. Речь идёт о переходе от модели, в которой покупатель сам выбирает товар и оформляет заказ, к модели, в которой эти действия выполняет автономный программный агент. Такие агенты уже способны сравнивать товары по множеству параметров, учитывать отзывы, отслеживать цены и совершать покупки без прямого участия человека [Харьков, 2025]. Подобная практика получила название «агентской коммерции», и она ставит перед правом вопросы, которые не решаются простым распространением действующих норм о договорах и защите прав потребителей.

Суть перемены, если смотреть на неё глубже, состоит в том, что традиционная электронная коммерция предполагала активное волеизъявление человека на каждом этапе сделки: он открывал сайт, выбирал товар, подтверждал заказ, вводил платёжные данные. Автономный агент разрывает эту цепочку. Он действует от имени пользователя, но без его непосредственного участия в каждом конкретном действии. Между волей человека и правовым результатом появляется промежуточное звено – программа, наделённая определённой свободой усмотрения. Именно эта свобода и создаёт правовую проблему, поскольку классические конструкции договорного права рассчитаны на ситуацию, когда воля формируется и выражается непосредственно субъектом.

Главная трудность, как представляется, лежит не в сфере договорного права в его классическом понимании. Вопрос о том, является ли договор, заключённый ИИ-агентом, действительным, – это лишь верхний слой проблемы. Если агент действует по поручению пользователя и в пределах предоставленных полномочий, конструкция представительства (ст. 182–189 ГК РФ) формально применима [Гражданский кодекс Российской Федерации, 1994]. Сложность в другом: как распределить ответственность за ошибку агента между самим агентом (точнее, его разработчиком), пользователем, давшим поручение, и торговой платформой, на которой совершена сделка? Именно этот вопрос не имеет сегодня внятного правового ответа.

Материалы и методы исследования

Показательный пример – иск Amazon к Perplexity AI, поданный в ноябре 2025 года. Amazon обвинил разработчика браузерного агента Comet в том, что тот совершал покупки на платформе от имени пользователей, маскируясь под обычный браузер и не раскрывая своего автоматизированного характера. Юридическая позиция Amazon строится на том, что агент скрывал свою природу, что вводило платформу в заблуждение. Защита Perplexity настаивает: агент действует исключительно как «user agent», выполняя поручения человека, и потому должен быть неотличим от самого пользователя [Amazon Sues Perplexity Over Comet, 2025]. Этот спор обнажает фундаментальную проблему: является ли автономный ИИ-агент «продолжением» пользователя или самостоятельным участником отношения?

Автор полагает, что ответ на этот вопрос следует искать не в плоскости признания агента

«лицом» (что было бы и юридически избыточно, и практически нецелесообразно), а в разграничении двух видов ответственности, которые до сих пор смешивались в единое целое.

Результаты и обсуждение

Первый вид – ответственность за выбор. Она возникает на этапе, когда агент интерпретирует намерение пользователя, сравнивает товары, принимает решение о покупке. Если агент приобрёл зелёные кроссовки вместо белых, потому что неверно понял запрос, – это ошибка выбора. Здесь ответственность, по логике представительства, должна лежать на пользователе, поскольку агент действовал в рамках поручения. Однако пользователь может быть не согласен с таким исходом: «Если ошибся агент, почему отвечаю я?» [Карцхия, 2018]. Этот разрыв между формальной логикой и ожиданиями потребителя создаёт поле для злоупотреблений и требует правового разрешения.

Важно подчеркнуть, что ошибка выбора – не техническая неисправность, а именно результат интерпретации. Агент не «сломался» – он добросовестно выполнил поручение, но понял его иначе, чем имел в виду пользователь. Это принципиально отличает ситуацию от случая, когда программа даёт сбой. При сбое есть техническая причина, которую можно установить и устранить. При ошибке интерпретации причина лежит в самом характере машинного понимания, которое всегда вероятностно. Это означает, что полностью исключить такие ошибки невозможно – можно лишь распределить их последствия.

Второй вид – ответственность за исполнение. Она связана с технической корректностью действий агента: раскрыл ли он свою автоматизированную природу перед платформой, соблюдал ли правила платформы, корректно ли передал платёжные данные. Здесь ответственность не может целиком возлагаться на пользователя, поскольку он не контролирует программный код и не может гарантировать соблюдение агентом правил конкретной платформы. В деле Amazon против Perplexity именно этот аспект – маскировка агента под человека – стал центральным. Платформа вправе знать, с кем она взаимодействует: с человеком или с программой. Это не прихоть, а условие безопасности и предотвращения мошенничества.

Разграничение «выбора» и «исполнения» имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. Оно позволяет по-разному подойти к бремени доказывания. Если речь идёт об ошибке выбора, доказывать должен пользователь – он утверждает, что агент понял его неверно, и именно он располагает сведениями о том, какое поручение давал. Если же речь идёт об ошибке исполнения, бремя смещается в сторону разработчика: именно он отвечает за то, чтобы агент корректно раскрывал свою природу и соблюдал правила платформ. Такое распределение бремени представляется справедливым, поскольку каждая сторона доказывает то, что находится в зоне её контроля.

Из этого разграничения вытекает предложение, которое автор обозначает как «делегированная правосубъектность». Речь идёт не о признании ИИ субъектом права в полном смысле, а о создании правового режима, при котором агент получает ограниченную операционную правоспособность: он может быть идентифицирован, наделён определённым объёмом полномочий и – что принципиально – нести ограниченную ответственность в пределах, установленных делегированием. Его полномочия определяются делегированием, а не статусом.

Такой подход созвучен идеям, развиваемым в отечественной доктрине. В частности, отмечается, что цифровые технологии требуют пересмотра классических цивилистических

конструкций, поскольку традиционные понятия (лицо, воля, сделка) формировались в условиях, когда взаимодействие между субъектами было исключительно человеческим. Делегированная правосубъектность – один из возможных ответов на этот вызов. Она не наделяет агента правами личности, но создаёт правовой каркас, в котором его действия становятся проверяемыми и адресуемыми.

Практически это могло бы означать следующее. Пользователь, поручая агенту покупку, устанавливает границы делегирования: категории товаров, лимиты суммы, допустимые продавцы, срок действия полномочий. Агент, действующий в этих границах, создаёт для пользователя правовые последствия. Но если агент выходит за пределы делегирования или скрывает свою природу от платформы, ответственность за такие действия не может автоматически перекладываться на пользователя. Разработчик агента, допустивший такое поведение, должен нести самостоятельную ответственность – хотя бы в форме обязанности возместить убытки, причинённые пользователю или платформе.

Второй аспект проблемы касается защиты права собственности и иных вещных прав в условиях, когда сделки совершаются автоматически. Классические вещные иски – виндикационный, негаторный, о признании права – рассчитаны на ситуацию, когда нарушение уже произошло и может быть установлено [Мазанаев, 2016]. В агентской коммерции нарушение может быть распределённым во времени и неочевидным: агент совершил покупку, которая формально действительна, но фактически не соответствует воле пользователя; товар передан, но пользователь оспаривает сделку. Кто в этом случае является ответчиком по негаторному иску? Против кого направлено требование? Эти вопросы не имеют сегодня ясного ответа, и предложенное разграничение «выбора» и «исполнения» может послужить отправной точкой для их решения.

Особую остроту приобретает вопрос о моменте возникновения права собственности при автоматизированной сделке. По общему правилу право собственности у приобретателя возникает с момента передачи вещи, если иное не предусмотрено законом или договором. Но если передача осуществлена агентом, действовавшим за пределами поручения, возникает вопрос: можно ли считать вещь переданной правомерно? Формально – да, поскольку сделка совершена. Содержательно – нет, поскольку воля пользователя не была направлена на её совершение. Это противоречие между формой и содержанием составляет сегодня нерешённую теоретическую проблему, имеющую прямое практическое значение для судебной практики.

Третий аспект – прозрачность и раскрытие автоматизированного характера сделки. Платформы вправе знать, взаимодействуют ли они с человеком или с программой. Это не только вопрос безопасности, но и условие справедливой конкуренции: если один агент скрывается, а другой раскрывается, последний оказывается в невыгодном положении [Кашкин, 2024]. Более того, сокрытие автоматизированного характера может вводить в заблуждение не только платформу, но и других пользователей, чьи данные или интересы затрагиваются действиями агента. Здесь возникает вопрос о «прозрачности по умолчанию»: агент должен идентифицировать себя как такового, если только пользователь явно не потребовал иного и если это не противоречит правилам платформы.

Прозрачность имеет и оборотную сторону. Если агент обязан раскрывать свою природу, платформа получает возможность дискриминировать автоматизированных покупателей – например, предлагать им иные цены или ограничивать доступ к определённым товарам. Это создаёт риск формирования «двух режимов» торговли: для людей и для агентов. Правовое регулирование должно поэтому не только устанавливать обязанность раскрытия, но и

запрещать необоснованную дискриминацию по признаку автоматизированного характера покупки. Иначе прозрачность превратится из инструмента защиты в инструмент ограничения.

Наконец, нельзя обойти вниманием вопрос о правосубъектности ИИ в контексте интернет-торговли. В доктрине высказывается позиция, согласно которой искусственный интеллект следует рассматривать как объект права, а не как субъект [Морхат, 2018]. С этой точкой зрения следует согласиться применительно к большинству ситуаций. Однако применительно к агентской коммерции она нуждается в уточнении. Агент – не субъект права, но и не обычный объект, поскольку он действует. Он не «вещь», которой пользуются, а «инструмент», который совершает юридически значимые действия. Это промежуточное положение и требует промежуточного правового режима – той самой делегированной правосубъектности, которая не уравнивает агента с человеком, но и не сводит его к пассивному объекту.

Заключение

Автор отдаёт себе отчёт в том, что предложенные положения носят дискуссионный характер. Институт «делегированной правосубъектности» требует дальнейшей разработки, а разграничение «ответственности за выбор» и «ответственности за исполнение» – проверки на конкретных казусах. Однако сама постановка вопроса представляется продуктивной: она переводит обсуждение с уровня «является ли ИИ субъектом права» на уровень функционального распределения ответственности в цепочке «пользователь – агент – платформа». Именно это, а не спор о статусе, способно дать практике работающие ориентиры.

Интернет-торговля с использованием ИИ – не временное явление, а формирующийся уклад. Право не должно его тормозить, но и не может оставаться безучастным. Задача состоит в том, чтобы выработать прозрачные и предсказуемые правила игры, при которых автоматизация не становится способом ухода от ответственности, а интересы человека – пользователя и потребителя – остаются защищёнными. Пока таких правил нет, каждый спор – как дело Amazon против Perplexity – превращается в прецедент, значение которого выходит далеко за рамки конкретного конфликта. И это лишний раз подтверждает: время для правовой определённости в этой сфере уже наступило.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 08.08.2024).
2. Карцхия А.А. Цифровое право как будущее классической цивилистики // Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет: ежегодник / отв. ред. Е.Г. Афанасьева. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 26–40.
3. Кашкин С.Ю. Право в условиях антропологического цивилизационного перехода к цифровому обществу // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». 2024. Вып. 4. С. 26–40.
4. Мазанаев М.Ш. Актуальные проблемы защиты права собственности и других вещных прав // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2016. Т. 20, № 4. С. 81–85.
5. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 2018. 420 с.
6. Харьков В.П. Электронная коммерция и искусственный интеллект: учебное пособие. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2025. 115 с.
7. Amazon Sues Perplexity Over Comet, Its AI Shopping Agent // eWEEK. 2025. 04 November.

Legal Problems of Applying Artificial Intelligence in Relations Arising in the Sphere of Internet Trade

Diana A. Kebetova

Lecturer,
Department of Civil Law of the Law Institute,
Dagestan State University,
367000, 43a, Magomeda Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: kebetovad@yandex.ru

Abstract

The article examines the legal problems arising from the use of artificial intelligence in the sphere of internet trade. The relevance of the study is determined by the transition to so-called agentic commerce, in which the selection of goods and the placement of an order are performed by an autonomous software agent without direct human participation in each specific action. The author substantiates the thesis that the key problem lies not in the sphere of contract law, but in the area of distributing liability between the autonomous agent, its principal, and the trading platform. The dispute between Amazon and the developer of the Comet browser agent (Perplexity AI) is used as the research material, which exposed the question of whether an autonomous agent is an extension of the user or an independent participant in the relationship. A distinction between "liability for choice" and "liability for performance" is proposed in relation to the actions of AI agents. It is shown that such a distinction allows for a different distribution of the burden of proof: an error of choice is proven by the user, an error of performance — by the agent's developer. On the basis of this distinction, the necessity of forming the institution of "delegated legal personality" of the agent is substantiated as a tool allowing the preservation of human control over automated transactions. Separate attention is paid to the issues of protecting ownership and other property rights under conditions of automation of transactions, as well as to the problem of transparency of automated interaction. A conclusion is drawn on the expediency of establishing the agent's obligation to disclose its automated nature while simultaneously prohibiting unjustified discrimination against automated buyers, and also of shifting the discussion from the question of the status of artificial intelligence to the functional distribution of liability in the chain "user – agent – platform."

For citation

Kebetova D.A. (2026) Pravovye problemy primeneniya iskusstvennogo intellekta v otnosheniyakh, voznikayushchikh v sfere internet-torgovli [Legal Problems of Applying Artificial Intelligence in Relations Arising in the Sphere of Internet Trade]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 260-266. DOI: 10.34670/AR.2026.77.97.023

Keywords

Artificial intelligence, internet trade, agentic commerce, liability, delegated legal personality, e-commerce, autonomous agents, protection of property rights, transparency of automated interaction, burden of proof.

References

1. Amazon Sues Perplexity Over Comet, Its AI Shopping Agent. (2025, November 4). eWEEK. https://www.eweek.com/news/amazon-sues-perplexity-comet-ai-shopping-agent/
2. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (v red. ot 08.08.2024) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024)]. (1994).
3. Kartskhiya, A.A. (2018). Tsifrovoe pravo kak budushchee klassicheskoy tsivilistiki [Digital law as the future of classical civil law]. In E.G. Afanasyeva (Ed.), Pravo budushchego: Intellektualnaya sobstvennost, innovatsii, Internet: ezhegodnik [Law of the future: Intellectual property, innovations, Internet: yearbook] (pp. 26–40). INION RAN.
4. Kashkin, S.Yu. (2024). Pravo v usloviyakh antropologicheskogo tsivilizatsionnogo perekhoda k tsifrovomu obshchestvu [Law in the context of the anthropological civilizational transition to a digital society]. Vestnik Rossiyskogo Novogo Universiteta. Seriya "Chelovek i Obshchestvo", (4), 26–40.
5. Kharkov, V.P. (2025). Elektronnaya kommertsiya i iskusstvennyy intellekt: uchebnoe posobie [Electronic commerce and artificial intelligence: textbook]. Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo un-ta.
6. Mazanaev, M.Sh. (2016). Aktualnye problemy zashchity prava sobstvennosti i drugikh veshchnykh prav [Topical problems of protecting property rights and other real rights]. Yuridicheskiy Vestnik Dagestanskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 20(4), 81–85.
7. Morkhat, P.M. (2018). Pravosubektnost iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektualnoy sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: dis. … d-ra yurid. nauk: 12.00.03 [Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems: Doctoral dissertation in Law: 12.00.03]. Moscow.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34.023 **DOI: 10.34670/AR.2026.97.89.024**

Гражданская правосубъектность: понятие, правовая природа и система факторов, влияющих на возможность её ограничения

Тучина Ольга Александровна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра гражданского права,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
199178, Российская Федерация,
Санкт-Петербург, Васильевский остров, 10-я линия, 19А;
e-mail: tucheckha@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию общеправовой и гражданско-правовой категорий «правосубъектность», анализу их соотношения, дефиниций, сущности (правовой природы), элементов, оснований ограничения. В статье определено соотношение категорий «свобода» и «правосубъектность», установлено, что гражданское право — базовая отрасль российской правовой системы, закрепляющая принципиальные основы правосубъектности других отраслей права, обобщены нормы законодательства, предусматривающие основания для ограничения правоспособности и дееспособности. В результате проведённого исследования предлагается авторская дефиниция категории «гражданская правосубъектность», в которой обосновано, что гражданская правосубъектность фиксирует юридические возможности, «границы» полномочий физических, юридических лиц и публично-правовых образований по осуществлению гражданских прав, включённых в содержание правоспособности и дееспособности, по реализации гражданско-правовых обязанностей, применению юридической ответственности при возможности ограничения объёма правосубъектности исключительно в установленных законом случаях в публичных и частных интересах и в соответствии с принципами законности, справедливости без возможности утраты содержания действующих норм права, равно, как и отмены, умаления прав, свобод, законных интересов индивида.

Для цитирования в научных исследованиях

Тучина О.А. Гражданская правосубъектность: понятие, правовая природа и система факторов, влияющих на возможность её ограничения // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 267-273. DOI: 10.34670/AR.2026.97.89.024

Ключевые слова

Правосубъектность, свобода, юридический и общественный сегмент правосубъектности, гражданская правосубъектность, элементы гражданской правосубъектности, правоспособность, дееспособность, основания ограничения правоспособности и дееспособности, правовая природа, гражданское право.

Введение

Исторически отношение к праву, его сущности (правовой природе), значению в обществе юридически-значимых прав и обязанностей не является статичным: позиции в отношении возможностей их обладателя изменялись по мере генезиса общества, государственности, научной мысли. В качестве обладающей наибольшим распространением постепенно стала признаваться точка зрения, в соответствии с которой, право - особая мера свободы, а носитель прав – это автономный субъект (личность), обладающий свободой воли и юридическими гарантиями ее непосредственного осуществления [Абрамова, 2018, с. 33].

Изложенное понимание права основано на позиции, в соответствии с которой, реализуемая в правосубъектности свобода, - одна из существенных социальных ценностей [Клименко, 2006, с. 455], свойственных цивилизованному обществу. И, если в древнеримской юриспруденции понятие «свобода» подлежало использованию в позитивном праве, с целью характеристики правового положения конкретной личности («Гай, 1-я книга «Институций», п. п. 1.9 – 47 [Дождев, 2020, с. 17]), впоследствии (по Гегелю) - в качестве почвы права, его второй природы (наряду с миром духа, фактически порожденным действующим правом [Гегель, 1990, с. 279]), то впоследствии свобода стала ассоциироваться преимущественно как синоним субъективного права.

Основная часть

На современном этапе общепризнано: свобода характеризуется фундаментальностью, является главной ценностью для человека, основой обладания правосубъектностью и реализации включенных в ее содержание субъективных прав и юридических обязанностей, на основании своей воли и облаченной в нормативный правовой акт воли государства. Связь правосубъектности со свободой отражена и в Большом юридическом словаре, в котором свобода представляет собой предусмотренную на конституционном либо ином нормативном уровне возможность реализации определенного поведения, и в Энциклопедическом словаре, в котором свобода - способность действовать на основании личных целей, интересов при признании ее относительности, ввиду возможности выбора меры свободы, не противоречащей санкционируемым государством нормам, целям, средствам их достижения.

Представляется: осмысление понятия «правосубъектность» через понятие «свобода», – наиболее целесообразный путь для понимания права, в целом, и гражданского права, - в частности.

Выступая фундаментальной правовой категорией гражданского права, отражающей социально-юридическую способность участвовать в гражданском правоотношении в качестве субъекта права и обладателя юридически-значимых прав и обязанностей, гражданская правосубъектность, между тем, абстрактна, поскольку является возможностью (предпосылкой) возникновения соответствующих прав и обязанностей. По своему характеру гражданская правосубъектность характеризуется также тем, что она относительно статична и выделяется конкретной, определяемой законом, правовой связью ее обладателя с государством, гражданским правом, при этом, данную категорию возможно признать также в качестве динамичной, поскольку объем гражданской правосубъектности зависит от юридически - значимых и опосредованных гражданским правом возможностей, пребывающих в зависимости от содержания закона (иного нормативного правового акта) и соответствующего правового

статуса лица. Гражданская правосубъектность, при этом, объективна, неотчуждаема, возникая в полном объеме с момента рождения (у физических лиц) либо с момента государственной регистрации (у юридических лиц и публично-правовых образований), она отражает возможность выступать носителем юридически-значимых прав и конкретных обязанностей.

Категория «гражданская правосубъектность», соответственно, - результат реализации отраженной в нормах гражданского права меры свободы, соответствующей объему предоставленных гражданским законодательством прав и обязанностей. Представляя собой неотчуждаемое и абстрактное, статичное и объективное общественно-юридическое свойство субъекта гражданского права, правосубъектность, обладает, при этом, следующими элементами - юридической и общественной. И, если юридический сегмент гражданской правосубъектности заключается в том, что признаки субъекта права, его права и обязанности должны быть закреплены нормами гражданского права, то ее общественный аспект выражается в том, что признаки субъекта права законодатель не может формировать произвольно: они детерминированы существованием государства и права, социума, возникающими и изменяющимися закономерностями общественного развития, права, потребностями индивидов и их объединений (коллективных образований).

Гражданская правосубъектность, выступая в качестве особого правового явления, «правового состояния принадлежности к правовой системе, вхождения в нее» [Воеводин, 1997], не отождествляется, между тем, с естественным правом человека, - в указанной связи, целесообразно отрицать позицию представителей естественного права об органическом происхождении правосубъектности [Трубецкой, 1906, с. 134; Нерсесянц, 1990, с. 132–140].

Выступая в качестве аксиологической гражданско-правовой категории, не включенной в содержание гражданского законодательства, термин «гражданская правосубъектность», еще несколько десятилетий назад отрицающийся отдельными представителями научного сообщества [[Орловский, Корнеев, 1969, с. 100; Грибанов, Корнеев, 1979, с. 27], либо отождествляющийся с гражданской правоспособностью [Братусь, 1949, с. 30–36], как и с гражданско-правовым статусом личности, на данном этапе прочно утвердился в отечественной цивилистике.

Не делая акцент в рамках настоящей статьи о предлагаемой в цивилистике четырехзвенной дифференциации гражданской правосубъектности на правоспособность, дееспособность, сделкоспособность и деликтоспособность, как «способность лица отвечать за свои поступки, прежде всего, за - правонарушения» [Хабибулин, Лазарев, 2009, с. 415], полагаем, что указанная позиция не получила всеобщего признания, во-первых, ввиду отождествления сущности дееспособности и сделкоспособности, признания дееспособности как возможности к гражданской деятельности [Мейер, 2000, с. 113] и самостоятельному установлению гражданских отношений посредством сделок [Шершеневич, 1995, с. 62], во-вторых, в связи с отсутствием однозначной позиции о разграничении дееспособности и деликтоспособности.

Разделяя позицию Г.И. Шершеневича о структуре гражданской правосубъектности, отраженной в признанном интеллектуальным достижением отечественной цивилистики научном труде [Гетажеева, 2023, с. 467], отметим: исследуемая категория включает в свое содержание правоспособность (способность иметь гражданские права, обязанности) и дееспособность (способность приобретать и осуществлять, прекращать гражданские права и обязанности). Данный подход преимущественно поддержан в современной российской науке. Так, по утверждению К.Р. Брциева, гражданская правосубъектность - основополагающий термин юриспруденции, при этом правосубъектность в сфере цивилистики, проявляющаяся

через два ключевых аспекта (правоспособность и дееспособность) - фактическая юридическая возможность обладать правами и обязанностями, как и юридической ответственностью в рамках определенной юридической системы, то есть выступать в качестве полноценного субъекта правоотношений гражданского права [Брциев, 2024, с. 347].

Основное значение для участия лица в конкретном гражданском правоотношении имеет и правоспособность, и дееспособность, при этом, гражданская дееспособность, как способность собственными действиями и приобретать, и осуществлять права сферы цивилистики, создавать, исполнять обязанности, - производная от правоспособности, ее нормативного содержания. Изложенное касается, при этом, исключительно физических лиц, в то время как в отношении лиц юридических и публично-правовых образований правосубъектность – это единая праводееспособность (или правоспособность), возникающая одномоментно при возникновении субъекта права (государственной регистрации). В указанной связи, представляется возможным выразить согласие с позицией О.С. Иоффе, в соответствии с которой, разделение гражданской правосубъектности на правоспособность и дееспособность - особенность правосубъектности исключительно физических лиц [Иоффе, Шаргородский, 1961, с. 209–210], реализующих возможности, предоставленные ее содержанием (в действующем гражданском законодательстве, - в соответствии со ст. 18 ГК РФ [Гражданский кодекс Российской Федерации, 1994], и по мере постепенного увеличения объема дееспособности (ст. ст.26 - 28 ГК РФ)).

Особое значение имеет тот факт, что основы общеправовой категории «правосубъектность» обладают именно цивилистической (гражданско-правовой) правовой природой (сущностью), ввиду закрепления ее «матрицы» именно в гражданском законодательстве. Действительно, несмотря на теоретический аспект исследуемой категории (отсутствие законодательной дефиниции термина «правосубъектность»), ее основные элементы - правоспособность и дееспособность, основания и последствия их ограничения, равно, как и «почва», последствия недееспособности, отражены в нормах Гражданского кодекса РФ (ст.18, ст.21), оказывая влияние на объем правосубъектности в иных отраслях права. Так, признание физического лица в качестве ограниченного в дееспособности оказывает влияние на ограничение прав в других отраслях частного права (земельное, международное частное, корпоративное, ряд других). Констатация судом факта недееспособности физического лица по ст. 29 ГК РФ в силу наличия психического расстройства обуславливает отсутствие дееспособности в семейном, земельном, других отраслях частного права и основание ее фактического ограничения в уголовном и в административном, в других публичных отраслях права.

Так, в соответствии с нормами Семейного кодекса РФ [Семейный кодекс Российской Федерации, 1995], недееспособность, установленная судом по гражданско-правовым основанием (ст.29 ГК РФ), выступает в качестве: обстоятельства, препятствующего возникновению брачного правоотношения (ст.14); основания для прекращения зарегистрированного брака (ст.16) и ограничения родительских прав (ст.73).

В уголовном праве лицо, характеризующееся гражданской недееспособностью, не может быть признано в качестве субъекта преступления, при этом, является необходимым установление факта его невменяемости (состояние, обуславливающее, в силу ст. 21 УК РФ, невозможность осознавать и характер, и общественную опасность действий, ими руководить, нести ответственность при наличии определенных проблем с психикой, что исключает применение наказания (не исключая уголовной ответственности), при этом, детерминирует установление принудительных мер медицинского характера [Миликова, Белова, Вишнева, 2023, с. 121, 122]).

Необходимо, соответственно, признать: гражданское право - базовая отрасль российской правовой системы, имеющая тесную связь с другими отраслями права, ввиду закрепления принципиальных основ правосубъектности. Во всех отраслях права (в соответствии с «матрицей» гражданского права) правоспособность представляет собой (в краткой интерпретации) свойство лица обладать субъективными юридически-значимыми правами и обязанностями, а дееспособность - собственными действиями их приобретать и осуществлять, при этом факты ограничения, лишения гражданской дееспособности детерминируют изменение правоспособности и дееспособности в иных отраслях права.

Заключение

На основании вышеизложенного, предлагается авторская (наиболее полная) дефиниция категории «гражданская правосубъектность»: особое правовое явление, наполненное конкретным материальным и правовым содержанием, фиксирующее юридические возможности и «границы» полномочий физических, юридических лиц и публично-правовых образований по осуществлению гражданских прав, включенных в содержание правоспособности и дееспособности, по реализации гражданско-правовых обязанностей и применению юридической ответственности, при этом, возможность ограничения гражданской правосубъектности допускается в публичных и в частных интересах, в соответствии с принципами законности и справедливости, без возможности отмены, умаления прав, законных интересов и свобод человека и гражданина, утраты содержания действующих норм права.

Библиография

1. Абрамова М.О. Человек как носитель прав и субъект правозащитной деятельности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 33–43.
2. Братусь С.Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Государство и право. 1949. № 8. С. 30–36.
3. Брциев К.Р. Физические лица как субъекты гражданского права // Молодой учёный. 2024. № 22 (521). С. 347–349.
4. Воеводин П.Д. Юридический статус личности в России. М.: Изд-во Московского университета, 1997. 298 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
6. Гетажеева А.Р. Вклад Г.Ф. Шершеневича в российскую юридическую теорию и практику // Образование и право. 2023. № 5. С. 463–467.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
8. Грибанов В.П., Корнеев С.М. Гражданское право. М.: Юридическая литература, 1979. 550 с.
9. Дождев Д.В. Институции Гая. М.: Статут, 2020. 384 с.
10. Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции: монография. М.: Волтерс Клувер, 2006. 736 с.
11. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Юридическая литература, 1961. 381 с.
12. Клименко Ю.Г. Свобода как правовая категория: к вопросу о многообразии понятия // Вестник ТГУ. 2006. Выпуск 4 (44). С. 455–459.
13. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.) (по изд. 1902 г.). М.: Статут, 2000. 829 с.
14. Миликова А.В., Белова Ю.А., Вишнева А.В. Вменяемость и невменяемость в уголовном праве России // Мир науки и мысли. 2023. № 1. С. 120–124.
15. Нерсесянц В.С. «Декларация прав человека и гражданина» в истории идей о правах человека // Социологическое исследование. 1990. № 1. С. 132–140.
16. Орловский Л.Е., Корнеев С.М. Гражданское право. М.: Юридическая литература, 1969. С. 100.
17. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ.
18. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. Киев, 1906. 182 с.
19. Хабибулин А.Г., Лазарев В.В. Теория государства и права. М.: Форум — Инфра-М, 2009. 624 с.
20. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права (по изд. 1831 г.). Тула: Автограф, 2001. 719 с.

Civil Legal Personality: Concept, Legal Nature and System of Factors Influencing the Possibility of Its Restriction

Ol'ga A. Tuchina

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Civil Law,
Saint Petersburg Institute (Branch)
of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
199178, 19A, 10th Line of Vasilyevsky Island,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: tucheckha@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the general legal and civil law categories of "legal personality", the analysis of their correlation, definitions, essence (legal nature), elements, and grounds for restriction. The article determines the correlation between the categories of "freedom" and "legal personality", establishes that civil law is the basic branch of the Russian legal system, enshrining the fundamental foundations of the legal personality of other branches of law, and summarizes the norms of legislation providing for the grounds for restricting legal capacity and active legal capacity. As a result of the conducted research, the author's definition of the category "civil legal personality" is proposed, in which it is substantiated that civil legal personality fixes the legal possibilities, the "boundaries" of the powers of individuals, legal entities, and public-law formations to exercise civil rights included in the content of legal capacity and active legal capacity, to fulfill civil-law obligations, and to apply legal liability, with the possibility of restricting the scope of legal personality exclusively in cases established by law in public and private interests and in accordance with the principles of legality and justice, without the possibility of losing the content of existing norms of law, as well as the abolition or diminution of the rights, freedoms, and legitimate interests of the individual.

For citation

Tuchina O.A. (2026) Grazhdanskaya pravsub"ektnost': ponyatie, pravovaya priroda i sistema faktorov, vliyayushchikh na vozmozhnost' ee ogranicheniya [Civil Legal Personality: Concept, Legal Nature and System of Factors Influencing the Possibility of Its Restriction]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 267-273. DOI: 10.34670/AR.2026.97.89.024

Keywords

Legal personality, freedom, legal and social segment of legal personality, civil legal personality, elements of civil legal personality, legal capacity, active legal capacity, grounds for restricting legal capacity and active legal capacity, legal nature, civil law.

References

1. Abramova, M.O. (2018). Chelovek kak nositel prav i subekt pravozashchitnoy deyatelnosti [Man as a bearer of rights and a subject of human rights activity]. Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya, (44), 33–43.
2. Bratus, S.N. (1949). O sootnoshenii grazhdanskoy pravosposobnosti i subektivnykh grazhdanskikh prav [On the relationship between civil legal capacity and subjective civil rights]. Gosudarstvo i Pravo, (8), 30–36.
3. Brtsiev, K.R. (2024). Fizicheskie litsa kak subekty grazhdanskogo prava [Individuals as subjects of civil law]. Molodoy Uchenyy, (22 (521)), 347–349.
4. Dozhdev, D.V. (2020). Institutsii Gaya [Guy's Institutions]. Statut.
5. Dolinskaya, V.V. (2006). Aktsionernoe pravo: osnovnye polozheniya i tendentsii: monografiya [Shareholder law: basic provisions and trends: a monograph]. Volters Kluver.
6. Getazheeva, A.R. (2023). Vklad G.F. Shershenevicha v rossiyskuyu yuridicheskuyu teoriyu i praktiku [G.F. Shershenevich's contribution to Russian legal theory and practice]. Obrazovanie i Pravo, (5), 463–467.
7. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ]. (1994).
8. Gribanov, V.P., & Korneev, S.M. (1979). Grazhdanskoe pravo [Civil law]. Yuridicheskaya Literatura.
9. Hegel, G.W.F. (1990). Filosofiya prava [Philosophy of law]. Mysl.
10. Ioffe, O.S., & Shargorodsky, M.D. (1961). Voprosy teorii prava [Issues of the theory of law]. Yuridicheskaya Literatura.
11. Klimenko, Yu.G. (2006). Svoboda kak pravovaya kategoriya: k voprosu o mnogoobrazii ponyatiya [Freedom as a legal category: on the diversity of the concept]. Vestnik TGU, (4 (44)), 455–459.
12. Meyer, D.I. (2000). Russkoe grazhdanskoe pravo (v 2 ch.) (po izd. 1902 g.) [Russian civil law (in 2 parts) (according to the 1902 edition)]. Statut.
13. Milikova, A.V., Belova, Yu.A., & Vishneva, A.V. (2023). Vmenyaemost i nevmenyaemost v ugolovnom prave Rossii [Responsibility and insanity in Russian criminal law]. Mir Nauki i Mysli, (1), 120–124.
14. Nersesyants, V.S. (1990). "Deklaratsiya prav cheloveka i grazhdanina" v istorii idey o pravakh cheloveka ["The Declaration of Human and Civil Rights" in the history of ideas on human rights]. Sotsiologicheskoe Issledovanie, (1), 132–140.
15. Orlovsky, L.E., & Korneev, S.M. (1969). Grazhdanskoe pravo [Civil law]. Yuridicheskaya Literatura.
16. Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ [Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ]. (1995).
17. Shershenevich, G.F. (2001). Kurs grazhdanskogo prava (po izd. 1831 g.) [Course of civil law (according to the 1831 edition)]. Avtograf.
18. Trubetskoy, E.N. (1906). Entsiklopediya prava [Encyclopedia of law]. Kiev.
19. Voevodin, P.D. (1997). Yuridicheskiy status lichnosti v Rossii [Legal status of an individual in Russia]. Izd-vo Moskovskogo Universiteta.
20. Khabibulin, A.G., & Lazarev, V.V. (2009). Teoriya gosudarstva i prava [Theory of state and law]. Forum — Infra-M.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.41.23.041**

Правовой режим оборота драгоценных металлов и камней в Российской Федерации

Андриевский Константин Витальевич

Доктор юридических наук, доцент,
руководитель Севастопольского филиала
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
299011, Российская Федерация, Севастополь, ул. Ленина, 45;
E-mail: k.andrievskii@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена особенностям правового режима оборота драгоценных металлов и камней в Российской Федерации, в частности, предпринят комплексный анализ современного состояния российского законодательства и судебной практики в данной области. Актуальность темы определяется, с одной стороны, стратегической значимостью этих активов для национальной экономики, а с другой - происходящими изменениями: переходом отраслевого контроля от преимущественно документальной модели к цифровому учету, прослеживаемости и маркировке ювелирных изделий. Правовой режим оборота драгоценных металлов и камней рассмотрен в работе как многоуровневая система, в рамках которой гражданско-правовое регулирование, государственный пробирный надзор, таможенный контроль, учет через ГИИС ДМДК и меры юридической ответственности образуют единую юридическую конструкцию, которая, в том числе, способствует переходу от разрешительно-контрольной модели к цифровой системе отраслевого надзора. Обосновывается, что дальнейшее совершенствование правового регулирования требует гармонизации цифровых и таможенных процедур, выработки четких критериев оценки легальности оборота, учета интересов малых участников рынка при ужесточении требований и устранения пробелов в доказательственном значении сведений ГИИС ДМДК. Практическая полезность результатов состоит в возможности применения выводов при уточнении отраслевых норм, регламентов учета и риск-ориентированных процедур контроля.

Для цитирования в научных исследованиях

Андриевский К.В. Правовой режим оборота драгоценных металлов и камней в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 274-281. DOI: 10.34670/AR.2026.41.23.041

Ключевые слова

Драгоценные металлы, драгоценные камни, ГИИС ДМДК, цифровая маркировка, пробирный надзор, аффинаж, таможенный контроль, юридическая ответственность.

Введение

Оборот драгоценных металлов и драгоценных камней в Российской Федерации относится к сфере повышенного публично-правового внимания, поскольку затрагивает добычу, производство, переработку, учет, хранение, перемещение через таможенную границу, розничную реализацию и последующее обращение предметов, представляющих экономическую и стратегическую важность для государства.

Правовой режим данных объектов опирается на сочетание гражданско-правового регулирования, финансово-правовых требований к государственному учету ресурсов, административных процедур контроля, таможенных правил, пробирного надзора и уголовно-правовых запретов на незаконные сделки. При этом указанные правоотношения сохраняют специфику, связанную с высокой стоимостью предметов, риском фальсификации, возможностью сокрытия происхождения сырья и потребностью в подтверждении законности каждого этапа движения товара.

Современное состояние правового регулирования оборота драгоценных металлов и драгоценных камней характеризуется переходом от фрагментарного документального контроля к цифровой модели, в рамках которой сведения об участниках оборота, сырье, полуфабрикатах, ювелирных изделиях, клеймении, маркировке и движении продукции аккумулируются в государственной информационной системе. Государственная интегрированная информационная система в сфере контроля за оборотом драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них на всех этапах этого оборота (далее ГИИС ДМДК) меняет логику контроля: для подтверждения законности оборота уже недостаточно наличия отдельных документов, поскольку значение приобретает непрерывная цифровая прослеживаемость. При сохранении базового закона о драгоценных металлах и драгоценных камнях дальнейшее развитие нормативно-правового регулирования смещается в сторону процедурной детализации, электронного взаимодействия участников рынка с государственными органами и усиления ответственности за нарушение учета.

Цель данного исследования состоит в определении современного состояния и тенденций режимно-правового регулирования оборота драгоценных металлов и драгоценных камней в Российской Федерации.

Для достижения цели поставлены три задачи: раскрыть структуру действующего правового регулирования оборота драгоценных металлов и драгоценных камней; определить влияние цифрового учета, маркировки и прослеживаемости на правовой режим отрасли; выявить проблемные зоны правового регулирования и направления дальнейшего развития отраслевого законодательства.

Изученная в ходе подготовке статьи литература структурирована вокруг нескольких ключевых направлений: исследования, посвящённые уголовно-правовой и административной ответственности за незаконный оборот ценностей [Винокуров, 2020; Демчук, Кокошин, 2021]; работы, где рассматриваются особенности правового режима и порядок участия субъектов рынка в легальном обороте драгоценных металлов и камней [Андриевский, 2018; Ершова, Залавская, Котова, 2023; Рущак, 2024]; публикации, в которых авторы анализируют финансово-правовые и институциональные механизмы регулирования, в том числе, компетенцию Федеральной пробирной палаты и обновление нормативных требований [Андриевский, 2022; Андриевский, 2025; Блошенко, 2025; Кучеров, 2021; Кучеров, 2022].

Основная часть

Действующее правовое регулирование оборота драгоценных металлов и драгоценных камней в Российской Федерации имеет многоуровневую структуру. Его базу формирует Федеральный закон от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», задающий правовые основы отношений в области геологического изучения, добычи, производства, использования, обращения, учета и контроля [Федеральный закон № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», 1998; Кучеров, Поветкина (ред.), 2019]. Данный закон закрепляет специальные понятия, определяет пределы государственной монополии, устанавливает требования к субъектам оборота и фиксирует особый режим объектов, ценность которых выходит за рамки обычного товарного обращения.

Правовое регулирование оборота драгоценных металлов и камней состоит из нескольких взаимосвязанных блоков. Первый блок связан с правовым режимом самих объектов и субъектов, получающих право совершать операции с ними. Второй охватывает государственный учет, специальную регистрацию и информационное сопровождение движения ценностей. Третий закрепляет пробирные процедуры, в том числе опробование, анализ, клеймение и подтверждение характеристик изделий. Четвертый блок регулирует аффинаж, переработку сырья и деятельность организаций, допущенных к таким операциям. Пятый связан с таможенным контролем, поскольку перемещение драгоценных металлов и драгоценных камней через границу требует подтверждения классификации, стоимости, происхождения и соблюдения запретов. Шестой блок представлен административной и уголовной ответственностью за незаконные сделки, нарушение правил учета, уклонение от установленных процедур и иные формы нелегального оборота.

Переход к цифровой модели контроля наиболее ярко выражен в сфере учета и прослеживаемости [Кучеров и др., 2024]. ГИИС ДМДК закрепила обязательность информационного сопровождения движения драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них на всех этапах оборота. В рамках правового механизма данная система объединяет регистрационные процедуры, сведения об участниках рынка, данные о партиях сырья и готовой продукции, информацию о клеймении, маркировке, остатках и переходе прав.

Цифровой учет меняет критерии легальности оборота. Ранее подтверждение законности во многом связывалось с наличием документов, оформленных при совершении операции. В современной модели важно совпадение сведений в документах, маркировке, пробирных данных и государственной информационной системе. Если данные о товаре отсутствуют в цифровом контуре либо отличаются от физических характеристик изделия, риск признания операции сомнительной возрастает. Таким образом возрастает зависимость участников рынка от качества первичного внесения данных, корректности идентификации изделия и своевременности отражения операций в системе.

Функционирование ГИИС ДМДК фиксирует неоднородность цифрового перехода: снижение доли нелегального оборота, вытеснение контрафактной продукции и повышение прозрачности рынка являются ожидаемыми результатами внедрения системы, но их достижение связано с необходимостью организационной адаптации бизнеса, перестройки учетных процессов, обучения персонала и синхронизации программных решений.

Цифровая маркировка ювелирных изделий занимает в процессе регулирования самостоятельное место, так как переводит сведения о товаре в пригодную для автоматизированной проверки форму, являясь по сути инструментом цифровизации отрасли,

направленным на привязку конкретного изделия к информационному следу в системе учета. Юридическое значение маркировки заключается в том, что изделие получает проверяемую связь с данными о происхождении, характеристиках и законности ввода в оборот. Все это усиливает защиту покупателя от фальсификации и создает основу для контроля движения продукции для государства.

Прослеживаемость ювелирных товаров выступает связующим элементом между цифровым учетом, маркировкой и таможенным контролем. Ее внедрение также тесно связано с противодействием теневому обороту, фальсификации и контрафакту. В контексте правового регулирования это означает перенос контроля на более ранние стадии движения товара: определение происхождения и характеристик ценностей начинается не в момент проверки, а при каждом юридически значимом перемещении продукции.

Таможенный контроль оборота драгоценных металлов и драгоценных камней также является отдельной сферой правового регулирования. Перемещение таких объектов через таможенную границу ЕАЭС связана с необходимостью их точной идентификации, подтверждения классификации и соблюдения специальных правил. В отношении драгоценных металлов и камней таможенная процедура не сводится к фискальной проверке. Она служит фильтром, с помощью которого государство пресекает незаконное перемещение ценностей, занижение стоимости, недостоверное декларирование и попытки легализовать товары сомнительного происхождения.

Объединение ГИИС ДМДК и таможенного контроля формирует перспективное направление развития регулирования. При сопоставлении сведений о товаре в ГИИС ДМДК с данными таможенного декларирования, контролирующие органы получают возможность выявлять расхождения до выхода товара в свободное обращение. Таким образом, в рамках указанной модели правовое значение приобретает не отдельный документ, а вся цепочка сведений о товаре. На практике данный подход требует совместимости информационных систем, единых критериев идентификации и четкого распределения обязанностей между участниками оборота, таможенными органами и органами пробирного надзора.

Пробирный надзор занимает центральное место в регулировании оборота ювелирных изделий, поскольку именно через опробование, анализ и клеймение подтверждаются заявленные характеристики металла. Постановление Правительства РФ от 06.05.2016 г. № 394 описывает порядок опробования, анализа и клеймения ювелирных и других изделий из драгоценных металлов [Постановление Правительства РФ № 394, 2016]. В рамках цифрового учета пробирные процедуры получают новое значение: клеймо и результаты анализа, по сути, уже не автономным знаком качества, так как сведения о них должны соотноситься с цифровым следом изделия. Таким образом, пробирный надзор встраивается в информационную модель контроля, в рамках которой физическая проверка изделия и электронная запись работают совместно.

Аффинаж драгоценных металлов представляет отдельную стадию оборота: он связан с переработкой сырья и получением металла установленной чистоты. От качества регулирования данной стадии зависит достоверность последующего учета металла, поскольку ошибки или нарушения при переработке способны повлиять на весь последующий оборот.

Правовой режим аффинажа показывает, что регулирование оборота драгоценных металлов не ограничивается контролем готовых изделий. Государство регулирует движение ценностей начиная с момента добычи и переработки, так как именно на ранних стадиях формируется юридическая история металла. Если происхождение сырья, результаты переработки и сведения

о выходе готового металла подтверждены документально и отражены в информационной системе, его дальнейший оборот получает устойчивую правовую основу. При нарушениях на стадии аффинажа последующие сделки находятся в зоне повешенного риска проверок, оспаривания, квалификации как незаконных.

Ответственность за нарушения в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней эволюционирует вместе с усложнением учетных и цифровых процедур. Для современного регулирования особое значение приобретает соразмерность санкций: в случае, если расходы на соблюдение правил значительно выше риска наказания, превентивный эффект норм снижается. Поэтому усиление ответственности за повторные нарушения правил оборота и учета отражает общую тенденцию к повышению дисциплины участников рынка.

Уголовно-правовая ответственность в данной области связана, прежде всего, с незаконным оборотом драгоценных металлов, природных драгоценных камней и жемчуга (статья 191 Уголовного кодекса РФ) [Уголовный кодекс РФ, 1996]. При этом, важное значение для правоприменения имеет точное определение предмета преступления, так как от этого зависит разграничение уголовно наказуемого деяния, административного правонарушения и гражданско-правового спора. На стыке цифрового учета и уголовно-правовой квалификации возникает новая область доказывания: сведения из ГИИС ДМДК могут подтвердить или опровергнуть законность происхождения и движения ценностей. Необходимым условием при этом является надлежащее урегулирование порядка получения и оценки таких сведений.

Отдельного внимания требует проблема соотношения административной и уголовной ответственности. В виду усложнений правил учета возрастает риск неправильной квалификации технической ошибки, административного проступка и деяния, имеющего признаки преступления. Граница между ними не всегда очевидна, особенно при неполных сведениях в цифровой системе, ошибках идентификации изделий или нарушениях сроков внесения данных. Иными словами, необходимо более четкое разделение нарушений по степени общественной опасности, форме вины и последствиям для легальности оборота.

В настоящее время, правовое регулирование оборота драгоценных металлов и камней в России характеризуется усилением процедурной детализации. Законодатель и Правительство Российской Федерации устанавливают не только общие правила оборота, но и порядок ведения учета, требования к информационному взаимодействию, правила маркировки, сроки отражения операций, требования к клеймению, критерии допуска организаций к аффинажу и правила специального учета. Такую детализацию норм можно объяснить особенностями отрасли: универсальные правила гражданского оборота не обеспечивают достаточной прозрачности движения ценностей, если отсутствуют специальные процедуры идентификации, учета и проверки.

При этом развитие контроля не исчерпывается цифровой фиксацией операций. Современные тенденции заключатся в смещении акцента от последующего выявления нарушений к предварительному контролю цепочки движения товара. Прослеживаемость, маркировка и интеграция сведений позволяют выявлять несоответствия до продажи изделия конечному потребителю, до легализации товара в хозяйственном обороте. Данная модель повышает требования к добросовестности участников рынка, так как ошибка в одном звене цепочки влияет на правовой статус последующих операций.

Определенные пробелы сохраняются в вопросе доказательного значения сведений ГИИС ДМДК. На уровне отраслевого регулирования система служит инструментом учета и контроля, но в уголовном и административном процессе необходима точность относительно порядка

получения, проверки и оценки цифровых данных. Без этого сведения из системы могут быть использованы некорректно: в одних случаях как подтверждение легального происхождения товара, в других — как индикатор риска, требующий дополнительной проверки. Правовая определенность в случае особенно важна в случаях споров о происхождении ценностей, нарушениях маркировки и незаконном обороте.

Еще одна лакуна относится к положению малых участников ювелирного рынка. Нормативные требования по учету и маркировке едины по своей направленности, но фактические возможности субъектов отличаются. Для крупного субъекта подключение к информационным системам и изменение учета являются решаемой организационной задачей. Для малого бизнеса те же процедуры создают более высокую нагрузку на персонал, программное обеспечение и документооборот.

Заключение

Таким образом, режимно-правовое регулирование оборота драгоценных металлов и драгоценных камней развивается в направлении интеграции материальных, процедурных и информационных требований. Материальные нормы определяют, какие объекты признаются драгоценными металлами и драгоценными камнями, какие операции допускаются и какие субъекты вправе их совершать. Процедурные нормы задают порядок учета, клеймения, аффинажа, декларирования и контроля. Информационные требования связывают каждую операцию с цифровым следом. В совокупности данные элементы формируют единую систему правового регулирования, ориентированную на прослеживаемость, достоверность сведений и снижение теневого оборота.

Библиография

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ.
2. Федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 26.03.1998 г. № 41-ФЗ.
3. Постановление Правительства РФ от 06.05.2016 г. № 394 «Об опробовании, анализе и клеймении ювелирных и других изделий из драгоценных металлов».
4. Андриевский, К.В. К вопросу о классификации правовых режимов: финансово-правовой аспект // Финансовое право. – 2018. – № 1. – С. 3-7.
5. Андриевский, Константин Витальевич. Финансово-правовые режимы : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.04 / Андриевский Константин Витальевич; Место защиты: ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации». - Москва, 2022. - 48 с.
6. Андриевский, К.В. Финансово-правовые режимы: монография. – Москва: «Проспект», 2025. – 312 с.
7. Блошенко, Т.А. Анализ изменений в сфере регулирования рынка драгоценных металлов в России // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2025. – № 4-2. – С. 226-230.
8. Винокуров, А.И. К вопросу о правовом регулировании незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 8 (147). – С. 266-270.
9. Демчук, С.Д., Кокошин И.М. Совершенствование правового регулирования уголовной ответственности за незаконный оборот полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней и жемчуга // Законодательство. – 2021. – № 6. – С. 63-70.
10. Ершова, Ю.В., Залавская О.М., Котова Л.К. Гражданско-правовой режим драгоценных металлов и драгоценных камней // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2023. – № 3 (57). – С. 54-59.
11. Кучеров, И.И. Драгоценные металлы и камни: актуальное правовое регулирование. – Москва: АО Центр «ЮрИнфоР», 2021. – 213 с.
12. Кучеров, И.И. Федеральная пробирная палата и ее контрольно-надзорная компетенция // Финансовое право. – 2022. – № 7. – С. 2-7.
13. О драгоценных металлах и драгоценных камнях: научно-практический комментарий к Федеральному закону от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» / под ред. И.И. Кучерова, Н.А.

Поветкиной. – Москва: Проспект, 2019. – 288 с.
14. Рущак, М.В. Регулирование оборота драгоценных металлов и камней: гражданско-правовой аспект // Молодой ученый. – 2024. – № 36 (535). – С. 135-137.
15. Финансовое право на рубеже эпох: монография / И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина, К.В. Андриевский [и др.]; под редакцией И.И. Кучерова. – Москва: «Проспект», 2024. – 333 с.

Legal Regime of the Circulation of Precious Metals and Stones in the Russian Federation

Konstantin V. Andrievskii

Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Sevastopol Branch
of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
299011, 45, Lenina str., Sevastopol, Russian Federation;
e-mail: k.andrievskii@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the specifics of the legal regime of the circulation of precious metals and stones in the Russian Federation; in particular, a comprehensive analysis of the current state of Russian legislation and judicial practice in this area is undertaken. The relevance of the topic is determined, on the one hand, by the strategic importance of these assets for the national economy, and on the other hand, by ongoing changes: the transition of industry control from a predominantly documentary model to digital accounting, traceability, and marking of jewelry. The legal regime of the circulation of precious metals and stones is considered in the work as a multi-level system, within which civil-law regulation, state assay supervision, customs control, accounting through the GIIS DMDK, and measures of legal liability form a unified legal construct, which, among other things, facilitates the transition from a permit-control model to a digital system of industry supervision. It is substantiated that further improvement of legal regulation requires the harmonization of digital and customs procedures, the development of clear criteria for assessing the legality of circulation, consideration of the interests of small market participants amid tightening requirements, and the elimination of gaps in the evidentiary value of GIIS DMDK information. The practical usefulness of the results consists in the possibility of applying the conclusions in refining industry norms, accounting regulations, and risk-oriented control procedures.

For citation

Andrievskii K.V. (2026) Pravovoy rezhim oborota dragotsennykh metallov i kamney v Rossiyskoy Federatsii [Legal Regime of the Circulation of Precious Metals and Stones in the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 274-281. DOI: 10.34670/AR.2026.41.23.041

Keywords

Precious metals, precious stones, GIIS DMDK, digital marking, assay supervision, affinage, customs control, legal liability.

References

1. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 g. № 63-FZ [Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ]. (1996).
2. Federal'nyy zakon "O dragotsennykh metallakh i dragotsennykh kamnyakh" ot 26.03.1998 g. № 41-FZ [Federal Law "On Precious Metals and Precious Stones" of 26.03.1998 No. 41-FZ]. (1998).
3. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 06.05.2016 g. № 394 "Ob oprobovanii, analize i kley-menii yuvelirnykh i drugikh izdeliy iz dragotsennykh metallov" [Decree of the Government of the Russian Federation of 06.05.2016 No. 394 "On Assaying, Analysis and Hallmarking of Jewellery and Other Articles of Precious Metals"]. (2016).
4. Andriyevskiy K.V. (2018). K voprosu o klassifikatsii pravovykh rezhimov: finansovo-pravovoy aspekt [On the Classification of Legal Regimes: Financial-Legal Aspect]. *Finansovoye pravo*, 1, 3-7.
5. Andriyevskiy K.V. (2022). *Finansovo-pravovyye rezhimy* [Financial-Legal Regimes] (Abstract of Doctor of Law dissertation, 12.00.04; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation). Moscow.
6. Andriyevskiy K.V. (2025). *Finansovo-pravovyye rezhimy* [Financial-Legal Regimes]. Prospekt.
7. Bloshenko T.A. (2025). Analiz izmeneniy v sfere regulirovaniya rynka dragotsennykh metallov v Rossii [Analysis of Changes in the Regulation of the Precious Metals Market in Russia]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*, 4-2, 226-230.
8. Vinokurov A.I. (2020). K voprosu o pravovom regulirovanii nezakonnogo oborota dragotsennykh metallov i dragotsennykh kamney [On the Legal Regulation of Illicit Trafficking of Precious Metals and Precious Stones]. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 8(147), 266-270.
9. Demchuk S.D., Kokoshin I.M. (2021). Sovershenstvovaniye pravovogo regulirovaniya ugolovnoy otvetstvennosti za nezakonnyy oborot poludragotsennykh kamney, dragotsennykh metallov, dragotsennykh kamney i zhemchuga [Improving the Legal Regulation of Criminal Liability for Illicit Trafficking of Semi-Precious Stones, Precious Metals, Precious Stones and Pearls]. *Zakonodatel'stvo*, 6, 63-70.
10. Ershova Yu.V., Zalavskaya O.M., Kotova L.K. (2023). Grazhdansko-pravovoy rezhim dragotsennykh metallov i dragotsennykh kamney [Civil-Legal Regime of Precious Metals and Precious Stones]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 3(57), 54-59.
11. Kucherov I.I. (2021). *Dragotsennyye metally i kamni: aktual'noye pravovoye regulirovaniye* [Precious Metals and Stones: Current Legal Regulation]. AO Tsentr "YurInfoR".
12. Kucherov I.I. (2022). Federal'naya probirnaya palata i yeye kontrol'no-nadzornaya kompetentsiya [The Federal Assay Chamber and Its Control and Supervisory Competence]. *Finansovoye pravo*, 7, 2-7.
13. Kucherov I.I., Povetkina N.A. (eds.) (2019). *O dragotsennykh metallakh i dragotsennykh kamnyakh: nauchno-prakticheskiy kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 26 marta 1998 g. № 41-FZ "O dragotsennykh metallakh i dragotsennykh kamnyakh"* [On Precious Metals and Precious Stones: Scientific and Practical Commentary on the Federal Law of 26 March 1998 No. 41-FZ "On Precious Metals and Precious Stones"]. Prospekt.
14. Rushchak M.V. (2024). Regulirovaniye oborota dragotsennykh metallov i kamney: grazhdansko-pravovoy aspekt [Regulation of the Circulation of Precious Metals and Stones: Civil-Legal Aspect]. *Molodoy uchenyy*, 36(535), 135-137.
15. Kucherov I.I., Povetkina N.A., Andriyevskiy K.V. et al. (2024). *Finansovoye pravo na rubezhe epokh* [Financial Law at the Turn of Eras] (ed. by I.I. Kucherov). Prospekt.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.2 **DOI: 10.34670/AR.2026.82.49.047**

Перспективы развития Росреестра на основе блокчейн-технологий

Шаряпова Эмма Алексеевна

Кандидат философских наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет,
190005, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. 2-я Красноармейская, 4;
e-mail: sharyapova.emma@yandex.ru

Привалов Владимир Александрович

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет,
190005, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. 2-я Красноармейская, 4;
e-mail: vova.privalov2006@mail.ru

Статья подготовлена в рамках темы научно-исследовательской работы №44С26 при финансовой поддержке гранта СПБГАСУ.

Аннотация

Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) занимает особое место в социально-экономических отношениях в Российской Федерации, обеспечивая юридическую безопасность сделок, защиту прав собственников и учет объектов недвижимости. В связи с этим осуществляется последовательный процесс реорганизации и улучшения работы органа, о чем свидетельствуют структурные преобразования последних лет, однако принимаемые меры не могут всецело решить недостатки, имеющиеся в учетно-регистрационной деятельности. В статье рассмотрена динамика развития системы органов Росреестра, включая создание публично-правовой компании «Роскадастр», и выявлены сохраняющиеся проблемы: значительные административные издержки, зависимость от бюджетных субсидий, длительность процедуры государственной регистрации прав и уязвимость сведений Единого государственного реестра недвижимости. В качестве перспективного решения существующих проблем в работе Росреестра предлагается внедрение блокчейн-технологий. В данной статье автор анализирует потенциал и возможность применения блокчейна в деятельность Росреестра, рассматривая данную технологию как инструмент повышения достоверности данных и их безопасности, ускорения процедуры регистрации и снижения операционных издержек, а также выявляет основные препятствия на пути его внедрения. К таким препятствиям отнесены неизменяемость внесенных записей, проблема масштабируемости, высокая затратность и отсутствие законодательной базы. С учетом опыта Швеции обосновано, что наилучшим вариантом является гибридный распределительный реестр, сочетающий неизменяемую базу данных с внешним гарантом достоверности, который осуществляет цифровую верификацию участников, проверку подлинности документов и юридической чистоты сделок. Сделан вывод о том, что при

значительных перспективах внедрение блокчейна сдерживается невозможностью финансировать дорогостоящий и масштабный проект.

Для цитирования в научных исследованиях

Шаряпова Э.А., Привалов В.А. Перспективы развития Росреестра на основе блокчейн-технологий // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 282-290. DOI: 10.34670/AR.2026.82.49.047

Ключевые слова

Росреестр, блокчейн, цифровизация государственных услуг, информационная безопасность, государственная регистрация прав, распределительный реестр, ЕГРН, управление рисками, методология исследования, государственная политика.

Введение

Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) начала свое существование с 25 декабря 2008 года после принятия Указа Президента РФ № 1847. В соответствие с данным указом Федеральная регистрационная служба (Росрегистрация) была переименована в Росреестр, а также были упразднены Федеральное агентство геодезии и картографии (Роскартография) и Федеральное агентство кадастра объектов недвижимости (Роснедвижимость), чьи полномочия и обязательства перешли к ныне созданной Федеральной службе.

Как выделяет Ю. В. Калашников, основными причинами, которые послужили данному объединению, являются многолетняя практика предоставления государственных услуг в сфере регистрации прав на недвижимое имущество и кадастрового учета и практика развития данных услуг в зарубежных странах, которые показывали перспективу организационного объединения систем по осуществлению данных услуг и внедрения новых информационных новшеств, которые должно были снизить издержки потребителей и государства в получение государственных услуг [Калашников, 2010]. То есть, создание единой федеральной государственной системы регистрации прав и кадастрового учета должно было способствовать увеличению качества услуг, предоставляемых государством в сфере регистрации прав и кадастрового учета и обеспечить информационно-аналитическую поддержку деятельности, в решении вопросов, относящихся к компетенции государственных органов и местного самоуправления. Так как без создания данной единой системы существовала проблема, что учет недвижимости и регистрация прав развивались отдельно Росрегистрацией, Роскартографией и Роснедвижимостью, что создавало препятствие в удобстве получения соответствующих услуг. В связи с этими обстоятельствами, с 1 марта 2009 года Росреестр получил в свое распоряжение функции по созданию единой системы кадастрового учета недвижимости и регистрации прав на недвижимость и сделок с ним, а также инфраструктуры пространственных данных РФ.

Вместе с тем, Е. В. Зазолина отмечает, что система органов Росреестра с момента создания и до конца 2022 года включала в себя подведомственные организации ФГБУ «ФКП Росреестра» и ФГБУ «Федеральный научно-технический центр геодезии, картографии и инфраструктуры пространственных данных»[Зазолина, 2023]. В соответствие с Уставом ФГБУ «ФКП Росреестра» эта организация занималась вопросами государственного учета и регистрации недвижимого имущества, ведения кадастра, кадастровой оценки и предоставления государственных услуг в этой сфере [Приказ Росреестра № П/331, 2011]. А согласно

распоряжению Правительства РФ от 19 февраля 2013 года N 220-р ФГБУ «Федеральный научно-технический центр геодезии, картографии и инфраструктуры» пространственных данных ставило перед собой следующую цель: осуществление геодезических и картографических работ федерального значения и выполнение работ по созданию Государственного каталога географических названий и осуществление функций по его ведению [Распоряжение Правительства РФ № 220-р, 2013]. Данная организация объединила в себе следующие предприятия: Федеральное государственное унитарное предприятие «Центральный ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт геодезии, аэросъемки и картографии им.Ф.Н. Красовского» – ФГУП «ЦНИИГАиК»; Федеральное государственное унитарное предприятие «Центральный картографо-геодезический фонд» – ФГУП "ЦКГФ"; Федеральное государственное унитарное предприятие «Государственный научно-внедренческий центр геоинформационных систем и технологий» – ФГУП «ГОСГИСЦЕНТР»; Федеральное государственное унитарное предприятие «Государственный картографический и геодезический центр» – ФГУП «Картгеоцентр». С 1 января 2023 года на основе подведомственных учреждений Росреестра ФГБУ «ФКП Росреестра» и ФГБУ «Федеральный научно-технический центр геодезии, картографии и инфраструктуры пространственных данных», АО «Ростехинвентаризация - БТИ» и АО «Роскартография» начала действовать публично-правовая компания «Роскадастр» (ППК «Роскадастр»). В соответствие с ФЗ от 30.12.2021 № 448-ФЗ Роскадастр создается путем реорганизации вышеупомянутых федеральных государственных учреждений и акционерных обществ [Федеральный закон № 448-ФЗ, 2021]. Учредителем данной организации является Российская Федерации и функции и полномочия учредителя от имени РФ осуществляет уполномоченный федеральный орган исполнительной власти – Росреестр. Цель создания данной компании – осуществлять функции и полномочия публично-правового характера. Виды деятельности ППК «Роскадастр» включают в себя работу в области геодезии и картографии; осуществление кадастровых и землеустроительных работ; формирование и совершенствование государственных информационных систем; реализация, использование и поддержание электронных сервисов для оказания услуг в соответствии с функциями и полномочиями компании и иное, не запрещенное законодательством РФ и соответствующие целям ее создания. Таким образом, прослеживается динамика развития Росреестра в Российской Федерации, которая отражает многоуровневую и сложную реструктуризацию на протяжении 15 лет.

Реорганизация указанных структур в ППК «Роскадастр» имеет положительные и отрицательные тенденции. Положительным является возможность компании осуществлять приносящую доходы деятельность (Например, выполнение кадастровых и землеустроительных работ, ведение электронных сервисов), что должно способствовать финансовой самостоятельности организации и пополнению денежных средств в бюджете. Однако в ходе проверки компании Счетная палата отметила контрпродуктивное использование имущества и государственных субсидий. Проверка показала, что в 2023-2025 годах компании были предоставлены госсубсидии в размере 95,2 млрд рублей и с каждым годом размер государственной поддержки увеличивался. При этом наибольшая доля субсидий направлена Роскадастром на зарплату сотрудникам - 59,7 млрд рублей (62,7%), которая за 2,5 года выросла на 50%, что осуществлялось исключительно за счет бюджетных средств, поскольку доля средств от приносящей доход деятельности компании не превышает 9% [Отчет о результатах контрольного мероприятия, 2026]. Из этих данных можно сделать вывод, что компании далеко до финансовой самостоятельности и текущая ситуация требует необходимых корректировок в

работе и управлении, поскольку если это не провести, вопрос стоит о целесообразности проведения данной реорганизации.

Отрицательной в свою очередь тенденцией, как отмечает Т. И. Подколзина, является появление на рынке кадастровых услуг «суперучастника» в лице Роскадастра [Подколзина, 2023]. Это приводит к деградации предпринимательской сферы в области кадастровых работ. Происходит повышение степени государственного участия для активного наполнения ЕГРН сведениями и пространственными данными в связи, с чем у ППК «Роскадастр» существует привилегия в виде больших информационных и административных возможностей по сравнению с другими участниками рынка. Данное положение значительно снижает роль и развитие саморегулируемых организаций кадастровых инженеров и способно привести к полной монополизации сферы Роскадастром.

Таким образом, при существующих проблемах Росреестра и ППК «Роскадастр», которые не смогли быть решены посредством реорганизации в виде формального объединения ресурсов и расширения полномочий, остаются актуальными большие административные издержки и практическое отсутствие внебюджетных доходов. Для решения данных проблем видится проведение технологической реформы в работе Росреестра с помощью использования децентрализованных средств. Они вполне могут способствовать снижению операционных затрат, большую часть которых составляют траты Роскадастра на заработную плату персоналу, и автоматизации проверки данных, что ускорит работу и приведет к минимуму ошибок в записях, совершаемых по вине «человеческого фактора».

Материалы и методы исследования

Как все понятия, собирающие единую базу данных по тем или иным направлениям, будущее развитие Росреестра также видится в этом развитии на основе блокчейн-технологий.

Блокчейн представляет собой технологию, заключающуюся в распределенном хранении и передаче данных, на основе децентрализованной модели базы данных и криптографических методов шифрования для обеспечения безопасности. Основой блокчейна является цепочка блоков, которая позволяет хранить информацию распределенно. Каждый блок содержит информацию о предыдущем, данная непрерывная передача информации по цепочке осуществляется с помощью хеширования посредством специальных алгоритмов и оснащением электронной подписью. Это делает невозможным подмену и изменение данных внутри одного блока без одновременного изменения информации во всех остальных.

Вместе с этим, любой новый блок транзакции, чтобы он был внесен в распределительный реестр, должен быть одобрен 51% его пользователей. При этом у каждого участника закрепляется копия данного действия о включении соответствующего блока, которая должна совпадать со всеми остальными копиями пользователей. То есть, данная база данных осуществляет контроль над достоверностью информации в режиме реального времени с использованием технологии передачи криптографически защищенных блоков без наличия надзора со стороны какого-либо внешнего регулятора, что делает данную технологию надежной, прозрачной и неизменной.

Распределительные реестры бывают закрытые (частные), открытые (публичные) и гибридные. Публичный распределительный реестр отличается тем, что он функционирует на основе общедоступного базового кода-конфигурации, что делает возможным любому пользователю стать его участником, осуществлять транзакции и видеть их историю. Операции

в этом случае, как правило, являются анонимными, поскольку не проводится аутентификация и идентификация.

Частные распределительные реестры осуществляют свою работу под руководством конкретной группы лиц или организаций, которые требуют авторизации участников, что исключает возможность участвовать в процессе проверки транзакций любому пользователю. Данный тип реестра зачастую используется в банковском секторе.

Гибридные распределительные реестры сочетает в себе элементы публичных и частных реестров. В частности, реестр может храниться открыто, а количество устройств управления сохранением записей ограничено и находится, как при закрытом реестре, в руках конкретных лиц. Также данный реестр допускает возможность реализации различных вариантов распределения функций и обработки информации между участниками.

Результаты и обсуждение

Применительно к работе Росреестра технология блокчейна сможет выполнять работу неизменяемого регистратора событий в рамках ведения Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) и в том числе усовершенствовать процедуру государственной регистрации прав. В соответствии с Федеральным законом «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 N 218-ФЗ на сегодняшний день, чтобы осуществить регистрацию прав собственности на объекты недвижимости, необходимо:

1) прием заявления о государственном кадастровом учете и (или) государственной регистрации прав и прилагаемых к нему документов;

2) проведение правовой экспертизы документов, на предмет наличия или отсутствия оснований для приостановления государственной регистрации прав либо для отказа;

3) внесение в Единый государственный реестр недвижимости необходимых сведений. Срок этой процедуры составляет 7-9 рабочих дней;

4) получение выписки из ЕГРН [Федеральный закон № 218-ФЗ, 2015].

Как мы видим, на данный момент процедура требует значительного количества времени, но, как отмечает И. А. Басова, технология блокчейна и смарт-контрактов способна свести выполнение данных действий до нескольких минут [Басова, 2020]. Именно для решения этой проблемы, то есть повышение эффективности государственной регистрации, технология блокчейна внедряется в Швеции, так как обычно данный процесс у них занимает примерно 4 месяца. Даже несмотря на то, что реестр оцифрован, и большее количество документооборота происходит в электронной форме [Летягина, 2025].

Вместе с этим, запись зарегистрированного права в ЕГРН является единственным доказательством, что недвижимость существует и у него есть собственник. И данное право может быть оспорено только в судебном порядке. Таким образом, ЕГРН играет важнейшую роль в защите прав и интересов собственников на недвижимое имущество. Существующая система допускает возможность утечки персональных данных, технических ошибок, попадания вирусов в систему, роста кибератак и мошенничества. Все это, вместе с потерей значительного количества конфиденциальной информации, влечет серьезные юридические и финансовые последствия.

Применение блокчейна в данном случае позволит гарантировать неизменность хранящихся в реестре данных и исключит возможность фальсификации или несанкционированного доступа благодаря криптографической защите. Это предоставит возможность придать абсолютный характер достоверности и достаточности записей, внесенных в реестр, которые в полной мере смогут выступать в качестве защитников прав и интересов добросовестных собственников.

Но вместе с тем, введение блокчейна связывается с рядом проблем:

1. Неизменяемость. Блокчейн устанавливает сам факт внесения информации, но не всегда может гарантировать законность самой сделки. Поэтому, несмотря на то, что это является гарантией, обеспечивающей достоверность данных, данный принцип работы блокчейна может привести к тому, что злоумышленники, посредством угроз и обмана, завладев доступом или документами, будут способны легализовать через распределенный реестр незаконно отчужденное имущество, а поскольку информацию нельзя изменить и удалить это ставит под угрозу права и интересы собственников.

2. Масштабируемость. Как отмечает Д. Г. Исаев, данная проблема является одной из важнейших в блокчейн-технологии, так как в связи с ростом участников и транзакций и количества информации внутри блоков приведет к перегрузке сети и снижению производительности [Исаев, 2024]. А поскольку ЕГРН представляет собой крупнейшую базу данных, содержащую информацию обо всех объектах недвижимости на территории РФ, это рискует привести к тому, что сеть столкнется с перегрузками и неэффективностью из-за огромного объема распределенной информации и полностью парализует работу всей системы.

3. Затратность. Разработка и интеграция технологии блокчейна для введения её на уровне всей Российской Федерации потребует огромных вычислительных, производственных и энергетических ресурсов, что в условиях нынешних политических условиях и дефицита федерального бюджета за 2025 год является серьезным препятствием.

4. Отсутствие законодательной базы. В России значительным сдерживающим фактором в развитии блокчейна выражается в отсутствии формальных закрепленных правил пользования данной технологией, что требует масштабных поправок в Гражданский кодекс [Панкратов, Панкратов, 2021].

На наш взгляд, учитывая вышесказанные плюсы и минусы блокчейн-технологии и существующие проблемы Росреестра, гибридный распределительный реестр будет наилучшим способом дальнейшего развития и улучшения работы органа и ведения ЕГРН. Данная система позволит совмещать неизменяемую базу данных (блокчейн) с внешним гарантом достоверности, который будет осуществлять цифровую верификацию личности для возможности осуществлять работу внутри сети, чтобы допуск к изменению данным имели только уполномоченные на это лица, проверку подлинности документов и юридическую чистоту совершаемых сделок. Это позволит исключить внесение недостоверных или ошибочных сведений в неизменяемый реестр, позволяя сочетать правовую верификацию с криптографической защитой. Впоследствии, как это уже реализовывается в Швеции, до работы через специальные профессиональные интерфейсы можно допускать банки, агентства по недвижимости, что значительно упростит работу государственным служащим Росреестра, которые будут осуществлять лишь административные функции через другой интерфейс [Никитин, 2022]. И, благодаря специфики блокчейн-технологии, все участники внутри сети смогут отслеживать любые изменения, что способствует прозрачности и дополнительному контролю за осуществляемыми сделками.

Заключение

Внедрение блокчейн-технологии в работу Росреестра обеспечит не просто сохранность, а криптографическую защиту каждой записи, что в совокупности гарантирует повышение достоверности данных реестра и позитивно скажется на устойчивости всей системы

регистрации прав на недвижимостью. Также использование гибридной системы будет способствовать упрощению процедуры регистрации недвижимого имущества, ускорению работы, снижению операционных затрат, но важнейшим критерием является, что это в разы повысит безопасность и прозрачность работы Росреестра, что выразится в снижении мошеннических действий и кибератак.

Таким образом, Росреестр на основе использования блокчейн-технологий имеет перед собой значительные перспективы и возможности развития и улучшения своей работы, но перед ним стоят препятствия в виде невозможности финансировать дорогостоящий и масштабный проект, что ставит вопрос о целесообразности внедрения блокчейна на данный момент.

Библиография

1. Басова И.А. Возможности технологии блокчейн для совершенствования системы регистрации недвижимости в России // Известия ТулГУ. Технические науки. 2020. С. 290–296.
2. Зазолина Е.В. Организационно-правовые основы деятельности Росреестра в структуре федеральных органов исполнительной власти // Вестник Поволжского института управления. 2023. Т. 23. № 4. С. 36–42.
3. Исаев Д.Г. О блокчейн-технологии // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 10 (116). С. 171–173.
4. Калашников Ю.В. Реформирование систем государственной регистрации прав и кадастрового учета недвижимости // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2010. № 6. С. 36–41.
5. Летягина Е.А. Использование блокчейн технологий при государственной регистрации и учете земельных участков в зарубежных странах // Аграрное и земельное право. 2025. № 6. С. 217–220.
6. Никитин А.В. Международный опыт применения технологии блокчейн в системах регистрации и учета прав на земельные участки // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. Т. 13. № 2. С. 228.
7. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Аудит порядка формирования и распоряжения имущественным комплексом публично-правовой компании «Роскадастр» и расходования средств федерального бюджета, предоставленных указанному юридическому лицу, в том числе в виде имущественного взноса Российской Федерации, в 2023–2025 годах».
8. Панкратов О.Е., Панкратов Е.П. О развитии в России многоцелевой технологии блокчейн в операциях с недвижимостью и её перспективах // Экономика строительства. 2021. № 4 (70). С. 19–31.
9. Подколзина Т.И. Публично-правовая компания «Роскадастр» – новый субъект кадастровых отношений // Аграрное и земельное право. 2023. № 6 (222). С. 81–83.
10. Приказ Росреестра от 01.09.2011 N П/331 (ред. от 26.10.2022) «О переименовании федерального бюджетного учреждения "Кадастровая палата" по Москве в федеральное государственное бюджетное учреждение "Федеральная кадастровая палата Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии» (вместе с "Уставом федерального государственного бюджетного учреждения "Федеральная кадастровая палата Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии").
11. Распоряжение Правительства РФ от 19.02.2013 N 220-р «О реорганизации ФГУП "Центральный картографо-геодезический фонд" (г. Москва) в форме преобразования в ФГБУ "Федеральный научно-технический центр геодезии, картографии и инфраструктуры пространственных данных" (г. Москва)».
12. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 N 218-ФЗ.
13. Федеральный закон «О публично-правовой компании "Роскадастр"» от 30.12.2021 N 448-ФЗ.

Prospects for the Development of Rosreestr on the Basis of Blockchain Technologies

Emma A. Sharyapova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
190005, 4, 2-ya Krasnoarmeyskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: sharyapova.emma@yandex.ru

Vladimir A. Privalov

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
190005, 4, 2-ya Krasnoarmeyskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: vova.privalov2006@mail.ru

Abstract

The Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography (Rosreestr) occupies a special place in socio-economic relations in the Russian Federation, ensuring the legal security of transactions, the protection of owners' rights, and the registration of real estate objects. In this regard, a consistent process of reorganization and improvement of the agency's work is being carried out, as evidenced by the structural transformations of recent years; however, the measures taken cannot fully resolve the shortcomings present in accounting and registration activities. The article examines the dynamics of the development of the Rosreestr system of agencies, including the creation of the public-law company "Roskadastr", and identifies persistent problems: significant administrative costs, dependence on budget subsidies, the length of the state registration of rights procedure, and the vulnerability of the information in the Unified State Register of Real Estate. As a promising solution to the existing problems in the work of Rosreestr, the introduction of blockchain technologies is proposed. In this article, the author analyzes the potential and possibility of applying blockchain in the activities of Rosreestr, considering this technology as a tool for increasing the reliability of data and its security, accelerating the registration procedure, and reducing operating costs, and also identifies the main obstacles to its implementation. Such obstacles include the immutability of the records entered, the problem of scalability, high cost, and the absence of a legislative framework. Taking into account the experience of Sweden, it is substantiated that the best option is a hybrid distributed registry combining an immutable database with an external guarantor of reliability, which performs digital verification of participants, verification of the authenticity of documents, and the legal purity of transactions. It is concluded that, despite significant prospects, the introduction of blockchain is constrained by the impossibility of financing an expensive and large-scale project.

For citation

Sharyapova E.A., Privalov V.A. (2026) Perspektivy razvitiya Rosreestra na osnove blokcheyn-tekhnologiy [Prospects for the Development of Rosreestr on the Basis of Blockchain Technologies]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 282-290. DOI: 10.34670/AR.2026.82.49.047

Keywords

Rosreestr, blockchain, digitalization of public services, information security, state registration of rights, distributed registry, EGRN, risk management, research methodology, state policy.

References

1. Basova, I.A. (2020). Vozmozhnosti tekhnologii blokchein dlya sovershenstvovaniya sistemy registratsii nedvizhimosti v Rossii [Possibilities of blockchain technology for improving the real estate registration system in Russia]. Izvestiya TulGU. Tekhnicheskie nauki, 290–296. [In Russian]
2. Federal Law No. 218-FZ of 13.07.2015 "O gosudarstvennoi registratsii nedvizhimosti" [On State Registration of Real Estate]. [In Russian]

3. Federal Law No. 448-FZ of 30.12.2021 "O publichno-pravovoi kompanii 'Roskadastr'" [On the Public Law Company "Roskadastr"]. [In Russian]
4. Isaev, D.G. (2024). O blokchein-tekhnologii [On blockchain technology]. Ekonomika i biznes: teoriya i praktika, (10), 171–173. [In Russian]
5. Kalashnikov, Yu.V. (2010). Reformirovanie sistem gosudarstvennoi registratsii prav i kadastrovogo ucheta nedvizhimosti [Reforming the systems of state registration of rights and cadastral registration of real estate]. Altaiskii vestnik gosudarstvennoi i munitsipal'noi sluzhby, (6), 36–41. [In Russian]
6. Letyagina, E.A. (2025). Ispol'zovanie blokchein tekhnologii pri gosudarstvennoi registratsii i uchete zemel'nykh uchastkov v zarubezhnykh stranakh [The use of blockchain technologies in state registration and accounting of land plots in foreign countries]. Agrarnoe i zemel'noe pravo, (6), 217–220. [In Russian]
7. Nikitin, A.V. (2022). Mezhdunarodnyi opyt primeneniya tekhnologii blokchein v sistemakh registratsii i ucheta prav na zemel'nye uchastki [International experience of applying blockchain technology in systems of registration and recording of rights to land plots]. MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie), 13(2), 228. [In Russian]
8. Order of Rosreestr No. P/331 of 01.09.2011 (as amended on 26.10.2022) "O pereimenovanii federal'nogo byudzhetnogo uchrezhdeniya 'Kadastrovaya palata' po Moskve v federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe uchrezhdenie 'Federal'naya kadastrovaya palata Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi registratsii, kadastra i kartografii'" [On Renaming the Federal Budgetary Institution "Cadastral Chamber" for Moscow into the Federal State Budgetary Institution "Federal Cadastral Chamber of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography"]. [In Russian]
9. Order of the Government of the Russian Federation No. 220-r of 19.02.2013 "O reorganizatsii FGUP 'Tsentral'nyi kartografo-geodezicheskii fond' (g. Moskva) v forme preobrazovaniya v FGBU 'Federal'nyi nauchno-tekhnicheskii tsentr geodezii, kartografii i infrastruktury prostranstvennykh dannykh' (g. Moskva)" [On the Reorganization of the Federal State Unitary Enterprise "Central Cartographic and Geodetic Fund" (Moscow) by Transformation into the Federal State Budgetary Institution "Federal Scientific and Technical Center of Geodesy, Cartography and Spatial Data Infrastructure" (Moscow)]. [In Russian]
10. Pankratov, O.E., & Pankratov, E.P. (2021). O razvitii v Rossii mnogotselevoi tekhnologii blokchein v operatsiyakh s nedvizhimost'yu i ee perspektivakh [On the development of multipurpose blockchain technology in real estate transactions in Russia and its prospects]. Ekonomika stroitel'stva, (4), 19–31. [In Russian]
11. Podkolzina, T.I. (2023). Publichno-pravovaya kompaniya "Roskadastr" – novyi sub"ekt kadastrovykh otnoshenii [Public law company "Roskadastr" – a new subject of cadastral relations]. Agrarnoe i zemel'noe pravo, (6), 81–83. [In Russian]
12. Report on the results of the control measure "Audit of the procedure for the formation and disposal of the property complex of the public law company 'Roskadastr' and the expenditure of federal budget funds provided to this legal entity, including in the form of a property contribution of the Russian Federation, in 2023-2025". [In Russian]
13. Zazolina, E.V. (2023). Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti Rosreestra v strukture federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti [Organizational and legal foundations of the activities of Rosreestr in the structure of federal executive authorities]. Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya, 23(4), 36–42. [In Russian]

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **10.34670/AR.2026.41.60.003**

Допустимость применения иска о признании права аренды отсутствующим: подходы судебной практики

Мазарович Георгий Олегович

Аспирант,
Университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 80-г;
e-mail: mazarovic.georgy@gmail.com

Аннотация

Предметом анализа статьи является подход судебной практики применительно к исковым требованиям о признании отсутствующим зарегистрированного права аренды как исключительного способа защиты права. Кратко анализируются подходы судов в вопросе определения лиц, обладающими правом на подачу «негативного иска о признании» в отношении аренды, приводятся примеры из судебной практики последних лет, а также делается вывод о достаточной вариативности такого иска, несмотря на кажущиеся излишне строгими пределы его применения. Среди прочего, делается вывод о том, что правом на обращение в суд с иском о признании отсутствующим права аренды обладает не только лицо, обладающее тем же правом аренды в отношении того же объекта, но и собственник недвижимости, право которого, по его мнению, нарушено записью в реестре. Приведенная в статье судебная практика свидетельствует о том, что такие требования чаще всего не являются основными, но следуют иным исковым требованиям, таким как о сносе незаконных построек и (или) признании отсутствующим права собственности. При проведении исследования применялись, в первую очередь, методы дедукции и сравнения.

Для цитирования в научных исследованиях

Мазарович Г.О. Допустимость применения иска о признании права аренды отсутствующим: подходы судебной практики // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 291-296. 10.34670/AR.2026.41.60.003

Ключевые слова

Вещное право, вещные иски, аренда, негативный иск о признании, регистрация прав на недвижимости, иск о признании права отсутствующим, негаторный иск.

Введение

Являясь по своему содержанию разновидностью негаторного иска и одновременно исключительным способом защиты права, иск о признании отсутствующим зарегистрированного права традиционно предъявляется в отношении права собственности. В то же время, если вынести за скобки дискуссии о том, является ли право аренды правом вещным или обязательственным, и выйти за пределы этой дихотомии, право аренды в любом случае является одним из видов прав, подлежащих государственной регистрации и, следовательно, с учетом подхода судебной практики, в его отношении в определенных случаях может применяться «негативный иск о признании». Это же подтверждается относимостью аренды к обременению права собственности, что по смыслу позиции высших судов также является аргументом для допустимости применения иска к праву аренды.

Пределы применения иска о признании зарегистрированного права отсутствующим и его доктринальная применимость к видам права, отличным от права собственности

Будучи сформулированным в п. 52 совместного постановления Пленума Верховного Суда РФ N 10 и Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 (далее – «Пленум 10/22»), рамки (пределы) применения иска о признании отсутствующим зарегистрированного права были сразу жестко ограничены: подобный иск может быть подан исключительно в случаях, когда истец не может обеспечить защиту своего права виндикационным иском или иском о признании права, если его право нарушено записью в ЕГРП (в настоящее время – ЕГРН (единый государственный реестр недвижимости). При этом Пленум 10/22 прямо указывает на то, что в подобных случаях право может быть защищено обращением с иском о признании отсутствующим права или обременения.

Конкретизируя и в еще большей степени ограничивая сферу применения подобного иска, Верховный Суд РФ в определении N 18-КГ24-109-К4 дополнительно подчеркнул, что оспорено может быть только прошедшие регистрацию право собственности и его обременения [Определение СКГД ВС РФ № 18-КГ24-109-К4, 2024], хотя формально Пленум 10/22 такого ограничения в части того, какое право может подлежать оспариванию, не содержит.

На первый взгляд, кажется любопытным, почему необходимо на уровне высшего суда ограничивать спектр прав, которые могут быть оспорены подобным способом: по смыслу как судебной практики, так и Федерального закона от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», в ЕГРН в качестве самостоятельного вида права может быть внесена запись, например, о праве постоянного (бессрочного) пользования и о пожизненном наследуемом владении [Федеральный закон № 218-ФЗ, 2015, п. 15 ст. 41]. Это позволяет сделать вывод как минимум о спорном характере приведенного выше тезиса, поскольку еще задолго до этого судебная практика исходила из логичной допустимости применения к подобному типу прав требований об их признании отсутствующими. Например, судами признавались отсутствующими право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком [Постановление Двадцатого ААС № А68-604/11, 2011], при этом по смыслу практики такие требования могут быть удовлетворены при наложении границ смежных земельных участков, при наличии спорного земельного участка в собственности и пр. Таким образом, уже после издания Пленума 10/22 суды исходили из допустимости применения негативного иска о признании к видам права, не являющимися правом собственности или его обременениями.

Аренда же, являясь одновременно и ограниченным вещным правом (если не считать его правом обязательственным), и обременением, подлежащим регистрации в ЕГРН, органично вписывается в приведенные выше пределы и, следовательно, может быть оспорена как в качестве обременения права собственности, так и в качестве непосредственно самостоятельного вида права. Иное означало бы излишне консервативное и ограничительное толкование принципа, заложенного Пленумом 10/22, которым сфера применения негативного иска о признании и так сокращена до предела.

Стороны иска о признании отсутствующим зарегистрированного права и особенности его применения

По смыслу Пленума 10/22 ответчиком по иску об оспаривании зарегистрированного права в силу прямого указания Пленума 10/22 в контексте аренды должен являться арендатор, чье право зарегистрировано в ЕГРН и которое одновременно, по мнению истца, нарушает его права [Постановление Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22, 2010, п. 53]. Дополнительно, вероятно, чтобы оградить Росреестр от массы дополнительных исков, регистрирующий орган из числа вероятных ответчиков исключен.

Более интересным в разрезе анализируемой темы является вопрос о том, кто может являться истцом по соответствующему иску. Так, Верховный Суд РФ в упомянутом выше определении N 18-КГ24-109-К4 в 2024 году пришел к выводу, что таким лицом может быть только арендатор (когда речь идет именно о праве аренды). По мнению судебной коллегии, отсутствующим право может быть признано лишь «по иску лица, которое обладает аналогичным зарегистрированным правом» [Определение СКГД ВС РФ № 18-КГ24-109-К4, 2024].

Эта позиция, однако, не кажется бесспорной: по смыслу приведенного выше прямо закрепленного принципа о допустимости применения способа защиты, когда «запись в ЕГРН нарушает право лица, когда такое право невозможно защитить виндикацией или признанием права», с таким иском может обратиться в суд, например, собственник объекта недвижимости, при этом подобных ситуаций может быть множество.

Так, в недавнем деле, рассмотренном в Поволжском округе, в суд обратился департамент муниципального имущества администрации Волгограда с иском о признании отсутствующим права собственности предпринимателя на сооружение и права аренды на земельный участок под этим сооружением, а также с дополнительным требованием освободить участок посредством сноса объектов [Постановление АС Поволжского округа № Ф06-6000/2025, 2025]. В данном деле ответчик (предприниматель), приобретя право собственности на сооружение, приобрел в долгосрочную аренду на 49 лет земельный участок под таким сооружением порядке статьи 39.20 Земельного кодекса РФ без проведения торгов. По мнению департамента, выполняющего полномочия собственника земельного участка муниципальной собственности, сооружение было возведено незаконно, обладало признаками самовольной постройкой, в связи с чем право собственности предпринимателя в ЕГРН было зарегистрировано в отсутствие оснований. Как следствие, регистрация права аренды земельного участка также была осуществлена незаконно. Удовлетворяя требования департамента, суды исходили из того, что спорное сооружение (открытая площадка склада) являлось элементом благоустройства, а не объектом недвижимости, дающим основание приобрести в аренду расположенный под ним земельный участок.

В другом деле территориальное управление Росимущества в Краснодарском крае и Республике Адыгея (далее – «Управление») обратилось с иском одновременно к арендодателю

земельного участка федеральной собственности (бюджетному учреждению) и арендатору (обществу с ограниченной ответственностью) с требованием возвратить земельный участок в собственность Российской Федерации и исключить из ЕГРН запись о праве аренды. Характерной особенностью данного дела, помимо прочего, является то обстоятельство, что суд первой инстанции (с которым впоследствии согласились вышестоящие суды) самостоятельно переквалифицировал исковые требования Управления на требование о признание отсутствующим права аренды, сославшись при этом на Пленум 10/22. В результате, придя к обоснованному выводу о том, что возможность восстановить нарушенное право (нарушение права заключалось в отсутствии у учреждения полномочий на передачу участка в аренду) путем виндикации или признания права у Управления отсутствовало, суд исковые требования, с учетом переквалификации, удовлетворил и признал право аренды общества на землю отсутствующим [Решение АС Краснодарского края № А32-4709/2022, 2022].

Заключение

Резюмируя изложенное, механизм оспаривания зарегистрированного в ЕГРН права аренды, несмотря на кажущуюся затруднительность его применения, на практике используется нередко, при этом не только арендаторами, но и собственниками, чье право в той или иной степени затрагивается арендным обременением. Характерным является и то, что подобные требования зачастую идут в качестве сопутствующих, например, требованию о сносе самовольной постройки или исключения из ЕГРН записи о праве собственности. Это, однако, является логичным с учетом того, что право аренды неразрывно связано с правом собственности и является его обременением.

Библиография

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.10.2024 N 18-КГ24-109-К4 (УИД 23RS0002-01-2022-008954-06) // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rf-ot-29102024-n-18-kg24-109-k4-uid-23rs0002-01-2022-008954-06/ (Дата обращения 12.05.2026);
2. Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=511746&dst=100001#QEqAPJVuo7F11n0w (Дата обращения 01.05.2026);
3. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.07.2011 по делу N А68-604/11// [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS020&n=10245&rnd=WWOr1g#Seh9PJVe9aYfMUr9 (Дата обращения 12.05.2026);
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=388270&dst=100001%2C-1&date=01.05.2024 (Дата обращения 12.05.2026);
5. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15.10.2025 N Ф06-6000/2025 по делу N А12-27243/2023 // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=APV&n=242699&dst=100019&date=14.05.2026 (Дата обращения 14.05.2026);
6. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 07.07.2022 по делу N А32-4709/2022 // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2e2b0f62-837f-4cfa-a707-e1201f4ec71e/fe7a5a11-d34d-410b-9ddc-d9107e8b5721/A32-4709-2022_20220707_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (Дата обращения 14.05.2026).

Admissibility of Applying a Claim for Recognizing the Right of Lease as Absent: Approaches of Judicial Practice

Georgii O. Mazarovich

Postgraduate Student,
Synergy University,
125190, 80-g, Leningradskiy ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: mazarovic.georgy@gmail.com

Abstract

The subject of the article's analysis is the approach of judicial practice in relation to claims for recognizing a registered right of lease as absent as an exceptional method of protecting a right. The courts' approaches to determining the persons entitled to file a "negative claim for recognition" in relation to lease are briefly analyzed, examples from judicial practice of recent years are provided, and a conclusion is drawn about the sufficient variability of such a claim, despite the seemingly excessively strict limits of its application. Among other things, it is concluded that the right to apply to court with a claim for recognizing the right of lease as absent is held not only by a person possessing the same right of lease in relation to the same object, but also by the owner of real estate whose right, in their opinion, is violated by an entry in the register. The judicial practice cited in the article indicates that such claims are most often not the main ones, but follow other claims, such as those for the demolition of illegal constructions and (or) recognition of ownership as absent. In conducting the research, the methods of deduction and comparison were used primarily.

For citation

Mazarovich G.O. (2026) Dopustimost' primeneniya iska o priznanii prava arendy otsutstvuyushchim: podkhody sudebnoy praktiki [Admissibility of Applying a Claim for Recognizing the Right of Lease as Absent: Approaches of Judicial Practice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 291-296. 10.34670/AR.2026.41.60.003

Keywords

Property law, property claims, lease, negative claim for recognition, registration of rights to real estate, claim for recognizing a right as absent, negatory claim.

References

1. Resolution of the Chamber for Civil Disputes at the Supreme Court of the Russian Federation No. N 18-КГ24-109-К4 (УИД 23RS0002-01-2022-008954-06) dated October 29, 2024 // [Electronic resource] – Access mode – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rf-ot-29102024-n-18-kg24-109-k4-uid-23rs0002-01-2022-008954-06/ (Date of access: 05/12/2026);
2. Federal law No. 218-FZ "On the State Registration of Real Estate" dated 13 July 2015// [Electronic resource] – Access mode – URL: https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=511746& dst=100001#QEqAPJVuo7F11n0w (Date of access: 05/01/2026);
3. Resolution of the Twentieth Arbitration Court of Appeal in the case No. A68-604/11 dated July, 6, 2011 // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS020&n= 10245& rnd= WWOr1g#Seh9PJVe9aYfMUr9 (Date of access: 05/12/2026);

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 43 «On certain issues related to the application of norms of the Civil Code of the Russian Federation regarding the term of limitation of legal actions» dated September 29, 2015 // [Electronic resource] – Access mode – URL: https://login.consultant.ru/link/?req= doc& base=LAW&n= 388270&dst=100001%2C-1&date=01.05.2024 (Date of access: 05/12/2026);
5. Resolution of the Arbitration Court of Povolzhsky District No. Ф06-6000/2025 in the case No. A12-27243/2023 dated October 15, 2025 // [Electronic resource] – Access mode – URL: https://login.consultant.ru/link/? req=doc& base= APV& n=242699&dst=100019&date=14.05.2026 (Дата обращения 14.05.2026);
6. Ruling of the Arbitration Court of Krasnodar krai in the case No. A32-4709/2022 dated July, 7, 2022 // [Electronic resource] Access mode URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2e2b0f62-837f-4cfa-a707-e1201f4ec 71e/fe7a5a 11-d34d-410b-9ddc-d9107e8b5721/A32-4709-2022_20220707_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (Date of access: 05/14/2026).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.1: 351.741 **DOI: 10.34670/AR.2026.98.19.025**

Проблемы розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда

Малахова Анастасия Алексеевна

Преподаватель,
кафедра оперативно-розыскной деятельности и специальной техники,
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России,
283001, Российская Федерация, Донецк, ул. Артема, 74;
e-mail: mv.anastasia_m@mail.ru

Аннотация

Актуальность исследования определяется объективной необходимостью защиты и восстановления нарушенных преступлением законных прав и интересов граждан. Это формирует ключевую задачу для правоохранительной системы — своевременное установление и розыск лиц, скрывающихся от правосудия. Значимость данного направления дополнительно усиливается его ролью в предотвращении рецидивной преступности, поскольку лица, уклоняющиеся от следствия и суда, зачастую продолжают совершать новые противоправные деяния, увеличивая тем самым социальный вред. С каждым годом ситуация с розыском лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, приобретает всё более тревожный характер. Злоумышленникам всё чаще удаётся уходить от правосудия, используя современные методы конспирации и цифровые технологии, позволяющие эффективно скрывать свою личность и следы пребывания в информационном пространстве. Дополнительным фактором, усложняющим работу правоохранительных органов, является текущая геополитическая обстановка и вооружённый конфликт, в условиях которого значительно упрощается процесс нелегального пересечения границ и перемещения между территориями. Вследствие этого сроки давности по уголовным делам нередко истекают, а виновные так и остаются безнаказанными, что подрывает принцип неотвратимости наказания. Современные вызовы требуют от розыскной деятельности комплексного подхода, основанного на анализе существующих проблем, классификации разыскиваемых лиц, совершенствовании законодательной базы и выработки новых подходов при организации розыскной деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Малахова А.А. Проблемы розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 297-304. DOI: 10.34670/AR.2026.98.19.025

Ключевые слова

Оперативно-розыскная деятельность, розыскная деятельность, розыск, лица, скрывающиеся от органов дознания, следствия и суда, проблемы розыска лиц, правоохранительная деятельность, правосудие, неотвратимость наказания, цифровые технологии.

Введение

Эффективность правосудия измеряется не количеством вынесенных приговоров, а реальной способностью государства обеспечить их исполнение и предоставить гражданам Российской Федерации одну из важнейших гарантий – защиту их прав и законных интересов.

Согласно данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) за 2025 год показать лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда составил более 114 тыс. лиц. И только за первые шесть месяцев 2026 года в стране было объявлено в розыск более

89 тысяч лиц, уклоняющихся от органов дознания, следствия и суда [ЕМИСС, 2026]. Устойчивая тенденция к ежегодному росту этого показателя не только свидетельствует о масштабе проблемы, но и прямо указывает на высокую общественную опасность данной категории.

Основная часть

Каждое нераскрытое преступление — это не просто недоработка правоохранительных органов, а прямой удар по принципу неотвратимости наказания. Именно этот принцип составляет фундамент уголовной политики любого правового государства. Каждый нераскрытый эпизод транслирует обществу опасный сигнал: закон можно обойти, ответственности можно избежать, а значит — преступность становится приемлемым вариантом поведения. В этой связи розыск лиц, скрывшихся от органов дознания и следствия, приобретает значение не просто задачи правоохранительных органов, а одного из ключевых условий сохранения правопорядка как такового.

В соответствии с п. 12 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», полиция обязана осуществлять розыск лиц, совершивших преступления или подозреваемых и обвиняемых в их совершении, а также лиц, скрывшихся от органов дознания, предварительного следствия или суда [Федеральный закон «О полиции», 2011].

Статья 2 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – «Закон об ОРД») относит розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, лиц, уклоняющихся от уголовного наказания, а также установление местонахождения без вести пропавших непосредственно к задачам данной деятельности[Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», 1995]. Организационное обеспечение розыскной работы возложено на аппараты уголовного розыска системы МВД России, в структуре которых функционируют специализированные подразделения, непосредственно осуществляющие розыскную деятельность.

Как справедливо отмечает В. И. Зажицкий, оперативно-розыскная деятельность занимает особое место среди государственно-правовых средств противодействия преступности. Её уникальность обусловлена тем, что только она способна обеспечить получение сведений, недоступных процессуальным методам, что напрямую влияет на результативность расследования и обеспечение правосудия, прежде всего по делам латентных преступлений и розыску скрывающихся преступников [Зажицкий, 2016].

В юридической литературе и нормативно-правовых актах термин «лица, скрывающиеся от органов дознания, следствия и суда» часто используется как обобщающий, однако за ним скрываются разные процессуальные статусы и мотивы.

В самом широком смысле под лицами, скрывающимися от органов дознания, следствия и суда, понимаются участники уголовного судопроизводства, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, но которые сознательно уклоняются от явки в правоохранительные органы, тем самым препятствуя установлению истины по делу, производству следственных действий и вынесению законного и обоснованного приговора.

Однако их статус зависит от стадии уголовного судопроизводства, на которой зафиксирован факт сокрытия лица от правоохранительных органов и уклонения от правосудия, в связи с чем можно выделить несколько категорий указанных лиц.

К первой категории следует отнести подозреваемого либо обвиняемого в совершении преступления., определение статусов которых установлено нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), а именно ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 47 [4]. Указанные лица признаются скрывающимися если в ходе проведения предварительного расследования они покидают постоянное место жительства; меняют средства связи; прекращают контакт с родственниками; не являются по вызову следователя или дознавателя при отсутствии уважительных причин; нарушают ранее избранную меру пресечения (подписка о невыезде, домашний арест, залог) и иным образом умышленно уклоняется от участия в следственных действиях.

Процессуальный фундамент для розыска подозреваемого или обвиняемого закладывают нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. В соответствии со статьей 210 УПК РФ если место нахождения подозреваемого, обвиняемого неизвестно, то следователь поручает его розыск органам дознания, о чем указывает в постановлении о приостановлении предварительного следствия или выносит отдельное постановление [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, 2001], а также готовит пакет документов, которые подтверждают процессуальный статус лица, избрание в отношении него меры пресечения, а также документы, удостоверяющие личность данного лица. Аналогичный порядок применяется и при осуществлении розыска лиц в ходе дознания.

Полагаем, что до объявления лица в розыск обязательным условием выступает проведение следователем комплекса мероприятий, направленных на установление его местонахождения. В теории уголовного судопроизводства принято выделять несколько групп таких действий:

1) следственные действия, обладающие розыскным потенциалом (осмотр, допрос, обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров, получение сведений о соединениях между абонентами, производство судебных экспертиз и пр.);

2) иные процессуальные действия, которые включают в себя комплекс мер по направлению следователем (дознавателем), поручений, требований и запросов в порядке ч. 4 ст. 21 УПК РФ в различные инстанции для получения всестороннего представления о личности подозреваемого (обвиняемого), установления судимости, социального статуса, связей, доходов, наличия имущества и т.д.

Д. С. Суханов указывает, что розыск включает в себя комплекс поисковых, информационных и иных мероприятий, направленных на обнаружение и физическое задержание разыскиваемого лица. Выбор форм, способов и интенсивности розыскных мероприятий зависит от совокупности факторов: тяжести инкриминируемого деяния, личности разыскиваемого, наличия социальных связей и цифровой активности [Суханов, 2026].

Первоначальные розыскные мероприятия ставят своей целью как можно быстрее обнаружить и задержать скрывшееся лицо. Для этого используются самые разные приёмы:

преследование скрывшегося лица по «горячим следам», прочесывание местности, выставление постов и заслонов на вероятных путях отхода, организация засад в местах, где разыскиваемый может появиться с наибольшей вероятностью. Кроме того, к поиску подключают средства массовой информации — через них граждане информируются о розыске и призываются оказать содействие.

В розыскной деятельности в данном случае дополнительно используются возможности печати, радио, телевидения для информирования населения о разыскиваемом лице. Также у зданий ОВД в доступных местах оборудуются стенды «Их разыскивает полиция», используются телепередачи и другое.

Особое значение приобретает цифровая среда, а именно возможность отслеживания цифрового следа и сведений о разыскиваемом лице на коммуникативных платформах, социальных сетях и электронных сервисах.

В процессе выполнения основных мероприятий может быть получена дополнительная ориентирующая информация о разыскиваемом лице, на основе которой выдвигаются версии и может формироваться план дополнительных мероприятий.

Ю.А. Шевякова отмечает, что организация розыска лиц, скрывшихся от органов дознания и следствия, зависит от своевременности взаимодействия следователя, дознавателя и подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [Шевякова, 2019].

Отдельную категорию составляют лица, в отношении которых уголовное дело передано в суд, однако они не являются в судебное заседание либо скрываются после начала судебного разбирательства. Данное лицо будет обладать процессуальным статусом подсудимого (ст. 47, 247 УПК РФ) [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, 2001]. Скрывающиеся подсудимые представляют повышенную общественную опасность, поскольку их действия напрямую парализуют осуществление правосудия. В случае уклонения подсудимого от явки в суд, суд вправе: изменить меру пресечения на более строгую; вынести определение или постановление о розыске скрывшегося подсудимого; при определенных условиях — приостановить производство по делу (ст. 253 УПК РФ) [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, 2001].

Однако для документов, направляемых из судебных органов, подобные требования отсутствуют. Как следствие, при объявлении розыска по инициативе суда в розыскные подразделения передаётся исключительно постановление о розыске подсудимого, содержащее, помимо анкетных данных и номера уголовного дела, крайне ограниченный объём сведений. Этого явно недостаточно для качественного проведения предварительной проверки и последующего осуществления розыскных действий [Буряков, 2023].

В отношении каждой категории должны различаться объем ориентирования, глубина проверки связей, необходимость федерального розыска, порядок взаимодействия с транспортными, миграционными, медицинскими и военными структурами. Использование цифровых следов должно осуществляться с учетом ст. 23 и ст. 24 Конституции Российской Федерации, поскольку получение сведений о связи, переписке и частной жизни требует законных оснований и соблюдения установленного порядка [Конституция Российской Федерации, 1993].

В связи с чем, можно подчеркнуть, что розыскная деятельность, направленная на лиц скрывающиеся от органов дознания, следствия и суда являться одной из самых сложных и ключевых задач правоохранительной деятельности, поскольку направлена на обеспечение правосудия и защиту прав граждан. Однако эффективность ее проведения может столкнуться с

рядом системных ограничений в практической плоскости, что значительно понижает результативность либо являться препятствием ее осуществления.

В своих исследованиях Ю.В. Контемирова обозначила, что «в рамках взаимодействия органов предварительного следствия и оперативных подразделений существует ряд проблем, требующих принятия организационно-управленческих решений, в том числе на законодательном уровне с внесением изменений в ведомственные нормативные правовые акты» [Контемирова, 2023]. К одной из таких проблем можно отнести несвоевременность и неполноту передачи сведений о разыскиваемом лице, его личности и связях, что значительно влияет на ход розыскной деятельности и возможности преследования «по горячим следам», что обусловлено как организационными, так и нормативными причинами.

В дополнении это отсутствие централизованной координации и слабое оперативное взаимодействие между подразделениями, осуществляемые розыскную деятельность, что приводит к рассогласованности действий и снижению результативности.

Многократно усложняет задачу по обнаружению лиц скрывающиеся от органов дознания, следствия и суда их активное использование цифровых технологий, средств шифрованной связи и методов современной конспирации.

Особую практическую и оперативную сложность представляет организация розыска лиц, скрывающихся от правосудия, на территориях новых субъектов, вошедших в состав Российской Федерации. Специфика обусловлена комплексом факторов, связанных с продолжительностью ведения боевых действий, разрушение инфраструктуры, миграционные потоки и документооборот переходного периода. Кроме того, сохраняется риск трансграничного перемещения разыскиваемых между территориями стран вооруженного конфликта, что требует выстраивания новых или адаптации существующих механизмов розыскной деятельности в условиях изменившихся политико-правовых реалий.

Дополнительно хотелось бы отметить, что эффективность розыскных мероприятий напрямую зависит от обеспеченности финансовыми средствами, современной техникой и квалифицированными кадрами, дефицит которых является существенным сдерживающим фактором. Однако, следует так же упомянуть, что низкий уровень правосознания и правовой осведомленности граждан существенно ограничивает возможности правоохранительных органов по получению значимых сведений, необходимых для осуществления розыскной деятельности. Важно отметить, что все высказанные и другие проблемы в практике розыскной работы органов внутренних дел, часто взаимосвязаны. Например, кадровый дефицит усугубляет организационные сложности, а технологическая отсталость мешает выстроить эффективное взаимодействие розыскных служб.

С учетом изложенного представляется целесообразным тезисно обозначить комплекс мер, направленных на обеспечение эффективной розыскной деятельности:

– Формирование единого координационного центра, обеспечивающего организацию и контроль розыскной деятельности как на федеральном, так и на региональном уровнях.
– Организация тесного взаимодействия между подразделениями правоохранительных органов, для более эффективного обмена информацией и обеспечения оперативных действия при проведении розыскных мероприятий.
– Использование передовых цифровых технологий — биометрических систем, средств геопозиционирования и удаленного мониторинга — для совершенствования розыскной работы.
– Разработка новых, либо адаптация существующих тактических приемов розыскной

деятельности с учетом специфики регионов, затронутых боевыми действиями, где стандартные подходы теряют свою эффективность.

– Реализация комплекса просветительских мероприятий, ориентированных на формирование у населения устойчивой мотивации к сотрудничеству с правоохранительными органами в вопросах установления местонахождения лиц, уклоняющихся от правосудия.

Заключение

Проведенный анализ показал, что проблема розыска лиц, уклоняющихся от органов дознания, следствия и суда, является многоаспектной и требует всестороннего подхода. Эффективное решение проблем, стоящих перед розыскной деятельностью, невозможно без координации действующего законодательства, внедрения современных технологий, просветительской работы с гражданами и, в особенности, совершенствования системы взаимодействия между всеми структурами, чья работа прямо или опосредованно связана с розыском лиц, скрывающихся от следствия, дознания и суда.

Разработка новых протоколов обмена данными, тактических приемов и адаптации под новые территории, а также налаживание оперативного сотрудничества между всеми причастными структурами позволят обеспечить неотвратимость правосудия и восстановить нарушенные права граждан, общества и государства.

Библиография

1. Бражников Д.А., Бражникова А.А., Козлов Г.С. Основы деятельности органов внутренних дел по розыску без вести пропавших лиц: учебно-методическое пособие. Челябинск, 2008.
2. Буряков Е.В. Лица, скрывающиеся от органов дознания, следствия и суда: проблемы объявления в розыск // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2 (89). С. 139–142.
3. Горчакова А.А. Розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда // Научный Лидер. 2024. № 31 (181). С. 8–11.
4. Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. СПб.: Юридический центр, 2016. С. 42.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.
6. Контемирова Ю.В. О некоторых проблемах современного состояния взаимодействия оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (72). С. 41.
7. Суханов Д.С. Розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда // Молодой ученый. 2026. № 2. С. 324.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.
9. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.
10. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.
11. Черенков Е.Н. Розыск лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда // Молодой ученый. 2024. № 34. С. 110.
12. Шевякова Ю.А. Организация розыска лиц, скрывшихся от органов дознания и следствия // Вопросы российской юстиции. 2019. № 2. С. 706.
13. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://www.fedstat.ru/indicator/36195.

Problems of Searching for Persons Hiding from Bodies of Inquiry, Investigation and Court

Anastasiya A. Malakhova

Lecturer,
Department of Operational-Investigative Activity and Special Equipment,
Donetsk Branch of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
283001, 74, Artema str., Donetsk, Russian Federation;
e-mail: mv.anastasia_m@mail.ru

Abstract

The relevance of the study is determined by the objective necessity of protecting and restoring the lawful rights and interests of citizens violated by a crime. This forms a key task for the law enforcement system — the timely identification and search for persons hiding from justice. The significance of this direction is further enhanced by its role in preventing recidivist crime, since persons evading investigation and court often continue to commit new unlawful acts, thereby increasing social harm. Every year, the situation with the search for persons hiding from bodies of inquiry, investigation and court becomes increasingly alarming. Offenders more and more often manage to evade justice using modern methods of conspiracy and digital technologies that allow them to effectively conceal their identity and traces of presence in the information space. An additional factor complicating the work of law enforcement agencies is the current geopolitical situation and the armed conflict, under the conditions of which the process of illegal border crossing and movement between territories is significantly simplified. As a result, statutes of limitations in criminal cases often expire, and the guilty remain unpunished, which undermines the principle of the inevitability of punishment. Modern challenges require a comprehensive approach to search activity based on the analysis of existing problems, the classification of wanted persons, the improvement of the legislative framework, and the development of new approaches in organizing search activity.

For citation

Malakhova A.A. (2026) Problemy rozyska lits, skryvayushchikhsya ot organov doznaniya, sledstviya i suda [Problems of Searching for Persons Hiding from Bodies of Inquiry, Investigation and Court]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 297-304. DOI: 10.34670/AR.2026.98.19.025

Keywords

Operational-investigative activity, search activity, search, persons hiding from bodies of inquiry, investigation and court, problems of searching for persons, law enforcement activity, justice, inevitability of punishment, digital technologies.

References

1. Brazhnikov, D.A., Brazhnikova, A.A., & Kozlov, G.S. (2008). *Osnovy deyatelnosti organov vnutrennikh del po rozysku bez vesti propavshikh lits: uchebno-metodicheskoe posobie* [Fundamentals of the activities of internal affairs bodies in

searching for missing persons: a training and methodological guide]. Chelyabinsk.
2. Buryakov, E.V. (2023). Litsa, skryvayushchiesya ot organov doznaniya, sledstviya i suda: problemy obyyavleniya v rozysk [Persons who are evading the investigative, investigative-investigative, and judicial bodies: problems of being placed on the wanted list]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*, 29(2 (89)), 139–142.
3. Cherenkov, E.N. (2024). Rozysk lits, skryvshikhsya ot organov doznaniya, sledstviya i suda [Search for persons who have fled from the bodies of inquiry, investigation, and court]. *Molodoy uchenyy*, (34), 110.
4. Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema (EMISS) [Unified Interdepartmental Information and Statistical System (UIISS)]. (2026) https://www.fedstat.ru/indicator/36195
5. Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011, "On the Police" [Federalnyy zakon ot 07.02.2011 № 3-FZ «O politsii»]. (2011). *Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii*. http://www.pravo.gov.ru
6. Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995, "On Operational-Investigative Activities" [Federalnyy zakon ot 12.08.1995 № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoy deyatelnosti»]. (1995). *Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii*. http://www.pravo.gov.ru
7. Gorchakova, A.A. (2024). Rozysk lits, skryvayushchikhsya ot organov doznaniya, sledstviya i suda [Search for persons hiding from investigative bodies, the investigation, and the court]. *Nauchnyy Lider*, (31 (181)), 8–11.
8. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01 iyulya 2020 g. [The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020]. (1993). *Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii*. http://www.pravo.gov.ru
9. Kontemirova, Yu.V. (2023). O nekotorykh problemakh sovremennogo sostoyaniya vzaimodeystviya operativnykh i sledstvennykh podrazdeleniy organov vnutrennikh del [On Some Problems of the Current State of Interaction between Operational and Investigative Units of Internal Affairs Bodies]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, (2 (72)), 41.
10. Sukhanov, D.S. (2026) Rozysk lits, skryvayushchikhsya ot organov doznaniya, sledstviya i suda [Search for Persons Hiding from Investigative, Investigative, and Judicial Bodies]. *Molodoy uchenyy*, (2), 324.
11. Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ [The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001, No. 174-FZ]. (2001). *Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii*. http://www.pravo.gov.ru
12. Shevyakova, Yu.A. (2019). Organizatsiya rozyska lits, skryvshikhsya ot organov doznaniya i sledstviya [Organization of the search for persons who have fled from the bodies of inquiry and investigation]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*, (2), 706.
13. Zazhitsky, V.I. (2016). *Rezultaty operativno-rozysknoy deyatelnosti v ugolovnom sudoproizvodstve* [Results of operational-investigative activities in criminal proceedings]. Yuridicheskiy tsentr.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.98 **DOI: 10.34670/AR.2026.80.83.026**

Специальные принципы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений

Лонщакова Анжелла Рашитовна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного права и криминологии,
Уфимский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
450103, Российская Федерация, Уфа, ул. Муксинова, 24;
e-mail: L89170498294@yandex.ru

Аннотация

Работа завершает цикл из трех статей о принципах криминалистического обеспечения предупреждения преступлений; ее предмет — специальные принципы. Теоретико-методологической основой послужила трехчленная классификация И.А. Возгрина, относящая к специальным общие положения отдельных групп и подгрупп частных методик расследования преступлений. Перенесенная на криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений, эта классификация раскрывает двойственный статус специальных принципов: они одновременно исходные начала отдельных направлений предупредительной деятельности и требования к порядку разработки теории, к формированию ее информационно-технологической и ресурсно-организационной составляющих. Охарактеризованы принципы криминалистической интеграции и трансформации; оперативности и своевременности; полноты, всесторонности и объективности; достоверности предиктивной криминалистически значимой информации; системно-структурного подхода; кластерности; самостоятельности специализированного предиктивного органа, а вслед за ними — технологические принципы обращения с предиктивной криминалистически значимой информацией. Обусловливая процессуальное доказывание причинного комплекса преступления и разработку мер по устранению причин и условий, способствующих его совершению, специальные принципы и образуют технологическое ядро формируемой теории.

Для цитирования в научных исследованиях

Лонщакова А.Р. Специальные принципы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 305-313. DOI: 10.34670/AR.2026.80.83.026

Ключевые слова

Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений, специальные принципы, криминалистически значимая информация, предиктивная информация, причинный комплекс преступления, кластеризация, системно-структурный подход, криминалистическая интеграция, организация прогнозирования, управление рисками, методология исследования.

Введение

Частных приемов предупреждения преступлений наука разработала немало, однако в систему они не сложились и применяются фрагментарно: недостает целостной технологической основы, которая способна замкнуть выявление, документирование и доказывание криминогенных факторов, разработку мер и их устранение в единый цикл работы с предиктивной криминалистически значимой информацией. Пробел, полагаем, восполняется группой специальных принципов криминалистического обеспечения предупреждения преступлений – ими задается порядок разработки теории, ее информационно-технологического и ресурсно-организационного обеспечения, и с ними предупредительная функция криминалистики обретает инструментальную завершенность.

Разработанность проблемы неравномерна. О процессуальном доказывании причин преступности задумывались еще дореволюционные авторы, в частности М.В. Духовской [Духовской, 1902], однако фундаментально развил эту мысль Г.Ф. Горский: в 1963 г. он создал первую в СССР лабораторию по изучению причин преступности [Горский, 1965]. Принципы криминалистической методики впервые получили системное освещение у И.А. Возгрина: именно он разграничил их на общие, частные и специальные [Возгрин, 1977]. Общетеоретический фундамент составили труды Р.С. Белкина [Белкин, 1986; Белкин, 1997] и А.Я. Гинзбурга [Гинзбург, 1974]. Организационную, профилактическую и информационную стороны проблемы в российский период исследовали И.П. Можаева [Можаева, 2018], А.Г. Филиппов [Филиппов, 2007], Ю.П. Гармаев [Гармаев, 2003], М.Ш. Махтаев и Н.П. Яблоков [Махтаев, Яблоков, 2016], В.О. Давыдов [Давыдов, 2021], С.С. и А.С. Овчинские [Овчинский С.С., 2000; Овчинский А.С., 2006], М.Е. Игнатьев и И.М. Комаров [Игнатьев, Комаров, 2021], А.А. Татауров [Татауров, 2026]. И все же специальные принципы целостной теории криминалистического обеспечения предупреждения преступлений в самостоятельную группу до сих пор не выделяли. Этим и задан предмет настоящего исследования.

Целью исследования является обоснование группы специальных принципов криминалистического обеспечения предупреждения преступлений и развитие теоретических и прикладных следствий, которые из этих принципов вытекают. Публикация является последней в серии из трех работ. Предметом первой стали общие принципы, определяющие содержание, структуру и значение формируемой теории в целом, предметом второй – частные принципы, по которым строятся конкретные методики предупреждения преступлений. В данной статье исследуется завершающая группа: специальные принципы отдельных направлений (кластеров) криминалистического обеспечения предупреждения преступлений.

Исследование выполнено в теоретико-методологическом ключе. Соотнесение трех уровней принципов, равно как и проверка внутренней согласованности группы специальных принципов, обеспечено системным анализом. При помощи сравнительного анализа определялось, в какой мере положения криминалистических, уголовно-процессуальных и криминологических теорий и учений применимы к предупреждению преступлений. Установление нормативных пределов выявления, доказывания и устранения причин и условий преступления осуществлено формально-юридическим методом. В основу отбора положен следующий критерий: специальным признавалось положение, действие которого не охватывает весь предмет теории, но определяет отдельное направление (часть) предиктивной деятельности либо задает порядок обращения с предиктивной криминалистически значимой информацией, то есть относится к разработке теории и к разработке ее информационно-технологического и ресурсно-

организационного обеспечения. Тем самым проведено отграничение специальных принципов от общих, действие которых выходит за пределы формируемой теории, а равно от частных, обслуживающих построение конкретных методик предупреждения преступлений.

С практикой теоретические построения соотнесены по материалам более широкого эмпирического исследования автора, программой которого охватывались изучение свыше 920 архивных уголовных дел и опрос более 420 практических работников. Проведение самостоятельного количественного анализа этих материалов задачами настоящей статьи не охватывается. К числу возможных способов обращения с предиктивной криминалистически значимой информацией отнесены квалифицированное наблюдение и знаковое моделирование. Использование алгоритмических систем, включая большие языковые модели, допустимо исключительно в качестве вспомогательного – при выдвижении и представлении гипотез; получаемые с их помощью выводы нуждаются в проверке предусмотренными законом средствами и доказательственным значением сами по себе не обладают.

Результаты и обсуждение

Специальные принципы И.А. Возгрин трактовал как общие положения отдельных групп и подгрупп частных методик. К ним он причислял криминалистическую характеристику групп преступлений, определение предмета исследования для соответствующих групп, а также общий подход к организации раскрытия однотипных преступлений [Возгрин, 1977]. Эту конструкцию можно адаптировать к криминалистическому обеспечению предупреждения преступлений. Специальные принципы такого обеспечения устроены двухпластово. Первый пласт – система базовых начал отдельных направлений (кластеров) предупредительной деятельности; второй – совокупность технологических принципов работы с предиктивной криминалистически значимой информацией. Наиболее значимые из них характеризуются ниже.

1. Принцип криминалистической интеграции и трансформации

За всю свою историю криминалистика не знала изолированного пути развития. К источникам этого развития принадлежит закономерность интеграции и дифференциации научного знания, обоснованная Р.С. Белкиным [Белкин, 1986; Белкин, 1997]. Для превентивной деятельности названная закономерность вдвойне значима, поскольку причинный комплекс преступления невозможно установить без опоры на специальные методы общественных, естественных и технических наук. Две стадии одного процесса получают закрепление в принципе криминалистической интеграции и трансформации. Стадия первая: научное положение, внешнее по отношению к криминалистике, подвергается освоению. Стадия вторая: оно трансформируется, перестраиваясь сообразно задачам выявления, документирования, доказывания и реализации предиктивной криминалистически значимой информации.

2. Принцип оперативности и своевременности

Существо принципа сводится к требованию незамедлительности: выявление, документирование, доказывание и реализация предиктивной криминалистически значимой информации подчинены фактору времени, а промедление ее обесценивает. Несвоевременно установленные признаки формирующегося причинного комплекса преступления предупредительной силы уже не имеют, материальные же и идеальные следы к этому моменту непригодны для доказывания. Здесь уместно привести мнение С.С. Овчинского: оперативно-разыскная информация есть отрицание энтропии, упорядочивание неопределенности, а следовательно, ее оборот должен быть непрерывным [Овчинский С.С.,

2000].

3. Принцип полноты, всесторонности и объективности

Установление материальной (объективной) истины предполагает выявление главного факта и причинного комплекса преступления. Цель уголовно-процессуального доказывания М.С. Строгович связывал с получением достоверного знания, соответствующего действительности [Строгович, 1955], и требование это распространяется не только на главный факт, но и на выводы о причинном комплексе преступления. На гносеологическом уровне такое установление обеспечивается требованием, которое триедино по своей природе: оно охватывает полноту, всесторонность и объективность. Полнота применительно к предиктивной криминалистически значимой информации означает, что в оборот вовлекаются все выявленные детерминанты причинного комплекса, а не одна лишь та, что установлена первой. Всесторонность обязывает соотносить сведения, полученные из разнородных источников, не замыкаться на одном канале их поступления; методологической опорой здесь служат положения Р.С. Белкина об отражении как основе познания [Белкин, 1986; Белкин, 1997]. Объективность же исключает подгонку предиктивного вывода под заранее избранную версию детерминации: конкурирующие объяснения причинного комплекса подлежат равной проверке. Несоблюдение любого из трех требований обесценивает предиктивную деятельность.

4. Принцип достоверности предиктивной криминалистически значимой информации

Достоверность предиктивной криминалистически значимой информации – принцип, требующий, чтобы установление и оценка таких сведений опирались на технико-тактико-методико-криминалистические средства, приемы, рекомендации. Судебная экспертиза обоснованно входит в арсенал средств предупреждения преступлений – это показал еще И.Я. Фридман: экспертное исследование дает достоверные данные об обстоятельствах, способствовавших преступлению [Фридман, 1974]. Достоверностью и разграничиваются сведения ориентирующие и доказательственные, а переход от одних к другим, обеспечиваемый названными средствами, и составляет содержание рассматриваемого принципа.

5. Принцип системно-структурного подхода

Требование подхода состоит в следующем: рассматриваемое обеспечение должно предстать целостной системой взаимосвязанных элементов, а причинный комплекс преступления – структурированным образованием с закономерными связями между детерминантами. О продуктивности такого видения свидетельствует созданное И.П. Можаевой криминалистическое учение об организации расследования, по которому отдельные приемы вне целого значения не имеют [Можаева, 2018]. Данный подход мы распространяем на два разных предмета. Первый предмет – строение самой теории, где общие, частные и специальные принципы связаны иерархически. Второй – объект предупредительного воздействия, в котором причины и условия преступления образуют систему детерминации: устранение отдельного условия дает малый эффект, коль скоро не учтено место этого условия в такой системе. Кроме того, системностью цементируется цикл «выявление – документирование – доказывание – устранение»; лишенная ее предупредительная работа рассыпается на фрагменты, а о фрагментарности стратегии и тактики предупреждения преступлений как дефекте действующей практики говорилось во введении.

6. Принцип кластерности и криминалистическая характеристика групп преступлений

Однородные массивы, собранные по типовым признакам криминогенной ситуации, дают предиктивной деятельности то, чего не дает россыпь отдельных наблюдений; в такой группировке предиктивной криминалистически значимой информации и заключается принцип

кластерности. Генетически он продолжает возгриновскую идею специального принципа, охватывающего криминалистическую характеристику групп преступлений и определение для них предмета исследования – в нашем случае причинного комплекса преступления [Возгрин, 1977]. Практическая функция кластера очевидна: сведенные вместе однотипные деяния, обстоятельства, явления, процессы, причинные комплексы и др. обнажают устойчивые корреляции детерминант, на которых строятся типовые модели предупреждения, избавляющие от разработки методики заново под каждый случай. Принципиально замечание Ю.П. Гармаева: оптимум общности и конкретности достигается на уровне групп частных методик [Гармаев, 2003]. Кластеризация к тому же готовит информацию к машинной обработке – разметка данных по кластерам открывает дорогу знаковому моделированию и алгоритмическому прогнозу [Овчинский А.С., 2006], чем теоретическая характеристика групп предиктивных данных соединяется с их информационно-технологической реализацией. Идея структурированного накопления предиктивной и прогностической информации не нова: первые отечественные прогнозы преступности опирались уже на «банк прогностической информации» (выражение Г.А. Аванесова), статистику, материалы конкретных социологических обследований и иные сведения «службы прогнозов» – специального подразделения, занимавшегося прогнозированием [Аванесов, 1975, с.299–300]. Нынешняя кластерная организация данных повторяет ту же идею в цифровой, алгоритмической форме, позволяя обрабатывать данные глубже и выявлять неочевидные связи.

7. Принцип самостоятельности и независимости предиктивного органа и технологические принципы

В завершающую подгруппу входят два разнородных элемента: принцип самостоятельности и независимости специализированного предиктивного органа, на котором лежит оборот предиктивной криминалистически значимой информации (ее установление, реализация и др.), и технологические специальные принципы. Мысль о выделенном субъекте информационно-аналитической работы восходит к двум источникам – к концепции оперативно-разыскной информации, разработанной С.С. Овчинским, и к модели «матрицы преступности» А.С. Овчинского [Овчинский С.С., 2000; Овчинский А.С., 2006]. Самоцелью самостоятельность органа не является: назначение ее в том, чтобы гарантировать объективность, достоверность и оберегать предиктивную криминалистически значимую информацию от искажений. Перечень технологических принципов открывает цельность информационной среды, под которой понимается единство хранилищ и форматов данных. За нею следуют эвристический принцип, требующий от системы способности порождать новые версии детерминации, и объяснительный принцип – прозрачность оснований прогноза. Замыкают перечень синергетический принцип, отражающий эффект взаимного усиления разнородных данных, и конгруэнтность, то есть соответствие модели реальной структуре причинного комплекса преступления. Опору всем этим началам дают общетеоретические положения Р.С. Белкина об информационной природе доказывания [Белкин, 1986; Белкин, 1997]; в совокупности они образуют технологическое ядро теории, а работу программно-аналитических комплексов с предиктивной информацией удерживают в методологически корректных рамках.

Прямой исторический прообраз есть и у предложения учредить самостоятельный предиктивный орган. Г.А. Аванесов, перечисляя организационные условия построения системы криминологического прогнозирования, называл определение иерархии субъектов прогнозирования и направлений прямого и обратного движения прогнозной информации, установление сроков и периодичности прогнозирования на всех уровнях, а также увязку

прогнозов с перспективным планированием мер борьбы с преступностью [Аванесов, 1975, с.296–297]. Описал он и процедуру: задание на разработку прогноза, анализ объекта и формулирование целей, подготовка материалов рабочих групп с последующей экспертной оценкой, решение об использовании прогнозов, их обсуждение и координация [Аванесов, 1975, с.297–300]. Именно по этой процедуре готовился и обсуждался первый в стране криминологический прогноз (на 1971–1975 гг.); специально для него разрабатывались методики аналитического выравнивания динамических рядов уровней преступности методом наименьших квадратов, экспертных оценок и моделирования преступности [Аванесов, 1975, с.300]. Такой опыт заслуживает не музейного, а рабочего отношения. Перед «службой прогнозов» стояла задача криминологическая – предвидение параметров преступности в целом. Задача предлагаемого органа иная, криминалистическая: выявлять, документировать, доказывать и реализовывать предиктивную криминалистически значимую информацию по конкретным причинным комплексам, установленным криминалистическими средствами. Организационные же условия, сформулированные полвека назад, силы своей не утратили. Не будет иерархии субъектов, прямого и обратного движения информации, увязки с планированием предупредительной деятельности – предиктивная функция так и останется декларацией.

Заключение

Технологическое ядро формируемой теории образует вся совокупность специальных принципов криминалистического обеспечения предупреждения преступлений – принципы криминалистической интеграции и трансформации; оперативности и своевременности; полноты, всесторонности и объективности доказывания; достоверности предиктивной криминалистически значимой информации; системно-структурного подхода; кластерности; самостоятельности и независимости предиктивного органа, а вместе с ними и технологические принципы.

Функциональное разграничение трех групп таково: общие принципы определяют содержание и значение теории как таковой, частные обеспечивают построение конкретных методик, специальные наделены особой ролью – создавать условия для процессуального доказывания причинного комплекса преступления и для устранения причин и условий, способствующих его совершению. Двухпластовое строение специальных принципов отвечает этой роли: базовые начала отдельных направлений (кластеров) предупредительной деятельности задают содержание работы по конкретным причинным комплексам, а технологические принципы удерживают обращение с предиктивной криминалистически значимой информацией в методологически корректных рамках.

Настоящей публикацией завершается цикл из трех статей. Обоснованная в нем система общих, частных и специальных принципов образует теоретико-методологическую основу криминалистического обеспечения предупреждения преступлений; связующим началом всех трех групп выступает идея установления материальной (объективной) истины при познании главного факта и причинного комплекса преступления.

Библиография

1. Аванесов Г.А. Криминология, прогностика, управление: учебное пособие. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1975. 423 с.

2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1. Москва: Юристъ, 1997. 408 с.
3. Белкин Р.С. Общая теория советской криминалистики. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986. 399 с.
4. Возгрин И.А. Принципы методики расследования отдельных видов преступлений: учебное пособие. Ленинград: ВПУ МВД СССР, 1977. 80 с.
5. Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений: дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2003. 342 с.
6. Гинзбург А.Я. Принципы советской криминалистики. Караганда: Караганд. высш. школа МВД СССР, 1974. 79 с.
7. Горский Г.Ф. Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 1965. 301 с.
8. Давыдов В.О. Информация в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений: теория, практика, инновация: монография. Москва: Юрлитинформ, 2021. 248 с.
9. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. Москва: Университетская тип., 1902. 498 с.
10. Игнатьев М.Е., Комаров И.М. Установление причинно-следственных связей в расследовании преступлений: монография. Москва: Юрлитинформ, 2021. 328 с.
11. Махтаев М.Ш., Яблоков Н.П. Криминалистическая профилактика: история становления, современные проблемы: монография. Москва: Юрлитинформ, 2016. 288 с.
12. Можаева И.П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и перспективы развития: монография. Москва: Юрлитинформ, 2018. 352 с.
13. Овчинский А.С. Матрица преступности / под ред. В.С. Овчинского. Москва: Норма, 2006. 112 с.
14. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация / под ред. А.С. Овчинского и В.С. Овчинского. Москва: ИНФРА-М, 2000. 367 с.
15. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / отв. ред. Б.С. Никифоров. Москва: Изд-во АН СССР, 1955. 384 с.
16. Татауров А.А. Внутриличностный конфликт и система совладающего поведения как детерминанты противоправных деяний подростков: криминологические аспекты // Вопросы российского и международного права. 2026. Т. 16, № 5А. С. 489–502. DOI: 10.34670/AR.2026.50.30.055
17. Филиппов А.Г. Проблемы криминалистики. Избранные статьи. Москва: Юрлитинформ, 2007. 352 с.
18. Фридман И.Я. Судебная экспертиза и вопросы предупреждения отдельных видов преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 1974. 28 с.

Special Principles of Forensic Support for Crime Prevention

Anzhella R. Lonshchakova

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Criminal Law and Criminology,
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
450103, 24, Muksinova str., Ufa, Russian Federation;
e-mail: L89170498294@yandex.ru

Abstract

The work completes a cycle of three articles on the principles of forensic support for crime prevention; its subject is special principles. The theoretical and methodological basis was the three-part classification of I.A. Vozgrin, which refers to the special principles the general provisions of individual groups and subgroups of particular methods of crime investigation. Transferred to the forensic support of crime prevention, this classification reveals the dual status of special principles: they are simultaneously the initial principles of individual directions of preventive activity and requirements for the procedure of developing the theory, for the formation of its information-technological and resource-organizational components. The principles of forensic integration and transformation; efficiency and timeliness; completeness, comprehensiveness and objectivity;

reliability of predictive forensically significant information; the system-structural approach; clustering; and the independence of a specialized predictive body are characterized, followed by the technological principles of handling predictive forensically significant information. Determining the procedural proof of the causal complex of a crime and the development of measures to eliminate the causes and conditions contributing to its commission, the special principles form the technological core of the theory being formed.

For citation

Lonshchakova A.R. (2026) Spetsial'nye printsipy kriminalisticheskogo obespecheniya preduprezhdeniya prestupleniy [Special Principles of Forensic Support for Crime Prevention]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 305-313. DOI: 10.34670/AR.2026.80.83.026

Keywords

Forensic support for crime prevention, special principles, forensically significant information, predictive information, causal complex of a crime, clustering, system-structural approach, forensic integration, organization of forecasting, risk management, research methodology.

References

1. Avanesov, G. A. (1975). Kriminologiya, prognostika, upravlenie: uchebnoe posobie [Criminology, Prognostics, Management: A Study Guide]. Gorky: Gorky Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs Publ., 423 p.
2. Belkin, R. S. (1986). Obshchaya teoriya sovetskoi kriminalistiki [General Theory of Soviet Criminalistics]. Saratov: Saratov University Publ., 399 p.
3. Belkin, R. S. (1997). Kurs kriminalistiki: v 3 t. T. 1 [A Course of Criminalistics: in 3 vols. Vol. 1]. Moscow: Yurist Publ., 408 p.
4. Davydov, V. O. (2021). Informatsiya v deyatel'nosti po raskrytiyu i rassledovaniyu prestuplenii: teoriya, praktika, innovatsiya: monografiya [Information in the Activity of Solving and Investigating Crimes: Theory, Practice, Innovation: A Monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 248 p.
5. Dukhovskoi, M. V. (1902). Russkii ugolovnyi protsess [Russian Criminal Procedure]. Moscow: Universitetskaya tipografiya Publ., 498 p.
6. Filippov, A. G. (2007). Problemy kriminalistiki. Izbrannye stat'i [Problems of Criminalistics. Selected Articles]. Moscow: Yurlitinform Publ., 352 p.
7. Fridman, I. Ya. (1974). Sudebnaya ekspertiza i voprosy preduprezhdeniya otdel'nykh vidov prestuplenii [Forensic Examination and Issues of Preventing Particular Types of Crimes]: Doct. Dis. Abstract. Moscow, 28 p.
8. Garmaev, Yu. P. (2003). Teoreticheskie osnovy formirovaniya kriminalisticheskikh metodik rassledovaniya prestuplenii [Theoretical Foundations of Forming Forensic Methodologies of Crime Investigation]: Doct. Dis. Moscow, 342 p.
9. Ginzburg, A. Ya. (1974). Printsipy sovetskoi kriminalistiki [Principles of Soviet Criminalistics]. Karaganda: Karaganda Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs Publ., 79 p.
10. Gorskii, G. F. (1965). Vyyavlenie i izuchenie prichin prestupnosti v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya [Detection and Study of the Causes of Crime at the Stage of Preliminary Investigation]: Cand. Dis. Voronezh, 301 p.
11. Ignat'ev, M. E., Komarov, I. M. (2021). Ustanovlenie prichinno-sledstvennykh svyazei v rassledovanii prestuplenii: monografiya [Establishing Cause-and-Effect Relationships in Crime Investigation: A Monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 328 p.
12. Makhtaev, M. Sh., Yablokov, N. P. (2016). Kriminalisticheskaya profilaktika: istoriya stanovleniya, sovremennye problemy: monografiya [Forensic Prevention: History of Formation, Contemporary Problems: A Monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 288 p.
13. Mozhaeva, I. P. (2018). Kriminalisticheskoe uchenie ob organizatsii rassledovaniya prestuplenii: formirovanie i perspektivy razvitiya: monografiya [The Forensic Doctrine of the Organisation of Crime Investigation: Formation and Development Prospects: A Monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 352 p.
14. Ovchinskii, A. S. (2006). Matritsa prestupnosti [The Matrix of Crime]. Moscow: Norma Publ., 112 p.
15. Ovchinskii, S. S. (2000). Operativno-rozysknaya informatsiya [Operational-Search Information]. Moscow: INFRA-M Publ., 367 p.
16. Strogovich, M. S. (1955). Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskom ugolovnom protsesse [Material

Truth and Judicial Evidence in the Soviet Criminal Process]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 384 p.
17. Tataurov, A. A. (2026) Vnutrilichnostnyi konflikt i sistema sovladyushchego povedeniya kak determinanty protivopravnykh deyanii podrostkov: kriminologicheskie aspekty [Intrapersonal Conflict and the Coping Behaviour System as Determinants of Unlawful Acts of Adolescents: Criminological Aspects]. Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava [Matters of Russian and International Law], vol. 16, no. 5A, pp. 489–502. DOI: 10.34670/AR.2026.50.30.055
18. Vozgrin, I. A. (1977). Printsipy metodiki rassledovaniya otdel'nykh vidov prestuplenii: uchebnoe posobie [Principles of the Methodology of Investigating Particular Types of Crimes: A Study Guide]. Leningrad: Higher Political School of the USSR Ministry of Internal Affairs Publ., 80 p.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.58.24.027**

Адвокат как субъект преступления о разглашении данных предварительного следствия

Серов Никита Геннадьевич

Аспирант,
кафедра уголовно-правовых дисциплин,
Владимирский государственный
университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
600000, Российская Федерация, Владимир, ул. Горького, 87;
e-mail: nikitaserov550@gmail.com

Аннотация

Статья рассматривает актуальную на сегодняшний день проблему — совершение адвокатами преступлений в виде разглашения данных предварительного следствия. Современный юридический рынок услуг давно попал в зависимость от интернета, телевидения и других информационных ресурсов. Практически каждый молодой адвокат для продвижения своих услуг использует доступные методы рекламы: ведение интернет-блога, групп в социальных сетях, в которых отражает ход и суть некоторых своих дел, особенно «громких», доводя результаты своей практической деятельности до общественности и привлекая к себе новых доверителей, или формируя общественное мнение. Тем самым, по причине своей неосторожности, он может совершить уголовно-правовое деяние, что предоставляет ему возможность самому оказаться на скамье подсудимых. Нередки случаи, по мнению стороны защиты и самого адвоката, выступающего в роли подсудимого, когда возбуждение уголовных дел по данному составу производится с целью мести за активную защиту своих доверителей. Таким образом, этот механизм можно использовать в качестве искусственного инструмента создания помех стороне защиты, что рушит многие принципы и сущность уголовного судопроизводства. В научной статье проводится анализ уголовных дел о разглашении данных предварительного следствия, в которых субъектом выступает адвокат; устанавливается граница между активной защитой и разглашением данных следствия; рассматриваются пути и рекомендации предотвращения совершения данных преступлений.

Для цитирования в научных исследованиях

Серов Н.Г. Адвокат как субъект преступления о разглашении данных предварительного следствия // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 314-322. DOI: 10.34670/AR.2026.58.24.027

Ключевые слова

Адвокат, разглашение данных предварительного следствия, уголовная ответственность адвокатов, тайна предварительного расследования, подписка о неразглашении, профилактика преступлений адвокатов, уголовное судопроизводство, состязательность сторон.

Введение

Современные реалии требуют нового подхода со стороны адвоката к саморекламе собственных услуг. В связи с этим ему необходимо прибегать к современным и доступным методам и ресурсам, обеспечивающим широкий охват аудитории. В настоящее время такими ресурсами, способными донести рекламу до широких масс общества, стали телевидение и интернет. Если первый вариант требует более профессионального подхода и наличия множества качеств, таких как грамотная речь, дикция, эрудиция, презентабельность, умение удерживать внимание и захватывать аудиторию со стороны адвоката, участвующего в телепередачах и новостных сюжетах (что не всем адвокатам свойственно), то интернет-пространство не является столь требовательным. С помощью интернета адвокат может вести свою страницу в социальных сетях, группу или сообщество, либо создать интернет-сайт, на которых будет размещаться актуальная информация о нем, его адвокатском образовании, а также о ходе дел, находящихся у него в производстве. Это могут быть как короткие видео, в которых адвокат кратко освещает ход дела и свою позицию, так и текстовые публикации в группе или сообществе. Особенно легко в нынешнее время стало осуществлять продвижение и публиковать материалы в интернет-группах и сообществах, созданных адвокатом. Формирование и форматирование текста с помощью искусственного интеллекта может привести к утрате внимания и контроля за исходящим текстом, что также может повлечь разглашение данных предварительного следствия, если адвокат станет пренебрежительно относиться к новшествам.

Основная часть

С целью противодействия нарушениям со стороны адвокатов и регламентации поведения в сети «Интернет» адвокатским сообществом в лице Совета Федеральной палаты адвокатов были приняты правила поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В них, в частности, указывается, что при осуществлении адвокатской деятельности с использованием сети «Интернет» адвокат должен принимать во внимание ограничения, которые она налагает в части полноты передачи и восприятия информации, обеспечения ее конфиденциальности и сохранности [Правила поведения адвокатов в сети «Интернет», 2016].

Таким образом, внутрикорпоративные нормы, к которым можно отнести правила поведения, принятые Советом Федеральной палаты, устанавливают ряд правил этики и поведения адвоката в сети интернет. Однако, по своей сути, изложенные правила относятся к главным обязанностям адвоката, таким как сохранение чести и достоинства, а также адвокатской тайны, которые отражены в нормативно-правовом источнике адвокатской деятельности — Кодексе профессиональной этики адвоката [Кодекс профессиональной этики адвоката, 2003]. И не затрагивают актуальные вопросы и проблемы реализации в правовой действительности юридической конструкции состава преступления в виде разглашения данных предварительного следствия, а также рекомендации по возможному избеганию и недопущению возбуждения в отношении себя уголовного дела по рассматриваемому составу преступления.

Однако некоторые попытки устранения возникших «пробелов» во внутрикорпоративном законодательстве и правоприменительной практике пытались установить некоторые региональные адвокатские палаты. Так, решением Совета Адвокатской палаты Новосибирской области от 31.01.2017 г. утверждены методические рекомендации при отобрании подписки о неразглашении данных предварительного следствия. Цель установленных рекомендаций –

повышение качества оказываемой юридической помощи адвокатов и противодействие ущемлению профессиональной деятельности.

В рекомендации также указывается, что адвокатам следует учитывать, что зачастую целью органов уголовного судопроизводства при отобрании у защитника подписки о неразглашении является, в определенной степени, нейтрализация действия процессуального оппонента, а также стремление не предавать гласности свои действия и те нарушения, которые часто случаются в практике органов предварительного расследования [Методические рекомендации адвокату при отобрании подписки, 2017]. Данное обстоятельство подтверждает, изложенный изначально тезис о том, что органы, осуществляющие предварительное расследование, могут использовать правовую конструкцию нормы права как механизм противодействия, на что указывают в своих прениях подсудимые и коллеги адвокаты, осуществляющие их защиту, о чем будет рассмотрено далее на конкретных примерах.

Проводя анализ правовой конструкции состава преступления ст. 310 УК РФ, предусматривающую уголовно-правовую ответственность за разглашение данных предварительного расследования [Уголовный кодекс РФ, 1996], можно прийти к выводу о её бланкетной правовой основе со ссылкой на уголовно-процессуальные нормы права. Уголовный процессуальный кодекс, в порядке ч. 2 ст. 53 устанавливает правило поведение для защитника, в виде запрета на разглашение данных предварительного расследования, которые ему стали известны в результате осуществляемой защиты, но только в случае, если он официально об этом предупрежден [Уголовно-процессуальный кодекс РФ, 2001], и у него должностным лицом осуществляющим расследование была отобрана соответствующая расписка.

Статья 161 УПК, указывает, что у участников уголовного производства отбирается подписка, в которой предупреждается о мере ответственности. Однако данная норма содержит перечень сведений и обстоятельств, на которые не распространяется запрет на придачу гласности, в виде изложения данной информации в ходатайствах и жалобах в суд или иные органы государственной власти, в том числе международные; представление сведений и информации по уголовному делу привлекаемому специалисту, при условии обязательной дачи им письменного обязательство о неразглашении полученной информации.

Таким образом, исходя из установленной нормы, в случае, если адвокату необходимо привлечь специалиста с целью разъяснения или дачи заключения по каким-либо обстоятельствам содержащихся в деле, ему необходимо подать на имя следователя мотивированное ходатайство о привлечении в дело специалиста и необходимости разглашения ему части материалов уголовного дела. Следователь, придерживающейся своей тактики направленной на раскрытие преступления и дальнейшего привлечения лица к ответственности, не вправе отказать в заявленном ходатайстве. Указанную позицию отражает Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 16 апреля 2009 года № 559-О-О, согласно которой статья 161 УПК РФ не ограничивает возможность привлечения специалистов и экспертов, приглашенных по инициативе стороны защиты, к участию в деле, а предполагает лишь право следователя предупредить их о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения, ставших им известными, данных предварительного расследования и обязанность стороны защиты назвать конкретных специалистов, о привлечении которых она ходатайствует [Определение КС РФ № 559-О-О, 2009].

Субъектами преступления предусмотренного ст. 310 УК РФ могут быть потерпевший, гражданский истец, защитник, гражданский ответчик, свидетель, эксперт, специалист, переводчик и понятой, это также отражено и в постановлении Конституционного суда РФ

[Определение КС РФ № 467-О, 2004], подтверждающего установленные законодательством ограничения с целью достижения целей предварительного расследования. Тем самым, исходя из логики действующих норм предусмотрен ряд лиц, не привлекаемых к обязанности хранения и неразглашения, данных предварительного следствия, к ним относятся: сам обвиняемый, представитель потерпевшего, гражданского истца, законные представители, представитель гражданского ответчика, поручителей, залогодателей, лиц, привлекаемых к опознанию, внешне похожих на опознаваемого. Объект преступления - общественные отношения, обеспечивающие тайну предварительного следствия и дознания. Объективная сторона выражена в действии – в виде распространения и разглашения информации и данных предварительного следствия, о которых была ранее взята подписка о неразглашении. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, то есть лицо знает, что осуществляет разглашение данных предварительного расследования, о неразглашении которых была ранее взята расписка. Таким образом, необходимо отметить, что совершение данных действий по неосторожности, в виде утери или хищения копий документов содержащих данные расследования, или же электронных технических средств и носителей информации, не содержат состава преступления предусмотренного ст. 310 УК РФ.

Для лучшего понимания действующей нормы права, необходимо провести анализ некоторых уголовных дел. Федеральная палата адвокатов и Судебный департамент не публикуют отчеты о состоянии адвокатской преступности и количестве совершаемых уголовно-правовых деяний в виде разглашения данных предварительного следствия. Однако многие из рассматриваемых дел становятся «громкими», что позволяет проанализировать сущность инкриминируемых адвокату событий преступления.

Примером может послужить дело Владимира Бузюргина [Нет события преступления, 2026]. Адвокат осуществлял защиту по громкому уголовному делу в отношении Ивана Прудникова. Органами предварительного расследования подзащитному инкриминировалось убийство несовершеннолетнего лица. Общественный резонанс и широкое медийное освещение сопровождали уголовное преследование. В ходе предварительного расследования с адвоката была взята подписка о недопустимости разглашения данных предварительного следствия.

После завершения предварительного расследования материалы дела неоднократно исследовались в открытых судебных заседаниях. Они также были исследованы при рассмотрении ходатайств о продлении меры пресечения, что фактически сделало значительную часть сведений доступной для публики согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству. В этих условиях, придерживаясь заранее утвержденной тактики защиты, Бузюргин принял участие в записи телевизионной программы «Мужское/женское», посвященной делу. Там он привел фрагменты позиции защиты и отдельные сведения из материалов дела, направленные, по его утверждению, на обоснование невиновности подзащитного.

Органы следствия квалифицировали эти высказывания как разглашение данных предварительного расследования, усмотрев в них состав преступления, предусмотренного ст. 310 УК РФ. Мировой судья судебного участка Дзержинского района г. Новосибирска, согласившись с доводами обвинения, признал Бузюргина виновным и назначил ему наказание в виде штрафа в размере 50 000 рублей, указав, что статус открытого судебного разбирательства не устраняет уголовно-правовую охрану соответствующих сведений.

Защита адвоката и Федеральная палата адвокатов расценили приговор как пример использования ст. 310 УК РФ в качестве инструмента давления на адвоката за активную

публичную защиту. Они указывали, что речь шла о данных, переставших быть «тайной следствия», и что подобная практика подрывает гарантии независимости адвокатуры и принцип состязательности сторон.

Таким образом, уголовное дело против адвоката можно назвать механизмом, с помощью которого оказывается давление за занятие активной позиции по делу. Инкриминируемое ему деяние противоречит логике процессуальной нормы права, изложенной в ч. 4 ст. 161 УПК РФ: изложение сведений по уголовному делу в ходатайствах, заявлениях, жалобах и иных процессуальных документах, а также в заявлениях и документах, подаваемых в государственные и межгосударственные органы, не является разглашением данных предварительного расследования. Эти сведения также предались огласке в рамках открытого судебного заседания. Судебная практика указывает, что «тайна следствия» существует только до окончания предварительного расследования [Постановление Второго кассационного суда, 2022].

Еще одним громким делом может послужить дело Виталия Черного [Постановление Второго кассационного суда, 2022]. Адвокат осуществлял защиту по уголовному делу в отношении высокопоставленного сотрудника ФТС России, обвиняемого во взяточничестве. При ознакомлении с материалами дела он был предупрежден следователем о недопустимости разглашения данных предварительного следствия. Чёрный получил доступ к процессуальным документам, включая справку ФСБ с расшифровкой телефонных переговоров обвиняемого, аудиозапись и таможенные декларации.

Реализуя, по собственному утверждению, право на сбор сведений, необходимых для защиты, адвокат скопировал материалы и направил их почтой в центральный аппарат ФТС России в качестве приложения к адвокатскому запросу. Целью, по версии защиты, было инициировать внутреннюю проверку действий сотрудников таможенного органа и получить дополнительные доказательства невиновности подзащитного.

Следственные органы квалифицировали эти действия как разглашение данных предварительного расследования и возбудили уголовное дело по ст. 310 УК РФ.

Мировой судья признал адвоката виновным, указав, что направление копий материалов дела без согласия следователя выходит за пределы допустимой адвокатской деятельности. Черному был назначен штраф в размере 15 000 рублей. Рассмотрение дела в вышестоящих инстанциях оставило обвинительный приговор в силе.

Данный спор стал поводом обращения подсудимым в Конституционный Суд РФ, который указал, что необоснованное предание огласке данных предварительного расследования может не только привести к нарушению прав и законных интересов граждан, в том числе участников уголовного процесса, информация о частной жизни которых, личной и семейной тайне в той или иной степени неизбежно отражается в материалах предварительного расследования, но и серьезно осложнить само производство по уголовному делу, в том числе повлечь утрату собранных по делу доказательств, создать условия для уничтожения доказательств подозреваемым или обвиняемым, позволить им скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать производству по уголовному делу. Несанкционированное распространение (разглашение) таких сведений следует рассматривать как представляющее общественную опасность [Определение КС РФ № 1246-О, 2025].

Дело показывает, что существует размытая грань между активной позицией по защите и разглашением тайны следствия. Адвокат без разрешения следователя произвел разглашение тайны, путем отправки адвокатского запроса с приложенными документами, о неразглашении

которых у него была взята расписка. Указанные действия стоит назвать ошибкой адвоката, а также недоработкой законодателя и правоприменительной практики, так как отправленные документы по своей природе невозможно охарактеризовать как жалобу, подаваемую в государственные и межгосударственные органы по защите прав и свобод человека.

Следующим примером, фиксирующим ошибку адвоката, может послужить дело Ирины Савельевой [Крутиков, 2025]. Адвокат Ульяновской области осуществляла защиту бывшего первого заместителя главы г. Ульяновска, обвиняемого в особо крупном мошенничестве. Дело имело публичный характер и рассматривалось в режиме открытого судебного разбирательства. В рамках подготовки позиции защиты Савельева привлекла специалиста-цивилиста, заключив с ним договор о неразглашении информации. Савельева передала ему копии отдельных документов из уголовного дела, по которому ранее сама дала подписку о неразглашении данных предварительного следствия.

Органы предварительного расследования расценили передачу материалов специалисту как незаконное разглашение данных предварительного расследования и возбудили уголовное дело по ст. 310 УК РФ. Они утверждали, что договор со специалистом был фиктивным.

Мировой суд не усмотрел состава преступления, так как у специалистов была отобрана расписка о неразглашении сведений. Однако вышестоящие инстанции отменили оправдательный приговор.

Дело иллюстрирует ошибку адвоката: передачу материалов дела специалисту без мотивированного ходатайства следователю о его привлечении. Расписка о неразглашении данных предварительного следствия для действующего законодательства не имеет юридической силы, что стало поводом для возбуждения уголовного дела.

Заключение

Подводя итоги, необходимо сделать некоторые выводы и предложить некоторые векторы и направления развития положений действующего законодательства. Отметим, что современные способы самопрезентации адвокатов (телевидение, социальные сети, блоги, использование ИИ для подготовки контента) объективно стали частью их профессиональной деятельности и тактики защиты, но одновременно радикально повышают риск привлечения к ответственности по ст. 310 УК РФ. Анализ правовой конструкции нормы и судебных дел Бузюргина, Чёрного и Савельевой показывает, что:

1) ст. 310 УК РФ имеет бланкетный характер и опирается на ст. 53, 161 УПК РФ, но границы «данных предварительного расследования» и момент утраты тайны на практике толкуются расширительно, зачастую в ущерб стороне защиты;

2) внутрикорпоративные акты (Кодекс профессиональной этики, Правила поведения в сети Интернет, методические рекомендации палат) в основном воспроизводят общие требования чести, достоинства и адвокатской тайны, но не дают работающих алгоритмов поведения адвоката при риске инкриминирования ст. 310 УК РФ;

3) в делах Бузюргина и Чёрного ст. 310 фактически используется как средство давления на адвоката за активную, публичную или нестандартную защиту, тогда как в деле Савельевой проявляется пробел регулирования привлечения «своих» специалистов без формального процессуального оформления.

В этих условиях необходим новый, более точный и защищающий адвоката подход:

1) нормативное уточнение объекта и пределов действия ст. 310 УК РФ (включая фиксацию,

что сведения, исследованные в открытом суде или используемые в жалобах и обращениях, не составляют разглашение тайны следствия);

2) выработка единых процессуальных алгоритмов (обязательное ходатайство о привлечении специалистов, письменное разрешение следователя на передачу материалов и т.п.), минимизирующих риск уголовного преследования.

Иначе ст. 310 УК РФ продолжит использоваться не столько для охраны интересов правосудия, сколько как механизм нейтрализации активного защитника, что подрывает независимость адвокатуры и принцип состязательности.

Библиография

1. «Кодекс профессиональной этики адвоката» (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года) (ред. от 18 апреля 2025 года).
2. «Нет события преступления» // Новости адвокатских палат. – URL: https://fparf.ru/news/law-chambers/net-sobytiya-prestupleniya/
3. «Существует четкая грань между оказанием юридической помощи и произвольным направлением копий материалов уголовного дела в государственные органы» // Новости Федеральной палаты адвокатов. – URL: https://fparf.ru/news/fpa/sushchestvuet-chetkaya-gran-mezhdu-okazaniem-yuridicheskoy-pomoshchi-i-proizvolnym-napravleniem/
4. Крутиков, И. Л. Разглашение данных предварительного расследования: дефекты законодательной техники / И. Л. Крутиков // Адвокатская практика. – 2025. – № 4. – С. 44–49.
5. Методические рекомендации адвокату при отобрании подписки о неразглашении данных предварительного расследования в порядке статьи 161 УПК РФ. Утверждено решением Совета Адвокатской палаты Новосибирской области от 31.01.2017 г. (протокол № 1) с изменениями и дополнениями, внесенными решением Совета от 30.05.2023 г. (протокол № 8) и решением Совета от 25.06.2024 г. (протокол № 9).
6. Определение Конституционного Суда РФ от 16.04.2009 № 559-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кобзаря Александра Григорьевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 г. № 467-О.
8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.05.2025 г. № 1246-О.
9. Правила поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Утверждены решением Совета ФПА РФ от 28 сентября 2016 г. (протокол № 7).
10. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22 сентября 2022 г. № 77-3157/2022.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026).
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026).

Attorney as the Subject of the Crime of Disclosing Preliminary Investigation Data

Nikita G. Serov

Postgraduate Student,
Department of Criminal Law Disciplines,
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov,
600000, 87, Gor'kogo str., Vladimir, Russian Federation;
e-mail: nikitaserov550@gmail.com

Abstract

The article examines a currently relevant problem — the commission of crimes by attorneys in the form of disclosing preliminary investigation data. The modern legal services market has long

become dependent on the internet, television, and other information resources. Almost every young attorney uses available advertising methods to promote their services: maintaining an internet blog, groups in social networks, in which they reflect the course and essence of some of their cases, especially "high-profile" ones, bringing the results of their practical activity to the public and attracting new clients, or shaping public opinion. Thereby, due to their negligence, they may commit a criminal-law act, which gives them the opportunity to find themselves in the dock. There are frequent cases, according to the position of the defense and the attorney themselves acting as the defendant, when criminal cases under this offense are initiated for the purpose of revenge for the active defense of their clients. Thus, this mechanism can be used as an artificial tool for creating obstacles for the defense, which destroys many principles and the essence of criminal proceedings. The scientific article analyzes criminal cases on the disclosure of preliminary investigation data in which the subject is an attorney; establishes the boundary between active defense and disclosure of investigation data; and examines ways and recommendations for preventing the commission of these crimes.

For citation

Serov N.G. (2026) Advokat kak sub"ekt prestupleniya o razglashenii dannykh predvaritel'nogo sledstviya [Attorney as the Subject of the Crime of Disclosing Preliminary Investigation Data]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 314-322. DOI: 10.34670/AR.2026.58.24.027

Keywords

Attorney, disclosure of preliminary investigation data, criminal liability of attorneys, secrecy of preliminary investigation, non-disclosure undertaking, prevention of crimes by attorneys, criminal proceedings, adversarial nature of the parties.

References

1. *Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on March 8, 2026)*. (2001).
2. *Code of Professional Ethics of a Lawyer (adopted by the First All-Russian Congress of Lawyers on January 31, 2003) (as amended on April 18, 2025)*. (2003).
3. *Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on February 20, 2026)*. (1996).
4. *Guidelines for a lawyer when collecting a non-disclosure pledge under Article 161 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Approved by the decision of the Council of the Novosibirsk Region Bar Association dated 31.01.2017 (Protocol No. 1) with amendments and additions made by the decision of the Council dated 30.05.2023 (Protocol No. 8) and the decision of the Council dated 25.06.2024 (Protocol No. 9)*. (2017).
5. Krutikov, I. L. (2025). Razglashenie dannykh predvaritelnogo rassledovaniya: defekty zakonodatelnoy tekhniki [Disclosure of preliminary investigation data: Defects of legislative technique]. *Advokatskaya Praktika*, (4), 44–49.
6. *"Net sobytiya prestupleniya"* ["There is no crime event"]. Novosti Advokatskikh Palat. https://fparf.ru/news/law-chambers/net-sobytiya-prestupleniya/
7. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 16.04.2009 No. 559-O-O* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 559-O-O of April 16, 2009]. (2009).
8. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 21 dekabrya 2004 g. No. 467-O* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 467-O of December 21, 2004]. (2004).
9. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 29.05.2025 g. No. 1246-O* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1246-O of May 29, 2025]. (2025).
10. *Postanovlenie Vtorogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 22 sentyabrya 2022 g. No. 77-3157/2022* [Decision of the Second Court of Cassation of General Jurisdiction No. 77-3157/2022 of September 22, 2022]. (2022).
11. *Pravila povedeniya advokatov v informatsionno-telekommunikatsionnoy seti "Internet". Utverzhdeny resheniem Soveta FPA RF ot 28 sentyabrya 2016 g. (protokol No. 7)* [Rules of conduct for lawyers in the information and

telecommunication network "Internet". Approved by the decision of the Council of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation of September 28, 2016 (Minutes No. 7)]. (2016).

12. *"Sushchestvuet chetkaya gran mezhdu okazaniem yuridicheskoy pomoshchi i proizvolnym napravleniem kopiy materialov ugolovnogo dela v gosudarstvennye organy"* ["There is a clear line between providing legal assistance and arbitrarily sending copies of criminal case materials to government agencies"]. Novosti Federalnoy Palaty Advokatov. https://fparf.ru/news/fpa/sushchestvuet-chetkaya-gran-mezhdu-okazaniem-yuridicheskoy-pomoshchi-i-proizvolnym-napravleniem/

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.82.99.028**

Взрывотехническая экспертиза в механизме противодействия преступлениям: современные вызовы и пути совершенствования

Милаева Майя Юрьевна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра безопасность в цифровом мире,
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет),
105005, Российская Федерация, Москва, 2-я Бауманская ул., 5/ 1;
e-mail: milaeva-bmstu@mail.ru

Соколов Максим Юрьевич

Студент,
кафедра безопасность в цифровом мире,
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет),
105005, Российская Федерация, Москва, 2-я Бауманская ул., 5/ 1;
e-mail: 25082006ms@gmail.com

Аннотация

Данная работа посвящена криминологическому и уголовно-правовому анализу преступлений, связанных с применением взрывчатых веществ и взрывных устройств в Российской Федерации. На основе данных судебной статистики за 2020–2024 гг. установлено, что число осуждённых по статье 222.1 Уголовного кодекса Российской Федерации выросло более чем на 53%. Данная тенденция обусловлена ухудшением криминогенной обстановки, характеризующейся переходом к самодельным взрывным устройствам, компоненты для которых общедоступны, а инструкции по сборке распространены в сети. Особое внимание уделено пробелам взрывотехнической экспертизы — отсутствию стандартизированных методик идентификации уникальных СВУ, что затрудняет процесс расследования. Анализируется фрагментарность правового регулирования в сфере взрывотехнической экспертизы. Предлагается принять Федеральный закон «Об основах государственной судебно-взрывотехнической деятельности» и ввести новую ст. 223.2 УК РФ с градацией ответственности по мощности СВУ, их конструктивным особенностям и компонентам двойного назначения. Комплексный подход с использованием неразрушающих технологий (СТ-томография) и федеральных учебных центров повысит эффективность правоприменения и обеспечит правопорядок.

Для цитирования в научных исследованиях

Милаева М.Ю., Соколов М.Ю. Взрывотехническая экспертиза в механизме противодействия преступлениям: современные вызовы и пути совершенствования // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 323-333. DOI: 10.34670/AR.2026.82.99.028

Ключевые слова

Взрывотехническая экспертиза, самодельные взрывные устройства, уголовно-правовая квалификация, неразрушающие технологии, правовое регулирование, судебная экспертиза, криминогенная обстановка.

Введение

В современном мире, где преступная деятельность неуклонно растёт, а технологии развиваются с невероятной скоростью, вопросы безопасности и правопорядка становятся приоритетными.

В Российской Федерации правовую основу противодействию преступным деяниям, связанным с применением взрывчатых веществ и устройств, составляют Уголовный кодекс РФ, Постановления Пленума Верховного Суда, а также общепризнанные принципы и нормы международного права.

Одним из ключевых инструментов в борьбе с преступностью является назначение и применение взрывотехнической экспертизы. Эта область исследования предоставляет уникальные возможности для анализа причин, механизмов и последствий взрыва.

Современная криминогенная обстановка характеризуется устойчивым ростом преступлений, связанных с применением взрывчатых веществ, что подтверждается статистическими данными судебной статистики (Рис. 1).

Если в 2020 году было осуждено 1451 человек, то в 2024 году этот показатель достиг 2222 человек (Рис. 1). Таким образом, за пятилетний период прирост составил более 53%. Иными словами, количество осуждённых увеличилось более чем в 1,5 раз. Данный прирост наблюдается ежегодно, без каких-либо случаев снижения показателя. Это говорит не о случайных колебаниях, а о сформировавшейся устойчивой тенденции к увеличению числа таких преступлений.

Примечание — Источник: Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. — URL: https://stat.апи-пресс.рф/

Рисунок 1 – Статистика осуждённых за преступления, связанные с применением взрывных веществ и взрывных устройств (ст. 222.1 УК РФ) в 2020–2024 гг

Такая негативная статистика — следствие сочетания двух факторов:

1) Первый фактор связан с объективным усложнением криминогенной обстановки. Преступники и террористические группы все чаще переходят от использования стандартных промышленных взрывчатых веществ к самодельным взрывным устройствам (СВУ). Компоненты для них доступны, а инструкции по сборке распространены в сети. Это расширяет круг лиц, способных совершить такое преступление.

2) Второй фактор напрямую связан с проблемами взрывотехнической экспертизы. Из-за уникальности конструкции каждого СВУ экспертам становится все сложнее оперативно и точно идентифицировать все элементы устройства.

Особую тревогу вызывает трансформация методов преступной деятельности, где импровизированные устройства становятся инструментом не только для совершения терроризма, но и для организованной преступности. Это требует переосмысления роли взрывотехнической экспертизы как основного механизма идентификации и анализа взрывных устройств в контексте оперативно-следственной деятельности. Глобальный контекст проблемы подчеркивает ее системный характер: по данным УНП ООН, 68% терактов в 2021-2023 гг. были совершены с применением нестандартных взрывных устройств, что осложняет их своевременное обнаружение и экспертизу. В России аналогичная ситуация наблюдается в делах, связанных с диверсиями на инфраструктурных объектах, где отсутствие единых методик исследования СВУ приводит к затягиванию расследований. Сложившаяся ситуация актуализирует необходимость совершенствования как экспертных методик, так и их правового обеспечения в рамках уголовного законодательства.

Основная часть

Историческое развитие взрывотехнической экспертизы началось с простого визуального осмотра мест происшествий. На ранних этапах специалисты ограничивались фиксацией внешних признаков взрывов и сбором вещественных доказательств. Эти методы не позволяли установить точные характеристики взрывчатых веществ и параметры детонации. С развитием науки произошел переход к лабораторным исследованиям с применением спектрального анализа и хроматографии. Данные методики позволили идентифицировать химический состав взрывчатых веществ по микрочастицам. Точность исследований повысилась за счет внедрения стандартизированных протоколов испытаний. Современный этап характеризуется использованием компьютерного моделирования взрывных процессов и трехмерной реконструкции событий. «В имеющейся на сегодняшний день научно-технической литературе отсутствует четкий, систематизированный подход к проблеме дифференциации природы взрывов, специфике проведения их осмотров в различных ситуациях [Тилеубергенов, 2011, с. 253]». Это требует дальнейшей разработки унифицированных алгоритмов анализа.

Экспертные заключения приобрели статус ключевого доказательства в уголовных делах о преступлениях с использованием взрывчатых веществ. Их процессуальная значимость закреплена в нормах УПК РФ, определяющих порядок назначения и оценки экспертиз. Результаты исследований влияют на квалификацию деяний и меру ответственности обвиняемых.

В контексте возрастания роли взрывотехнической экспертизы особое значение приобретает анализ самого феномена преступлений, совершаемых с использованием взрывчатых веществ и устройств [Кубышкина, 2024].

Современные преступления с применением взрывчатых веществ отличаются разнообразием целевой направленности. Наиболее опасными остаются террористические акты, направленные на дестабилизацию общества и устрашение населения. Диверсионные акты преследуют цели нарушения работы критически важных объектов инфраструктуры. Отдельную категорию составляют преступления в рамках криминальных разборок и акты вандализма, имеющие локальный характер воздействия. Анализ оперативной обстановки показывает устойчивую корреляцию между типом преступления и используемыми взрывными устройствами. Террористические акты чаще сопровождаются применением мощных промышленных взрывчатых веществ сложной конструкции. Криминальные разборки характеризуются использованием менее мощных устройств точечного воздействия. Акты вандализма преимущественно осуществляются с помощью простейших пиротехнических средств или самодельных взрывных устройств малой мощности.

Организованные преступные группировки активно используют промышленные взрывчатые вещества для решения конфликтов в экономической сфере. Данные вещества применяются для физического устранения конкурентов, разрушения коммерческой недвижимости или оказания давления на бизнес-структуры. Высокая мощность и стандартизированный состав промышленных взрывчаток позволяют преступникам точно прогнозировать последствия своих действий.

Особую тревогу вызывает распространение кустарных взрывных устройств в молодежной среде и локальных конфликтах. Доступность бытовых химикатов и рецептов изготовления из интернета способствует росту числа таких инцидентов. Экстремистски настроенные группы используют подобные устройства для совершения символических актов насилия, не требующих специальной подготовки. Данная тенденция требует усиления контроля за оборотом химических компонентов двойного назначения, что упростит задачу специалистам в области судебно-взрывотехнической экспертизы и позволит оперативно идентифицировать источники угроз.

Указанное многообразие форм криминального использования взрывчатых веществ напрямую ставит перед экспертами сложнейшую задачу — разработку эффективных методов идентификации и исследования устройств, не имеющих промышленного происхождения, то есть самодельных.

Идентификация самодельных взрывных устройств затруднена высокой вариативностью конструктивных решений, что снижает применимость стандартных экспертных методик. Отсутствие типовых образцов и унифицированных процедур ведёт к разрыву сопоставимости результатов между различными экспертными учреждениями. Наличие уникальных материалов и нетиповых соединений требует адаптации методов визуального, химического и механического анализа. Это обусловливает необходимость разработки единых критериев оценки и стандартизированных протоколов.

Устройства с комбинированными поражающими элементами и нестандартными инициаторами сочетают в себе разнообразные физические и химические компоненты, что усложняет выбор метода исследования. Применение электрических схем, пиротехнических зарядов и нестандартных химических веществ требует комплексного подхода, включающего междисциплинарные методики. Традиционные разрушительные способы исследования зачастую приводят к утрате ключевых следов при комбинированных конструкциях. Это создаёт повышенные требования к разработке специфичных протоколов, учитывающих сложную внутреннюю структуру устройств. Разработка специальных протоколов должна предусматривать методы, позволяющие сохранять объект и извлекать данные без его полного

разрушения. Такие протоколы должны интегрировать безопасные методы нейтрализации, неразрушающие аналитические технологии и требования к последовательности операций. Критериями эффективности таких протоколов являются воспроизводимость, определяемость и совместимость межлабораторных практик. Валидация методик и обучение экспертов обеспечат сопоставимость результатов и уменьшение судебно-экспертных споров. Нормативное оформление протоколов и их включение в методические рекомендации усилит роль экспертизы в расследовании преступлений с применением самодельных устройств.

Конкретным решением проблемы идентификации самодельных взрывных устройств может стать внедрение зарубежных методик неразрушающего контроля (NDT), таких как компьютерная томография (CT) и рентгеновская визуализация, успешно применяемых ФБР (Federal Bureau of Investigation, FBI) и Европолом (Europol) для анализа СВУ без разрушения объекта. Эти подходы интегрируются в стандартизированные протоколы по ISO 17025, обеспечивая воспроизводимость и межлабораторную совместимость

Однако эффективность даже самых совершенных методических разработок остается нереализованной, если они не обеспечены надлежащим правовым фундаментом. Именно здесь обнаруживается ключевое противоречие: объективная потребность в применении современных экспертных подходов вступает в конфликт с фрагментарностью и несистемностью их законодательного закрепления. Анализ действующего правового регулирования показывает, что техническая эволюция взрывотехнической экспертизы не получила адекватного отражения в нормативной базе, что порождает серьезные препятствия как для самой экспертной деятельности, так и для последующей уголовно-правовой квалификации.

Действующее законодательство Российской Федерации в сфере взрывотехнической экспертизы характеризуется фрагментарностью и отсутствием системного подхода. Регулирование данной области осуществляется посредством разрозненных норм Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности», ведомственных приказов МВД и отдельных положений Уголовного кодекса. Отсутствие единого кодифицированного акта, определяющего порядок назначения, проведения и оценки результатов взрывотехнических исследований, создаёт правовые коллизии в экспертной практике. Данная ситуация осложняет взаимодействие между следственными органами и экспертными учреждениями при расследовании преступлений, связанных с применением взрывчатых веществ.

Для устранения выявленной фрагментарности и системных пробелов в правовом регулировании взрывотехнической экспертизы представляется необходимым принятие единого кодифицированного акта — Федерального закона «Об основах государственной судебно-взрывотехнической деятельности в Российской Федерации». Такой закон должен объединить разрозненные нормы, содержащиеся в ведомственных приказах, УПК РФ и Федеральном законе № 73-ФЗ, и установить:

1. Унифицированные стандарты назначения и проведения взрывотехнических экспертиз, включая обязательные требования к методикам исследования, пробоподготовке, документированию и оценке результатов, что позволит устранить ведомственные различия и обеспечить единообразие экспертной практики на всей территории страны.

2. Четкую процессуальную регламентацию взаимодействия между следственными органами, оперативными подразделениями и экспертными учреждениями, включая порядок передачи вещественных доказательств, сроки выполнения экспертиз, а также алгоритмы совместных действий при осмотре места происшествия с участием взрывотехников.

3. Легальные определения и классификации современных видов взрывчатых веществ, самодельных взрывных устройств (СВУ), компонентов двойного назначения и систем

цифрового управления, что позволит преодолеть несоответствие законодательных дефиниций технологическим реалиям.

4. Обязательные требования к оснащению экспертных лабораторий, включая перечень минимально необходимого аналитического оборудования (спектрометры, хроматографы, неразрушающие средства контроля), а также стандарты валидации методик и межлабораторных сличений.

5. Механизмы создания и ведения единой федеральной базы данных результатов взрывотехнических исследований, эталонных спектральных и хроматографических профилей взрывчатых веществ, а также образцов СВУ, что обеспечит накопление, систематизацию и оперативный обмен криминалистически значимой информацией между экспертными учреждениями и правоохранительными органами.

Реализация указанного законодательного решения позволит не только устранить правовые коллизии и повысить достоверность экспертных заключений, но и создать прочную нормативную основу для внедрения инновационных методик, включая неразрушающие технологии исследования и нейросетевой анализ, что в конечном итоге повысит эффективность противодействия преступлениям, связанным с применением взрывчатых веществ и устройств.

Актуальной проблемой остаётся несоответствие законодательных дефиниций современным видам взрывчатых веществ и технологиям изготовления самодельных взрывных устройств (СВУ). Уголовный кодекс РФ и подзаконные акты содержат устаревшие классификации, не учитывающие появление новых видов промышленных взрывчатых материалов, а также комбинированных устройств с элементами цифрового управления. Отсутствие правовых критериев для отнесения таких объектов к категории запрещённых веществ затрудняет их однозначную правовую оценку в ходе предварительного следствия. Особую сложность представляет классификация гибридных СВУ, сочетающих традиционные взрывчатые вещества с компонентами бытовой электроники или химическими реагентами двойного назначения. Действующие нормы не содержат чётких признаков для разграничения таких устройств от предметов хозяйственного или промышленного использования. Это создаёт предпосылки для ошибочной квалификации действий лиц, причастных к их изготовлению или применению.

Наряду с выявленными проблемами, существенные недостатки присущи и механизмам уголовно-правовой квалификации [Зейналбдыева; Курилова; Погребенко, 2024]. Действующие статьи УК РФ, в частности ст. 222.1 и 223.1, рассматривают преступления с применением самодельных взрывных устройств без учета их разрушительной мощности и конструктивных особенностей. Такая нормативная унификация приводит к одинаковой юридической оценке деяний, существенно отличающихся по опасности и по вероятности наступления общественно вредных последствий. Отсутствие градации ответственности затрудняет соизмерение наказания с реальным риском, создаваемым конкретным СВУ.

Учитывая выявленные системные недостатки, представляется необходимым коренное изменение уголовного законодательства в исследуемой сфере. В этой связи предлагается введение отдельной статьи 223.2 УК РФ, устанавливающей ответственность за незаконное изготовление, хранение и сбыт самодельных взрывных устройств (СВУ). Введение самостоятельной нормы направлено на устранение обнаруженных пробелов в действующем законодательстве и на создание правового основания для квалификации соответствующих деяний.

Предлагается следующая редакция статьи 223.2 УК РФ:

Статья 223.2. Незаконное изготовление, хранение или сбыт самодельных взрывных

устройств

1. Незаконное изготовление, хранение или сбыт самодельных взрывных устройств (далее — СВУ) низкой мощности (эквивалент менее 0,5 кг тротила, контактный способ приведения в действие без поражающих элементов) —

наказывается лишением свободы на срок до 4 лет со штрафом в размере до 200 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев либо обязательными работами на срок до 480 часов.

2. Те же деяния, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) с использованием СВУ средней мощности (эквивалент 0,5–5 кг тротила или дистанционный/таймерный способ приведения в действие);

в) с использованием компонентов двойного назначения или бытовой электроники для создания гибридных конструкций, —

наказываются лишением свободы на срок от 4 до 8 лет со штрафом в размере от 200 до 500 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 18 месяцев до 2 лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершены:

а) организованной группой;

б) с использованием СВУ высокой мощности (эквивалент свыше 5 кг тротила, наличие поражающих элементов или инженерных усовершенствований);

в) с применением компонентов цифрового управления (микроконтроллеры, радиомодули, GSM-модули, обеспечивающие дистанционный контроль, программируемость или автоматизированное приведение в действие);

г) в целях подготовки иного тяжкого преступления, —

наказываются лишением свободы на срок от 8 до 15 лет со штрафом в размере от 500 тысяч до 1 миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 2 до 3 лет.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, смерть человека или иные тяжкие последствия, —

наказываются лишением свободы на срок от 12 до 20 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет либо пожизненным лишением свободы.

Под самодельными взрывными устройствами понимаются не промышленные изделия, содержащие взрывчатые вещества, смеси или реагенты двойного назначения, способные к детонации или взрыву, изготовленные без соответствующего разрешения. Мощность заряда определяется взрывотехнической экспертизой в тротиловом эквиваленте; способ приведения в действие — контактный, дистанционный, таймерный или иной; конструктивные особенности включают наличие поражающих элементов, цифровых компонентов или комбинаций с бытовой электроникой. Критерии градации подлежат установлению в ходе судебно-экспертного исследования в соответствии с унифицированными протоколами.

Таким образом, предлагаемая редакция статьи 223.2 УК РФ создает недостающее нормативное основание для дифференцированной уголовно-правовой оценки деяний с учетом реальной общественной опасности конкретных СВУ. Однако эффективность любой, даже самой совершенной законодательной конструкции, напрямую зависит от качества ее правоприменения, которое, в свою очередь, определяется уровнем профессиональной

подготовки лиц, участвующих в обнаружении, фиксации, изъятии и исследовании взрывных устройств. Внедрение новых квалифицирующих признаков, основанных на технических характеристиках СВУ, требует от следователей, оперативных сотрудников и экспертов не только глубоких знаний в области взрывотехники, но и навыков работы с современным оборудованием, а также умения грамотно взаимодействовать в рамках межведомственных процедур. Следовательно, системная модернизация правового регулирования неизбежно должна сопровождаться качественным обновлением системы подготовки кадров, обеспечивающей формирование компетенций, адекватных современным вызовам.

Совершенствование подготовки экспертов-взрывотехников целесообразно осуществлять через создание специализированных учебных центров при МВД и Следственном комитете России, где будут реализованы унифицированные программы подготовки и переподготовки. «В результате проводимых с 2004 г. следственным управление прокуратуры УР, а с 2007 г. – Следственным управлением СК России по УР выездных практических учебных занятий с участием оперативных работников СУ СКР, МВД, ГУ МЧС и УФСБ Удмуртии следователи получили необходимые знания по специфике осмотра места происшествия после взрывов и террористических актов. Кроме того, для проведения занятий привлекались специалисты других подразделений [Соболев, 2015, с.154].» Масштабирование описанного опыта в виде постоянно действующих федеральных центров обеспечит системность подготовки, межведомственное взаимодействие и устойчивое повышение квалификации экспертов.

Заключение

Взрывотехническая экспертиза выступает ключевым механизмом противодействия преступлениям с применением взрывчатых веществ, эффективность которого определяется сочетанием современных методик, надежного правового регулирования и квалифицированных кадров. Выявленный рост таких преступлений на 53% за 2020–2024 гг. обусловлен усложнением криминогенной обстановки и пробелами в идентификации самодельных взрывных устройств (СВУ), усугубляемыми фрагментарностью законодательства и устаревшими нормами УК РФ.

Предложенные решения — внедрение неразрушающих технологий NDT (CT-томография, рентгеновская визуализация) по стандартам ISO 17025, разработка Федерального закона «Об основах государственной судебно-взрывотехнической деятельности» и введение ст. 223.2 УК РФ с градацией ответственности по мощности СВУ и конструктивным особенностям — позволят устранить системные недостатки, обеспечить единообразие экспертной практики и дифференциацию наказания в соответствии с реальной общественной опасностью.

Создание федеральных учебных центров при МВД и СКР с унифицированными программами подготовки экспертов обеспечит межведомственное взаимодействие и профессиональную компетентность, необходимую для реализации инновационных подходов. Комплексная реализация этих мер повысит оперативность расследований, достоверность доказательств и роль экспертизы в укреплении правопорядка, способствуя снижению криминальной угрозы в условиях технологической трансформации преступности.

Библиография

1. Бийгишиева, Д. Ш. К вопросу об укреплении межгосударственного сотрудничества в сфере противодействия международному терроризму / Д. Ш. Бийгишиева, М. М. Омарова // Закон и право. – 2019. – № 3. – С. 96–98.
2. Гамидов, Р. Т. Законодательный опыт противодействия террористической деятельности (на примере ряда стран) / Р. Т. Гамидов // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 7. – С. 28–32.

3. Зейналбдыева, А. В. Некоторые проблемные вопросы квалификации преступлений в сфере незаконного оборота оружия / А. В. Зейналбдыева, Е. Н. Курилова, Ю. Н. Погребенко // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 3. – С. 120–124.
4. Князева, Н. А. К вопросу о трудностях квалификации преступлений в сфере незаконного оборота оружия / Н. А. Князева // Национальная безопасность. – 2016. – № 5. – С. 627–631.
5. Кубышкина, Н. Н. Значение криминалистической характеристики преступлений, выражающихся в незаконном обороте взрывчатых веществ и взрывных устройств / Н. Н. Кубышкина // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – № 3. – С. 99–107.
6. Москаленко, В. Н. О положительном опыте использования возможностей взрывотехнической лаборатории экспертно-криминалистического центра Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в раскрытии и расследовании преступлений террористической направленности / В. Н. Москаленко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3. – С. 153–161.
7. Соболев, С. В. Криминалистические аспекты первоначального этапа расследования преступлений террористической направленности, связанных с использованием взрывных устройств / С. В. Соболев // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2015. – № 2. – С. 153–156.
8. Судебная статистика РФ. – URL: https://stat.api-пресс.рф/
9. Тилеубергенов, Е. М. Способы доказательства в юридическом процессе: осмотр места происшествия / Е. М. Тилеубергенов // Известия вузов. – 2011. – № 5. – С. 253–255.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 26.07.2026).
12. Феоктистов, М. С. Проблемы уголовно-правовых конструкций составов преступлений террористического и экстремистского характера в социальных сетях / М. С. Феоктистов // Studarcic forum. – 2023. – № 3. – С. 72–79.
13. Филиппова, Е. О. Противодействие незаконному обороту оружия / Е. О. Филиппова, О. В. Журкина // Вопросы российского и международного права. – 2021. – № 10. – С. 139–149.
14. Хусанов, А. Д. Взрывотехническая экспертиза в уголовном процессе Узбекистана: правовой и криминалистический анализ / А. Д. Хусанов, М. А. Сабуров // Tadqiqotlar jahon ilmiy – metodik jurnali. – 2025. – № 75. – С. 182–186.
15. Шаров, К. В. Противодействие незаконному обороту оружия в Российской Федерации / К. В. Шаров // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. – 2019. – № 1. – С. 191–198.
16. Шевченко, А. П. Практический анализ взрывной аварии с паровоздушной смесью сложных углеводородов / А. П. Шевченко // Сибирский пожарно-спасательный вестник. – 2025. – № 4. – С. 227–236.

Forensic Explosive Examination in the Mechanism of Counteracting Crimes: Modern Challenges and Ways of Improvement

Maiya Yu. Milaeva

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Security in the Digital World,
Bauman Moscow State Technical University (National Research University),
105005, 5/1, 2nd Baumanskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: milaeva-bmstu@mail.ru

Maksim Yu. Sokolov

Student,
Department of Security in the Digital World,
Bauman Moscow State Technical University (National Research University),
105005, 5/1, 2nd Baumanskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 25082006ms@gmail.com

Abstract

This work is devoted to the criminological and criminal-law analysis of crimes related to the use of explosives and explosive devices in the Russian Federation. Based on judicial statistics data for 2020–2024, it has been established that the number of persons convicted under Article 222.1 of the Criminal Code of the Russian Federation increased by more than 53%. This trend is conditioned by the deterioration of the criminogenic situation, characterized by a transition to homemade explosive devices, the components for which are publicly available, and assembly instructions are widespread online. Particular attention is paid to the gaps in forensic explosive examination — the absence of standardized methodologies for identifying unique homemade explosive devices, which complicates the investigation process. The fragmentariness of legal regulation in the sphere of forensic explosive examination is analyzed. It is proposed to adopt the Federal Law "On the Fundamentals of State Forensic Explosive Activity" and to introduce a new Art. 223.2 of the Criminal Code of the Russian Federation with a gradation of liability by the power of homemade explosive devices, their design features, and dual-use components. An integrated approach using non-destructive technologies (CT tomography) and federal training centers will increase the effectiveness of law enforcement and ensure law and order.

For citation

Milaeva M.Yu., Sokolov M.Yu. (2026) Vzryvotekhnicheskaya ekspertiza v mekhanizme protivodeystviya prestupleniyam: sovremennye vyzovy i puti sovershenstvovaniya [Forensic Explosive Examination in the Mechanism of Counteracting Crimes: Modern Challenges and Ways of Improvement]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 323-333. DOI: 10.34670/AR.2026.82.99.028

Keywords

Forensic explosive examination, homemade explosive devices, criminal-law qualification, non-destructive technologies, legal regulation, forensic examination, criminogenic situation.

References

1. Biyishieva, D. Sh., & Omarova, M. M. (2019). K voprosu ob ukreplenii mezhgosudarstvennogo sotrudnichestva v sfere protivodeystviya mezhdunarodnomu terrorizmu [On strengthening interstate cooperation in countering international terrorism]. *Zakon i Pravo*, (3), 96–98.
2. *Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on July 26, 2026)*. (1996).
3. *Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on July 26, 2026)*. (2001).
4. Feoktistov, M. S. (2023). Problemy ugolovno-pravovykh konstruktsiy sostavov prestupleniy terroristicheskogo i ekstremistskogo kharaktera v sotsialnykh setyakh [Issues regarding the criminal-law definitions of terrorist and extremist offenses committed via social networks]. *Studarcic Forum*, (3), 72–79.
5. Filippova, E. O., & Zhurkina, O. V. (2021). Protivodeystvie nezakonnomu oborotu oruzhiya [Countering the illicit arms trade]. *Voprosy Rossiyskogo i Mezhdunarodnogo Prava*, (10), 139–149.
6. Gamidov, R. T. (2016). Zakonodatelny opyt protivodeystviya terroristicheskoy deyatelnosti (na primere ryada stran) [Legislative experience in countering terrorist activities (case studies of selected countries)]. *Probely v Rossiyskom Zakonodatelstve*, (7), 28–32.
7. Khusanov, A. D., & Saburov, M. A. (2025). Vzryvotekhnicheskaya ekspertiza v ugolovnom protsesse Uzbekistana: pravovoy i kriminalisticheskiy analiz [Explosives forensic analysis in criminal proceedings in Uzbekistan: Legislation and forensic examination]. *Tadqiqotlar Jahon Ilmiy-Metodik Jurnali*, (75), 182–186.
8. Knyazeva, N. A. (2016). K voprosu o trudnostyakh kvalifikatsii prestupleniy v sfere nezakonnogo oborota oruzhiya [On the specifics of qualifying crimes related to the legal arms trade]. *Natsionalnaya Bezopasnost*, (5), 627–631.
9. Kubyshkina, N. N. (2024). Znachenie kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy, vyrazhayushchikhsya v

nezakonnom oborote vzryvchatykh veshchestv i vzryvnykh ustroystv [The significance of the forensic characteristics of an explosive charge in the context of the actual circulation of explosives and explosive devices]. *Kriminalistika: Vchera, Segodnya, Zavtra*, (3), 99–107.
10. Moskalenko, V. N. (2021). O polozhitelnom opyte ispolzovaniya vozmozhnostey vzryvotekhnicheskoy laboratorii ekspertno-kriminalisticheskogo tsentra Glavnogo upravleniya MVD Rossii po g. Sankt-Peterburgu i Leningradskoy oblasti v raskrytii i rassledovanii prestupleniy terroristicheskoy napravlennosti [On the positive experience of utilizing the capabilities of the explosives laboratory of the Forensic Center (Main Directorate of the Russian Interior Ministry for St. Petersburg and the Leningrad Region) in solving and investigating terrorist-related crimes]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii*, (3), 153–161.
11. Sharov, K. V. (2019). Protivodeystvie nezakonnomu oborotu oruzhiya v Rossiyskoy Federatsii [Countering the illicit arms trade in the Russian Federation]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, (1), 191–198.
12. Shevchenko, A. P. (2025). Prakticheskiy analiz vzryvnoy avarii s parovozdushnoy smesyu slozhnykh uglevodorodov [Practical analysis of an explosion involving a vapor-air mixture of complex hydrocarbons]. *Sibirskiy Pozharno-Spasatelnyy Vestnik*, (4), 227–236.
13. Sobolev, S. V. (2015). Kriminalisticheskie aspekty pervonachalnogo etapa rassledovaniya prestupleniy terroristicheskoy napravlennosti, svyazannykh s ispolzovaniem vzryvnykh ustroystv [Forensic aspects of the initial stages of terrorist-related crimes involving the use of explosive devices]. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Ekonomika i Pravo*, (2), 153–156.
14. *Sudebnaya statistika RF* [Judicial statistics of the Russian Federation]. https://stat.api-press.rf/
15. Tileubergenov, E. M. (2011). Sposoby dokazatelstva v yuridicheskom protsesse: osmotr mesta proisshestviya [Methods of proof in legal proceedings: Crime scene examination]. *Izvestiya Vuzov*, (5), 253–255.
16. Zeynalbdyeva, A. V., Kurilova, E. N., & Pogrebenko, Yu. N. (2024). Nekotorye problemnye voprosy kvalifikatsii prestupleniy v sfere nezakonnogo oborota oruzhiya [Certain problematic issues regarding the consequences of the legal arms trade]. *Vestnik Ekonomiki, Prava i Sotsiologii*, (3), 120–124.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.90.32.029**

Специфика мошенничества с использованием электронных средств платежа

Шикула Ильмира Рифкатьевна

Доктор юридических наук, доцент,
профессор Департамента методики преподавания
социальных и гуманитарных наук Института гуманитарных наук,
Московский городской педагогический университет,
профессор кафедры гражданского и уголовного права и процесса,
Московский международный университет,
129226, Российская Федерация, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4;
e-mail: ila.vnii@mail.ru

Смоляр Максим Борисович

Аспирант,
кафедра уголовно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 80;
e-mail: maxim3533537@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу мошенничества с использованием электронных платежных средств как специфической формы преступлений в сфере экономической деятельности, обусловленной развитием цифровых технологий и широким внедрением в повседневную жизнь безналичных форм расчетов. Определяются признаки, выделяющие данную разновидность преступлений среди других форм хищения: обман или злоупотребление доверием, использование технических средств и информационных технологий, неочевидность противоправного изъятия имущества, наличие высокой степени организованности и планомерности действий преступников и т. д. Авторы приходят к выводу о необходимости совершенствования как теоретического понимания данного вида преступлений, так и практического подхода к их квалификации.

Для цитирования в научных исследованиях

Шикула И.Р., Смоляр М.Б. Специфика мошенничества с использованием электронных средств платежа // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 334-340. DOI: 10.34670/AR.2026.90.32.029

Ключевые слова

Мошенничество, электронные средства платежа, цифровая безопасность, кибермошенничество, банковские карты, мобильные приложения, управление рисками, методология исследования.

Введение

Мошенничество с применением средств электронного платежа представляет собой сложный правовой и технологический элемент правоотношений, требующий анализа на стыке уголовного, финансового и информационного права, общественная опасность данного явления заключается не только в имущественных потерях граждан, но и в подрыве доверия к банковской системе, электронным платёжным инструментам и государственным мерам по обеспечению цифровой безопасности.

Не менее значимым является и социальный аспект проблемы. Наиболее уязвимыми жертвами кибермошенников становятся лица пожилого возраста, несовершеннолетние и граждане с низким уровнем цифровой грамотности. Эти категории населения не всегда способны распознать угрозы, связанные с передачей личных данных или выполнением финансовых операций через интернет, что требует разработки особых профилактических и образовательных мер.

Следует отметить и институциональный аспект — взаимодействие правоохранительных органов, Банка России, кредитных организаций и операторов платёжных систем в вопросах выявления и пресечения подобных преступлений остаётся недостаточно отлаженным. Не во всех случаях обеспечивается оперативная передача информации о подозрительных транзакциях, а существующие механизмы блокировки средств не всегда позволяют эффективно вернуть похищенные суммы потерпевшим.

Основная часть

Мошенничество с использованием электронных средств платежа представляет собой сложный межотраслевой феномен, находящийся на стыке финансово-правовых и уголовно-правовых отношений. Преступное посягательство направлено не на материальные носители денег, а на право распоряжения ими посредством электронного инструмента, что отражает трансформацию классических представлений о собственности и её защите в условиях цифровой экономики.

Главная специфика электронных средств платежа заключается в их двойственной сущности, технической и юридической. С одной стороны, ЭСП представляют собой технологические решения, которые включают в себя банковские карты, мобильные приложения, виртуальные кошельки и т.д, обеспечивающие идентификацию клиента и передачу распоряжений о переводе денежных средств. С другой стороны, они выступают юридическим инструментом, посредством которого реализуются имущественные права участников гражданского оборота.

Эта двойственность обуславливает особую правовую природу ЭСП - они не являются самостоятельным имущественным благом, а выступают способом реализации прав и обязанностей сторон по обязательствам, вытекающим из договоров банковского счёта, займа, купли-продажи и иных гражданско-правовых сделок.

Электронные средства платежа приобрели универсальный характер, охватывая практически все сферы экономической и социальной жизни. Сегодня они используются при оплате товаров и услуг, исполнении платежей, переводах между физическими лицами, и в целом в сфере электронной коммерции. Рост доступности цифровых технологий и развитие мобильных банковских приложений привели к тому, что ЭСП стали основным инструментом расчётов для большинства граждан. Электронные средства платежа могут использоваться на базе персональных компьютеров, смартфонов, многоцелевых электронных киосков и платежных

терминалов [Карнушин, 2017]. При этом динамика показывает устойчивую тенденцию к снижению доли наличных платежей и переходу к безналичному обороту.

В настоящий момент банковский счет представляет собой: «учетную запись в системе банка, создаваемую на основании заключения договора банковского счета» [Буравцова, 2019]. При этом имеющееся у каждого человека техническое устройство и (или) одно из множеств таких устройств, представляет собой «ключ», то есть предмет/объект, с помощью которого осуществляется доступ к денежным средствам [Яни, 2019].

При этом существует также понимание, что банковская карта представляет собой документ, выдаваемый кредитной организацией в подтверждение размещения на банковском счете денежных средств в указанной в договоре валюте [Кредитные организации в России, 2006]

В свою очередь электронные платежи понимаются как: «способ оплаты товаров и услуг с помощью электронных методов» [Елфимова; Малиева, 2025], сделки с которыми происходят и использованием электронных денежных средств (далее ЭДС), под которыми в широком смысле понимаются те же денежные средства, операции по которыми происходят с помощью электронных методов, при этом без открытия банковского счета, для исполнения денежных обязательств лица [Инструкция Банка России № 153-И, 2014].

Особенность данного формата денежных операций в том, что электронные денежные средства записываются на виртуальный счет в системе электронных денежных переводов, а не на банковский счет физического лица [Обзор популярных электронных платежных систем, 2020]. При этом электронные деньги в данном случае понимаются как числа или файлы, содержащие денежные обязательства, которые выполняют функции денежных знаков [Крылов, 2018].

Также, говоря про эффективность и удобство осуществления подобных операций: «распоряжение денежными средствами может осуществляться как с помощью электронных расчетных документов, так и документов, удостоверенных с помощью электронных средств платежа» [Криворучко; Лопатин, 2013]. В свою очередь, стоимость самих электронных денег эквивалентна реальным. Пользователи могут иметь средства на счетах своего электронного кошелька в любое время, оплачивать покупки и услуги [Лалаян, 2020]. Также большинство операций, если заранее не наложены определённые ограничения со стороны закона, могут быть совершены без привязки к конкретному региону или стране [Technologies in Payments, 2000].

К достоинствам расчетов с использованием электронных средств платежа также необходимо отнести тот факт, что операции по ним проходят мгновенно и в большинстве случаев, если иное не предусмотрено договором или законом, не требуют физического подтверждения третьих лиц [Электронные платежные системы в России, www], а также

в отличие от электронных денег наличные подвергаются физическому износу [Электронные деньги, www].

Основополагающим нормативным актом, закрепляющим понятие электронного средства платежа, является Федеральный закон от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе». В соответствии с пунктом 19 статьи 3 под электронное средство платежа понимаются как средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения на перевод денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчётов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платёжных карт, а также иных технических устройств. Таким образом, ЭСП рассматриваются как инструмент, обеспечивающий составление и передачу распоряжений о переводе денежных средств.

Правовой статус электронных средств платежа в России определяется совокупностью нормативных актов, включая:

– Гражданский кодекс Российской Федерации, регулирующий отношения, возникающие при заключении и исполнении договора банковского счёта и осуществлении безналичных расчётов;
– Федеральный закон № 115-ФЗ от 7 августа 2001 г. «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма», который возлагает на операторов платёжных систем и кредитные организации обязанность идентифицировать клиентов и контролировать операции, совершаемые с использованием ЭСП;

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждённая распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р, также в вопросах ЭСП представляет собой стратегический документ государственного уровня, направленный на формирование условий для развития цифровых технологий, цифровых услуг и инфраструктуры, необходимых для модернизации экономики, государственного управления и социальной сферы. Цель программы — создание экосистемы цифровых взаимодействий, при которой данные и технологии выступают ключевым фактором экономического роста, а также обеспечение безопасности цифровых процессов и доверия пользователей к электронным сервисам, включая финансовые.

Также стоит отметить, что в соответствии со статьёй ФЗ «О национальной платёжной системе» национальная платёжная система объединяет совокупность операторов по переводу денежных средств, операторов платёжных систем, операторов услуг платёжной инфраструктуры, а также пользователей электронных средств платежа. Исходя из этого, ЭСП является ключевым элементом национальной платёжной системы и играет роль технологического посредника между участниками расчётных правоотношений.

С правовой точки зрения электронное средство платежа представляет собой комплекс материальных и нематериальных элементов, включающих технические устройства (банковские карты, мобильные приложения, токены), программное обеспечение, информационные ресурсы и правомочия их владельца. Оно выступает средством подтверждения волеизъявления клиента на перевод денежных средств и носителем информации о праве на распоряжение денежными средствами. Для управления и проведения платежных операций с ЭДС клиенты должны обратиться к оператору платежной системы и заключить специальный договор, обозначаемый как «Договор об использовании электронного средства платежа» [Электронный ресурс elibrary, www],

Электронные средства платежа обеспечивают реализацию принципа правовой определённости при совершении платежных операций, так как они сопровождаются идентификацией клиента, фиксацией его волеизъявления и подтверждением исполнения обязательства, что:

– обеспечивает доказуемость факта совершения платежа в случае спора между сторонами;
– создаёт предпосылки для эффективного судебного и досудебного урегулирования конфликтов;
– гарантирует защиту интересов добросовестного участника расчётов, включая право на возврат средств при несанкционированных операциях.

В современном праве электронное средство платежа рассматривается как инструмент, объединяющий признаки документа, технического устройства и средства идентификации, что придаёт ему комплексный правовой характер.

При этом электронные средства платежа являются объектом правового регулирования в нескольких отраслях права:

- в финансовом праве как элемент национальной платёжной системы и предмет надзора со стороны Банка России;
- в гражданском праве как средство исполнения обязательства;
- в информационном праве как объект, включающий электронные данные и персональную информацию;
- в уголовном праве как объект преступного посягательства при совершении мошенничества, предусмотренного статьёй 159.3 УК РФ.

Заключение

Таким образом, электронные средства платежа в современных условиях Российской Федерации представляют собой сложный правовой и технологический институт, находящийся на пересечении интересов государства, финансовых организаций и граждан. Их особенности заключаются в сочетании технологической мобильности, правовой значимости и повышенной криминогенной уязвимости.

По своей сути, ЭСП становятся ключевым элементом национальной финансовой системы, обеспечивающим оборот денежных средств в цифровой форме, что требует постоянного совершенствования как теоретического понимания данного вида преступлений, практического подхода к особенностям квалификации, правовых и организационных механизмов защиты пользователей и предупреждения преступлений в данной сфере.

Библиография

1. Буравцова, А. Ю. Хищение с использованием электронных средств платежа, с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств / А. Ю. Буравцова // Юридический факт. – 2019. – № 47. – С. 10–12.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации.
3. Елфимова, А. Д. Электронные средства платежа: сущность и перспективы развития / А. Д. Елфимова, Ф. Г. Малиева // Вестник университета. – 2025. – № 3. – С. 87–98.
4. Инструкция Банка России от 30.05.2014 № 153-И «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов».
5. Карнушин, В. Е. Гражданско-правовая сущность денег как объектов гражданских прав / В. Е. Карнушин // Юрист. – 2017. – № 3. – С. 24.
6. Конституция Российской Федерации.
7. Кредитные организации в России: правовой аспект / О. А. Беляева, А. А. Вишневский, Л. Г. Ефимова [и др.]. – Москва: Волтерс Клувер, 2006. – 624 с.
8. Криворучко, С. В. Микроплатежи. Международный опыт, российская практика / С. В. Криворучко, В. А. Лопатин. – Москва: Кнорус, 2013. – 456 с.
9. Крылов, О. М. Электронные денежные средства как деньги в Российской Федерации: вопросы правового регулирования / О. М. Крылов // Финансовое право. – 2018. – № 10. – С. 8–12.
10. Лалаян, К. Э. Расчеты с использованием банковских платежных карт и иных электронных средств платежа / К. Э. Лалаян // Молодой ученый. – 2020. – № 48(338). – С. 275–278.
11. Обзор популярных электронных в 2020 году платежных систем. – URL: https://cryptonisation.ru
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».
14. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждённая распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
16. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов,

полученных преступным путём, и финансированию терроризма».
17. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе».
18. Электронные деньги. – URL: http://internetdengi.blogspot.ru/p/blog-page_394.html
19. Электронные платежные системы в России. – URL: www.tadviser.ru
20. Яни, П. С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа / П. С. Яни // Законность. – 2019. – № 4. – С. 30–35; № 5. – С. 25–28; № 6. – С. 39–43; № 7. – С. 39–43.

Specifics of Fraud Using Electronic Means of Payment

Il'mira R. Shikula

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Methodology
of Teaching Social and Humanitarian Sciences
of the Institute of Humanitarian Sciences,
Moscow City University,
Professor of the Department of Civil and Criminal Law and Procedure,
Moscow International University,
129226, 4, 2nd Sel'skokhozyaystvennyy passage, Moscow, Russian Federation;
e-mail: ila.vnii@mail.ru

Maksim B. Smolyar

Postgraduate Student,
Department of Criminal Law Disciplines and Law Enforcement Activity,
Moscow Financial and Industrial University "Synergy",
125190, 80, Leningradskiy ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: maxim3533537@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of fraud using electronic means of payment as a specific form of crimes in the sphere of economic activity, conditioned by the development of digital technologies and the widespread introduction of non-cash forms of payment into everyday life. The features that distinguish this type of crime from other forms of embezzlement are determined: deception or abuse of trust, the use of technical means and information technologies, the non-obviousness of the unlawful taking of property, the presence of a high degree of organization and systematic nature of the criminals' actions, etc. The authors come to the conclusion that it is necessary to improve both the theoretical understanding of this type of crime and the practical approach to its qualification.

For citation

Shikula I.R., Smolyar M.B. (2026) Spetsifika moshennichestva s ispol'zovaniem elektronnykh sredstv platezha [Specifics of Fraud Using Electronic Means of Payment]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 334-340. DOI: 10.34670/AR.2026.90.32.029

Keywords

Fraud, electronic means of payment, digital security, cyber fraud, bank cards, mobile applications, risk management, research methodology.

References

1. Belyaeva, O. A., Vishnevsky, A. A., & Efimova, L. G. (2006). Kreditnye organizatsii v Rossii: pravovoy aspekt [Credit institutions in Russia: The legal aspect]. Wolters Kluwer.
2. Buravtsova, A. Yu. (2019). Khishchenie s ispolzovaniem elektronnykh sredstv platezha, s bankovskogo scheta, a ravno v otnoshenii elektronnykh denezhnykh sredstv [Embezzlement using electronic payment instruments, from a bank account, as well as in relation to electronic funds]. Yuridicheskiy Fakt, (47), 10–12.
3. Civil Code of the Russian Federation.
4. Constitution of the Russian Federation.
5. Elfimova, A. D., & Malieva, F. G. (2025). Elektronnye sredstva platezha: sushchnost i perspektivy razvitiya [Electronic payment instruments: Essence and development prospects]. Vestnik Universiteta, (3), 87–98. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2025-3-87-98
6. Federal Law No. 115-FZ of August 7, 2001 "On Combating the Legalization (Laundering) of Income Obtained by Criminal Means and the Financing of Terrorism".
7. Federal Law No. 161-FZ of June 27, 2011 "On the National Payment System".
8. Instruction of the Bank of Russia No. 153-I of May 30, 2014 "On Opening and Closing Bank Accounts, Accounts for Deposits (Deposits), and Deposit Accounts".
9. Karnushin, V. E. (2017). Grazhdansko-pravovaya sushchnost deneg kak obektov grazhdanskikh prav [The civil-legal essence of money as an object of civil rights]. Yurist, (3), 24.
10. Krylov, O. M. (2018). Elektronnye denezhnye sredstva kak dengi v Rossiyskoy Federatsii: voprosy pravovogo regulirovaniya [Electronic funds as money in the Russian Federation: Issues of legal regulation]. Finansovoe Pravo, (10), 8–12.
11. Krivoruchko, S. V., & Lopatin, V. A. (2013). Mikroplatezhi. Mezhdunarodnyy opyt, rossiyskaya praktika [Micropayments. International experience, Russian practice]. Knorus.
12. Lalayan, K. E. (2020). Raschety s ispolzovaniem bankovskikh platezhnykh kart i inykh elektronnykh sredstv platezha [Settlements using bank payment cards and other electronic payment means]. Molodoy Uchenyy, (48(338)), 275–278.
13. Obzor populyarnykh elektronnykh v 2020 godu platezhnykh sistem [Overview of popular electronic payment systems in 2020]. https://cryptonisation.ru
14. Programma "Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii" [Program "Digital Economy of the Russian Federation"], approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 1632-r of July 28, 2017.
15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 29 of December 27, 2002 "On Judicial Practice in Cases of Theft, Robbery, and Banditry".
16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 of November 30, 2017 "On Judicial Practice in Cases of Fraud, Embezzlement, and Misappropriation".
17. Elektronnye dengi [Electronic money]. http://internetdengi.blogspot.ru/p/blog-page_394.html
18. Elektronnye platezhnye sistemy v Rossii [Electronic payment systems in Russia]. www.tadviser.ru
19. Yani, P. S. (2019). Moshennichestvo s ispolzovaniem elektronnykh sredstv platezha [Fraud using electronic payment instruments]. Zakonnost, (4), 30–35; (5), 25–28; (6), 39–43; (7), 39–43.
20. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343 **DOI: 10.34670/AR.2026.14.98.030**

Соотношение ст. 207.3 УК РФ с принципом справедливости

Климов Платон Ильич

Аспирант,
кафедра уголовного права и криминологии,
Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
600000, Российская Федерация, Владимир, ул. Горького, 87;
e-mail: kirillignatov98@mail.ru

Аннотация

Автор рассматривает и анализирует причины принятия ст. 207.3 УК РФ, её правовую конструкцию, а также возможные пути совершенствования принятого в 2022 году законодательного инструмента. Основная цель работы — оценить, насколько принятая норма соответствует принципу справедливости, закреплённому в ст. 6 УК РФ. В статье анализируются труды учёных, исследовавших данную тему или смежные с ней вопросы, а также нормы Уголовного кодекса Российской Федерации. Результатом проведённой работы стало получение достаточного количества аргументов, касающихся проблемных аспектов соотношения ст. 207.3 УК РФ с принципом справедливости. Сделаны выводы о необходимости достижения баланса между защитой интересов государства и правами граждан, предложены конкретные пути совершенствования законодательства. Предлагается дать разъяснения относительно правоприменения анализируемой статьи в форме Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Для цитирования в научных исследованиях

Климов П.И. Соотношение ст. 207.3 УК РФ с принципом справедливости // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 341-349. DOI: 10.34670/AR.2026.14.98.030

Ключевые слова

Заведомо ложная информация, распространение информации, УК РФ, принцип справедливости, дух закона, правоприменительная практика.

Введение

Нормы, регулирующие вопросы распространения информация — нормальны и остро необходимы для нормального функционирования современного общества. Особенно ярко это начало проявляться в 20-е годы, особенно — в России. Сначала по планете прошла пандемия коронавируса, пополнившая Уголовный Кодекс РФ статьями 207.1-207.2 УК РФ [Уголовный кодекс РФ, 1996], а затем — началась Специальная военная операция, также создавшая потребность в регулировании информационного потока. После событий 2022 года Уголовный Кодекс Российской Федерации пополнился рядом статей, которые направлены на регулирование информационного потока, связанного с происходящей геополитической активностью. В данной работе разберем ст. 207.3 УК РФ, проанализируем ее конструкцию, соотношение с принципом справедливости и возможные варианты улучшения названной нормы.

В качестве научного материала были использованы публикации отечественных ученых по рассматриваемой проблеме. Объектом исследования стала совокупность общественных отношений в сфере обмена информацией и внутреннее содержание норм отечественного законодательства. Предмет исследования — правовая конструкция ст. 207.3 УК РФ.

В работе использованы сравнительно-правовые и формально-логические методы.

Результаты исследования

Диспозиция ст. 207.3 УК РФ звучит следующим образом: публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности либо об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, а равно содержащей данные об оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации.

Причина ее принятия, как и в случае с соседними статьями 207.1-207.2 УК РФ, — высокая актуальность, сформированная жизненными обстоятельствами. Фактически, государству понадобился инструмент для регулирования распространения информации, касающейся СВО. Ключевой проблемой данной статьи является, конечно, тот факт, что «достоверной» информацией признается та, о которой сообщает государство.

С точки зрения работы государственных органов, это абсолютно логично: распространение любых сведений, негативно окрашивающих действия государства, особенно если эти действия совершаются ее вооруженными силами, могут приводить к общественным волнениям, недовольству деятельностью конкретных государственных служащих и более страшными для государственного аппарата последствиям.

Вполне очевидно, защита самого себя для государства — это одна из его насущных задач. Аналогично тому, как Уголовный Кодекс предоставляет право на необходимую оборону, таковое должно быть и у государства. Это свое право оно реализует через принятие соответствующих норм — это правильно и не подлежит рассмотрению (по крайней мере, в данной работе). Выводя это рассуждение за рамки вопроса СВО и любой конкретики, будет

странно утверждать, что Президент, Правительство или Парламент какой-либо страны способны действовать безошибочно. Поскольку они состоят из людей, то из этого следует и неизбежность ошибок, порой — довольно серьезных. Однако, если допущение любой ошибки будет приводить к смещению лица с должности, неконтролируемым волнениям, саботажу или озлобленности населения — в этом не будет ничего хорошего. Исходя из этого, нормы, направленные на защиту государства, кажутся необходимыми. Однако, требующими соблюдения определенного баланса.

Поскольку, с другой стороны, где государственный аппарат имеет право защищать свою целостность, там же — общество в целом и каждый гражданин в частности имеет право на выражение своего недовольства по какому угодно поводу.

Утверждая (статьей 207.3 УК РФ), что любое сообщение о событиях, происходящих в рамках СВО, противоречащее или не в должной мере согласное с официальной позицией государства, — преступно, законодатель, фактически, лишает граждан России права на это самое несогласие.

Кажется, что подобный подход — неверен. Потому что право на сомнение в достоверности информации, которую предоставляет государство по такому чувствительному вопросу — это одно из базовых проявлений свободы мысли и слова, гарантируемых Конституцией [Конституция РФ, 1993].

Данные слова не направлены на то, чтобы обвинить официальные источники информации во лжи. Они вовсе никак не оценивают информацию, касающеюся событий, происходящих в рамках СВО. Их цель — защитить право населения на какую-либо еще точку зрения, помимо официальной, несмотря на то, кто — прав, а кто — нет.

Анализируя ст. 207.3 УК РФ, А. Г. Кибальник также утверждает, что «заведомо ложной информацией» считается информация, противоречащая официальным источникам власти: «по всей видимости, «заведомая ложность» распространяемой информации о деятельности госорганов РФ за рубежом будет иметь место в случае ее несоответствия официальной позиции соответствующего государственного органа, например — Министерства внутренних дел РФ, Росгвардии и т. д. Важно подчеркнуть — распространение такой информации должно состояться после объявления официальной позиции Министерства обороны или иного госоргана РФ» [Кибальник, 2023, с. 189]. В этих словах можно заметить еще одну проблему современного подхода: как именно определять ложность информации до того момента, пока ее не озвучит «официальный источник правды»?

В разрезе анализа духа закона следует обозначить следующее: преступления, связанные с распространением заведомо ложной информации, имеют довольно абстрактный объект с совершенно неочевидным причиняемым ему вредом. Да, если сказать, что «армия России совершает плохие действия», то это — «подрывает», «ставит под сомнение», «принижает авторитет» и т.д. Казуистическое объяснение дано правильно, однако, стоит понимать, что оно имеет мало чего общего с реальностью. Опять же, не потому, что это вредная и ненужная норма, а потому что она заведомо работает с абстракциями.

Стоит уточнить, что в данном моменте не выражается авторская позиция касательно органов власти и их действий, рассмотрение вопроса происходит сугубо в правовом ключе.

Глупо отрицать, что критика (в том числе и уголовно наказуемая) Вооруженных Сил РФ происходила до принятия соответствующих норм и происходит до сих пор, и все это — без каких-либо видимых последствий. Исключительно человеческие слова не способны нанести даже самый минимальный вред чему-либо, это прерогатива исключительно действий.

Можно сказать, что слова могут подтолкнуть человека к действиям, однако и это — радикальное упрощение. Если человек и совершает какую-либо саботирующую активность в отношении ВС РФ или иных органов государственных власти, принимающих решение об их использовании, то созревание к нему происходит долго: зависит от реальных обстоятельств жизни и череды случайных факторов. Относятся ли к нему, в числе прочего, негативные и даже лживые высказывания о ВС РФ? Безусловно, да. Но если бы они были убраны полностью — гарантировало бы это отказ человека от совершенного преступления? Очень маловероятно.

Конечно, это не означает, что говорить можно, что угодно и в любых выражениях. Но из этого не следует и того, что ограничивать подобное поведение должно именно государство. Так, например, высказывания оправдывающие действия нацистов или саму идеологию не найдут большой поддержки в нашей стране, и более того — вызовут очевидную негативную и, возможно, даже агрессивную реакцию общества на них. Не утверждаем, что это повод исключить соответствующую статью из Уголовного кодекса, однако указываем на способность общества к саморегулированию без вмешательства государства.

Прямой запрет говорить «нацизм — это хорошо» никак не помешает (и фактически не мешает) существованию узких субкультурных движений, которые принимают эту идеологию в качестве основной. Поскольку не такие слова — причина их существования.

И опять же, если одобрение идеологии национал-социализм — это, на наш взгляд, и правда исключительно негативное явление, то выражение несогласия с государством — как раз напротив, вещь полезная и необходимая. Не потому, что государство всегда не право и с ним нужно спорить, и не потому, что такими заявлениями выражается личная позиция автора, а исключительно для формирования баланса в обществе и отсутствия лишнего административная насилия в отношении основных прав граждан.

Существование диалога, пусть даже с позициями о полной ошибочности начала специальной военной операции, — куда более продуктивный способ существования граждан, чем ощущение давления и возможности получения несоразмерного наказания за слова. В том числе, и для тех граждан, которые полностью поддерживают СВО, однако, могут быть не согласны с отдельными его явлениями, направлениями или конкретными решениями, пусть они даже и будут основаны на ошибочных сведениях.

Проблема обсуждаемой статьи в том, что она никак не разделяет умышленное создание недостоверное информации и последующее ее распространение, и просто распространение. Поскольку, с учетом правоприменительной практики, фраза «заведомо недостоверная» означает не то, что человек точно в курсе, что распространяет ложь, а то — что конкретно такие факты или такое мнение — не согласны с официальной позицией Российской Федерации [Минин, 2023, с. 57]. Однако, такой подход может существовать лишь в условиях, если мы считаем, что государство — безгрешно, не способно на ложь и ошибки. Как нам кажется, при составлении законодательства, такой подход применять нельзя.

Ведь в таком случае, в УК РФ не существовали бы, как минимум, всей 30 главы, наказывающей за преступления против государственной власти и интересов государственной службы. Ее наличие подтверждает, что государство выражено через людей, а люди могут: брать взятки, злоупотреблять должностными полномочиями или превышать их. Не существовало бы и главы 31 УК РФ, наказывающей за преступления против правосудия, включающей в себя преступления, совершаемые исключительно государственными служащими и т.д.

Эти нормы — свидетельство несовершенства государства, что неизбежно и нормально. Но тогда почему в еще более сложном вопросе о начале и ведении боевых действий, нам, под

угрозой наказания, предлагают принять, что оно действует абсолютно безгрешно и безошибочно? Сама способность Российской Федерации действовать именно так не оспаривается, оспаривается запрет на выражение сомнения в этом [Корбудан; Васильев, 2022].

Как мы можем утверждать, что внутреннее напряжение в обществе, вызванное допущенной критикой, обязательно будет сильнее, чем внутреннее напряжение, вызванное осознанием недопустимости наличия альтернативного мнения?

В своей работе С. О. Махтюк рассматривает статус официальных источников информации как единственных правдивых с точки зрения чистоты доказывания по уголовным делам, поднимая вопрос о том, не являются ли они доказательствами с заранее установленной силой? [Махтюк, 2025]

Уголовное законодательство не может существовать в условиях, когда правоприменение отличается не в зависимости от изменений текста статьи, а от внешнего неконтролируемого контекста. Например, в данном случае показательна метаморфоза относительно употребления слова «война». Изначально именование СВО именно этим словом воспринималось негативно и вполне могло привести, в том числе, и к уголовной ответственности. Спустя время, с этим будто бы смирились и устали бороться, в итоге теперь СВО «войной» называют даже на федеральном телевидении, хотя еще пару лет назад люди получали за это, в лучшем случае, административные наказания.

Закон не может быть привязан к абстрактному пониманию того, что «вредно», а что «невредно», которое меняется с течением времени. Однако же, новая статья устроена именно таким образом.

Конечно, существует и альтернативная позиция. Например, Е. С. Макаров высказывает именно ее: жесткость законодательных подходов не должна восприниматься населением как запрет гражданской позиции. Однако в сложные для страны политические периоды введение определенных ограничений во благо Отечества представляется оправданным, а опрометчивые высказывания воспринимаются не как выражение свободомыслия, а как попытки нивелировать ратный подвиг наших Вооруженных Сил РФ, что ни при каких условиях недопустимо [Макаров, 2024, с. 224].

Как уже говорилось ранее, эта позиция и подобный подход — понимаемы. И именно в противоречии двух разумных мнений и видится сложность рассматриваемого вопроса: с одной стороны, если неукоснительно следовать принципам законодательства, то принимать подобные нормы — точно не стоит; с другой, не человек должен служить праву, а оно — человеку, а значит — практическая необходимость защиты государства в целях сохранения его стабильности должна обеспечиваться законодательной поддержкой.

Таким образом, наша цель — обнаружить тот баланс, который способен объединить и хотя бы частично примирить названные подходы. А также выяснить — соответствуют ли ему принятая после 2022 года норма.

Правильно подмечает в своей работе Н. В. Дунямалыев, что если в традиционных составах преступлений заведомость касается фактических обстоятельств объективной реальности (возраст потерпевшего, беспомощное состояние, преступное происхождение имущества), то в составах о публичном распространении ложной информации заведомость относится к оценочной категории истинности/ложности информации, что создает дополнительные трудности для правоприменения [Дунямалыев, 2026, с. 265].

Далее автор рассуждает на тему разграничения заведомого осознавания ложности информации и добросовестного заблуждения об ее истинности. В рамках обсуждения такое

разграничение кажется нам неполным, поскольку оно вновь привязывается к официальным данным, касающимся рассматриваемого вопроса. Иными словами, мы не можем признать несогласие с официальными сообщениями «добросовестным заблуждением». В контексте текущего правоприменения, такое несогласие может признаваться исключительно осознанием заведомой ложности. Что фактически признает государство — единственным субъектом, обладающим истиной и распространяющим ее.

Нам же кажется, что право на выбор такого субъекта должно оставаться за человеком. Иными словами, в идеале, который представляется таковым нам, заведомая ложность должна проявляться в том, что человек либо самостоятельно скомпрометировал/исказил информацию, либо перед ее распространением получил достоверные сведения о том, что такая информация скомпрометирована/искажена.

Полагать, что официальная позиция государства — и есть такое сведение о ложности альтернативных сообщений, совершенно неверно. Поскольку в данном разрезе — государство не более, чем одна из заинтересованных сторон, которая теоретически может избрать модель поведения, в которой не станет признавать подрывающую ее информацию. С другой стороны, различные журналисты, международные организации и прочие альтернативные источники информации — это такие же заинтересованные стороны. И право выбора, чью информацию человек будет признавать правдивой и распространять, остается, собственно, за человеком.

Основания для доверия к официальным источникам информации или противопоставленным им — это вопрос исключительно оценочных взглядов личности. А оценочные взгляды не могут служить поводом для привлечения к уголовной ответственности, как это происходит в настоящий момент.

Ввиду остроты и социальной значимости вопроса, о котором ведется рассуждение в данной работе, вновь стоит пояснить, что слова выше не означают, что автор считает сообщения о СВО, поступающие из официальных источников, — ложными, а информацию из альтернативных источников — правдивой. Или наоборот. Работа сознательно избавлена от личного мнения, касающегося конкретно событий и медийного противоборства одних с другими, и направлена исключительно на анализ и создание более справедливого и верного способа правового урегулирование подобных общественных потрясений. Аргументация, почему именно представленный подход считается нами лучшим, представлена выше.

Принятие статья 207.3 УК РФ видится правильным и своевременным решением, отзывающимся на вызов реальности, однако, ее фактическое применение кажется нам излишне суровым и даже жестоким; несколько искажающим принцип справедливости. И явно требует доработки [Борисов, 2023, с. 161].

Заключение

Исходя из этого, предлагается следующее: дать пояснения ст. 207.3 УК РФ в рамках Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Например, подобного характера: «По смыслу статьи 207.3 УК РФ распространением заведомо ложной информации может считаться только та ситуация, при которой лицо, распространившее такую информацию, лично скомпрометировало и (или) исказило ее, и (или) участвовало в компрометации и (или) искажении, и (или) было в курсе того, что предлагаемая к распространению информация, была скомпрометирована и (или) искажена. Сведения о последнем, при этом, должны быть получены от лица, предлагающего такую информацию к распространению».

Не соглашаясь с выводами данной работы, в своей статье Н. А. Крайнова также приводит к выводу о необходимости обобщения и создания пояснений к ст. 207.1-207.3 в виде издания Постановления Пленума [Крайнова, 2024, с. 107].

Именно такой подход сможет приблизить норму к принципу справедливости и защитить действительное добросовестное заблуждение.

Библиография

1. Борисов, А. В. Проблемы, практика применения и пути совершенствования положений об ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ / А. В. Борисов // Военное право. – 2023. – № 2 (78). – С. 161.
2. Дунямалыев, Н. В. Заведомость как обязательный признак преступлений, связанных с публичным распространением ложной информации: актуальные проблемы применения статей 207.1–207.3 УК РФ / Н. В. Дунямалыев // Демидовский юридический журнал. – 2026. – № 3. – С. 265.
3. Кибальник, А. Г. «Фейки» об использовании Вооруженных сил и деятельности госорганов: некоторые вопросы понимания и применения / А. Г. Кибальник // Уголовное право: Стратегии развития в XXI веке. – 2023. – № 1. – С. 189.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
5. Корбудан, К. А. Уголовная ответственность за «фейки» и необходимость модернизации данного института / К. А. Корбудан, А. М. Васильев // Актуальные подходы в решении сложных задач и реализации новых научных подходов : сборник трудов конференции. – 2022. – С. 21–23.
6. Крайнова, Н. А. Уголовная ответственность за фейки по российскому законодательству: обзор правоприменительной практики / Н. А. Крайнова. – 2024. – № 3. – С. 107.
7. Макаров, Е. С. К вопросу о правоприменительной практике статей 207.3 и 280.3 УК РФ / Е. С. Макаров // Российская наука: Актуальные исследования и разработки : сборник трудов конференции. – 2024. – С. 224.
8. Махтюк, С. О. Ответственность за «фейки» об армии как средство обеспечения национальной безопасности: оценка эффективности ст. 207.3 УК РФ и проблема доказывания состава преступления / С. О. Махтюк // Актуальные направления развития отраслей права в условиях новой реальности : сборник трудов конференции. – 2025. – С. 509–516.
9. Минин, Р. В. Фейки о Вооруженных Силах РФ (ст. 207.3 УК РФ): теоретическая конструкция и потенциальные правоприменительные проблемы / Р. В. Минин // Новеллы уголовного и уголовно-процессуального законодательства: проблемы содержания и реализации : сборник трудов конференции. – 2023. – С. 57.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026).

The Relationship of Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation with the Principle of Justice

Platon I. Klimov

Postgraduate Student,
Department of Criminal Law and Criminology,
Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov,
600000, 87, Gor'kogo str., Vladimir, Russian Federation;
e-mail: kirillignatov98@mail.ru

Abstract

The author examines and analyzes the reasons for the adoption of Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, its legal construction, as well as possible ways of improving the

legislative instrument adopted in 2022. The main objective of the work is to assess the extent to which the adopted norm corresponds to the principle of justice enshrined in Art. 6 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article analyzes the works of scholars who have studied this topic or related issues, as well as the norms of the Criminal Code of the Russian Federation. The result of the conducted work was the obtaining of a sufficient number of arguments concerning the problematic aspects of the relationship of Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation with the principle of justice. Conclusions are drawn about the necessity of achieving a balance between the protection of the interests of the state and the rights of citizens, and specific ways of improving legislation are proposed. It is proposed to provide explanations regarding the law enforcement of the analyzed article in the form of a Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

For citation

Klimov P.I. (2026) Sootnoshenie st. 207.3 UK RF s printsipom spravedlivosti [The Relationship of Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation with the Principle of Justice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 341-349. DOI: 10.34670/AR.2026.14.98.030

Keywords

Knowingly false information, dissemination of information, Criminal Code of the Russian Federation, principle of justice, spirit of the law, law enforcement practice.

References

1. Borisov, A. V. (2023). Problemy, praktika primeneniya i puti sovershenstvovaniya polozheniy ob otvetstvennosti za sovershenie prestupleniya, predusmotrennogo st. 207.3 UK RF [Problems, practice of application, and ways to improve the provisions on liability for committing a crime under Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Voennoe Pravo, (2(78)), 161.
2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020). (1993).
3. Dunyamalyev, N. V. (2026) Zavedomost kak obyazatelny priznak prestupleniy, svyazannykh s publichnym rasprostraneniem lozhnoy informatsii: aktualnye problemy primeneniya statey 207.1–207.3 UK RF [Notoriety as an essential element of crimes related to the public dissemination of false information: Current problems in the application of Articles 207.1–207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Demidovskiy Yuridicheskiy Zhurnal, (3), 265.
4. Kibalnik, A. G. (2023). "Feyki" ob ispolzovanii Vooruzhennykh sil i deyatelnosti gosorganov: nekotorye voprosy ponimaniya i primeneniya ["Fakes" about the use of the Armed Forces and the activities of state bodies: Some issues of understanding and application]. Ugolovnoe Pravo: Strategii Razvitiya v XXI Veke, (1), 189.
5. Korbudan, K. A., & Vasilyev, A. M. (2022). Ugolovnaya otvetstvennost za "feyki" i neobkhodimost modernizatsii dannogo instituta [Criminal liability for "fakes" and the need to modernize this institution]. In Aktualnye podkhody v reshenii slozhnykh zadach i realizatsii novykh nauchnykh podkhodov [Current approaches to solving complex problems and implementing new scientific approaches] (pp. 21–23).
6. Kraynova, N. A. (2024). Ugolovnaya otvetstvennost za feyki po rossiyskomu zakonodatelstvu: obzor pravoprimenitelnoy praktiki [Criminal liability for fakes under Russian law: A review of law enforcement practice], (3), 107.
7. Makhtyuk, S. O. (2025). Otvetstvennost za "feyki" ob armii kak sredstvo obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti: otsenka effektivnosti st. 207.3 UK RF i problema dokazyvaniya sostava prestupleniya [Liability for "fakes" about the army as a means of ensuring national security: Assessing the effectiveness of Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation and the problem of proving the elements of a crime]. In Aktualnye napravleniya razvitiya otrasley prava v usloviyakh novoy realnosti [Current directions in the development of legal branches in the context of the new reality] (pp. 509–516).
8. Makarov, E. S. (2024). K voprosu o pravoprimenitelnoy praktike statey 207.3 i 280.3 UK RF [On the issue of law enforcement practice under Articles 207.3 and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation]. In Rossiyskaya nauka: Aktualnye issledovaniya i razrabotki [Russian science: Current research and developments] (p. 224).

9. Minin, R. V. (2023). Feyki o Vooruzhennykh Silakh RF (st. 207.3 UK RF): teoreticheskaya konstruktsiya i potentsialnye pravoprimenitelnye problemy [Fakes about the Armed Forces of the Russian Federation (Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation): Theoretical framework and potential problems of law enforcement]. In Novelly ugolovnogo i ugolovno-protsessualnogo zakonodatelstva: problemy soderzhaniya i realizatsii [Novelties in criminal and criminal procedure legislation: Problems of content and implementation] (p. 57).
10. Ugolovny kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 No. 63-FZ (red. ot 04.08.2026) [Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on August 4, 2026)]. (1996).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.90.63.031**

Криминологические аспекты коррупции

Филиппова Елена Олеговна

Кандидат педагогических наук, доцент
доцент кафедры уголовного права
Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко
460018, Российская Федерация, Оренбург, пр. Победы, 13;
e-mail: elena56-75@mail.ru

Аннотация

Коррупция представляет собой сложное социально-криминальное явление, оказывающее разрушительное влияние на экономическое развитие, функционирование государственных институтов и уровень социальной справедливости. В статье рассмотрены криминологические аспекты коррупции: происхождение и природа преступного поведения, факторы, способствующие коррупции, механизмы её проявления, преступные и полуправомерные формы, а также методы предупреждения и противодействия на уровне криминальной политики. Проанализированы теоретические подходы к объяснению коррупции, методы эмпирического исследования данного явления и ключевые проблемы доказывания и расследования преступлений коррупционной направленности. Дана оценка эффективности профилактических мер и предлагаются рекомендации по совершенствованию комплексной стратегии противодействия коррупции.

Для цитирования в научных исследованиях

Филиппова Е.О. Криминологические аспекты коррупции // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 350-355. DOI: 10.34670/AR.2026.90.63.031

Ключевые слова

Коррупция, криминология, преступность, профилактика, коррупционные практики, механизм совершения преступлений, расследование, коррупционная культура.

Введение

Коррупция давно признана одним из наиболее устойчивых и вредоносных социальных явлений современного общества. Её негативные последствия проявляются в экономической неэффективности, подрыве доверия к институтам власти, нарушениях прав граждан и распространении криминальных практик. Криминологический анализ коррупции необходим для определения причин и условий её возникновения, раскрытия механизмов распространения, разработки эффективных методов предупреждения и пресечения преступлений. В современной науке коррупция рассматривается не только как правонарушение или уголовно наказуемое деяние, но и как социальный феномен, имеющий глубокие корни в политической, экономической и культурной сферах.

Основная часть

Коррупция как криминологический объект требует комплексного подхода, сочетающего социологические, психологические, экономические и правовые методы исследования. С точки зрения криминологии, коррупция представляет собой совокупность преступных и полуправомерных действий, направленных на извлечение личной выгоды путем злоупотребления служебным положением, подкупа, получения вознаграждений и других форм незаконного влияния. Преступления коррупционной природы включают взяточничество, коммерческий подкуп, служебный подлог, злоупотребление полномочиями, мошенничество с бюджетными средствами и иные формы преступного поведения, связанные с использованием властных полномочий в личных интересах.

Коррупция представляет собой одну из наиболее серьезных угроз современному обществу, значительно подрывающую основы социального порядка, правопорядка и экономического развития. Противодействие данной проблеме предоставляет возможность обществу находиться в безопасности [Саетгараев, 2025, 3951]. Как справедливо отмечают ученые-криминологи С.У. Дикаев и М. С. Дикаева: «безопасность – основное благо человека, и поэтому никто не может ставить под сомнение право человека на безопасность (право безопасности)» [Дикаев, 2019, 100].

Причины возникновения и распространения коррупции мультифакторны. Среди структурных факторов выделяют слабость института правопорядка и контроля, низкую прозрачность государственных процедур, недостаточную подотчетность органов власти перед обществом, дефицит профессиональной этики и внутренней дисциплины в государственных и муниципальных службах. Экономические факторы включают низкие официальные заработки, экономическую нестабильность, неразвитость систем мотивации и контроля, что делает коррупцию механизмом компенсации низкой оплаты труда и способом получения дополнительных доходов. Социально-культурные причины проявляются в толерантности к коррупции, принятии практики «решения вопросов» через личные связи и неформальные платежи, а также в традициях патронажа и кумовства. Психологические факторы личности - стремление к быстрой выгоде, рационализация противоправного поведения, низкий уровень морального самоконтроля - также играют важную роль в становлении коррупционного поведения.

Характеризуя общесоциальные факторы воспроизводства коррупции, следует выделить: социально-политические, социально-экономические и социально-правовые процессы [Долинин, 2020, 164]. Основными видами коррупции являются взятки, подкуп должностных

лиц с целью получения различных выгод [Гришин, 2019, 245].

Криминологические теории пытаются объяснить коррупцию через призму различных подходов. Структурно-функциональные и институциональные теории указывают на дисфункции государственной системы и недостаточный контроль как ключевые источники коррупции. Теории аномии и девиации связывают распространение коррупции с несоответствием культурных ценностей и социально-экономических возможностей, когда индивид, не видя легальных путей достижения желаемых целей, прибегает к незаконным методам. Теории рационального выбора рассматривают коррупцию как результат сознательного расчёта, при котором индивид оценивает соотношение потенциальной выгоды и риска наказания; снижается коррупционная активность при росте риска наказания и повышении вероятности обнаружения. Социологические подходы подчёркивают значение сетевых связей, клиентелизма и неформальных институтов: коррупция как «правило», встроенное в систему отношений, где участие в коррупционных схемах становится способом выживания и продвижения по карьерной лестнице.

Под коррупцией понимается совокупность действий лица (просителя), которое обращается к должностному лицу, обладающему определенными властными полномочиями за оказанием услуги за денежное вознаграждение (взятку); в свою очередь должностное лицо, оказывает неправомерным образом услугу взяточнику (просителю) [Бережная, 2020, 178].

Профилактика коррупции должна носить комплексный характер и включать как «жёсткие» (уголовно-правовые) механизмы, так и «мягкие» инструменты административного регулирования и общественного контроля. Законодательные меры - ужесточение уголовной ответственности, увеличение санкций за коррупционные преступления, расширение оснований для привлечения к уголовной ответственности юридических лиц - должны сопровождаться повышением прозрачности процедур закупок и государственных контрактов, внедрением электронных систем государственных услуг и публичных реестров, контроля за конфликтом интересов и обязательного декларирования доходов. Административные меры включают системы внутреннего контроля и аудита, антикоррупционные политики и кодексы этики в организациях, системы ротации кадров в уязвимых подразделениях, повышение уровня оплаты труда и внедрение мер по мотивации добросовестного поведения.

Культурно-образовательная профилактика направлена на формирование нетерпимости к коррупции в обществе: просветительские программы, профессиональная этика, обучение государственных служащих антикоррупционным стандартам, школьные и вузовские курсы по правовой культуре. Коррупция представляет серьезную угрозу экономической и национальной безопасности любого государства. Однако с помощью криминологического анализа и комплексных мер противодействия с этим явлением можно эффективно бороться [Харченко, 2022, 300].

Коррупция является многомерным криминологическим феноменом, корни которого лежат в сочетании институциональных, экономических, социокультурных и индивидуальных факторов. Эффективное противодействие коррупции требует комплексного, сбалансированного подхода, включающего уголовно-правовые, административные, образовательные и технологические меры, а также активное участие общества.

Коррупция как социально-правовое явление представляет собой сложную систему деструктивных отношений, проникающих во все сферы общественной жизни. В современных условиях, характеризующихся глобальной цифровизацией и усложнением экономических связей, коррупция трансформируется, приобретая новые высокотехнологичные формы. Для юридической науки вопрос противодействия коррупции переходит из плоскости

исключительно уголовно-правовой репрессии в область междисциплинарного стратегического планирования. Противодействие этому явлению требует не только жесткого реагирования со стороны правоохранительных органов, но и глубокого реформирования институциональной среды, направленного на устранение самой возможности коррупционного поведения.

Основная проблема заключается в недостаточном уровне правосознания и правовой культуры населения. В общественной психологии сохраняется определенная толерантность к «низовой» коррупции, которая воспринимается как удобный способ преодоления бюрократических барьеров. Отсутствие устойчивого неприятия коррупционных практик на ментальном уровне нивелирует эффективность многих законодательных инициатив.

Так же проблема связана со сложностью разграничения коррупционных проявлений и законной лоббистской деятельности, которая в отечественной правовой системе до сих пор не получила адекватного законодательного оформления. Это создает «серые зоны», позволяющие представителям бизнеса оказывать неправомерное влияние на законодательный процесс под видом экспертной деятельности.

Для качественного прорыва в сфере борьбы с коррупцией необходимо реализовать комплекс мер, направленных на системную трансформацию государственного аппарата и общественных отношений. Первоочередным шагом должно стать полномасштабное внедрение технологий искусственного интеллекта и больших данных в систему антикоррупционного мониторинга. Автоматизация анализа деклараций, сопоставление данных о расходах и доходах государственных служащих с реестрами имущества в режиме реального времени позволят выявлять аномалии без участия человеческого фактора. Создание «цифрового следствия» значительно повысит раскрываемость скрытых финансовых транзакций.

Вторым направлением является укрепление институциональной независимости органов, осуществляющих антикоррупционные расследования. Необходимо создать условия, при которых оперативно-розыскная и следственная деятельность в отношении высокопоставленных должностных лиц будет защищена от любого административного давления. Это может быть достигнуто через усиление роли прокурорского надзора и развитие системы специализированных антикоррупционных судов.

Третий вектор развития связан с совершенствованием законодательства о защите лиц, сообщающих о фактах коррупции. Внедрение материальных и карьерных стимулов для граждан и сотрудников организаций, способствующих раскрытию коррупционных схем, наряду с обеспечением их полной юридической и физической безопасности, позволит разрушить круговую поруку внутри коррумпированных структур.

Четвертый важный аспект - это реформа системы государственной службы. Переход от патерналистской модели к меритократической, где продвижение по службе зависит исключительно от профессиональных достижений и безупречной репутации, минимизирует риски кумовства и протекционизма. Достойный уровень оплаты труда и расширенный социальный пакет для чиновников должны выступать в качестве антистимула к совершению коррупционных правонарушений, когда риск потери статуса перевешивает потенциальную выгоду от взятки.

Пятым направлением выступает международное сотрудничество. Поскольку современная коррупция часто носит трансграничный характер, необходимо углублять взаимодействие с международными институтами в вопросах возврата активов, выведенных за рубеж. Гармонизация национального законодательства с международными стандартами (такими как Конвенция ООН против коррупции) должна сопровождаться реальными механизмами правовой помощи по уголовным делам, связанным с отмыванием коррупционных доходов.

Наконец, фундаментальное значение имеет информационно-просветительская работа. Формирование в обществе атмосферы «нулевой толерантности» к коррупции должно начинаться с системы образования. Правовое воспитание должно быть направлено на разъяснение не только деструктивности коррупции для государства, но и ее вреда для каждого конкретного гражданина, поскольку коррупционный «налог» в конечном итоге оплачивается всем обществом через снижение качества государственных услуг и замедление экономического роста.

Заключение

Противодействие коррупции - это непрерывный процесс, требующий адаптации правовых инструментов к меняющимся реалиям. Успех этой деятельности зависит не от количества принятых нормативных актов, а от системности их применения и готовности государства к жесткому самоочищению. Реализация предложенных мер, включающих цифровую трансформацию контроля, усиление гарантий независимости следствия и развитие гражданских институтов, позволит сформировать эффективную систему противодействия коррупции, соответствующую вызовам XXI века. Построение правового государства невозможно без победы над системной коррупцией, что делает данную задачу приоритетной для юридической науки и практики на долгосрочную перспективу.

Библиография

1. Саетгараев, В. Ф. Формирование нетерпимого отношения к коррупции и повышение правовой культуры граждан как ключевое направление противодействия коррупции / В. Ф. Саетгараев // Правоохранительные органы в системе противодействия коррупционной преступности: Материалы межведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 06 декабря 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 291-295.
2. Дикаев, С.У. Об основах учения о противодействии преступности или о востребованности нелинейных суждений о преступности в криминологии / С.У. Дикаев, М.С. Дикаева // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2019. - № 2 (53). - С. 41-49.
3. Долинин, В.Н. Коррупция: понятие, признаки и виды / В.Н. Долинин // Материалы Международной научно-практической конференции. - 2020. - С. 19-26.
4. Гришин, А.Д. Коррупция: понятие, признаки, виды / А.Д. Гришин, Н.В. Даничев // Сборник статей четырнадцатой Международной науч.-практ. конференции. - 2019. - С. 242-245.
5. Бережная, А.И. К вопросу о социально-экономических причинах коррупции / А.И. Бережная, Ю.В. Яцишина, Д.Н. Юсифзаде // Инновации. Наука. Образование. - 2020. - Т. 2. - № 13. - С. 173-178.
6. Харченко, О. В. Криминологическое исследование противодействия коррупции как угрозы экономической и национальной безопасности / О.В. Харченко // Журнал правовых и экономических исследований. - 2022. - № 4. - С. 31-40.

Criminological Aspects of Corruption

Elena O. Filippova

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Orenburg State University named after V.A. Bondarenko,
460018, 13, Pobedy ave., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: elena56-75@mail.ru

Abstract

Corruption is a complex social-criminal phenomenon that has a destructive impact on economic development, the functioning of state institutions, and the level of social justice. The article examines the criminological aspects of corruption: the origin and nature of criminal behavior, factors contributing to corruption, mechanisms of its manifestation, criminal and semi-lawful forms, as well as methods of prevention and counteraction at the level of criminal policy. Theoretical approaches to explaining corruption, methods of empirical research of this phenomenon, and key problems of proving and investigating corruption-related crimes are analyzed. An assessment of the effectiveness of preventive measures is given, and recommendations are proposed for improving a comprehensive anti-corruption strategy.

For citation

Filippova E.O. (2026) Kriminologicheskie aspekty korruptsii [Criminological Aspects of Corruption]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 350-355. DOI: 10.34670/AR.2026.90.63.031

Keywords

Corruption, criminology, crime, prevention, corruption practices, mechanism of committing crimes, investigation, corruption culture.

References

1. Saetgarayev, V. F. Formation of an intolerant attitude to corruption and improvement of legal culture of citizens as a key direction of counteraction to corruption / V. F. Saetgarayev // Law enforcement agencies in the system of counteraction to corruption crime: Materials of the interdepartmental scientific and practical conference, St. Petersburg, December 06, 2024. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – P. 291-295.
2. Dikaev, S.U. On the basics of the doctrine of countering crime or the relevance of non-linear judgments about crime in criminology / S.U. Dikaev, M.S. Dikaeva // Criminology: Yesterday, Today, and Tomorrow. - 2019. - No. 2 (53). - Pp. 41-49.
3. Dolinin, V.N. Corruption: Concept, Features, and Types / V.N. Dolinin // Materials of the International Scientific and Practical Conference. - 2020. - P. 19-26.
4. Grishin, A.D. Corruption: Concept, Features, and Types / A.D. Grishin, N.V. Danichev // Collection of Articles from the Fourteenth International Scientific and Practical Conference. - 2019. - Pp. 242-245.
5. Berezhnaya, A.I. On the Socio-Economic Causes of Corruption / A.I. Berezhnaya, Yu.V. Yatsishina, D.N. Yusifzade // Innovations. Science. Education. - 2020. - Vol. 2. - No. 13. - Pp. 173-178.
6. Kharchenko, O. V. Criminological Research of Countering Corruption as a Threat to Economic and National Security / O.V. Kharchenko // Journal of Legal and Economic Research. - 2022. - No. 4. - Pp. 31-40.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.8 **DOI: 10.34670/AR.2026.12.57.032**

Позитивное стимулирование осуждённых к исправительным работам: нормативная асимметрия и направления совершенствования

Балаш Екатерина Дмитриевна

Аспирант,
кафедра уголовно-исполнительного права и криминологии,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
634050, Российская Федерация, Томск, просп. Ленина, 36;
e-mail: Ekaterina678@bk.ru

Аннотация

В статье исследуется позитивное стимулирование осуждённых к исправительным работам после реформы 2025–2026 гг. Цель исследования — определить, какие юридически значимые признаки поведения уже фиксируются при исполнении этого наказания и какие положительные правовые последствия могут быть с ними связаны. Использованы формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы, а также качественный анализ 75 открытых апелляционных судебных актов 2023–2026 гг. о замене исправительных работ более строгим наказанием. Установлено, что глава 7 УИК РФ подробно регулирует негативную реакцию на нарушения, однако не содержит специального поощрительного механизма. Судебная практика показывает, что трудоустройство, фактическое исполнение наказания, отсутствие новых нарушений, устранение причин прежнего нарушения и иные элементы положительной динамики уже получают юридическую оценку, но преимущественно как основания не усиливать наказание. Показано, что положительная динамика поведения осуждённого уже документируется уголовно-исполнительной инспекцией и работодателем, поэтому для развития позитивного стимулирования требуется не создание параллельной системы учёта, а определение юридических последствий уже фиксируемых фактов поведения. Предлагается дополнить УИК РФ статьёй 43.1, предусматривающей благодарность, отмену дополнительной регистрационной обязанности и досрочное погашение письменного предупреждения. В качестве последующих ступеней рассматриваются снятие специального ограничения продолжительности отпуска и судебное снижение размера удержаний за устойчивое правопослушное поведение.

Для цитирования в научных исследованиях

Балаш Е.Д. Позитивное стимулирование осуждённых к исправительным работам: нормативная асимметрия и направления совершенствования // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 356-364. DOI: 10.34670/AR.2026.12.57.032

Ключевые слова

Исправительные работы, позитивное стимулирование, меры поощрения, уголовно-исполнительная инспекция, судебная практика, прогрессивная система, правопослушное поведение, уголовно-исполнительное право, реформа наказаний, правовые последствия.

Введение

Исправительные работы сохраняют заметное место в системе наказаний без изоляции от общества. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2024 г. к исправительным работам было осуждено 44,5 тыс. лиц; в 2023 г. – 45,8 тыс., в 2020 г. – 40,9 тыс. Снижение 2024 г. к 2023 г. составило 2,8%, однако показатель оставался на 8,8% выше уровня 2020 г. [Обзор судебной статистики, 2024]. Эти данные характеризуют масштаб назначения наказания и не тождественны числу лиц, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций.

Реформа 2025–2026 гг. изменила конструкцию исправительных работ. С 20 января 2026 г. наказание назначается лицу, имеющему основное место работы, и отбывается по этому месту [Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, 1997; Уголовный кодекс Российской Федерации, 1996; Федеральный закон № 218-ФЗ, 2025; Федеральный закон № 219-ФЗ, 2025]. Тем самым трудовое поведение осужденного стало еще теснее связано с механизмом исполнения наказания. Одновременно глава 7 УИК РФ по-прежнему не содержит специальной нормы, устанавливающей положительные последствия устойчивого правопослушного поведения.

Цель статьи – проверить, является ли отсутствие специальных поощрений лишь формальной особенностью регулирования либо оно образует содержательную проблему исполнения наказания, и предложить правовую модель, основанную на фактах поведения, которые уже фиксируются уголовно-исполнительной инспекцией и исследуются судами.

Общая часть УИК РФ прямо связывает исполнение наказаний со стимулированием правопослушного поведения. Статья 8 относит такое стимулирование к принципам уголовно-исполнительного законодательства, а ст. 9 включает его в определение исправления осужденных [Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, 1997]. При исправительных работах специальный позитивный механизм отсутствует. Статья 46 УИК РФ, напротив, подробно регулирует негативное реагирование: письменное предупреждение о замене наказания, дополнительную обязанность являться в инспекцию для регистрации, критерии злостного уклонения и обращение в суд с вопросом о замене наказания [Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, 1997]. Юридически точнее говорить именно о мерах негативного реагирования, поскольку действующая ст. 46 не называет письменное предупреждение или дополнительную регистрацию взысканиями.

Внутрисистемное сравнение подтверждает асимметрию. Для ограничения свободы ст. 57 УИК РФ предусматривает благодарность, досрочное снятие взыскания и иные меры; для принудительных работ ст. 60.13 УИК РФ – благодарность, досрочное снятие взыскания и возможность выезда за пределы исправительного центра. Для исправительных работ сопоставимой статьи нет [Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, 1997]. Условно-досрочное освобождение по ст. 79 УК РФ и замена неотбытой части наказания более мягким видом по ст. 80 УК РФ также не распространяются на лиц, непосредственно отбывающих исправительные работы [Уголовный кодекс Российской Федерации, 1996]. Это не означает полного отсутствия благоприятных решений в ходе исполнения наказания, но показывает дефицит специальных правовых последствий, прямо зависящих от положительного поведения.

Исторический материал показывает, что специальная поощрительная конструкция для исправительных работ известна отечественному праву. Статья 97 ИТК РСФСР 1970 г.

предусматривала благодарность и досрочное снятие ранее наложенного взыскания за хорошее поведение и честное отношение к труду [Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, 1970]. Сам факт существования прежней нормы не доказывает необходимость ее буквального восстановления. Он подтверждает другое: позитивная реакция на поведение совместима с правовой природой исправительных работ.

В научной литературе проблема рассматривается шире. С. Л. Бабаян связывает исправление осужденных без изоляции с сочетанием позитивного и негативного стимулирования [Бабаян, 20147]. Д. В. Горбань применительно к исправительным работам обосновывает прогрессивную систему, при которой правовое положение осужденного меняется в зависимости от поведения [Горбань, 2016], а в более поздней работе развивает идею распространения прогрессивной модели на альтернативные наказания [Горбань, 2023]. Для настоящего исследования эти позиции важны как доктринальная основа, однако предлагаемые ниже меры выводятся также из анализа действующей судебной практики.

В томской научной школе вопросы исполнения наказаний без изоляции также рассматриваются через индивидуализацию контроля УИИ и организацию исполнения исправительных работ; соответствующие подходы представлены в работах Н. В. Ольховик и О. Н. Уварова [Ольховик, 2017; Уваров, 2014].

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу составили 75 открытых апелляционных судебных актов 2023–2026 гг., непосредственно связанных с заменой исправительных работ более строгим наказанием либо с апелляционной проверкой такого решения. В массив вошли 13 актов 2023 г., 15 – 2024 г., 33 – 2025 г. и 14 – 2026 г.; пять актов относятся к Томской области. Единицей анализа являлся один судебный акт. Кодировались исход рассмотрения, характер нарушения, наличие письменного предупреждения и дополнительной регистрации, фактическое отбывание наказания, трудоустройство, состояние здоровья и иные уважительные причины, последующая динамика поведения, а также доказательственные и процессуальные дефекты.

Выборка является целевой, а не случайной. Публикация судебных актов неполна, а апелляционные материалы отражают только обжалованные решения. Поэтому количественные соотношения характеризуют исследованный массив и не могут использоваться как общероссийская статистика удовлетворения представлений уголовно-исполнительных инспекций. Кроме того, решения 2026 г. могут оценивать поведение, имевшее место до вступления в силу Федерального закона № 219-ФЗ, поэтому межгодовое распределение не трактуется как эффект реформы.

Результаты и обсуждение

В исследованном массиве замена исправительных работ более строгим наказанием была сохранена или произведена по существу в 65 делах. В 7 делах решение было отменено с направлением на новое рассмотрение либо потребовало существенной процессуальной коррекции; в 2 делах вопрос разрешен в пользу отказа в замене по существу; в 1 деле апелляционное производство прекращено, и первоначальный отказ сохранился. Для темы статьи значение имеют не сами проценты, а повторяющиеся факты и аргументационные связи, которыми суды характеризуют поведение осужденного.

В большинстве изученных актов воспроизводится одна и та же отрицательная последовательность: фиксируется нарушение порядка и условий отбывания, осужденному объявляется письменное предупреждение, при необходимости усиливается регистрационный контроль, а последующее нарушение становится основанием для вывода о злостном уклонении и обращения в суд. Такое поведение подтверждается документами личного дела, сведениями работодателя, предупреждениями и регистрационными материалами. Следовательно, действующая система уже располагает инфраструктурой наблюдения за поведением и умеет связывать его ухудшение с нарастающими юридическими последствиями.

Одновременно судебная практика показывает, что положительная динамика также получает правовую оценку. В апелляционном постановлении № 22-1640/2025 суд оставил в силе отказ в замене наказания: к моменту рассмотрения представления осужденный трудоустроился и приступил к отбыванию исправительных работ, а формальные признаки уклонения суд не признал достаточными для обязательного ужесточения наказания [Апелляционное постановление № 22-1640/2025, 2025]. Еще более наглядно это проявилось в деле № 22-1352/2025. Амурский областной суд учел устойчивую работу, положительную характеристику работодателя и прохождение лечения, отменил замену исправительных работ лишением свободы и отказал в представлении инспекции [Апелляционное постановление Амурского областного суда № 22-1352/2025, 2025].

Контрастные решения показывают пределы формального подхода. Томский областной суд по делу № 22-2053/2025 отменил постановление о замене и направил материал на новое рассмотрение, поскольку суд первой инстанции не дал надлежащей оценки медицинским документам и возможным уважительным причинам нарушений [Апелляционное постановление Томского областного суда № 22-2053/2025, 2025]. В деле № 22-680/2025 тот же суд исходил из того, что сам факт наличия работы не тождествен надлежащему отбыванию наказания: значение имеет фактическое исполнение приговора, включая удержания из заработной платы [Апелляционное постановление Томского областного суда № 22-680/2025, 2025].

Эти решения позволяют отделить два разных явления. Уважительная причина или заболевание могут исключать негативную оценку конкретного эпизода, но сами по себе не являются поощряемым поведением. Положительная динамика выражается в устойчивом фактическом отбывании наказания, отсутствии новых нарушений, соблюдении регистрационных обязанностей, надлежащем исполнении трудовых обязанностей и устранении причин прежних нарушений. Именно такие признаки пригодны для позитивного стимулирования, поскольку они уже документируются и поддаются проверке.

Главный эмпирический результат состоит в следующем. При ухудшении поведения закон предусматривает последовательные неблагоприятные последствия. При улучшении поведения тот же массив фактов преимущественно выполняет защитную функцию – позволяет отказаться от ужесточения наказания, отменить преждевременное решение о замене или потребовать дополнительной проверки. Самостоятельного положительного правового последствия глава 7 УИК РФ не устанавливает. Поэтому для развития позитивного стимулирования не требуется создавать параллельную систему учета: требуется определить юридические последствия уже фиксируемой положительной динамики.

1. Базовый уровень должен состоять из мер, которые улучшают правовое положение осужденного, но не изменяют содержание приговора. Их может применять уголовно-исполнительная инспекция при прямом закреплении полномочия в УИК РФ. Предлагается дополнить главу 7 статьей 43.1 следующего содержания.

Статья 43.1. Меры поощрения, применяемые к осужденным к исправительным работам

1. За хорошее поведение и добросовестное отношение к труду уголовно-исполнительная инспекция вправе применять к осужденному следующие меры поощрения:

а) объявление благодарности;

б) отмена обязанности являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации, установленной в соответствии с частью второй статьи 46 настоящего Кодекса;

в) досрочное погашение письменного предупреждения о замене исправительных работ другим видом наказания.

2. При применении мер поощрения учитываются соблюдение осужденным порядка и условий отбывания наказания, добросовестное отношение к труду, отсутствие новых нарушений и продолжительность периода правопослушного поведения после ранее допущенного нарушения.

3. Мера поощрения применяется мотивированным постановлением начальника уголовно-исполнительной инспекции и учитывается в личном деле осужденного.

Формула «досрочное снятие ранее наложенного взыскания», использовавшаяся в ст. 97 ИТК РСФСР, в действующую модель переноситься не должна. Статья 46 УИК РФ не квалифицирует письменное предупреждение как взыскание. Поэтому предлагается самостоятельная конструкция его погашения. Одновременно необходимо установить прямое последствие: погашенное предупреждение не учитывается для образования повторности при последующей квалификации злостного уклонения. Иначе такая мера останется декларативной.

Конкретный минимальный период правопослушного поведения, необходимый для погашения предупреждения, целесообразно устанавливать после анализа ведомственных данных о сроках повторных нарушений. Закрепление произвольного трех- или шестимесячного срока без такой базы методологически слабее, чем последующее определение срока по данным уголовно-исполнительных инспекций.

2. Следующей мерой может стать снятие специального ограничения продолжительности ежегодного оплачиваемого отпуска. Часть 6 ст. 40 УИК РФ предусматривает отпуск продолжительностью 18 рабочих дней, тогда как общий трудовой стандарт составляет 28 календарных дней [Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, 1997; Трудовой кодекс Российской Федерации, 2001]. Решение инспекции в такой модели не должно определять даты отпуска вместо работодателя. Оно должно только снимать уголовно-исполнительное ограничение, после чего отпуск предоставляется по правилам трудового законодательства. Для реализации этой меры требуется одновременная поправка в ч. 6 ст. 40 УИК РФ.

Более сильная ступень – снижение размера удержаний за устойчивое добросовестное поведение. Действующая ч. 7 ст. 44 УИК РФ допускает снижение удержаний при ухудшении материального положения, то есть по объективному компенсаторному основанию [головно-исполнительный кодекс Российской Федерации, 1997]. Поведенческая мера имеет другую природу: она должна прямо зависеть от результатов отбывания наказания. Поскольку размер удержаний установлен приговором, такое изменение должно производиться судом по мотивированному представлению инспекции. Для этого потребуется дополнить ст. 50 УК РФ соответствующим основанием, сохранив установленный законом нижний предел 5%, а в ст. 44 УИК РФ определить основания и порядок внесения представления.

Досрочное прекращение исправительных работ или распространение на них условно-досрочного освобождения обсуждается в литературе как более высокая ступень стимулирования [Бабаян, Айрапетян, Гарибян, 2022]. Однако эта мера затрагивает

продолжительность наказания и требует самостоятельного уголовно-правового и процессуального обоснования. Поэтому в предлагаемом базовом пакете она не используется.

Организационные предложения должны быть связаны с действующим приказом Минюста России от 19 января 2026 г. № 6, зарегистрированным 20 января 2026 г. № 84974 [Приказ Минюста России № 6, 2026]. Приказ Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142, на который опиралась прежняя редакция статьи, с 28 января 2026 г. утратил силу. После законодательного введения ст. 43.1 в ведомственном порядке целесообразно закрепить форму мотивированного постановления о поощрении, учет погашенного предупреждения и отмененной дополнительной регистрации в личном деле, а также агрегированный учет последующего поведения после применения поощрения. Эффективность реформы следует оценивать не по числу вынесенных благодарностей, а по последующему поведению: повторным нарушениям, интервалам до них, числу представлений о замене, устойчивости занятости и фактическому производству удержаний. Такой мониторинг позволит проверить, выполняют ли предлагаемые меры стимулирующую функцию, а также подобрать обоснованный срок положительного поведения для погашения предупреждения.

Заключение

1. После реформы 2026 г. наличие основного места работы стало обязательным условием назначения исправительных работ. Это усиливает значение трудового поведения и делает вопрос позитивных юридических последствий практически значимым.

2. Действующая глава 7 УИК РФ подробно формализует негативное реагирование на нарушения, но не содержит специальной системы поощрений, хотя стимулирование правопослушного поведения закреплено в Общей части Кодекса и используется при других видах наказаний.

3. Анализ 75 апелляционных актов показывает, что суды уже оценивают положительную динамику поведения. Она способна препятствовать замене наказания более строгим, однако обычно не порождает самостоятельного положительного правового результата.

4. Наблюдаемые критерии для позитивного стимулирования уже существуют в документообороте инспекции и работодателя: фактическое отбывание наказания, отсутствие новых нарушений, соблюдение регистрационных обязанностей, исполнение трудовых обязанностей и устранение причин прежних нарушений.

5. Базовое законодательное решение – новая ст. 43.1 УИК РФ, предусматривающая благодарность, отмену дополнительной регистрационной обязанности и досрочное погашение письменного предупреждения с прямым последствием для учета повторности.

6. Снятие специального ограничения продолжительности отпуска и судебное снижение удержаний могут образовать последующие ступени прогрессивной системы. Эти меры требуют согласованных изменений УИК РФ, а снижение удержаний – также УК РФ и судебного контроля.

Библиография

1. Бабаян С.Л. Стимулирование исправления осуждённых к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3 (86). С. 105–110.
2. Бабаян С.Л., Айрапетян А.С., Гарибян К.К. Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в уголовном законодательстве России и зарубежных стран // Правосудие/Justice. 2022. Т. 4, № 1. С. 87–102.

3. Горбань Д.В. Прогрессивная система исполнения и отбывания исправительных работ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4 (65). С. 176–183.
4. Горбань Д.В. Прогрессивная система исполнения и отбывания уголовных наказаний на современном этапе функционирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 1. С. 14–22.
5. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 18.12.1970. Ст. 97 «Меры поощрения и взыскания, применяемые к лицам, отбывающим исправительные работы» (утратил силу).
6. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации.
7. Ольховик Н.В. Индивидуализация контроля уголовно-исполнительных инспекций за осуждёнными без изоляции от общества // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 37–51.
8. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 19.01.2026 № 6 «Об организации исполнения наказаний в виде обязательных работ, лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, исправительных работ, контроля за поведением осуждённых, к которым применена отсрочка отбывания наказания, условно осуждённых» (зарегистрирован 20.01.2026 № 84974).
9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. Ст. 115.
10. Уваров О.Н. К вопросу об исполнении исправительных работ // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 47–52.
11. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 20.02.2026).
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026).
13. Федеральный закон от 23.07.2025 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7-1 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
14. Федеральный закон от 23.07.2025 № 219-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации».
15. Апелляционное постановление № 22-1640/2025.
16. Апелляционное постановление Амурского областного суда № 22-1352/2025 по делу № 4/17-205/2025.
17. Апелляционное постановление Томского областного суда № 22-2053/2025 по делу № 4/17-156/2025.
18. Апелляционное постановление Томского областного суда № 22-680/2025 по делу № 4/17-1/2025.

Positive Incentivization of Persons Sentenced to Corrective Labor: Normative Asymmetry and Directions for Improvement

Ekaterina D. Balash

Postgraduate Student,
Department of Penal Law and Criminology,
National Research Tomsk State University,
634050, 36, Lenin ave., Tomsk, Russian Federation;
e-mail: Ekaterina678@bk.ru

Abstract

The article examines the positive incentivization of persons sentenced to corrective labor after the 2025–2026 reform. The objective of the study is to determine which legally significant signs of behavior are already recorded in the execution of this punishment and which positive legal consequences may be associated with them. The formal-legal, historical-legal, and comparative-legal methods were used, as well as a qualitative analysis of 75 open appellate judicial acts of 2023–2026 on the substitution of corrective labor with a more severe punishment. It has been established that Chapter 7 of the Penal Code of the Russian Federation regulates in detail the negative reaction to violations, but does not contain a special incentive mechanism. Judicial practice shows that employment, actual execution of the punishment, absence of new violations, elimination of the

causes of a previous violation, and other elements of positive dynamics already receive legal assessment, but predominantly as grounds for not aggravating the punishment. It is shown that the positive dynamics of the convicted person's behavior is already documented by the penal inspection and the employer; therefore, for the development of positive incentivization, what is required is not the creation of a parallel accounting system, but the determination of the legal consequences of already recorded facts of behavior. It is proposed to supplement the Penal Code of the Russian Federation with Article 43.1, providing for gratitude, the cancellation of an additional registration obligation, and the early redemption of a written warning. As subsequent stages, the removal of the special restriction on the duration of leave and the judicial reduction of the amount of deductions for sustained law-abiding behavior are considered.

For citation

Balash E.D. (2026) Pozitivnoe stimulirovanie osuzhdennykh k ispravitel'nym rabotam: normativnaya asimmetriya i napravleniya sovershenstvovaniya [Positive Incentivization of Persons Sentenced to Corrective Labor: Normative Asymmetry and Directions for Improvement]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 356-364. DOI: 10.34670/AR.2026.12.57.032

Keywords

Corrective labor, positive incentivization, incentive measures, penal inspection, judicial practice, progressive system, law-abiding behavior, penal law, reform of punishments, legal consequences.

References

1. Apellyatsionnoe postanovlenie № 22-1640/2025 [Appellate ruling No. 22-1640/2025]. (2025).
2. Apellyatsionnoe postanovlenie Amurskogo oblastnogo suda № 22-1352/2025 po delu № 4/17-205/2025 [Appellate ruling of the Amur Regional Court No. 22-1352/2025 in case No. 4/17-205/2025]. (2025).
3. Apellyatsionnoe postanovlenie Tomskogo oblastnogo suda № 22-2053/2025 po delu № 4/17-156/2025 [Appellate ruling of the Tomsk Regional Court No. 22-2053/2025 in case No. 4/17-156/2025]. (2025).
4. Apellyatsionnoe postanovlenie Tomskogo oblastnogo suda № 22-680/2025 po delu № 4/17-1/2025 [Appellate ruling of the Tomsk Regional Court No. 22-680/2025 in case No. 4/17-1/2025]. (2025).
5. Babayan, S.L. (2014). Stimulirovanie ispravleniya osuzhdennykh k nakazaniyam, ne svyazannym s izolyatsiey ot obshchestva [Stimulating the correction of convicts sentenced to punishments not involving isolation from society]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie, (3 (86)), 105–110.
6. Babayan, S.L., Ayrapetyan, A.S., & Garibyan, K.K. (2022). Institut uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya v ugolovnom zakonodatelstve Rossii i zarubezhnykh stran [The institution of parole in the criminal legislation of Russia and foreign countries]. Pravosudie/Justice, 4(1), 87–102.
7. Federalnyy zakon ot 23.07.2025 № 218-FZ "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshim silu punkta 7-1 chasti pervoy stati 299 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law No. 218-FZ of July 23, 2025, "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Invalidation of Paragraph 7-1 of Part One of Article 299 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"]. (2025).
8. Federalnyy zakon ot 23.07.2025 № 219-FZ "O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-ispolnitelnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law No. 219-FZ of July 23, 2025, "On Amendments to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation"]. (2025).
9. Gorban, D.V. (2016). Progressivnaya sistema ispolneniya i otbyvaniya ispravitelnykh rabot [Progressive system of execution and serving of correctional labour]. Aktualnye problemy rossiyskogo prava, (4 (65)), 176–183.
10. Gorban, D.V. (2023). Progressivnaya sistema ispolneniya i otbyvaniya ugolovnykh nakazaniy na sovremennom etape funktsionirovaniya ugolovno-ispolnitelnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii [Progressive system of execution and serving of criminal punishments at the present stage of functioning of the penal system of the Russian Federation]. Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoy sistemy, (1), 14–22.
11. Ispravitelno-trudovoy kodeks RSFSR ot 18.12.1970. St. 97 "Mery pooshchreniya i vzyskaniya, primenyaemye k litsam,

otbyvayushchim ispravitelnye raboty" (utratil silu) [Correctional Labour Code of the RSFSR of December 18, 1970. Art. 97 "Incentive and disciplinary measures applied to persons serving correctional labour" (repealed)]. (1970).
12. Obzor sudebnoy statistiki o deyatelnosti federalnykh sudov obshchey yurisdiktsii i mirovykh sudey v 2024 godu [Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates in 2024]. (2024). Sudebnyy departament pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii.
13. Olkhovik, N.V. (2017). Individualizatsiya kontrolya ugolovno-ispolnitelnykh inspektsiy za osuzhdennymi bez izolyatsii ot obshchestva [Individualization of control by penal enforcement inspectorates over convicts without isolation from society]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo, (24), 37–51.
14. Prikaz Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii ot 19.01.2026 № 6 "Ob organizatsii ispolneniya nakazaniy v vide obyazatelnykh rabot, lisheniya prava zanimat opredelennye dolzhnosti ili zanimatsya opredelennoy deyatelnostyu, ispravitelnykh rabot, kontrolya za povedeniem osuzhdennykh, k kotorym primenena otsrochka otbyvaniya nakazaniya, uslovno osuzhdennykh" (zaregistrirovan 20.01.2026 № 84974) [Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 6 of January 19, 2026, "On the Organization of Execution of Punishments in the Form of Compulsory Labour, Deprivation of the Right to Hold Certain Positions or Engage in Certain Activities, Correctional Labour, and Supervision of the Behaviour of Convicts Granted a Deferral of Sentence and Conditionally Sentenced Persons" (registered on January 20, 2026 No. 84974)]. (2026)
15. Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30.12.2001 № 197-FZ. St. 115 [Labour Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ. Art. 115]. (2001).
16. Ugolovno-ispolnitelnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 08.01.1997 № 1-FZ (red. ot 20.02.2026) [Penal Enforcement Code of the Russian Federation of January 8, 1997 No. 1-FZ (as amended on February 20, 2026)]. (1997).
17. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 04.08.2026) [Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on August 4, 2026)]. (1996).
18. Uvarov, O.N. (2014). K voprosu ob ispolnenii ispravitelnykh rabot [On the issue of execution of correctional labour]. Ugolovnaya yustitsiya, (2 (4)), 47–52.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.16.94.033**

Влияние кризиса профессиональной идентичности на психоэмоциональное состояние осужденных женщин – бывших работников правоохранительных органов

Ерофеева Екатерина Андреевна

Научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: tcherkasovaketrin@yandex.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В представленной работе исследуется феномен кризиса профессиональной идентичности, а также его влияние на психоэмоциональное состояние осужденных женщин – бывших работников правоохранительных органов. Актуальность исследования обусловлена двойственным статусом данной категории лиц: с одной стороны, они обладают высокой профессиональной подготовкой, дисциплиной и опытом работы в стрессогенных условиях, с другой – после совершения преступления и лишения свободы сталкиваются с радикальной переоценкой собственной личности, потерей социального статуса и разрушением внутренней системы профессиональных ценностей. Авторы проводят теоретический анализ психологических детерминант, объясняющих связь между утратой значимой социальной роли, обесцениванием прошлого профессионального опыта и усиленным проявлением негативных эмоциональных состояний в условиях изоляции от общества. В статье рассматриваются особенности организации психологической, воспитательной и педагогической работы с данной категорией осужденных. Обоснована необходимость создания специализированных программ ресоциализации, учитывающих специфику профессиональной биографии осужденных женщин. На основе теоретического анализа сформулированы практические рекомендации для сотрудников уголовно-исполнительной системы, которые ориентированы на повышение эффективности процесса адаптации указанной категории осужденных, как в период отбывания наказания, так и после освобождения.

Для цитирования в научных исследованиях

Ерофеева Е.А., Слабкая Д.Н. Влияние кризис профессиональной идентичности на психоэмоциональное состояние осужденных женщин – бывших работников правоохранительных органов // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 365-373. DOI: 10.34670/AR.2026.16.94.033

Ключевые слова

Уголовно-исполнительная система, осужденные женщины бывшие работники правоохранительных органов, изоляция от общества, места лишения свободы, социальная роль, профессиональная идентичность, агрессивное поведение, психоэмоциональное состояние, постпенитенциарная адаптация.

Введение

Осужденные женщины, ранее проходившие службу в правоохранительных органах, представляют собой особую социальную группу в местах лишения свободы. Проблема потери профессиональной роли приобретает особую остроту в контексте изоляции от общества. Для женщин, чья карьера была неразрывно связана с правоохранительной системой, такой кризис имеет глубокие последствия. Их прежний статус, дисциплина и чувство принадлежности к особому социальному слою вступают в противоречие с новыми условиями пребывания. Это порождает внутренний конфликт, который напрямую отражается на их психоэмоциональном состоянии. Опыт работы в правовой системе государства, высокий уровень образования и интеллекта, знание законодательства Российской Федерации, характер и психологические установки существенно отличают их от остальных осужденных женщин.

Попадая в места лишения свободы бывшие сотрудницы сталкиваются с глубокими внутренними конфликтами. Внезапная утрата властных полномочий, престижной социальной роли и профессиональной принадлежности приводит к острому кризису идентичности, который часто находит выход в деструктивной форме поведения и может проявляться в повышенной агрессивности к окружающим.

При изучении профессиональной идентичности у осужденных женщин – бывших работников правоохранительных органов был проведен анализ научной литературы, который свидетельствует о недостаточной изученности данной проблемы. В пенитенциарной психологии, юриспруденции, социологии и педагогике основное внимание уделяется изучению общих проблем адаптации осужденных, гендерным аспектам женской преступности, особенностям воспитательной работы, а также вопросу ресоциализации бывших осужденных. При этом вопрос о том, как утрата значимой профессиональной деятельности и социальной роли влияет на деформацию личности в условиях изоляции, ее самооценку и механизмы психологической защиты, остается не раскрытым. Изучение данного аспекта определяет актуальность настоящего исследования.

Основная часть

Профессиональная деятельность занимает центральное место в жизни каждого человека, поскольку именно в ней он раскрывает свои способности, реализует и развивает себя как личность, воплощает творческий и интеллектуальный потенциал. Для многих работа становится основной сферой деятельности и главным источником материального обеспечения. В тот момент, когда профессия воспринимается не просто как социальная функция, а как сфера самореализации, возникает основа для профессиональной идентичности – осознания себя как субъекта этой деятельности [Маковецкая, 2024].

Изучение психологических аспектов профессионального становления и развития личности в разных контекстах широко представлено как в зарубежной, так и в отечественной науке.

Профессиональная идентичность выступает как устойчивое ядро личности, определяющее мировоззрение, ценности и способы реагирования на окружающую действительность. Утрата этой опоры в период заключения приводит к разрушению привычных психологических защит. Женщины, ранее занимавшие должности, связанные с поддержанием закона, сталкиваются с необходимостью переосмысления своего места в социуме. Их опыт, навыки и профессиональные установки оказываются невостребованными, что усиливает ощущение собственной ненужности и бесполезности.

Профессиональная идентичность – это осознанная индивидом принадлежность к профессиональному сообществу по уровню образования, профессиональным компетенциям и профессиональной культуре, а также по его включенности в профессиональную группу, которая отождествляет данного индивида как «своего» [Перинская, 2018].

Профессиональная идентичность выступает в качестве центрального элемента, формирующего общую структуру Я-концепции личности. Для сотрудника правоохранительных органов она часто становится стержнем личности, определяя его мировоззрение, круг общения и самооценку. Кроме того, она базируется на таких принципах как, служебный долг, порядок, законность, справедливость, служение обществу и государству. В свою очередь профессиональная деятельность оказывает существенное влияние на формирование системы ценностей человека – должностного лица.

В процессе службы сотрудник срастается со своей профессиональной ролью, она становится частью его личности, частью его «Я». В случаях неожиданных выходов или принудительных выводов из привычной роли, или при смене престижной роли на непривлекательную и имеющую негативную оценку в обществе, может происходить ряд негативных изменений [Черкасова, 2020]. Способность человека справляться со сложившимися ситуациями будет зависеть от уровня его психологической гибкости. Так, некоторые индивиды способны быстро освоиться в новой для себя роли, ригидные в свою очередь теряют опору и продолжают придерживаться прежней модели поведения, которая уже не соответствует их новому положению. Исходя из этого, срастание с профессиональной ролью – это сложный процесс, который может как наполнять и обогащать личность, так и создавать риски для ее дальнейшего развития.

Можно сделать предположение, что профессиональное самоопределение у людей, которые решили связать свою жизнь со служением Родине, не становится случайностью или минутным порывом. Как правильно процесс самоопределения берет свое начало со школьной скамьи, где происходит первичное формирование патриотизма и гражданского долга. Далее он протекает по мере обучения и освоения профессии.

Представление о себе как о носителе определенной профессии неотъемлемый компонент образа большинства взрослых людей о самих себе. Чем более любима работа, тем более слиты эти представления, со временем человек не мыслит себя вне связи со своей профессией. И если он по каким-то независящим от него причинам не может продолжать заниматься своим любимым делом, это превращается для него в настоящую жизненную трагедию [Руднева, 2007]. Как и для исследуемой категории осужденных, лишение возможности заниматься своей привычной профессиональной деятельностью вызывает ряд негативных эмоций и чувств.

Особенность профессиональной социализации в правоохранительных органах заключается в высокой степени идентификации с служебной ролью. Женщины, выбравшие эту сферу деятельности, часто проходят жесткий отбор, требующий не только физической подготовки, но и выраженных морально-волевых качеств, дисциплинированности, готовности к подчинению и

одновременно к принятию ответственных решений. Профессиональные требования формируют особый психологический профиль: склонность к гиперконтролю, эмоциональная сдержанность, приоритет служебного долга над личными потребностями. В результате профессиональная идентичность у таких женщин нередко приобретает черты тотальной, охватывающей все сферы жизни, что делает ее разрушение особенно травматичным.

На лиц, осужденных за преступления, совершенные после прекращения служебной деятельности, после увольнения которых прошло определенное время, специфика профессионального опыта также оказывает существенное влияние на структуру личности, особенности ее адаптации в условиях изоляции и психоэмоциональное состояние. Данная особенность обусловлена кумулятивным воздействием профессиональных стрессоров на психику женщин. С увеличением стажа службы наблюдается рост эмоционального напряжения и хронического переутомления, что ведет к развитию синдрома профессионального выгорания. Это нередко приводит к срывам, девиантному поведению и даже нарушению закона [Герасимова, Мухина, 2015].

Так, после приговора суда, попав в места лишения свободы у бывших работников судов, следственного комитета, прокуратуры, таможни, Федеральной службы безопасности, Министерства внутренних дел, уголовно-исполнительной системы и других ведомств, происходит деструкция прежних социальных ролей, что вынуждает их осваивать новую роль «осужденного». В итоге потеря работы, которой человек посвятил значительную часть своей жизни, вкладывал силы и время, приводит к переосмыслению и переоценке профессионального пути [Пашукова, 2020]. Обесценивание накопленных навыков и невозможность их применения в новых условиях, вызывают экзистенциональный кризис и ставят под сомнение целесообразность прошлых усилий.

Как показывают исследования М.Г. Дебольского в условиях лишения свободы у человека ломается целостная система взаимосвязанных социальных ролей, а под влиянием тюремной среды формируются новые, нередко деструктивные модели идентификации [Дебольский, 2004].

Специфика прошлой служебной деятельности, которая напрямую была связана с высоким уровнем ответственности, самоотдачи, внимательности, стресса, необходимостью принятия быстрых решений, постоянным контролем над своим поведением и эмоциями, в сочетании с резкой сменой социальной роли с «защитника закона» на «преступника», создает уникальный фон для развития дезадаптивных психологических состояний. Все это наносит разрушительный удар по самоидентификации.

Также, для осужденных – бывших сотрудников правоохранительных органов ситуация переживания утраты карьеры усугубляется законодательно установленным запретом на возвращение к службе после освобождения. Они не могут продолжить карьеру в своей сфере, поскольку наличие судимости является абсолютным препятствием для поступления на службу в органы внутренних дел, прокуратуру и другие силовые ведомства. Данный запрет регламентирован статьей 14 Федерального закона от 30.11.2011 №342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации».

Таким образом, в отличии от обычных осужденных, которые после освобождения иногда могут вернуться к своей прежней профессии, для данной категории лиц возвращение в правоохранительные структуры законодательно исключено. Это еще больше подкрепляет осознание, что дело жизни, которому было посвящено много времени и сил потеряло смысл.

В местах лишения свободы кризис профессиональной идентичности у осужденных женщин – бывших работников правоохранительных органов на эмоциональном уровне находит

свое проявление в чувстве опустошенности, тревожности, раздражительности, дезориентации, потере смысла существования и ощущения несправедливости. Женщины могут впадать в депрессию, проявлять вялость, равнодушие и апатичность, но что хуже всего становиться более агрессивными, возбужденными, неуравновешенными, конфликтными, склонными к нарушениям дисциплины. На когнитивном уровне происходит снижение уверенности в себе и переоценка прошлого профессионального опыта. На поведенческом уровне может наступать социальная изоляция, проявляться склонность к конфликтному поведению или аутоагрессии.

Непривычная изоляция, специфичный социум и жесткая регламентация, необходимость соблюдения правил внутреннего распорядка учреждения, кардинально меняет привычный уклад жизни. Данные различия имеют колоссальную разницу по сравнению с тем, что было до осуждения, это приводит к разрыву сложившихся установок, привычек, сознания и порой даже потере смысла жизни.

Подобные негативные изменения в психике могут значительно влиять на социально-психологическую обстановку в среде осужденных, на взаимодействие с родственниками и персоналом учреждения. Агрессивное поведение осужденных может стать причиной массовых беспорядков на территории исправительного учреждения, создать угрозу безопасности персонала, а также существенно дестабилизировать установленный режим и порядок.

Служебная деятельность оказывает двойственное влияние на формирование личности человека. С одной стороны, как уже отмечалось выше в процессе службы осужденные – бывшие работники правоохранительных ведомств приобрели такие важные качества, как организованность, дисциплинированность, ответственность и умение работать в команде, что могло бы поспособствовать успешной адаптации к условиям изоляции и облегчить преодоление трудностей.

С другой стороны, в психологическом портрете осужденных данной категории чаще всего проявляются черты, обусловленные особенностями их профессиональной деятельности. Среди которых – обостренное чувство справедливости, высокая требовательность к себе и окружающим, склонность к доминированию и авторитарный стиль поведения. При отсутствии грамотной психокоррекционной работы, эти черты, могут также усиливать конфликты, вести к недоверию и перерастать в агрессивные проявления.

Немаловажную роль играет и фактор времени. В начале срока отбывания наказания кризисные явления выражены особенно ярко. В дальнейшем возможна частичная адаптация, но глубинные противоречия сохраняются. Особенно сложным становится период перед освобождением, когда возникает необходимость вновь интегрироваться в общество, но профессиональная принадлежность уже утрачена. Это порождает страх перед будущим и неуверенность в собственных силах

Именно поэтому, важной задачей пенитенциарной психологии является глубокое понимание индивидуальных особенностей, осужденных женщин для разработки эффективных программ психокоррекции, направленных на снижение уровня агрессии, развития конструктивных навыков взаимодействия и создание условий, способствующих позитивным личностным изменениям.

Эффективная организация работы с данной категорией осужденных требует от руководства учреждения высокого профессионализма и умения поддерживать безупречный порядок в служебном коллективе. Недопустимо, чтобы внутренние разногласия и возможные конфликты среди личного состава учреждения становились достоянием осужденных, так как это напрямую влияет не только на служебную обстановку, но и подрывает авторитет администрации в лице

спецконтингента. Сотрудники УИС должны пользоваться безусловным уважением в глазах осужденных, обладать высоким уровнем профессиональной компетентности, постоянно саморазвиваться и самосовершенствоваться.

Осуждение и вынужденный уход из профессии часто может сопровождаться осложнением семейных взаимоотношений, что лишает человека привычной опоры и создает дополнительный источник стресса. Именно поэтому восстановление и поддержание социальных связей, является важным ресурсом для стабилизации психоэмоционального состояния осужденных женщин.

Еще одним этапом преодоления кризиса профессиональной идентичности осужденных женщин – бывших работников правоохранительных органов, может стать профессиональное обучение. Возможность освоения новой специальности может стать фундаментом для будущей жизни на свободе, сформировать новые смысловые ориентиры и снизить тревожность. При этом очень важно учитывать не только потребности исправительного учреждения, но и востребованность получаемой профессии на рынке труда.

Особое внимание следует уделять грамотной психолого-педагогической работе, которая должна быть глубоко индивидуализирована, направлена на понимание реальных проблем, потребностей и личностных особенностей женщин, а также учитывать специфику их профессионального прошлого – службу в правоохранительных органах.

Первичная психологическая диагностика требует индивидуального подхода при составлении программы сопровождения осужденных бывших сотрудников правоохранительных органов. Стандартные программы психологической коррекции, могут быть недостаточно эффективны, поскольку не учитывают глубину и специфику кризиса профессиональной идентичности [Новиков, Слабкая, 2021]. Помощь психолога должна быть направлена на переосмысление профессионального опыта, формирование новых жизненных ориентиров, смыслов и ценностей. Добиться успеха в работе возможно будет благодаря сочетанию диагностических, психокоррекционных, профориентационных и социально-реабилитационных мероприятий. При этом перманентный мониторинг состояния с использованием валидизированных методик должен стать обязательным элементом сопровождения данной категории осужденных.

Заключение

Профессиональная идентичность является ядром личности человека, ее разрушение у осужденных женщин – бывших работников правоохранительных органов в условиях лишения свободы может привести к тяжелым психологическим и социальным последствиям. Кризис идентичности в данном случае будет проявляться в потере жизненных ориентиров, разрушении системы ценностей, ролевой дестабилизации, когнитивном диссонансе и эмоциональной напряженности. Учет данных факторов при организации психологической работы в системе УИС способен повысить не только эффективность индивидуального сопровождения, но и будет способствовать снижению уровня дезадаптации и повышению успешности процесса рессоциализации.

Библиография

1. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ https://base.garant.ru/12192456/?ysclid=mt70f0tdky797579830 (дата обращения: 24.07.2026).

2. Барышева, А. В. Особенности зависти у осужденных женщин, бывших работников судов и правоохранительных органов / А. В. Барышева // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 78-1. – С. 297-299.
3. Герасимова, Ю. Р. Некоторые особенности социального облика осужденных-женщин - бывших сотрудников правоохранительных органов / Ю. Р. Герасимова, Р. Р. Мухина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 14. – С. 33-37.
4. Гусева, А. С. Социально-демографические, уголовно-правовые, психологические особенности бывших сотрудников правоохранительных органов, осужденных за коррупционные преступления / А. С. Гусева // Прикладная юридическая психология. – 2023. – № 1(62). – С. 118-125.
5. Дебольский М. Г. Научно-методические предпосылки психокоррекционной работы с осужденными в исправительных учреждениях // Психологическое обеспечение деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Минюста России. — 2004. — С. 32—48. — URL: https://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=97854 (дата обращения: 24.07.2026).
6. Маковецкая Е.Н. Теоретические аспекты исследования профессиональной идентичности // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. №4-2 (110). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-issledovaniya-professionalnoy-identichnosti (дата обращения: 07.07.2026).
7. Новиков, А. В. Психокоррекционная работа с осужденными, проявляющими агрессивно-деструктивные формы поведения / А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2021. – Т. 10, № 1-1. – С. 146-152.
8. Пашукова, А. Д. Осужденные – бывшие работники судов и правоохранительных органов как особая социальная категория при организации воспитательного процесса / А. Д. Пашукова // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. – Т. 8, № 6. – С. 19.
9. Перинская Н.А. Профессиональная идентичность // Знание. Понимание. Умение. 2018. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-identichnost
10. Руднева, Е. Н. Професиональная идентичность - основа становления профессионала / Е. Н. Руднева // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2007. – № 2(8). – С. 72-79.
11. Черкасова Е. А. Социальная роль «осужденного» в представлениях лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы / Е. А. Черкасова // Актуальные проблемы общественных и гуманитарных наук: научный подход молодых исследователей: Сборник научных статей обучающихся Вологодского института права и экономики ФСИН России / Под общей редакцией В.Н. Некрасова. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. – С. 280-284.
12. Шемякина, А. В. Связь статуса профессиональной идентичности обучающихся вуза и их академической успеваемости / А. В. Шемякина, Е. В. Дружинина // Психологические аспекты профессионализации педагогов: теория и практика : Бюллетень лаборатории «Психология профессионального развития педагогов». – Тверь : Психолого-педагогическая академия, 2024. – С. 67-77.
13. Храмов, А. А. Социально-демографическая характеристика осужденных к лишению свободы женщин бывших работников судов и правоохранительных органов / А. А. Храмов // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2023. – № 2(16). – С. 111-117.
14. Храмов, А. А. Уголовно-исполнительная характеристика осужденных к лишению свободы женщин бывших работников судов и правоохранительных органов / А. А. Храмов // Вестник Кузбасского института. – 2023. – № 2(55). – С. 145-156. – DOI 10.53993/2078-3914/2023/2(55)/145-156.

The Impact of the Professional Identity Crisis on the Psycho-Emotional State of Convicted Women – Former Law Enforcement Officers

Ekaterina A. Erofeeva

Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tcherkasovaketrin@yandex.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The present work examines the phenomenon of the professional identity crisis, as well as its impact on the psycho-emotional state of convicted women – former law enforcement officers. The relevance of the study is conditioned by the dual status of this category of persons: on the one hand, they possess high professional training, discipline, and experience of working under stressful conditions; on the other hand, after committing a crime and being deprived of liberty, they face a radical reassessment of their own personality, the loss of social status, and the destruction of the internal system of professional values. The authors conduct a theoretical analysis of the psychological determinants explaining the connection between the loss of a significant social role, the devaluation of past professional experience, and the intensified manifestation of negative emotional states under conditions of isolation from society. The article examines the specifics of organizing psychological, educational, and pedagogical work with this category of convicted persons. The necessity of creating specialized resocialization programs that take into account the specifics of the professional biography of convicted women is substantiated. On the basis of theoretical analysis, practical recommendations have been formulated for employees of the penal enforcement system, which are aimed at increasing the effectiveness of the adaptation process of this category of convicted persons, both during the period of serving their sentence and after release.

For citation

Erofeeva E.A., Slabkaya D.N. (2026) Vliyanie krizisa professional'noy identichnosti na psikhoemotsional'noe sostoyanie osuzhdennykh zhenshchin – byvshikh rabotnikov pravookhranitel'nykh organov [The Impact of the Professional Identity Crisis on the Psycho-Emotional State of Convicted Women – Former Law Enforcement Officers]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 365-373. DOI: 10.34670/AR.2026.16.94.033

Keywords

Penal enforcement system, convicted women former law enforcement officers, isolation from society, places of deprivation of liberty, social role, professional identity, aggressive behavior, psycho-emotional state, post-penitentiary adaptation.

References

1. Federal'nyj zakon «O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» ot 30.11.2011 № 342-FZ https://base.garant.ru/12192456/?ysclid=mt70f0tdky797579830 (data obrashcheniya: 24.07.2026).
2. Barysheva, A. V. Osobennosti zavisti u osuzhdennyh zhenshchin, byvshih rabotnikov sudov i pravoohranitel'nyh organov / A. V. Barysheva // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2023. – № 78-1. S. 297-299.
3. Gerasimova, Yu. R. Nekotorye osobennosti social'nogo oblika osuzhdennyh-zhenshchin - byvshih sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov / Yu. R. Gerasimova, R. R. Muhina // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. – № 14. – S. 33-37.

4. Guseva, A. S. Social'no-demograficheskie, ugolovno-pravovye, psihologicheskie osobennosti byvshih sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov, osuzhdennyh za korrupcionnye prestupleniya / A. S. Guseva // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. – 2023. – № 1(62). – S. 118-125.
5. Debol'skij M. G. Nauchno-metodicheskie predposylki psihokorrekcionnoj raboty s osuzhdennymi v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah // Psihologicheskoe obespechenie deyatel'nosti uchrezhdenij i organov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Minyusta Rossii. — 2004. — S. 32—48. — URL: https://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=97854 (data obrashcheniya: 24.07.2026).
6. Makoveckaya E.N. Teoreticheskie aspekty issledovaniya professional'noj identichnosti // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2024. №4-2 (110). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-issledovaniya-professionalnoy-identichnosti (data obrashcheniya: 07.07.2026).
7. Novikov, A. V. Psihokorrekcionnaya rabota s osuzhdennymi, proyavlyayushchimi agressivno-destruktivnye formy povedeniya / A. V. Novikov, D. N. Slabkaya // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2021. – T. 10, № 1-1. – S. 146-152.
8. Pashukova, A. D. Osuzhdennye – byvshie rabotniki sudov i pravoohranitel'nyh organov kak osobaya social'naya kategoriya pri organizacii vospitatel'nogo processa / A. D. Pashukova // Mir nauki. Pedagogika i psihologiya. – 2020. – T. 8, № 6. – S. 19.
9. Perinskaya N.A. Professional'naya identichnost' // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2018. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-identichnost
10. Rudneva, E. N. Profesional'naya identichnost' - osnova stanovleniya professionala / E. N. Rudneva // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psihologo-pedagogicheskie nauki. – 2007. – № 2(8). – S. 72-79.
11. Cherkasova E. A. Social'naya rol' «osuzhdennogo» v predstavleniyah lic, otbyvayushchih nakazanie v vide lisheniya svobody / E. A. Cherkasova // Aktual'nye problemy obshchestvennyh i gumanitarnyh nauk: nauchnyj podhod molodyh issledovatelej: Sbornik nauchnyh statej obuchayushchihsya Vologodskogo instituta prava i ekonomiki FSIN Rossii / Pod obshchej redakciej V.N. Nekrasova. – Vologda: Vologodskij institut prava i ekonomiki Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij, 2020. – S. 280-284.
12. Shemyakina, A. V. Svyaz' statusa professional'noj identichnosti obuchayushchihsya vuza i ih akademicheskoj uspevaemosti / A. V. Shemyakina, E. V. Druzhinina // Psihologicheskie aspekty professionalizacii pedagogov: teoriya i praktika : Byulleten' laboratorii «Psihologiya professional'nogo razvitiya pedagogov». – Tver' : Psihologo-pedagogicheskaya akademiya, 2024. – S. 67-77.
13. Hramov, A. A. Social'no-demograficheskaya harakteristika osuzhdennyh k lisheniyu svobody zhenshchin byvshih rabotnikov sudov i pravoohranitel'nyh organov / A. A. Hramov // Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii. – 2023. – № 2(16). – S. 111-117.
14. Hramov, A. A. Ugolovno-ispolnitel'naya harakteristika osuzhdennyh k lisheniyu svobody zhenshchin byvshih rabotnikov sudov i pravoohranitel'nyh organov / A. A. Hramov // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2023. – № 2(55). – S. 145-156. – DOI 10.53993/2078-3914/2023/2(55)/145-156.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.40.56.034**

Зарубежный пенитенциарный опыт в вопросах прогнозирования повторных преступлений

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

В представленном материале рассматривается зарубежный опыт прогнозирования рецидива преступлений в пенитенциарных системах. Анализируются основные подходы к оценке риска повторных преступлений, включая актуарные инструменты, структурированное профессиональное суждение. Систематизируются методологические подходы, используемые в пенитенциарных системах США, Великобритании, Канады и стран Скандинавии. Особое внимание уделяется актуальным инструментам оценки риска рецидивов (LSI-R, OASys, VRAG, COMPAS), их эмпирическая валидность, этические ограничения и практическая интеграция в процессы принятия решений о досрочном освобождении, условно-досрочном освобождении и назначении мер безопасности. На основе критического обзора источников формулируются рекомендации о возможностях адаптации зарубежного опыта в национальной пенитенциарной практике с учетом институциональных особенностей.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Зарубежный пенитенциарный опыт в вопросах прогнозирования повторных преступлений // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 374-382. DOI: 10.34670/AR.2026.40.56.034

Ключевые слова

Рецидив, прогнозирование преступлений, пенитенциарная система, оценка риска, актуарные инструменты, зарубежный опыт, условно-досрочное освобождение.

Введение

Прогнозирование повторных преступлений остается одной из наиболее сложных и социально значимых проблем современной уголовной юстиции. Высокий уровень рецидивной преступность не только подрывает доверие общества к институтам правосудия, но и влечет за собой значительные экономические издержки. В этой связи, разработка эффективных методов прогнозирования рецидивной преступности становится приоритетной задачей, направленной на снижение криминогенной активности освобожденных из мест лишения свободы лиц и повышение общественной безопасности. Зарубежный опыт прогнозирования рецидива представляет значительный интерес для изучения различных подходов к прогнозированию и их практической реализации.

Зарубежные пенитенциарные системы накопили значительный опыт в разработке и применении инструментов оценки риска повторных преступлений. Как отмечается в исследовании, опубликованном в Irpin Legal Chronicles, «рецидивизм остается одной из наиболее сложных и социально опасных проблем современной уголовной юстиции», при этом особое внимание уделяется практике Норвегии, США, Канады и Великобритании. В настоящее время в пенитенциарной практике вышеобозначенных государств разработаны и активно используются прогностические алгоритмы риска насилия и рецидива, в том числе на основе искусственного интеллекта.

Цель исследования – систематизация зарубежного опыта прогнозирования повторных преступлений и выявление возможностей его адаптации в отечественной пенитенциарной практике.

Основная часть

В зарубежной криминологии и пенитенциарной практике сложились три основных подхода к оценке риска повторных преступлений:

Клинический подход основан на неструктурированном профессиональном суждении специалиста (психиатра, психолога, сотрудника службы пробации) [Макушкина, 2018]. Данный метод предполагает анализ личности правонарушителя, его биографии и обстоятельств совершения преступления. Однако, как показывают мета-аналитические исследования, актуарные оценки риска превосходят неструктурированное клиническое суждение по точности прогноза [Shiina A, 2015].

Актуарный подход предполагает использование статистически обоснованных инструментов, которые на основе фиксированного набора факторов (статических и динамических) рассчитывают вероятность рецидива преступления [Дебольский, 2014]. Актуарные инструменты демонстрируют умеренную или высокую прогностическую валидность и способствуют снижению как ложноположительных, так и ложноотрицательных результатов, повышая согласованность принимаемых решений.

Структурированное профессиональное суждение (SPJ) представляет собой исследовательски обоснованный подход, сочетающий использование руководств по оценке риска с профессиональным опытом специалиста. SPJ-инструменты обеспечивают интеграцию информации из широкого спектра факторов риска, связанных с рецидивом [Douglas, Hart, Webster, Belfrage, 2013].

Современные инструменты прогнозирования рецидива преступности учитывают две категории факторов. К статическим относятся биографические, криминологические и неизменяемые характеристики (возраст, судимости, история правонарушений). Динамические факторы поддаются изменению в процессе терапии и реабилитации – это антисоциальные установки, социальные взаимодействия, участие в психокоррекционных программах, способность к регуляции эмоций, импульсивность.

Немецкая практика оценки риска рецидива, например, включает шесть групп факторов: личные обстоятельства (социальное происхождение, семейное положение, образование, занятость, финансовое состояние, психическое здоровье, аддиктивное поведение), криминальная история, обстоятельства текущего правонарушения, опыт терапии, поведение в период испытательного срока и особые события, повышающие риск рецидива [Шишигина, 2022].

США являются одним из пионеров в разработке и внедрении актуарных инструментов прогнозирования рецидива. По оценкам, в американской системе уголовного правосудия используется более 60 инструментов оценки риска, которые существенно различаются по своей конфигурации.

Наиболее известным и одновременно наиболее критикуемым инструментом является COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions – *Профилирование правонарушителей для применения альтернативных санкций*), разработанный компанией Northpointe. COMPAS применяется для прогнозирования риска рецидива и используется при принятии решений об освобождении под залог, вынесении приговора и условно-досрочном освобождении. Однако алгоритм COMPAS подвергся серьезной критике за расовую предвзятость: эмпирический анализ показал, что расовая предвзятость не только присутствует в наборе данных COMPAS, но и усиливается моделями искусственного интеллекта. Кроме того, высказываются опасения, что алгоритмические инструменты могут не только прогнозировать рецидив, но и индуцировать его через самоисполняющиеся прогнозы [Купчина, 2021].

Помимо COMPAS, в США активно используются такие инструменты, как LSI-R (Level of Service Inventory-Revised – *Пересмотренный перечень услуг*) и VRAG (Violence Risk Appraisal Guide – *Руководство по оценке рисков насилия*), применяемые как в пенитенциарных учреждениях, так и в судебной практике, включая этап определения меры наказания.

Канадская система прогнозирования рецидива считается одной из наиболее методически проработанных. Канадская модель Risk-Need-Responsivity (RNR), разработанная Дж. Бонтой и Д. Эндрюсом, стала теоретической основой для многих инструментов оценки риска по всему миру [Слабкая, 2026]. Модель предполагает, что интенсивность реабилитационных программ должна соответствовать уровню риска правонарушителя, его криминогенным потребностям и способности воспринимать терапевтическое воздействие.

Ключевым инструментом, разработанным на основе модели RNR, является LS/RNR (Level of Service/ Risk-Need-Responsivity – *Уровень обслуживания/ риск-потребность-реакция*), который демонстрирует среднюю прогностическую силу при оценке рецидива стандартными методами. Канадская служба исправительных учреждений (Correctional Service of Canada) разработала также Индекс криминального риска (IRC) – инструмент для определения оптимальной интенсивности программ реабилитации.

В канадской провинции Квебек применяется ORAC-PCQ – актуарный инструмент четвертого поколения, предназначенный для оценки риска рецидива и криминогенных потребностей лиц, отбывающих короткие сроки наказания. Исследования показывают, что

ORAC-PCQ демонстрирует приемлемую прогностическую валидность, хотя вопросы культурной предвзятости при его применении к коренному населению остаются предметом научной дискуссии [Giguère, Guy & Lussier, Patrick & Bourassa, Christian, 2025].

Британская система оценки риска рецидива базируется на инструменте OASys (Offender Assessment System – *Система оценки правонарушителей*), который используется Службой тюрем и пробации Его Величества (HMPPS) с 2001 года. OASys представляет собой комплексную систему оценки рисков и потребностей правонарушителей, включающую два типа оценки: базовую и полную.

OASys включает два надежных предиктора рецидива: OGP1 (Offender Group Reconviction Scale – *Шкала повторного осуждения группы правонарушителей*) и OVP1 (Offender Violence Predictor – *Предиктор насилия правонарушителей*), которые позволяют прогнозировать общий и насильственный рецидив соответственно. Система была построена на основе существующих эмпирических данных и прошла пилотное тестирование до полномасштабного внедрения.

Немецкая модель прогнозирования рецидива отличается выраженным акцентом на экспертные оценки. В Германии оценка риска рецидива осуществляется в рамках психиатрических или медико-психологических экспертиз, содержание которых обсуждается в судебном заседании. Конкретные условия проведения экспертизы варьируются в зависимости от федеральной земли [Шишигина, 2022].

Институциональной основой немецкой системы является ведомство Bewährungshilfe (служба пробации), в рамках которой разработана стандартизированная процедура оценки риска рецидива (Rückfallrisikoprognose). Данная процедура представляет собой «краеугольный» камень эффективного кейс-менеджмента и предполагает учет широкого спектра факторов на протяжении всего периода пробации.

Немецкие исследования показывают, что риск рецидива наиболее высок непосредственно после освобождения из тюрьмы. Группа с наивысшим уровнем рецидива в первые три года – лица, полностью отбывшие наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет. Из них 50% совершают повторные преступления в течение первых 15 месяцев после освобождения [Aratrika Roy, Priyanka Verma, 2026].

Нидерландская пенитенциарная система активно использует инструменты скрининга для раннего выявления склонности к насильственному поведению среди заключенных. Инструмент RS-V (Risk Screener Violence – *Проверка рисков насилия*), внедренный в голландских тюрьмах, позволяет сотрудникам пенитенциарных учреждений оценивать риск насильственного рецидива через 6 и 12 месяцев после освобождения. Проспективное исследование подтвердило хорошую прогностическую валидность RS-V, причем точность прогноза оказалась выше для насильственного рецидива, чем для общего [Smeekens, De Vries Robbe, Popma, Kempes, 2025].

В Нидерландах оценка опасности может начинаться на предсудебной стадии по запросу судебных органов, когда лицо страдает психическим расстройством. Экспертиза проводится национальным органом Pieter Baan Centrum, который функционирует независимо от пенитенциарной администрации и позволяет экспертам в области поведения проводить обследование в безопасных условиях. По результатам семинедельного наблюдения орган может рекомендовать суду помещение в клинику.

Норвежская пенитенциарная система известна своей гуманистической моделью, ориентированной на ресоциализацию. Вместе с тем в Норвегии активно развиваются инструменты прогнозирования рецидива. Инструмент OxRec, изначально разработанный в Оксфордском университете, был внешне валидирован на норвежской выборке освобожденных

из тюрем. Исследование показало, что перекалиброванная версия OxRec (*Оксфордский инструмент по риску рецидива*) демонстрирует хорошую прогностическую эффективность в отношении риска насильственного и любого рецидива в течение 1 и 2 лет после освобождения [Savinen, Riksheim Stavseth, Bukten, Chang, 2025].

Инструмент OxRec включает 14 пунктов, охватывающих социально-демографические, криминологические и клинические/медицинские факторы: пол, возраст, криминальную историю и другие. Положительная прогностическая ценность инструмента составила 21%, отрицательная – более 96% для двухлетнего риска насильственного рецидива.

Франция занимает более сдержанную позицию в отношении актуарных инструментов прогнозирования рецидива. Как отмечается в исследовании, опубликованном в Elsevier, использование актуарных инструментов во Франции остается ограниченным и активно обсуждаемым.

Французская система оценки риска включает три основные направления: клиническое суждение, структурированное клиническое суждение и актуарные инструменты (шкалы, дающие числовые результаты в терминах вероятности риска рецидива).

Сопротивление французских практиков внедрению актуарных инструментов связано с опасениями относительно «технологизации» профессионального суждения, сохранения индивидуального подхода и риска превращения инструментов поддержки принятия решений в инструменты, подменяющие профессиональную оценку [Olivier Vanderstukken, Nora Letto, Aurélia Manns, Thierry H. Pham, 2026].

Исследование австралийских ученых, сравнившее инструменты LSI-R:SV (Level of Service Inventory-Revised: Screening Version – *пересмотренный опросник уровня обслуживания: версия для скрининга*), LS/RNR и VRS (Violence Risk Scale – *Шкала риска насилия*) на выборке мужчин, осужденных за тяжкие насильственные преступления, выявило, что все три инструментария показали более высокие показатели рецидива среди лиц, классифицированных как высокорисковые. LSI-R:SV продемонстрировал наибольшую точность в прогнозировании любого рецидива, тогда как LS/RNR показал самый сильный прогноз для любого рецидива, но относительно слабый – для ненасильственного.

Систематический обзор структурных инструментов оценки риска насильственного рецидива, опубликованный в 2026 году, показал, что современные инструменты, использующие различные статические и динамические факторы риска, демонстрируют умеренную точность, но ниже оптимальных порогов клинической полезности. Несмотря на клиническую несовершенность (в полной мере), структурированный прогноз оценивается как более эффективный, чем неструктурированный [Ashley L. Dunne, … 2025].

Следует обратить внимание, что одной из наиболее острых проблем прогнозирования рецидива является алгоритмическая предвзятость. Например, исследование COMPAS показало, что расовая предвзятость не только присутствует в наборе данных, но и усиливается моделями искусственного интеллекта. Применение ограничений справедливости не обязательно приводит к снижению точности прогнозирования рецидива, а в некоторых случаях может корректировать искажения, вносимые предвзятыми переменными результатов.

В свою очередь, актуарные инструменты оценивают вероятности на основе групповых данных и не могут с уверенностью предсказать индивидуальное поведение. Они не предназначены для замены принятия решений, а служат для его информационного обеспечения, предоставляя структурированные вероятностные оценки, которые должны интерпретироваться наряду с актуальной информацией о конкретном случае.

Применимость актуарных инструментов может ограничиваться происхождением выборок, на которых они разрабатывались, что снижает их адаптивность на другие национальные правовые и культурные системы.

Заключение

Зарубежный опыт прогнозирования повторных преступлений демонстрирует значительное разнообразие подходов: от строго актуарных моделей, доминирующих в США и Канаде, до экспертных и клинических методов, преобладающих в Германии и Франции. Наиболее эффективные системы, как показывает анализ, сочетают инструментальную оценку риска с профессиональным суждением и индивидуализированным подходом к каждому правонарушителю.

Ключевыми тенденциями в развитии зарубежных систем прогнозирования рецидива являются: расширение использования структурированных инструментов оценки риска (OASys, LS/RNR, OxRec, RS-V); интеграция динамических факторов в прогностические модели; развитие моделей на основе искусственного интеллекта при одновременном усилении внимания к профессионально-этическим аспектам их применения; сочетание прогностических инструментов с программами ресоциализации и трудоустройства.

Для отечественной пенитенциарной практики представляется целесообразным изучение и адаптация следующих элементов зарубежного опыта: валидированных актуарных инструментов с доказанной прогностической эффективностью; модели Risk-Need-Responsivity как теоретической основы дифференциации реабилитационных программ; опыта интеграции прогностических инструментов в систему управления; механизмов обеспечения прозрачности и справедливости алгоритмических решений. При этом необходима критическая оценка переносимости зарубежных инструментов с учетом национальных особенностей правовой системы, криминологической ситуации и культурного контекста.

Библиография

1. Бут, Б. Д. Потенциальная общественная опасность и управление риском повторного совершения правонарушений сексуального характера / Б. Д. Бут, Д. Уоттс // Российский психиатрический журнал. – 2018. – № 4. – С. 15-23.
2. Волконская, Е. К. Экономические факторы в детерминации рецидива насильственных преступлений / Е. К. Волконская, Ю. К. Волконский // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 9. – С. 89-95.
3. Дебольский, М. Г. Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных / М. Г. Дебольский // Психология и право. – 2014. – № 1. – С. 35-49.
4. Дорожинский, А. Сравнительно-правовые аспекты зарубежного законодательства по предупреждению повторных преступлений среди осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества / А. Дорожинский // Юрислингвистика. – 2023. – № 30(41). – С. 50-56. – DOI 10.14258/leglin(2023)3009.
5. Купчина, Е.В. Применение технологии искусственного интеллекта в системе гражданского судопроизводства США / Е. В. Купчина // Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 63-71. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2021.4.8.
6. Макушкина, О. А. Оценка риска общественной опасности в судебно-психиатрической практике с использованием протективных факторов / О. А. Макушкина, С. В. Полубинская // Социальная и клиническая психиатрия. – 2018. – Т. 28, № 2. – С. 101-108.
7. Новиков А.В. Аспекты прогнозирования рецидивной преступности в зарубежной пенитенциарной практике // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 11-1. С. 217-224. DOI: 10.34670/AR.2025.33.63.025
8. Слабкая, Д. Н. Особенности прогнозирования рецидивной преступности в рамках парадигмы RNR (Риск-Потребность-Восприимчивость) в пенитенциарной практике зарубежных стран / Д. Н. Слабкая // Вопросы российского и международного права. – 2026. – Т. 16, № 2-1. – С. 583-590. – DOI 10.34670/AR.2026.59.23.066.

9. Тепляшин, П. В. Пенитенциарные факторы в контексте профилактики рецидивной преступности: зарубежный опыт / П. В. Тепляшин // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 3(36). – С. 96-104. – DOI 10.51980/2542-1735_2019_3_96.
10. Шишигина, С. Н. Правовой прогноз или прогноз рецидива в уголовно-исполнительной практике Германии / С. Н. Шишигина // Образование и право. – 2022. – № 11. – С. 307-311. – DOI 10.24412/2076-1503-2022-11-307-311.
11. Ashley L. Dunne,Melanie Simmons,Nina Papalia,Benjamin Spivak,Janet Ruffles,James R. P., Validity of the LSI-R:SV, LS/RNR and VRS risk assessment instruments in a sample of male serious violent offenders in Australia. Pages 1370-1394 | Received 08 Jun 2023, Accepted 12 Feb 2025, Published online: 06 Mar 2025
12. Aratrika Roy, Priyanka Verma, A comprehensive review of structural risk assessment tools for detecting violent recidivism, Journal of Forensic and Legal Medicine,Volume 120, 2026, https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1752928X26000946
13. Douglas K.S., Hart S.D., Webster C.D., Belfrage H. HCR-20 V3: Assessing Risk for Violence – User Guide. Burnaby, Canada: Mental Health Law and Policy Institute, Simon Fraser University. 2013
14. Giguère, Guy & Lussier, Patrick & Bourassa, Christian, 2025. "Validation of the ORAC-PCQ, an actuarial risk assessment tool for general recidivism: A psychometric analysis based on Messick's validity framework," Journal of Criminal Justice, Elsevier, vol. 101(C). Handle: RePEc:eee:jcjust:v:101:y:2025:i:c:s0047235225001667
15. Shiina A (2015) Risk Assessment and Management of Violence in Patients with Mental Disorders: A Review. J Forensic Legal Investig Sci 1: 002. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.240f1a66-6ac8ba99-d0257b8f-74722d776562/https/www.heraldopenaccess.us/openaccess/risk-assessment-and-management-of-violence-in-patients-with-mental-disorders-a-review
16. Standards für die Bewährungshilfe in Nordrhein-Westfalen. DBH, 2024
17. Smeekens M.V., De Vries Robbe M., Popma A., Kempes M.M. The Prospective Prediction of Community Violence after Release from Prison with the Risk Screener Violence (RS-V) // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2025.
18. Savinen S., Riksheim Stavseth M., Bukten A., Chang Z. Prediction of reoffending in people released from prison in Norway: external validation of the OxRec risk assessment tool // Psychology, Crime & Law. 2025.
19. Olivier Vanderstukken, Nora Letto, Aurélia Manns, Thierry H. Pham, Outils actuariels de prédiction du risque de récidive et intelligence artificielle : apports, limites et conditions de son éventuelle intégration, Annales Médico-psychologiques, revue psychiatrique, 2026, https://doi.org/10.1016/j.amp.2026.06.019.
20. Rapport sur la refonte du droit des peines. Ministère de la Justice (France), 2023
21. Holper L., Heldner N., Hofmann M.J., Hauser N.C., Habermeyer E., Mokros A. Risk assessment instruments for predicting the risk of sexual recidivism: A meta-analytic comparison of 10 instruments // Psychological Assessment. 2026. Vol. 38(10). P. 683–703.

Foreign Penitentiary Experience in Predicting Repeat Offenses

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The presented material examines foreign experience in predicting the recidivism of crimes in penitentiary systems. The main approaches to assessing the risk of repeat offenses are analyzed, including actuarial tools and structured professional judgment. The methodological approaches used in the penitentiary systems of the USA, Great Britain, Canada, and the Scandinavian countries are

systematized. Particular attention is paid to current risk assessment tools for recidivism (LSI-R, OASys, VRAG, COMPAS), their empirical validity, ethical limitations, and practical integration into decision-making processes on early release, parole, and the imposition of security measures. Based on a critical review of sources, recommendations are formulated on the possibilities of adapting foreign experience in national penitentiary practice, taking into account institutional specifics.

For citation

Novikov A.V. (2026) Zarubezhnyy penitentsiarnyy opyt v voprosakh prognozirovaniya povtornykh prestupleniy [Foreign Penitentiary Experience in Predicting Repeat Offenses]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 374-382. DOI: 10.34670/AR.2026.40.56.034

Keywords

Recidivism, crime prediction, penitentiary system, risk assessment, actuarial tools, foreign experience, parole.

References

1. But, B. D. Potencial'naya obshchestvennaya opasnost' i upravlenie riskom povtornogo sovershheniya pravonarushenij seksual'nogo haraktera / B. D. But, D. Uotts // Rossijskij psihiatricheskij zhurnal. – 2018. – № 4. – S. 15-23.
2. Volkonskaya, E. K. Ekonomicheskie faktory v determinacii recidiva nasil'stvennyh prestuplenij / E. K. Volkonskaya, Yu. K. Volkonskij // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2013. – № 9. – S. 89-95.
3. Debol'skij, M. G. Problemy riska recidiva pri uslovno-dosrochnom osvobozhdenii osuzhdennyh / M. G. Debol'skij // Psihologiya i pravo. – 2014. – № 1. – S. 35-49.
4. Dorozhinskij, A. Sravnitel'no-pravovye aspekty zarubezhnogo zakonodatel'stva po preduprezhdeniyu povtornyh prestuplenij sredi osuzhdennyh, otbyvayushchih nakazaniya bez izolyacii ot obshchestva / A. Dorozhinskij // Yurislingvistika. – 2023. – № 30(41). – S. 50-56. – DOI 10.14258/leglin(2023)3009.
5. Kupchina, E.V. Primenenie tekhnologii iskusstvennogo intellekta v sisteme grazhdanskogo sudoproizvodstva SShA / E. V. Kupchina // Pravovaya paradigma. – 2021. – T. 20, № 4. – S. 63-71. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2021.4.8.
6. Makushkina, O. A. Ocenka riska obshchestvennoj opasnosti v sudebno-psihiatricheskoj praktike s ispol'zovaniem protektivnyh faktorov / O. A. Makushkina, S. V. Polubinskaya // Social'naya i klinicheskaya psihiatriya. – 2018. – T. 28, № 2. – S. 101-108.
7. Novikov A.V. Aspekty prognozirovaniya recidivnoj prestupnosti v zarubezhnoj penitenciarnoj praktike // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2025. Tom 15. № 11-1. S. 217-224. DOI: 10.34670/AR.2025.33.63.025
8. Slabkaya, D. N. Osobennosti prognozirovaniya recidivnoj prestupnosti v ramkah paradigmy RNR (Risk-Potrebnost'-Vospriimchivost') v penitenciarnoj praktike zarubezhnyh stran / D. N. Slabkaya // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2026. – T. 16, № 2-1. – S. 583-590. – DOI 10.34670/AR.2026.59.23.066. – EDN BBAWSV.
9. Teplyashin, P. V. Penitenciarnye faktory v kontekste profilaktiki recidivnoj prestupnosti: zarubezhnyj opyt / P. V. Teplyashin // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 3(36). – S. 96-104. – DOI 10.51980/2542-1735_2019_3_96.
10. Shishigina, S. N. Pravovoj prognoz ili prognoz recidiva v ugolovno-ispolnitel'noj praktike Germanii / S. N. Shishigina // Obrazovanie i pravo. – 2022. – № 11. – S. 307-311. – DOI 10.24412/2076-1503-2022-11-307-311.
11. Ashley L. Dunne,Melanie Simmons,Nina Papalia,Benjamin Spivak,Janet Ruffles,James R. P., Validity of the LSI-R:SV, LS/RNR and VRS risk assessment instruments in a sample of male serious violent offenders in Australia. Pages 1370-1394 | Received 08 Jun 2023, Accepted 12 Feb 2025, Published online: 06 Mar 2025
12. Aratrika Roy, Priyanka Verma, A comprehensive review of structural risk assessment tools for detecting violent recidivism, Journal of Forensic and Legal Medicine,Volume 120, 2026, https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1752928X26000946
13. Douglas K.S., Hart S.D., Webster C.D., Belfrage H. HCR-20 V3: Assessing Risk for Violence – User Guide. Burnaby, Canada: Mental Health Law and Policy Institute, Simon Fraser University. 2013
14. Giguère, Guy & Lussier, Patrick & Bourassa, Christian, 2025. \"Validation of the ORAC-PCQ, an actuarial risk assessment tool for general recidivism: A psychometric analysis based on Messick\'s validity framework,\" Journal of Criminal Justice, Elsevier, vol. 101(C). Handle: RePEc:eee:jcjust:v:101:y:2025:i:c:s0047235225001667

15. Shiina A (2015) Risk Assessment and Management of Violence in Patients with Mental Disorders: A Review. J Forensic Legal Investig Sci 1: 002. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.240f1a66-6ac8ba99-d0257b8f-74722d776562/https/www.heraldopenaccess.us/openaccess/risk-assessment-and-management-of-violence-in-patients-with-mental-disorders-a-review
16. Standards für die Bewährungshilfe in Nordrhein-Westfalen. DBH, 2024
17. Smeekens M.V., De Vries Robbe M., Popma A., Kempes M.M. The Prospective Prediction of Community Violence after Release from Prison with the Risk Screener Violence (RS-V) // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2025.
18. Savinen S., Riksheim Stavseth M., Bukten A., Chang Z. Prediction of reoffending in people released from prison in Norway: external validation of the OxRec risk assessment tool // Psychology, Crime & Law. 2025.
19. Olivier Vanderstukken, Nora Letto, Aurélia Manns, Thierry H. Pham, Outils actuariels de prédiction du risque de récidive et intelligence artificielle : apports, limites et conditions de son éventuelle intégration, Annales Médico-psychologiques, revue psychiatrique, 2026, https://doi.org/10.1016/j.amp.2026.06.019.
20. Rapport sur la refonte du droit des peines. Ministère de la Justice (France), 2023
21. Holper L., Heldner N., Hofmann M.J., Hauser N.C., Habermeyer E., Mokros A. Risk assessment instruments for predicting the risk of sexual recidivism: A meta-analytic comparison of 10 instruments // Psychological Assessment. 2026. Vol. 38(10). P. 683–703.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.13.62.035**

Уголовно-правовая характеристика осужденных-рецидивистов: сравнительный анализ

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Лебешев Иван Сергеевич

Начальник отдела исследования проблем социологического обеспечения и прогнозирования деятельности УИС,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: L.ivan.s@mail.ru

Шульц Евгений Вячеславович

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: shults.e.v@fsin.gov.ru

Аннотация

Рецидивная преступность остается одной из наиболее острых проблем уголовно-правовой политики. Согласно официальной статистике, доля осужденных, ранее отбывавших наказание, в структуре лиц, привлеченных к уголовной ответственности, стабильно превышает 20-30%, а в отдельных регионах достигает 40%. В связи с этим возникает необходимость не только в криминологическом осмыслении данного явления, но и в детальном уголовно-правовом анализе личности рецидивиста. Сравнительный подход, примененный в представленном материале, позволяет выявить как общие закономерности, так и специфические черты, характерные для различных категорий осужденных-рецидивистов. В 2025 году ФКУ НИИ ФСИН России проведено масштабное исследование лиц, повторно отбывающих лишение свободы, результаты которого содержат в том числе обобщенные сведения о социально-демографических, уголовно-правовых и уголовно-исполнительных характеристиках 5514 осужденных, содержащихся

в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы (аналогичный период прошлого года (далее – АППГ) – порядка 4500 осужденных) и проанкетированных в 2025 году. В фокусе настоящего исследования – сравнительный анализ уголовно-правовых характеристик личности осужденных-рецидивистов в динамике относительно АППГ. Сопоставление показателей текущего и предшествующего периодов позволяет выявить устойчивые тенденции, фиксировать значимые изменения в структуре исследуемого спецконтингента. В тех случаях, когда сравнение с АППГ в тексте отсутствует, это свидетельствует не об упущении, а о том, что соответствующая характеристика вводится в научный оборот предпринятого масштабного исследования рецидивной преступности впервые, и ее анализ носит базовый, описательный характер, формируя точку отсчета для последующих сравнительных измерений.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В., Лебешев И.С., Шульц Е.В. Уголовно-правовая характеристика осужденных-рецидивистов: сравнительный анализ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 383-393. DOI: 10.34670/AR.2026.13.62.035

Ключевые слова

Преступность, уголовно-исполнительная система, личность рецидивиста, лишение свободы, уголовно-правовая характеристика, осужденный.

Введение

Рецидивная преступность представляет собой один из наиболее социально опасных видов преступности, требующих всестороннего теоретического осмысления и разработки эффективных мер предупреждения. Согласно официальным данным МВД России, в 2025 году удельный вес преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, составил 53,7% от общего числа выявленных преступлений. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2024 году рецидивная преступность составила 57,1% от общего числа расследованных преступлений.

Несмотря на складывающуюся позитивную тенденцию по снижению уровня рецидивной преступности (за 2024 год – на 13%), показатели остаются достаточно высокими [Филиппова, 2024]. За 11 месяцев 2025 года суды рассмотрели 108,5 тыс. уголовных дел в отношении лиц с непогашенной судимостью, что почти на треть меньше показателя за весь 2024 год, когда количество подобных дел составило примерно 165 тыс. [https://fparf.ru].

Основная часть

Уголовно-правовая характеристика осужденных представляет собой самостоятельный и необходимый элемент комплексного криминологического изучения личности преступника-рецидивиста, поскольку позволяет оценить степень социальной деформации личности [Криминология, Малков, 2011, с. 92]. Так, если социально-демографическая характеристика раскрывает условия формирования личности и факторы социальной среды, способствовавшие первичной криминализации, то уголовно-правовая характеристика фиксирует уже реализованную преступную деятельность индивида – ее направленность, интенсивность и правовые последствия.

Учитывая подходы к определению содержания (объема признаков) уголовно-правовой характеристики личности преступника и осужденного в частности [Игнатов, 2015], в рамках представленного исследования уголовно-правовая характеристика совокупности осужденных консервативно предусматривает анализ шести связанных показателей, которые образуют систему взаимодополняющих индикаторов, совокупный анализ которых дает возможность не только зафиксировать формально-юридические признаки преступного прошлого осужденных, но определить приоритетные направления индивидуально-профилактического воздействия в целях предупреждения рецидива.

Распределение осужденных по составам совершенных преступлений является ключевым элементом уголовно-правовой характеристики. Рассмотрение данного показателя дает возможность выявить, какие именно общественные отношения преимущественно нарушались, каковы «профильные» криминальные практики опрошенных лиц (имущественные, насильственные, коррупционные, связанные с незаконным оборотом наркотиков и т.д.), а также установить наличие либо отсутствие криминальной специализации. Однако, через призму состава преступления раскрываются не только объект и объективная сторона посягательства, но и типичные формы причинения вреда, что имеет принципиальное значение для понимания степени общественной опасности личности преступника-рецидивиста.

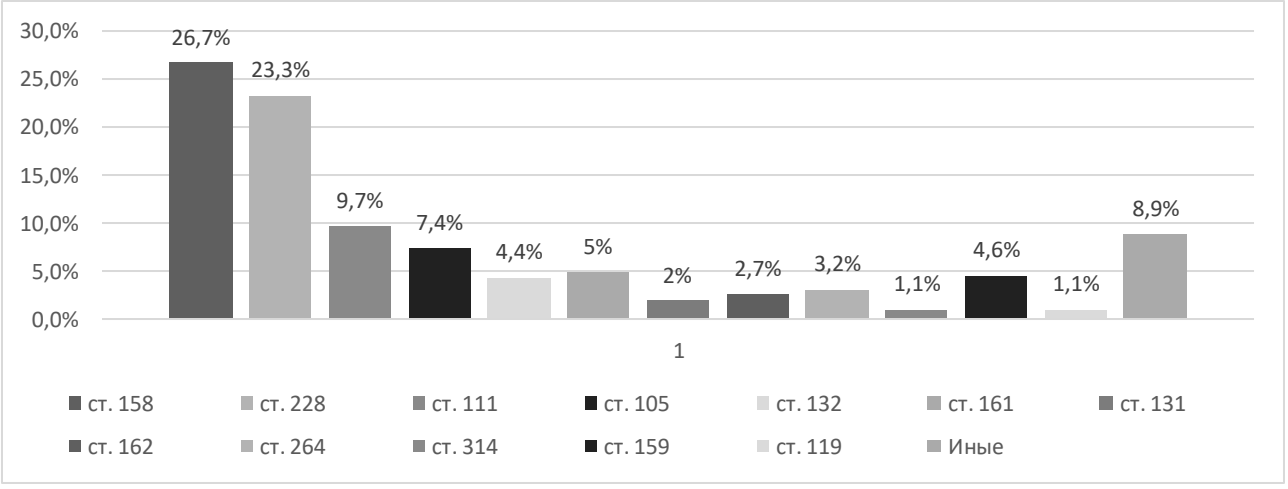

Рисунок 1 – Распределение осужденных в зависимости от составов совершенных преступлений

Структурный анализ по группам:

1) преступления против собственности – по-прежнему доминирующая группа. Совокупный удельный вес преступлений против собственности по результатам текущего исследования составляет 38,3% против 34,3% в АППГ.

Внутри группы показательна разнонаправленная динамика: доля кражи и мошенничества возрастает, тогда как доля разбоя, сопряженного с насилием, незначительно снижается.

Особого внимания заслуживает резкий рост доли мошенничества (ст. 159) – с 1,6% в АППГ до 4,6%. При сохранении данной тенденции это означает трансформацию криминальной специализации части осужденных от открытых форм хищения к латентным, интеллектуальным способам завладения чужим имуществом.

2) незаконный оборот наркотиков – устойчивая вторая позиция. Ст. 228 УК РФ занимает второе место с долей 23,3% против 20,7% в АППГ. Практически каждый четвертый осужденный

из исследуемой совокупности отбывает наказание за преступление «наркотической направленности».

Высокая и возрастающая доля данного состава отражает устойчивую связь наркотической аддикции с рецидивной преступностью: характер состава (хранение, перевозка без цели сбыта) указывает преимущественно на потребителей наркотиков, что обусловливает высокую вероятность повторного совершения аналогичного преступления после освобождения при отсутствии эффективной реабилитации.

3) преступления против жизни и здоровья – снижение... Совокупный удельный вес преступлений против жизни и здоровья по результатам текущего исследования составляет 18,2% против 21,6% (АППГ). При этом снижение обусловлено, прежде всего, сокращением доли убийств с 9,6% до 7,4% и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью с 10,7% до 9,7%.

Следует отметить, что совокупно каждый пятый осужденный в исследуемой выборке осужден за насильственное посягательство на жизнь или здоровье человека, что свидетельствует о высоком криминогенном потенциале исследуемой совокупности.

4) преступления против половой неприкосновенности – значимое снижение. Суммарная доля ст.ст. 131 и 132 УК РФ сократилась с 9,7% до 6,4%, в особенности значимо снижение доли изнасилования (ст. 131) с 4,7% до 2,0%.

Данная динамика требует осторожной интерпретации: она может отражать как изменение контингента осужденных, так и вариации в практике следственной или судебной квалификации, или в особенностях выборки.

5) иные составы – устойчивый фон. Нарушение правил дорожного движения (ст. 264 УК РФ) демонстрирует небольшой рост (с 2,5% до 3,2%), что в контексте рецидивной преступности указывает на наличие группы осужденных с неосторожной формой вины, существенно отличающейся по криминологическому профилю от умышленных рецидивистов. Уклонение от отбывания наказания (ст. 314 УК РФ) стабильно на уровне около 1,1–1,6%, что фиксирует категорию лиц, демонстрирующих активное противодействие исполнению уголовно-исполнительных отношений.

Разнообразие представленных составов свидетельствует о том, что исследуемая совокупность не является однородной: наряду рецидивистами, имеющими специализацию присутствует значительная доля полиморфных преступников, что принципиально важно для дифференциации профилактических мер.

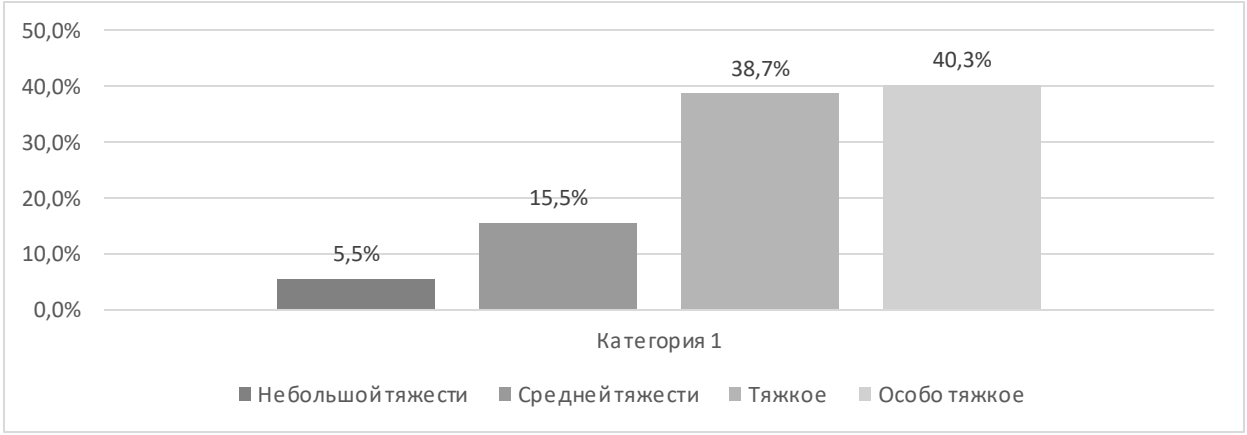

Рисунок 2 – Распределение осужденных в зависимости от тяжести совершенного преступления

Полученные данные свидетельствуют о стабильно высоком уровне общественной опасности преступного поведения лиц, повторно отбывающих наказание в виде лишения свободы. В структуре судимости опрошенных доминируют особо тяжкие преступления (40,3%; АППГ – 42,6%) и тяжкие (38,7%; АППГ – 35%), что в совокупности составляет около 79% выборки.

Динамика показателей обнаруживает характерную тенденцию перераспределения внутри совокупности наиболее общественно опасных преступлений: снижение доли особо тяжких преступлений (-2,3%) сопровождается соразмерным приростом тяжких (+3,7%). При этом преступления небольшой и средней тяжести образуют устойчивое,

но незначительное меньшинство (5,5% и 15,5% соответственно).

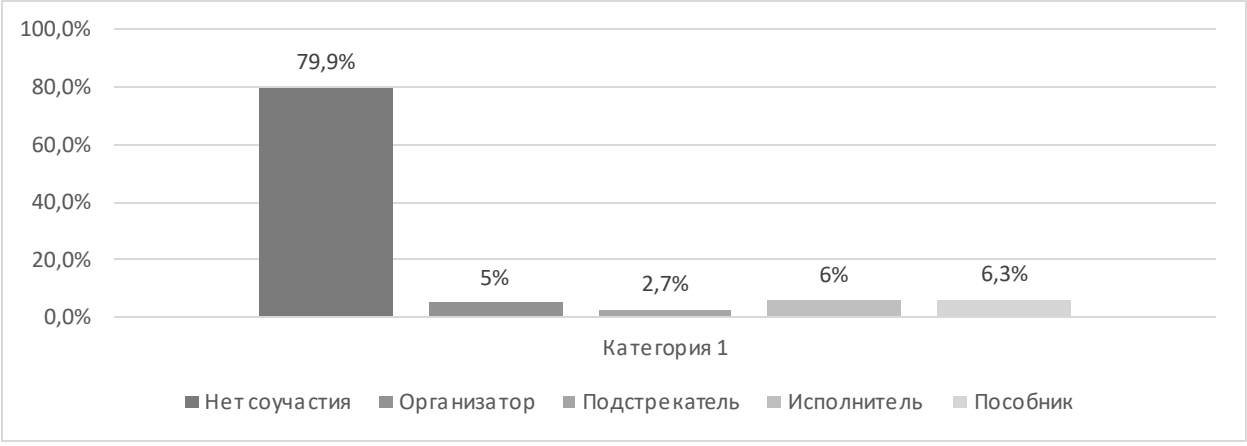

Рисунок 3 – Совершение преступления в соучастии

Большинство осужденных рецидивистов совершили преступление без соучастия (79,9%; АППГ – 84%), однако зафиксированное снижение данного показателя на 4,1 процентного пункта указывает на нарастание групповой составляющей в преступном поведении рецидивистов. Среди соучастников наиболее распространенными ролями являются пособник (6,3%; АППГ – 6%) и исполнитель (6%; АППГ – 6%), тогда как роль организатора демонстрирует наиболее выраженный прирост – с 2% до 5%, то есть увеличилась в 2,5 раза.

Рост доли организаторов заслуживает отдельного криминологического осмысления: он может свидетельствовать как о повышении криминального статуса рецидивистов в преступных структурах, так и о более полном охвате данной категории лиц опросом в текущем году ввиду большего объема выборки (5514 против 4500).

Данные о формах соучастия необходимо анализировать в системной взаимосвязи с показателями роли осужденных в преступлении. Снижение доли лиц, совершивших преступление без соучастия (с 84% до 79,9%), корреспондирует с ростом всех форм группового преступного поведения: группа лиц – 12,7% (АППГ – 10%), группа лиц по предварительному сговору – 5,4% (АППГ – 5%), организованная группа – 1,3% (АППГ – 1%). Наиболее значимым с криминологической точки зрения является появление в текущем году показателя «преступное сообщество» (0,7%; АППГ – 0%).

Отсутствие данного показателя в прошлом году не означает, что среди опрошенных в тот период не было членов преступных сообществ: с высокой долей вероятности это является следствием меньшего объема выборки АППГ, при котором немногочисленные представители данной категории могли не попасть в поле исследования.

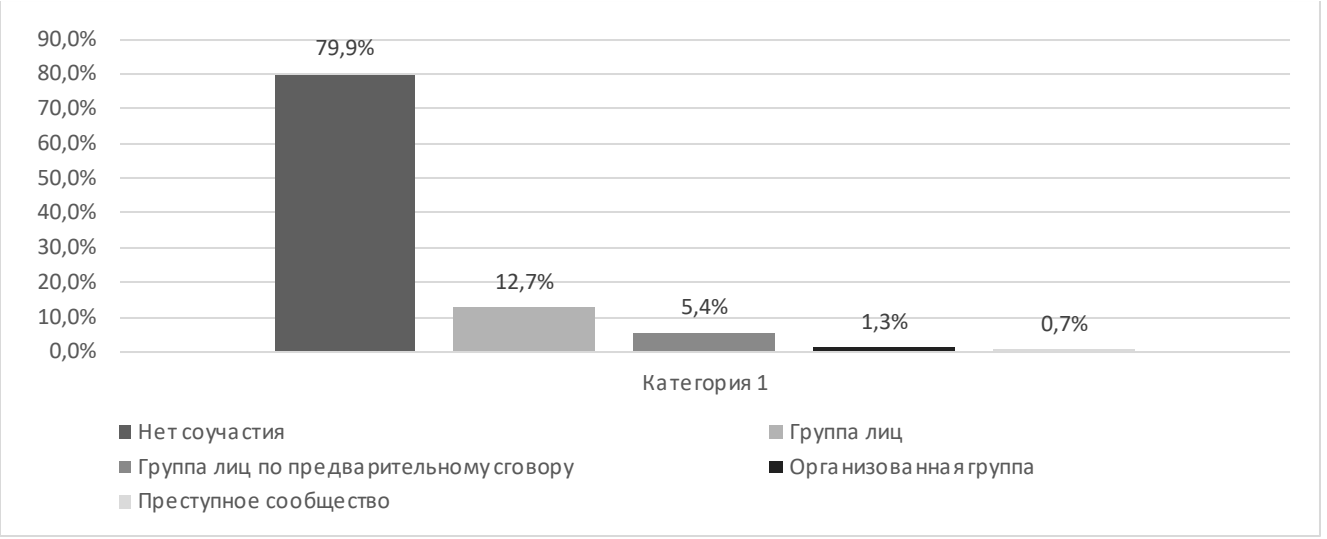

Рисунок 4 – Форма соучастия

Таким образом, появление показателя «преступное сообщество» в текущем году – это, по всей видимости, не новая тенденция, а методологический эффект расширенной выборки, который требует осторожной интерпретации.

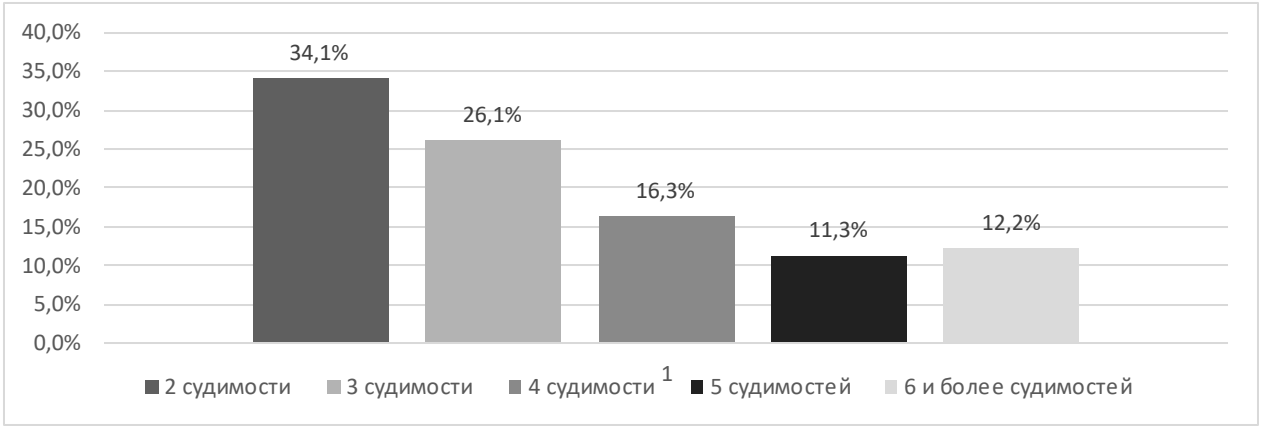

Рисунок 5 – Распределение осужденных по количеству судимостей

Структура распределения осужденных по количеству судимостей позволяет установить тип рецидивной активности характерного представителя изучаемого контингента. Наибольшую долю составляют лица со второй судимостью (34,1%; АППГ – 33,2%) и третьей (26,1%; АППГ – 21,8%), что в совокупности охватывает более 60% выборки. Вместе с тем значительную долю образуют лица с четырьмя и более судимостями (39,8%), что свидетельствует о глубокой криминальной направленности значительной части рецидивистов.

Динамика по сравнению с АППГ обнаруживает неоднородную картину: наблюдается снижение доли лиц с 4 судимостями (-2,1%), 6 и более (-6%), однако при этом зафиксирован прирост по группам с 3 судимостями (+4,3%) и 5 судимостями (+2,8%).

В целом структура судимостей указывает на то, что значимая часть исследуемого контингента демонстрирует признаки устойчивого рецидива, что согласуется с теоретическими моделями криминальной карьеры и подтверждает ограниченную эффективность применяемых мер исправительного воздействия.

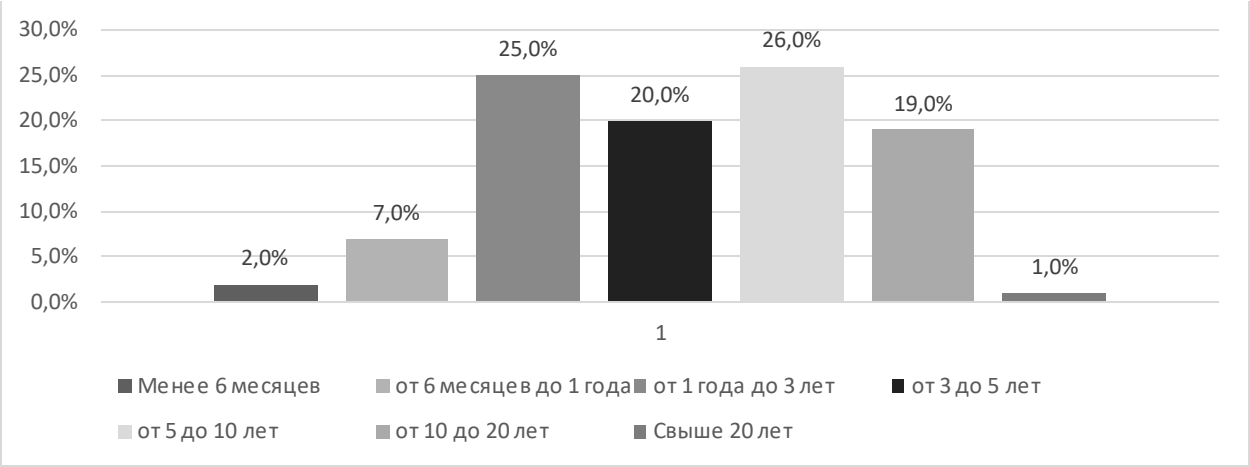

Рисунок 6 – Назначенный срок наказания в виде лишения свободы

Распределение осужденных по назначенному сроку наказания характеризуется концентрацией в диапазоне от 1 года до 10 лет: доминируют сроки от 5 до 10 лет (26%; АППГ – 28%), от 1 года до 3 лет (25%; АППГ – 27%) и от 3 до 5 лет (20%; АППГ – 19%). Совокупная доля осужденных с назначенным сроком свыше 10 лет составляет 20% (АППГ – 19%), что отражает применение длительных сроков лишения свободы к устойчивым рецидивистам в соответствии с правилами назначения наказания при рецидиве (ст. 68 УК РФ).

Динамика показателей обнаруживает незначительное снижение доли среднесрочных наказаний (от 1 до 10 лет) и соразмерный прирост краткосрочных (менее 1 года: 9% против 7% по АППГ).

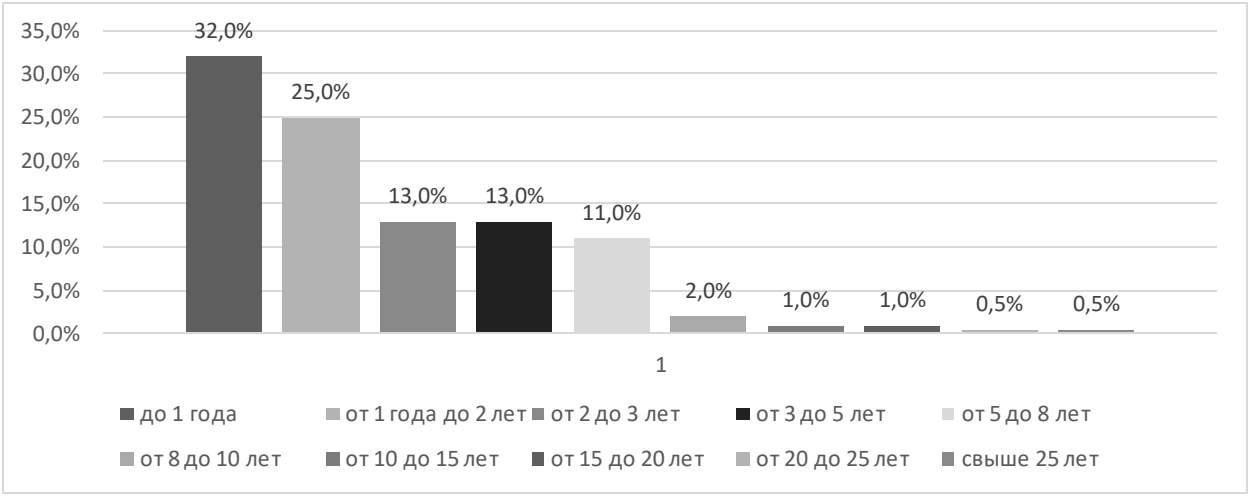

Рисунок 7 – Отбытый срок наказания

Распределение по отбытому сроку демонстрирует ярко выраженное смещение в сторону ранних этапов отбывания наказания: большинство опрошенных отбыли менее 2 лет (57,0%; АППГ – 56%), из которых на долю отбывших до 1 года приходится 32% (АППГ – 30%).

Доля осужденных, отбывших значительные сроки (свыше 8 лет), невысока и составляет 4% (АППГ – 4,5%).

Данная структура имеет принципиальное значение для интерпретации в системной взаимосвязи с показателями неотбытого срока: значительная часть опрошенных находится на

ранних и средних стадиях отбывания наказания, что определяет их актуальный криминогенный потенциал и возможности ресоциализации.

Сопоставление с назначенными сроками (преобладание диапазона 5–10 лет) указывает на то, что большинство осужденных на момент опроса прошли менее половины назначенного срока.

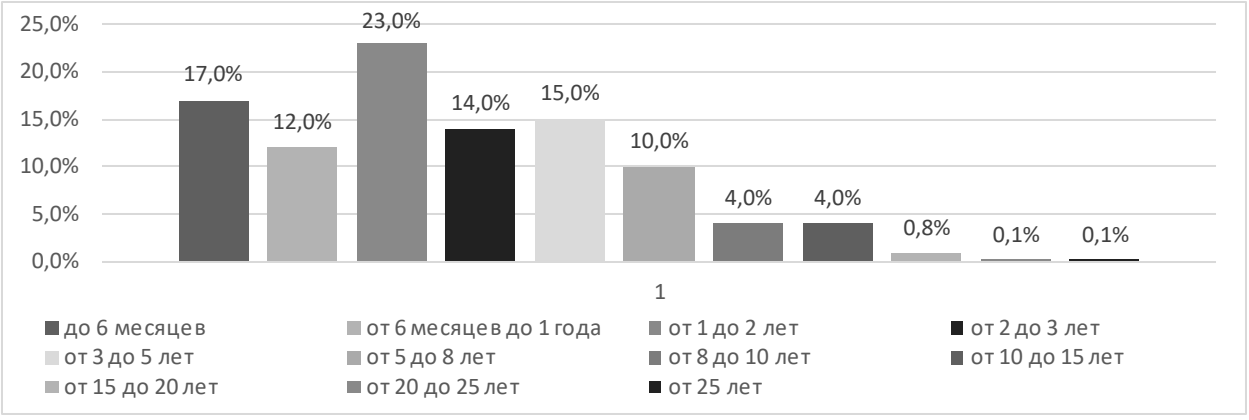

Рисунок 8 – Неотбытый срок наказания

Данные о неотбытом сроке необходимо рассматривать в прямой взаимосвязи с показателями назначенного и отбытого срока. Наибольшую долю составляют осужденные с неотбытым сроком от 1 до 2 лет (23%; АППГ – 22%) и от 3 до 5 лет (15%; АППГ – 15%), при этом совокупная доля лиц с неотбытым сроком до 3 лет составляет 66% (АППГ – 66%). Это означает, что значительная часть рецидивистов в обозримой перспективе выйдет на свободу, что актуализирует проблему постпенитенциарной адаптации и исправительного/предупредительного воздействия.

Динамика показателей стабильна: значимых изменений в структуре неотбытого срока по сравнению с АППГ не выявлено.

В контексте системного анализа следует подчеркнуть: сочетание короткого отбытого срока (большинство – до 2 лет) и относительно небольшого неотбытого (большинство – до 3 лет) при назначенных сроках в диапазоне 5-10 лет указывает на то, что опрос охватил преимущественно осужденных, находящихся на средней стадии отбывания наказания.

Заключение

Таким образом, предпринятый анализ уголовно-правовой характеристики осужденных-рецидивистов, содержащихся в местах лишения свободы, позволяет констатировать, что типичный осужденный-рецидивист в уголовно-правовом смысле чаще всего совершает преступления против собственности или связанные с незаконным оборотом наркотиков (реже – насильственное преступление). Как правило, это лицо, осужденное за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, при этом уже имеющее судимости, и потому характеризуется устойчивой преступной направленностью. Для него типично совершение преступления в одиночку. На момент исследования такой осужденный находится на средней стадии отбывания наказания и сохраняющийся значительный неотбытый срок свидетельствует о наличии у администрации исправительного учреждения достаточного временного ресурса для организации эффективной воспитательной, профилактической и исправительной работы.

Библиография

1. Агрессивность и способность к эмоциональному отклику у осужденных с первой и повторной судимостью / Е. С. Игнатова, Е. В. Кушева, А. В. Панфилова, Л. В. Кустова // Психология и право. – 2026. – Т. 16, № 2. – С. 100-117. – DOI 10.17759/psylaw.2026160207. – EDN WQWWNX.
2. Городнянская, В. В. Структура рецидивной преступности (постпенитенциарный рецидив) / В. В. Городнянская // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 335. – С. 105-108.
3. Игнатов, А. Н. Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика личности современного насильственного преступника / А. Н. Игнатов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2015. – № 4 (39). – С. 93-98.
4. Интернет-источник: Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. Число рецидивистов сократилось на треть: https://fparf.ru/news/media/chislo-retsidivistov-sokratilos-na-tret/#1
5. Кряжева, С. Г. Причины и условия совершения повторных преступлений несовершеннолетними, ранее отбывавшими наказание в воспитательных колониях / С. Г. Кряжева, М. М. Москвитина, А. В. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 1А. – С. 309-318. – DOI 10.34670/AR.2022.82.85.029.
6. Криминология: общая, особенная и специальная части: учебник. – 2-е изд. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2024. – 1048 с.
7. Куроедова, Н. Е. Проблема предупреждения совершения новых преступлений ранее осужденными лицами, отбывшими наказание / Н. Е. Куроедова // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве : Сборник статей по результатам III международной научно-практической конференции, Симферополь, 15 декабря 2023 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2024. – С. 194-200. – EDN OGYRLY.
8. Мальков, В. Д. Криминология: учебник для вузов / под ред. проф. В. Д. Малькова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2011. – 544 с.
9. Особенности саморегуляции у осужденных, совершивших преступления при рецидиве / И. Н. Коноплева, С. О. Князева, М. Г. Дебольский, С. А. Красненкова // Психология и право. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 27-41. – DOI 10.17759/psylaw.2022120203. – EDN ICDYEJ.
10. Прозументов, Л. М., Шеслер, А. В. Криминология. Общая часть: учебник. – Томск: ООО «ДиВо», 2007. – 230 с.
11. Репьева, А. М. Рецидивная преступность: современное состояние и направления предупреждения / А. М. Репьева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2026. – № 1(76). – С. 59-70. – EDN COUUMN.
12. Филиппова, О. В. Криминологическая характеристика личности рецидивиста в России: основные тенденции изменения параметров в современный период / О. В. Филиппова // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 207-216. – DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(2).207-216.
13. Филиппова, О. В. Структура российской рецидивной преступности / О. В. Филиппова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2024. – № 2. – С. 19-22. – DOI 10.18572/2072-4438-2024-2-19-22.

Criminal-Law Characteristics of Recidivist Convicts: A Comparative Analysis

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Ivan S. Lebeshev

Head of the Department for Research on the Problems of Sociological Support and Forecasting of the Activities of the Penal System,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: L.ivan.s@mail.ru

Evgenii V. Shul'ts

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: shults.e.v@fsin.gov.ru

Abstract

Recidivist crime remains one of the most acute problems of criminal-law policy. According to official statistics, the share of convicts who have previously served a sentence in the structure of persons held criminally liable consistently exceeds 20–30%, and in certain regions reaches 40%. In this regard, there is a need not only for a criminological comprehension of this phenomenon, but also for a detailed criminal-law analysis of the personality of the recidivist. The comparative approach applied in the presented material makes it possible to identify both general patterns and specific features characteristic of various categories of recidivist convicts. In 2025, the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia conducted a large-scale study of persons serving deprivation of liberty repeatedly, the results of which contain, among other things, generalized data on the socio-demographic, criminal-law, and penal characteristics of 5,514 convicts held in correctional institutions of the penal system (the analogous period of the previous year (hereinafter referred to as the APPG) – about 4,500 convicts) and surveyed in 2025. The focus of this study is a comparative analysis of the criminal-law characteristics of the personality of recidivist convicts in dynamics relative to the APPG. A comparison of the indicators of the current and preceding periods makes it possible to identify stable trends and record significant changes in the structure of the studied special contingent. In cases where comparison with the APPG is absent in the text, this indicates not an omission, but that the corresponding characteristic is introduced into scientific circulation by the undertaken large-scale study of recidivist crime for the first time, and its analysis is of a basic, descriptive nature, forming a reference point for subsequent comparative measurements.

For citation

Novikov A.V., Lebeshev I.S., Shul'ts E.V. (2026) Ugolovno-pravovaya kharakteristika osuzhdennykh-retsidivistov: sravnitel'nyy analiz [Criminal-Law Characteristics of Recidivist Convicts: A Comparative Analysis]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 383-393. DOI: 10.34670/AR.2026.13.62.035

Keywords

Crime, penal system, personality of the recidivist, deprivation of liberty, criminal-law characteristic, convict.

References

1. Agressivnost' i sposobnost' k emocional'nomu otkliku u osuzhdennyh s pervoj i povtornoj sudimost'yu / E. S. Ignatova, E. V. Kusheva, A. V. Panfilova, L. V. Kustova // Psihologiya i pravo. – 2026. – T. 16, № 2. – S. 100-117. – DOI 10.17759/psylaw.2026160207. – EDN WQWWNX.
2. Gorodnyanskaya, V. V. Struktura recidivnoj prestupnosti (postpenitenciarnyj recidiv) / V. V. Gorodnyanskaya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 335. – S. 105-108.
3. Ignatov, A. N. Social'no-demograficheskaya i ugolovno-pravovaya harakteristika lichnosti sovremennogo nasil'stvennogo prestupnika / A. N. Ignatov // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2015. – № 4 (39). – S. 93-98.
4. Internet-istochnik: Federal'naya palata advokatov Rossijskoj Federacii. Chislo recidivistov sokratilos' na tret': https://fparf.ru/news/media/chislo-retsidivistov-sokratilos-na-tret/#1
5. Kryazheva, S. G. Prichiny i usloviya soversheniya povtornyh prestuplenij nesovershennoletnimi, ranee otbyvavshimi nakazanie v vospitatel'nyh koloniyah / S. G. Kryazheva, M. M. Moskvitina, A. V. Novikov // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2022. – T. 12, № 1A. – S. 309-318. – DOI 10.34670/AR.2022.82.85.029.
6. Kriminologiya: obshchaya, osobennaya i special'naya chasti: uchebnik. – 2-e izd. – SPb.: Izdatel'stvo «Yuridicheskij centr Press», 2024. – 1048 s.
7. Kuroedova, N. E. Problema preduprezhdeniya soversheniya novyh prestuplenij ranee osuzhdennymi licami, otbyvshimi nakazanie / N. E. Kuroedova // Ohrana i zashchita prav i zakonnyh interesov v sovremennom prave : Sbornik statej po rezul'tatam III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Simferopol', 15 dekabrya 2023 goda. – Simferopol': Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo Tipografiya «Arial», 2024. – S. 194-200. – EDN OGYRLY.
8. Mal'kov, V. D. Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov / pod red. prof. V. D. Mal'kova. – 4-e izd., pererab. i dop. – M.: ZAO «Yusticinform», 2011. – 544 s.
9. Osobennosti samoregulyacii u osuzhdennyh, sovershivshih prestupleniya pri recidive / I. N. Konopleva, S. O. Knyazeva, M. G. Debol'skij, S. A. Krasnenkova // Psihologiya i pravo. – 2022. – T. 12, № 2. – S. 27-41. – DOI 10.17759/psylaw.2022120203. – EDN ICDYEJ.
10. Prozumentov, L. M., Shesler, A. V. Kriminologiya. Obshchaya chast': uchebnik. Tomsk: OOO «DiVo», 2007. 230 s.
11. Rep'eva, A. M. Recidivnaya prestupnost': sovremennoe sostoyanie i napravleniya preduprezhdeniya / A. M. Rep'eva // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. – 2026. – № 1(76). – S. 59-70. – EDN COUUMN.
12. Filippova, O. V. Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti recidivista v Rossii: osnovnye tendencii izmeneniya parametrov v sovremennyj period / O. V. Filippova // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2022. – T. 16, № 2. – S. 207-216. – DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(2).207-216.
13. Filippova, O. V. Struktura rossijskoj recidivnoj prestupnosti / O. V. Filippova // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. – 2024. – № 2. – S. 19-22. – DOI 10.18572/2072-4438-2024-2-19-22.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.13.94.042**

Взаимосвязь криминалистики и социально значимых болезней российского общества

Майстренко Анна Григорьевна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права,
Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации,
119285, Российская Федерация, Москва, ул. Пудовкина, 4а;
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский просп., 65/1;
e-mail: annamajstrenko@yandex.ru

Майстренко Григорий Александрович

Кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

Аннотация

В статье авторы акцентируют внимание на выявлении связей между криминалистикой как наукой и социально значимыми болезнями российского общества, что позволяет расширить предметное поле криминалистических исследований и обосновать необходимость учёта социально-патологических факторов при разработке методик расследования преступлений. В работе приводится общая классификация социальных заболеваний (включая алкоголизм, наркоманию, токсикоманию, ВИЧ-инфекцию, туберкулёз, психические расстройства, игровую зависимость, бродяжничество и попрошайничество), выделяются основания разграничения последних и социальных девиаций (по степени распространённости, устойчивости, характеру воздействия на общественные отношения и связи с преступным поведением), что позволяет упорядочить категориальный аппарат и уточнить границы исследуемого явления. Делается вывод о наличии глубинных связей между социальными болезнями общества и совершением противоправных преступных деяний уголовного характера, составляющими предмет исследования криминалистики, а также о возможности перерастания социальных девиаций со знаком минус в общественные болезни, что создаёт предпосылки для формирования криминалистических рекомендаций по выявлению, раскрытию и расследованию

преступлений, обусловленных социально значимыми заболеваниями. Обосновывается необходимость интеграции криминалистических знаний с данными социологии, медицины, психологии и криминологии для более эффективного противодействия преступности, связанной с социальными болезнями российского общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Майстренко А.Г., Майстренко Г.А. Взаимосвязь криминалистики и социально значимых болезней российского общества // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 394-399. DOI: 10.34670/AR.2026.13.94.042

Ключевые слова

Криминалистика, общество, социальные болезни, девиации, девиантное поведение, преступность.

Введение

Криминалистика как наука прошла довольно длительный путь становления и развития, по мере своего формирования устанавливая связи с различными областями общественной практики. В рамках настоящего исследования представляется целесообразным выявить связи криминалистики с проявлениями жизнедеятельности российского социума, именуемыми социальными болезнями. При этом акцент будет сделан преимущественно на наиболее значимых социальных болезнях, наносящих серьезный урон экономическому и общественному благополучию российских граждан [Дегтярева, 2012]. Прежде чем перейти к установлению связи между криминалистикой как наукой и социально значимыми болезнями российского общества, необходимо первоначально научно определить и осмыслить понятие «социальной болезни».

Основное содержание

На первый взгляд представляется, что социальные болезни и криминалистика как наука относятся к различным областям общественной жизнедеятельности. Однако анализ и обобщение правоприменительной практики позволяют сделать вывод о наличии причинно-следственных связей между указанными явлениями. В первую очередь, необходимо отметить, что сложность в установлении связей между криминалистикой как наукой и социальными болезнями определяется вариативностью подходов к научному определению и осмыслению последних. В наиболее широком смысле социальные болезни можно дефинировать как негативные проявления жизнедеятельности граждан в повседневной практике, порожденные самим обществом и наносящие ему вред. Таким образом, социальная болезнь определяется отнюдь не природной, биологической, а именно общественной принадлежностью человека, его связью с конкретной группой. Также социальные болезни в широком смысле представляется возможным разделить на две большие группы, а именно:

- социальные заболевания, порождением которых выступают ненадлежащие общественные условия становления и развития личности, а также ее повседневной жизни в зрелом возрасте (к числу таковых можно отнести недостаточный уровень материального достатка, ненадлежащие жилищные условия, антисанитарию, стрессовые факторы, результатами которых становятся

такие социальные болезни как туберкулёз, ВИЧ, ряд форм гепатита, а также психические заболевания). В силу того, что указанные болезни не являются следствием биологической предрасположенности индивида, либо не только данной предрасположенности, но также факторов социального порядка, их можно отнести к категории социальных;

- социальные заболевания, наносящие непосредственный вред обществу и граничащие с проявлениями девиантного поведения в целом, в частности, алкоголизм, наркомания, безработица, преступность и некоторые иные. Они также имеют немедицинское происхождение, их особая опасность, мешающая нормальному общественному развитию, порождается системным характером проявлений указанных социальных болезней. рамках широкого подхода к классификации социальных болезней взаимосвязь криминалистики будет устанавливаться со второй группой, к которой относятся алкоголизм, наркомания, а также иные общественные проблемы и проявления девиаций.

Отдельно стоит также рассмотреть вопрос о соотношении социальных болезней и девиантного поведения. На первый взгляд, указанные понятия являются тождественными. Между тем, некоторые исследователи отмечали наличие определенных различий в подходах к их определению. В частности, основания для разграничения указанных понятий представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Основания для разграничения понятий «социальная болезнь» и «девиация»

Основания разграничения	Социальная болезнь	Девиация
Масштаб	Системный охват	Индивидуальный/групповой охват
Сущность	Глубинная дисфункция социальных условий	Отклонение от социальных условностей, может иметь временный характер
Последствия	Структурно-системный характер	Локальный характер

[Источник: составлено авторами]

Таким образом, на материалах таблицы 1 можно сделать вывод о том, что последствия социальных болезней общества более значительны, нежели проявления девиаций, носят устойчивый характер, в то время как девиантное поведение может быть кратковременным и локальным, наносящим вред, например, одному индивиду или группе лиц, но отнюдь не всему обществу. В частности, такая социальная болезнь, как, например, массовая бедность народа, способна привести к росту преступности в масштабах отдельно взятой административно-территориальной единицы, в то время как алкоголизм конкретного индивида способен нанести ущерб, прежде всего, здоровью самого человека, а также моральный и, в ряде случаев, физический вред его социальному окружению.

В то же время, нельзя исключать возможность перехода девиации в социальную болезнь. Так, например, использование нецензурной брани молодежью на регулярной основе свидетельствует о том, что в данной субкультуре присутствует проблема системного характера и, как следствие, девиация переросла в болезнь общества.

Как отмечает В.Н. Салин, в современной мировой девиантологии как науке, а также в криминологии особое внимание уделяется четырем основным факторам, а именно: классу (общественному положению), тендеру (полу), возрасту и расе (этнической принадлежности) [Салин, Шпаковская, 2011]. Во многом это объясняется совершением гражданами противоправных преступных деяний, караемых на основании ст.ст. 282 и 357 УК РФ) [Уголовный кодекс РФ, 1996], по причинам классовых и этнических различий. В свою очередь,

в совершении преступлений не последнюю роль играют пол и возраст, как жертвы, так и нарушителя.

Исследователями подмечены устойчивые связи между социальными болезнями, многие из которых, как уже отмечалось выше, могли вырасти на почве проявлений девиантного поведения. А.А. Ганин утверждает, что не только в российском государстве, но также во многих других странах мира присутствует корреляционная зависимость между масштаба минаркотизациии алкоголизации населения: так, рост употребления наркотических средств часто отмечается в период реализации правительством антиалкогольных кампаний. Аналогичен характер связей между убийствами и самоубийствами, ростом проституции и количеством противоправных преступных деяний, совершенных женщинами и т.д. [Ганина, 2016, с. 101].

Кроме того, необходимо учитывать, что социальные болезни, рассматриваемые в рамках настоящего исследования, если имеют основания в виде проявления девиантного поведения, то речь идет о девиациях со знаком минус, в то время как существуют и положительные девиации (например, трудовые, творческие и т.д.). Последние, напротив, работают во благо общества, существенно снижая преступную активность.

Социальные заболевания, по мнению некоторых исследователей, имеют значение не только как первопричины совершения уголовных деяний, но также как последствия совершения последних. Преступники, страдающие социальными заболеваниями, составляют совершенно особую категорию заключенных. Это определяется тем, что личность осужденного, являющегося носителем такого заболеваниями, представляет собой сложный конгломерат психологических особенностей и патологий, «отягощенных криминальными наклонностями и изменениями в поведении» [Копыткин, 2017, с. 22]. По наблюдению М.Т. Ведерникова, чаще их носителями являются представители мужского пола [Ведерников, 1984, с. 430].

Заключение

Таким образом, подводя итоги рассмотрению вопроса о взаимосвязи криминалистики и социально значимых болезней российского общества следует отметить, что, являясь неочевидной на первый взгляд, указанная взаимосвязь имеет глубинную природу. Как правило, масштабность социальных болезней, их системный характер обуславливают необходимость реализации на уровне государства и общества мер, направленных на их искоренение. Особенно опасно перерастание девиаций как отклоняющегося поведения со знаком минус в болезни социума, способных привести к массовости совершения противоправных преступных деяний.

Библиография

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (посл. ред.) [Электронный ресурс]. Консультант+ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. Ведерников М.Т. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений. М.: Юридическая литература, 1984. 211 с.
3. Ганина А.А. Понятие социальной патологии, ее особенности и элементы // Теория и практика современной науки. 2016. № 3 (9). С. 99-102.
4. Копыткин С.А. Социально значимые заболевания осужденных как фактор, влияющий на их преступную деятельность. Особенности расследования таких преступлений // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 5. С. 6-9.
5. Салин В.Н. Социально-экономическая статистика: Учебник / В.Н. Салин, Е.П. Шпаковская. М.: Юристъ, 2011. 461с.
6. Дегтярева Л.А. Криминология: Учебно-методическое пособие / Оренбургский гос. ун-т. Оренбург: ОГУ, 2012. 140 с.

The Relationship Between Criminalistics and Socially Significant Diseases of Russian Society

Anna G. Maistrenko

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Civil and Business Law,
Russian Foreign Trade Academy of the Ministry
of Economic Development of the Russian Federation,
119285, 4a, Pudovkina str., Moscow, Russian Federation;
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas,
119991, 65/1, Leninskiy ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: annamajstrenko@yandex.ru

Grigorii A. Maistrenko

PhD in Law, Senior Research Fellow,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

Abstract

In the article, the authors focus on identifying the connections between criminalistics as a science and socially significant diseases of Russian society, which makes it possible to expand the subject field of criminalistic research and substantiate the need to take into account social-pathological factors in the development of crime investigation methodologies. The work provides a general classification of social diseases (including alcoholism, drug addiction, substance abuse, HIV infection, tuberculosis, mental disorders, gambling addiction, vagrancy, and begging), and identifies the grounds for distinguishing the latter from social deviations (by degree of prevalence, stability, nature of impact on social relations, and connections with criminal behavior), which makes it possible to streamline the categorical apparatus and clarify the boundaries of the phenomenon under study. A conclusion is drawn about the existence of deep connections between the social diseases of society and the commission of unlawful criminal acts, which constitute the subject of criminalistics research, as well as about the possibility of social deviations with a minus sign developing into social diseases, which creates prerequisites for the formation of criminalistic recommendations for identifying, solving, and investigating crimes caused by socially significant diseases. The necessity of integrating criminalistic knowledge with data from sociology, medicine, psychology, and criminology for more effective counteraction to crime associated with the social diseases of Russian society is substantiated.

For citation

Maistrenko A.G., Maistrenko G.A. (2026) Vzaimosvyaz' kriminalistiki i sotsial'no znachimykh bolezney rossiyskogo obshchestva [The Relationship Between Criminalistics and Socially Significant Diseases of Russian Society]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 394-399. DOI: 10.34670/AR.2026.13.94.042

Keywords

Criminalistics, society, social diseases, deviations, deviant behavior, crime.

References

1. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 No. 63-FZ (posl. red.) [Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (latest revision)]. (1996). Konsul'tant Plyus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. Vedernikov M.T. (1984). *Lichnost' prestupnika kak element kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy* [The Criminal's Personality as an Element of the Forensic Characteristic of Crimes]. Yuridicheskaya literatura.
3. Ganina A.A. (2016). Ponyatiye sotsial'noy patologii, yeyo osobennosti i elementy [The Concept of Social Pathology, Its Features and Elements]. *Teoriya i praktika sovremennoy nauki*, 3(9), 99-102.
4. Kopytkin S.A. (2017). Sotsial'no znachimyye zabolevaniya osuzhdennykh kak faktor, vliyayushchiy na ikh prestupnuyu deyatel'nost'. Osobennosti rassledovaniya takikh prestupleniy [Socially Significant Diseases of Convicts as a Factor Influencing Their Criminal Activity. Specifics of Investigating Such Crimes]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy*, 5, 6-9.
5. Salin V.N., Shpakovskaya E.P. (2011). *Sotsial'no-ekonomicheskaya statistika* [Socio-Economic Statistics]. Yurist.
6. Degtyareva L.A. (2012). *Kriminologiya* [Criminology]. Orenburgskiy gosudarstvennyy universitet.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УКД 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.76.31.043**

Построение санкций за посягательство на жизнь «специальных» потерпевших в ст. 277, 295, 317 УК РФ

Гамаюнов Сергей Сергеевич

Судья Приморского районного суда г. Новороссийска Краснодарского края;
Соискатель кафедры уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет,
350040, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ставропольская, 149;
e-mail: gamayunov_science@list.ru

Аннотация

В статье, выполненной на стыке уголовно-правовой доктрины и законодательной техники, рассматриваются вопросы пенализации деяний, посягающих на жизнь «специальных» потерпевших (государственных деятелей, судей, следователей и сотрудников правоохранительных органов). Автор приходит к выводу, что, несмотря на различие в основном непосредственном объекте и субъективных признаках (мотив, цель), эти посягательства обладают единой родовой природой и требуют идентичной структуры санкций. Особое внимание уделяется сравнению с санкцией, установленной за квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ). Обосновывается правомерность установления повышенного нижнего предела лишения свободы (12 лет) ввиду усеченного характера соответствующих составов. Вместе с тем в статье акцентируется внимание на несогласованности в установлении дополнительного наказания в виде ограничения свободы: в санкциях ст. 277, 295 и 317 УК РФ отсутствует указание на минимальный срок, тогда как в ч. 2 ст. 105 УК РФ он четко определен (1 год). Данное расхождение расценивается автором как нарушение принципа системности построения санкций. В качестве решения предлагается редакционное изменение закона с введением нижнего предела ограничения свободы – от одного года.

Для цитирования в научных исследованиях

Гамаюнов С.С. Построение санкций за посягательство на жизнь «специальных» потерпевших в ст. 277, 295, 317 УК РФ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 400-406. DOI: 10.34670/AR.2026.76.31.043

Ключевые слова

Санкция, альтернативно-кумулятивная санкция, построение санкций, посягательство на жизнь, основное наказание, дополнительное наказание.

Введение

Среди преступлений против государственной власти, аддитивно сопряженных с посягательствами на жизнь и здоровье личности, особое место, обусловленное повышенным уровнем их общественной опасности, занимают преступления, предусмотренные ст. 277, 295, 317 УК РФ. Обобщенно их можно обозначить как посягательства на жизнь так называемых «специальных» потерпевших. Определенный исследовательский интерес представляет подход законодателя к пенализации указанных деяний, отраженный в санкциях названных уголовно-правовых норм, рассматриваемый с позиции их соответствия требованиям построения.

Основная часть

Составы преступлений, предусмотренных ст. 277, 295, 317 УК РФ, как известно, сконструированы по типу усеченных, их субъективная сторона характеризуется умыслом, причем только прямым. Указанные обстоятельства позволяют констатировать, что названные преступления обладают примерно одинаковым уровнем общественной опасности (с точки зрения как ее характера, так и степени), и соответственно, санкции за них должны быть тождественными.

Законодатель в вопросах построения санкций за преступления, предусмотренные ст. 277, 295 и 317 УК РФ, весьма последователен. Все они, с позиции закрепления основных видов наказания, являются альтернативными и включают в себя: лишение свободы на срок от двенадцати до двадцати лет, пожизненное лишение свободы и смертную казнь. Последовательность обозначения видов наказания соответствует порядку, установленному в ст. 44 УК РФ. При этом все три вида наказания относятся к категории самых строгих и расположены в конце перечня их видов. Такой подход предопределяется разными обстоятельствами.

Повышенная общественная опасность посягательства, предусмотренного ст. 317 УК РФ, по мнению А.Н. Халикова, связана со спецификой потерпевшего [Халиков, 2024]. Более строгие санкции за совершение посягательств на жизнь лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование, по мнению А.М. Шувалова, обусловлены мотивом и целью преступного посягательства [Шувалова, 2022]. Аналогичного мнения придерживается и Е.И. Чекмезова [Чекмезова, 2024].

Выражая солидарность с каждым из представленных мнений, тем не менее, заметим, что санкция выступает отражением характера и степени общественной опасности деяния, в связи с чем при ее построении должны учитываться все признаки состава преступления в целом, не отдельные из них, несмотря на свойственную им специфику. Поэтому на процесс пенализации указанных посягательств должны оказывать влияние и свойства потерпевших, и цели и мотив их совершения, и, несомненно, содержание объектов.

Первым основным видом наказания, который предусмотрен в санкциях ст. 277, 295 и 317 УК РФ, а соответственно, и наименее строгим в их содержании, является лишение свободы на определенный срок. Это вполне закономерно, вытекает из характера опасности и признаков состава преступления, а также сочетается с санкциями, установленными за такое деяние, как квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ). Собственно говоря, ст. 277, 295 и 317 УК РФ выступают специальными нормами по отношению к ч. 2 ст. 105 УК РФ. Что касается нижнего предела санкции, то он составляет 12 лет, что несколько выше, нежели в упомянутой санкции

ч. 2 ст. 105 УК РФ, где предусмотрено лишение свободы от 8 лет. Однако следует учитывать, что в отличие от убийства, составы посягательства на жизнь, предусмотренные ст. 277, 295 и 317 УК РФ, являются усеченными, и, соответственно, даже при отсутствии последствий в виде смерти потерпевших соответствующие преступления будут признаваться оконченными. Таким образом, при покушении на убийство применяются правила назначения наказания, закрепленные ч. 3 ст. 66 УК РФ, в то время как при не наступлении смерти специального потерпевшего минимальный срок лишения свободы не может быть менее двенадцати лет. Предусмотренный в законе подход обусловлен, по мнению некоторых ученых, тем обстоятельством, что основным непосредственным объектом преступлений, названных в ст. 277, 295 и 317 УК РФ, выступает не жизнь человека, как это имеет место при убийстве, а общественные отношения в сфере обеспечения безопасности государственной власти [Маршакова, 2012]. Тем самым характер их общественной опасности выше, чем у убийства, что и отражено законодателем в уголовно-правовых санкциях при установлении нижнего предела лишения свободы.

Что касается верхнего предела лишения свободы на определенный срок, предусмотренного в санкциях ст. 277, 295 и 317 УК РФ, то он составляет 20 лет. Он соответствует как максимально предусмотренному для данного вида наказания в ч. 2 ст. 56 УК РФ, так и установленному в санкции ч. 2 ст. 105 УК РФ. Закрепление такого срока обусловлено как значимостью объектов преступлений, так и содержанием последствий, в качестве которых предполагается возможность наступления смерти специального потерпевшего, причем не только одного, но и нескольких.

Что касается остальных двух основных видов наказаний, предусмотренных в санкциях ст. 277, 295 и 317 УК РФ, то они представлены пожизненным лишением свободы и смертной казнью. Следует учитывать, что они являются самыми строгими. В соответствии с ч. 1 ст. 57 УК РФ пожизненное лишение свободы назначается, прежде всего, за особо тяжкие преступления против жизни. Аналогичное положение регламентируется и в ч.1 ст. 59 УК РФ. Каждое из преступлений, названных ст. 277, 295 и 317 УК РФ, посягает на жизнь человека, пусть даже в качестве не основного, а дополнительного объекта.

Следует заметить, что оба названных видов наказаний, как известно, не имеют границ (в этой части санкции соответствующих статей являются абсолютно-определенными), а реализация требования индивидуализации наказания достигается, прежде всего, путем выбора судом основного вида наказания. Необходимо также учитывать, что смертная казнь хоть и предусмотрена как в санкциях статей Особенной части УК РФ, так и в Общей части УК РФ, но при совершении преступления, как известно, назначена быть не может [Любимов, 2009]. Такое положение обусловлено принятием Определения Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 г. № 1344-О-Р [Определение КС РФ № 1344-О-Р, 2009], наложившего запрет не только на применение, но и на назначение смертной казни в качестве наказания за совершенные преступления. Следовательно, суд может в качестве альтернативного лишению свободы на определенный срок вида наказания за названные преступления назначать только пожизненное лишение свободы. Вместе с тем речь идет о рассмотрении законодательных подходов к построению санкций, в то время как принятие решений Конституционным судом РФ в соответствии со ст. 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» [Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ, 1994] не позволяет применять положения закона, признанные неконституционными, правоприменителями и не означает их исключения из текста

нормативного правового акта. Таким образом, до тех пор, пока законодатель не исключил смертную казнь из перечня видов наказаний, она должна учитываться в ракурсе изучения санкций уголовно-правовых норм.

Законодательный подход к порядку регламентации пожизненного лишения свободы и смертной казни в санкциях ст. 277, 295 и 317 УК РФ следует признавать правильным и последовательным. Пожизненное лишение свободы предусмотрено сразу за лишением свободы на определенный срок и перед смертной казнью, что соответствует как последовательности, определенной в ст. 44 УК РФ, так и их регламентации в гл. 9 УК РФ (ст. 47 – пожизненное лишение свободы, а ст. 59 – смертная казнь).

В этой связи требования использования основных видов наказаний в санкциях ст. 277, 295 и 317 УК РФ в части соблюдения положений Общей части УК РФ законодателем выполнены.

В санкции ч. 2 ст. 105 УК РФ законодатель также предусмотрел в качестве возможных для назначения основных видов наказаний пожизненное лишение свободы и смертную казнь. Можно, таким образом, констатировать. что требования относительно сбалансированности и сочетания указанной санкции с санкциями, установленными за смежные преступления, в части основных наказаний, предусмотренных ст. 277, 295 и 317 УК РФ, соблюдены в полной мере.

Санкции ст. 277, 295 и 317 УК РФ наряду с основными наказаниями применительно к лишению свободы на определенный срок предусматривают и дополнительное наказание в виде ограничения свободы на срок до двух лет, являясь альтернативно-кумулятивными. Как справедливо отмечается рядом авторов, ограничение свободы как дополнительный вид наказания применятся тогда, когда есть опасение, что после отбытия основного наказания осужденный может продолжить свою преступную деятельность и его в определенной части следует ограничить в тех или иных правах, а также установить наблюдение за его поведением [Пермиловская, 2018]. Несмотря на то, что законодатель прямо не связывает назначение ограничения свободы как дополнительного вида наказания лишь с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, это подразумевается. Такой вывод обусловлен тем, что чаще всего необходимость дополнительных ограничений после отбывания основного наказания возникает в отношении тех лиц, которые склонны к продолжению преступной деятельности [Долгих, 2015]. Приведенные положения позволяют прийти к выводу, что ограничение свободы в качестве дополнительного наказания предусмотрено в санкциях ст. 277, 295 и 317 УК РФ вполне обоснованно.

В соответствии с ч. 2 ст. 53 УК РФ ограничение свободы в качестве дополнительного наказания может назначаться лишь с такими основными видами наказаний, как принудительные работы и лишение свободы. Исходя из содержания санкций ст. 277, 295 и 317 УК РФ, данное требование законодателем соблюдено.

Ограничение свободы как дополнительный вид наказания в соответствии с ч. 2 ст. 53 УК РФ назначается на срок от 6 месяцев до 2 лет. В санкциях ст. 277, 295 и 317 УК РФ предусмотрен только максимальный его срок, то есть два года. В связи с отсутствием в санкциях указанных норм минимальной продолжительности ограничения свободы она определяется в соответствии с положениями Общей части УК РФ. Следовательно, требования Общей части при построении санкций ст. 277, 295 и 317 УК РФ при регламентации дополнительного наказания законодателем в полной мере соблюдены.

Заключение

При рассмотрении соотношения санкций ст. 277, 295 и 317 УК РФ и ч. 2 ст. 105 УК РФ в части закрепления дополнительного наказания в виде ограничения свободы выявляются определенные различия. Для всех указанных преступлений ограничение свободы является обязательным дополнительным видом наказания, на что указывает союз «с» и отсутствие фразы «либо без такового». Однако в ч. 2 ст. 105 УК РФ нижний предел ограничения свободы предусмотрен и равен одному году, в то время как в ст. 277, 295 и 317 УК РФ, на что указано ранее, таковой отсутствует. Как уже отмечалось, преступления, названные ст. 277, 295 и 317 УК РФ, обладают объективно более высоким уровнем общественной опасности, и вполне обоснованно за них определено более строгое основное наказание, однако применительно к дополнительному наблюдается противоположный подход. Последнее решение нарушает требования правил построения уголовно-правовых санкций.

Отмеченные обстоятельства позволяют констатировать необходимость внесения изменений в санкции ст. 77, 295 и 317 УК РФ в части регламентации минимального срока ограничения свободы как дополнительного наказания путем указания в них: «с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет».

Таким образом, санкции ст. 277, 295 и 317 УК РФ должны быть представлены в следующей редакции: «..., – наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью».

Библиография

1. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/.
2. О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»»: Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 г. № 1344-О-Р // Собрание законодательства РФ. 2009. № 48. Ст. 5867// Собрание законодательства РФ. 2009. № 48. Ст. 5867.
3. Долгих Т.Н. Некоторые особенности правового и организационного характера назначения и исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 20-23.
4. Любимов А.П. К вопросу об отмене смертной казни в России // Представительная власть - XXI век // 2009. № 8 (95). С. 23-24.
5. Маршакова Н.Н. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК) // Российский следователь. 2012. № 14. С. 17-19.
6. Пермиловская Е.А. Назначение наказания в виде ограничения свободы // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7. С. 169-177.
7. Халиков А.Н. Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа в свете нового Постановления Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2024. № 2. С. 54-63.
8. Чекмезова Е.И. Преступления против правосудия: монография. Омск: Сибирский юридический университет, 2024. 293 с.
9. Шувалова А.М. Насильственные преступления, совершаемые в отношении лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование, и их предупреждение (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 216 с.

Construction of Sanctions for Encroachment on the Life of "Special" Victims under Articles 277, 295, 317 of the Criminal Code of the Russian Federation

Sergei S. Gamayunov

Judge of the Primorsky District Court of Novorossiysk, Krasnodar Krai;
Applicant for the Degree at the Department of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University,
350040, 149, Stavropol'skaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: gamayunov_science@list.ru

Abstract

The article, carried out at the intersection of criminal-law doctrine and legislative technique, examines the issues of penalization of acts encroaching on the life of "special" victims (state figures, judges, investigators, and law enforcement officers). The author concludes that, despite differences in the main direct object and subjective features (motive, purpose), these encroachments possess a unified generic nature and require an identical structure of sanctions. Particular attention is paid to comparison with the sanction established for qualified murder (Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation). The lawfulness of establishing an increased lower limit of deprivation of liberty (12 years) is substantiated in view of the truncated nature of the corresponding offences. At the same time, the article focuses on the inconsistency in establishing an additional punishment in the form of restriction of liberty: in the sanctions of Articles 277, 295, and 317 of the Criminal Code of the Russian Federation, there is no indication of a minimum term, whereas in Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation it is clearly defined (1 year). This discrepancy is regarded by the author as a violation of the principle of systematic construction of sanctions. As a solution, an editorial amendment to the law is proposed, introducing a lower limit of restriction of liberty – from one year.

For citation

Gamayunov S.S. (2026) Postroenie sanktsiy za posyagatel'stvo na zhizn' "spetsial'nykh" poterpevshikh v st. 277, 295, 317 UK RF [Construction of Sanctions for Encroachment on the Life of "Special" Victims under Articles 277, 295, 317 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 400-406. DOI: 10.34670/AR.2026.76.31.043

Keywords

Sanction, alternative-cumulative sanction, construction of sanctions, encroachment on life, main punishment, additional punishment.

References

1. O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 21.07.1994 g. No. 1-FKZ (red. ot 31.07.2023 g.) [On the Constitutional Court of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of 21.07.1994 No. 1-FKZ (as amended on 31.07.2023)]. (1994). *SPS "Konsul'tantPlyus"*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/
2. O raz"yasnenii punkta 5 rezolyutivnoy chasti Postanovleniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 2 fevralya 1999 goda No. 3-P po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy stat'i 41 i chasti tret'yey stat'i 42 Ugolovno-

protsessual'nogo kodeksa RSFSR, punktov 1 i 2 Postanovleniya Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii ot 16 iyulya 1993 goda "O poryadke vvedeniya v deystviye Zakona Rossiyskoy Federatsii "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Zakon RSFSR "O sudoustroystve RSFSR", Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RSFSR, Ugolovnyy kodeks RSFSR i Kodeks RSFSR ob administrativnykh pravonarusheniyakh"": Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 19.11.2009 g. No. 1344-O-R [On the Clarification of Point 5 of the Operative Part of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 2 February 1999 No. 3-P...: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.11.2009 No. 1344-O-R]. (2009). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 48, Art. 5867.

3. Dolgikh T.N. (2015). Nekotoryye osobennosti pravovogo i organizatsionnogo kharaktera naznacheniya i ispolneniya ugolovnogo nakazaniya v vide ogranicheniya svobody [Some Features of the Legal and Organisational Character of Imposing and Executing Criminal Punishment in the Form of Restriction of Freedom]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 1, 20-23.
4. Lyubimov A.P. (2009). K voprosu ob otmene smertnoy kazni v Rossii [On the Question of the Abolition of the Death Penalty in Russia]. *Predstavitel'naya vlast' - XXI vek*, 8(95), 23-24.
5. Marshakova N.N. (2012). Posyagatel'stvo na zhizn' gosudarstvennogo ili obshchestvennogo deyatelya (st. 277 UK) [Encroachment on the Life of a State or Public Figure (Art. 277 of the Criminal Code)]. *Rossiyskiy sledovatel'*, 14, 17-19.
6. Permilovskaya E.A. (2018). Naznacheniye nakazaniya v vide ogranicheniya svobody [Imposition of Punishment in the Form of Restriction of Freedom]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*, 7, 169-177.
7. Khalikov A.N. (2024). Posyagatel'stvo na zhizn' sotrudnika pravookhranitel'nogo organa v svete novogo Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF [Encroachment on the Life of a Law Enforcement Officer in the Light of the New Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation]. *Ugolovnoye pravo*, 2, 54-63.
8. Chekmezova E.I. (2024). *Prestupleniya protiv pravosudiya* [Crimes against Justice]. Sibirskiy yuridicheskiy universitet.
9. Shuvalova A.M. (2022). Nasil'stvennyye prestupleniya, sovershayemyye v otnoshenii lits, osushchestvlyayushchikh pravosudiye ili predvaritel'noye rassledovaniye, i ikh preduprezhdeniye (ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye aspekty) [Violent Crimes Committed against Persons Administering Justice or Conducting Preliminary Investigation and Their Prevention (Criminal-Law and Criminological Aspects)] (Candidate of Law dissertation). Saratov.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.75.24.044**

К вопросу применения дисциплинарных взысканий к злостным нарушителям режима отбывания наказания

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В представленном материале рассматриваются правовые и организационные основы применения дисциплинарных взысканий к осужденным, признанным злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Анализируется система мер дисциплинарного воздействия, предусмотренная Уголовно-исполнительным кодексом РФ, а также порядок признания осужденного злостным нарушителем и правовые последствия такого статуса. Разбираются процессуальные аспекты наложения взысканий: порядок вынесения постановления, роль начальника исправительного учреждения, учет предшествующего поведения, а также специфика применения наиболее строгих мер, таких как перевод в единое помещение камерного типа и одиночную камеру. Приводится судебная практика Верховного Суда РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, подчеркивающие необходимость соблюдения принципов законности и гуманизма. Уделяется внимание проблемам эффективности дисциплинарных взысканий и направлениям совершенствования уголовно-исполнительного законодательства.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. К вопросу применения дисциплинарных взысканий к злостным нарушителям режима отбывания наказания // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 407-413. DOI: 10.34670/AR.2026.75.24.044

Ключевые слова

Дисциплинарная ответственность, злостный нарушитель, режим отбывания наказания, дисциплинарное взыскание, помещения камерного типа, уголовно-исполнительное право, осужденный.

Введение

Институт дисциплинарной ответственности осужденных занимает центральное место в механизме обеспечения режима в исправительных учреждениях. Эффективность взысканий, применяемых к осужденным, следует рассматривать как адекватное воздействие на правонарушителя, способное удержать его от последующих нарушений порядка и условий исполнения наказания и повлиять на процесс исправления, что является основной целью исполнения уголовного наказания. При этом дисциплинарные взыскания устанавливают определенные ограничения, которые, однако, не преследуют цели причинения осужденному физических страданий или унижения его человеческого достоинства, а служат только сдерживающим фактором, препятствующим нарушению режима содержания.

Особую категорию субъектов дисциплинарной ответственности составляют злостные нарушители установленного порядка отбывания наказания – лица, систематически нарушающие режимные требования и представляющие повышенную опасность для стабильного функционирования исправительного учреждения.

Злостным нарушением признается повторное в течение года совершение любого из нарушений, перечисленных в ч. 1 ст. 116, либо совершение одного из грубых нарушений, прямо указанных в законе (например, употребление веществ изменяющих сознание, неповиновение представителям администрации, оскорбление либо нападение на сотрудников, отказ от работы) [УИК РФ].

Основное содержание

Институт дисциплинарной ответственности осужденных, как уже отмечалось выше, является ключевым элементом поддержания правопорядка в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Важно подчеркнуть, что сам по себе факт нарушения не делает осужденного автоматически злостным нарушителем – требуется юридический акт признания таковым, оформляемый постановлением начальника учреждения [Новиков, 2016].

Система дисциплинарных взысканий, закрепленная в ст. 115 УИК РФ, включает: выговор; дисциплинарный штраф в размере до двух тысяч рублей; водворение в штрафной изолятор (ШИЗО) на срок до 15 суток; перевод в помещение камерного типа (ПКТ) на срок до шести месяцев; перевод в единое помещение камерного типа (ЕПКТ) на срок до одного года; в отношении осужденных женщин – перевод в помещения камерного типа на срок до трех месяцев. Для несовершеннолетних осужденных сроки и перечень взысканий имеют существенные ограничения (ст. 138 УИК РФ) – выговор, лишение права на просмотр кинофильмов в течении одного месяца. Таким образом, законодатель дифференцирует меры взыскания в зависимости от тяжести нарушения, пола осужденного и вида исправительного учреждения. Наиболее строгие меры – перевод в помещения камерного типа и единые помещения камерного типа – применяются исключительно к лицам, уже признанным злостными нарушителями.

Злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания также возможно в случае повторного совершения в течение года любого по степени тяжести нарушения, если за каждое из них осужденный подвергался взысканию в виде водворения в штрафной изолятор [https://epp.genproc.gov.ru].

Осужденный признается злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания постановлением начальника исправительного учреждения по представлению дисциплинарной комиссии исправительного учреждения одновременно с наложением взыскания, предусмотренного пунктами «в», «г», «д» и «е» части первой статьи 115, а также пунктом «б» статьи 136 УИК РФ. Типовое положение о дисциплинарной комиссии исправительного учреждения утверждается нормативным правовым актом федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний [УИК РФ].

Особую сложность представляет порядок применения взысканий за злостные нарушения, регламентированный ст. 117 УИК РФ. Ключевой принцип – строгая персонификация и немедленность реакции. Взыскание налагается не позднее 10 суток с момента обнаружения проступка, а если проводилась проверка – не позднее 10 суток с момента ее окончания. При этом взыскание не может быть наложено позднее трех месяцев со дня совершения нарушения. За совершение нескольких нарушений взыскания налагаются за каждое отдельно, однако поглощение более строгим наказанием допускается только в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 117 УИК РФ.

Признание осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания влечет существенные правовые последствия, выходящие за рамки собственно дисциплинарного взыскания. Осужденные, признанные злостными нарушителями и отбывающие наказание в обычных условиях, переводятся в строгие условия отбывания наказания, а осужденные, отбывающие наказание в облегченных условиях, переводятся в обычные или строгие условия [Каданева, 2015].

Осужденные, переведенные в строгие условия отбывания наказания, проживают в запираемых помещениях, с существенным ограничением. Для них значительно сокращено число свиданий с родственниками, а также лимитированы объемы посылок, передач, почтовых отправлений и финансовых средств, которые можно потратить в тюремном магазине на собственные нужды.

Кроме того, согласно части 2 статьи 173.1 УИК РФ, в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого из мест лишения свободы и отбывавшего наказание за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо преступления при рецидиве преступлений, признание злостным нарушителем может повлиять на применение административного надзора.

Однако, в правоприменительной практике известны случаи, когда администрация исправительных учреждений допускает ошибки, влекущие признание постановлений незаконными. Так, распространенной проблемой является отсутствие в постановлении ссылки на конкретный пункт ст. 116 УИК РФ либо неверная квалификация действий осужденного. Например, единичное нецензурное высказывание в адрес другого осужденного не всегда может быть признано злостным нарушением без признаков оскорбления представителя администрации [Обзор судебной практики ВС РФ]. Суды активно контролируют соблюдение процедуры: обязательное ознакомление осужденного с постановлением под роспись, право обжалования в суд и вышестоящему должностному лицу, приостановление исполнения взыскания в случае подачи жалобы (до ее разрешения).

Отдельного внимания заслуживает дисциплинарный штраф. Согласно изменениям, внесенным Федеральным законом № 379 от 23.11.2020 «О внесении изменений в статью 115 УИК РФ», был значительно увеличен размер дисциплинарного взыскания для осужденных к

лишению свобод. Отметим, штраф налагается только за злостные нарушения. Размер штрафа не может превышать 2000 рублей и взыскивается с лицевого счета осужденного. Однако если на счету нет средств, взыскание фактически не исполняется, что снижает его превентивное значение, но закон не предусматривает альтернативы.

Проблемным аспектом является и водворение в ШИЗО осужденных, содержащихся в облегченных условиях, поскольку перевод в ШИЗО автоматически влечет изменение условий отбывания наказания на строгие или общие, что должно быть отражено в постановлении. Кроме того, действующее законодательство (ч. 4 ст. 117 УИК РФ) запрещает применять взыскание во время болезни осужденного или в иных случаях, указанных в законе, что требует медицинского подтверждения.

Необходимо акцентировать внимание на необходимость соблюдения принципа соразмерности. Применение перевода в ЕПКТ за злостное нарушение должно учитывать тяжесть содеянного, личность осужденного и предшествующее поведение. Администрация обязана мотивировать выбор наиболее строгой меры, а не автоматически назначать максимум за формальное наличие признака «злостности».

Не менее важным является вопрос о наложении взысканий за нарушения, совершенные в следственном изоляторе до вступления приговора в законную силу. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 № 9 (ред. от 26.11.2024) «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» подчеркивает, что факты нарушений, зафиксированные в СИЗО, могут учитываться при переводе осужденного на более строгий вид режима, но не являются автоматическим основанием для признания злостным нарушителем в исправительном учреждении – для этого требуется соответствующее решение начальника учреждения УИС.

Наконец, важнейшей гарантией законности является судебный контроль. Осужденный вправе обжаловать постановление о наложении взыскания в порядке, предусмотренном ст. 218 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации РФ [КАС РФ]. Суд проверяет не только процедуру, но и фактические обстоятельства, оценивает доказательства (рапорты сотрудников, объяснения очевидцев, видеозаписи). В случае признания постановления незаконным, взыскание снимается, а запись о нем аннулируется из личного дела осужденного.

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, действующая система мер взыскания не в полной мере позволяет удержать осужденного от нарушения порядка отбывания наказания в виде лишения свободы. В научной литературе отмечается, что водворение в штрафной изолятор продолжает оставаться одной из наиболее часто назначаемых мер взыскания, при этом при ее применении далеко не всегда учитываются характер и степень тяжести совершенного проступка [Урусов, 2026]. Ю. М. Ткачевский отмечал, что во многих подразделениях это взыскание считалось «панацеей от всех бед» и часто применялось ко многим нарушителям, при этом не учитывалась способность человека к адаптации [Ткачевский, 1970]. Частые водворения в ШИЗО постепенно теряли свой воспитательный характер, а сведение всех мер воздействия на нарушителей режима лишь к этому взысканию нередко приводило к озлоблению осужденных [Конышев, 2009].

Заключение

Институт дисциплинарной ответственности злостных нарушителей режима отбывания наказания представляет собой сложный правовой механизм, включающий систему

дифференцированных видов взысканий и детально регламентированную процедуру их применения. Действующее российское законодательство предусматривает такие меры, как выговор, дисциплинарный штраф, водворение в штрафной изолятор, перевод в помещения камерного типа, единые помещения камерного типа и одиночные камеры. Порядок применения взысканий гарантирует осужденным процессуальное право на объяснение, устанавливает сроки наложения взысканий и запрещает наложение нескольких взысканий за одно нарушение.

Вместе с тем анализ правоприменительной практики и научной литературы свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования как системы видов дисциплинарных взысканий, так и процедуры их применения. Признание осужденного злостным нарушителем должно быть не самоцелью, а средством стимулирования законопослушного поведения и обеспечения безопасности в исправительных учреждениях, что соответствует целям уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

Библиография

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.03.2026). КонсультантПлюс
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026): https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/
3. Антонов, Т. Г. Проблемы законодательного закрепления статуса «злостный нарушитель установленного порядка и условий отбывания наказания» / Т. Г. Антонов // Вестник Кузбасского института. – 2017. № 2(31). – С. 24-29.
4. Интернет-ресурс: Прокурор разъясняет: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_70/activity/legal-education/explain/e5649033/#1
5. Каданева, Е. А. Перевод в более строгие условия отбывания наказания в виде лишения свободы как правовое последствие признания осужденного злостным нарушителем / Е. А. Каданева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4-2(64). – С. 233-236.
6. Конышев, Ф. В. Актуальные вопросы применения наиболее строгих мер дисциплинарной ответственности к осужденным / Ф. В. Конышев // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2009. – № 10. – С. 191-194.
7. Майстренко Г. А. Регулирование дисциплинарной ответственности осужденных по законодательству Российской Федерации // Право и управление. 2024. № 5. С. 522-525. https://doi.org/10.24412/2224-9133202 4-5-522-525
8. Нарусланов, Э. Ф. Профилактика противоправных действий осужденных, содержащихся в помещениях камерного типа. Экспертное мнение / Э. Ф. Нарусланов, А. В. Новиков, В. В. Горовой // Юридическая наука. – 2019. – № 5. – С. 47-50.
9. Нарусланов, Э. Ф. К вопросу о детерминантах внутрикамерных конфликтов в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы. Экспертное мнение / Э. Ф. Нарусланов, А. В. Новиков, Е. Н. Полякова // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8, № 3А. – С. 173-180.
10. Новиков, Е. Е. Актуальные проблемы правового регулирования применения мер взыскания в исправительных учреждениях / Е. Е. Новиков // Вестник Кузбасского института. – 2016. – № 2(27). – С. 59-67.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 N 2711-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дандаева А.Х. на нарушение его конституционных прав статьей 119, частями третьей и пятой статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации": https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28122021-n-2711-o/?ysclid=mv2d2hwt5f973720235
12. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020)
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 № 9 (ред. от 26.11.2024) "О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений": https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163742/?ysclid=mv2e940jkr603392114
14. Румянцев, Н. В. Меры взыскания, применяемые к злостным нарушителям установленного порядка отбывания наказания в исправительных учреждениях / Н. В. Румянцев, Э. Ф. Нарусланов // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2019. – № 1. – С. 92-96.
15. Сибиль, Ю. П. О применении мер взыскания к осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы / Ю. П. Сибиль // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2018. – № 9(196). – С. 65-70.

16. Ткачевский, Ю.М. Советское исправительно-трудовое право / Ю.М. Ткачевский. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1971. – 232 с.
17. Урусов А.А. Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы. Сибирское юридическое обозрение. 2026; 23 (2) : 388-400. https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-388-400

On the Application of Disciplinary Sanctions to Malicious Violators of the Regime of Serving a Sentence

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The presented material examines the legal and organizational foundations of applying disciplinary sanctions to convicts recognized as malicious violators of the established procedure for serving a sentence in institutions of the penal system of the Russian Federation. The system of disciplinary measures provided for by the Penal Code of the Russian Federation is analyzed, as well as the procedure for recognizing a convict as a malicious violator and the legal consequences of such a status. The procedural aspects of imposing sanctions are examined: the procedure for issuing a decision, the role of the head of the correctional institution, consideration of previous behavior, as well as the specifics of applying the most severe measures, such as transfer to a single cell-type room and solitary confinement. The judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are cited, emphasizing the need to observe the principles of legality and humanism. Attention is paid to the problems of the effectiveness of disciplinary sanctions and the directions for improving penal legislation.

For citation

Slabkaya D.N. (2026) K voprosu primeneniya distsiplinarnykh vzyskaniy k zlostnym narushitelyam rezhima otbyvaniya nakazaniya [On the Application of Disciplinary Sanctions to Malicious Violators of the Regime of Serving a Sentence]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 407-413. DOI: 10.34670/AR.2026.75.24.044

Keywords

Disciplinary liability, malicious violator, regime of serving a sentence, disciplinary sanction, cell-type rooms, penal law, convict.

References

1. Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 08.01.1997 № 1-FZ (red. ot 23.03.2026). Konsul'tantPlyus
2. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii ot 08.03.2015 № 21-FZ (red. ot 09.04.2026): https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/

3. Antonov, T. G. Problemy zakonodatel'nogo zakrepleniya statusa «zlostnyj narushitel' ustanovlennogo poryadka i uslovij otbyvaniya nakazaniya» / T. G. Antonov // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2017. – № 2(31). – S. 24-29.
4. Internet-resurs: Prokuror raz"yasnyaet: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_70/activity/legal-education/explain/e5649033/#1
5. Kadaneva, E. A. Perevod v bolee strogie usloviya otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody kak pravovoe posledstvie priznaniya osuzhdennogo zlostnym narushitelem / E. A. Kadaneva // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 4-2(64). – S. 233-236.
6. Konyshev, F. V. Aktual'nye voprosy primeneniya naibolee strogih mer disciplinarnoj otvetstvennosti k os uzhdennym / F. V. Konyshev // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2009. – № 10. – S. 191-194.
7. Majstrenko G. A. Regulirovanie disciplinarnoj otvetstvennosti osuzhdennyh po zakonodatel'stvu Ro ssijskoj Federacii // Pravo i upravlenie. 2024. № 5. S. 522-525. https://doi.org/10.24412/2224-91332024-5-522-525
8. Naruslanov, E. F. Profilaktika protivopravnyh dejstvij osuzhdennyh, soderzhashchihsya v pomeshcheniyah kamernogo tipa. Ekspertnoe mnenie / E. F. Naruslanov, A. V. Novikov, V. V. Gorovoj // Yuridicheskaya nauka. – 2019. – № 5. – S. 47-50.
9. Naruslanov, E. F. K voprosu o determinantah vnutrikamernyh konfliktov v sledstvennyh izolyatorah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. Ekspertnoe mnenie / E. F. Naruslanov, A. V. Novikov, E. N. Polyakova // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2018. – T. 8, № 3A. – S. 173-180.
10. Novikov, E. E. Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya primeneniya mer vzyskaniya v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah / E. E. Novikov // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2016. – № 2(27). – S. 59-67.
11. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 28.12.2021 N 2711-O \"Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Dandaeva A.H. na narushenie ego konstitucionnyh prav stat'ej 119, chastyami tret'ej i pyatoj stat'i 127 Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii\": https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28122021-n-2711-o/?ysclid=mv2d2hwt5f973720235
12. «Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 1 (2020)» (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 10.06.2020)
13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29.05.2014 № 9 (red. ot 26.11.2024) \"O praktike naznacheniya i izmeneniya sudami vidov ispravitel'nyh uchrezhdenij\": https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163742/?ysclid=mv2e940jkr603392114
14. Rumyancev, N. V. Mery vzyskaniya, primenyaemye k zlostnym narushitelyam ustanovlennogo poryadka otbyvaniya nakazaniya v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah / N. V. Rumyancev, E. F. Naruslanov // Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava. – 2019. – № 1. – S. 92-96.
15. Sibil', Yu. P. O primenenii mer vzyskaniya k osuzhdennym, otbyvayushchim nakazanie v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy / Yu. P. Sibil' // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. 2018. № 9(196). S. 65-70.
16. Tkachevskij, Yu.M. Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo / Yu.M. Tkachevskij. – M.: Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1971. 232 s.
17. Urusov A.A. Disciplinarnaya otvetstvennost' osuzhdennyh k lisheniyu svobody. Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2026; 23 (2) : 388-400. https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-388-400

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.15.17.046**

Эволюция моделей уголовной ответственности за уклонение от отбывания наказания: опыт законодательных реформ России и Республики Беларусь

Шкабин Геннадий Сергеевич

Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор,
Институт права и национальной безопасности,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 82/1;
e-mail: sgsryaz@ya.ru

Аннотация

В статье исследуется мононормативная конструкция ст. 314 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая аккумулировала в рамках единого состава преступления разнородные формы поведения осуждённых (уклонение от отбывания лишения свободы, от ограничения свободы, от исправительных работ и иных видов наказаний), что порождает внутренние противоречия и затрудняет дифференциацию ответственности. На основе сравнительно-правового анализа с полинормативной моделью Уголовного кодекса Республики Беларусь, отказавшейся в ходе реформы 2021 года от специальной криминализации уклонения от наказаний, не связанных с изоляцией от общества (ст. 415–419 УК РБ), приводится критика механического расширения уголовных запретов, при котором законодатель стремится охватить единым составом разнородные по степени общественной опасности деяния. Анализируются противоречия ответственности за уклонение от ограничения свободы, связанные с несоразмерностью санкций, размытостью критериев уклонения и отсутствием чёткого разграничения между уголовно наказуемым деянием и дисциплинарным проступком. Обосновывается приоритет межотраслевого института замены наказания более строгим видом над самостоятельной уголовной репрессией, что позволяет обеспечить дифференциацию ответственности, снизить нагрузку на уголовно-исполнительную систему и повысить эффективность предупреждения преступлений. Предлагаются направления совершенствования российского законодательства с учётом белорусского опыта, включая дифференциацию ответственности в зависимости от вида наказания и степени его неисполнения.

Для цитирования в научных исследованиях

Шкабин Г.С. Эволюция моделей уголовной ответственности за уклонение от отбывания наказания: опыт законодательных реформ России и Республики Беларусь // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 414-422. DOI: 10.34670/AR.2026.15.17.046

Ключевые слова

уклонение от отбывания наказания, уголовное законодательство Республики Беларусь, ограничение свободы, невозвращение в исправительное учреждение, отсрочка отбывания наказания, принудительные меры медицинского характера, цели наказания, замена наказания, предупреждение преступлений.

Введение

Неотвратимость исполнения приговора лежит в основе легитимности уголовного правосудия. Без действенного механизма реализации наказания обвинительный акт утрачивает свое предупредительное назначение, закрепленное в ч. 2 ст. 43 УК РФ. В таких условиях судебное решение неизбежно превращается в декларацию. Предупреждение совершения новых преступлений выступает краеугольным камнем уголовной политики, однако разрыв между декларируемой угрозой кары и ее фактическим исполнением парализует как общую, так и частную превенцию, провоцируя рост рецидивной преступности [Денисенко, 2025]. В доктрине уголовного права фундаментальная коллизия стадии исполнения приговора сосредоточена вокруг разграничения двух качественно разнородных правовых явлений. Это уголовно наказуемое уклонение от отбывания наказания и дисциплинарного проступка, сопряженного с несоблюдением режима исполнения судебного постановления. Смешение указанных правовых категорий приводит к размыванию оснований публичной ответственности и дестабилизации правоприменительной практики. Более того, при отсутствии законодательно выверенных критериев признания лица злостно уклоняющимся правоохранительные органы утрачивают однозначные ориентиры реагирования на отклоняющееся поведение осужденного [Шихвердиев, 2017]. Подобная нормативная неопределенность создает условия для субъективного судебного усмотрения. Правоприменитель оказывается дезориентирован.

Основная часть

В отечественном уголовном законодательстве указанная проблема усугубляется дефектами конструирования нормативного материала. Статья 314 Уголовного кодекса Российской Федерации содержит разнородные формы противоправного поведения осужденных, посягающие на принципиально различные аспекты исполнения приговора и мер уголовно-правового характера, механически объединяя уклонение от отбывания ограничения свободы, невозвращение в исправительное учреждение лица, осужденного к лишению свободы, и уклонение от применения принудительных мер медицинского характера. Возникает закономерный вопрос: насколько обосновано объединение в рамках единой статьи институтов, имеющих различную материально-правовую природу? По нашему убеждению, подобная законодательная концентрация представляется спорной. Искусственное слияние разнородных составов в границах мононормативной конструкции ст. 314 УК РФ порождает ошибки квалификации и нарушает принцип правовой определенности. На данную опасность указывается в литературе, отмечая, что законодатель систематически игнорирует критерии отраслевого деления, допуская произвольное смешение норм криминального цикла, что порождает внутреннюю сумятицу в правоприменении и нарушает нормативно-правовое конструирование институтов [Храмов, 2025]. Ниже мы постараемся продемонстрировать

недостатки мононормативного оформления ответственности за уклонение от отбывания наказания в российском праве через сравнение эволюции полинормативной модели Республики Беларусь.

Теоретический анализ архитектоники Особенной части уголовных законов постсоветских государств позволяет выделить две диаметрально противоположные концептуальные модели криминализации уклонения от отбывания наказания – мононормативную (российскую) и полинормативную (белорусскую). Российский подход основывается на сосредоточении разнородных составов в границах ст. 314 УК РФ, где законодатель предпринял попытку одновременно предусмотреть ответственность за уклонение от ограничения свободы, невозвращение в исправительное учреждение либо к месту отбывания наказания и уклонение от принудительных мер медицинского характера. Рассматривая технико-юридическую обоснованность такого объединения, следует обратить внимание на его внутреннюю противоречивость. Законодатель закрепил в рамках единого состава наказуемость уклонения от уголовного наказания и мер безопасности медицинского характера, хотя последние уголовным наказанием по своей материально-правовой сущности не являются.

Принципиально иную доктринальную логику длительное время демонстрировал белорусский законодатель. С принятием Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 года [Уголовный кодекс Республики Беларусь, 1999] в нем была выстроена полинормативная децентрализованная система, установившая самостоятельную уголовную ответственность за уклонение от каждого конкретного вида наказания, не связанного с изоляцией от общества: ограничения свободы (ст. 415), исправительных работ (ст. 416), лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 417), общественных работ (ст. 418) и штрафа (ст. 419), наряду с нормами о побеге (ст. 413) и уклонении от лишения свободы (ст. 414) [Казак, 2021, с. 48–52; Качмазова, 2020]. В отечественной литературе высказывались мнения о прогрессивности такого сплошного охранительного охвата [Качмазова, 2020, с. 129]. Однако практическая реализация данной модели продемонстрировала ее несовершенство. Как указывается в научной литературе, существование самостоятельной уголовной ответственности за уклонение от уже назначенного наказания грубо противоречило основополагающему принципу недопустимости двойной ответственности за одно и то же деяние, закрепленному в ч. 6 ст. 3 УК РБ, а также положениям пункта 14 Токийских правил ООН, требующим реагировать на нарушения условий мер без изоляции их отменой или изменением, а не новым осуждением [Казак, 2021, с. 52]. Более того, криминализация данных проступков ухудшала правовое положение осужденных, создавала искусственную повторную судимость и искусственно завышала уровень рецидивной преступности в государстве [Казак, 2021, с. 52].

Осознание этого привело к принятию Закона Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З [Закон Республики Беларусь № 112-З, 2021], которым ст. 415–419 УК РБ были полностью исключены из Уголовного кодекса Республики Беларусь. Государство отказалось от уголовно-правовой автономии уклонения от наказаний, не связанных с изоляцией от общества, переведя правовую реакцию в плоскость институтов Общей части. В ст. 49–52 и 55 УК РБ были внесены дополнения, предоставившие суду полномочие при злостном уклонении заменять неотбытую меру более строгим наказанием, вплоть до лишения свободы, по представлению органа исполнения приговора.

Этот шаг наглядно подтвердил справедливость позиции о том, что прекращение уголовно-исполнительных правоотношений при уклонении осужденного должно происходить через

замену неотбытой части наказания в рамках межотраслевой преюдиции, а не посредством генерации новой судимости [Бякина, 2025]. Таким образом, белорусский опыт доказывает, что путь дробления ст. 314 УК РФ на самостоятельные составы преступлений является бесперспективным. Направлением реформы выступает не расширение криминализации, а освобождение уголовного закона от избыточных запретов в пользу института замены наказания.

Законодательное выделение уклонения от отбывания ограничения свободы в структуре ст. 314 УК РФ со всей очевидностью обнажает глубокое противоречие нормативного регулирования. Анализ примечания 1 к ст. 314 УК РФ показывает, что уголовная ответственность по части первой указанной статьи наступает исключительно при условии, когда ограничение свободы назначено лицу в качестве дополнительного наказания. Если же тождественные по содержанию правоограничения назначены в качестве основного наказания, законодатель исключает самостоятельный состав преступления, ограничиваясь рамками ст. 53 УК РФ и процедурой замены неотбытой части меры более строгим наказанием. В таком случае возникает вопрос: почему одинаковые по характеру и степени общественной опасности деяния влекут принципиально различные уголовно-правовые последствия?

Лица, допустившие одинаковые нарушения порядка отбывания одного и того же по своей юридической природе наказания, ставятся в неравное положение исключительно в силу процессуального статуса меры. В доктрине на этот счет обозначился раскол мнений. Если сторонники охранительного подхода настаивают на сохранении самостоятельной уголовной ответственности в ст. 314 УК РФ ради удержания карательного контроля над отбывшим основное наказание лицом [Шихвердиев, 2017, с. 21–22], то представители критического направления усматривают здесь искусственную криминализацию [Орлов, 2015].

Ситуация усугубляется размытостью материальных критериев злостности на стыке уголовного и уголовно-исполнительного законов [Уголовно-исполнительный кодекс РФ, 1997]. Формально-казуальный подход законодателя, требующий последовательного вынесения предупреждения, официального предостережения и фиксации третьего нарушения, дезориентирует суды, порождая непрекращающиеся противоречия при оценке кратности проступков. Следствием несогласованности критериев становится трудная реализуемость нормы. Обвинительные приговоры по ч. 1 ст. 314 УК РФ весьма немногочисленные, что на фоне широкого применения ограничения свободы превращает состав в юридическую фикцию. С принятием Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ [Федеральный закон № 64-ФЗ «Об административном надзоре», 2011] потребность в ч. 1 ст. 314 УК РФ выглядит сомнительной, поскольку административный надзор содержательно дублирует карательные запреты, а ответственность за уклонение от них предусмотрена ст. 314.1 УК РФ. С учетом того, что Беларусь полностью декриминализировала уклонение от ограничения свободы (бывшую ст. 415 УК РБ), научно обоснованным решением de lege ferenda выступает декриминализация ч. 1 ст. 314 УК РФ с передачей контрольных функций институту административного надзора [Казак, 2021].

Технико-юридические проблемы присущи составу преступления, предусмотренному ч. 2 ст. 314 УК РФ, устанавливающей ответственность за невозвращение в исправительное учреждение лица, осужденного к лишению свободы, которому разрешен выезд, а равно за неявку осужденного после окончания срока отсрочки отбывания наказания. Правоприменитель здесь сталкивается со сложностью отграничения уголовно наказуемого уклонения от дисциплинарного проступка. В доктрине сложились взаимоисключающие концепции. Одни авторы полагают, что сам объективный факт истечения установленного времени выезда

образует оконченный состав преступления независимо от длительности задержки [Орлов, 2015], тогда как другие справедливо указывают на необходимость установления субъективного отношения лица к факту невозвращения и причин опоздания [Лигай, 2023]. Автоматическое вменение уголовной ответственности игнорирует субъективную сторону состава, требующую прямого умысла на уклонение от отбывания наказания.

Второй конструктивный признак объективной стороны ч. 2 ст. 314 УК РФ, который содержит пробел, это ответственность за неявку осужденного, которому была предоставлена отсрочка, по истечении ее срока. Законодатель криминализировал бездействие, лишенное материально-правового основания [Шихвердиев, 2017, с. 10]. Уголовно-исполнительное законодательство не возлагает на лицо обязанности самостоятельно являться в исправительное учреждение либо в инспекцию в день окончания отсрочки. В силу ст. 82 УК РФ и статей 396–399 УПК РФ суд обязан предварительно рассмотреть вопрос либо о полном освобождении лица от отбывания наказания, либо о замене его более мягким, либо о направлении осужденного в колонию с учетом его поведения в период отсрочки.

Для устранения выявленного пробела, ликвидации фиктивных оснований ответственности и исключения объективного вменения необходимо изменение закона. В ч. 2 ст. 314 УК РФ следует предусмотреть ответственность за невозвращение в исправительное учреждение лица, осужденного к лишению свободы, которому разрешен выезд за пределы исправительного учреждения в соответствии со ст. 97 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, по истечении срока выезда, совершенное с целью уклонения от отбывания наказания. При этом ч. 4 ст. 82 УК РФ следует дополнить положением о том, что в случае уклонения лица от контроля инспекции в период отсрочки суд по представлению уголовно-исполнительной инспекции отменяет отсрочку и направляет осужденного для отбывания наказания в место, назначенное приговором суда, без возбуждения нового уголовного дела.

В Уголовно-исполнительном кодексе РФ необходимо дополнить ч. 3 ст. 178 УИК РФ нормой о том, что по окончании срока отсрочки уголовно-исполнительная инспекция в течение трех суток направляет в суд представление для решения вопроса в порядке ст. 82 УК РФ, сохраняя надзор за осужденным до вступления постановления суда в законную силу.

В Уголовно-процессуальный кодекс РФ [Уголовно-процессуальный кодекс РФ, 2001] в п. 12 ст. 397 УПК РФ закрепить процессуальный порядок рассмотрения вопроса об отмене отсрочки и направлении осужденного для отбывания наказания в случае его неявки в судебное заседание, с объявлением лица в розыск исключительно в рамках процедур исполнения приговора.

Кроме вышесказанного следует обратить внимание на ч. 3 ст. 314 УК РФ. Она, на наш взгляд, нарушает единство института ответственности за уклонение от отбывания наказания. Законодатель предпринял попытку криминализировать уклонение лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, от применения принудительных мер медицинского характера непосредственно внутри статьи, охраняющей исполнение уголовного наказания. Однако принудительное лечение по своей правовой природе уголовным наказанием не является. Это самостоятельная мера уголовно-правового характера. Ее целевое назначение принципиально отличается от кары. Она направлена не на воздаяние за содеянное через претерпевание лишений, а на улучшение психического состояния лица ради предупреждения новых посягательств, что подтверждает общую превентивную направленность института мер безопасности [Денисенко, 2025]. Механическое объединение кары и лечения размывает границы объекта охраны главы 31 УК РФ.

Кроме того, часть 3 ст. 314 УК РФ характеризуется острой санкционной диспропорцией. Установление безальтернативного наказания в виде лишения свободы на срок до одного года жестко связывает судейское усмотрение. При этом карательный потенциал санкции не соответствует общественной опасности деяния. Лица, уклоняющиеся от лечения у психиатра, осуждены за насильственные преступления против половой неприкосновенности малолетних. Данный запрет целесообразно либо выделить в самостоятельную статью Особенной части УК РФ, либо интегрировать в структуру ст. 314.1 УК РФ, поскольку административный надзор также не является наказанием и реализуется в рамках постпенитенциарного контроля.

Проведенный сравнительно-правовой анализ требует критической оценки пределов экстраполяции зарубежного законодательного опыта. Несмотря на показательность реформы Уголовного кодекса Республики Беларусь, декриминализировавшей ст. 415–419 УК РБ, механический перенос ее институциональных решений в российскую правовую систему встречает объективные препятствия. В Беларуси сохраняется существенно более компактная пенитенциарная система и высокая степень оперативной управляемости органов внутренних дел, что позволяет эффективно применять замену наказания без риска утраты контроля над соответствующим контингентом. В условиях масштабов Российской Федерации полный отказ от карательных механизмов в отношении отдельных видов наказаний вызывает небезосновательные опасения правоприменителей относительно возможного ослабления предупредительного воздействия уголовного закона.

Второй дискуссионный аспект связан с проблемой межотраслевой нагрузки на судебную систему при реализации института замены наказания. Как отмечают исследователи уголовно-исполнительных отношений, процедура замены наказания требует безупречного процессуального оформления юридических фактов злостности сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций [Алфимова, 2021; Бякина, 2025; Храмов, 2025]. Массовая передача материалов об уклонении от дополнительных наказаний из уголовно-процессуального производства в сферу исполнения приговора неизбежно повлечет рост представлений в суды общей юрисдикции. Вместе с тем указанные издержки не опровергают главного концептуального вывода о том, что преодоление кризиса неэффективных уголовно-правовых запретов лежит в плоскости совершенствования межотраслевых институтов исполнения наказания, а не в искусственном сохранении недействующих уголовных норм.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что мононормативная модель ответственности за уклонение от отбывания наказания, закрепленная в ст. 314 УК РФ, исчерпала свой регулятивный потенциал. Механическое сочленение в рамках единой статьи составов уклонения от различных основных и дополнительных наказаний с уклонением от мер медицинского профиля повлекло проблемы квалификации, противоречие принципу равенства граждан перед законом и появление фактически недействующих предписаний. В свою очередь, законодательный опыт Республики Беларусь доказал бесперспективность альтернативной, полинормативной модели сплошной криминализации.

Библиография

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в действующей ред.) // СПС КонсультантПлюс.

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (в действующей ред.) // СПС КонсультантПлюс.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в действующей ред.) // СПС КонсультантПлюс.
4. Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СПС КонсультантПлюс.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275 (дата обращения: 10.08.2026).
6. Закон Республики Беларусь от 26.05.2021 № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100112 (дата обращения: 10.08.2026).
7. Алфимова О.А. Сравнительно-правовой анализ содержания злостного нарушения порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы по действующему законодательству стран СНГ // Вестник Кузбасского института. – 2021. – № 4 (49). – С. 9–15. – URL: https://doi.org/10.53993/2078-3914/2021/4(49)/9-15.
8. Бякина С.И. Структура уголовно-исполнительных правоотношений при исполнении наказания в виде исправительных работ // Научные исследования преступления и наказания. – 2025. – № 2. – С. 17–23.
9. Денисенко М.В. Предупреждение новых преступлений как цель уголовного наказания // Научные исследования преступления и наказания. – 2025. – № 4(4). – С. 14-20.
10. Казак С.В. Особенности квалификации преступлений против порядка отбывания наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. – 2021. – Т. 11, № 2. – С. 48–54.
11. Качмазова А.В. Зарубежный опыт криминализации деяний, связанных с неисполнением судебных постановлений // Юридический вестник ДГУ. – 2020. – Т. 34, № 2. – С. 128–132. – URL: https://doi.org/10.21779/2224-0241-2020-34-2-128-132 (дата обращения: 12.08.2026).
12. Лигай Л.Ю. Отдельные проблемы квалификации уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы (ч. 2 ст. 314 УК РФ) // Юридические исследования. – 2023. – № 10. – С. 91–99.
13. Орлов А.В. О некоторых проблемах привлечения к ответственности за уклонение от отбывания ограничения свободы и лишения свободы // Вестник Самарского юридического института. – 2015. – № 2 (16). – С. 57–60.
14. Храмов А.А. К проблеме понимания институтов уголовно-исполнительного права // Научные исследования преступления и наказания. – 2025. – № 2. – С. 32–38.
15. Шихвердиев В.А. Уклонение от отбывания наказания: проблемы оптимизации уголовно-правовых средств реагирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2017. – 28 с.

Evolution of Models of Criminal Liability for Evasion of Serving a Sentence: The Experience of Legislative Reforms in Russia and the Republic of Belarus

Gennadii S. Shkabin

Doctor of Law, Professor, Chief Research Fellow,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor,
Institute of Law and National Security,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
119571, 82, bldg. 1, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sgsryaz@ya.ru

Abstract

The article examines the mononormative construction of Art. 314 of the Criminal Code of the Russian Federation, which has accumulated within a single corpus delicti heterogeneous forms of behavior of convicts (evasion of serving deprivation of liberty, of restriction of freedom, of

corrective labor, and of other types of punishment), which gives rise to internal contradictions and complicates the differentiation of liability. Based on a comparative legal analysis with the polynormative model of the Criminal Code of the Republic of Belarus, which abandoned special criminalization of evasion of punishments not related to isolation from society (Arts. 415–419 of the Criminal Code of the Republic of Belarus) during the 2021 reform, criticism is given of the mechanical expansion of criminal prohibitions, in which the legislator seeks to cover by a single corpus delicti acts heterogeneous in degree of public danger. The contradictions of liability for evasion of restriction of freedom are analyzed, related to the disproportionality of sanctions, the vagueness of the criteria of evasion, and the absence of a clear distinction between a criminally punishable act and a disciplinary offense. The priority of the intersectoral institution of substitution of a punishment by a more severe type over independent criminal repression is substantiated, which makes it possible to ensure differentiation of liability, reduce the burden on the penal system, and increase the effectiveness of crime prevention. Directions for improving Russian legislation are proposed taking into account Belarusian experience, including differentiation of liability depending on the type of punishment and the degree of its non-execution.

For citation

Shkabin G.S. (2026) Evolyutsiya modeley ugolovnoy otvetstvennosti za uklonenie ot otbyvaniya nakazaniya: opyt zakonodatel'nykh reform Rossii i Respubliki Belarus' [Evolution of Models of Criminal Liability for Evasion of Serving a Sentence: The Experience of Legislative Reforms in Russia and the Republic of Belarus]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 414-422. DOI: 10.34670/AR.2026.15.17.046

Keywords

Evasion of serving a sentence, criminal legislation of the Republic of Belarus, restriction of freedom, failure to return to a correctional institution, deferral of serving a sentence, compulsory medical measures, purposes of punishment, substitution of punishment, crime prevention.

References

1. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 No. 63-FZ (v deystvuyushchey red.) [Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended)]. *SPS Konsul'tantPlyus*.
2. Ugolovno-ispolnitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 08.01.1997 No. 1-FZ (v deystvuyushchey red.) [Penal Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended)]. *SPS Konsul'tantPlyus*.
3. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 No. 174-FZ (v deystvuyushchey red.) [Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended)]. *SPS Konsul'tantPlyus*.
4. Federal'nyy zakon ot 06.04.2011 No. 64-FZ "Ob administrativnom nadzore za litsami, osvobozhdennymi iz mest lisheniya svobody" [Federal Law of 06.04.2011 No. 64-FZ "On Administrative Supervision of Persons Released from Places of Deprivation of Liberty"]. *SPS Konsul'tantPlyus*.
5. Ugolovnyy kodeks Respubliki Belarus' ot 09.07.1999 No. 275-Z [Criminal Code of the Republic of Belarus of 09.07.1999 No. 275-Z]. *Natsional'nyy pravovoy Internet-portal Respubliki Belarus'*. Available at: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275 (accessed: 10.08.2026).
6. Zakon Respubliki Belarus' ot 26.05.2021 No. 112-Z "Ob izmenenii kodeksov po voprosam ugolovnoy otvetstvennosti" [Law of the Republic of Belarus of 26.05.2021 No. 112-Z "On Amendments to Codes on Criminal Liability"]. *Natsional'nyy pravovoy Internet-portal Respubliki Belarus'*. Available at: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100112 (accessed: 10.08.2026).
7. Alfimova O.A. (2021). Sravnitel'no-pravovoy analiz soderzhaniya zlostnogo narusheniya poryadka otbyvaniya nakazaniya osuzhdennymi k lisheniyu svobody po deystvuyushchemu zakonodatel'stvu stran SNG [Comparative Legal Analysis of the Content of Malicious Violation of the Order of Serving a Sentence by Persons Sentenced to Deprivation

of Liberty under the Current Legislation of the CIS Countries]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 4(49), 9-15. DOI: 10.53993/2078-3914/2021/4(49)/9-15.

8. Byakina S.I. (2025). Struktura ugolovno-ispolnitel'nykh pravootnosheniy pri ispolnenii nakazaniya v vide ispravitel'nykh rabot [The Structure of Penal Legal Relations in the Execution of Punishment in the Form of Corrective Labour]. *Nauchnyye issledovaniya prestupleniya i nakazaniya*, 2, 17-23.
9. Denisenko M.V. (2025). Preduprezhdeniye novykh prestupleniy kak tsel' ugolovnogo nakazaniya [Prevention of New Crimes as the Goal of Criminal Punishment]. *Nauchnyye issledovaniya prestupleniya i nakazaniya*, 4(4), 14-20.
10. Kazak S.V. (2021). Osobennosti kvalifikatsii prestupleniy protiv poryadka otbyvaniya nakazaniy, ne svyazannykh s izolyatsiyey osuzhdennykh ot obshchestva [Peculiarities of Qualifying Crimes against the Order of Serving Sentences Not Related to Isolation of Convicts from Society]. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 4. Pravovedeniye*, 11(2), 48-54.
11. Kachmazova A.V. (2020). Zarubezhnyy opyt kriminalizatsii deyaniy, svyazannykh s neispolneniyem sudebnykh postanovleniy [Foreign Experience of Criminalising Acts Related to Non-Execution of Court Decisions]. *Yuridicheskiy vestnik DGU*, 34(2), 128-132. DOI: 10.21779/2224-0241-2020-34-2-128-132. Available at: https://doi.org/10.21779/2224-0241-2020-34-2-128-132 (accessed: 12.08.2026).
12. Ligay L.Yu. (2023). Otdel'nyye problemy kvalifikatsii ukloneniya ot otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody (ch. 2 st. 314 UK RF) [Certain Problems of Qualifying Evasion of Serving a Sentence in the Form of Deprivation of Liberty (Part 2, Article 314 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Yuridicheskiye issledovaniya*, 10, 91-99.
13. Orlov A.V. (2015). O nekotorykh problemakh privlecheniya k otvetstvennosti za ukloneniya ot otbyvaniya ogranicheniya svobody i lisheniya svobody [On Certain Problems of Holding to Account for Evasion of Serving Restriction of Liberty and Deprivation of Liberty]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 2(16), 57-60.
14. Khramov A.A. (2025). K probleme ponimaniya institutov ugolovno-ispolnitel'nogo prava [On the Problem of Understanding the Institutions of Penal Law]. *Nauchnyye issledovaniya prestupleniya i nakazaniya*, 2, 32-38.
15. Shikhverdiev V.A. (2017). *Ukloneniya ot otbyvaniya nakazaniya: problemy optimizatsii ugolovno-pravovykh sredstv reagirovaniya* [Evasion of Serving a Sentence: Problems of Optimising Criminal Law Means of Response] (Author's abstract of PhD thesis in Law). Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.9 **10.34670/AR.2026.24.20.001**

Последствия экоцида: экологические, социальные, экономические и политические аспекты

Углова Евгения Анатольевна

Заместитель директора,
Дальневосточный юридический институт (филиал),
Университет прокуратуры Российской Федерации,
690001, Российская Федерация, Владивосток, ул. Пушкинская, 2;
e-mail: vladivostok200@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются последствия экоцида – преступления против мира и безопасности человечества, предусмотренного статьей 358 Уголовного кодекса Российской Федерации. Обосновывается, что вред, причиняемый экоцидом, носит системный, кумулятивный и зачастую невосполнимый характер, выходя за рамки традиционной триады экологических, социальных и экономических последствий. Цель исследования – систематизировать последствия экоцида на четырех уровнях: экологическом, социальном, экономическом и политическом. Показано, что экологические последствия принимают форму необратимой деградации экосистем и утраты биоразнообразия; социальные – ухудшения здоровья населения, вынужденной миграции и разрушения традиционного уклада жизни коренных народов; экономические – утраты природного капитала и затрат на ликвидацию ущерба, которые многократно превышают выгоду от деятельности, приведшей к разрушению экосистем. В качестве наиболее трудно обратимых автор выделяет политические последствия: экоцид выступает катализатором государственной несостоятельности, триггером ресурсных конфликтов, инструментом ослабления суверенитета, источником экстремизма и фактором кризиса глобального управления. Использованы концепция «медленного насилия» Р. Никсона и правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации о «реально невосполнимом и неисчисляемом» вреде экологических катастроф; положения статьи иллюстрируются примерами Амазонии, последствий войны во Вьетнаме, конфликта в секторе Газа и ситуации малых островных государств. Обосновывается необходимость учета политических последствий экоцида в правотворческой и правоприменительной деятельности, в том числе на межгосударственном уровне.

Для цитирования в научных исследованиях

Углова Е.А. Последствия экоцида: экологические, социальные, экономические и политические аспекты // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 423-432. 10.34670/AR.2026.24.20.001

Ключевые слова

Экоцид, последствия экоцида, «медленное насилие», экологическая катастрофа, политические последствия, государственная несостоятельность, ресурсные конфликты, экологический неоколониализм, устойчивое развитие, управление рисками, методология исследования, государственная политика.

Введение

Экоцид, или воздействие на окружающую среду во враждебных целях, представляет собой высшую форму антропогенных экологических катастроф и предельную форму стратегии и тактики «выжженной земли» [Геворкян, Геворкян, 20185]. Комплексный криминологический анализ экоцида был бы неполным без исследования его последствий, которые по своему масштабу, глубине и необратимости превосходят последствия любого иного преступного посягательства, известного современному уголовному праву. В отличие от традиционных преступлений, где причиненный вред, как правило, локализован, имеет конкретного потерпевшего и поддается количественной оценке, вред от экоцида носит системный, кумулятивный и зачастую невосполнимый характер. Более того, как справедливо отмечается в концепции «медленного насилия» (slow violence), предложенной экологом Робом Никсоном в книге «Медленное насилие и экологизм бедных» (Nixon, 2011), «наше представление о насилии слишком «непосредственно во времени» [Геворкян, Геворкян, 2018] и поэтому зачастую для нас этот процесс предстаёт как «замедленное разрушение, растянутое во времени и пространстве, истощающее воздействие, которое обычно вообще не воспринимается как насилие» [Бесконечное настоящее, 2025]. Именно эта особенность экоцида – растянутость разрушительных последствий во времени и пространстве – делает их осознание, а следовательно, и правовое реагирование, крайне затруднительным.

Материалы и методы исследования

Принято выделять три основные группы последствий экоцида: экологические, социальные и экономические. Экологические последствия выражаются в необратимой деградации экосистем, утрате биоразнообразия и уничтожении естественной среды обитания. Социальные последствия проявляются в ухудшении здоровья населения, вынужденной миграции и разрушении традиционного уклада жизни коренных народов. Экономические последствия включают колоссальные затраты на ликвидацию ущерба и утрату природного капитала. Однако этим перечнем далеко не исчерпывается вся глубина катастрофических последствий экоцида. Особого внимания заслуживают его политические последствия, которые, подобно детонатору, запускают механизмы дестабилизации на локальном, региональном и глобальном уровнях, превращая экологическое преступление в экзистенциальную угрозу для государственного суверенитета и международного миропорядка.

Цель настоящей статьи – систематизировать последствия экоцида по четырем уровням: экологическому, социальному, экономическому и политическому и обосновать тезис о том, что политические последствия являются наиболее трудно обратимыми и системными. Научная новизна заключается в том, что в отличие от традиционного подхода, ограничивающегося триадой последствий, автор выделяет политические последствия как самостоятельный и наиболее опасный уровень, а также рассматривает их через призму концепции устойчивого развития.

Результаты и обсуждение

Первой и наиболее очевидной группой последствий экоцида выступают собственно экологические изменения, носящие, как правило, необратимый или трудновосстановимый

характер. Массовое уничтожение растительного и животного мира, отравление (загрязнение) атмосферы и гидросферы, а также иные действия, способные вызвать экологическую катастрофу, приводят к разрушению естественных экосистем, утрате биоразнообразия и нарушению сложившихся за тысячелетия биогеохимических циклов.

Уничтожение лесов, в особенности тропических («легких планеты»), влечет за собой не только гибель миллионов видов флоры и фауны, но и нарушение глобального климатического баланса. Загрязнение водных ресурсов тяжелыми металлами, нефтепродуктами и диоксинами делает водоемы непригодными для жизни, уничтожая их биологические ресурсы на десятилетия вперед. Отравление атмосферы промышленными выбросами ведет к образованию кислотных дождей, разрушению озонового слоя и парниковому эффекту.

Ключевая особенность экологических последствий экоцида – их системный и кумулятивный характер. Вред причиняется не отдельному компоненту природы (почве, воде, лесу), а всей экосистеме как единому функциональному целому. Восстановление такой системы требует не только колоссальных финансовых затрат, но и огромных временных интервалов – порой нескольких столетий. В ряде случаев, когда экосистема достигает «точки невозврата», восстановление становится невозможным в принципе. Именно этим экологические последствия экоцида принципиально отличаются от последствий «обычных» экологических преступлений, которые, как правило, носят локальный и обратимый характер.

Ярким примером необратимости экологических последствий является ситуация в Амазонии. По оценке регионального директора и представителя Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде Хуана Белло, по состоянию на май 2023 года биом Амазонии уже потерял около 20 процентов своей первоначальной площади, и специалисты говорят, что он быстро достигает «точки невозврата» [Бесконечное настоящее, 2025]. Дальнейшее обезлесение может привести к необратимой трансформации экосистемы, превращению тропических лесов в саванну и, как следствие, к нарушению глобального климатического баланса.

Экологические последствия, однако, составляют лишь одну сторону катастрофы. За уничтоженными экосистемами стоят конкретные люди, здоровье которых подвергается прямому воздействию. Токсичные вещества, аккумулирующиеся в почве и воде на протяжении многих лет, неизбежно проникают в организм человека, вызывая серьёзные заболевания. Экологическая катастрофа закономерно трансформируется в катастрофу социальную, наиболее тяжёлым и необратимым проявлением которой выступает ухудшение здоровья населения.

Особую тревогу вызывает воздействие токсичных веществ на наиболее уязвимые группы – женщин, беременных и новорожденных. В долгосрочной перспективе это может привести к необратимым генетическим нарушениям и наследственным заболеваниям, затрагивающим будущие поколения. Так, последствия активного использования американскими войсками диоксинов во время вьетнамской войны с 1961 по 1971 г. сказываются на здоровье населения до сих пор: прямому воздействию подверглись миллионы вьетнамцев, включая гражданских. Диоксин TCDD (2,3,7,8-тетрахлордибензо-п-диоксин) проник в пищевую цепь, отравляя людей десятилетиями после войны. Результатом стали массовые проблемы со здоровьем: онкология, пороки развития у новорожденных, поражения кожи и нервной системы. При этом распыление дефолиантов сказалось и на здоровье самих американских военных: диоксин разрушал иммунитет («химический СПИД») и крайне негативно сказывался на наследственности [Животова, 2025]. Масштаб экологической и гуманитарной катастрофы остается беспрецедентным в истории военных конфликтов [Животова, 2025]. Ни один вооружённый

конфликт в обозримой мировой истории не приводил к столь масштабным и столь длительным экологическим и гуманитарным последствиям.

Однако ухудшением здоровья населения социальные последствия экоцида не исчерпываются – не менее разрушительным оказывается его воздействие на среду обитания, которое вынуждает людей покидать обжитые места. Затопление территорий, загрязнение источников воды, уничтожение сельскохозяйственных угодий делают невозможным проживание на определенных территориях. Ярчайшим примером здесь может служить недавний конфликт в секторе Газа, особенно обострившийся в 2023 году. По оценке ООН, удары Израиля по водной инфраструктуре усугубляют деградацию среды и угрожают здоровью людей, делая природу непригодной для жизни и лишая палестинцев права на чистую окружающую среду [Последствия для прав человека, 2025]. В поисках лучшей жизни палестинцы вынуждены покидать свои дома.

В глобальном масштабе деградация окружающей среды становится одним из ключевых факторов вынужденной миграции: изменение климата, опустынивание и дефицит водных ресурсов вынуждают миллионы людей покидать родные территории, усиливая демографическое давление на принимающие регионы. Особенно тяжело последствия экоцида сказываются на коренных народах, для которых природная среда выступает не просто местом обитания, а фундаментом культурной идентичности, духовных практик и физического выживания. Традиционные сообщества существуют в неразрывной связи с экосистемами: реки служат для них транспортными артериями и источниками пищи, леса – источником лекарственного сырья и объектом духовного почитания, животные – не только объектами охоты, но и тотемными предками, участниками космогонических представлений.

Амазония – наиболее драматичный пример такого разрушения. Для коренных народов, таких как Яномами, вырубка леса, разработка золотоносных приисков, невозможность вести традиционную охоту, взаимодействие с благами цивилизации, включая алкоголь и наркотики [В тропических лесах Амазонки, 2022], оборачиваются не просто экологической, а цивилизационной катастрофой и утратой самого способа существования во времени и пространстве.

Следующим, совершенно закономерным результатом являются экономические последствия экоцида, которые, прежде всего, проявляются в утрате природного капитала: уничтожение лесов, загрязнение водных объектов, истощение почв – все это неизбежно ведет к невосполнимой утрате экономического потенциала территорий. Масштабы этой утраты подтверждаются глобальными исследованиями. Согласно последнему докладу ЮНЕП «Состояние финансов для природы 2026» (State of Finance for Nature 2026) [State of Finance for Nature, 2026] в 2023 году 7,3 триллиона долларов США было направлено на деятельность, негативно влияющую на природу. Между тем, на поддержку экологически ответственного подхода было выделено всего 220 миллиардов долларов, а частные инвестиции составили лишь 23 миллиарда долларов. Диспропорция составила 30:1 между финансированием разрушения и восстановления экосистем.

Последние исследования однозначно показывают, что ликвидация последствий экоцида требует колоссальных финансовых затрат, которые зачастую многократно превышают экономическую выгоду от деятельности, приведшей к разрушению экосистем. В эту сумму входят расходы на восстановление инфраструктуры, очистку загрязненных территорий, рекультивацию почв, компенсации пострадавшим и долгосрочный медицинский мониторинг населения.

Этот вывод подтверждается правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной при оценке последствий одной из крупнейших техногенных катастроф – аварии на Чернобыльской АЭС. В своём Постановлении от 1 декабря 1997 года № 18-П [Постановление Конституционного Суда РФ № 18-П, 1997] суд прямо указал, что вред от подобных масштабных экологических катастроф носит особый, принципиально невосполнимый характер, квалифицировав его как «реально невосполнимый и неисчисляемый». Данная характеристика в полной мере применима и к последствиям экоцида, который, как и чернобыльская катастрофа, причиняет вред не отдельным компонентам природы, а экосистеме в целом, делая ее восстановление невозможным или крайне затруднительным, а причиненный ущерб – не поддающимся точной денежной оценке.

Справедливость этой правовой позиции подтверждается реальными примерами. По оценкам экологов, полное восстановление экосистем региона может занять десятилетия. Примеров тому предостаточно: разлив нефти с платформы «Deepwater Horizon» в Мексиканском заливе (2010 г.), распыление дефолиантов во Вьетнаме (1961-1971 гг.), сброс нефти в Персидский залив (1991 г.) и последствия военных действий в секторе Газа (2023 – 2025 гг.) последствия этих событий неясны до сих пор.

Еще одна наиболее тревожная тенденция заключается в том, что значительная часть территорий после деятельности горнодобывающих и химических производств остаётся нерекультивированной. Токсичные отходы, загрязнённые воды и непригодные ландшафты ложатся бременем на местное население, создавая очаги социальной напряжённости и экономической депрессии.

Анализируя экономические последствия, следует особо подчеркнуть: экологические издержки перекладываются с корпораций на общество, которое расплачивается здоровьем и утратой перспектив развития. Экоцид делает невозможным устойчивое развитие: разрушенные экосистемы и исчерпанные ресурсы перечёркивают будущее территорий на годы вперёд [Наше общее будущее, 1987]. Таких примеров масса в Африке и Юго-Восточной Азии.

Представляется, что удовлетворение потребностей нынешнего поколения не должно ставить под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности. Экоцид грубейшим образом нарушает этот принцип, лишая будущие поколения природной основы существования, а человечество – устойчивого развития.

Наконец, самым трудно обратимым и системным результатом экоцида являются его политические последствия, которые, подобно детонатору, запускают цепную реакцию дестабилизации на локальном, региональном и глобальном уровнях.

В первую очередь экоцид выступает мощным катализатором государственной несостоятельности. Деградация природной среды подрывает экономическую базу государства: уничтожение сельскохозяйственных угодий ведёт к продовольственной нестабильности, истощение водных ресурсов – к гуманитарным кризисам, а свёртывание промышленной деятельности – к массовой безработице. В условиях, когда государство утрачивает способность обеспечивать базовые потребности населения (в чистой воде, пище, безопасности), его легитимность в глазах граждан стремительно падает, а освободившийся вакуум власти заполняется негосударственными вооруженными формированиями, этническими или криминальными структурами, которые, в свою очередь, часто сами вовлечены в хищническую эксплуатацию остаточных природных ресурсов. Возникает порочный круг: экоцид провоцирует хаос, а хаос делает невозможным восстановление экологии.

Во-вторых, экологическая деградация превращается в «источник конфликтов низкой интенсивности» и прямой триггер гражданских вооруженных конфликтов. Борьба за доступ к

сокращающимся ресурсам – пресной воде, пахотным землям, пастбищам, полезным ископаемым – нередко принимает форму межэтнических или трансграничных столкновений. Экоцид, как правило, является «ускорителем» этих процессов, превращая латентные противоречия в открытое насилие.

В-третьих, политические последствия экоцида проявляются в форме ослабления национального суверенитета и роста внешнего управления. Крупномасштабная экологическая катастрофа часто делает государство неспособным самостоятельно ликвидировать ее последствия без массированной международной помощи или получения займов на международных рынках или у международных финансовых институтов. Это открывает возможности для внешнего вмешательства: под видом гуманитарных миссий могут вводиться внешние администраторы, навязываться политические условия или происходить переориентация экономики в интересах более сильных иностранных держав. Примером здесь служат малые островные государства, находящиеся на грани затопления: Тувалу, Кирибати, Мальдивы и Ямайка. При совокупном вкладе в мировые выбросы парниковых газов менее 1% они являются наименее ответственными за изменение климата. Однако именно они оказываются на передовой экологической катастрофы: повышение уровня Мирового океана, учащение разрушительных ураганов, засухи и наводнения уничтожают их инфраструктуру, экономику и территорию. Эта системная уязвимость приводит к нарастанию финансовой нестабильности, вынуждая островные государства делать невозможный выбор между неотложными потребностями развития и долгосрочным выживанием в условиях изменения климата [Luise, 2025]. В результате их геополитический суверенитет оказывается зависим от воли их кредиторов, а их формальный суверенитет превращается в фикцию.

В-четвертых, экоцид ведет к эскалации политического экстремизма и радикализации протестных движений. Экологический активизм способен трансформироваться в экологический экстремизм и терроризм тогда, когда мирные каналы разрешения эколого-правовых конфликтов блокируются. Население, чьи дома и здоровье уничтожены в результате безнаказанной деятельности корпораций или государственной политики, лишенное возможности добиться справедливости через суды, может прибегать к саботажу, захвату заложников, нападениям на инфраструктуру. Такие действия, направленные не против личности, а против «убийц природы», создают новую, чрезвычайно опасную политическую реальность, где экологический вред легитимизирует насилие в глазах определенных социальных групп.

В-пятых, в международном измерении последствия экоцида выражаются в кризисе глобального управления и фрагментации международного права. Поскольку экоцид до сих пор не признан самостоятельным международным преступлением в рамках Римского статута [Римский статут, 1998], а принятая совсем недавно Директива 2024/1203 (ЕС) Европейского парламента и Совета от 11 апреля 2024 г. о защите окружающей среды посредством уголовного права, заменяющая директивы 2008/99/ЕС и 2009/123/ЕС [Директива (ЕС) 2024/1203, 2024] имеет ограниченный и опосредованный характер, сохраняется зона «экологической безнаказанности» для государств и транснациональных корпораций. Это ведет к политической дестабилизации: страны «глобального Юга» (Индия, Китай, Бразилия, Мексика, страны Африки и другие) [Перминова, 2023] воспринимают бездействие международного сообщества как форму экологического неоколониализма, что усиливает антизападные настроения и подрывает доверие к институтам ООН. Экоцид становится не только юридическим, но и политическим оружием – инструментом давления, шантажа и демонстрации безнаказанности в международных отношениях.

Таким образом, политические последствия экоцида носят системный и кумулятивный характер: запуская механизмы деградации государств, ресурсных войн, ослабления суверенитета, радикализации протеста и кризиса глобальных институтов, они в конечном счете подрывают саму возможность мирного, устойчивого и справедливого миропорядка. Именно в этом – высшая общественная опасность экоцида, превращающая его из уголовно наказуемого деяния в экзистенциальную угрозу политической организации человечества.

Заключение

Проведённое исследование позволяет заключить: последствия экоцида не сводятся к экологическому вреду – они образуют многоуровневый комплекс взаимосвязанных эффектов, охватывающих экологическую, социальную, экономическую и политическую сферы.

В отличие от традиционных преступлений, вред от экоцида носит глобальный, системный, кумулятивный и зачастую невосполнимый характер, что принципиально отличает экоцид от «обычных» экологических преступлений. Экологические последствия отличаются необратимостью либо крайней трудновосстановимостью, особенно когда экосистема достигает «точки невозврата». Как следствие экологическая катастрофа закономерно перерастает в катастрофу социальную: массовые заболевания населения, вынужденная миграция, разрушение традиционного уклада коренных народов.

Экономическое измерение этих последствий не менее драматично. Оно проявляется в глубокой диспропорции между финансированием разрушения природы и её восстановления, а также в том, что затраты на ликвидацию ущерба многократно превышают выгоду от деятельности, приведшей к экоциду. Издержки перекладываются с корпораций на общество, что ставит под угрозу устойчивое развитие территорий и даже государств.

Но наиболее трудно обратимыми и системными оказываются последствия политические. Экоцид выступает катализатором государственной несостоятельности, триггером ресурсных конфликтов, инструментом ослабления суверенитета, источником экологического экстремизма и фактором кризиса глобального управления. А сохраняющаяся зона «экологической безнаказанности» превращает его в инструмент политического давления и неоколониализма. Именно в этом состоит высшая общественная опасность экоцида: он перестаёт быть просто уголовно наказуемым деянием и становится экзистенциальной угрозой политической организации человечества. Именно поэтому политические последствия экоцида требуют самостоятельного исследования и учёта в правотворческой и правоприменительной деятельности, в том числе на межгосударственном уровне.

Библиография

1. Agent Orange последствия // Вьетнамский дом. 10.07.2025. URL: https://viet-house.ru/news/agent_orange/
2. Белло Х. Последний шанс спасти Амазонию // Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). 22.05.2023. URL: https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/blog/posledniy-shans-spasti-amazoniyu
3. Бесконечное настоящее: кто является носителем времени // Идеономика. 26.06.2025. URL: https://ideanomics.ru/articles/34925
4. В тропических лесах Амазонки коренное племя борется за выживание // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. 09.08.2022. URL: https://www.ohchr.org/ru/stories/2022/08/amazon-rainforest-indigenous-tribe-fights-survival
5. Геворкян С.Г., Геворкян И.С. Экоцид как высшая форма антропогенной экологической катастрофы. К постановке проблемы // Электронное научное издание Альманах «Пространство и Время». 2018. Т. 16. № 3-4.

6. Директива (ЕС) 2024/1203 Европейского парламента и Совета от 11 апреля 2024 г. о защите окружающей среды посредством уголовного права, заменяющая директивы 2008/99/ЕС и 2009/123/ЕС // Официальный журнал Европейского союза. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/1203/oj
7. Животова П. 10 августа 1961 года американцы первыми применили химикат Agent Orange во Вьетнаме // Российское историческое общество. URL: https://historyrussia.org/sobytiya/10-avgusta-1961-goda-amerikantsy-vpervye-primenili-khimikat-agent-orange-vo-vetname.html
8. Наше общее будущее: доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития: док. A/42/427 / Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк: ООН, 1987. 379 с. URL: https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf
9. Перминова М. «Глобальный Север и Юг»: как термины влияют на наше восприятие мира // РБК Тренды. 30.11.2023. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/65671fe79a794726ec6ed946
10. Последствия для прав человека экологически обоснованного регулирования и удаления опасных веществ и отходов: записка Генерального секретаря. 16.07.2025. URL: https://digitallibrary.un.org/record/4086708
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1997 г. № 18-П // Российская газета. 1997. № 247-248.
12. Римский статут Международного уголовного суда: принят в г. Риме 17.07.1998 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/901750575
13. Рууска Т., Хейккуринен П., Левассер Т., Гар А. Переосмысление насилия в антропоцене: от экоцида к экологической цивилизации // Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика. 2026. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pereosmyslenie-nasiliya-v-antropotsene-ot-ekotsida-k-ekologicheskoy-tsivilizatsii
14. Luise F. Small islands at COP30: Setbacks, Unstoppable Truths, and New Climate Superpowers // Greening the Islands. 04.12.2025. URL: https://greeningtheislands.org/small-islands-at-cop30-setbacks-unstoppable-truths-and-new-climate-superpowers/
15. State of Finance for Nature 2026: Nature in the Red – Powering the Trillion Dollar Nature Transition Economy. Nairobi: United Nations Environment Programme, 2026. URL: https://wedocs.unep.org/handle/20.500.11822/49119

Consequences of Ecocide: Environmental, Social, Economic and Political Aspects

Evgeniya A. Uglova

Deputy Director,
Far Eastern Law Institute (Branch),
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
690001, 2, Pushkinskaya str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: vladivostok200@mail.ru

Abstract

The article examines the consequences of ecocide – a crime against the peace and security of mankind, provided for by Article 358 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is substantiated that the harm caused by ecocide is systemic, cumulative, and often irreparable in nature, going beyond the traditional triad of environmental, social, and economic consequences. The purpose of the study is to systematize the consequences of ecocide at four levels: environmental, social, economic, and political. It is shown that environmental consequences take the form of irreversible degradation of ecosystems and loss of biodiversity; social consequences – deterioration of public health, forced migration, and destruction of the traditional way of life of indigenous peoples; economic consequences – loss of natural capital and costs of remedying the damage, which many times exceed the benefit from the activity that led to the destruction of ecosystems. The author identifies political consequences as the most difficult to reverse: ecocide acts as a catalyst for state failure, a trigger for resource conflicts, an instrument for weakening sovereignty, a source of extremism, and a factor in the crisis of global governance. The concept of "slow violence" by

R. Nixon and the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation on the "really irreparable and incalculable" harm of environmental catastrophes are used; the provisions of the article are illustrated by examples of the Amazon, the consequences of the war in Vietnam, the conflict in the Gaza Strip, and the situation of small island states. The necessity of taking into account the political consequences of ecocide in law-making and law enforcement activities, including at the interstate level, is substantiated.

For citation

Uglova E.A. (2026) Posledstviya ekotsida: ekologicheskie, sotsial'nye, ekonomicheskie i politicheskie aspekty [Consequences of Ecocide: Environmental, Social, Economic and Political Aspects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 423-432. 10.34670/AR.2026.24.20.001

Keywords

Ecocide, consequences of ecocide, "slow violence", environmental catastrophe, political consequences, state failure, resource conflicts, environmental neocolonialism, sustainable development, risk management, research methodology, state policy.

References

1. Agent Orange consequences. (2025, July 10). Vietnam House. Retrieved August 22, 2026, from https://viet-house.ru/news/agent_orange/ [In Russian]
2. Bello, H. (2023, May 22). The last chance to save the Amazon. UN Environment Programme (UNEP). Retrieved September 6, 2026, from https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/blog/posledniy-shans-spasti-amazoniyu [In Russian]
3. Directive (EU) 2024/1203 of the European Parliament and of the Council of 11 April 2024 on the protection of the environment through criminal law and replacing Directives 2008/99/EC and 2009/123/EC. Official Journal of the European Union. Retrieved September 2, 2026, from https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/1203/oj
4. Endless present: who is the bearer of time. (2025, June 26). Ideonomics. Retrieved August 14, 2026, from https://ideanomics.ru/articles/34925 [In Russian]
5. Gevorkyan, S.G., & Gevorkyan, I.S. (2018). Ecocide as the highest form of anthropogenic ecological catastrophe: statement of the problem. Electronic Scientific Edition Almanac "Space and Time", 16(3-4). [In Russian]
6. In the Amazon rainforest, an indigenous tribe fights for survival. (2022, August 9). Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. Retrieved August 22, 2026, from https://www.ohchr.org/ru/stories/2022/08/amazon-rainforest-indigenous-tribe-fights-survival [In Russian]
7. Luise, F. (2025, December 4). Small islands at COP30: Setbacks, Unstoppable Truths, and New Climate Superpowers. Greening the Islands. Retrieved August 17, 2026, from https://greeningtheislands.org/small-islands-at-cop30-setbacks-unstoppable-truths-and-new-climate-superpowers/
8. Our Common Future: report of the World Commission on Environment and Development: UN Doc. A/42/427. (1987). United Nations. Retrieved September 15, 2026, from https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf [In Russian]
9. Perminova, M. (2023, November 30). "Global North and South": how terms influence our perception of the world. RBC Trends. Retrieved August 17, 2026, from https://trends.rbc.ru/trends/social/65671fe79a794726ec6ed946 [In Russian]
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 1 December 1997 No. 18-P. (1997). Rossiyskaya Gazeta, (247-248). [In Russian]
11. Rome Statute of the International Criminal Court: adopted in Rome on 17.07.1998. Electronic Fund of Legal and Regulatory Technical Documents. Retrieved September 4, 2026, from https://docs.cntd.ru/document/901750575 [In Russian]
12. Ruuska, T., Heikkurinen, P., Levasseur, T., & Gar, A. (2026). Rethinking violence in the Anthropocene: from ecocide to ecological civilization. Ecopoiesis: Eco-Human Theory and Practice, (1). Retrieved August 14, 2026, from https://cyberleninka.ru/article/n/pereosmyslenie-nasiliya-v-antropotsene-ot-ekotsida-k-ekologicheskoy-tsivilizatsii [In Russian]
13. State of Finance for Nature 2026: Nature in the Red – Powering the Trillion Dollar Nature Transition Economy. (2026). United Nations Environment Programme. Retrieved September 15, 2026, from https://wedocs.unep.org/handle/20.500.11822/49119

14. The implications for human rights of the environmentally sound management and disposal of hazardous substances and wastes: note by the Secretary-General. (2025, July 16). Retrieved August 22, 2026, from https://digitallibrary.un.org/record/4086708 [In Russian]
15. Zhivotova, P. On 10 August 1961, the Americans first used the chemical Agent Orange in Vietnam. Russian Historical Society. Retrieved August 14, 2026, from https://historyrussia.org/sobytiya/10-avgusta-1961-goda-amerikantsy-vpervye-primenili-khimikat-agent-orange-vo-vetname.html [In Russian]

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 341.225 **DOI: 10.34670/AR.2026.67.47.036**

Коллизии интересов государств в вопросах полярного судоходства

Романович Елизавета Павловна

Арбитражный управляющий,
Аспирант,
Славяно-Греко-Римская Академия,
109383, Российская Федерация, Москва, ул. Шоссейная, 90;
e-mail: liva-909@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены коллизии интересов государств в вопросах полярного судоходства как проявление более широкого комплекса арктических противоречий, охватывающих суверенитет, доступ к ресурсам, контроль над морскими маршрутами и экологическую безопасность. Исследование исходило из того, что таяние льдов и рост коммерческого судоходства повысили практическую значимость Северного морского пути, Северо-Западного прохода и иных арктических трасс, одновременно обострив спор о соотношении международного морского права, национальной юрисдикции и исторических притязаний прибрежных государств. В работе был проведён сравнительно-правовой и структурно-функциональный анализ источников, посвящённых Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, статье 234, секторальному принципу, Полярному кодексу и национальным стратегиям арктических держав. Показано, что правовой режим Арктики сохраняет фрагментарный характер, а ключевое противоречие состоит в столкновении универсалистского подхода к свободе судоходства с прибрежным подходом, ориентированным на усиленный контроль в ледовых и экологически уязвимых районах. Результаты подтвердили, что наиболее устойчивой формой регулирования остаётся гибридная модель, сочетающая нормы международного права, региональные механизмы и национальное законодательство, однако её эффективность ограничена институциональной незавершённостью и ростом геополитической конкуренции.

Для цитирования в научных исследованиях

Романович Е.П. Коллизии интересов государств в вопросах полярного судоходства // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 433-439. DOI: 10.34670/AR.2026.67.47.036

Ключевые слова

Арктика, полярное судоходство, Северный морской путь, Северо-Западный проход, Конвенция ООН по морскому праву, статья 234, секторальный принцип, государственный суверенитет, международно-правовой режим, экологическая безопасность.

Введение

Арктика в последние десятилетия превратилась из периферийного пространства в один из наиболее спорных районов мировой политики, поскольку изменение климата, расширение доступа к ресурсам и рост транспортной привлекательности полярных трасс усилили конкуренцию государств за юрисдикцию и контроль над морскими сообщениями [Снятков, 2025]. Полярное судоходство в данном исследовании понимается как система морских перевозок в высокоширотных акваториях, где правовой режим определяется не только общими нормами международного морского права, но и особыми природными условиями, экологическими рисками и исторически сложившимися практиками прибрежных держав [Дятлова, 2024]. Именно поэтому коллизии интересов здесь проявляются острее, чем в иных морских регионах: одни государства рассматривают арктические маршруты как часть глобальных коммуникаций, другие – как пространство приоритетной национальной ответственности и суверенных прав [Снятков, 2025; Красулина, Диденко, 2026].

Научная актуальность темы усиливается тем, что существующий правовой режим Арктики остается неполным и постоянно испытывает давление новых обстоятельств, связанных с сокращением ледового покрова и увеличением коммерческой навигации. Конвенция ООН по морскому праву закрепила общие рамки разграничения морских пространств, включая 200-мильные зоны суверенных прав, однако в Арктике эти положения взаимодействуют с секторальными доктринами, историческими притязаниями и расширительным толкованием природоохранной юрисдикции. В результате спор о правовом статусе трасс, условий прохода и допустимых мер контроля приобрел не только юридический, но и выраженный геополитический характер.

Цель и задачи

Цель исследования заключалась в выявлении структуры и содержания коллизий интересов государств в вопросах полярного судоходства, а также в определении тех правовых и политико-экономических факторов, которые поддерживают конфликтность арктического режима. Под коллизией интересов в данной работе понималось устойчивое противоречие между конкурирующими государственными стратегиями, направленными на максимизацию суверенного контроля, экономической выгоды, транспортной доступности и экологической безопасности в одном и том же пространстве.

Для достижения цели были решены три взаимосвязанные задачи: проанализированы основные концепции правового режима Арктики, сопоставлены позиции прибрежных и неарктических государств относительно свободы судоходства и специальных полномочий в ледовых районах, а также классифицированы основные типы конфликтов, возникающих вокруг полярных маршрутов. Такая постановка задач позволила рассматривать полярное судоходство одновременно как транспортный, правовой и геополитический феномен.

Гипотеза исследования

Гипотеза исследования состояла в том, что обострение коллизий интересов государств в вопросах полярного судоходства было вызвано не одним фактором, а наложением трех процессов: климатической трансформации Арктики, институциональной незавершенности ее правового режима и усиления конкуренции за контроль над ресурсами и транспортными

артериями. Предполагалось, что по мере повышения навигационной доступности арктических морей государства усиливали стремление интерпретировать международное право в пользу собственных национальных стратегий, что приводило к расхождению между универсальными и прибрежными подходами к регулированию.

Одновременно гипотеза предполагала, что ни секторальный принцип, ни универсалистское понимание свободы судоходства не смогли самостоятельно обеспечить устойчивое урегулирование, поскольку первый ограничен слабой универсальной признанностью, а второе не учитывает в полной мере экологическую хрупкость и специфические риски ледовых районов. Следовательно, наиболее реалистичным исходом являлось сохранение гибридного режима с постоянными зонами юридической неопределенности.

Методология

Методология исследования включала системный, сравнительно-правовой, историко-правовой и аналитический методы, которые уже применялись в исследованиях международно-правового режима арктического судоходства и показали пригодность для выявления пробелов и конкурирующих интерпретаций норм. Системный подход позволил рассматривать полярное судоходство как узел пересечения права, экономики, экологии и безопасности, а историко-правовой анализ – проследить эволюцию от секторальной концепции к сложной комбинации норм Конвенции 1982 года, национального законодательства и региональных механизмов. Сравнительно-правовой анализ был направлен на сопоставление аргументации, опирающейся на свободу навигации, с аргументацией, основанной на статье 234 Конвенции и специальных мерах контроля в покрытых льдом районах.

В ходе исследования был сформирован аналитический массив из фрагментов, описывающих национальные интересы, правовые позиции и институциональные ограничения арктического управления. Для обработки материала использовалась классификация противоречий по уровням и сферам взаимодействия, ранее предложенная для анализа Арктики в целом. В таблице 1 представлена примененная в исследовании схема кодирования конфликтов полярного судоходства.

Таблица 1 - Схема классификации конфликтов в полярном судоходстве

Измерение	Категории
Уровень конфликта	глобальный, циркумполярный, региональный
Предмет спора	юрисдикция, маршруты, ресурсы, экология, безопасность
Форма проявления	открытая, скрытая
Характер взаимодействия	прямой, опосредованный

Проведение эксперимента

Эмпирическая часть исследования представляла собой качественный контент-анализ источников, в котором были последовательно отобраны положения о Северном морском пути, Северо-Западном проходе, секторальном принципе, статье 234 Конвенции, Полярном кодексе и участии неарктических государств в арктических институтах. На первом этапе были выделены фрагменты, описывающие правовые основания суверенных притязаний и контрольных полномочий прибрежных государств. На втором этапе были извлечены положения о росте коммерческого судоходства, инфраструктурной и ресурсной мотивации, а также о вовлечении

внешних акторов, включая Китай, Индию и европейские государства. На третьем этапе эти данные были соотнесены с классификацией конфликтов по уровням, формам и предметам спора.

Результатом процедуры стало тематическое распределение массива по трем доминирующим узлам напряженности: спор о правовом статусе маршрутов, спор о пределах природоохранной и административной юрисдикции, а также спор о допустимой степени интернационализации управления Арктикой. Такой дизайн позволил исследованию выйти за рамки чисто доктринального анализа и показать фактическую взаимосвязь между правовыми аргументами и стратегическими интересами государств.

Анализ данных

Анализ показал, что основная линия разлома проходит между прибрежными державами, стремящимися сохранить усиленный контроль над арктическими морскими путями, и государствами, заинтересованными в расширении режимов международного судоходства. Россия и Канада в наибольшей степени опирались на секторальную традицию, исторические аргументы и специальные условия Арктики, тогда как универсалистский подход подчеркивал приоритет общих правил морской навигации и ограниченность исключений. Дополнительным источником напряженности выступило то, что статья 234 Конвенции, предназначенная для предотвращения загрязнения в покрытых льдом районах, стала одновременно экологическим и юрисдикционным инструментом.

Сопоставление данных выявило, что экономический интерес к Арктике тесно связан с вопросом судоходства: транспортные маршруты рассматриваются не изолированно, а в связи с доступом к углеводородам, логистической инфраструктуре и военно-стратегическому присутствию. В таблице 2 сведены основные направления столкновения интересов, зафиксированные в исследовании.

Таблица 2 - Основные линии коллизий интересов

Акторы	Ключевой интерес	Основное противоречие
Прибрежные арктические государства	контроль маршрутов и ресурсов	ограничение внешнего доступа
Неарктические государства	свобода навигации и экономический доступ	оспаривание расширительной юрисдикции
Международные институты	унификация правил и экологическая защита	слабая обеспеченность исполнения

Результаты

Исследование подтвердило, что коллизии интересов государств в вопросах полярного судоходства имеют многоуровневый характер и не сводятся к одному правовому спору. Во-первых, был установлен конфликт между историко-секторальной логикой контроля и конвенционной логикой универсального морского права. Во-вторых, выявлено противоречие между растущей экономической выгодой от навигационной доступности Арктики и необходимостью особого экологического режима в хрупких морских экосистемах. В-третьих, показано, что расширение участия неарктических государств усилило давление на региональные институты, которые пока не обладают достаточной универсальностью и

исполнительной мощностью.

Тем самым гипотеза исследования подтвердилась: именно сочетание климатических изменений, правовой незавершенности и геополитической конкуренции сформировало текущую архитектуру конфликтности в полярном судоходстве. Ни один из рассмотренных правовых механизмов не устранил противоречия полностью, а действующий режим сохранил характер компромиссной, но нестабильной конструкции.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют утверждать, что полярное судоходство стало индикатором более глубокого кризиса арктического управления, где нормы права больше не могут анализироваться вне политико-экономического контекста. С одной стороны, аргументы прибрежных государств опираются на реальные риски навигации, потребность в ледокольном сопровождении, инфраструктурной поддержке и предотвращении загрязнения. С другой стороны, расширительное толкование таких полномочий воспринимается внешними акторами как средство закрепления преимущественного контроля над маршрутами и ресурсной базой. Это означает, что спор о судоходстве фактически является спором о модели суверенитета в условиях меняющейся Арктики.

В более широком плане исследование соотносится с выводом о незавершенности институциональной структуры Арктики и ограниченной эффективности существующих организаций. Даже при декларируемой ориентации на сотрудничество государства продолжают укреплять конкурентные преимущества и военное присутствие, что повышает вероятность дальнейшей политизации транспортно-правовых вопросов. Следовательно, устойчивость полярного судоходства зависит не только от уточнения юридических норм, но и от способности государств согласовать пределы допустимого контроля и формы участия внешних акторов.

Заключение

Проведенное исследование показало, что коллизии интересов государств в вопросах полярного судоходства сформировались на стыке права, геополитики, экономики и экологии. Таяние льдов сделало арктические маршруты более значимыми для мировой торговли, но одновременно обострило спор о статусе этих путей, пределах национальной юрисдикции и применимости специальных природоохранных режимов. Правовой режим Арктики сохранил гибридный характер, в котором Конвенция ООН по морскому праву, статья 234, национальное законодательство и исторические доктрины сосуществуют без окончательного устранения взаимных противоречий.

Главный вывод состоит в том, что полярное судоходство уже стало не просто отраслью морских перевозок, а самостоятельной зоной международно-правового и политического соперничества. Пока институциональная архитектура Арктики остается незавершенной, а интерес к ресурсам и маршрутам возрастает, конфликтный потенциал будет сохраняться даже при формальном признании приоритета международного сотрудничества.

Библиография

1. Галиев М.С., Духанина А.С. К теоретико-правовому размышлению о морских государствах // Юриспруденция: вчера, сегодня, завтра: сборник статей VI. 2026. С. 13.
2. Дуб С.Н., Черный М.И., Шабиев Т.Н. Правовое регулирование в Арктике и других уязвимых регионах //

Epomen.Global. 2026. Выпуск № 70. С. 80–87.
3. Дятлова А.В. Международно-правовой режим Арктики // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 5-1. С. 404–410.
4. Ивченко А.А. Арктический регион в системе международных отношений: история и современность: дис. ... канд. — Сибирский федеральный университет, 2024.
5. Красулина О.Ю., Диденко Н.И. [Название работы]. 2026.
6. Никифорова Е.Н. К вопросу о модели диагностики сформированности компетенций при подготовке кадров для Арктики // ББК 67.9, 67.400 С56 Рецензенты. 2023. С. 90.
7. Снятков А.А. Оценка степени научной разработанности темы «Международно-правовой режим судоходства в Арктическом регионе» // Право и политика. 2025. № 9. С. 32–43.

Conflicts of State Interests in Matters of Polar Navigation

Elizaveta P. Romanovich

Arbitration Manager,
Postgraduate Student,
Slavic-Greek-Roman Academy,
109383, 90, Shosseynaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: liva-909@yandex.ru

Abstract

The article examines conflicts of state interests in matters of polar navigation as a manifestation of a broader complex of Arctic contradictions encompassing sovereignty, access to resources, control over sea routes, and environmental safety. The study proceeded from the premise that ice melting and the growth of commercial shipping have increased the practical significance of the Northern Sea Route, the Northwest Passage, and other Arctic routes, while simultaneously sharpening the dispute over the relationship between international maritime law, national jurisdiction, and the historical claims of coastal states. The work carried out a comparative-legal and structural-functional analysis of sources devoted to the 1982 UN Convention on the Law of the Sea, Article 234, the sectoral principle, the Polar Code, and the national strategies of Arctic powers. It is shown that the legal regime of the Arctic retains a fragmentary character, and the key contradiction consists in the clash between the universalist approach to freedom of navigation and the coastal approach oriented toward enhanced control in ice-covered and environmentally vulnerable areas. The results confirmed that the most stable form of regulation remains a hybrid model combining the norms of international law, regional mechanisms, and national legislation; however, its effectiveness is limited by institutional incompleteness and growing geopolitical competition.

For citation

Romanovich E.P. (2026) Kollizii interesov gosudarstv v voprosakh polyarnogo sudokhodstva [Conflicts of State Interests in Matters of Polar Navigation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 433-439. DOI: 10.34670/AR.2026.67.47.036

Keywords

Arctic, polar navigation, Northern Sea Route, Northwest Passage, UN Convention on the Law of the Sea, Article 234, sectoral principle, state sovereignty, international legal regime, environmental safety.

References

1. Dyatlova, A.V. (2024). Mezhdunarodno-pravovoy rezhim Arktiki [International Legal Regime of the Arctic]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Issues of Russian and International Law], 14(5-1), 404–410.
2. Dub, S.N., Cherny, M.I., & Shabiev, T.N. (2026) Pravovoe regulirovanie v Arktike i drugikh uyazvimykh regionakh [Legal Regulation in the Arctic and Other Vulnerable Regions]. *Epomen.Global*, (70), 80–87.
3. Galiev, M.S., & Dukhanina, A.S. (2026) K teoretiko-pravovomu razmyshleniyu o morskikh gosudarstvakh [On Theoretical and Legal Reflection on Maritime States]. In *Yurisprudentsiya: vchera, segodnya, zavtra: sbornik statey VI* [Jurisprudence: Yesterday, Today, Tomorrow: Collection of Articles VI] (p. 13).
4. Ivchenko, A.A. (2024). *Arkticheskiy region v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy: istoriya i sovremennost* [The Arctic Region in the System of International Relations: History and Modernity]: Dissertation. Siberian Federal University.
5. Krasulina, O.Yu., & Didenko, N.I. (2026) [Title of the work].
6. Nikiforova, E.N. (2023). K voprosu o modeli diagnostiki sformirovannosti kompetentsiy pri podgotovke kadrov dlya Arktiki [On the Issue of a Model for Diagnosing the Formation of Competencies in Training Personnel for the Arctic]. *BBK 67.9, 67.400 S56 Retsenzenty* [BBK 67.9, 67.400 S56 Reviewers], 90.
7. Snyatkov, A.A. (2025). Otsenka stepeni nauchnoy razrabotannosti temy "Mezhdunarodno-pravovoy rezhim sudokhodstva v Arkticheskom regione" [Assessment of the Degree of Scientific Development of the Topic "International Legal Regime of Navigation in the Arctic Region"]. *Pravo i politika* [Law and Politics], (9), 32–43.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 341.1/8 **DOI: 10.34670/AR.2026.32.61.038**

Таможенное право ЕАЭС: процедуры, пошлины, составы правонарушений и их последствия

Воробьева Анастасия Александровна

Магистр,
Институт открытого образования
по программе «Юрист для частного бизнеса и власти»,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 49;
e-mail: timofeeva-a.a@mail.ru

Аннотация

Таможенное регулирование в Евразийском экономическом союзе направлено на обеспечение единого порядка перемещения товаров через таможенную границу Союза, взимания таможенных платежей и осуществления таможенного контроля. В статье раскрывается соотношение наднациональных норм Таможенного кодекса Евразийского экономического союза и национального законодательства государств-членов на примере Российской Федерации. Обосновывается, что таможенная процедура выступает основным юридическим механизмом, определяющим допустимые цели использования товаров, объём обязанностей декларанта и особенности исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых и компенсационных пошлин. Анализируются правовые последствия неправильного определения кода товара по ТН ВЭД ЕАЭС, таможенной стоимости, страны происхождения и несоблюдения условий избранной процедуры. Особое внимание уделено разграничению материально-правового регулирования на уровне ЕАЭС и административно-деликтного регулирования, сохраняющегося в сфере компетенции национального законодателя. Сделан вывод о том, что эффективность таможенного регулирования зависит не только от унификации процедур, но и от предсказуемости правоприменения при проведении таможенного контроля после выпуска товаров.

Для цитирования в научных исследованиях

Воробьева А.А. Таможенное право ЕАЭС: процедуры, пошлины, составы правонарушений и их последствия // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 440-447. DOI: 10.34670/AR.2026.32.61.038

Ключевые слова

Таможенное право ЕАЭС, таможенная процедура, выпуск для внутреннего потребления, таможенный транзит, единый таможенный тариф, таможенная стоимость, классификация товаров, административные правонарушения в области таможенного дела, таможенный контроль после выпуска товаров, таможенное регулирование.

Введение

Право Евразийского экономического союза формирует единые основы таможенного регулирования на территории государств-членов, обеспечивая сочетание наднационального регулирования и национальных механизмов таможенного администрирования [Халипов, 2025, с. 15–24]. Таможенный кодекс ЕАЭС устанавливает порядок перемещения товаров через таможенную границу Союза, совершения таможенных операций, применения таможенных процедур, взимания таможенных платежей и осуществления таможенного контроля. Вместе с тем практическая реализация данных правил связана с национальным законодательством, поскольку государства-члены определяют отдельные вопросы таможенного администрирования, производства по делам об административных правонарушениях и применения мер юридической ответственности [Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС, 2017].

Актуальность исследования обусловлена тем, что риски участников внешнеэкономической деятельности связаны не только с физическим перемещением товаров через таможенную границу, но и с ошибочным определением юридически значимых характеристик товара: его классификационного кода, таможенной стоимости, происхождения и условий применения избранной таможенной процедуры [Халипов, 2025, с. 84–112]. Наиболее существенные риски связаны с определением классификационного кода по ТН ВЭД ЕАЭС, таможенной стоимости, страны происхождения, правомерности предоставления тарифной преференции и соблюдения условий избранной таможенной процедуры. В частности, положения о таможенной стоимости предусматривают возможность ее контроля и корректировки таможенным органом при наличии оснований сомневаться в достоверности заявленных сведений [Таможенный кодекс ЕАЭС, 2017].

Цель статьи состоит в определении системной связи между таможенными процедурами, обязанностью по уплате таможенных платежей и основаниями административной ответственности за нарушения таможенных правил. Для достижения данной цели используются формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и структурно-функциональный методы исследования.

Научная новизна работы состоит в обосновании двойственной правовой природы последствий нарушения таможенных правил. С одной стороны, нарушение влечет публично-правовую обязанность исполнить или скорректировать обязанность по уплате таможенных платежей; с другой стороны, при наличии состава правонарушения оно служит основанием для привлечения лица к административной ответственности по нормам национального законодательства.

Таможенные процедуры

Таможенная процедура представляет собой совокупность норм, определяющих условия и цели использования товаров на таможенной территории Союза либо за ее пределами [Матвеева, 2025, с. 98–106]. Раздел IV ТК ЕАЭС системно регулирует применение таможенных процедур, включая выпуск для внутреннего потребления, экспорт, таможенный транзит, таможенный склад, переработку, временный ввоз, временный вывоз, реимпорт, реэкспорт, беспошлинную торговлю, уничтожение и отказ в пользу государства [Таможенный кодекс ЕАЭС, 2017].

Выбор процедуры имеет не формальное, а материально-правовое значение. Он определяет

статус товара, перечень действий декларанта, условия освобождения от платежей либо особенности их уплаты, временные пределы нахождения товара под процедурой и последствия нарушения установленных требований. Так, при помещении иностранных товаров под процедуру выпуска для внутреннего потребления они приобретают статус товаров Союза после исполнения обязанностей по уплате ввозных пошлин, налогов и соблюдения запретов и ограничений.

Таможенный транзит обеспечивает перевозку товаров под таможенным контролем от таможенного органа отправления до таможенного органа назначения без уплаты ввозных таможенных пошлин и налогов до завершения процедуры [Зубач и др., 2024, с. 158–167]. Глава 22 ТК ЕАЭС специально посвящена данной процедуре, что подтверждает ее значение для перемещения товаров внутри единой таможенной территории и при международной перевозке. Нарушение срока транзита, изменение состояния товаров, их утрата либо выдача без разрешения таможенного органа могут образовывать как основание для возникновения обязанности по уплате платежей, так и состав административного правонарушения [Таможенный кодекс ЕАЭС, 2017].

Особое значение для хозяйствующих субъектов имеют процедуры таможенного склада, переработки на таможенной территории, переработки вне таможенной территории и временного ввоза. Они позволяют отсрочить уплату платежей или применить условное освобождение от них, однако требуют строгого соблюдения целевого характера использования товаров. Например, таможенная процедура таможенного склада предполагает хранение товаров под таможенным контролем, а обязанность по уплате платежей в отношении таких товаров зависит от обстоятельств, прямо предусмотренных таможенным законодательством [Таможенный кодекс ЕАЭС, 2017].

Следовательно, таможенная процедура является не только техническим этапом оформления товара, но и самостоятельным юридическим режимом. Для декларанта это означает необходимость предварительно оценивать не только экономическую целесообразность внешнеторговой сделки, но и правовые последствия выбора процедуры.

Таможенные пошлины

Таможенно-тарифное регулирование в ЕАЭС основано на применении Единого таможенного тарифа, ТН ВЭД ЕАЭС, правил определения происхождения товаров и таможенной стоимости. Евразийская экономическая комиссия осуществляет регулирование в данной сфере, в том числе принимает решения, относящиеся к классификации товаров и единообразному толкованию ТН ВЭД ЕАЭС [Таможенно-тарифное регулирование, 2026].

Обязанность по уплате таможенных платежей зависит от заявленной процедуры, статуса товара и наличия предусмотренных правом оснований для освобождения или предоставления тарифной льготы. К числу платежей относятся ввозная и вывозная таможенные пошлины, налоги, взимаемые при ввозе товаров, а также специальные, антидемпинговые и компенсационные пошлины. В рамках таможенного законодательства эти платежи имеют различную правовую природу, однако их объединяет публично-правовой характер обязанности плательщика.

Размер ввозной пошлины обычно определяется посредством применения адвалорной, специфической либо комбинированной ставки к товару, классифицированному по

соответствующему коду ТН ВЭД ЕАЭС. Поэтому изменение классификационного кода способно повлечь изменение ставки пошлины, объема подлежащего уплате НДС и необходимости соблюдения запретов и ограничений. В этой связи спор о классификации товара нередко становится одновременно спором о размере таможенных платежей [Решение Совета ЕЭК № 80, 2021].

Не менее значимым элементом является таможенная стоимость. Общие положения о ней закреплены в статье 38 ТК ЕАЭС; при контроле стоимости таможенный орган оценивает достоверность и полноту документов и сведений, использованных декларантом. Если заявленная стоимость не подтверждена надлежащим образом, таможенный орган вправе принять решение о ее корректировке в предусмотренном порядке. Последствием может стать доначисление ввозной пошлины, НДС, начисление пеней и возникновение вопроса об административной ответственности за заявление недостоверных сведений [Таможенный кодекс ЕАЭС, 2017].

Таким образом, уплата пошлин не сводится к арифметическому применению ставки. Ее правомерность зависит от корректности всех юридически значимых сведений о товаре: наименования, состава, назначения, классификационного кода, происхождения, стоимости, количества и условий поставки.

Составы правонарушений

Единое таможенное регулирование не означает создания единой для всех государств-членов ЕАЭС системы административной ответственности. Материальные правила перемещения товаров и применения процедур в значительной степени унифицированы на уровне Союза, однако составы административных правонарушений и порядок привлечения к ответственности определяются национальным законодательством.

Унификация материальных таможенных правил на уровне ЕАЭС не устраняет компетенцию государств-членов в сфере установления административной ответственности и процессуального порядка рассмотрения дел о нарушениях таможенных правил [Мозер, 2023, с. 115–126].

В Российской Федерации ответственность за нарушения таможенных правил предусмотрена главой 16 КоАП РФ. Данная глава объединяет административные правонарушения в области таможенного дела и включает, в частности, составы, связанные с недекларированием либо недостоверным декларированием товаров, несоблюдением запретов и ограничений, нарушением сроков временного хранения, таможенного транзита, временного ввоза или вывоза, а также с незаконными операциями с товарами, находящимися под таможенным контролем [КоАП РФ, 2001].

Состав административного правонарушения в таможенной сфере включает объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок перемещения товаров, их декларирования, таможенного контроля и взимания платежей. Объективная сторона выражается в конкретном действии или бездействии: например, в непредставлении декларации, сообщении недостоверных сведений, несоблюдении условий процедуры или распоряжении товаром без разрешения таможенного органа.

Субъектами могут быть граждане, должностные лица, юридические лица, а в

предусмотренных случаях — лица, фактически перемещающие товар или отвечающие за соблюдение условий процедуры. Для юридического лица принципиально установить, имелась ли возможность соблюдать таможенные требования и были ли приняты зависящие от него меры для их выполнения. Поэтому наличие ошибки в документах контрагента само по себе не исключает ответственности декларанта, если последний не проявил достаточной осмотрительности при проверке сведений о товаре.

Наиболее распространенным основанием административных дел является недекларирование или недостоверное декларирование. При этом необходимо различать ошибки, не влияющие на решение таможенного органа, и недостоверные сведения, которые имеют юридическое значение для выпуска товара, определения размера платежей либо соблюдения запретов и ограничений. Такой подход соответствует принципу соразмерности публичного принуждения: формальная неточность не должна автоматически приравниваться к нарушению, способному причинить вред охраняемым отношениям.

Правовые последствия

Последствия нарушения таможенных требований могут носить комплексный характер. Они включают корректировку таможенной стоимости или классификационного кода, взыскание неуплаченных платежей, начисление пеней, отказ в выпуске товара, изменение статуса товара, привлечение к административной ответственности, а в случаях, предусмотренных уголовным законом, — постановку вопроса об уголовном преследовании [Кириленко; Абрамова, 2023, с. 92–100].

Административное наказание по делам о нарушении таможенных правил может выражаться в предупреждении, административном штрафе и конфискации предметов административного правонарушения. Конкретный вид санкции зависит от диспозиции и санкции соответствующей статьи главы 16 КоАП РФ, характера нарушения и статуса субъекта ответственности. Конфискация при этом представляет собой самостоятельную меру административной ответственности, а не универсальное последствие любого нарушения таможенных правил [КоАП РФ, 2001].

Существенное значение имеет таможенный контроль после выпуска товаров. Выпуск товара не прекращает полностью риск пересмотра правовой оценки представленных сведений, поскольку таможенный орган вправе проверять соблюдение требований таможенного законодательства в последующем. Возможность корректировки таможенной стоимости после выпуска товара является одним из проявлений такого контроля. Для участника внешнеэкономической деятельности это означает необходимость сохранять документы, подтверждающие условия сделки, оплату, транспортировку, характеристики товара и обоснованность примененной классификации [Таможенный кодекс ЕАЭС, 2017].

В практическом плане снижение рисков требует формирования внутренней системы таможенного комплаенса. В нее целесообразно включать предварительную классификацию товаров, проверку технической и коммерческой документации, анализ условий поставки, контроль полномочий таможенного представителя, документирование происхождения товара и сопоставление сведений в контракте, инвойсе, упаковочном листе, транспортных документах и декларации на товары.

Заключение

Таможенное право ЕАЭС основывается на сочетании унифицированных наднациональных правил и национальных механизмов правоприменения. Центральное место в этой системе занимает таможенная процедура, поскольку она определяет правовой статус товара, пределы его допустимого использования и содержание обязанностей декларанта. Раздел IV ТК ЕАЭС закрепляет систему таких процедур и условия их применения [Таможенный кодекс ЕАЭС, 2017].

Таможенные пошлины, налоги и иные платежи напрямую зависят от достоверности сведений, заявляемых при декларировании. Ошибки в определении кода ТН ВЭД ЕАЭС, таможенной стоимости либо происхождения товара способны повлечь доначисление платежей и применение мер публичного принуждения. Регулирование вопросов классификации товаров и единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС относится к важным направлениям деятельности Евразийской экономической комиссии [Таможенно-тарифное регулирование, 2026].

Административно-деликтные последствия нарушений определяются национальным правом. В России соответствующие составы сосредоточены в главе 16 КоАП РФ, что подтверждает сохранение национальной компетенции в вопросах административной ответственности при наднациональной унификации таможенных правил. Повышение правовой определенности в данной сфере связано с развитием единообразной практики контроля таможенной стоимости, классификации товаров и оценки вины участников внешнеэкономической деятельности [КоАП РФ, 2001].

Библиография

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014.
2. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017 (вместе с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза).
3. Зубач, А. В. Таможенное право : учебник / А. В. Зубач, А. К. Вахитов, И. В. Веретенцева [и др.]. – Москва : ИНФРА-М, 2024.
4. Кириленко, В. П. Таможенный контроль в Евразийском экономическом союзе и Европейском союзе: сравнительный анализ / В. П. Кириленко, Т. А. Абрамова // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – Т. 17, № 3. – С. 92–100.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1, ч. 1. – Ст. 1.
6. Матвеева, Т. А. Таможенное право : учебник для вузов / Т. А. Матвеева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2025. – 244 с.
7. Мозер, С. В. Научно-методические подходы по совершенствованию права ЕАЭС на основе правовых инструментов и средств Всемирной таможенной организации / С. В. Мозер // Проблемы экономики и юридической практики. – 2023. – Т. 19, № 3. – С. 115–126.
8. Мозер, С. В. О методике оценки состояния развития таможенного регулирования в Евразийском экономическом союзе / С. В. Мозер // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2023. – № 1 (85). – С. 56–60.
9. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14.09.2021 № 80 «О единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Едином таможенном тарифе Евразийского экономического союза».
10. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза.
11. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 32, ч. I. – Ст. 5082.
12. Халипов, С. В. Таможенное право : учебник / С. В. Халипов. – Москва : КноРус, 2025. – 239 с.

EAEU Customs Law: Procedures, Duties, Elements of Offenses and Their Consequences

Anastasiya A. Vorob'eva

Master,
Institute of Open Education under the program
"Lawyer for Private Business and Government",
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49, Leningradskiy ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: timofeeva-a.a@mail.ru

Abstract

Customs regulation in the Eurasian Economic Union is aimed at ensuring a unified procedure for the movement of goods across the customs border of the Union, the collection of customs payments, and the implementation of customs control. The article reveals the correlation between the supranational norms of the Customs Code of the Eurasian Economic Union and the national legislation of the member states on the example of the Russian Federation. It is substantiated that the customs procedure acts as the main legal mechanism determining the permissible purposes of using goods, the scope of the declarant's obligations, and the specifics of fulfilling the obligation to pay customs duties, taxes, special, anti-dumping, and countervailing duties. The legal consequences of incorrect determination of the goods code according to the EAEU HS, customs value, country of origin, and non-compliance with the conditions of the chosen procedure are analyzed. Particular attention is paid to the delineation of substantive legal regulation at the EAEU level and administrative-delict regulation, which remains within the competence of the national legislator. A conclusion is made that the effectiveness of customs regulation depends not only on the unification of procedures, but also on the predictability of law enforcement during customs control after the release of goods.

For citation

Vorob'eva A.A. (2026) Tamozhennoe pravo EAES: protsedury, poshliny, sostavy pravonarusheniy i ikh posledstviya [EAEU Customs Law: Procedures, Duties, Elements of Offenses and Their Consequences]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 440-447. DOI: 10.34670/AR.2026.32.61.038

Keywords

EAEU customs law, customs procedure, release for domestic consumption, customs transit, common customs tariff, customs value, classification of goods, administrative offenses in the field of customs affairs, customs control after the release of goods, customs regulation.

References

1. Dogovor o Evraziyskom ekonomicheskom soyuze ot 29.05.2014 [Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014]. (2014).
2. Dogovor o Tamozhennom kodekse Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza ot 11.04.2017 (vmeste s Tamozhennym kodeksom Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza) [Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union of

April 11, 2017 (together with the Customs Code of the Eurasian Economic Union)]. (2017).
3. Federalny zakon ot 03.08.2018 No. 289-FZ "O tamozhennom regulirovanii v Rossiyskoy Federatsii i o vnesenii izmeneniy v otdelnye zakonodatelnye akty Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law No. 289-FZ of August 3, 2018 "On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"]. (2018). Sobranie Zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, (32, Part I), Art. 5082.
4. Khalipov, S. V. (2025). Tamozhennoe pravo [Customs law]. KnoRus.
5. Kirilenko, V. P., & Abramova, T. A. (2023). Tamozhenny kontrol v Evraziyskom ekonomicheskom soyuze i Evropeyskom soyuze: sravnitelny analiz [Customs control in the Eurasian Economic Union and the European Union: A comparative analysis]. Evraziyskaya Integratsiya: Ekonomika, Pravo, Politika, 17(3), 92–100. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-92-100
6. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravoonarusheniyakh ot 30.12.2001 No. 195-FZ [Code of the Russian Federation on Administrative Offences of December 30, 2001 No. 195-FZ]. (2001). Sobranie Zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, (1, Part 1), Art. 1.
7. Matveeva, T. A. (2025). Tamozhennoe pravo [Customs law] (3rd ed.). Yurayt.
8. Mozer, S. V. (2023a). Nauchno-metodicheskie podkhody po sovershenstvovaniyu prava EAES na osnove pravovykh instrumentov i sredstv Vsemirnoy tamozhennoy organizatsii [Scientific and methodological approaches to improving EAEU law based on legal instruments and means of the World Customs Organization]. Problemy Ekonomiki i Yuridicheskoy Praktiki, 19(3), 115–126.
9. Mozer, S. V. (2023b). O metodike otsenki sostoyaniya razvitiya tamozhennogo regulirovaniya v Evraziyskom ekonomicheskom soyuze [On the methodology for assessing the state of development of customs regulation in the Eurasian Economic Union]. Uchenye Zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova Filiala Rossiyskoy Tamozhennoy Akademii, (1(85)), 56–60.
10. Reshenie Soveta Evraziyskoy ekonomicheskoy komissii ot 14.09.2021 No. 80 "O edinoy Tovarnoy nomenklature vneshneekonomicheskoy deyatelnosti Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza i Edinom tamozhennom tarife Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza" [Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission No. 80 of September 14, 2021 "On the Unified Commodity Nomenclature for Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union and the Common Customs Tariff of the Eurasian Economic Union"]. (2021).
11. Tamozhenny kodeks Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Customs Code of the Eurasian Economic Union]. (2017).
12. Zubach, A. V., Vakhitov, A. K., Veretentseva, I. V., et al. (2024). Tamozhennoe pravo [Customs law]. INFRA-M.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 341.1/8 **DOI: 10.34670/AR.2026.39.60.039**

Разграничение материально-правового и административно-деликтного регулирования в таможенном праве ЕАЭС

Воробьева Анастасия Александровна

Магистр,
Институт открытого образования по программе
«Юрист для частного бизнеса и власти»,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 49;
e-mail: timofeeva-a.a@mail.ru

Аннотация

Таможенное регулирование в Евразийском экономическом союзе направлено на обеспечение единого порядка перемещения товаров через таможенную границу Союза, взимания таможенных платежей и осуществления таможенного контроля. В статье раскрывается соотношение наднациональных норм Таможенного кодекса Евразийского экономического союза и национального законодательства государств-членов на примере Российской Федерации. Обосновывается, что таможенная процедура выступает основным юридическим механизмом, определяющим допустимые цели использования товаров, объём обязанностей декларанта и особенности исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых и компенсационных пошлин. Анализируются правовые последствия неправильного определения кода товара по ТН ВЭД ЕАЭС, таможенной стоимости, страны происхождения и несоблюдения условий избранной процедуры. Особое внимание уделено разграничению материально-правового регулирования на уровне ЕАЭС и административно-деликтного регулирования, сохраняющегося в сфере компетенции национального законодателя. Сделан вывод о том, что эффективность таможенного регулирования зависит не только от унификации процедур, но и от предсказуемости правоприменения при проведении таможенного контроля после выпуска товаров.

Для цитирования в научных исследованиях

Воробьева А.А. Разграничение материально-правового и административно-деликтного регулирования в таможенном праве ЕАЭС // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 448-455. DOI: 10.34670/AR.2026.39.60.039

Ключевые слова

Таможенное право ЕАЭС, таможенная процедура, выпуск для внутреннего потребления, таможенный транзит, единый таможенный тариф, таможенная стоимость, классификация товаров, административные правонарушения в области таможенного дела, таможенный контроль после выпуска товаров, таможенное регулирование.

Введение

Право Евразийского экономического союза формирует единые основы таможенного регулирования на территории государств-членов, обеспечивая сочетание наднационального регулирования и национальных механизмов таможенного администрирования [Халипов, 2025]. Таможенный кодекс ЕАЭС устанавливает порядок перемещения товаров через таможенную границу Союза, совершения таможенных операций, применения таможенных процедур, взимания таможенных платежей и осуществления таможенного контроля. Вместе с тем практическая реализация данных правил связана с национальным законодательством, поскольку государства-члены определяют отдельные вопросы таможенного администрирования, производства по делам об административных правонарушениях и применения мер юридической ответственности [Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС, 2017].

Актуальность исследования обусловлена тем, что риски участников внешнеэкономической деятельности связаны не только с физическим перемещением товаров через таможенную границу, но и с ошибочным определением юридически значимых характеристик товара: его классификационного кода, таможенной стоимости, происхождения и условий применения избранной таможенной процедуры [Халипов, 2025]. Наиболее существенные риски связаны с определением классификационного кода по ТН ВЭД ЕАЭС, таможенной стоимости, страны происхождения, правомерности предоставления тарифной преференции и соблюдения условий избранной таможенной процедуры. В частности, положения о таможенной стоимости предусматривают возможность ее контроля и корректировки таможенным органом при наличии оснований сомневаться в достоверности заявленных сведений [Таможенный кодекс ЕАЭС, 2017].

Цель статьи состоит в определении системной связи между таможенными процедурами, обязанностью по уплате таможенных платежей и основаниями административной ответственности за нарушения таможенных правил. Для достижения данной цели и спользуются формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и структурно-функциональный методы исследования.

Научная новизна работы состоит в обосновании двойственной правовой природы последствий нарушения таможенных правил. С одной стороны, нарушение влечет публично-правовую обязанность исполнить или скорректировать обязанность по уплате таможенных платежей; с другой стороны, при наличии состава правонарушения оно служит основанием для привлечения лица к административной ответственности по нормам национального законодательства.

Таможенные процедуры

Таможенная процедура представляет собой совокупность норм, определяющих условия и цели использования товаров на таможенной территории Союза либо за ее пределами [Матвеева, 2025, с. 98–106]. Раздел IV ТК ЕАЭС системно регулирует применение таможенных процедур, включая выпуск для внутреннего потребления, экспорт, таможенный транзит, таможенный склад, переработку, временный ввоз, временный вывоз, реимпорт, реэкспорт, беспошлинную торговлю, уничтожение и отказ в пользу государства [Таможенный кодекс ЕАЭС, 2017].

Выбор процедуры имеет не формальное, а материально-правовое значение. Он определяет

статус товара, перечень действий декларанта, условия освобождения от платежей либо особенности их уплаты, временные пределы нахождения товара под процедурой и последствия нарушения установленных требований. Так, при помещении иностранных товаров под процедуру выпуска для внутреннего потребления они приобретают статус товаров Союза после исполнения обязанностей по уплате ввозных пошлин, налогов и соблюдения запретов и ограничений.

Таможенный транзит обеспечивает перевозку товаров под таможенным контролем от таможенного органа отправления до таможенного органа назначения без уплаты ввозных таможенных пошлин и налогов до завершения процедуры [Зубач; Вахитов; Веретенцева и др., 2024, с. 158–167]. Глава 22 ТК ЕАЭС специально посвящена данной процедуре, что подтверждает ее значение для перемещения товаров внутри единой таможенной территории и при международной перевозке. Нарушение срока транзита, изменение состояния товаров, их утрата либо выдача без разрешения таможенного органа могут образовывать как основание для возникновения обязанности по уплате платежей, так и состав административного правонарушения [Таможенный кодекс ЕАЭС, 2017].

Особое значение для хозяйствующих субъектов имеют процедуры таможенного склада, переработки на таможенной территории, переработки вне таможенной территории и временного ввоза. Они позволяют отсрочить уплату платежей или применить условное освобождение от них, однако требуют строгого соблюдения целевого характера использования товаров. Например, таможенная процедура таможенного склада предполагает хранение товаров под таможенным контролем, а обязанность по уплате платежей в отношении таких товаров зависит от обстоятельств, прямо предусмотренных таможенным законодательством [Таможенный кодекс ЕАЭС, 2017].

Следовательно, таможенная процедура является не только техническим этапом оформления товара, но и самостоятельным юридическим режимом. Для декларанта это означает необходимость предварительно оценивать не только экономическую целесообразность внешнеторговой сделки, но и правовые последствия выбора процедуры.

Таможенные пошлины

Таможенно-тарифное регулирование в ЕАЭС основано на применении Единого таможенного тарифа, ТН ВЭД ЕАЭС, правил определения происхождения товаров и таможенной стоимости. Евразийская экономическая комиссия осуществляет регулирование в данной сфере, в том числе принимает решения, относящиеся к классификации товаров и единообразному толкованию ТН ВЭД ЕАЭС [Таможенно-тарифное регулирование, 2026].

Обязанность по уплате таможенных платежей зависит от заявленной процедуры, статуса товара и наличия предусмотренных правом оснований для освобождения или предоставления тарифной льготы. К числу платежей относятся ввозная и вывозная таможенные пошлины, налоги, взимаемые при ввозе товаров, а также специальные, антидемпинговые и компенсационные пошлины. В рамках таможенного законодательства эти платежи имеют различную правовую природу, однако их объединяет публично-правовой характер обязанности плательщика.

Размер ввозной пошлины обычно определяется посредством применения адвалорной, специфической либо комбинированной ставки к товару, классифицированному по

соответствующему коду ТН ВЭД ЕАЭС. Поэтому изменение классификационного кода способно повлечь изменение ставки пошлины, объема подлежащего уплате НДС и необходимости соблюдения запретов и ограничений. В этой связи спор о классификации товара нередко становится одновременно спором о размере таможенных платежей [Решение Совета ЕЭК № 80, 2021].

Не менее значимым элементом является таможенная стоимость. Общие положения о ней закреплены в статье 38 ТК ЕАЭС; при контроле стоимости таможенный орган оценивает достоверность и полноту документов и сведений, использованных декларантом. Если заявленная стоимость не подтверждена надлежащим образом, таможенный орган вправе принять решение о ее корректировке в предусмотренном порядке. Последствием может стать доначисление ввозной пошлины, НДС, начисление пеней и возникновение вопроса об административной ответственности за заявление недостоверных сведений [Таможенный кодекс ЕАЭС, 2017].

Таким образом, уплата пошлин не сводится к арифметическому применению ставки. Ее правомерность зависит от корректности всех юридически значимых сведений о товаре: наименования, состава, назначения, классификационного кода, происхождения, стоимости, количества и условий поставки.

Составы правонарушений

Единое таможенное регулирование не означает создания единой для всех государств-членов ЕАЭС системы административной ответственности. Материальные правила перемещения товаров и применения процедур в значительной степени унифицированы на уровне Союза, однако составы административных правонарушений и порядок привлечения к ответственности определяются национальным законодательством.

Унификация материальных таможенных правил на уровне ЕАЭС не устраняет компетенцию государств-членов в сфере установления административной ответственности и процессуального порядка рассмотрения дел о нарушениях таможенных правил [Мозер, 2023, с. 115–126].

В Российской Федерации ответственность за нарушения таможенных правил предусмотрена главой 16 КоАП РФ. Данная глава объединяет административные правонарушения в области таможенного дела и включает, в частности, составы, связанные с недекларированием либо недостоверным декларированием товаров, несоблюдением запретов и ограничений, нарушением сроков временного хранения, таможенного транзита, временного ввоза или вывоза, а также с незаконными операциями с товарами, находящимися под таможенным контролем [КоАП РФ, 2001].

Состав административного правонарушения в таможенной сфере включает объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок перемещения товаров, их декларирования, таможенного контроля и взимания платежей. Объективная сторона выражается в конкретном действии или бездействии: например, в непредставлении декларации, сообщении недостоверных сведений, несоблюдении условий процедуры или распоряжении товаром без разрешения таможенного органа.

Субъектами могут быть граждане, должностные лица, юридические лица, а в

предусмотренных случаях — лица, фактически перемещающие товар или отвечающие за соблюдение условий процедуры. Для юридического лица принципиально установить, имелась ли возможность соблюдать таможенные требования и были ли приняты зависящие от него меры для их выполнения. Поэтому наличие ошибки в документах контрагента само по себе не исключает ответственности декларанта, если последний не проявил достаточной осмотрительности при проверке сведений о товаре.

Наиболее распространенным основанием административных дел является недекларирование или недостоверное декларирование. При этом необходимо различать ошибки, не влияющие на решение таможенного органа, и недостоверные сведения, которые имеют юридическое значение для выпуска товара, определения размера платежей либо соблюдения запретов и ограничений. Такой подход соответствует принципу соразмерности публичного принуждения: формальная неточность не должна автоматически приравниваться к нарушению, способному причинить вред охраняемым отношениям.

Правовые последствия

Последствия нарушения таможенных требований могут носить комплексный характер. Они включают корректировку таможенной стоимости или классификационного кода, взыскание неуплаченных платежей, начисление пеней, отказ в выпуске товара, изменение статуса товара, привлечение к административной ответственности, а в случаях, предусмотренных уголовным законом, — постановку вопроса об уголовном преследовании [Кириленко; Абрамова, 2023, с. 92–100].

Административное наказание по делам о нарушении таможенных правил может выражаться в предупреждении, административном штрафе и конфискации предметов административного правонарушения. Конкретный вид санкции зависит от диспозиции и санкции соответствующей статьи главы 16 КоАП РФ, характера нарушения и статуса субъекта ответственности. Конфискация при этом представляет собой самостоятельную меру административной ответственности, а не универсальное последствие любого нарушения таможенных правил [КоАП РФ, 2001].

Существенное значение имеет таможенный контроль после выпуска товаров. Выпуск товара не прекращает полностью риск пересмотра правовой оценки представленных сведений, поскольку таможенный орган вправе проверять соблюдение требований таможенного законодательства в последующем. Возможность корректировки таможенной стоимости после выпуска товара является одним из проявлений такого контроля. Для участника внешнеэкономической деятельности это означает необходимость сохранять документы, подтверждающие условия сделки, оплату, транспортировку, характеристики товара и обоснованность примененной классификации [Таможенный кодекс ЕАЭС, 2017].

В практическом плане снижение рисков требует формирования внутренней системы таможенного комплаенса. В нее целесообразно включать предварительную классификацию товаров, проверку технической и коммерческой документации, анализ условий поставки, контроль полномочий таможенного представителя, документирование происхождения товара и сопоставление сведений в контракте, инвойсе, упаковочном листе, транспортных документах и декларации на товары.

Заключение

Таможенное право ЕАЭС основывается на сочетании унифицированных наднациональных правил и национальных механизмов правоприменения. Центральное место в этой системе занимает таможенная процедура, поскольку она определяет правовой статус товара, пределы его допустимого использования и содержание обязанностей декларанта. Раздел IV ТК ЕАЭС закрепляет систему таких процедур и условия их применения [Таможенный кодекс ЕАЭС, 2017].

Таможенные пошлины, налоги и иные платежи напрямую зависят от достоверности сведений, заявляемых при декларировании. Ошибки в определении кода ТН ВЭД ЕАЭС, таможенной стоимости либо происхождения товара способны повлечь доначисление платежей и применение мер публичного принуждения. Регулирование вопросов классификации товаров и единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС относится к важным направлениям деятельности Евразийской экономической комиссии [Таможенно-тарифное регулирование, 2026].

Административно-деликтные последствия нарушений определяются национальным правом. В России соответствующие составы сосредоточены в главе 16 КоАП РФ, что подтверждает сохранение национальной компетенции в вопросах административной ответственности при наднациональной унификации таможенных правил. Повышение правовой определенности в данной сфере связано с развитием единообразной практики контроля таможенной стоимости, классификации товаров и оценки вины участников внешнеэкономической деятельности [КоАП РФ, 2001].

Библиография

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014.
2. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017 (вместе с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза).
3. Зубач, А. В. Таможенное право : учебник / А. В. Зубач, А. К. Вахитов, И. В. Веретенцева [и др.]. – Москва : ИНФРА-М, 2024.
4. Кириленко, В. П. Таможенный контроль в Евразийском экономическом союзе и Европейском союзе: сравнительный анализ / В. П. Кириленко, Т. А. Абрамова // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – Т. 17, № 3. – С. 92–100.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1, ч. 1. – Ст. 1.
6. Матвеева, Т. А. Таможенное право : учебник для вузов / Т. А. Матвеева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2025. – 244 с.
7. Мозер, С. В. Научно-методические подходы по совершенствованию права ЕАЭС на основе правовых инструментов и средств Всемирной таможенной организации / С. В. Мозер // Проблемы экономики и юридической практики. – 2023. – Т. 19, № 3. – С. 115–126.
8. Мозер, С. В. О методике оценки состояния развития таможенного регулирования в Евразийском экономическом союзе / С. В. Мозер // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2023. – № 1 (85). – С. 56–60.
9. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14.09.2021 № 80 «О единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Едином таможенном тарифе Евразийского экономического союза».
10. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза.
11. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 32, ч. I. – Ст. 5082.
12. Халипов, С. В. Таможенное право : учебник / С. В. Халипов. – Москва : КноРус, 2025. – 239 с.

Distinction Between Substantive-Legal and Administrative-Delict Regulation in the Customs Law of the EAEU

Anastasiya A. Vorob'eva

Master,
Institute of Open Education under the Program "Lawyer for Private Business and Government",
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49, Leningradskiy ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: timofeeva-a.a@mail.ru

Abstract

Customs regulation in the Eurasian Economic Union is aimed at ensuring a unified procedure for the movement of goods across the customs border of the Union, the collection of customs payments, and the implementation of customs control. The article reveals the correlation between the supranational norms of the Customs Code of the Eurasian Economic Union and the national legislation of the member states on the example of the Russian Federation. It is substantiated that the customs procedure acts as the main legal mechanism determining the permissible purposes of using goods, the scope of the declarant's obligations, and the specifics of fulfilling the obligation to pay customs duties, taxes, special, anti-dumping, and countervailing duties. The legal consequences of incorrect determination of the goods code according to the EAEU HS, customs value, country of origin, and non-compliance with the conditions of the chosen procedure are analyzed. Particular attention is paid to the distinction between substantive-legal regulation at the EAEU level and administrative-delict regulation, which remains within the competence of the national legislator. A conclusion is drawn that the effectiveness of customs regulation depends not only on the unification of procedures, but also on the predictability of law enforcement during customs control after the release of goods.

For citation

Vorob'eva A.A. (2026) Razgranichenie material'no-pravovogo i administrativno-deliktnogo regulirovaniya v tamozhennom prave EAES [Distinction Between Substantive-Legal and Administrative-Delict Regulation in the Customs Law of the EAEU]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 448-455. DOI: 10.34670/AR.2026.39.60.039

Keywords

Customs law of the EAEU, customs procedure, release for internal consumption, customs transit, common customs tariff, customs value, classification of goods, administrative offenses in the field of customs affairs, customs control after the release of goods, customs regulation.

References

1. Dogovor o Evraziyskom ekonomicheskom soyuze ot 29.05.2014 [Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014]. (2014).
2. Dogovor o Tamozhennom kodekse Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza ot 11.04.2017 (vmeste s Tamozhennym kodeksom Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza) [Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union of April 11, 2017 (together with the Customs Code of the Eurasian Economic Union)]. (2017).

3. Federalny zakon ot 03.08.2018 No. 289-FZ "O tamozhennom regulirovanii v Rossiyskoy Federatsii i o vnesenii izmeneniy v otdelnye zakonodatelnye akty Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law No. 289-FZ of August 3, 2018 "On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"]. (2018). Sobranie Zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, (32, Part I), Art. 5082.
4. Khalipov, S. V. (2025). Tamozhennoe pravo [Customs law]. KnoRus.
5. Kirilenko, V. P., & Abramova, T. A. (2023). Tamozhenny kontrol v Evraziyskom ekonomicheskom soyuze i Evropeyskom soyuze: sravnitelny analiz [Customs control in the Eurasian Economic Union and the European Union: A comparative analysis]. Evraziyskaya Integratsiya: Ekonomika, Pravo, Politika, 17(3), 92–100.
6. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravoonarusheniyakh ot 30.12.2001 No. 195-FZ [Code of the Russian Federation on Administrative Offences of December 30, 2001 No. 195-FZ]. (2001). Sobranie Zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, (1, Part 1), Art. 1.
7. Matveeva, T. A. (2025). Tamozhennoe pravo [Customs law] (3rd ed.). Yurayt.
8. Mozer, S. V. (2023a). Nauchno-metodicheskie podkhody po sovershenstvovaniyu prava EAES na osnove pravovykh instrumentov i sredstv Vsemirnoy tamozhennoy organizatsii [Scientific and methodological approaches to improving EAEU law based on legal instruments and means of the World Customs Organization]. Problemy Ekonomiki i Yuridicheskoy Praktiki, 19(3), 115–126.
9. Mozer, S. V. (2023b). O metodike otsenki sostoyaniya razvitiya tamozhennogo regulirovaniya v Evraziyskom ekonomicheskom soyuze [On the methodology for assessing the state of development of customs regulation in the Eurasian Economic Union]. Uchenye Zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova Filiala Rossiyskoy Tamozhennoy Akademii, (1(85)), 56–60.
10. Reshenie Soveta Evraziyskoy ekonomicheskoy komissii ot 14.09.2021 No. 80 "O edinoy Tovarnoy nomenklature vneshneekonomicheskoy deyatelnosti Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza i Edinom tamozhennom tarife Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza" [Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission No. 80 of September 14, 2021 "On the Unified Commodity Nomenclature for Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union and the Common Customs Tariff of the Eurasian Economic Union"]. (2021).
11. Tamozhenny kodeks Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Customs Code of the Eurasian Economic Union]. (2017).
12. Zubach, A. V., Vakhitov, A. K., Veretentseva, I. V., et al. (2024). Tamozhennoe pravo [Customs law]. INFRA-M.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 341.1/8 **10.34670/AR.2026.52.79.005**

Пределы регуляторного суверенитета государств и транснациональных акторов в формировании глобального режима кибербезопасности

Башкин Игорь Владимирович

Аспирант,
Славяно-греко-латинская академия,
105005, Российская Федерация, Москва, ул. Радио, 22;
e-mail: 4-ch@bk.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию пределов участия транснациональных негосударственных акторов в формировании глобального режима кибербезопасности в контексте сохраняющегося значения государственного суверенитета. Рассматривается конфликт между государственно-центричной и многосторонней моделями регулирования киберпространства. Первая анализируется на примере подходов России и Китая, отражённых в предложенном ими Международном кодексе поведения в сфере информационной безопасности и документах Шанхайской организации сотрудничества. Вторая рассматривается посредством инициатив Microsoft по созданию «Цифровой Женевской конвенции», деятельности CyberPeace Institute и многосторонних инициатив типа Paris Call. Обосновывается, что участие корпораций, международных неправительственных организаций и иных заинтересованных сторон способно существенно влиять на содержание технических стандартов, принципов и механизмов ответственного поведения, однако такое влияние не тождественно осуществлению международно-правовой регуляторной власти. Делается вывод о необходимости разграничения экспертного и нормативного участия транснациональных акторов и государственной компетенции по установлению международно-правовых обязательств. Предлагается рассматривать международно-правовые рамки такого участия как условие совместимости многостороннего киберуправления с принципами государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела.

Для цитирования в научных исследованиях

Башкин И.В. Пределы регуляторного суверенитета государств и транснациональных акторов в формировании глобального режима кибербезопасности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 8А. С. 456-464. 10.34670/AR.2026.52.79.005

Ключевые слова

Государственный суверенитет, кибербезопасность, киберпространство, международное информационное право, транснациональные акторы, негосударственные акторы, многостороннее управление, международное нормотворчество, нормы ответственного поведения, невмешательство во внутренние дела.

Введение

Цифровизация общественных отношений и трансграничный характер киберпространства существенно изменили традиционные механизмы международного регулирования. В отличие от многих сфер международного взаимодействия, функционирование цифровой инфраструктуры предполагает постоянное участие субъектов, не обладающих статусом государств: транснациональных корпораций, международных неправительственных организаций, технического сообщества и экспертных объединений. Именно эти акторы располагают значительной частью технологической экспертизы и инфраструктурных ресурсов, необходимых для обеспечения кибербезопасности. В результате они всё активнее участвуют не только в реализации, но и в формировании стандартов и принципов поведения в цифровой среде.

Одновременно развитие многосторонних механизмов киберуправления сталкивается с сохраняющимся значением государственного суверенитета как основополагающего принципа международного права. В частности, Россия и Китай последовательно подчёркивают необходимость осуществления международного регулирования информационного пространства на основе суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела и преимущественно межгосударственных механизмов выработки обязательных правил. Противоположная тенденция проявляется в инициативах технологических компаний и международных неправительственных организаций, предлагающих расширить их участие в установлении стандартов ответственного поведения и механизмах контроля за их соблюдением.

В связи с этим возникает вопрос о допустимых пределах такого участия: где заканчивается легитимное экспертное и нормативное влияние транснациональных акторов и начинается осуществление регуляторных функций, традиционно связанных с государственной компетенцией? Цель настоящего исследования заключается в определении этих пределов и обосновании международно-правовых рамок участия негосударственных акторов в формировании глобального режима кибербезопасности.

Для достижения данной цели рассматриваются государственно-центричная модель регулирования, представленная документами России, Китая и Шанхайской организации сотрудничества, и многосторонняя модель, реализуемая в инициативах Microsoft, CyberPeace Institute и Paris Call. Основной тезис исследования состоит в том, что участие транснациональных акторов может способствовать конкретизации и развитию кибернорм, однако не должно подменять государственную компетенцию по формированию международно-правовых обязательств.

Основная часть

Государственный суверенитет как основа регулирования киберпространства

Формирование глобального режима кибербезопасности происходит в условиях сосуществования двух взаимосвязанных тенденций. С одной стороны, государства стремятся сохранить за собой определяющую роль в установлении правил поведения в информационном пространстве, рассматривая кибербезопасность как продолжение своей суверенной компетенции. С другой стороны, специфика цифровой среды объективно расширяет участие корпораций, международных неправительственных организаций, технического сообщества и иных негосударственных акторов в выработке соответствующих стандартов. Поэтому вопрос о пределах регуляторного суверенитета в киберпространстве предполагает прежде всего определение того, какое место в данном процессе сохраняется за государством.

Государственно-центричная модель наиболее последовательно выражена в подходах России и Китая. Показательным является представленный ими совместно с Таджикистаном и Узбекистаном в 2011 г. в ООН проект Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности. Документ исходит из необходимости формирования международных правил поведения в информационном пространстве, однако связывает их разработку с принципом суверенного равенства государств. В частности, в нём подчёркивается необходимость уважения суверенных прав и юрисдикции государств в отношении информационного пространства на своей территории [Правила…, 2011, www]. Тем самым международное регулирование не противопоставляется государственному суверенитету: напротив, предполагается, что именно государства являются основными субъектами определения содержания международных правил.

Такая конструкция имеет принципиальное значение. Предлагаемый Россией и Китаем подход не сводится к требованию предоставить государствам абсолютную свободу действий в киберпространстве. Проект Кодекса одновременно предусматривает обязанность государств воздерживаться от использования информационно-коммуникационных технологий для действий, направленных на подрыв политической, экономической и социальной стабильности других государств [Правила…, 2011, www]. Следовательно, суверенитет здесь выступает не как отсутствие международных ограничений, а как принцип, определяющий субъектный состав и пределы международного регулирования.

Аналогичная логика прослеживается в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности 2009 г. рассматривает информационную безопасность как сферу межгосударственного сотрудничества, связывая её с уважением государственного суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела [Соглашение…, 2009, www]. В результате складывается модель, в которой международные правила должны вырабатываться посредством согласования воли государств, а не посредством передачи регуляторной компетенции внешним участникам.

При этом значение суверенитета в киберпространстве не ограничивается политической позицией отдельных государств. В международно-правовой доктрине продолжается дискуссия о том, каким образом традиционный принцип суверенитета применяется к цифровой среде. *Tallinn Manual 2.0* рассматривает суверенитет в качестве одного из центральных принципов международного права, применимых к кибероперациям. В Правиле 4 сформулировано положение: «Государство не должно проводить кибероперации, нарушающие суверенитет другого государства» [Schmitt, Tallinn Manual…, 2017, 17]. Эксперты связывают возможное нарушение суверенитета, в частности, со степенью воздействия на территориальную целостность государства либо с вмешательством в его сугубо государственные функции [Schmitt, Tallinn Manual…, 2017, 19].

При этом положения *Tallinn Manual 2.0* следует рассматривать с учётом их доктринального, а не договорного характера. Документ представляет собой результат работы международной группы экспертов и не является международным договором или официальным актом государств. Кроме того, в международно-правовой литературе сохраняются разногласия относительно содержания и юридической природы запрета нарушения суверенитета в киберпространстве. Одни авторы рассматривают суверенитет как самостоятельную норму, способную непосредственно ограничивать определённые кибероперации государств, тогда как другие указывают на недостаточность государственной практики и *opinio juris* (мнения права) для признания

такого запрета в качестве самостоятельной нормы международного права [Schmitt, Tallinn Manual…, 2017, 3]. Поэтому *Tallinn Manual 2.0* скорее отражает продолжающийся процесс конкретизации применимых к киберпространству международно-правовых принципов, чем фиксирует окончательно сложившееся содержание соответствующих норм.

Именно в этом контексте особое значение приобретает позиция Шмитта и Вихула, которые подчёркивают, что развитие трансграничных цифровых технологий не устраняет суверенитет как основу международного правопорядка. Как отмечают авторы, «Глобализация не покорила суверенитет » [Schmitt, Sovereignty in Cyberspace…, 2017, 213]. Вместе с тем сохранение суверенитета не означает существования заранее определённой и исчерпывающей границы допустимого поведения в цифровой среде. Напротив, необходимо устанавливать, какие именно действия способны затрагивать суверенные права государства и каким образом традиционные принципы международного права применяются к новым формам цифрового взаимодействия [Schmitt, Sovereignty in Cyberspace…, 2017, 218]. Суверенитет в данном случае выступает не только ограничением деятельности других субъектов, но и исходной правовой рамкой, внутри которой продолжается формирование международных правил поведения в киберпространстве.

Такой подход непосредственно выводит к вопросу о роли негосударственных акторов в данном процессе. Если содержание и пределы суверенитета в киберпространстве продолжают конкретизироваться, то участие корпораций, МНПО и других транснациональных субъектов в выработке соответствующих стандартов неизбежно приобретает нормативное значение. Однако фактическая способность таких акторов влиять на содержание правил не означает возникновения у них самостоятельной международно-правовой компетенции. Поэтому принципиальное значение приобретает разграничение двух категорий: влияния на формирование и конкретизацию нормативных стандартов и юридической компетенции по установлению обязательных международных правил.

Транснациональные акторы и формирование нормативных стандартов

Развитие цифровой среды одновременно существенно ограничивает возможности исключительно межгосударственного подхода. Государства обладают международно-правовой компетенцией, однако значительная часть инфраструктуры и технологической экспертизы находится за пределами государственного сектора. Транснациональные технологические корпорации непосредственно обеспечивают функционирование программного обеспечения, облачных сервисов, сетевой инфраструктуры и цифровых платформ. Международные неправительственные организации, в свою очередь, проводят исследования, разрабатывают рекомендации, участвуют в международных форумах и предлагают механизмы мониторинга и оценки поведения участников киберпространства. Поэтому их фактическое влияние на содержание кибернорм оказывается значительно шире традиционного консультативного участия.

Показательным примером является инициатива Microsoft по созданию Digital Geneva Convention. В 2017 г. президент компании Брэд Смит предложил государствам разработать международные правила, направленные на защиту гражданского населения от кибератак. При этом Microsoft прямо обращалась к государствам с призывом установить международные правила, а технологическому сектору предлагала принять собственные обязательства. Компания характеризовала предполагаемую роль частного сектора как своего рода «Digital Switzerland» – нейтрального участника, способствующего защите пользователей и инфраструктуры [Smith, 2017, www].

Юридически данная инициатива интересна именно сочетанием межгосударственного и негосударственного компонентов. Microsoft не предлагала полностью заменить

государственный механизм заключения международных соглашений корпоративными решениями. Напротив, исходная концепция предполагала принятие государствами международных обязательств, одновременно дополняемых добровольными обязательствами технологических компаний [Smith, 2017, www]. Тем самым корпорация выступала не только как субъект экономической деятельности, но и как инициатор нормативной дискуссии о допустимых способах поведения государств и частного сектора.

При этом сама способность корпорации инициировать подобную дискуссию показывает изменение традиционной структуры международного нормотворчества. Если содержание международных правил ранее преимущественно определялось посредством дипломатических переговоров, то в цифровой сфере технологические компании обладают ресурсами и специальными знаниями, позволяющими им формулировать предложения, которые затем могут становиться предметом более широкого международного обсуждения. Однако нормативное влияние такого субъекта не следует автоматически приравнивать к международно-правовой нормотворческой компетенции. Инициатива Microsoft получила значение прежде всего как политико-нормативное предложение, тогда как юридически обязательные международные обязательства государств по-прежнему требуют соответствующей формы согласия государств.

Более широкую модель участия негосударственных акторов представляет деятельность CyberPeace Institute. В заявлении о значении участия заинтересованных сторон в процессе Рабочей группы открытого состава ООН организация подчёркивает, что бизнес, неправительственные организации и академическое сообщество способны вносить содержательный вклад в работу государств. Среди возможных направлений называются исследования, предоставление экспертных рекомендаций, содействие подотчётности, мониторинг и развитие механизмов управления в сфере кибербезопасности [CyberPeace Institute, 2021, www]. При этом сама РГОС была учреждена как межгосударственный механизм, а участие других заинтересованных сторон осуществляется в предусмотренных рамках взаимодействия с государствами [CyberPeace Institute, 2021, www].

Именно здесь становится заметным качественное отличие между технической экспертизой и нормативным воздействием. Предоставление государствам информации о киберугрозах или предложение технических стандартов относительно легко совместить с традиционной межгосударственной моделью. Напротив, участие негосударственных организаций в мониторинге поведения государств, формировании механизмов подотчётности или оценке соблюдения норм приближает их деятельность к функциям, традиционно ассоциируемым с публичным регулированием. Поэтому сам факт расширения участия заинтересованных сторон ещё не означает возникновения у них международно-правовой компетенции.

В этом контексте показательна и инициатива Paris Call for Trust and Security in Cyberspace, запущенная в 2018 г. Она непосредственно основана на многосторонней модели и предполагает совместное участие государств, частного сектора и организаций гражданского общества. В документе подчёркивается, что улучшение безопасности и стабильности киберпространства является «общей ответственностью широкого круга участников из всех секторов» [Paris Call, 2018, www]. Одновременно Paris Call подтверждает применимость международного права к деятельности государств в киберпространстве и поддерживает добровольные нормы ответственного поведения государств, выработанные в рамках ООН [Paris Call, 2018, www].

Таким образом, Paris Call демонстрирует принципиально важную для современного киберуправления конструкцию: многостороннее участие не обязательно означает отказ от государственно-центричной системы международного права. Напротив, негосударственные

акторы могут участвовать в конкретизации и практической реализации общих принципов, не приобретая вследствие этого статуса самостоятельных субъектов международного нормотворчества. Сам Paris Call имеет характер необязательной декларации, что подчёркивает различие между политико-нормативным воздействием и юридически обязательными международными обязательствами [Paris Call, 2018, www].

Пределы участия транснациональных акторов

Сопоставление рассмотренных подходов позволяет выделить несколько уровней участия негосударственных акторов в формировании глобального режима кибербезопасности. На первом уровне находятся экспертная деятельность и разработка технических стандартов. Здесь участие корпораций, исследовательских организаций и МНПО обусловлено их специальной компетенцией и, как правило, не затрагивает государственную регуляторную автономию. На втором уровне находятся добровольные кодексы поведения, рекомендации и многосторонние инициативы, посредством которых негосударственные акторы уже непосредственно влияют на содержание нормативных ожиданий участников международных отношений. На третьем уровне возникает деятельность, связанная с мониторингом, оценкой соблюдения норм и формированием механизмов подотчётности. Именно этот уровень требует наиболее чёткого определения правовых оснований и пределов участия.

Ключевое различие здесь проходит между нормативным влиянием и установлением международно-правовых обязательств. Корпорация или МНПО может сформулировать стандарт, который впоследствии получит широкое признание, использовать его в собственной деятельности или предложить государствам принять его посредством международных механизмов. Однако сама по себе широкая распространённость такого стандарта не превращает его автоматически в норму международного права. Его юридический статус определяется способом формирования, признанием государствами и соответствующими источниками международного права.

Такое разграничение позволяет избежать двух крайностей. Первая состоит в исключении негосударственных акторов из процессов глобального киберуправления, что не соответствует технологической и институциональной структуре современного киберпространства. Вторая заключается в признании за корпорациями и МНПО самостоятельной регуляторной компетенции только на основании их технического опыта, экономического значения или фактического влияния. Ни наличие инфраструктурных ресурсов, ни экспертный авторитет сами по себе не создают международно-правовой полномочности устанавливать обязательные правила поведения государств.

При этом принцип невмешательства во внутренние дела также требует точного применения. Классически он регулирует отношения между государствами и не может механически переноситься на деятельность частной корпорации или неправительственной организации. Поэтому неправомерно характеризовать любое нормативное предложение МНПО как «вмешательство» только потому, что оно касается внутренней политики государства. Юридическая проблема возникает иначе: когда негосударственный субъект посредством своих стандартов, механизмов оценки или контроля получает возможность фактически подменять государственные процедуры принятия решений либо воздействовать на осуществление исключительных государственных функций.

В этом отношении подход, основанный на разграничении компетенций, представляется более продуктивным. Международно-правовые рамки участия транснациональных акторов могли бы исходить из презумпции допустимости их экспертного и консультативного участия при

сохранении за государствами исключительной компетенции по формированию международно-правовых обязательств. Добровольные стандарты, кодексы поведения и технические рекомендации могут выполнять функцию промежуточного нормативного механизма: они способны формировать единые ожидания и впоследствии влиять на государственную практику, однако их юридическая обязательность не должна презюмироваться.

Подобное разграничение соответствует и логике современных многосторонних инициатив. Paris Call, например, прямо сочетает участие негосударственных акторов с признанием того, что международное право и нормы ответственного поведения государств остаются основой международной безопасности в киберпространстве [Paris Call, 2018, www]. Аналогичным образом участие заинтересованных сторон в процессе РГОС осуществляется в рамках механизма, созданного государствами, а не вместо него [CyberPeace Institute, 2021, www]. Даже корпоративная инициатива Microsoft по Digital Geneva Convention первоначально была ориентирована на принятие международных правил именно государствами, одновременно предполагая самостоятельные добровольные обязательства технологического сектора [Smith, 2017, www].

В результате формируется модель, в которой регуляторное значение негосударственных акторов определяется не их способностью самостоятельно создавать международное право, а возможностью конкретизировать, распространять и обеспечивать практическую реализацию нормативных стандартов. Граница между этими функциями и государственной компетенцией приобретает особое значение именно потому, что киберпространство соединяет публичную власть с частной инфраструктурой и транснациональными технологическими процессами.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что формирование глобального режима кибербезопасности происходит на пересечении двух взаимосвязанных процессов. С одной стороны, государственный суверенитет сохраняет значение фундаментального принципа международно-правового регулирования киберпространства. Подходы России и Китая, закреплённые в предложенном ими Международном кодексе поведения в сфере информационной безопасности, а также механизмы сотрудничества в рамках ШОС демонстрируют стремление сохранить за государствами определяющую роль в установлении международных правил. С другой стороны, специфика цифровой среды обусловливает объективную необходимость участия корпораций, МНПО и иных негосударственных акторов в разработке технических и нормативных стандартов.

Рассмотренные инициативы Microsoft, CyberPeace Institute и Paris Call показывают, что транснациональные акторы уже оказывают существенное влияние на содержание глобальных кибернорм. Их участие позволяет учитывать технологическую экспертизу, особенности функционирования цифровой инфраструктуры и практические механизмы обеспечения безопасности. Вместе с тем такое влияние не должно отождествляться с самостоятельной международно-правовой нормотворческой компетенцией. Как показывает дискуссия о применении суверенитета в киберпространстве, сами пределы соответствующей регуляторной компетенции государств продолжают конкретизироваться.

В связи с этим оптимальной представляется модель, при которой негосударственные акторы получают возможность участвовать в экспертной деятельности, разработке добровольных стандартов, конкретизации норм ответственного поведения и механизмах их практической

реализации, тогда как установление международно-правовых обязательств сохраняется за государствами. Международно-правовое регулирование должно, таким образом, не исключать транснациональное участие, а определять его пределы и формы. Такой подход позволяет совместить преимущества многостороннего киберуправления с сохранением государственного суверенитета и принципа невмешательства во внутренние дела.

Библиография

1. Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности: приложение к письму постоянных представителей Китая, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при Организации Объединенных Наций от 12 сентября 2011 года на имя Генерального секретаря. A/66/359. 14 сентября 2011 г. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n11/496/58/pdf/n1149658.pdf (дата обращения: 10.09.2026).
2. Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 16 июня 2009 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50243/ (дата обращения: 10.09.2026).
3. CyberPeace Institute. Statement on the value of multistakeholder engagement in the OEWG process (2021-2025) [Электронный ресурс]. 13 декабря 2021 г. URL: https://cyberpeaceinstitute.org/news/engagement-oewg-process-2021-2025/ (дата обращения: 10.09.2026).
4. Paris Call for Trust and Security in Cyberspace [Электронный ресурс]. Paris Peace Forum, 10-11 ноября 2018 г. URL: https://parispeaceforum.org/initiatives/paris-call-for-trust-and-security-in-cyberspace/ (дата обращения: 10.09.2026).
5. Schmitt M. N., Vihul L. Sovereignty in Cyberspace: Lex Lata Vel Non? // AJIL Unbound. 2017. Vol. 111. P. 213-218. DOI: 10.1017/aju.2017.55.
6. Smith B. The need for a Digital Geneva Convention // Microsoft On the Issues. 14 февраля 2017 г. URL: https://blogs.microsoft.com/on-the-issues/2017/02/14/need-digital-geneva-convention/ (дата обращения: 10.09.2026).
7. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations / gen. ed. M. N. Schmitt. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 598 p.

The Limits of Regulatory Sovereignty of States and Transnational Actors in Shaping the Global Cybersecurity Regime

Igor' V. Bashkin

Postgraduate Student,
Slavic-Greek-Latin Academy,
105005, 22, Radio str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 4-ch@bk.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the limits of participation of transnational non-state actors in shaping the global cybersecurity regime in the context of the continuing significance of state sovereignty. The conflict between state-centric and multilateral models of cyberspace regulation is examined. The first is analyzed on the example of the approaches of Russia and China, reflected in the International Code of Conduct for Information Security proposed by them and in the documents of the Shanghai Cooperation Organization. The second is considered through Microsoft's initiatives to create a "Digital Geneva Convention," the activities of the CyberPeace Institute, and multilateral initiatives such as the Paris Call. It is substantiated that the participation of corporations, international non-governmental organizations, and other stakeholders is capable of significantly

influencing the content of technical standards, principles, and mechanisms of responsible behavior, yet such influence is not identical to the exercise of international legal regulatory authority. It is concluded that it is necessary to distinguish between the expert and normative participation of transnational actors and the state competence to establish international legal obligations. It is proposed to consider the international legal framework of such participation as a condition for the compatibility of multilateral cyber governance with the principles of state sovereignty and non-interference in internal affairs.

For citation

Bashkin I.V. (2026) Predely regulyatornogo suvereniteta gosudarstv i transnatsional'nykh aktorov v formirovanii global'nogo rezhima kiberbezopasnosti [The Limits of Regulatory Sovereignty of States and Transnational Actors in Shaping the Global Cybersecurity Regime]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (8A), pp. 456-464. 10.34670/AR.2026.52.79.005

Keywords

State sovereignty, cybersecurity, cyberspace, international information law, transnational actors, non-state actors, multilateral governance, international norm-making, norms of responsible behavior, non-interference in internal affairs.

References

1. CyberPeace Institute. Statement on the value of multistakeholder engagement in the OEWG process (2021-2025) [website]. 13 December 2021. URL: https://cyberpeaceinstitute.org/news/engagement-oewg-process-2021-2025/ (date of access: 10.09.2026).
2. Paris Call for Trust and Security in Cyberspace [website]. Paris Peace Forum, 10-11 November 2018. URL: https://parispeaceforum.org/initiatives/paris-call-for-trust-and-security-in-cyberspace/ (date of access: 10.09.2026).
3. Pravila povedeniya v oblasti obespecheniya mezhdunarodnoy informatsionnoy bezopasnosti [International Code of Conduct for Information Security]: Annex to the letter dated 12 September 2011 from the Permanent Representatives of China, the Russian Federation, Tajikistan and Uzbekistan to the United Nations addressed to the Secretary-General. A/66/359. 2011. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n11/496/58/pdf/n1149658.pdf (date of access: 10.09. 2026).
4. Schmitt M. N., Vihul L. Sovereignty in Cyberspace: Lex Lata Vel Non? // AJIL Unbound. 2017. Vol. 111. P. 213-218. DOI: 10.1017/aju.2017.55.
5. Smith B. The need for a Digital Geneva Convention // Microsoft On the Issues. 14 February 2017. URL: https://blogs.microsoft.com/on-the-issues/2017/02/14/need-digital-geneva-convention/ (date of access: 10.09.2026).
6. Soglashenie mezhdu pravitel'stvami gosudarstv-chlenov Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva o sotrudnichestve v oblasti obespecheniya mezhdunarodnoy informatsionnoy bezopasnosti [Agreement between the Governments of the Member States of the Shanghai Cooperation Organisation on Cooperation in Ensuring International Information Security]. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 2009. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50243/ (date of access: 10.09.2026).
7. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations / gen. ed. M. N. Schmitt. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 598 p.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

1) заголовок (название) статьи;

2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);

3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;

4) аннотация (авторское резюме);

5) ключевые слова;

6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;

7) список использованной литературы в алфавитном порядке;

8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

– информативной (не содержать общих слов);

– оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);

– содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);

– структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);

– «англоязычной» (написанной качественным английским языком);

– **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (**www.translit.ru**, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

– книги;

– статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;

– диссертации и авторефераты;

– нормативные акты;

– электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

– архивы;

– неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 или http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои корректировки, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 an 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

– informative (be free of common words);

– original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);

– substantive (to reflect the main content of an article and research results);

– structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);

– "English-speaking" (written in high-grade English);

– **volume from 150 to 250 words**.

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauch-nyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 or http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Cultorology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.